

ДЭН
СИММОНС

ПЯТОЕ
СЕРДЦЕ

Роман

АЗБУКА

18+

Annotation

Впервые на русском – новейший роман современного классика Дэна Симмонса, своего рода завершение условной трилогии, начатой романами «Террор» и «Друд, или Человек в черном». Итак, путешествующий инкогнито после своей «смерти» в Рейхенбахском водопаде Шерлок Холмс встречается в Париже американского писателя Генри Джеймса – современного классика, автора таких книг, как «Женский портрет», «Бостонцы», «Поворот винта». Тот узнает знаменитого сыщика, несмотря на всю маскировку, – и оказывается вовлечен в орбиту его нового расследования. Вместе с Холмсом Джеймс отправляется в Америку, где не был много лет; мастер слова должен помочь отцу дедуктивного метода разгадать тайну смерти Кловер Адамс, жены историка Генри Адамса (наследника династии, уже давшей Америке двух президентов), а также ответить на вопрос, мучающий Холмса последние несколько лет: а не вымышленный ли он персонаж?..

- [Дэн Симмонс](#)
  -
  -
  - [Часть первая](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)
    - [Глава 14](#)
    - [Глава 15](#)
    - [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Часть вторая](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
- [Часть третья](#)
  - [Глава первая](#)
  - [Глава вторая](#)
  - [Глава третья](#)
  - [Глава четвертая](#)
  - [Глава пятая](#)
  - [Глава шестая](#)
  - [Глава седьмая](#)
  - [Глава восьмая](#)
  - [Глава девятая](#)
  - [Глава десятая](#)
- [Часть четвертая](#)
  - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [Эпилог](#)
- [Благодарности](#)
- [Примечания](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)

- [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
-

Дэн Симмонс

Пятое сердце

Эта книга посвящается Ричарду Кертису, бесценному литагенту и дорогому другу, который разделяет мою любовь к бейсболу и мистеру Генри Джеймсу

Dan Simmons
THE FIFTH HEART
Copyright © 2014 by Dan Simmons

© Е. Доброхотова-Майкова, перевод, примечания, 2016
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

* * *

Если какой автор и вызывает у меня восторженную оторопь, так это Дэн Симмонс.

Стивен Кинг

Дэн Симмонс возвышается над современными писателями подобно гиганту.

Линкольн Чайлд

«Пятое сердце» – книга, в которую можно погрузиться с головой. Добрый старый детектив, уютный и обстоятельный, но повернутый в современном ракурсе.

Guardian

Симмонс превосходно ориентируется в холмсовском каноне

и выстраивает на его фундаменте свое оригинальное здание.

Publishers Weekly

Большой роман во всех смыслах слова... Симмонс не теряет интереса читателя ни на миг.

Sherlock Holmes Society

Часть первая

Глава 1

Дождливым мартом 1893 года по причине, никому не ведомой (главным образом потому, что никто, кроме нас, об этой истории не знает), проживающий в Лондоне американский писатель Генри Джеймс решил провести свой день рождения, пятнадцатое апреля, в Париже и там, в самый день рождения либо накануне, покончить с собой, утопившись в Сене.

Я могу сообщить вам, что Джеймс той весной находился в глубокой депрессии, но не могу сказать, почему именно. Разумеется, он пережил кончину близкого человека: годом раньше, 6 марта 1892-го, умерла от рака груди его сестра Алиса, однако для нее нездоровье много десятилетий было образом жизни, а страшный диагноз стал надеждой на избавление. Как призналась Алиса своему брату Генри, смерть ей давно желанна. Сам Генри, по крайней мере в письмах к друзьям и родным, выражал полное согласие с такими настроениями сестры, вплоть до того, что описал, как очаровательно выглядело ее мертвое тело.

Быть может, не задокументированная хронистами депрессия усиливалась тем, что в предшествующие годы книги Джеймса продавались довольно плохо: «Бостонцы» и «Княгиня Казамассима», написанные в 1886-м и вдохновленные медленным умиранием Алисы, а также ее «бостонским браком» с Катариной Лоринг, провалились и в Англии, и в Америке. Поэтому к 1890 году Джеймс начал писать для театра. Хотя его инсценировка «Американца» имела лишь умеренный успех, да и то не в Лондоне, а в провинции, он уверил себя, что именно театр принесет ему богатство. Однако уже к началу 1893-го Джеймс начал осознавать, что льстился несбыточными надеждами. Прежде чем роль эта отошла Голливуду, именно английский театр притягивал к себе литераторов, которые – подобно Генри Джеймсу – понятия не имели, как написать успешную пьесу для широкой публики.

Биографы лучше поняли бы эту внезапную глубокую депрессию, случись она не в марте 1893-го, а весной 1895-го, когда Джеймса, неосторожно вышедшего на поклон после лондонской премьеры «Гая Домвилла», ошарашивает и освищет публика. Люди, заплатившие за билеты (в отличие от светских дам и джентльменов, которым Джеймс пошлет контрамарки), не читавшие его романов и даже не слышавшие о нем как о литераторе, будут свистеть и шикать, исходя из достоинств самой пьесы. А

«Гай Домвилл» будет очень, очень плохой пьесой.

Даже раньше, всего год спустя, когда в январе 1894 года его приятельница Констанция Фенимор Вулсон выбросится из окна венецианского дома (возможно, потому, что Генри Джеймс не приедет к ней в Венецию, как обещал), писатель впадет в страшную депрессию, усиленную чувством собственной вины.

К концу 1909 года стареющего Джеймса настигнет еще более глубокая депрессия – настолько глубокая, что его старший (и умирающий от болезни сердца) брат Уильям пересечет Атлантику, чтобы буквально держать Генри за руку в Лондоне. В те годы Генри Джеймс будет оплакивать «сокрушительно низкие продажи» так называемого Нью-Йоркского собрания своих трудов, на которое потратит пять лет, переписывая длинные романы и снабжая каждый пространством предисловием.

Впрочем, в марте 1893-го до этой последней депрессии оставалось шестнадцать лет. Мы не знаем, чем именно Джеймс был удручен в ту весну и почему внезапно решил, что покончить с собой в Париже – единственный для него выход.

Одной из причин мог стать тяжелый приступ подагры, который Джеймс пережил холодной английской зимой 1892/93 года, – тогда он вынужден был отказаться от ежедневного моциона и еще больше располнел. А возможно, дело было просто в том, что в апреле ему исполнялось пятьдесят – рубеж, вгонявший в тоску и более сильные натуры.

Мы никогда не узнаем.

Однако мы знаем, что именно с этой депрессии – и вызванного ею намерения свести счеты с жизнью, утопившись в Сене пятнадцатого апреля либо раньше, – начинается наша история. Итак, в середине марта 1893 года Генри Джеймс (он перестал добавлять к фамилии «младший» вскоре после смерти своего отца в 1882 году) написал из Лондона родным и друзьям, что задумал «немного отдохнуть от ежедневных сочинительских трудов и встретить весну, а равно мой полувековой юбилей в солнечном Париже, прежде чем присоединиться к брату Уильяму и его семье во Флоренции». Но писатель не собирался в конце апреля ехать во Флоренцию.

Упаковав табакерку с краденым прахом сестры Алисы, Джеймс сжег письма от мисс Вулсон и нескольких знакомых молодых людей, вышел из чисто прибранной квартиры в Девир-Гарденз, сел на поезд, проходящий к пакетботу в Шербур, и прибыл в Город Света вечером следующего дня – более сырого и холодного, чем даже в стылom мартовском Лондоне.

Он поселился в гостинице «Вестминстер» на Рю-де-ля-Пэ, где как-то

пробыл месяц, сочиняя рассказы, в том числе своего любимого «Ученика». Впрочем, слово «поселился» в данном случае не вполне уместно: писатель не имел намерения провести в гостинице несколько недель до своего дня рождения, к тому же плата за номер в «Вестминстере» была по его нынешним стесненным обстоятельствам чрезмерно высока. Он даже не стал распаковывать чемодан, поскольку не планировал прожить еще ночь – здесь, да и вообще на земле, поскольку внезапно решил не тянуть с принятым решением.

После прогулки по сырым и холодным садам Тюильри и одинокого обеда (он не стал искать встречи с парижскими друзьями или гостящими в городе знакомцами) Генри Джеймс выпил последний бокал вина, надел шерстяное пальто, убедился, что запечатанная табакерка по-прежнему в кармане, и, стуча по мокрым камням бронзовым наконечником закрытого зонта, зашагал сквозь тьму и морозящий дождь к избранному месту близ Пон-Нёф – Нового моста. Даже неспешной походкой корпулентного джентльмена дотуда было меньше десяти минут ходьбы.

Величайший мастер слова не оставил предсмертной записки.

Глава 2

Место, где Джеймс наметил расстаться с жизнью, располагалось всего лишь в шестидесяти ярдах от широкого, ярко освещенного Пон-Нёф, но здесь, под мостом, было темно, и еще темнее – на нижнем ярусе набережной, где черная холодная Сена плескала о замшелые камни. Даже днем это место бывало почти безлюдным. Джеймс знал, что иногда здесь стоят проститутки, но не в такую промозглую мартовскую ночь, – сегодня они держались ближе к своим гостиницам на Пляс-Пигаль или отлавливали клиентов в узких улочках по обе стороны сияющего огнями бульвара Сен-Жермен.

К тому времени, как Джеймс, стуча зонтиком, добрался до стрелки набережной, которую присмотрел при свете дня, – она была в точности такой, какой он запомнил ее по прошлым визитам в Париж, – стемнело уже настолько, что он не видел, куда идет. Дождь украсил фонари на другом берегу Сены ироническими нимбами. Барж и катеров почти не было. Джеймсу пришлось нащупывать последние ступени зонтом, как слепому – тростью. Лужи и усилившийся дождь отчасти приглушали скрип колес и стук копыт на мосту, так что привычные звуки казались далекими и отчасти даже нереальными.

Джеймс скорее ощущал, слышал и обонял огромность реки, нежели видел ее в кромешном мраке. Лишь когда наконечник зонта, не найдя мостовую, завис над пустотой, Джеймс замер на узком конце стрелки. Он знал, что дальше ступеней нет, лишь шести- или семифутовый обрыв к стремительной черной воде. Еще шаг – и со всем будет покончено.

Джеймс достал из внутреннего кармана табакерку слоновой кости и погладил ее пальцами. Движение это напомнило ему прошлогоднюю заметку в «Таймс», где утверждалось, что эскимосы не создают украшений для глаз, но обтачивают камешки, чтобы радовать осязание в долгие месяцы северной зимы. Мысль вызвала у Джеймса улыбку. Он чувствовал, что для него северная зима оказалась чересчур долгой.

Когда год назад в крематории он украл несколько щепоток Алисиного праха – Катарина Лоринг меж тем ждала сразу за дверью, чтобы забрать урну в Кембридж и похоронить на кладбище, где у Джеймсов был свой уголок, – то искренне собирался развеять его там, где младшая сестра была всего счастливее. Однако шли месяцы, и Джеймс все яснее осознавал неисполнимость этой идиотской миссии. *Где?* Он помнил хрупкое счастье

Алисы, когда они оба были куда младше и путешествовали по Швейцарии с тетусшкой Кейт, дамой основательной и склонной все трактовать буквально, как гамлетовский могильщик. За недели вдали от семьи и американского дома предрасположенность Алисы к нервической болезни, уже тогда довольно выраженная, заметно ослабела – так что поначалу Джеймс думал отправиться в Женеву, где они вместе хохотали и состязались в остроумии, в то время как бедная тетусшка Кейт не понимала их иронической словесной игры, весело подтрунивали друг над другом и над тетусшкой, прогуливаясь по регулярным садам и променадам у озера.

Однако в конце концов Джеймс решил, что Женева – место для задуманного не вполне правильное. В той поездке Алиса лишь разыгрывала выздоровление от болезни, а он, в свою очередь, разыгрывал соучастие в ее хрупкой радости.

В таком случае – участок под Ньюпортом, где Алиса выстроила свой домик и прожила год, внешне совершенно здоровая и всем довольная.

Нет. То было начало ее дружбы с мисс Лоринг, а за месяцы, прошедшие с похорон сестры, Джеймс ощущал все острее, что мисс Катарина П. Лоринг и без того занимала в жизни Алисы непомерно большое место.

В итоге он так и не придумал, где развеять эти жалкие щепотки пепла. Может быть, Алиса была близка к счастью лишь в ньюпортские, а затем кембриджские месяцы или годы до того, что назвала «ужасным летом», когда, 10 июля 1878 года, их старший брат Уильям обвенчался с Алисой Гиббенс. Много лет сам Уильям, ее отец, ее брат Гарри, братья Боб и Уилки, а также бесчисленные гости шутили, что Уильям женится на ней, Алисе. Она всегда сердилась на дежурную шутку, но теперь – после долгих лет ее самовнушенной болезни, а затем и смерти – Генри Джеймс осознал, что Алиса отчасти поверила в свой брак с Уильямом и была совершенно раздавлена, когда он женился на другой – на девушке, по жестокой иронии судьбы тоже носившей имя Алиса.

Как сестра однажды сказала Генри Джеймсу, в то лето, когда Уильям женился, она «погрузилась в морскую бездну и темные волны за клубились над ее головой».

Так что в эту последнюю ночь он решил, что просто сожмет в руках табакерку с останками несбывшегося Алисиного бытия и вместе с нею шагнет в черные воды забвения. Джеймс знал, что должен загасить писательское воображение и не гадать, будет ли река обжигающе холодной и не станет ли он – понуждаемый атавистической жаждой жизни в тот миг, когда грязная вода Сены хлынет в его легкие, – барахтаться в отчаянной

попытке доплыть до отвесного замшелого уступа.

Нет, думать надо об одном: о том, что боль останется позади. Полностью очистить мозг – задача, которая никогда ему не давалась.

Джеймс занес ногу над пустотой.

И внезапно понял, что черный силуэт, который он принимал за столб, – на самом деле человек, стоящий менее чем в двух футах от него. Теперь Джеймс видел лицо с орлиным профилем, отчасти скрытое низко надвинутой мягкой шляпой и поднятым воротником дорожного плаща с пелериной, более того, слышал даже дыхание незнакомца.

* * *

Сдавленно вскрикнув, Джеймс неловко сделал шаг назад и в сторону.

– *Pardonnez-moi, Monsieur. Je ne vous ai pas vu là-bas,*^[1] – выговорил он, ничуть не покривив душой, так как и впрямь поначалу не заметил этого человека.

– Вы англичанин, – произнес высокий силуэт.

В его английском явственно слышался скандинавский акцент. Шведский? Норвежский? Джеймс не мог определить точно.

– Да. – Джеймс повернулся к ступеням, чтобы идти прочь.

И в это время мимо прошел редкий для такого времени «Бато Муш», парижский речной трамвай; яркие фонари на его правом борту выхватили из тьмы лицо высокого незнакомца.

– Мистер Холмс! – невольно вырвалось у Джеймса.

От неожиданности он попятился. Его левый каблук навис над пустотой, и неудачливый самоубийца все же оказался бы в реке, если бы высокий джентльмен с быстротой молнии не ухватил его за грудки и рывком не втащил обратно на стрелку.

Назад к жизни.

– Как вы меня назвали? – спросил незнакомец, по-прежнему крепко держа Джеймса за пальто. Скандинавский акцент совершенно исчез. Голос был отчетливо культурный английский, и никакой больше.

– Приношу извинения, – запинаясь, проговорил Джеймс. – Видимо, я обознался. Простите, что нарушил ваше одиночество.

Произнося эти слова, Генри Джеймс не только знал, что перед ним именно Холмс – хотя волосы у высокого англичанина были темнее и гуще, чем в их прошлую встречу (тогда они лежали прилизанными, сейчас жестко топорщились), над верхней губой появились пышные усы, а форма

носа слегка изменилась за счет актерской мастики или чего-то в таком роде, – он не менее отчетливо понимал и другое: за миг до его появления из тьмы, о котором возвестило мерное постукивание зонтика, детектив и сам намеревался броситься в Сену.

Генри Джеймс чувствовал себя по-дурацки, однако, раз увидев лицо и услышав фамилию, он запоминал их на всю жизнь.

Он попытался было шагнуть прочь, но сильные пальцы по-прежнему держали его за пальто.

– Как вы меня назвали? – требовательно повторил высокий джентльмен. Тон его был холоден, как сталь на морозе.

– Я принял вас за человека, с которым однажды встретился. Его звали Шерлок Холмс, – выдавил Джеймс, мечтая об одном: очутиться в постели в своей комфортабельной гостинице на Рю-де-ля-Пэ.

– Где мы встречались? – спросил джентльмен. – Кто вы?

Джеймс ответил лишь на второй вопрос:

– Меня зовут Генри Джеймс.

Во внезапной панике он едва не добавил давно отброшенное «младший».

– Джеймс, – повторил мистер Шерлок Холмс. – Младший брат великого психолога Уильяма Джеймса. Вы – американский сочинитель, живущий по большей части в Лондоне.

Даже в смятении от физического контакта с другим человеком Джеймс почувствовал острую обиду: его назвали младшим братом «великого» Уильяма Джеймса. Пока старший брат в 1890 году не опубликовал свои «Основания психологии», его вообще не знали за пределами узкого гарвардского кружка. Книга, по неведомым Генри причинам, принесла Уильяму международную славу среди интеллектуалов и других исследователей человеческого разума.

– Соблаговолите немедленно меня отпустить, – произнес Джеймс самым суровым тоном, какой мог изобразить.

В ярости от чужого прикосновения он позабыл, что Холмс – а это определенно был Шерлок Холмс – только что спас ему жизнь. А может, спасение еще увеличило его счет к горбоносому англичанину.

– Скажите, где мы встречались, и отпущу, – ответил Холмс, все так же сжимая его лацканы. – Меня зовут Ян Сигерсон, я довольно известный норвежский путешественник.

– В таком случае тысяча извинений, сэр, – проговорил Джеймс, не чувствуя за собой и тени вины. – Я, очевидно, ошибся. На секунду в темноте мне почудилось, что вы – джентльмен, с которым я познакомился

четыре года назад на чайном приеме в Челси. Прием давала знакомая мне американка, миссис Т. П. О'Коннор. Я прибыл с леди Вулзли и другими членами литературного и театрального мира: мистером Обри Бердслеем, мистером Уолтером Безантом... Перл Крэги, Марией Корелли, мистером Артуром Конан Дойлом, Бернардом Шоу, Дженовьевой Уорд. Во время чаепития меня познакомили с гостем миссис О'Коннор, неким Шерлоком Холмсом. Теперь я вижу, что сходство... чисто поверхностное.

Холмс отпустил его.

– Да, теперь припоминаю. Я недолгое время жил в доме миссис О'Коннор, расследуя загадку пропажи драгоценностей. Украл, разумеется, слуга. Как оно всегда и оказывается.

Джеймс поправил лацканы пальто и галстук и крепко оперся на зонт, намереваясь без дальнейших слов покинуть общество Холмса.

Поднимаясь по ступеням, он с неприятным изумлением обнаружил, что Холмс идет рядом.

– Поразительно, – говорил высокий англичанин с легким йоркширским акцентом, который Джеймс слышал у него на чаепитии в 1889-м. – Я выбрал личину Сигерсона два года назад и с тех пор не раз встречал – при свете дня! – людей, которые прекрасно меня помнят. В Нью-Дели я десять минут простоял на площади в нескольких шагах от главного инспектора Сингха, с которым два месяца расследовал щекотливое убийство в Лахоре, и опытный полицейский даже не глянул на меня второй раз. Здесь, в Париже, я сталкивался с английскими знакомцами и спросил дорогу у давнего приятеля Анри-Огюста Лозе, недавно ушедшего на покой префекта французской полиции, вместе с которым распутал десятки дел. Лозе сопровождал новый префект Соммы Луи Лепин – с ним я тоже работал. Никто из них меня не признал. А вы признали. В темноте. Под дождем. Когда все ваши мысли были заняты самоубийством.

– Па-а-азвольте... – начал Джеймс.

От возмущения такой наглостью он даже остановился. Они поднялись уже на уровень улицы. Дождь немного ослабел, но фонари были по-прежнему окружены светящимися ореолами.

– Я никому не выдам вашу тайну, мистер Джеймс, – сказал Холмс.

Он пытался, несмотря на морось, закурить трубку. Когда спичка наконец вспыхнула, Джеймс еще явственнее увидел, что перед ним «частный сыщик-консультант», с которым его познакомили на чаепитии у миссис О'Коннор четыре года назад.

– Понимаете, – продолжал Холмс, выпуская изо рта дым, – я был здесь с той же целью, сэр.

Джеймс не мог придумать ответа. Он повернулся на каблуках и двинулся на запад. Длинноногий Холмс нагнал его в два шага.

– Нам надо куда-нибудь пойти, мистер Джеймс, выпить и перекусить.

– Я предпочту остаться один, мистер Холмс... мистер Сигерсон... или за кого еще вам угодно себя выдавать.

– Да, да, но нам нужно поговорить, – настаивал Холмс, ничуть не смущенный и не раздосадованный тем, что его разоблачили. Не чувствовалось в нем и смятения от неудавшегося самоубийства – настолько сыщик был зачарован проницательностью писателя, которого не обманула его измененная внешность.

– Нам абсолютно нечего обсуждать, – буркнул Джеймс, пытаясь ускорить шаг, что при его дородстве выглядело смешно и глупо, но отнюдь не помогало оторваться от высокого англичанина.

– Мы можем обсудить, почему вы пытались утопиться, крепко сжимая в правой руке табакерку с прахом вашей сестры Алисы, – сказал Холмс.

Джеймс замер. Лишь через мгновение ему удалось выговорить:

– Вы... не... можете... такого... знать.

– Однако я знаю, – ответил Холмс, все так же попыхивая трубкой. – И если вы присоединитесь ко мне за ужином с хорошим вином, я расскажу, откуда мне это известно и почему я уверен, что вы не осуществите сегодняшний мрачный замысел, мистер Джеймс. К тому же я как раз знаю чистое, ярко освещенное кафе, где мы сможем поговорить.

Он ухватил Джеймса за левый локоть, и так, под руку, они вышли на Авеню-дель-Опера. Негодование, изумление – а теперь еще и любопытство – Генри Джеймса были так сильны, что он больше не противился.

Глава 3

Хотя Холмс пообещал «ярко освещенное кафе», Джеймс ждал, что это окажется полутемная забегаловка в узком закоулке. Однако Холмс привел его в «Кафе де ля Пэ», очень близко к гостинице Джеймса на пересечении бульвара Капуцинов и Пляс-дель-Опера в Девятом округе Парижа.

«Кафе де ля Пэ» было одним из лучших заведений в городе; изысканностью убранства и числом зеркал с ним соперничала лишь Опера Шарля Гарнье на другой стороне площади. Джеймс знал, что кафе построили в 1862-м для постояльцев соседнего «Гранд-отель де ля Пэ» и что настоящая слава пришла к нему во время Всемирной выставки 1867 года. То было одно из первых парижских зданий с электрическим освещением, но – как будто сотен или тысяч электрических ламп мало – яркие газовые фонари с фокальными призмами по-прежнему бросали лучи света в огромные зеркала. Генри Джеймс десятилетиями сторонился этого места хотя бы потому, что – согласно расхожей парижской фразе – отобедать в «Кафе де ля Пэ» значило непременно столкнуться с друзьями и знакомыми, настолько оно было популярно. А Генри Джеймс предпочитал сам выбирать, где «сталкиваться» с приятелями.

Холмса будто вовсе не смущали многолюдье, гул разговоров, десятки лиц, повернувшихся к ним, как только они вошли. На прекрасном французском мнимый норвежец попросил у метрдотеля «всегдашний столик», куда их и провели – к маленькому круглому столику в наименее шумной части кафе.

– Вы бываете здесь так часто, у вас есть «всегдашний столик»? – спросил Джеймс, когда они остались одни – насколько такое возможно среди шума и суеты.

– Все два месяца в Париже я обедал здесь не меньше трех раз в неделю, – ответил Холмс. – Я видел десятки знакомых, клиентов и бывших коллег по расследованиям. Никто из них не обратил внимания на Яна Сигерсона.

Джеймс не успел ответить: подошел официант, и Холмс бесцеремонно сделал заказ на двоих. Остановившись на довольно хорошем шампанском, он, возможно по причине позднего часа, выбрал обильный ужин для посетителей Оперы: *le lièvre en civet, pâtes crémeuses d'épeautre*, а к нему *a plateau de fromage affinés* и тарелка *la figue, l'abricot, le pruneau, en marmelade des fruits secs au thé Ceylan* с *biscuit spéculos* и на десерт *mousse*

légère chocolat.^[2]

Джеймсу не хотелось есть. Его деликатный желудок еще не оправился от потрясений прошедшего часа. Более того, он не любил зайчатину – тем более в густом мучнистом соусе – и совершенно не хотел фруктов. Что до шоколадного мусса, Джеймс как-то переел его в детстве, когда отец привозил их во Францию, и с тех пор не переносил на дух.

Он промолчал.

Ему безумно хотелось узнать, как Холмс – этот дешевый уличный шарлатан – угадал, что в табакерке находится прах Алисы, однако Джеймс скорее умер бы, чем задал такой вопрос в людном общественном месте. Да, за звоном посуды, говором и смехом посетителей никто бы их не подслушал, но дело было в другом.

Покуда они пили вполне неплохое шампанское, Холмс спросил:

– Вы читали мой некролог в «Таймс» два года назад?

– Друзья мне о нем сказали, – ответил Джеймс.

– Я его читал. Газета была трехнедельной давности – я тогда находился в Стамбуле, – но мне удалось ее раздобыть. Ее и последнее интервью бедного Ватсона, где тот рассказал, как я погиб в Рейхенбахском водопаде, сражаясь с «Наполеоном преступного мира» профессором Джеймсом Мориарти.

Генри Джеймс предпочел бы молчать, но понимал, что обязан исполнить свою роль вопрошающего.

– Так как вам удалось пережить то ужасное падение, мистер Холмс?

Холмс рассмеялся и стряхнул крошки с пышных черных усов.

– Не было никакого падения. Никакой схватки. Никакого «Наполеона преступного мира».

– Профессора Джеймса Мориарти не было? – спросил Джеймс.

Холмс издал смешок и промокнул губы белой льняной салфеткой.

– Боюсь, что да. Он целиком и полностью вымышлен в моих целях – в данном случае ради моего исчезновения.

– Однако Ватсон сообщил «Таймс», что Мориарти написал книгу – «Динамика астероида», – настаивал Джеймс.

– Она тоже выдумана мною, – ответил Холмс, самодовольно улыбаясь в черные сигерсоновские усы. – Такой книги никогда не было. Я рассказал о ней Ватсону, чтобы придать его будущим сообщениям для прессы и отчету о событиях, предшествовавших Рейхенбахскому водопаду, – этот отчет опубликован недавно под названием «Последнее дело Холмса» – некое... как вы, сочинители, это называете?.. жизнеподобие. Да-да, то самое слово. Жизнеподобие.

– Но не могло ли случиться, что люди, прочитав об этой книге в многочисленных отчетах о вашей смерти, попытаются ее найти, хотя бы из чистого любопытства? И если ее нет, вся ваша история о Рейхенбахском водопаде рухнет.

Холмс со смехом отмахнулся:

– О, я подчеркнул Ватсону, а тот в свою очередь газетчикам, что книга состоит из высшей математики и совершенно нечитаема. Если не ошибаюсь, мои слова были буквально следующие: «В этой книге он вознесся на такие высоты чистой математики, что в научном мире, говорят, нет специалиста, который способен ее прочесть и понять».^[3] Это должно было охладить любопытных. Кроме того, я сказал Ватсону, что прославленная книга Мориарти – прославленная лишь в узких математических кругах – издана таким мизерным тиражом, что добыть экземпляр крайне трудно, а может, их и вовсе не сохранилось.

– Значит, вы сознательно солгали другу про этого... этого «Наполеона преступного мира»... чтобы доктор Ватсон повторил ваши измышления прессе? – спросил Джеймс, надеясь, что сыщик услышит лед в его голосе.

– О да, – с улыбкой отвечал Холмс. – Именно так.

Джеймс некоторое время сидел в молчании, затем сказал:

– А если бы от доктора Ватсона потребовали дать показания под присягой... возможно, в связи с расследованием вашего исчезновения?

– О, такое расследование закончилось бы уже давно, – ответил Холмс. – Как-никак, с Рейхенбахского водопада прошло уже два года.

– И все же... – начал Джеймс.

– Ватсону не пришлось бы лгать под присягой, – перебил Холмс, выказывая легкое нетерпение, – поскольку он искренне верил, что Мориарти был, как я рассказал ему во многих подробностях, Наполеоном преступного мира. И так же искренне Ватсон верил, что я впрямь погиб вместе с Мориарти в Рейхенбахском водопаде в Швейцарии.

От этих слов Джеймс заморгал, несмотря на все усилия казаться невозмутимым.

– Вы не раскаиваетесь, что солгали лучшему другу? Газеты сообщали, что за время, прошедшее с вашей... с вашего исчезновения, у доктора Ватсона скончалась жена. Так что теперь, вероятно, несчастный оплакивает смерть жены и лучшего друга.

Холмс положил себе на тарелку еще конфитюра.

– Я не просто солгал, мистер Джеймс. Я отправил Ватсона в погоню за мифическим Мориарти – через Англию и Европу – к тому самому водопаду, из которого никогда не извлекут ни мой труп, ни труп

профессора Мориарти.

– Чудовищно, – сказал Джеймс.

– Это было необходимо, – проговорил Холмс без обиды или нажима. – Понимаете, мне требовалось исчезнуть. Исчезнуть без следа и так, чтобы убедить человечество – или, по крайней мере, ту малую долю человечества, которая выказывала интерес к моим скромным приключениям, – в своей гибели. Сильно ли в Лондоне скорбели при известии о моей кончине?

Джеймс вновь заморгал. Он подумал было, что вопрос задан шутливо, однако загримированное лицо Холмса оставалось совершенно серьезным.

– Да, – сказал он наконец. – По крайней мере, я так слышал.

Холмс ждал. Затем проговорил:

– Отчет Ватсона о Рейхенбахском водопаде, его рассказ «Последнее дело Холмса», был напечатан в «Стрэнде» лишь три месяца назад – в декабре девяносто второго. Однако меня интересует общественная реакция двухлетней давности – когда газеты впервые сообщили о моей смерти.

Джеймс подавил вздох.

– Я не читаю «Стрэнд», – сказал он. – Однако мне говорили, что в Лондоне молодые люди носили траурные повязки – и при первом сообщении о вашей смерти, и этой зимой, когда вышел рассказ доктора Ватсона.

Джеймс и впрямь избегал бульварного чтива, случайных научных фактов и светских сплетен, которые публиковал «Стрэнд». Однако его младшие друзья Эдмунд Госс и Джонатан Стерджес читали журнал и оба несколько месяцев носили траурные повязки в память о Холмсе. Джеймс находил это нелепым.

Шерлок Холмс доедал мусс и улыбался.

Генри Джеймс, все еще страшась, что разговор, дай Холмсу волю, вернется к содержимому табакерки, сказал:

– Но для чего было устраивать такую мистификацию, сэр? Зачем предавать вашего доброго друга, доктора Ватсона, и тысячи ваших верных читателей, если вас не преследовало опасное тайное сообщество во главе с Наполеоном преступного мира? Что вами двигало? Один лишь извращенный каприз?

Холмс отложил ложку и посмотрел писателю в глаза:

– Желал бы я, чтобы все было так просто, мистер Джеймс. Нет, я решил инсценировать свою смерть и полностью раствориться, потому что путем собственных умозаключений... путем индуктивного и дедуктивного процесса, сделавшего меня первым сыщиком-консультантом мира, обнаружил чудовищный факт. Факт, который не только заставил меня в

корне изменить жизнь, но и привел сегодня к Новому мосту с целью ее окончить.

– И какой же факт... – начал Генри Джеймс, но тут же осекся, осознав, что вопрос был бы совершенно неприличен.

Холмс сухо улыбнулся.

– Я обнаружил, мистер Джеймс, – сказал он, подавшись вперед, – что я – не реальная личность. Я... как бы сочинитель вроде вас это назвал? Все улики неопровержимо доказывали, что я – литературный вымысел. Творение какого-то писаки. Выдуманный персонаж.

Глава 4

Теперь Джеймс нимало не сомневался, что перед ним сумасшедший. Что-то выбросило этого Шерлока Холмса – если он и впрямь был тем Шерлоком Холмсом, с которым писатель познакомился четыре года назад у миссис О’Коннор, – за хрупкую грань реальности.

Однако нездоровая правда была проста и пугающа: Джеймса заморозила мания Холмса, и ему хотелось узнать о ней больше. Он подумал, что это блестящий сюжет для будущего рассказа, возможно, о прославленном писателе, который воображает себя собственным персонажем.

Холмс заказал коньяк – не слишком удачный выбор после шампанского и поздней трапезы, – и теперь оба пили в молчании, пока литератор готовился задать свои вопросы. Внезапно на террасе кафе по другую сторону широкого танцпола, за которым они сидели, поднялся шум. Десятки людей вскочили, мужчины кланялись, многие аплодировали.

– Это король Богемии, – сказал Холмс.

Генри Джеймс подумал было не возражать сумасшедшему, однако тут же отбросил эту мысль.

– В Богемии нет короля, мистер Холмс, – твердо произнес он. – Это принц Уэльский. Я слышал, что он обедает тут время от времени.

Холмс, не удостоив августейшую компанию вторым взглядом, отпил глоток коньяка.

– Вы и впрямь не читали ни одного из отчетов доктора Ватсона в «Стрэнде»?

Прежде чем Джеймс успел ответить, Холмс продолжил:

– Один из первых опубликованных рассказов о наших приключениях – если Джон Ватсон и впрямь был хронистом или автором этих рассказов – назывался «Скандал в Богемии» и повествовал о щекотливом деле. Бывшая примадонна императорской оперы в Варшаве шантажировала очень известного члена некой королевской фамилии, угрожая отправить родителям его невесты фотографию – свидетельство... э-э... романтической неосторожности. Ватсон со своей всегдашней осторожностью придумал «короля Богемии» в неуклюжей попытке скрыть подлинную личность августейшей особы, то есть принца Уэльского. По правде сказать, тогда я помог принцу выпутаться из неприятностей уже во второй раз: первый был связан с потенциальной оглаской карточного

долга. – Холмс улыбнулся над краем коньячного бокала. – Разумеется, никакой «императорской оперы в Варшаве» тоже не существует. Ватсон хотел скрыть, что речь идет о Парижской опере.

– Вы своей чрезмерной откровенностью сводите скрытность Ватсона на нет, – заметил Джеймс.

– Я умер, – ответил Шерлок Холмс. – Покойникам скрытничать ни к чему.

Джеймс взглянул на принца Уэльского в толпе смеющихся и кланяющихся денди.

– Поскольку я не читал... э-э... хронику вашего приключения со «скандалом в Богемии», – тихо произнес он, – могу лишь догадываться, что вы добыли у авантюристки компрометирующую фотографию принца.

– Да, и весьма хитроумным способом. – Холмс рассмеялся в голос, чего среди шумного кафе вроде бы никто не заметил. – А затем эта женщина выкрала ее у меня обратно, подменив собственным портретом.

– Иначе говоря, вы потерпели поражение... – начал Джеймс.

– Да, – ответил Шерлок Холмс. – Полное. Сокрушительное. – Он отпил глоток коньяка. – На протяжении моей карьеры очень мало кому удавалось меня обставить. И никогда – ни до, ни после – женщине.

Джеймс отметил, что последнее слово было произнесено с величайшим презрением.

– Это как-то связано с вашим недавним открытием, что вы нереальны, мистер Холмс?

Высокий человек напротив Джеймса потер подбородок.

– Наверное, следовало бы попросить вас называть меня Сигерсон, но сегодня мне все равно. Нет, мистер Джеймс, давняя история принца Уэльского и его бывшей пассии – гори она в аду – никак не связана с причинами, по которым я осознал, что, пользуясь вашими словами, «нереален». Хотите узнать эти причины?

Джеймс колебался лишь секунду или две.

– Да, – сказал он.

* * *

Холмс поставил пустой бокал и сцепил над скатертью длинные пальцы.

– Все началось, как многое в жизни, с обычных домашних разговоров, – сказал он. – Те, кто читал хроники доктора Ватсона в

«Стрэнде», знают – из того, что тот сообщил о себе по ходу изложения событий, – что в тысяча восемьсот восьмидесятом году его перевели из Пятого Нортумберлендского стрелкового полка, стоявшего тогда в Индии, в Шестьдесят шестой Беркширский пехотный полк. Двадцать седьмого июля того же года Ватсон был тяжело ранен в сражении при Майванде. Много недель жизнь доктора висела на волоске, ибо его ранило большой свинцовой пулей из джезаила – длинного кремневого ружья, каким обычно бывают вооружены афганские мятежники, – и пуля эта, или, правильнее сказать, жакан, причинила тяжелые внутренние повреждения. Однако Ватсон выжил, несмотря на жару, мух и примитивный медицинский уход, – продолжал Холмс, – и в октябре тысяча восемьсот восемьдесят первого был отправлен в Англию на военном транспорте «Оронтес».

– Я не понимаю, как это доказывает или опровергает... – начал Генри Джеймс.

– Терпение, – сказал Холмс, поднимая длинный палец. – Рана от афганской пули была у Ватсона в плече. При разных обстоятельствах – в турецких банях, а также когда мы вместе переплывали реку в одном из моих... приключений – я видел уродливый шрам. Однако у Ватсона не осталось после войны других шрамов.

Генри Джеймс ждал. Подошел официант, и Холмс заказал для обоих турецкий кофе.

– Пять лет назад – в восемьдесят восьмом, я запомнил дату – шрам у Ватсона на плече внезапно стал пулевым ранением, на которое он жаловался – в том числе печатно, – в ноге.

– Не могли ли это быть две разные раны? – спросил Джеймс. – Одна в плече, другая в ноге? Возможно, второй раз его ранили в Лондоне, во время одного из ваших приключений.

– Вторая афганская пуля? – рассмеялся Холмс. – Выпущенная в Лондоне? Неведомо для меня? Очень маловероятно, мистер Джеймс. Добавьте к этому два факта: Ватсон ни разу не был ранен в приключениях, которые описал, и – что меня особенно заинтриговало – рана на его плече, ужасная паутина шрамов с заметным входным отверстием посередине, полностью исчезла, как только он начал говорить и писать о ране в ноге.

– Очень странно, – произнес Джеймс. Про себя он гадал, что делать, если этот Холмс – очевидно, сбегавший из приюта для душевнобольных – впадет в буйство.

– Далее – жены доктора Ватсона, – продолжал Холмс.

В ответ на эту окоlesiцу Джеймс лишь поднял бровь.

– Их у него слишком много, – сказал Холмс.

– Так доктор Ватсон двоеженец?

– Нет, нет! – рассмеялся Холмс.

Принесли кофе. На вкус Джеймса он был чересчур горький, но одержимцу, судя по всему, понравился.

– Они возникают и пропадают – насколько я понял, в зависимости от того, нужно ли сочинителю, чтобы Ватсон жил со мной в доме двести двадцать один бэ по Бейкер-стрит. А их имена меняются произвольно, мистер Джеймс. То Констанция. То Мэри. То безымянная супруга. То снова Мэри.

– Женам случается умирать, – заметил Джеймс.

– Да, благодарение Богу. – Холмс согласно кивнул. – Однако, как правило, этому что-нибудь предшествует – болезнь, например, – и в любом случае вдовец потом некоторое время скорбит. Однако Ватсон, добрая душа, просто снова переезжает ко мне, и мы участвуем в приключениях бок о бок. Я хочу сказать, в промежутках между его мифическими женами.

Генри Джеймс прочистил горло, но не нашел что сказать.

– Есть еще странный факт касательно самой нашей квартиры, – вещал Холмс, не замечая явных намеков собеседника, что разговор тому уже прискучил. – Я живу – мы с Ватсоном живем – в доме двести двадцать один бэ по Бейкер-стрит практически с нашего знакомства в январе восемьдесят первого.

– Здесь есть какой-то парадокс? – спросил Джеймс.

– Когда зимой – весной девяностого и девяносто первого года у меня возникли, а затем и умножились сомнения, – очень тихо произнес Холмс, – я пошел в контору городского землемера и посмотрел новейшие планы нашего квартала. В девяносто первом, через десять лет после того, как мы поселились в доме двести двадцать один бэ, Бейкер-стрит заканчивалась домом номер восемьдесят пять.

– Невероятно, – пробормотал Джеймс.

– Но главное, – продолжал Холмс, будто не слыша его, – что заставило меня сомневаться в собственном бытии вне вымышленных страниц, – это смутность, непроработанность, пустота между расследованиями. Как если бы я жил... существовал... лишь когда распутываю очередное дело.

– Не может ли это объясняться вашей... э-э... приверженностью к наркотическим веществам? – спросил Джеймс.

Холмс рассмеялся и со звоном поставил чашку на стол.

– Так вы все-таки читали о моих приключениях в «Стрэнде»!

– Нет, не читал, но, как я уже упомянул, мои молодые друзья читали. Помню, один из них говорил, что вы часто вводите себе... кокаин, я не

ошибаюсь?

Джеймс прекрасно помнил, с каким восторгом Эдмунд Госс рассказывал о наркотической зависимости Холмса. Писатель еще подумал тогда, что Госс и сам экспериментирует с кокаином.

– Всего лишь семипроцентный раствор, – рассмеялся Холмс. – Очень скромно, если сравнить с курильщиками опиума. Но после своей смерти двадцать четвертого апреля девяносто первого года я полностью излечился от этой пагубной привычки.

– Прекрасно, – сказал Джеймс, – и как же?

– Я перешел на куда более безопасное вещество под названием «морфин», – ответил Шерлок Холмс. – А в последние недели я нашел еще более безвредную замену. Это чудо-вещество получил наш немецкий друг, создатель аспирина, сам доктор Байер. Оно настолько не вызывает зависимости и не дает побочных эффектов, что Байер нарек новое лекарство по его героическим свойствам.

– Да? – спросил Джеймс.

– Оно зовется «героин», – сказал Шерлок Холмс. – И я надеюсь, когда на будущей неделе мы с вами прибудем в Америку, найти его там в больших количествах и дешевле. Морфин в Соединенных Штатах купить куда легче, чем в Англии, поскольку десятки или даже сотни тысяч солдат, раненных во время Войны Севера и Юга тридцать лет назад, продолжают его принимать. А теперь героический героин, еще не выпущенный на мировой рынок, становится там не менее популярен.

Джеймс глядел на высокого собеседника во все глаза:

– Мы едем в Америку? Мы?!

– Рано утром мы отправимся в Марсель и сядем на идущий в Америку пароход, – ответил Холмс. – Семь лет назад в тамошней столице произошло убийство, которое я считаю своим долгом разгадать, и в ваших интересах – жизненных интересах, мой дорогой Джеймс, – отправиться со мной. Я не мог бы, не поступившись совестью, оставить вас в Париже, пока вы пребываете в меланхолическом расположении духа, толкающем к самоуничтожению. И к тому же... вам понравится! Игра началась, и она зовет нас столь же неудержимо, как следующий рассказ или книга зовет вашу творческую душу и литературское перо.

Холмс жестом потребовал счет и расплатился, а Джеймс все так же сидел, вытаращив глаза, с неприлично отвисшей челюстью.

Глава 5

Следующие десять дней – все время путешествия на корабле из Франции в Нью-Йорк, затем на поезде до Вашингтона – Генри Джеймс чувствовал себя как во сне. Нет, не столько во сне (его сны обычно были очень яркими и подробными), сколько в тумане. В приятном и опасном тумане, где не надо принимать решений.

Они отплыли из Марселя на стареньком французском лайнере «Париж». Джеймс вроде бы помнил, что уже был на борту этого судна двенадцать лет назад, в свою последнюю американскую поездку, когда спешил домой в Кембридж к умирающим матери и отцу. Шерлок Холмс отказался сесть на более современный английский пароход, так как это означало бы остановку в Англии («Париж» заходил только в Дублин, да и то ненадолго), а Холмс объявил, что не ступит ногой на английскую почву, пока «все не выяснит». Что именно предстоит выяснить, сыщик не сказал, но Джеймс догадывался, что речь идет о реальности или вымышленности.

За десять дней до того, как они сошли на берег в Нью-Йорке, случилось пять поразительных разговоров – вернее сказать, откровений, – и Джеймсу, чтобы расположить их по порядку, пришлось вспоминать не только слова, но и обстановку, в которой они прозвучали.

Первый разговор произошел перед гостиницей на Рю-де-ля-Пэ сразу после очень позднего ужина в ночь их встречи.

– Разумеется, нелепо думать, что я мог бы – или захотел бы – отправиться сейчас в Америку, – сказал Джеймс, держа зонт обеими руками, как оружие.

– Однако вам придется, – спокойно ответил Холмс. – От этого зависит успех моего дела.

– Дела? – переспросил Генри Джеймс. – Я полагал, что вы отошли от расследований почти два года назад, когда инсценировали свою гибель.

– Ничуть, – отвечал Холмс. – Под именем Яна Сигерсона я проводил расследования в Турции, Индии и других местах. Но то было для моего брата Майкрофта, для Уайтхолла, для Англии. Теперь я чувствую, что должен вновь взяться за частное дело. Распутать загадку, которая почти наверняка не связана с политикой.

Джеймс по-прежнему сжимал пухлыми руками зонт.

– Позвольте угадать, – сказал он. – В отсутствие доктора Ватсона вам нужен я, чтобы записывать ваши приключения. Быть вашим Босуэллом.

Шерлок Холмс расхохотался так, что его смех эхом отразился от каменных домов.

– Нет, нет и нет, мистер Джеймс. Я убежден, что роль Босуэлла не подошла бы вам в любом случае, и уж тем более вы не сумеете изложить подробности детективной истории.

Джеймс резко выпрямился. Он считал, что способен написать любую историю, лишь бы тема и стиль не были ниже его достоинства. К тому же в молодости он сочинил несколько детективных рассказов за деньги.

– Я хочу сказать, – продолжал Холмс, – что хотя сам не читал ваших романов и повестей, многие мои знакомые – включая самого Ватсона – их читали. Из их слов я делаю вывод, что ваш рассказ о моих приключениях в Америке – пусть даже самых захватывающих – будет включать героиню, молодую и красивую американку, множество случайных аристократов, туманные словеса попеременно с невнятными описаниями, и ничего более волнующего, чем допущенная кем-то неловкость в разговоре или поданный с опозданием чай.

Джеймс подумал, не следует ли ему оскорбиться и повести себя соответственно, но понял, что несколько не обижен. Скорее ему было забавно.

– В таком случае у вас нет никаких мыслимых причин желать, чтобы я отправился с вами в эту безумную поездку, сэр.

– Однако у меня есть такая причина, мистер Джеймс, – сказал Холмс. – Вы нужны мне для вхождения в американский контекст, для... как вы назвали это раньше?.. для прикрытия и для общества. Я буду чужаком в чужой стране, и мне потребуется ваша помощь. Желаете ли вы узнать остальные причины?

Джеймс промолчал. Мысли его уже обратились от самоубийства в Сене к мягкой кровати в гостиничном номере, от которого его отделяли сейчас несколько десятков шагов и короткая поездка на лифте.

– В марте тысяча восемьсот девяносто первого года, почти ровно два года назад, – продолжал Холмс, то ли не замечая, то ли не желая замечать, что его собеседник не выказал и малейшего интереса, – мою холостяцкую квартиру в доме номер двести двадцать один бэ по Бейкер-стрит посетил джентльмен, желающий прибегнуть к моим услугам. Он был американец, убийство, о котором он говорил, произошло в американской столице, и звали его Эдвард Хупер. Он показал мне три тысячи долларов и сказал, что готов их заплатить, если я отправлюсь с ним в Америку и разгадаю тайну убийства его сестры. Я взял один доллар в качестве аванса, но мне потребовалось три года, чтобы взяться за эту... загадку.

– Нет, я не знаю и никогда не слышал... – начал Джеймс и тут же осекся.

– Насколько мне известно, вы были знакомы с сестрой Эдварда Хупера – Марианной Хупер Адамс, – сказал Холмс.

– Кlover, – произнес Генри Джеймс так тихо, что сам едва расслышал эти два слога. – Кlover Адамс, – повторил он. – Еще в детстве Марианну Хупер прозвали Кlover. Прозвище ей шло.

– Так вы близко ее знали, – настаивал Холмс.

– Я дружил с Генри Адамсом много-много лет, – сказал Джеймс. Он предпочел бы сдержаться и не говорить всего этого, но сегодня отчего-то чувствовал потребность выбалтывать секреты, которые в обычный день берег бы пуще жизни. – И да, я близко знал Кlover Адамс – насколько это возможно в случае женщины очень умной, но непредсказуемой и подверженной частым приступам меланхолии. Когда я последний раз был в Америке в начале восьмидесятых, то останавливался у них дома.

– В таком случае вам известны внешние обстоятельства ее смерти, – сказал Холмс.

Джеймсу показалось, что в глазах сыщика-консультанта вспыхнул странный огонь, хотя, возможно, в его зрачках просто отразился газовый фонарь, по-прежнему горевший на этом отрезке Рю-де-ля-Пэ.

– Она покончила с собой, – произнес Джеймс резче, чем собирался. – Шесть... нет... примерно семь с половиной лет назад. История давняя для всех, кроме тех, кому она была особенно дорога, – ее мужа Генри и ближайших друзей, к числу которых отношусь и я.

– Шестого декабря тысяча восемьсот восемьдесят пятого, – тихо сказал Холмс. – Дата являет собой часть загадки, которую изложил мне брат покойной, мистер Эдвард Хупер.

Джеймс намеревался сказать, что не имел удовольствия лично знать брата Кlover Эдварда и что Кlover и Генри между собой всегда называли его Нед, но вместо этого услышал собственные слова, резкие, как удар хлыста:

– Она покончила с собой, мистер Холмс. Все это признали. Ее муж Генри. Наш общий друг и сосед Адамсов, мистер Джон Хэй. Врач. Полиция. Газеты. Все признали, что она сама наложила на себя руки. Понимаете, она была очень меланхолична по натуре, и всем нам, знавшим и любившим Кlover Адамс, это было известно. Склонность к меланхолии – и даже к самоубийству – у Хуперов в крови. И Кlover глубоко, возможно безутешно, скорбела по отцу, умершему в начале года. Видите ли, она была очень к нему привязана. В месяцы, последовавшие за смертью мистера

Хупера, никакие усилия Генри и других не могли вырвать бедняжку Кловер из железных оков горя и уныния.

Джеймс замолчал. Он почти задышался после страстной короткой речи и одновременно чувствовал себя глупо из-за того, что сказал так много.

Холмс сунул руку во внутренний карман твидового пиджака и вытащил белый прямоугольник. Несмотря на внутренний протест, Джеймс оторвал руку от зонта и взял карточку. Она походила на дамскую визитную, но была не цветная, согласно последней английской и американской моде, а простая белая, с тисненым рисунком: прямоугольная рамка и в верхней ее части – пять сердец. Четыре из них были закрашены синим – вероятно, карандашом или восковым мелком. Пятое осталось пустым.

Генри Джеймс немедленно понял общий смысл пяти сердец, хотя не знал, почему одно из них не закрашено и что означает единственная строчка под ними, напечатанная, по-видимому, на пишущей машинке:

Ее убили.

– Эдвард Хупер, брат Кловер, придя ко мне два года назад, сказал, что получает в точности такую карточку каждое шестое декабря, в годовщину смерти сестры, начиная с первой в тысяча восемьсот восемьдесят шестом, – сказал Холмс. – И я заметил, мистер Джеймс, что вы сразу поняли смысл пяти оттиснутых на карточке сердец. Мистер Хупер сказал, что все оставшиеся в живых члены «Пяти сердец» ежегодно получают такую же карточку. Общество, как мистер Хупер знал точно, включало мистера Генри Адамса, хотя Адамсы никому о нем не рассказывали.

– Нед Хупер никогда не был членом «Пяти сердец»! – быстро ответил Джеймс.

Холмс кивнул:

– Не входил. И считал, что единственный из тех, кто не входил в общество, получает такую карточку. Хотя, разумеется, он не мог знать наверняка.

– Кловер Адамс покончила с собой, – повторил Генри Джеймс. – Это не касается никого, кроме ее мужа, а Генри Адамс никогда не говорит о случившемся. Он сам чуть не умер от горя после... после ее поступка.

– Что вы скажете о подозрениях ее брата? – спросил Холмс.

– Они необоснованны, – ответил Джеймс. – Эти... карточки... если их и впрямь рассылают, свидетельствуют лишь о чьем-то извращенном чувстве юмора. Как я сказал, меланхолия – и что-то вроде мании преследования – у Хуперов в крови. Я никогда не встречался с мистером

Эдвардом Хупером – при мне его всегда упоминали как Неда, – но уверен, что он ошибается.

– Мистер Эдвард Хупер умер, – сказал Шерлок Холмс.

– Умер? – Джеймс сам услышал, как тихо и жалобно прозвучало короткое слово за грохотом экипажей и говором прохожих на оживленной ночной Рю-де-ля-Пэ.

– Он попытался покончить с собой в прошлом декабре – на следующий день после годовщины так называемого самоубийства сестры, – выбросившись из окна четвертого этажа своего дома на Бикон-стрит в Бостоне, – сказал Шерлок Холмс. – В падении он получил тяжелые увечья, но выжил и был помещен в бостонский приют для душевнобольных. Хупер шел на поправку, и душевно, и телесно, но две недели назад слег с воспалением легких, которое и унесло его жизнь.

– Ужасно, – пробормотал Джеймс. – Ужасно. Генри не писал мне об этих событиях. Как вышло, что вы, мистер Шерлок Холмс, знаете о недавних событиях в Америке, о которых неизвестно мне, если, как утверждаете, провели последние два года в удаленных уголках обширной империи?

– Всякий добрый англичанин всегда прячется за «Таймс», – ответил Шерлок Холмс.

Джеймс заморгал – то ли от непонимания, то ли от возмущения бородатой шуткой, неуместной в таком контексте. Возможно, он хотел выразить оба чувства сразу.

– Я читал лондонские газеты даже в Индии, куда они попадали с опозданием в несколько недель, – продолжал Холмс. – Здесь, в Париже, они вполне свежие. А выбор американских газет весьма обширен и включает бостонскую, в которой я и прочел о попытке Эдварда Хупера покончить с собой и о его смерти от воспаления легких.

Джеймс, хрипло дыша, обернулся на манящие огни гостиницы.

Холмс сделал полшага вперед и, вновь завладев вниманием Джеймса, сказал:

– Теперь вы понимаете, почему я должен исполнить обещание, данное Неду Хуперу, и расследовать дело о смерти его сестры.

– Нет никакого «дела», – с нажимом произнес Джеймс. – Лишь трагедия ее самоубийства семилетней давности. «Дело», как вы мелодраматически его назвали, закрыто.

– Помните ли вы, отчего умерла миссис Адамс? – спросил Холмс.

Генри Джеймс знал, что сейчас надо развернуться, уйти в гостиницу и никогда больше не говорить с этим безумцем. Однако он не тронулся с

места.

– В период глубокой меланхолии, оставшись одна на несколько минут в воскресенье, Кlover выпила раствор – один из компонентов состава, которым проявляла свои фотографии, – сказал наконец Джеймс, чтобы не длить мучительное молчание. – Раствор содержал яд. Смерть наступила мгновенно.

– Этот яд, цианистый калий, действует быстро, но не мгновенно, – спокойно произнес Холмс, как будто обсуждал железнодорожное расписание. – Она должна была задохнуться лишь после долгих мгновений мучительной агонии.

Джеймс вскинул свободную руку, словно пытаясь защититься от таких слов и образов.

– Кто нашел тело? – настаивал Холмс.

– Ее муж... Генри... я уверен, – ответил Джеймс, чуть ли не заикаясь. Внезапно на него накатило смятение. Он отчасти жалел, что ему не дали совершить задуманное самоубийство.

– Да. В полицейском отчете сообщалось, что именно Генри Адамс нашел ее «на полу у камина в коматозном состоянии», – сказал Шерлок Холмс. – Это произошло утром, в определенный час воскресенья, в декабре. Говорит ли вам что-нибудь время суток и день недели, мистер Джеймс?

– Нет, решительно ничего. Или... или вы хотите сказать, что именно в это время на протяжении многих лет Кlover садилась писать отцу, особенно во время его болезни?

Холмс не ответил, только приблизился еще на полшага и зашептал:

– Генри Адамс говорил друзьям, что никогда не оставляет жену в этот час одну, опасаясь, что ее меланхолия возьмет верх над разумом. И все же именно в воскресенье, шестого декабря, семь лет назад, она осталась одна по крайней мере на несколько минут.

– Если не ошибаюсь, Генри пошел к дантисту по поводу зуба, который... *вы допрашиваете меня*, мистер Холмс?

– Ничего подобного. Я объясняю, почему мне так важно ваше присутствие при расследовании.

– Я не предаю друга, мистер Холмс.

– Разумеется. Но разве не предательство по отношению к вашим друзьям – Генри Адамсу и покойной Кlover Адамс, если это все же было убийство и никто не возьмет на себя труд хотя бы вникнуть в обстоятельства?

– Это... не было... убийство, – сказал Джеймс, мысленно поклявшись,

что повторяет утверждение в последний раз. – Кловер была одной из первых американских женщин-фотографов своей эпохи. Ее снимки волшебны. В них есть что-то не от мира сего. Однако именно их потусторонность усилила врожденную предрасположенность Кловер к ужасной меланхолии, которая в тот зимний день взяла над ней верх. А под рукой как раз случился раствор из ее домашней фотолаборатории, который, Кловер знала, содержит яд.

– А кто дал ей химикаты для приготовления раствора? – спросил Холмс.

– Я полагал, что она купила их сама, – резко ответил Джеймс. – Если вы вновь пытаетесь бросить хоть тень подозрения на моего доброго и честного друга Генри Адамса...

Холмс поднял руку в перчатке:

– Ни в коей мере. Я знаю, кто снабдил миссис Адамс опасными химикатами. Брат ее приятельницы, некой мисс Ребекки Лорн, с которой миссис Адамс случайно познакомилась в Вашингтоне. Когда Генри Адамс вернулся от дантиста, эта самая приятельница, мисс Лорн, – согласно полицейским отчетам и газетам, которые Нед Хупер передал мне два года назад, – ждала у входа. Она сказала Адамсу, что пришла навестить миссис Адамс, и спросила, принимает ли та. Мистер Адамс пообещал подняться к жене и выяснить, готова ли она видеть гостью. Тогда-то он и обнаружил ее тело на полу.

– Вы вновь намекаете... – Джеймс яростно оскалился. Обычно этой гримасы в куда более умеренном варианте хватало, чтобы осадить назойливого собеседника, посягающего на чересчур личные темы.

– Я ни на что не намекаю, – ответил Холмс как ни в чем не бывало. – Я просто объясняю, почему нам с вами надо сесть на марсельский экспресс в шесть пятнадцать утра и завтра вечером подняться на борт нью-йоркского парохода.

– Никакими силами, шантажом, уговорами или другими методами убеждения – в этой жизни или в любых возможных вариантах этой жизни – вы не заставите меня отправиться с вами завтра в Марсель, а тем паче в Америку, мистер Шерлок Холмс, – произнес Генри Джеймс.

Глава 6

В купе первого класса, кроме них, никого не было, к большой радости Генри Джеймса, и первые три часа оба молчали. Джеймс делал вид, будто читает роман. Холмс прятался за «Таймс».

Внезапно, без всяких предисловий, он опустил газету и сказал:

– К тому же у вас тогда была борода.

Джеймс поднял голову и вытаращил глаза:

– Простите?

Со временем он привыкнет, что Шерлок Холмс внезапно меняет тему или ни с того ни с сего отпускает странные замечания, но тогда очень удивился.

– Четыре года назад, – сказал Холмс. – Когда нас представили друг другу на чаепитии у миссис Т. П. О’Коннор. У вас к тому же была борода.

Джеймс промолчал. Он не носил бороду со времен Войны Севера и Юга.

– Отчасти поэтому я узнал вас в темноте на берегу Сены, – закончил Холмс и вновь уткнулся в газету.

Наконец, увидев способ раздосадовать несносного спутника, Джеймс заговорил:

– Я предположил бы, что прославленный сыщик-консультант полагается в распознавании лиц на более существенные элементы физиогномии, нежели борода.

Холмс рассмеялся:

– Разумеется! Я вижу физиогномии людей, а не их дополнительную волосяную экипировку. Например, я в своем роде эксперт по ушам.

– Вы даже не помнили, что нас друг другу представили, – сказал Джеймс, оставив без ответа нелепое утверждение про уши.

– Не совсем так, сэр, – рассмеялся Холмс. – Я помню, как узнал, что на приеме будет американец мистер Джеймс, и обрадовался, полагая, что это ваш брат, психолог, с которым я надеялся обсудить некоторые вопросы.

– В восемьдесят восьмом Уильям еще не опубликовал свои «Основания психологии», – проворчал Джеймс. – Он был совершенно неизвестен миру. Вы не могли стремиться к беседе с ним, мистер Холмс. Ваша память вас подводит.

– Ничуть, – усмехнулся сыщик. – Американские друзья, разделяющие в некотором смысле мое призвание, присылали мне статьи вашего брата за

годы до появления книги. Но главным образом я был рассеян на том приеме в саду у миссис О'Коннор, поскольку в те самые минуты наблюдал, как подозреваемый крадет драгоценности. Мы взяли его, как выразился бы Ватсон, с поличным. Хотя, должен признать, я так и не узнал, откуда пошло это странное выражение – «с поличным».

– Всего лишь слуга, сказали вы вчера, – заметил Джеймс, глядя в раскрытый роман. С тем же успехом страница могла быть напечатана иероглифами. У Генри Джеймса не было сил читать – состояние для него крайне редкое.

– Всего лишь слуга, но весьма доверенный челядинец вашей доброй приятельницы леди Вулзли, – сказал Холмс.

Джеймс чуть не выронил книгу.

– Слуга лорда и леди Вулзли крал драгоценности! – воскликнул он. – Невозможно. Нелепость.

– Ничуть, – ответил Холмс. – Лорд Вулзли пригласил меня расследовать череду краж в очаровательных сельских владениях своих друзей, но ему незачем было обращаться ко мне. Любой умеренно толковый деревенский констебль разобрался бы в таком простом деле. Я узнал, кто это, – вернее, сузил число подозреваемых до очень небольшой группы – за первые часы расследования. Видите ли, кражи начались в усадьбах родовитых англичан, проживающих в Ирландии. Собственно, они произошли во всех крупных поместьях, исключая владения самого лорда Вулзли и тех немногих английских аристократов, которых лорд и леди Вулзли не жаловали своим вниманием.

Генри Джеймс хотел снова возразить – как по логическим соображениям, так и по довольно смутным личным, – но не мог пока подобрать слов.

– Главным вором оказался Джермонд, – продолжал Холмс. – Роберт Джейкоб Джермонд. Пожилой капрал, бывший ординарцем и денщиком генерала – лорда Вулзли – в различных кампаниях, в ирландских военных лагерях и в поместье на зеленом острове. Надо сказать, что капрал Джермонд ничуть не походил на вора: у него длинное лицо, немного похожее на морду бассет-хаунда, и ясные, печальные, выразительные глаза. Однако всякому, наделенному хоть толикой дедуктивных способностей, довольно было просмотреть список краж в ирландских гарнизонах лорда В., в домах его ирландских друзей, а затем в Англии за те месяцы, когда лорд и леди В. гостили на родине, чтобы найти организатора и вдохновителя краж, если к столь банальному преступлению применимы такие высокие слова. В ту минуту, когда мы с вами, мистер Джеймс,

встретились на чайном приеме в саду миссис Т. П. О'Коннор, я исподволь наблюдал, как капрал Джермонд подстраивает очередную кражу. Он был чрезвычайно ловок.

Джеймс почувствовал, что краснеет. За годы дружбы с лордом и леди Вулзли он познакомился со многими их старшими слугами – по большей части отставными военными, служившими прежде под началом генерала, – но Джермонд был его личным камердинером во время единственного визита в ирландское поместье лорда Вулзли. Джеймс ощущал странное... сродство с пожилым капралом, обладателем тихого голоса и печальных собачьих глаз.

* * *

Джеймс был очень недоволен, когда узнал, что на «Париже» им с Холмсом предстоит жить в одной каюте, пусть и первого класса. Холмс объяснил, что других не было, – он брал билеты перед самым отплытием, и даже эта двухместная каюта оказалась свободна лишь потому, что кто-то в последний момент раздумал плыть.

– Если только вы не хотите путешествовать четвертым классом, на палубных местах, – добавил он, – что, по моему прошлому опыту, не лишено своеобразной прелести.

– Я вообще не хочу путешествовать на этом корабле, да и ни на каком другом, – буркнул Джеймс.

Впрочем, в дороге они почти все время проводили порознь. Холмс никогда не выходил к первому завтраку, лишь изредка съедал очень неплохой *petit déjeuner*^[4] в утренней столовой, всегда пропускал ленч и буквально считанные разы являлся на свое место за капитанским столом, где вечерами, в смокинге, Джеймс пытался беседовать с французскими аристократами, немецкими промышленниками, седобородым капитаном (который интересовался исключительно едой) и единственной англичанкой, выжившей из ума старухой, которая упорно называла его «мистер Джейн».

Дни он проводил, роясь в скудной корабельной библиотеке (там не было ни одной его книги, даже в переводе), прогуливаясь по не слишком просторной палубе или слушая убогие концерты, устраиваемые для развлечения пассажиров.

И все же дважды он заставал Шерлока Холмса в чрезвычайно личные и неловкие моменты.

Первый раз это случилось, когда Джеймс после завтрака зашел в каюту

переменить платье. Холмс лежал на койке, по-прежнему в ночной рубашке. Его левый бицепс был туго перетянут резиновым жгутом, и сыщик-консультант вынимал иголку шприца из сгиба локтя. На прикроватном столике – их общем столике, куда Джеймс клал книгу, когда приходило время тушить свет, – стоял пузырек с темной жидкостью, по всей очевидности морфином.

Генри Джеймс и раньше знал, как вводят и как действует морфин. За месяцы до смерти Алисы он наблюдал, как она уплывает в золотистое сияние наркотического полусна, прочь от всего человеческого (в том числе в себе). Катарина Лоринг даже получила от Алисиного врача указания, как ввести морфин, если рядом не будет человека более опытного. Джеймсу ни разу не пришлось делать сестре инъекцию, но он мысленно к этому готовился. Алиса в последние месяцы прошлого года получала, помимо морфия, регулярные сеансы гипноза с целью облегчить непрекращающиеся боли.

Однако Холмс, насколько Джеймс знал, не испытывал физических болей. Он просто был морфинистом, а до того, на протяжении многих лет, кокаинистом и не скрывал, что намерен разыскать в Америке новый «героический» препарат господина Байера, легкодоступный в Соединенных Штатах.

Холмс ничуть не смутился – просто глянул из-под тяжелых век, спокойно убрал шприц, пузырек и все остальное в сафьяновый несессер (который Джеймс видел раньше, но полагал, что там хранится бритвенный прибор) и сонно улыбнулся.

С нескрываемым омерзением Джеймс повернулся на каблуках и вышел из каюты, так и не переодевшись для прогулки по палубе.

* * *

Второй мучительно личный эпизод случился на четвертый вечер после отплытия из Дублина, когда Джеймс, предварительно постучав, открыл дверь каюты и застал Холмса голым перед тумбочкой с умывальным тазом и зеркальцем. И вновь Холмс не выказал должного смущения, не бросился натягивать ночную рубашку, несмотря на явное недовольство соседа по каюте.

Генри Джеймс и раньше видел голых мужчин. Обнаженное мужское тело вызывало у него сложные чувства, но главным образом заставляло вспомнить о смерти.

Как только Генри Джеймс выучился ходить, он начал повсюду следовать за братом Уильямом (на год его старше). Генри не мог (и не хотел) участвовать в грубых уличных забавах старшего брата, но позже, когда Уильям вознамерился стать художником, решил тоже выбрать эту стезю. При всякой возможности он вместе с Уильямом ходил на уроки живописи и рисунка, которые оплачивал их отец.

Как-то Джеймс вошел в ньюпортскую рисовальную студию и увидел, что их двоюродный брат Гас Баркер позирует обнаженным перед классом. Джеймс был до глубины души поражен красотой рыжеволосого кузена – прозрачной белизной кожи, беззащитностью поникшего пениса, розовой женственностью сосков. Он сделал вид, будто испытывает чисто художественный интерес: грозно глянул на рисунки Уильяма и других учеников, словно намеревался сам схватить лист бумаги и несколькими угольными линиями запечатлеть невыразимую силу наготы. Однако сильнее всего юного Генри Джеймса, в котором пробуждающееся писательское чувство было сильнее полового влечения, заворожил собственный сложный отклик на спокойную наготу родственника.

Гас Баркер первым из их тесного семейно-дружеского кружка погиб на Войне Севера и Юга, скошенный пулей конфедератского снайпера в Виргинии. В последующие десятилетия Генри Джеймс не мог вспомнить свое детское упоение красотой нагого мужского тела и не подумать, что то же тело – медный пушок лобковых волос, жилы на мускулистых руках, странная притягательность белых ляжек – гниет под суглинком на каком-то неведомом виргинском поле.

Потом домой привезли младшего брата Генри Джеймса, Уилки. Он был тяжело ранен в злополучной атаке Пятьдесят четвертого Массачусетского черного полка на Форт-Вагнер в Южной Каролине и умер бы в полевом госпитале (молодого офицера оставили лежать на грязных носилках в проходе как безнадежного), если бы его случайно не нашел друг семьи Кэбот Рассел, искавший пропавшего без вести сына. Джеймс был с отцом и матерью, когда те мыли своего ребенка, и нагое тело Уилки стало для Генри Джеймса-младшего откровением нового рода. Он увидел жуткую рану на спине, откуда еще не извлекли конфедератскую пулю, и вторую, на ноге – из нее пулю извлекли на корабле по пути на север, – гноящуюся, с первыми признаками гангрены.

В тот раз, глядя на голого младшего брата, с которого только что срезали смердящую армейскую форму и которого мать сейчас касалась так бережно, Генри Джеймс осознал, насколько мужское тело уязвимо для огня, свинца, стали, болезни. Во многом – особенно когда его, кричащего от

боли, переворачивали на живот, чтобы промыть спину и ногу, – Уилки Джеймс больше походил на недельный труп, чем на живого человека. Чем на брата.

Был и другой Холмс, которого Джеймс видел обнаженным. Под конец войны друг его детства – всего на два года старше, но повзрослевший в боях на два десятилетия – Оливер Уэнделл Холмс-младший заехал навестить Джеймса в Бостоне, а затем они вместе отправились в Норт-Конвей проведать кузину Минни Темпл и ее сестер. В первую ночь молодой Джеймс и тот другой Холмс были вынуждены делить спартанскую комнату и единственную продавленную кровать – прежде чем на следующий же день нашли квартиру получше. Тогда-то Джеймс, уже в пижаме и под одеялом, видел в свете лампы, как Оливер Уэнделл Холмс-младший стоял голый перед умывальным тазом и зеркалом – в точности как Шерлок Холмс этим вечером в каюте «Парижа» посреди бурной Атлантики.

И вновь юный Джеймс поразился красоте поджарого и мускулистого мужского тела, неразделимо связанной со смертью: чудовищные шрамы белой паутиной разбегались по спине, бокам и ноге Оливера. Тот другой Холмс – Холмс Джеймса – так гордился полученными на войне ранами, что на протяжении десятилетий часто рассказывал о них в подробностях, которые при дамах обычно опускают. Тот другой Холмс, со временем ставший видным юристом, упорно хранил в платяном шкафу изорванный мундир, пахнувший кровью, порохом и разложением в точности как разрезанный мундир Уилки. Беседуя за сигарами с богатыми и влиятельными мужами, Оливер доставал его и показывал бурые пятна крови и рваные дыры – в тех самых местах, где Джеймс в тот вечер увидел глубокие белые шрамы на голом теле друга своего детства.

Тогда Джеймс созерцал одновременно красоту обнаженного мужского тела и безобразные письма, которыми смерть заявляла свои права на всякую плоть.

Так что как ни шокирован был Генри Джеймс, он успел заметить в тусклом свете корабельной лампы, что у мистера Шерлока Холмса – еще более худого, чем Оливер Уэнделл Холмс-младший, который тогда был на пятнадцать лет младше нынешнего Шерлока, – спина испещрена шрамами. Они были такие же грубые, как у брата Уилки и Оливера, но расходились пучком, словно у флагелланта, бичующего себя до мяса.

– Извините, – сказал Генри Джеймс, все еще стоя на пороге каюты. – Я не...

Он не знал, что «не», поэтому продолжать не стал.

Холмс обернулся и глянул на него. Грудь сыщика тоже покрывали белые шрамы. Джеймс успел отметить, что, несмотря на крайнюю худобу – такие ввалившиеся бока писатель видел лишь у бегунов на соревнованиях, – тело мистера Шерлока Холмса, белое в свете лампы, как некогда у Гаса Баркера, являет собой комок напружиненных тугих мускулов.

– Извините, – повторил Джеймс и попятился.

В тот вечер он допоздна сидел в салоне первого класса, курил и читал какой-то неинтересный журнал, чтобы вернуться в каюту, когда Холмс уже наверняка будет спать.

* * *

«Париж», сильно отстав даже от собственного неспешного расписания, вошел в Нью-Йоркскую гавань ранним вечером, когда силуэты старых домов отчетливо проступали на фоне закатного неба. Все трансатлантические лайнеры, которыми Джеймс прежде возвращался из Европы, если и приходили в Нью-Йорк, то рано утром. Сейчас он чувствовал, что вечернее прибытие не только приятно эстетически – хотя эстетика Нью-Йорка давно стала для него невыносимой, – но и уместно для их тайной миссии.

Холмс без приглашения подошел к Джеймсу, когда тот у борта наблюдал за суетой буксиров и снующих по гавани судов, вслушиваясь в гудки, звон и гомон одного из самых оживленных портов мира.

– Любопытный город, не правда ли? – сказал сыщик.

– Да, – коротко ответил Джеймс.

Десять лет назад, в 1883-м, он покинул Америку с твердым намерением больше туда не возвращаться. Тогдашние впечатления выплеснулись в нескольких очерках, написанных позже в благополучном английском Кенсингтоне. Город, где Джеймс провел счастливое, как ему казалось, детство в доме неподалеку от парка на Вашингтон-сквер, изменился, по словам писателя, до неузнаваемости. Основательный полудеревенский уклад тех дней исчез, осталось стремительное коловращение иммигрантов с их чуждыми языками и запахами.

В одном эссе Джеймс сравнил евреев в Нижнем Истсайте с крысами и другими вредителями, которые полчищами хлынули за англосаксонскими предшественниками и вскоре превысили их числом. И все же он не мог не отметить, что эти... иммигранты... печатают больше газет на иврите, чем

выходит в городе по-английски, и что их театры, где идут грубые постановки на идиш, собирают больше зрителей, чем Бродвей, что евреи – а также итальянцы и другие иммигранты худшего разбора, включая бóльшую часть ирландцев, – заняли столько места, так прочно присосались к Великой американской мечте, что стали от нее неотделимы.

Из-за этого Генри Джеймс чувствовал себя чужаком в родной стране, так что снова и снова возвращался в очерках к мучительной теме, однако он ничего не сказал об этом сейчас, когда старенький лайнер готовился подойти к причальной стене.

Некоторое время двое мужчин стояли молча.

– Вам будет интересно узнать, как я догадался в тот вечер у Сены, что у вас с собою прах вашей сестры Алисы, – очень тихо проговорил Холмс.

У борта толпились пассажиры, однако сыщика и литератора как будто окружал невидимый пузырь, в котором были лишь они двое.

– Я ничего не желаю об этом слышать, – ответил Джеймс так же тихо, но с куда бóльшим напором. – Меня ничуть не занимают ваши дикие измышления.

– Я пробыл там дольше вас, – продолжал Холмс, глядя на окружающие корабли, пожарные катера и гребные шлюпки, – и мои глаза лучше привыкли к темноте. Я видел, как вы несколько раз доставали табакерку... держали ее благоговейно, убирали в карман, вытаскивали снова. Я видел, что она из слоновой кости – только слоновая кость белеет так в таком слабом свете, – и еще я сразу понял, что вы не нюхаете табак.

– Вам ничего не известно о моих привычках, сэр, – ледяным тоном произнес Джеймс.

Из-за толпы пассажиров он не мог развернуться и уйти прочь, поэтому только отвел взгляд от Холмса.

– Известно, разумеется, – отвечал Холмс. – У тех, кто нюхает табак, даже изредка, есть характерные никотиновые пятна на большом и среднем пальце. У вас их нет. И те, кто берет понюшки, не запечатывают табакерки сургучом.

– Вы не могли разглядеть это все за считанные секунды, да еще в темноте, – сказал Джеймс. Его сердце колотилось о ребра.

– Мог и разглядел, – произнес Шерлок Холмс. – Позже, когда мы уходили, я стал разжигать трубку, чтобы подтвердить свои наблюдения. Вы не замечали – очевидно, сжимать табакерку, особенно в минуты сильных переживаний, вошло у вас в нервную привычку, – однако по пути к ресторану вы несколько раз ее доставали. Я понял, что для вас она не просто талисман, а нечто священное.

Джеймс гневно уставился на дерзкого сыщика и, к своему изумлению, осознал, что тот снял синие линзы, изменявшие цвет его глаз. Теперь возмущенный взгляд серых глаз Джеймса встретился со спокойным взглядом серых глаз Шерлока Холмса.

– Будучи в Индии, я прочел в «Таймс» о смерти вашей сестры в марте тысяча восемьсот восемьдесят второго. В сообщении о кремации мисс Джеймс в Уокинге упоминалось, что приятельница вашей сестры мисс Катарина Пибоди Лоринг едет в американский Кембридж, дабы захоронить прах на семейном участке кладбища.

Джеймс молча сверлил Холмса взглядом. Он порадовался, что стоит у корабельного поручня, поскольку опасался, что его сейчас стошнит.

– В ту ночь у Сены я сразу понял, что вы – с ведома, а скорее даже без ведома мисс Лоринг и родных – позаимствовали часть праха и положили его в эту до нелепого дорогую табакерку с намерением доставить... но куда? Явно не просто на дно Сены.

Джеймс не помнил, чтобы его когда-нибудь так беспардонно оскорбляли. Брат Уильям на его месте со всей силы ударил бы наглого сыщика по лицу. Однако Генри Джеймс был не Уильям Джеймс; ни разу в жизни он не сжал руку в кулак с намерением и впрямь ударить другого мужчину или мальчика. Не сделал он этого и сейчас; лишь продолжал смотреть на обидчика в упор.

– Думаю, вы все же собирались вернуться в Америку, – подытожил Холмс. – Я хочу сказать, до того, как на вас накатил приступ меланхолии. Предполагаю, именно поэтому вы согласились принять участие в нашей общей миссии. Вероятно, вы намеревались развеять прах вашей сестры в каком-то месте, важном... священном для вас обоих? Само собой, это не мое дело. Однако я уважаю вашу скорбь, сэр, и не буду больше поднимать этот вопрос. Сейчас я затронул его с единственной целью: предварительно ознакомить вас с моими методами наблюдений и размышлений, по крайней мере в их простейшем варианте.

– Не вижу тут ничего выдающегося, сэр, – проговорил Джеймс, когда обрел наконец дар речи. Однако это была неправда.

Старый пароход устраивался у причальной стены, словно пожилая дама, которую подвели к столу, уставленному закусками. Французские матросы на носу и на корме готовились бросить на берег тросы, привязанные к концам толстых швартовых канатов, которым вскоре предстояло накрепко притянуть их к Америке.

– Извините, мистер Холмс. Я кое-что забыл в каюте. Встретимся, когда вы пройдете таможду.

Холмс кивнул, по всей видимости погруженный в собственные мысли. Как Яну Сигерсону – Джеймс предполагал, что он путешествует по фальшивому норвежскому паспорту, – Холмсу предстояло довольно долго стоять в очереди, самого же Генри Джеймса, эмигранта в душе, но американского гражданина по документам, ждали лишь самые короткие формальности.

Тем не менее он быстро зашагал в сторону каюты, надеясь, что носильщики еще не унесли багаж. Так и оказалось.

Джеймс запер за собой дверь каюты, открыл чемодан, достал шкатулку красного дерева и бережно поднял крышку. Внутренность шкатулки по его специальному заказу обили бархатом, оставив углубление указанного размера.

Джеймс вытащил из кармана табакерку, аккуратно положил ее в шкатулку, закрыл крышку и снова запер чемодан, предварительно убедившись, что паспорт и все необходимые бумаги в портфеле. Как раз когда он выходил из каюты, подошли носильщики. Они уважительно приподняли кепки, Генри Джеймс ответил кивком.

Глава 7

Я намеревался описать вам вечер, ночь и утро Холмса и Джеймса в Нью-Йорке, но не нашел никаких записей о том, где они остановились. Документально подтверждено, что они оба прошли таможенню примерно в семь вечера четверга 23 марта 1893 года – Холмс по норвежскому паспорту Я. Сигерсона, Джеймс под собственным именем, – но дальше их следы теряются. Судя по диалогу, который, как мне известно, произошел между ними на следующий день в поезде, они, вероятно, не обедали вместе и даже остановились в разных гостиницах. Скорее всего, они вообще не разговаривали после «разъяснения» Холмса у борта французского парохода «Париж», когда тот швартовался к причалу.

Я предполагал, что они сели на вашингтонский поезд, отходящий с расположенного неподалеку Центрального вокзала, но выяснилось, что Холмс – который взял на себя все путевые хлопоты – купил им билеты на «Колониальный экспресс» Бостон – Вашингтон, находящийся в совместном владении «Пенсильванской и Нью-Йоркской железнодорожной компании» и «Ньюпортской железнодорожной компании». Однако в 1893 году «Колониальный экспресс» не проходил через Манхэттен – маршрут изменят лишь после гибели «Титаника» в 1912-м, – а значит, Холмсу и Джеймсу пришлось встать очень рано и отправиться на пароме в Джерсисити, чтобы сесть на поезд там. «Колониальный экспресс», идущий через Филадельфию и Балтимор, был самым быстрым, но далеко не самым удобным для постояльцев манхэттенских гостиниц.

Мне удалось подтвердить, что Джеймс и впрямь отправил Джону Хэю короткую телеграмму из Марсея, в которой сообщил лишь, что возвращается в Америку «по личному делу; пожалуйста, не говорите никому, кроме, может быть, Генри А.», указал примерное время прибытия в Вашингтон и добавил, что вместе с «норвежским исследователем, моим новым знакомцем и временным попутчиком» остановится в вашингтонской гостинице. В Нью-Йорке он получил от Хэя телеграмму следующего содержания:

ЧЕПУХА ВОСКЛ ВЫ И ВАШ НОРВЕЖСКИЙ ДРУГ
ДОЛЖНЫ ОСТАНОВИТЬСЯ У НАС ТЧК МЫ С КЛАРОЙ
НАСТАИВАЕМ ТЧК МЕСТА ЗПТ ЕДЫ ЗПТ ВИНА И
РАЗГОВОРОВ ХВАТИТ НА ВСЕХ ТЧК АДАМС СЕЙЧАС В

ОТЪЕЗДЕ ЗПТ НО БУДЕТ ОЧЕНЬ РАД УЗНАТЬ ЗПТ ЧТО ВЫ ЗАГЛЯНУЛИ НА РОДИНУ ТЧК ПО УДИВИТЕЛЬНОМУ СОВПАДЕНИЮ В ВОСКРЕСЕНЬЕ ЕЧЕРОМ У НАС ОБЕДАЕТ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ АТТАШЕ ОСКАРА II ЗПТ КОРОЛЯ ШВЕЦИИ И НОРВЕГИИ ТЧК НАМ ВСЕМ НЕ ТЕРПИТСЯ УВИДЕТЬ ВАШЕГО ОТВАЖНОГО ДРУГА-ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ВОСКЛ

Джеймс показал Холмсу телеграмму по пути к парому и не смог сдержать мрачной усмешки.

– Небольшое затруднение, а?

– Какое затруднение, мой дорогой Джеймс? – спросил Холмс, когда они ждали посадки на паром.

– Включает ли образ господина Яна Сигерсона умение говорить на норвежском как на родном? – ехидно полюбопытствовал Джеймс. – Быть может, вам лучше остановиться в вашингтонской гостинице, с Хэем и Адамсом видеться лишь изредка, а в воскресенье вечером сказаться больным?

– Чепуха, – с улыбкой возразил Холмс. – Остановиться у Хэев – большое преимущество. Вы сказали, их и Генри Адамса дома стоят близко?

– По соседству и примыкают один к другому, – ответил Джеймс. – Как Швеция и Норвегия.

– Отлично, – сказал Холмс. – А представитель Оскара Второго, короля Швеции и Норвегии, в воскресенье вечером пусть выкручивается как знает.

* * *

На билетах значилось «первый класс», но купе в поезде не было. По счастью, вагон первого класса в пятницу оказался полупустым, так что Холмс с Джеймсом, сидящие через проход, могли, наклонившись друг к другу, разговаривать неслышно для других пассажиров. Джеймс также отметил, что отвратительная американская привычка к слюноизвержению если не исчезла совсем, то пошла на убыль: бурых табачных пятен стало куда меньше, чем в начале восьмидесятых, и красная ковровая дорожка посередине вагона первого класса выглядела не так гадко, как многие ковры десять лет назад. Тогда, в 1883-м, Джеймс решил, что никогда больше не будет жить в Америке, а возможно, не вернется туда даже на время хотя бы из-за этих повсеместных плевков.

– Расскажите мне о «Пяти сердцах», – потребовал Холмс, когда они проехали Филадельфию.

Для этого разговора сыщик пересел и теперь был неприятно близко, практически колени в колени к Джеймсу, сидящему лицом по ходу движения. Холмс опирался на североевропейскую прогулочную трость, и Джеймс пожалел, что не взял свою в вагон, – она служила бы дополнительным барьером.

Он крепко упер ладони в колени, словно отгораживаясь от собеседника, и сказал:

– На самом деле их кружок звался не «Пять сердец», а «Пятерка сердец».

– В таком случае расскажите мне о «Пятерке сердец», – настаивал Холмс.

– На самом деле это был салон Кlover Адамс, – ответил Джеймс. – Надо добавить, уникальный в своем роде американский салон.

– Чем именно уникальный?

Джеймс на секунду задумался, пытаясь сообразить, что имел в виду.

– В отличие от множества салонов, которые я видел в Италии и Франции, его объединяющим началом были не люди искусства и даже не центральная триада салонов: деньги, слава, принадлежность к аристократии, хотя всего перечисленного Адамсам было не занимать.

– Вот как? – удивился Холмс. – Я думал, в Соединенных Штатах Америки нет аристократии.

Джеймс улыбнулся, почти жалея младшего собеседника. Холмс как-то упомянул, что в апреле ему исполнится тридцать девять, и писатель, которому вскорости предстояло отметить полувековой юбилей, чувствовал себя несравненно мудрее и старше.

– В каждом обществе есть своя аристократия, мистер Холмс... э-э... мистер Сигерсон. Основанная если не на родовитости, то на деньгах. Если не на деньгах, то на власти. И так далее.

– Но разве Генри Адамс не принадлежит к правящей вашингтонской аристократии?

Джеймс нахмурился. Неужто этот несносный сыщик его провоцирует? Притворяется настолько дремучим? Однако после секундного раздумья писатель решил, что нет. Холмс просто наивен.

– Генри Адамс – внук одного американского президента и правнук другого, и то и другое, разумеется, по отцовской линии, но никогда не занимал какого-либо политического поста. Да, он богат. Да, они с Кlover были влиятельнейшими общественными фигурами в первой половине

восьмидесятых. Однако, принадлежа к тому, что французские философы или Джефферсон назвали бы природной аристократией, Адамс никогда не обладал политической властью как таковой. Да помилуйте, он начинал как гарвардский профессор!

Холмс кивнул:

– Давайте вернемся к миссис Адамс. Опишите мне покойную Кlover... как можно более кратко и емко.

Джеймс почувствовал, как от этого беспардонного требования чувствительные перышки его души яростно встопорщились.

– Вы спрашиваете о женщине, с которой меня связывала близкая дружба, жене моего друга, сэр, – чопорно произнес он. – Вы должны помнить, что я джентльмен, хоть и не англичанин по рождению. Есть вещи, которые джентльмен просто не может сделать.

Холмс вздохнул:

– Сейчас и на обозримое будущее, мистер Джеймс, вы – американский джентльмен, согласившийся помочь в расследовании возможного убийства соотечественницы – или, по крайней мере, загадки ежегодных открыток с утверждением, что ее убили. В таком случае долг свидетеля перевешивает условность, согласно которой джентльмены не обсуждают своих друзей. Нам обоим необходимо ее перешагнуть, чтобы понять, была ли Кlover Адамс убита.

«Вам легко ее перешагнуть, – подумал Джеймс. – Вы не джентльмен».

– Хорошо, – произнес он со вздохом. – Что вы хотите знать о Кlover?

– Начните с ее внешности.

Джеймс вновь почувствовал, что закипает:

– Какое значение имеет ее внешность, мистер Хо... мистер Сигерсон? Не хотите ли вы сказать, что ее убили из-за лица?

– Это простая часть сложной головоломки, – тихо ответил Холмс. – С чего-то надо начать. Так как выглядела миссис Адамс?

Джеймс, помолчав, заговорил:

– Скажем так: в июне семьдесят третьего Генри Адамс женился на мисс Марианне Хупер не только из-за ее красоты. Она была скорее некрасива, хотя, как Генри сам написал мне много лет назад, «не совсем дурнушка». И притом маленькая; впрочем, и сам Генри Адамс, как вы вскоре увидите, по современным меркам ниже среднего роста. Однако Кlover обладала живым умом, не испорченным излишним образованием. – Джеймс снова замолчал. – А также, надо добавить, острым и ехидным язычком. За пять лет в Вашингтоне Кlover нажила много врагов – особенно среди выскочек, сенаторов и их жен, не допущенных в ее круг.

– Можете ли вы сказать, что салон «Пятерки сердец», где она председательствовала, был доступен лишь для избранных? – спросил Холмс.

Джеймс вновь пожалел, что не взял в вагон трость, – на нее можно было бы опираться, думая.

– Да, безусловно, – тихо ответил он, скорее себе, чем сидящему напротив сыщику. – Генри, Кловер – и остальные члены «Пятерки сердец» – никогда бы не позвали к себе человека только за его известность или влияние. Художников, поэтов, мелких политиков и других гостей приглашали на обеды, проходившие ежедневно после пятичасового чая во внутреннем салоне «Пятерки сердец», исключительно за способность развлечь хозяев. Как-то я написал рассказ, в котором вывел Кловер Адамс под именем миссис Бонникасл.

Джеймс остановился на середине фразы, досадуя на собственную болтливость.

– Продолжайте, – сказал Шерлок Холмс.

Джеймс перевел дыхание. Что ж, отступить было поздно – он уже перешел Рубикон несдержанности.

– Рассказ назывался «Пандора». Однако необходимо пояснить, что я никогда не списываю своих персонажей с живых или покойных людей. Они... э-э... амальгама... пережитого опыта и чистого вымысла.

Генри Джеймс лгал: все его главные персонажи – и многие второстепенные – были целиком и полностью списаны с его живых или покойных знакомых.

– Разумеется, – проворковал Холмс. В его тоне сквозила та же неискренность, какую Джеймс чувствовал в душе.

– В «Пандоре» я описал миссис Бонникасл как «даму бесконечно веселую», а про ее салон сказал, что он «отсеивал больше, чем впускал в себя»...

– Однако вы упоминали, что настоящая Кловер Адамс не была «дамой бесконечно веселой», – перебил Холмс. – Вы сказали, что она с детства страдала частыми приступами меланхолии.

– Да-да, – нетерпеливо отвечал Джеймс. – В рассказе некоторые черты опускаются. Будь миссис Бонникасл главной героиней романа, пришлось бы показать ее с разных сторон, пусть даже на первый взгляд они бы друг другу противоречили.

– Пожалуйста, продолжайте, – сказал Холмс с ноткой чего-то вроде раскаяния. – Вы излагали вымышленное описание салона Кловер Ада... миссис Бонникасл.

– Помню, я писал, что изредка допускаемых туда сенаторов и конгрессменов ждали... процитирую дословно, мистер Холмс, «со смесью тревоги и снисходительности».

Холмс криво усмехнулся. Возможно, он хотел спросить, неужто писатель слово в слово помнит большие отрывки из десятков своих книг и сотен романов, но сдержался, не желая уводить разговор в сторону.

– Пожалуйста, продолжайте, – сказал он.

– Я знаю, что мой добрый друг Генри Адамс узнал себя в «Пандоре» в том месте, где мистер Бонникасл в приступе нехарактерной широты взглядов говорит жене: «Давай, черт побери, будем вульгарны и повеселимся от души – позовем в гости президента!»

– А они часто приглашали президента? – спросил Холмс.

Джеймс почти неприлично фыркнул.

– Разумеется, не эту жалкую личность, Джеймса Гарфилда... хотя, полагаю, Гарфилд босиком прискакал бы с Лафайет-сквер к Адамсам, реши они его пригласить. Однако им... или, по крайней мере, Генри Адамсу – если не ошибаюсь, первый раз вместе со своим архитектором, Ричардсоном, – случилось захаживать через улицу в Белый дом, после того как туда въехал Гровер Кливленд. Это произошло в марте восемьдесят пятого, всего за несколько месяцев до смерти Кlover.

Холмс поднял палец:

– Извините, что снова перебиваю, Джеймс, но еще одна подробность американской жизни ставит меня в тупик. Я думал – по крайней мере, в детстве, – что, в отличие от ее величества и большинства других монархов мира, американский президент избирается на ограниченный срок. Четыре года, мне смутно помнится. Однако Кливленд был президентом в тысяча восемьсот восемьдесят пятом, когда умерла Кlover Адамс, и – поправьте меня, если ошибаюсь, – он по-прежнему президент сейчас, в тысяча восемьсот девяносто третьем. Неужели американцы убедились в преимуществах пожизненного общественного служения?

«Неужто взрослый англичанин может быть настолько плохо осведомлен?» – подумал Джеймс.

Словно читая его мысли, Холмс произнес с улыбкой:

– Во время недавнего путешествия на поезде для расследования дела на далеких торфяных пустошах, не упомянутого – по крайней мере, пока! – в опубликованных хрониках наших приключений, я имел случай сказать доктору Ватсону, что его слова о вращении Земли вокруг Солнца стали для меня новостью. Возможно, я и проходил это в школе, но выбросил из головы за ненадобностью, как выбрасываю все, что не связано с моей

профессией. Я умею, как вы увидите, целиком сосредоточиваться на одном. Так что вам иногда придется делать мне снисхождение, сэр.

– Для человека, который, по собственным уверениям, вечно за «Таймс»... – начал Джеймс, но осекся.

Холмс явно говорил неправду, а Джеймс был не готов к спору. Пока не готов.

– Мистер Гровер Кливленд, – начал он, – единственный президент США, занимавший этот пост два срока с перерывом. Первый раз – с марта восемьдесят пятого по март восемьдесят девятого. Следующие четыре года президентом был некий Бенджамин Гаррисон. Затем мистер Кливленд опять победил на выборах и был вторично приведен к присяге несколько недель назад.

Холмс кивнул:

– Спасибо. А теперь, пожалуйста, вернитесь к описанию «Пятерки сердец».

Джеймс огляделся:

– Боюсь, что вагон-ресторан скоро закроется. Может быть, мы пойдем туда и продолжим разговор за ленчем?

Глава 8

Джеймс заказал радужную форель, которую не особенно любил, просто вкус радужной форели всегда напоминал, что он «дома», в Соединенных Штатах. По правде сказать, пейзаж за окнами вагон-ресторана отнюдь не рождал ощущения родины. Деревья вдоль путей на перегоне от Нью-Джерси до Балтимора были слишком низкие и частые – явная молодая поросль между фермами. Дощатые дома не мешало бы заново покрасить. Некоторые амбары покосились. То был ковер американского хаоса, наброшенный на слой бедности. В Англии, Италии и Франции бедность тоже была повсюду, но редко являла собой такое же покосившееся, облезлое, густо заросшее убожество. В Англии – да и почти во всей Европе Генри Джеймса – все старое, нищее и обветшалое было *живописным*. Включая людей.

Много лет назад в эссе о Готорне (которого в молодости боготворил) Джеймс имел неосторожность сказать американским читателям, что для художника и литератора американская история и самая почва – унылая чистая доска. В Новой Англии нет величавых европейских замков, старинных развалин, римских дорог, заброшенных пастушьих хижин, нет сословий, способных ценить искусство. Американский художник или литератор, утверждал Джеймс, не может достичь вершин мастерства, отзываясь на вульгарное, переменчивое, меркантильное *новое*, как европейские художники и литераторы романтически отзываются на *старое*.

Некоторые американские обозреватели, критики и даже читатели ответили ему гневной отповедью. Джеймс знал: в их глазах Америка, даже лишенная настоящей истории, всегда права, а вульгарная, вечно меняющаяся новизна, которую он ненавидел всей душой – главным образом как помеху творчеству, – действует на их филистерские проамериканские чувства как афродизиак.

Джеймс помнил, как примерно в 1879 году написал, суммируя свои мысли о Готорне и его современниках: «Даже для малой литературы необходима очень долгая история» и «Можно так долго перечислять те элементы высокой культуры, которые есть в других странах и отсутствуют в ткани американской жизни, что поневоле задумаешься: а что в ней вообще есть?». Может быть, именно поэтому он добавил в шестой главе монографии о Готорне: «Бесспорно, что американцы больше всех в мире

озабочены чужим мнением о себе и убеждены, что другие народы по сознательному сговору их принижают».

Это не добавило ему любви со стороны американских обозревателей и читателей.

Сейчас Генри Джеймс пожал плечами, отгоняя те давние чувства, доел форель и выпил последний глоток отвратительного белого вина.

Холмс заказал только чай и даже не притронулся к жалкому американскому подобию этого напитка, поданного в чашке с эмблемами «Пенсильванской и Нью-Йоркской железнодорожной компании» и «Ньюпортской железнодорожной компании». Джеймс вообще не видел, чтобы сухопарый сыщик что-нибудь ел с их обеда в Париже вечером тринадцатого марта, одиннадцать дней назад, и дивился, как тот еще жив.

– Мы говорили о миссис Кловер Адамс, – сказал Холмс так неожиданно, что Джеймс даже вздрогнул.

– Разве? Мне казалось, мы перешли к ее мужу и другим членам «Пятерки сердец».

Прежде чем заговорить, Джеймс убедился, что их половина вагона-ресторана пуста и официантов поблизости нет. И все равно он произнес эти слова совсем тихо.

– Вы упомянули, что Кловер Адамс нажила себе врагов отчасти тем, что допускала в салон далеко не всех, отчасти... если не ошибаюсь, вы назвали это ее «ехидным язычком», – сказал Холмс. – Не могли бы вы привести мне пример конкретных слов, изустных или письменных, которые оскорбили конкретных людей?

Джеймс в задумчивости промокнул губы салфеткой и неожиданно – случай настолько редкий, что может считаться уникальным, – решил поделиться историей, в которой мишенью шутки послужил он сам:

– Последний раз, когда я был в Соединенных Штатах, десять лет назад, я перед отъездом написал Кловер и объяснил, что избрал ее адресатом последнего письма из нашей общей страны, поскольку считаю ее, Кловер... как же я сформулировал?... «поскольку считаю вас воплощением вашей родины» – да, кажется, так. Кловер ответила сразу, пошутив, что находит мои слова «весьма двусмысленным комплиментом» и добавила: «Значит, я вульгарна, скучна и со мной невозможно жить?»

Джеймс взглянул на Холмса, но так и не дождался отклика на свой анекдот. Наконец сыщик произнес:

– Итак, дама была остра на язык. Есть у вас еще примеры?

Джеймс подавил вздох:

– Что проку вспоминать?

– Кловер Адамс стала жертвой убийства, – ответил Холмс. – Или, по крайней мере, жестокого шутника, утверждающего, что ее убили. В обоих случаях очевидный подход к делу – выяснить, кто мог питать к ней ненависть, пусть всего лишь из-за острого языка.

– Если только, как в нашем случае, речь не о самоубийстве, – возразил Джеймс, – что сводит список подозреваемых в так называемом деле к одному имени. Элементарно, мой дорогой Холмс.

– Не всегда, – загадочно ответил сыщик. – Я расследовал очевидные самоубийства, которые произошли из-за преступного умысла других лиц.

Теперь Джеймс все-таки вздохнул:

– Мои добрые друзья из числа «Пятерки сердец» на протяжении многих лет ободрительно, чтобы не сказать восторженно, отзывались о моих сочинениях. Генри Адамс, Джон Хэй, Кларенс Кинг, даже Клара Хэй искренне интересовались моими рассказами и романами. Кловер всегда была... более сдержанна. Как-то человек, который... э-э... довольно близко был с нею знаком, сказал мне, что в споре со своим мужем и Джоном Хэем о литературных достоинствах либо отсутствии оных в творчестве некоего Генри Джеймса Кловер произнесла следующее: «Беда с прозой Гарри не в том, что он долго жамкает, что откусил, а в том, что он больше жамкает, чем кусает».

– Забавно, – сказал Холмс. – И, как я понимаю, американский разговорный диалект составляет часть юмора.

Джеймс промолчал.

– Мне удивительно, что человек, близко знающий вас обоих, счел нужным передать вам это конкретное бонмо.

Джеймс вновь не ответил. Шутку пересказал ему в одном из лучших лондонских клубов не кто иной, как Чарльз Ф. Адамс – брат Генри Адамса, человек, которого Джеймс находил невыносимо вульгарным. В отличие от брата, Чарльз шутил зло и радовался, когда ему удавалось задеть или смутить собеседника. И все же у Джеймса не было и капли сомнений, что Кловер сказала именно эти слова: то был ее уничижительный стиль и, да, ее рафинированная привычка уснащать речь грубым американским диалектом. Тогда Джеймс был до крайности уязвлен. Однако он сохранил дружбу с Кловер Адамс, и эта насмешка – а также другие, пересказанные ему Чарльзом и прочими общими знакомыми, – ничуть не уменьшила его скорби при известии о ее смерти.

Захоти Джеймс и впрямь посплетничать о Чарльзе, он мог бы рассказать историю похлеще, о которой узнал из письма Джона Хэя: узнав о предстоящей свадьбе Генри Адамса и Кловер Хупер, Чарльз воскликнул:

«О боже! Нет! Хуперы все чокнутые! Кlover убьет себя, как ее тетка!» (Тетя Кlover, Кэрри, и впрямь покончила с собой, будучи беременной.)

А через несколько месяцев после возвращения молодоженов из свадебного путешествия по Египту и Европе Чарльз Адамс в письме Уильяму Дину Хоуэллсу позволил себе еще бóльшую вульгарность (Хоуэллс пересказал ее в письме к Джеймсу): «Чтобы пообщаться с Генри, я должен – буквально! – вырывать его из объятий супруги. Ибо он теперь у нас без устали мнет Кlover! (Шутка. Ха-ха!)». За одно это «ха-ха» можно было бы презирать Чарльза на всю жизнь.

– Расскажите мне подробнее о Генри Адамсе, – сказал Холмс.

Джеймс невольно пожал плечами – жест, от которого давным-давно себя отучил. Настолько пересказанный анекдот выбил его из колеи.

– Что именно вы хотите узнать?

– Куда больше, чем вы успеете изложить, прежде чем наш поезд остановится в Вашингтоне, – ответил Холмс. – Однако для начала остановимся на том, чем Генри Адамс был известен ко времени смерти Кlover, помимо того, что ведет род от двух президентов и входит в салон своей жены.

– Я ввел вас в заблуждение, если вы сочли, что «Пятерка сердец» была салоном исключительно или хотя бы в первую очередь Кlover Адамс, – довольно резко произнес Джеймс. – Все в нем, за исключением, быть может, Клары Хэй, были личности выдающиеся. Все, за исключением Клары с ее милой недалекостью, обладали замечательным чувством юмора. Они каламбурили без остановки. Как-то в моем присутствии один из хозяйских терьеров вернулся с поцарапанным глазом. Джон Хэй тут же объявил, что это, безусловно, которакта. «И котострофа», – немедленно подхватил Кларенс Кинг.

Холмс ждал.

– Генри Адамс преподавал средневековую историю в Гарвардском университете, – сказал Джеймс, – и по заслугам считается одним из самых уважаемых историков Америки. Они с Кlover были увлеченными коллекционерами; овдовев, Адамс сохранил эту страсть. Если он будет дома и пригласит нас к себе, вы увидите, что их жилище отражает утонченный вкус во всем, от персидских ковров и ваз династии Мин до выдающихся произведений живописи, в том числе Констебля и Тёрнера, которых Адамсы начали покупать раньше, чем другие собиратели узнали эти фамилии. Дом Адамсов, выстроенный, как и дом Хэев, покойным Г. Г. Ричардсоном, сам по себе творение искусства.

Холмс кивнул, как бы составляя мысленный список фактов,

характеризующих скромного, но прославленного на весь мир человека.

– А мистер Джон Хэй? – спросил он.

– Мой очень старый и довольно близкий друг, – сказал Джеймс. – Нас познакомил Уильям Хоуэллс – знаменитый издатель и тоже мой старинный приятель. Я имел удовольствие общаться с Джоном Хэем и его женой Кларой и в Англии, и в Европе, и в Соединенных Штатах. Он человек исключительный.

– Пока все члены «Пятерки» представляются исключительными людьми, – заметил Холмс, – во всяком случае, по американским меркам. – Прежде чем Джеймс успел возмутиться, Холмс продолжил: – В газете, где его упоминали, было сказано «полковник Хэй». Он служил в армии?

Джеймс хохотнул:

– В двадцать два года Хэй стал помощником Джона Николея, который служил личным секретарем у президента Авраама Линкольна.

Холмс нетерпеливо ждал. Джеймс тщетно выискивал в его лице хоть какой-нибудь признак, что сыщик впечатлен – или хотя бы заинтересовался.

– По правде сказать, – продолжал Джеймс, – Хэй исполнял должность второго секретаря при Линкольне в самые страшные годы Войны Севера и Юга. Однако дело в том, что должность второго секретаря не предусматривалась. Как и должность помощника мистера Николея. По его ходатайству молодого Джона Хэя зачислили в Департамент внутренних ресурсов. Когда в шестьдесят четвертом некий комитет усомнился в законности этого назначения, военное ведомство произвело Хэя в майоры; «заместитель генерал-адъютанта добровольцев» – так, кажется, это звучало полностью. Через год он стал подполковником, а вскорости и полковником.

– Ни разу не побывав на поле боя, – заметил Холмс.

– Только если он сопровождал туда президента Линкольна.

– Как я понимаю, мистер Хэй с тех пор многого достиг – помимо того, что приобрел богатство и жену, – сказал Холмс.

Джеймсу не особо понравился его тон – чересчур простецкий. Однако писатель решил пока не возмущаться. Официанты стояли у стены в противоположном конце вагона-ресторана, важно сцепив руки ниже живота, и ждали, когда Джеймс и Холмс удалятся.

– К тому времени, как Джон Хэй женился на Кларе Стоун – в тысяча восемьсот семьдесят четвертом, Хэю тогда было тридцать пять, – он побывал на важных дипломатических постах в трех странах. – Джеймс не стал говорить, что Хэй ворчал и жаловался на манеры, язык, культуру и правительство всех трех крупных европейских стран. – К тому же он получил широкую известность как поэт, а затем и как журналист. Его

прославили очерки о Чикагском пожаре, об убийстве президента Гарфилда в восемьдесят первом и суде над убийцей-анархистом Чарльзом Гито.

– Любопытно, – сказал Холмс. – Сознаюсь, я не слышал, что президента Гарфилда убили, и уж тем более, что его убил анархист.

Джеймс просто не поверил услышанному. Он промолчал.

– Мистер Хэй по-прежнему журналист? – спросил сыщик. Он раскурил трубку, нимало не заботясь о нетерпеливо ждущих официантах.

– Он стал редактором знаменитой газеты мистера Грили – «Трибьюн», но затем вернулся на государственную службу, – ответил Джеймс. – В восьмидесятом бедный президент Гарфилд попросил Джона перейти из Госдепартамента в Белый дом и стать его личным секретарем. Однако Хэй отказался. Он ушел с государственной службы еще до убийства Гарфилда. В число его времяпрепровождений – возможно, мне следовало сказать «забав» – входит анонимное сочинение романов. Когда-то его друг Генри Адамс написал и анонимно опубликовал роман «Демократия». С тех пор читающая публика не устает гадать, кто автор. Называли Кловер Адамс и Кларенса Кинга, но чаще всего – Джона Хэя. Есть подозрение, что «Пятерке сердец» просто нравилось мистифицировать публику.

– «Демократия», – пробормотал Холмс, не выпуская изо рта трубку. – Я правильно помню, что эта книга несколько лет назад неплохо продавалась в Англии?

– Продавалась очень хорошо, – сказал Джеймс. – В Англии. В Америке. В Германии. Вполне может быть, что и в Тимбукту.

Его неприятно удивила нотка горечи в собственном голосе.

– А Клара Хэй? – спросил Холмс. Он вынул из жилетного кармана часы и глянул на циферблат.

– Настоящая дама, – ответил Джеймс. – Радужная хозяйка. Помощница мужу. Добрейшая душа. Островок спокойствия в водовороте вашингтонской светской жизни.

– Как бы вы аттестовали ее в смысле привлекательности? – спросил Холмс.

Нескромность вопроса заставила Джеймса приподнять бровь.

– Миловидное лицо. Безупречный вкус в одежде. Красивые волосы. Прекрасная кожа. Некоторая склонность к... э-э... приятной округлости.

– Толстая?

– Пухленькая, – упрямо возразил Джеймс. – Она была такой, когда Джон Хэй влюбился в нее, двадцать лет назад, а годы и дети еще усилили это качество.

«И обжорство», – подумал Джеймс, немного стыдясь такой мысли о

жене друга. Менее года назад Хэй писал ему в письме, что вместе с женой и сыном посетил Чикаго, где он, Хэй, весьма деятельно проводил время, а Клара сидела в гостинице и «усердно налегала на тамошний провиант». Про себя Генри Джеймс думал, что дебелая Клара Хэй не слишком умна – хотя достаточно образованна, чтобы ценить его книги, – ханжески религиозна, как дочка какого-нибудь захолустного баптистского пастора (немного несправедливо: Клара была из Огайо, но все же не дочь пастора), и совершенно незаслуженно входила в рафинированную «Пятерку сердец».

Он ни за что не сказал бы этого Шерлоку Холмсу.

– Расскажите про Кларенса Кинга, – попросил сыщик, – а затем мы вернемся на свои места и позволим этим добрым людям убрать вагон-ресторан к обеду.

– В «Колониальном экспрессе» не подают обедов, – сказал Джеймс, тайно злорадствуя, что поймал прославленного детектива на ошибке.

– А-а-а... – протянул Холмс, выпуская из огромной трубки столб дыма. – В таком случае вы можете описать Кларенса Кинга не спеша. Должен заметить, я читал, что мистер Кинг в начале семидесятых разоблачил аферу с продажей несуществующего алмазного месторождения. В Колорадо, не так ли?

– Да, – ответил Джеймс. – Кларенс Кинг с головы до пят – все пять футов шесть дюймов – воистину исключительный человек. Геолог, альпинист, исследователь, государственный служащий, обожатель изысканной кухни, хороших вин и изящных искусств. Генри Адамс и Джон Хэй всегда считали – надо думать, искренне, – что из «Пятерки сердец» Кларенс Кинг пойдет дальше всех – скорее других достигнет славы, почестей, высокого положения.

– Кlover Адамс тоже так полагала?

Джеймс задумался лишь на долю мгновения:

– Она считала Кларенса Кинга шарлатаном, но именно это ей в нем нравилось. Именно Кларенс Кинг заказал для остальных «сердец» почтовые принадлежности и чудесный чайный сервиз с эмблемой их клуба.

– Опишите его, пожалуйста, – попросил Холмс, вынимая трубку из рта.

– Простите?

– Опишите, пожалуйста, чайный сервиз.

Генри Джеймс выглянул в окно на все более летние леса и поля, словно надеясь почерпнуть в них силы. Вечерело. Последние лучи мартовского заката бросали золотистые отблески на деревья и фонарные столбы.

– Чайный сервиз был премиальный, – сказал он наконец. – Пять чашек и блюдце, разумеется. В форме сердец и миниатюрные.

– Все пятеро членов клуба были маленького роста, – заметил Холмс.

– Э-э... да. – Джеймс растерянно пытался вспомнить, когда это упомянул. Он помнил только, что назвал рост Кларенса Кинга.

– Что еще вы можете рассказать про сервиз? – спросил Холмс.

«Этот человек – сумасшедший», – подумал Джеймс, а вслух сказал:

– Сервиз был с изящными медальонами: ветки, увешанные как бы миниатюрными плодами, но при ближайшем рассмотрении становилось видно, что это гроздь из пяти сердец. Та же тема повторялась на сахарнице и сливочниках. На чайнике и на краю подноса, увенчанного, если память меня не подводит, большой и хрупкой заглавной буквой «Т», были изображены циферблаты со стрелками ровно на пяти часах.

– Время, в которое «Пятерка сердец» собиралась каждый будний день, – сказал Холмс. – Обычно перед камином в доме Адамсов, в креслах, сделанных специально под маленький рост всех пятерых. Адамс и его жена Кlover сидели друг против друга в миниатюрных – и парных – креслах, обитых красной кожей.

– Да, – ответил Джеймс, решительно не понимая, откуда Холмс выудил последний (и безусловно верный) факт.

Сыщик удовлетворенно кивнул.

– Что ж, давайте вернемся в наш не слишком первоклассный вагон первого класса, – сказал он.

* * *

Южнее Балтимора ремонтировали пути, и «Колониальный экспресс» надолго встал в чистом поле. Холмс и Джеймс сидели в относительно неудобном первом классе – без обеда, не имея других развлечений, кроме чтения да кофе, который время от времени приносил проводник, всякий раз извиняясь за непредвиденную остановку. Даже за окном не на что было смотреть, поскольку уже давно стемнело. Холмс больше не задавал вопросов – что, на взгляд Джеймса, весьма дурно рекомендовало его как сыщика, – и они просто сидели в молчании все эти долгие, тягучие часы.

Наконец «Экспресс» вновь тронулся, но в столицу он прибыл с опозданием на много часов – сильно после того, как все приличные вашингтонцы уже отообедали, а многие и легли спать.

Однако на вокзале ждал большой четырехколесный экипаж Хэя – брум

работы мастерской Уильяма Кинросса. Старший лакей, Северс, отправленный встречать путешественников, быстро закрепил снаружи чемоданы и накрыл их брезентом (накрапывал мелкий дождик). Холмс и Джеймс забрались в черный закрытый экипаж с единственным окошком спереди.

Уличные фонари, окруженные мягкими ореолами, напомнили Джеймсу поздний вечер одиннадцать дней назад, когда они с Холмсом встретились у Сены. А вместе с мыслями о тех событиях нахлынуло и что-то очень похожее на ужас. Да как он решился ввести этого странного человека, почти наверняка умопомешанного, в дом ближайших друзей? Жалкую попытку Холмса выдать себя за «господина Яна Сигерсона, норвежского исследователя» разоблачат в воскресенье, когда у Хэев будет обедать норвежский посол, если не раньше. Что Джон и Клара Хэй – а уж тем более Генри Адамс, который *ни с кем не говорит о покойной жене и ее самоубийстве*, настолько мучительна ему эта память, – подумают о его, Джеймса, соучастии в обмане?

У него засосало под ложечкой, к горлу подступила тошнота. Экипаж подпрыгивал на мостовой одного из наименее коммерческих городов Америки. Немногочисленные магазины и рестораны были закрыты и темны. Даже в фешенебельном районе поблизости от резиденции президента лишь в редких окнах горели электрические лампы или газовые рожки. Деревья здесь, на юге, уже полностью оделись листвой, и Джеймсу казалось, что его затягивает все глубже и глубже в темный туннель, рожденный собственной глупостью.

– Если не ошибаюсь, у американцев есть поговорка: «Тротуары здесь скатывают в рулон и убирают на ночь», – внезапно произнес Холмс.

Голос прозвучал из темноты так неожиданно, что Джеймс даже вздрогнул, но не вполне оторвался от своих раздумий.

– В отношении Вашингтона это безусловно верно, – добавил сыщик.

Джеймс промолчал.

Они уже подъезжали к Лафайет-сквер – за деревьями угадывалась темная резиденция президента – и сворачивали с Шестнадцатой улицы на Эйч-стрит. По одну ее сторону белела церковь Святого Иоанна, по другую блеснул мокрым красным кирпичом дом Хэя. Хозяин стоял в глубокой ричардсонской арке входа, поджидая гостей.

– Гарри, Гарри, мы так рады, что вы вернулись! – басовито зарокотал Хэй – поджарый, невысокий, элегантный господин с редящими волосами, аккуратно расчесанными на прямой пробор. Брови и волосы у него были темные, а густые усы и центральная часть бородки уже поседели. Глаза

светились умом, в голосе, эхом отдававшемся под аркой, звучало искреннее радушие.

И вот они уже вошли в дом, слуги сняли с них плащи и шляпы, другие лакеи унесли наверх чемоданы и саквояжи, и Джеймс недогнущим голосом представил «Сигерсона», хотя сердце его бешено колотилось при мысли о предательстве, а во рту непривычно пересохло.

– Ах, мистер Сигерсон! – воскликнул Джон Хэй. – Я читал о ваших прошлогодних тибетских приключениях и в английских, и в американских газетах. Чрезвычайно приятно видеть вас в нашем доме.

Джеймс обратил внимание, что Холмс озирается по сторонам. Огромный вестибюль был обшит южноамериканским красным деревом, отполированным почти до зеркального блеска. Стена над деревянными панелями была темно-терракотовая, в тон персидским коврам и дорожкам на паркетном полу. Над головой – на высоте церкви Святого Иоанна – под балками красного дерева горели хрустальные люстры. Впереди уходила вверх широкая лестница, на которой при случае мог выстроиться оркестр в шеренгу по десять человек.

– Клара очень сожалеет, что не встретила вас, – сказал хозяин. – Ей сегодня пришлось лечь пораньше из-за ужасной мигрени – они мучают ее уже очень давно, но, по счастью, редко. Она мечтает увидеть вас обоих за завтраком – если, конечно, вы не предпочтете, чтобы вам его подали в спальни. Знаю, Гарри, вы любите завтракать в постели.

– Увы, холостяцкая привычка, – ответил Джеймс. – Особенно в первое утро после полуторанедельного утомительного путешествия.

– В таком случае мы с Кларой увидим вас позже, – рассмеялся Хэй. – А вы, мистер Сигерсон? Тоже предпочитаете завтрак в постель?

– Буду чрезвычайно рад познакомиться с миссис Хэй за завтраком, – отвечал Холмс с преувеличенным – и, очевидно, фальшивым – скандинавским акцентом.

– Чудесно! – воскликнул Хэй. – Мы с Кларой вытянем из вас все последние сплетни о Гарри.

Он улыбнулся Джеймсу, показывая, что шутит.

– Но кстати, – продолжал хозяин. – Я знаю, как сильно опоздал поезд, и помню, что в треклятом «Колониальном экспрессе» не подают обедов. Вы наверняка умираете с голоду.

– У нас был довольно поздний ленч... – начал Джеймс, слегка краснея не столько оттого, что они причиняют хозяину неудобства, сколько от кошмарности происходящего.

– Чепуха, – ответил Хэй. – Уверен, вы страшно изголодались. Я

поручил Бенсону подать вам легкий перекус.

Он холеными руками обнял обоих за плечи и через огромные, но на удивление теплые помещения повел гостей в обеденную залу.

Джеймс сразу увидел, что она просторнее, элегантнее и обставлена с куда большим вкусом, чем столовая мистера Кливленда в Белом доме, которую писатель видел на фотографиях. Во всех комнатах, через которые они прошли, были каменные каминные, украшенные искусной резьбой. На стенах висели картины, старинные шпалеры и карандашные наброски в рамах – признак утонченного вкуса в сочетании с эклектизмом талантливого собирателя.

«Легкий перекус» состоял из двух буфетов. На одном разместились свежезапеченная индейка, половина виргинского окорока, салаты и тушеные овощи, на втором – вина, клареты, виски, минеральная вода и различные ликеры. Один конец длинного стола был накрыт на троих и освещен свечами в высоком канделябре.

– Мы сегодня все холостяки, – рассмеялся Хэй. – Придется самим о себе заботиться.

«Забота о себе» заключалась в том, чтобы показать Бенсону и двум помощникам дворецкого, что положить на тарелки.

Когда все расселись в круге света от канделябра и выпили предложенный хозяином тост за благополучное прибытие в Америку, Джеймс, к собственному удивлению, обнаружил, что, несмотря на тошноту в экипаже, и впрямь сильно проголодался.

– Гарри, должен вас огорчить, – сказал Хэй, обращаясь к Джеймсу. – Адамс еще не вернулся из путешествия на Кубу с Филлипсом. Он должен был приехать на прошлой неделе, но встретил Александра Агассиса, и все планы пошли прахом. Они вместе изучали геологию коралловых рифов, затем вместе с Камеронами перебрались отдыхать на остров Святой Елены. Надо признаться, Адамс не спешит домой – ко мне и другим друзьям.

– Так мы с ним разминемся? – спросил Джеймс и сам испугался того облегчения, которое услышал в собственном голосе.

– Нет, вряд ли! – со смехом воскликнул Хэй. – Думаю, в начале апреля он сюда доберется... а это уже скоро. Наслаждайтесь спокойствием, пока он не прибыл. – И повернулся к Шерлоку Холмсу. – Съедобен ли ужин после тягот пути и неспешного «Колониального экспресса», мистер Сигерсон?

– Ужин превосходен, – отвечал Холмс, и Джеймс про себя отметил, что детектив и впрямь съел несколько кусочков ветчины. – Все очень вкусно, мистер Хэй.

– Отлично, отлично, – пророкотал Джон Хэй. – А мы сделаем все, что в наших скромных силах, дабы и остальное время вашего пребывания в Вашингтоне было не хуже. – Он вновь повернулся к Джеймсу. – Да, Гарри, еще приятная новость: как я сегодня узнал, завтра в Вашингтон приезжает Кларенс Кинг – наверняка по пути на какие-нибудь мексиканские золотые прииски. Он согласился быть у нас на воскресном обеде – тогда же, когда и посланник короля Оскара Второго. Кларенс будет счастлив повидаться с вами после стольких лет.

Джеймс глянул на Холмса и позволил себе чуть заметную злорадную улыбку.

– Вам крупно повезло, Сигерсон, – сказал он. – В воскресенье тут будет не только посол короля Швеции и Норвегии, но и один из самых прославленных *исследователей*. Я уверен, у обоих будет к вам множество вопросов.

Холмс поднял взгляд от бокала с вином, усмехнулся и молча кивнул.

Глава 9

Хэй сказал, что завтрак подадут в малой обеденной зале – той, которая выходит окнами на сад, – в семь тридцать, так что Холмс позволил себе проспять до семи. Спал он хорошо, но, проснувшись, ощутил боль в суставах и невыносимую панику. Зайдя в великолепную ванную комнату, составлявшую часть гостевых покоев, Холмс открыл сафьяновый несессер, где в кармашках хранились шприц и склянка с темной жидкостью. Сыщик достал из другого кармашка пузырек со спиртом, окунул в него иглу, набрал в шприц темной жидкости, выпустил воздух, затем извлек из сумки с туалетными принадлежностями кусок резиновой медицинской трубки, туго замотал ею левую руку, еще туже затянул зубами и вколол себе морфин в сгиб локтя. Рядом с множеством темных отметин от уколов появилась еще одна.

Холмс сел на край ванны, дожидаясь, когда морфин победит боль и панику. Только сейчас он заметил, что и ванна, и стены рядом с нею украшены прекрасным бело-синим дельфтским рисунком.

Он не спеша выкупался – дивясь, что лишь слегка повернул серебряный кран своими удивительно чуткими пальцами ноги, и сразу потекла замечательно горячая вода, – затем побрился перед зеркалом, с подозрением поглядывая на загадочный предмет, вмурованный в пол рядом с умывальной раковиной. По виду это была вторая дельфтская ванна, только несравненно меньше. Дедуктивные способности подсказывали Холмсу, что это некое американское приспособление для мытья ног. (По крайней мере, предмет был слишком низок для биде – это французское изобретение, как и обычай пользоваться им после туалета, Холмс при всей своей любви к чистоте находил омерзительным.)

Вымывшись и побрившись, он прошелся по волосам красящим составом, затем (для жесткости) патентованным кремом, растрепал их при помощи двух зубных щеток, причесал специальным гребешком сигерсоновские усы и облачился в зеленый твидовый костюм для прогулки по городу.

У лестницы уже ждал слуга, чтобы проводить его к завтраку.

Минуточку.

Читателю придется извинить рассказчика, который сейчас вынужден прерваться на небольшое пояснение.

Возможно, вы не заметили, хотя я в этом сомневаюсь (ибо опасно недооценивать ум и внимание читателя), но мы только что изменили точку зрения. До сих пор я держался того, что писатели и литературоведы называют «ограниченной точкой зрения третьего лица» (в данном случае мистера Генри Джеймса), и лишь изредка разрешал себе прибегать к «ограниченной точке зрения вездесущего и всезнающего автора» – вернее, даже «очень-очень ограниченной». По правде сказать, в тексте ощущался отчетливый недостаток вездесущности.

Я еще больше разрушу у вас иллюзию подлинности событий, если скажу, что не люблю умножать наблюдателей по ходу текста. Я считаю способность прыгать из головы в голову, которой якобы наделен автор, нахальной и нереалистичной. Хуже того, это просто неизящно.

Когда литература через сознательный вандализм и разрушение нашего некогда славного языка унизилась до того, что стала чисто развлекательной, авторы взяли манеру скакать от персонажа к персонажу *лишь потому, что это в их власти*.

Касательно того, почему события в настоящей главе показаны глазами Холмса, я мог бы сочинить десяток убедительных объяснений – например, будто все приведенные сведения сделались известны Генри Джеймсу и тот задним числом излагает их мне, рассказчику. Однако это было бы неправдой. Равным образом я бы солгал, назвав своим информантом доктора Джона Ватсона, ибо он никогда не узнает об американских приключениях 1893 года.

Рассказчик мог бы заявить, что посредством обычных хитроумных методов (вскрытый сейф, найденный на чердаке сундук и тому подобное) стал обладателем некой рукописи (а возможно, заодно и утраченных томов «Всего искусства раскрытия преступлений») и что между страницами этой рукописи были, весьма кстати, вложены зашифрованные записки, позволяющие нам увидеть события глазами сыщика. Не такая уж невидаль – случайно обнаружить архив джентльмена, прошедшего последние годы на покое «среди пчел и книг на маленькой ферме в Сассексе»,^[5] – в жизни происходят совпадения и более удивительные.

Увы, нет. Никаких сенсационных находок: ни зашифрованных записок пасечника, ни обещанного Холмсом, но так и не найденного «Всего искусства раскрытия преступлений». Если быть совсем точным, я вообще не располагаю сведениями, полученными непосредственно от Холмса,

Джеймса, а равно и доктора Джона Ватсона или его литературного агента Артура Конан Дойла. Позже я, быть может, раскрою – а быть может, и не раскрою – мои источники, пока же довольно будет сказать, что о трехмесячном пребывании сыщика и писателя в Америке знаю больше с точки зрения Холмса, чем с точки зрения Джеймса. Я не ведаю всех его мыслей – у меня нет власти заглянуть в голову обоим, – и все же у меня больше информации о том, что делал в этот период Холмс, а уж отсюда любой толковый рассказчик способен дедуктивно вывести или просто вообразить его мысли.

Однако, если читателя еще не до конца оттолкнула временная смена фокальности, ваш рассказчик постарается впредь ограничивать число точек зрения двумя и прилежно следить, чтобы авторский взгляд не прыгал от одного персонажа к другому, как фигуральный кузнечик на вполне буквальной сковородке.

* * *

Буфет в освещенной утренним солнцем малой столовой уступал размерами тому, что Бенсон накрыл вчера в обеденной зале, но почти так же ломился от яств. На фарфоровых и серебряных тарелках и блюдах лежало все потребное для полного английского, легкого французского и плотного американского завтрака. Кроме того, поскольку Ян Сигерсон считался норвежцем, здесь были копченая семга, нарезанный тонкими ломтиками сиг, омлет с лососем, соленая сельдь и длинные английские огурцы – как принято считать, любимое лондонское лакомство заезжих норвежцев – с зеленым и красным перцем. Джону Хэю – или, правильнее сказать, его кухарке – удалось где-то раздобыть *Syltetø*, норвежский джем, к утреннему поджаренному хлебу. Помимо французских, американских и швейцарских сыров, на столе были ярлсберг, гауда, норвегия, нёккелост, пультост и груност – очень сладкий норвежский сыр из козьего молока. (Холмс раз попробовал брюнуст и тут же решил, что больше в жизни не прикаснется к этой приторной замазке.)

Он наполнил тарелку компонентами английского, американского и норвежского завтраков – хотя в доме номер 221б по Бейкер-стрит обычно ограничивался французским круассаном и крепким турецким кофе – и приступил к застольной беседе с Джоном и Кларой Хэй.

Сорокачетырехлетняя миссис Хэй давно вышла из того возраста, когда могла, по выражению Джеймса, именоваться «пухленькой». Лет десять

назад ее, наверное, можно было назвать дебелой, но и то время миновало; сейчас она была монументально-грузная, со множеством подбородков, и Холмсу подумалось, что такой она, вероятно, и останется до конца дней. Впрочем, это ничуть не уменьшало привязанности ее мужа (Джеймс упомянул, что будущая миссис Хэй была «пухленькой», когда встретила своего будущего супруга, и тому нравилась ее полнота). К тому же Холмс по-прежнему видел красоту Клары Хэй в безукоризненной одежде, в дорогом, хоть и неброском камне на мягком пальчике, в шелковистости безукоризненно уложенных волос, в почти идеальной коже, в блеске больших и ясных глаз – блеске, который не затушить никакому «усердному налеганию на провиант».

Более того. Холмс – особенно в обличье вихрастого усатого Сигерсона – немедленно почувствовал, как мила, заботлива и добра Клара Хэй. Она говорила приятным контральто, а когда надо было слушать (например, после заданного господину Сигерсону вопроса), и впрямь *слушала*. Холмс знал, какое это редкое качество – умение терпеливо выслушать собеседника, и сразу понял, что миссис Джон Хэй, Клара для сотен близких знакомых (в той смелой манере, в какой американцы обращаются друг к другу по имени, не опасаясь, в отличие от англичан, что их примут за слуг), и впрямь бесценная хозяйка дома для такого столичного города, как Вашингтон.

Когда Холмс похвалил синее с зеленым платье Клары Хэй – а оно и впрямь было очень красивое, но в то же время достойное и сдержанное, – хозяйка не покраснела, как притворно стеснительная барышня, а сказала:

– Да, мистер Сигерсон, не правда ли, оно действительно чудесное, хоть и будничное? Я ценю ваше одобрение, знак вашего хорошего вкуса. Оно заказано у парижского модельера Чарльза Уорта, которого порекомендовала мне покойная подруга миссис Кlover Адамс.

Клара глянула на мужа, словно спрашивая, можно ли продолжать, но если полковник и подал супруге какой-либо знак, Холмс этого не заметил.

– Кlover говорила, – продолжала Клара Хэй, – что платье от Уорта не только наполняет ее душу счастьем, но и... как именно она сказала, Джон?

– Не только наполняет душу счастьем, но и запечатывает ее герметически, – ответил Хэй.

– Ах да, – улыбнулась хозяйка. – Мсье Уорт в восемьдесят первом заслужил вечную любовь Кlover Адамс, когда во время последней примерки терпеливо вносил улучшения в ее платье, хотя в приемной ждали миссис Вандербильт и миссис Астор. Для меня это была более чем достаточная рекомендация, и я ни разу не пожалела, что, приезжая

одеваться в Париж, первым делом иду к мсье Уорту.

– Воистину поразительное платье, – сказал Холмс. – Даже я, холостяк, мало смыслящий в подобных вопросах, осмелюсь заметить, что талант мсье Уорта с лихвой окупает вашу ему преданность.

Он поставил пустую чашку и легонько мотнул головой, когда помощник дворецкого шагнул к нему с кофейником, чтобы заново ее наполнить.

– Так чем сегодня займемся, мистер Сигерсон? – спросил Джон Хэй.

Чем дольше Холмс смотрел на длинные белые пальцы дипломата, тем больше убеждался, что Хэй стал бы превосходным скрипачом, начни он, как сам Холмс, сизмальства учиться музыке.

– Мы можем подождать Гарри и прокатиться по городу в экипаже, – продолжал хозяин. – Показать вам исторические места и памятники, проехать через Рок-Крик-парк, может быть, заглянуть на заседание Конгресса и съесть бобового супа на ленч. – Он весело рассмеялся. – Гарри ненавидит организованные экскурсии, но мы задавим его большинством голосов. Для того и нужна демократия – тирания грубых неучей вроде меня!

– Спасибо, – ответил Холмс, – но с вашего и миссис Хэй позволения я предпочел бы провести первый день в Вашингтоне, как стараюсь проводить все первые дни в новых местах – обходя их пешком.

– Чудесно, – с искренним одобрением произнес Хэй. – Рассказать вам, как пройти к главным достопримечательностям?

Холмс усмехнулся в сигерсоновские усы:

– Мой любимый метод исследования – основательно заблудиться.

Хэй рассмеялся.

– Если вы уйдете до того, как Гарри выйдет из спальни, что ему сказать про время вашего возвращения? – спросила Клара Хэй. – Ждать ли вас к ленчу, к чаю или к обеду?

– К чаю, наверное, – ответил Холмс. – Вы ведь пьете его в пять часов?

– Именно, – сказал Хэй, вытирая губы под пышными белыми усами белейшей льняной салфеткой. – Хотя после целого дня приключений можно будет выпить и что-нибудь покрепче.

Через пятнадцать минут (Джеймс все еще не встал) Холмс вышел из дому в зеленом твидовом костюме, постукивая тростью с серебряным набалдашником в форме лающего пса. В левой руке он держал плотно набитый портфель. Сыщик быстро шагал под низкими серыми облаками. День был сырой и душный, куда теплее, чем в Париже или Нью-Йорке, но жаркий не по погоде твидовый костюм не мешал Холмсу – Сигерсону

шагать быстрой походкой неутомимого исследователя, за которого он себя выдавал.

В портфеле лежала довольно странная смена одежды, а во внутреннем кармане твидового пиджака – три фотографии: двух людей постарше и одного совсем молодого. В правый карман брюк Холмс убрал французский выкидной нож с шестидюймовым лезвием – таким острым, что им можно было срезать волосы у человека с руки, а тот бы даже не ощутил прикосновения.

* * *

У Холмса в сегодняшнем «исследовании» Вашингтона были две цели: дело по соседству, которое могло оказаться несколько дорогостоящим, и более долгая пешая экспедиция в район, который почти наверняка будет опасным, – ее Холмс предвкушал с большим удовольствием.

Шагая вперед и по видимости не обращая внимания на погоду и даже на самый город, он – по выработанной долгими упражнениями привычке – видел и запоминал все.

Холмс убедился, что за ним нет слежки.

Он отметил, что дома в окрестностях Лафайет-сквер и резиденции президента, которая позже станет официально именоваться Белым домом, хоть и добротны, но по большей части отличаются плоским фасадом, а к парадным дверям ведут лишь несколько невысоких ступеней: традиционное федеральное зодчество с его характерной простотой. Исключением были только высокие парные дома Адамса и Хэя в ричардсонском стиле. Выходя на Шестнадцатую улицу, сыщик обратил внимание, что красные кирпичи, из которых сложен особняк Хэя, явно сделаны по особому заказу архитектора: они были куда крупнее стандартных. Дом Адамса, выходящий фасадом на Эйч-стрит, Холмс осмотреть не успел, но намеревался вскорости исправить это упущение.

Цветущие деревья вдоль нешироких тротуаров были относительно маленькие и низкие; лишь некоторые каштаны и вязы в парках достигли полной высоты. Вашингтон, несмотря на свой почти столетний возраст, классическую архитектуру и некоторое количество памятников, все еще производил впечатление нового и довольно сонного городка.

Бульвары были широкие, но не особенно людные в этот ранний утренний час – по меркам Лондона или Парижа почти пустые. На более оживленных поперечных улицах Холмс видел маленькие крытые двуколки,

а также модные кабриолеты и фаэтоны, омнибусы и легкие двухколесные догкарты – ими обычно правили молодые люди. Иногда стремительно проносились карета, запряженная четверней, иногда попадались темные блестящие бумы вроде того, что Хэй отправил за ними на вокзал. Проезжали тележки с молочными флягами или плитами мрамора, фургоны, телеги и возы с различными товарами, редко – всадники, еще реже – рычащие самоходные экипажи, сверкающие бронзой и красной обивкой, с шоферами в очках и кожаных куртках.

Хотя его путь лежал мимо президентского особняка, Холмс не задержал взгляд на миниатюрном белом дворце, где обитал сейчас мистер Кливленд. Сыщик последний раз посещал Белый дом в ноябре 1881-го – во время суда над убийцей президента Гарфилда, жалким, полусумасшедшим Чарльзом Гито. Холмса отправили в Штаты его старший брат Майкрофт и начальник Майкрофта, глава тогдашней разведывательной службы сэра Джордж Мэнсфилд Смит-Камминг.

В 1881-м – как и теперь, в 1893-м, – британская Секретная служба еще не была официально создана (ее учредят в 1909-м), а тем более не разделилась на внутреннюю (МИ5) и внешнюю (МИ6), однако премьер-министр Дизраэли создал «Объединенное информационно-аналитическое подразделение», которое на самом деле было координационным комитетом для связи между аппаратом премьер-министра, Уайтхоллом и разведками: армейской, флотской и винегретом из еще полудюжины военных.

В 1881-м Майкрофт Холмс (в ту пору всего тридцати четырех лет, но уже незаменимый для Уайтхолла благодаря исключительным математическим талантам и способности к умозаключениям) был заместителем главы Объединенного комитета и подчинялся лишь тогдашнему исполняющему обязанности директора, капитану сэру Джорджу Мэнсфилду Смит-Каммингу из адмиралтейской разведывательной службы. Сейчас Майкрофт был содиректором новорожденной британской Секретной службы вместе с Уильямом Мелвиллом.

Майкрофту выделили помещение в цокольном этаже дома номер 12 по Даунинг-стрит, но Шерлок знал, что его грузный брат никогда не бывает в своем полностью обставленном кабинете по этому адресу. Все операции Объединенного комитета и Директората военной разведки направлялись из кабинета Майкрофта в Уайтхолле; сюда его номинальные начальники приезжали к нему за указаниями. Таким образом, Майкрофт делил время между Уайтхоллом и клубом «Диоген», который сам и создал. Клуб располагался в половине квартала от Уайтхолла, откуда в него можно было

попасть как по улице, так и по крытой галерее. Старший брат Холмса проводил жизнь в одном из этих двух замкнутых пространств – третьего не было. Он спал, ел и развлекался в клубе «Диоген». Младший брат давно знал, что Майкрофт страдает тем, что позже назовут агорафобией.

«Диоген», основанный, как уже говорилось, Майкрофтом и еще пятью или шестью богатыми и влиятельными лондонцами, как и он, страшась открытых мест и общества чужих людей, был едва ли не самым странным из многочисленных клубов города.

Здесь тоже имелись газеты, вышколенные лакеи и безмолвные официанты, приличный ресторан и превосходная библиотека, удобные спальни и еще более удобные кресла для чтения в Верхнем салоне, но главное (и самое важное для старожилов) правило состояло в том, что ни один из членов клуба и немногочисленных избранных гостей не мог заговорить ни с кем, даже с другим членом, иначе как в наглухо закрытой «комнате для сторонних посетителей». Майкрофт и другие основатели «Диогена» страшались не только чужаков и разговоров с чужаками – они страшались клубов.

Шерлок Холмс знал, что у его брата есть и много других тяжелых фобий. Таким был фактический директор фактической Секретной службы ее величества к концу марта 1893 года.

Когда в 1881-м Шерлока спешно отрядили в Америку допросить Гито, убийцу президента Гарфилда (исключительно некстати, в частности и потому, что сыщик лишь недавно обосновался вместе с доктором Ватсоном в доме номер 221б по Бейкер-стрит и к нему наконец-то потянулись первые платные клиенты), он был убежден, что лишь зря потратит время на беспочвенную (как ему думалось) фантазию Майкрофта о «всемирном заговоре анархистов». Шерлок видел в этом очередную фобию старшего брата. Ежегодный съезд анархистов представлялся сыщику-консультанту полнейшей нелепицей: он не верил в способность сумасшедших всерьез договориться между собой.

Однако, хотя Холмс и доказал тогда, что Гито действовал в одиночку, угрозы международного анархизма – взрывы, убийства, хитроумные заговоры – оказались вполне реальны. В 1886 году сыщику вновь пришлось ехать в Америку – расследовать так называемую Хеймаркетскую бойню. Именно Холмс установил, кто на самом деле убил семерых полисменов, однако полученные им результаты засекречены по сей день, и в учебники вошла подхваченная газетчиками легенда, будто стражи порядка сами друг друга перестреляли. Годом позже в Лондоне именно Холмс вместе с двоими полицейскими из специально созданного подразделения Скотленд-

Ярда предотвратил – в последний миг – убийство королевы Виктории прославленным охотником на крупную дичь и наемным стрелком полковником Себастьяном Мораном. Моран и его сообщник со снайперскими винтовками заняли удобную позицию в Королевском Аквариумхолле, как раз когда ее величество садилась в карету в день празднования пятидесятилетия своего восшествия на престол. Сообщника схватили; однако лучший стрелок мира и непревзойденный наемный охотник Моран сбежал по лабиринту туннелей, труб и служебных коридоров под Аквариумхоллом.

* * *

Первым делом Холмс (в облике Яна Сигерсона) посетил «Кларксоновский магазин научных приборов и фотографических материалов» всего в десяти домах от парадной двери Хэв.

Войдя в тихий полумрак, он не мог не подумать, что Кловер Адамс наверняка покупала фотохимикаты именно здесь, и более того – подаренный ей кем-то цианистый калий для фиксажа был, вероятно, приобретен в этом самом магазине.

– Чем могу служить? – спросил приятный молодой человек, худощавый, но притом розовощекий, в очень маленьких круглых очках.

– Я ищу волшебный фонарь, – с легким норвежским акцентом ответил Холмс.

– Хорошо, сэр. Для дома или для большого показа – скажем, в мюзик-холле или в лекционном зале для широкой публики?

– Пока ограничусь скромным домашним показом, – сказал Холмс, восхищенно оглядывая ряды заботливо освещенных фотографических аппаратов, увеличителей, устройств для проявки и многочисленные стеллажи с химикатами. Всей своей атмосферой магазинчик напоминал мастерскую чародея. – Может быть, позже мне потребуется аппарат помощнее.

– Вы хотите приобрести проекционный аппарат или взять его напрокат, сэр?

– Напрокат, – ответил Холмс.

Ирония состояла в том, что в доме 221б по Бейкер-стрит у него было целых три специализированных проекционных аппарата для стеклянных диапозитивных пластин. На протяжении многих лет он использовал их в самых разных целях, в частности, чтобы увеличивать и сравнивать

отпечатки пальцев или сфотографированные через микроскоп частицы табака и тканей. Однако он, понятное дело, не взял с собой громоздкие хрупкие аппараты – а равно и сотни тщательно подписанных диапозитивов – два года назад, когда готовился разыграть свою «смерть» вместе с мифическим Наполеоном преступного мира в Рейхенбахском водопаде.

Молодой человек, представившийся Чарльзом Макриди – братом покойного английского актера Уильяма Чарльза Макриди – и хозяином магазина, сказал, что будет рад помочь норвежскому джентльмену, и провел Холмса в отделенную портьерой дальнюю часть магазина, где на тщательно освещенных полках блестели вороненой сталью, бронзой и полированным красным деревом проекционные аппараты.

Мистер Макриди коснулся черного проектора:

– Это новейшая модель, электрическая, так что горючего для подсветки не требуется. Семифутовый электрический шнур. Ни запаха парафина, ни опасности перегрева или пожара. Зеркало над лампой, как видите, фокусирует свет.

Холмс успел заметить, что дом Хэя электрифицирован, однако шнур пришлось бы тянуть к патрону люстры, и сыщик счел неудобным обременять хозяев такой просьбой.

– Нет, электрический мне не нужен.

Макриди кивнул и перешел к более компактному аппарату из бронзы и вороненой стали.

– Вот скиоптикон Вудбери и Марси. Источником света служит двухфитильная керосиновая лампа. Фитили можно подкручивать и таким образом регулировать подсветку.

– Нет, наверное, – сказал Холмс, поглаживая подбородок. – А что это за аппарат, поменьше?

– Очень яркий и надежный проектор, изготовленный Эрнстом Планком на *Fabrik Optischer und Mechanischer Waren*^[6] в Нюрнберге. Однако он рассчитан на маленькие пластины. Какого они у вас размера, сэр?

– Три с половиной на пять дюймов, – ответил Холмс. – Уменьшены вдвое по сравнению с исходными негативами.

Макриди кивнул:

– Тогда, боюсь, миниатюрная модель Планка вам не годится. Она превосходна для камерных научных семинаров и домашних представлений с волшебным фонарем, но у вас, как я понимаю, намечено нечто более солидное, более... панорамное.

– Да, – ответил Холмс.

– У нас есть приборы с двумя и тремя объективами для специальных эффектов, – сказал владелец магазина. – Они позволяют накладывать несколько изображений или быстро их сменять. Если снимки сделаны последовательно, то получаются движущиеся картины.

Холмс мотнул головой:

– Мне нужен всего лишь хороший, прочный, надежный волшебный фонарь. Что вы скажете насчет этого?

Он тронул довольно большой аппарат красного дерева с выдвигаемым объективом-гармошкой. Сыщик знал достоинства этого проектора – почти такой же был у него дома на Бейкер-стрит.

– О да, прекрасный прибор, сэр, – ответил Макриди, кладя ладони на деревянный футляр. – Изготовлен в Ливерпуле фирмой «Арчер и сыновья». В ней используется друммондов свет, так что требуется большая осторожность – горелка очень сильная. Однако качество проекции великолепное – и в больших помещениях, и в малых. Видите, в осветительной камере есть дверцы с обеих сторон и еще одна круглая смотровая дверца: она закрывается синим стеклянным фильтром. На крышку из лакированного металла крепится дымоходная труба с колпаком... – Макриди бережно коснулся овального отверстия. – В кладовке у нас есть и труба, и колпак, мистер...

– Сигерсон, – сказал Холмс.

– Видите, мистер Сигерсон, как легко отсоединить осветительную камеру – надо лишь потянуть вот за эту медную ручку.

– Я беру его, – сказал Холмс.

– На сколько вечеров, сэр?

– Всего на два. Верну в понедельник.

– Очень удачно, сэр. Поскольку магазин в воскресенье закрыт, мы возьмем с вас только за один вечер. Будем очень признательны получить аппарат обратно до полудня последнего дня аренды, если вас это устраивает, мистер Сигерсон.

– Вполне устраивает, – ответил Холмс и, когда Макриди назвал цену, молча вынул из кармана американские доллары и отсчитал требуемую сумму – пачка получилась до нелепого толстой. Затем придвинул к себе магазинный блокнот, щелкнул цанговым карандашом, написал несколько слов и спросил: – Не могли бы вы доставить его по этому адресу?

Макриди прочел написанное и произнес еще более уважительным тоном:

– Дом полковника Хэя. Разумеется, сэр. Аппарат доставят сегодня до пяти вечера.

– И мне потребуется горячее для него.

– Включено в стоимость, сэр. Бутылки надежно завинчиваются, пожаробезопасны и устанавливаются в отдельный деревянный лоток. Позвольте сказать, что вы сделали прекрасный выбор. «Арчер и сыновья» изготавливают превосходные оптические приборы, и яркость изображения поразительная: зрителям кажется, будто они попали внутрь фотографии. Аппарат будет верно служить вам, даже если вы захотите показать свои снимки перед полным залом ученых в Смитсоновском институте или в самой резиденции президента.

Холмс улыбнулся:

– Возможно, мистер Макриди, что позже я выступлю и там и там.

Глава 10

Из магазина Холмс направился на поиски худших вашингтонских трущоб.

Он прошел на запад через южную оконечность района, называемого Фогги-Боттом, или Мглистое Дно, – низинной части города, где располагались газовый завод, стеклодувные фабрики (несколько работающих, остальные – закрытые и полуразрушенные) и пивоварни, число которых в последнее время тоже стремительно сокращалось. Смрадная атмосфера Мглистого Дна вполне оправдывала его название; кое-где промышленные миазмы клубились видимыми зелеными облаками. Как во всех вашингтонских трущобах, жалкие домишки лепились здесь вдоль узких немощеных улиц. Многие обитатели Фогги-Боттом потеряли работу после закрытия фабрик и пивоварен, однако по обеим сторонам улочек по-прежнему стояли ряды жестяных лачуг и дощатых халуп. Часть была заброшена, но во многих ютились семьи (или угрюмые одиночки), которым нищета не позволяла перебраться в другой район. Казалось, что вместе с ядовитыми миазмами над Мглистым Дном висит и другой туман – туман тщетных надежд, что здешняя промышленность когда-нибудь оживет, а вместе с ней вернутся и заработки.

Холмс нашел то, что искал, на южном краю Фогги-Боттом: пять ветшающих некогда приличных домов в зарослях бурьяна на совершенно пустой улице.

Он тщательно выбрал здание, обошел его и проверил заднюю дверь. Она была не выломана. Холмс дернул ручку – заперто. Дома явно были выставлены на продажу, но если прежние хозяева и нынешние агенты по недвижимости и впрямь рассчитывали найти покупателей, они обитали не иначе как в мире грез.

Холмс достал из кожаного футляра отмычки и вошел в холодные пустые комнаты, где обои, некогда тщательно выбранные с мечтой о семейном счастье, клоками отставали от сырых стен, как кожа от трупа.

На втором этаже Холмс разыскал то, что ему было нужно: запертый чулан. Замок легко поддавался отмычкам. Холмс расстегнул застёжки объемистого портфеля и достал смену одежды. Переодев все, вплоть до исподнего, он сложил твидовый «норвежский костюм», рубашку, ботинки и нижнее белье в портфель, который положил на верхнюю полку в пустом чулане, и той же отмычкой запер взломанную дверь.

В доме не осталось ни одного целого зеркала, однако надвигалась гроза, и на улице потемнело так, что Холмс мог изучить свое отражение в высоком окне пустующей комнаты верхнего этажа.

Теперь он был американским чернорабочим от тяжелых башмаков до засаленной ирландской кепки. Образ дополняли грязный жилет и мешковатые штаны на одной подтяжке. Грим на лице, руках и ногтях создавал впечатление, что их не мыли примерно месяц. Из-под кепки торчали нечесанные патлы, и даже норвежские усы превратились в обвислые американские. Модная трость, лишенная футляра, стала грубой палкой с медной блямбой вместо фигурного серебряного набалдашника. Не взвесив ее в руке, никто бы не угадал, что внутри упрятан свинцовый стержень, а в рукояти – тяжелый свинцовый шар. Французский пружинный нож перекочевал в карман рабочих штанов, фотографии – в нагрудный карман рубашки.

Холмс вышел из старого дома, запер отмычками дверь и двинулся к юго-западным трущобам, стуча тяжелой палкой по плитке тротуаров и булыжникам мостовых.

* * *

В Холмсе, шагавшем по грязным опасным улочкам юго-западной части Вашингтона, не осталось и следа не только от норвежского джентльмена, за которого он выдавал себя в последнее время, но и от английского джентльмена, которым он притворялся куда дольше. Образ пропитого американского безработного вовсе не казался ему чужим. Холмс играл британского джентльмена всю свою взрослую жизнь, и по временам его эта личина утомляла.

В последующее столетие с лишним появится множество жизнеописаний Шерлока Холмса. Почти все биографы верно укажут год его рождения: 1854-й. Почти все напишут, что Шерлок и его брат Майкрофт происходили из семьи йоркширских помещиков. Они расскажут, что он получил домашнее образование в сельской усадьбе, а позже учился в Кембридже. И почти все изложенные факты – за исключением даты рождения – будут неправдой.

Все эти сведения о прошлом Шерлока Холмса биографы почерпнут из нескольких слов, приведенных доктором Ватсоном в рассказе «Случай с переводчиком» и опубликованных в журнале «Стрэнд». В тот летний вечер разговор между доктором и сыщиком «беспорядочно перескакивал с

гольфа на причины изменений в наклонности эклиптики к экватору» (заметим: если Холмс и впрямь не знал, что Земля вращается вокруг Солнца, как он мог рассуждать об «изменениях в наклонности эклиптики?»), когда внезапно Ватсон свернул на тему «врожденных свойств». «Мы заспорили, – написал он в своей хронике, – в какой мере человек обязан тем или другим своим необычным дарованием предкам, а в какой – самостоятельному упражнению с юных лет». Выражаясь современным языком, то был спор о наследственности и влиянии среды.

Дальше Ватсон и привел свои четыре злополучных абзаца.

– В вашем собственном случае, – сказал я, – из всего, что я слышал от вас, по-видимому, явствует, что вашей наблюдательностью и редким искусством в построении выводов вы обязаны систематическому упражнению.

– В какой-то степени, – ответил он задумчиво. – Мои предки были захолустными помещиками и жили, наверно, точно такую жизнью, какая естественна для их сословия. Тем не менее эта склонность у меня в крови, и идет она, должно быть, от бабушки, которая была сестрой Верне, французского художника. Артистичность, когда она в крови, закономерно принимает самые удивительные формы.

– Но почему вы считаете, что это свойство у вас наследственное?

– Потому что мой брат Майкрофт наделен им в большей степени, чем я.^[7]

Среди сотен тысяч слов, записанных Ватсоном, это единственное упоминание о предках Холмса. Тогда же сыщик впервые обмолвился, что у него есть брат, чем немало удивил своего «хрониста».

Однако ничто в этих «откровениях» Шерлока Холмса доктору Ватсону – за исключением фразы о брате Майкрофте – не соответствовало истине, начиная с утверждения, что его бабушка «была сестрой Верне, французского художника».

Да, конечно, был знаменитый в свое время французский художник Эмиль Жан-Орас Верне (1789–1863), писавший картины на батальные и североафриканские сюжеты. Во дни Холмса и Ватсона (как и в наши) наибольшей известностью пользовалось его монументальное творение «Битва на баррикадах на улице Суффло 24 июня 1848 года». Из всей его биографии обычно вспоминают единственный анекдотический эпизод:

высокий покровитель попросил его убрать из батальной сцены одного печально известного генерала, на что Верне якобы ответил: «Я исторический живописец, сэр, и не стану грешить против истины».

Однако Холмс определенно сказал Ватсону неправду. У Эмиля Жан-Ораса Верне было три брата и одна младшая сестра, которая умерла от тифа в семь лет и едва ли могла доводиться бабкой Шерлоку Холмсу.

Уильям Шерлок Холмс родился в истсайдских трущобах Лондона и там же провел почти все юные годы. Когда позже Холмс скликал босоногих уличных мальчишек – свои «нерегулярные полицейские части с Бейкер-стрит», по его собственному выражению, – он в каком-то смысле вызывал из прошлого себя самого в их возрасте.

Будущие жизнеописания в числе других «установленных фактов» сообщат, что отец Холмса был либо отставной кавалерийский лейтенант Сигер Холмс, либо сельский сквайр Уильям Скотт Холмс. И то и другое утверждение не соответствует истине. Один знаменитый биограф Великого сыщика раскопает, что отец Шерлока унаследовал йоркширское имение «Майкрофт», которым Холмсы якобы владели с середины шестнадцатого века.

Это глупость и намеренная фальшивка. Да, Холмсы какое-то время называли своими несколько акров скудной земли в Йоркшире, но то была убыточная ферма времен королевы Елизаветы, и дядя Шерлока не владел, а только управлял ею, да и то лишь последние годы жизни – он скончался в 1860-м, через два года после того, как мать Шерлока (которую взрослый сыщик почти не помнил) умерла от чахотки в дешевой истчипской мебелирашке.

Да, йоркширская ферма некогда претендовала на величие. В шестнадцатом веке владевший ею дворянин – не предок Холмса – задумал возвести на этом месте усадьбу, которая должна была получить имя «Шелкрофт». Однако дворянин имел неосторожность оставаться практикующим католиком в эпоху, когда в Англии насаждали англиканство – по мере надобности принудительно. В 1610-м Шелкрофтскую усадьбу сожгли дотла, а с нею обратились в прах и все надежды несчастного дворянина. История гласит, что он перерезал себе горло. Ни один из его наследников мужского пола не дожил до одиннадцати лет.

В следующее столетие некоторые йоркширские старожилы еще называли быстро уменьшавшееся поместье – уменьшавшееся потому, что наследники распродавали его по частям, чтобы платить долги, – «Шелкрофтскими дворами», однако к тысяча восьмисотому название превратилось в «Шлаковую гору», по трубам и глухим кирпичным

строениям маленького рудничного комплекса, которые поставил на оставшихся шестидесяти акрах наследник-американец: в последней отчаянной попытке извлечь из этой земли хоть какие-нибудь деньги он решил добывать тут свинец. До 1838-го, когда рудник закрыли, «Шлаковая гора» частенько заполняла всю Йоркширскую долину черными облаками ядовитого свинцового дыма.

Дядя Шерлока, Шеррингфорд, скончался, как уже упоминалось, в 1860-м, после чего Холмс-отец купил «Шлаковую гору» у проживающего в Бирмингеме владельца (за непомерно большую сумму) и перевез сыновей – тринадцатилетнего Майкрофта и шестилетнего Шерлока – на шестьдесят три акра вырубленного леса, заросших каменистых полей, вытоптаных пастбищ и отравленных свинцом болот. Майкрофт за время жизни в «Шлаковой горе» ни разу не вышел из своей комнаты, но для маленького Шерлока ветшающая ферма и ее окрестности стали раем, который он мог исследовать бесконечно. У мальчика был даже пони – с провислой спиной, но все равно любимый.

Впрочем, к концу 1863 года отец Шерлока – пьяница и мот, постоянно уезжавший из «Шлаковой горы» на крестьянской кляче, чтобы просиживать вечера, а то и целые дни в худших суэздельских кабаках, – потратил последние деньги брата Шеррингфорда и лишился фермы. В 1863-м он забрал обоих сыновей, чьих исключительных способностей тогда еще никто не замечал, в Лондон. Там для Холмсов вновь начались скитания по съемным домам и меблированным комнатам. Для Шерлока это было возвращение к семейной жизни, состоявшей преимущественно в бегстве от кредиторов, и на лондонские улицы.

Однако Майкрофт, которому в тот год исполнилось шестнадцать, не вернулся с ними в Лондон. Он отправился в Оксфорд.

Вот как это получилось. В йоркширской «ссылке» отец эксплуатировал математические способности Майкрофта, заставляя того штудировать маклерские реестры по лошадям, продающимся на Таттерсоллском аукционе у лондонского Гайд-парка, и заранее угадывать будущих чемпионов. Затем Холмс-старший телеграфировал приятелям в Лондон, и те от его имени ставили на этих самых лошадей на ипподроме в Александра-парке (ипподром этот любители скачек прозвали за его форму Сквородкой). Отец не догадывался (а вот Шерлок проведал), что Майкрофт, толстый и апатичный внешне, однако наделенный острым умом, сам делал ставки через тех же отцовских приятелей (из денег отца, разумеется), а свои небольшие выигрыши клал на отдельный банковский счет. К 1863 году шестнадцатилетний Майкрофт Холмс скопил приличную

сумму и точно знал, на что ее потратит.

Майкрофт поступил в Оксфорд в шестнадцать лет, заплатив за обучение и пансион тем, что называл «деньгами Таттерсолла-Сковородки». Как-то ночью он разбудил младшего брата, пожал тому руку (что было крайне нехарактерно для Майкрофта, не терпевшего физического контакта с другими людьми) и уехал в Оксфорд. С собой у него был лишь картонный чемодан, где лежала кое-какая одежда и бутерброд с сыром, сделанный для него Шерлоком.

Отец в ярости объявил, что Майкрофт ему больше не сын. В последующие годы старший брат слал младшему тщательно зашифрованные письма, где подробно расписывал, как нравится ему в славном университете. Не в последнюю очередь он упоминал о знакомстве с неким профессором математики в колледже Крайстчерч, Чарльзом Лютвиджем Доджсоном, которому вскоре предстояло прославиться под именем Льюис Кэрролл. Майкрофт и Доджсон вскоре сдружились на почве любви к математике (особенно к простым числам), сложным шифрам и курьезным числовым закономерностям в самых обыденных вещах – например, в железнодорожных расписаниях.

Уильям Шерлок Холмс так и не познакомился с Доджсоном; конец шестидесятых – начало семидесятых прошли для него в борьбе за существование среди лондонских трущоб. В конце семидесятых Майкрофт Холмс вытащил младшего брата с улицы и на свои деньги определил в Оксфорд. Однако Шерлок не захотел учиться там, где его старшего брата все знали и ценили. Тогда Майкрофт отправил его в кембриджский Сидни-Сассекс-колледж, надеясь, что брат увлечется естественными науками. Холмс и полюбил химию, однако возненавидел преподавателей и соучеников, так что вскоре вылетел из Кембриджа – дважды.

Чтобы представить себе юные годы Холмса, история которых никогда не будет написана, можно вспомнить раннюю биографию Джеймса Джойса, чей пьющий, а часто и буйный отец поначалу снимал дома в таких районах, как Кенсингтон, а потом, спасаясь от уплаты, перебирался вместе с сыновьями из одного съемного дома в другой, все более грязный и тесный, затем и в убогие мебелирашки, где пахло вареной капустой. Шерлок почти не получил формального образования (если не считать краткого срока в Кембридже); он не учился в школе, частной или публичной, и лишь изредка брал уроки у домашних учителей (когда его отец выигрывал на скачках и наживался на каких-то других темных делишках).

Учителя, которых Холмс-старший нанимал сыну, когда в кармане заводилась звонкая монета и не надо было среди ночи сбегать от

домовладельца, были самые никудышные и быстро отказывались от упрямого и безнадёжного (по их мнению) ученика. Однако на пять учебных предметов отец не скупился. То были фехтование на палках, которому Шерлок обучался с семи лет, бокс (включая спарринги с ушедшими на покой, но известными всей Англии чемпионами), муай-боран (четыре года с учителем-тайцем), фехтование на шпагах (эти уроки были самые дорогие; иногда Шерлок занимался у лучших французских наставников, хотя у них с отцом едва хватало на еду) и стрельба.

Вероятно, отец Шерлока воображал, что его необузданный, но по временам странно задумчивый и замкнутый младший сын изберет карьеру военного. Однако Шерлок даже в восемь или четырнадцать лет об армии помышлял не больше, чем о путешествии к Луне на воздушном шаре.

* * *

Пошел дождь. У Холмса не было зонта – образ опустившегося американского пролетария не предусматривал такой детали, – так что он лишь плотнее надвинул засаленную кепку и зашагал дальше по лужам. Мостовых здесь уже не было, как не было и собственно улиц – только бесчисленные закоулки между жалкими домишками: грязь, колдобины да кое-где доски, облегчающие короткий, но столь необходимый путь от покосившейся жестяной лачуги к дощатому нужнику из трех стенок.

От полезных людей в Нью-Йорке Холмс знал, что искомое можно получить в бывшей кузнице на Кейси-лейн, но, разумеется, в трущобах не было табличек с названиями улиц, как не было и полисмена на углу, у которого спросить дорогу (да полисмен и не стал бы разговаривать с забулдыгой), а когда Холмс обратился к оборванным детям, мучившим крысу, те вместо ответа принялись швырять в него конским навозом.

Еще не дойдя до Кейси-лейн, Холмс наткнулся среди лачуг и пустующих фабрик на брошенное коммерческое здание – как раз такое, какое присматривал. Он ступил на шаткие деревянные мостки перед входом, толкнул ногой покорбленную дверь и заглянул внутрь.

Когда-то это была дешевая гостиница для железнодорожников – в бурьяне рядом еще угадывались ржавые рельсы, – но теперь здесь обитали только голуби и крысы. Даже беднейшие семьи из окрестных халуп не захотели сюда перебраться. Причину Холмс увидел почти с порога, и она тут же возбудила его любопытство: в потолке большой гостиной сразу за крохотным вестибюлем зияла дыра диаметром футов десять. Здание было

четырёхэтажное, и Холмс, запрокинув голову, увидел такие же круглые проломы в том, что американцы назвали бы вторым, третьим и четвертым этажами. С крыши, до которой было футов пятьдесят, капала вода.

Что могло пробить кровлю и три этажа? Даже если здание к тому времени основательно прогнило, ни металлическая кровать, ни сейф, ни пианино не проломили бы мощные перекрытия.

Ничто на полу не давало ответа к загадке, за вычетом багрового пятна на поломанных досках. То была клякса футов пятнадцать в диаметре: как будто двадцать непомерно толстых людей сгрудились в кучу, рухнули через три этажа и разбились насмерть в большой гостиной сразу за вестибюлем.

Человек, называвший себя первым сыщиком-консультантом мира (притом что в Лондоне тогда работали десятки частных детективов), не придал большой веры рабочей гипотезе о падающих толстяках.

Впрочем, гостиница вполне отвечала его целям. Перила центральной лестницы по большей части обвалились, но сама лестница выглядела вполне прочной.

* * *

Двумя грязными проулками дальше он обнаружил три стены, занавешенные куском брезента, – все, что осталось от кузницы. Болтающаяся на одном крюке вывеска и ржавая наковальня послужили для первого и лучшего сыщика-консультанта в мире вполне достаточными подсказками. Холмс шагнул на деревянный настил, почти такой же грязный, как размокшая от дождя улица, и палкой отвел брезент.

За низким столом курили и разбирали что-то похожее на грудку мусора три самых отвратительных головореза, каких Холмсу случалось видеть при свете дня. У двоих – они походили на братьев-дебилов – были такие длинные руки и такие примитивные выражения лиц (под густой рыжей щетиной), словно они вышли из диорамы «Троглодиты каменного века» в Британском музее естествознания. От третьего разило так, что вонь почти физически выталкивала Холмса, прижимая спиной к грязному брезенту. Этот третий был очень высок ростом. На поясе его мешковатых залатанных штанов висели ножны с ножом Боуи, не уступавшим размерами иным афганским и зулусским саблям.

– Какого дьявола тебе здесь надо? – спросил высокий, кладя лапищу на тяжелую рукоять.

– Мне сказали, у вас можно купить нужное мне количество морфина, –

ответил Холмс с лучшим своим филаделфийским акцентом.

Впервые он посетил Соединенные Штаты в семидесятых годах вместе с гастролирующей труппой Перси Александра – одиннадцать городов за семь месяцев – и постарался за это время запомнить как можно больше региональных диалектов.

– И героина, – добавил Холмс. – Если у вас нет морфина, возьму героин.

Высокий оглядел его стоптанные башмаки и залатанную одежду, усмехнулся и спросил:

– Почем мы знаем, что ты не легавый?

– Я не фараон, – ответил Холмс.

– Сними рубашку, – потребовал высокий. – Закатай рукав.

Дрожа, будто от легкого озноба, Холмс снял куртку, грубый жилет и шерстяную рубашку, потом закатал рукав грязной и рваной нижней фуфайки. Все трое головорезов, подавшись вперед, уставились на следы от шприца в сгибе его локтя.

– Чего-то он точно ширит, – заметил второй троглодит, наклоняясь заросшей физиономией к голой руке Холмса.

– Заткнись, Финн, – сказал высокий.

– Тогда почем мы знаем, что у тебя есть деньги? – спросил другой троглодит.

– Заткнись, Финн! – рявкнул высокий головорез с ножом Боуи.

Очевидно, они и впрямь были братья, и он для скорости называл их одинаково.

Прежде чем ближайший Финн отодвинулся, Холмс успел различить на его правом запястье грубо вытатуированные буквы «Г» и «Ю». Это значило, что сыщик попал, куда хотел, по крайней мере, если верить его информантам из нью-йоркской Адской Кухни. Он собирался войти в контакт с членами вашингтонской банды «Громилы с Юго-Запада» и, судя по всему, преуспел в своем намерении.

Высокий указал на Холмса пальцем:

– Здесь не Чайна-таун. Даже больницы рядом нет, откуда это дело можно взять. Ширка от доктора Байера чистая, да стоит больше. Ее поди достань.

– У меня есть деньги, – жалобно проныл Холмс тоном наркомана, которому не терпится сделать укол.

Он вытащил из кармана толстую пачку американских долларов.

– Вижу, приятель, – сказал высокий, постукивая пальцами по рукоятке ножа. – Финн! Оба! Приведите мистера Кулпеппера и мистера Дж. Живо!

Он, по крайней мере, постарался скрыть злорадное торжество, но в глазах обоих троглодитов оно горело совершенно отчетливо. Холмс знал: его собираются убить ради денег.

Глава 11

С уходом Финнов они остались втроем: Холмс, высокий головорез и его вонь. Холмс безмолвствовал, высокий человек с ножом молча смотрел на него, а вонь говорила сама за себя.

Меньше чем через десять минут Финны вернулись с двумя хорошо одетыми людьми. Один был высокий, худой, немногословный, с тонкими усиками над красивыми губами. У него были очень темные волосы и такая тонкая, почти прозрачная кожа, что уже в этот непоздний дневной час ему бы не мешало побриться снова. В остальном он выглядел безупречно: ни следа грязи на тщательно начищенных ботинках и белых гетрах. Этот высокий, худой, немногословный господин выглядел бы своим и среди дельцов на Уолл-стрит, и – ближе к дому – среди участников ежегодного Пасхального парада на вашингтонской Кей-стрит.

Второй, пониже ростом и поплотнее, был одет дорого, однако в обществе настоящих джентльменов его бы сразу выдала вульгарность деталей. Золотой зуб блестел так же, как золотые нити в парчовом жилете. Над жилетом отчетливо виднелась рукоять самовзводного револьвера, заткнутого за пояс невероятно чистых (учитывая грязь Кейси-лейн) брюк. На сальных черных волосах сидела новенькая фетровая шляпа, полные губы улыбались.

– Боже, Мертрих, – ахнул плотный господин с револьвером, – ну и вонь! Уже почти апрель! Ты же моешься раз в год – наверное, пора?

Он махнул рукой, показывая Финнам, чтобы те вышли. Холмс слышал, как их башмаки захлюпали по уличной грязи.

Высокий худой человек облокотился на прилавок (предварительно смахнув с него пыль носовым платком) и безмолвно наблюдал за происходящим.

Вульгарно одетый господин протянул загорбелую руку.

– Говард Кулпеппер, – сказал он густым баритоном.

Холмс обменялся с ним рукопожатием, украдкой разглядывая вошедших. Если это Кулпеппер, значит более молодой и молчаливый – «мистер Дж.», очевидно самый значительный из пяти бандитов. Тот, кого Кулпеппер назвал Мертрихом, ни на минуту не переставал барабанить пальцами по рукояти большого ножа. Холмс порадовался, что вышел на Кулпеппера: судя по шикарной одежде и уверенной манере, тот почти наверняка занимал в преступной иерархии достаточно высокую ступень и

мог ответить на интересующие сыщика вопроса. При должной мотивации, конечно. А вот из мистера Дж. вряд ли удастся вытянуть имена, да и вообще хоть что-нибудь полезное, – он слишком умен.

– Как вас зовут, сэр? – спросил Кулпеппер.

– Генри Баскерс, – ответил Холмс.

– Что ж, мистер Баскерс, приношу извинения – коли этого не сделал хозяин – за некоторое... э-э... амбре, – сказал Кулпеппер. – Вы видели окрестности, сэр. Ближайшая общественная колонка – на Четвертой-с-половиной улице, воду оттуда приходится носить ведрами. – Он покосился на Мертриха. – Что, впрочем, нельзя назвать оправданием, *ибо цивилизованность требует жертв.*

Мертрих неотрывно смотрел на Холмса, которому нечего было ответить. Он позволил себе выказать легкие признаки нервозности, впрочем не переигрывая. «Мистер Баскерс» должен был и раньше приобретать нелегальные наркотики в такого рода притонах.

Время от времени Холмс бросал нервный взгляд в сторону мистера Дж., словно джентльмен, просящий помощи у другого джентльмена, но тот стоял у прилавка в отрешенном молчании, граничащем с полным равнодушием, как будто пребывает где-то совершенно в другом месте.

Кулпеппер потер руки:

– В таком случае перейдем к делу, сэр. Мои товарищи сообщили мне, что вы намерены приобрести небольшое количество морфина и... как бы это сказать... более значительное количество того нового героического медикамента, который выпускает фирма мистера Байера.

– Да, – сказал Холмс. Он повторил, сколько хочет приобрести того и другого.

– Вам известно, мистер Баскерс, – продолжал Кулпеппер, – что Байер еще не выпустил свой замечательный героин в общую продажу ни в Европе, ни в Соединенных Штатах. Скоро это лекарство будет в каждой лавчонке, но сейчас оно проходит... как бы это сказать... проверку в нескольких избранных больницах, включая клинику доктора Рида.

Холмс нетерпеливо кивнул. Он то и дело – будто не может с собой совладать – косился на три склянки с героиновыми солями, которые Кулпеппер держал между пальцами правой руки, словно фокусник на представлении. На каждой склянке была этикетка: «ФРИДР. БАЙЕР И Ко, ЭЛБЕРФЕЛЬД, СТОУН-СТРИТ, 40, НЬЮ-ЙОРК».

На самом деле Холмс вдобавок отметил про себя модель револьвера, заткнутого у Кулпеппера за пояс брюк. Револьвер был прекрасно знаком сыщику, так как не только выпускался в Англии, но и состоял на

вооружении британской армии, пока в 1880-м его не сменил «энфильд». То был «бомон-адамс» калибра 11,2 мм, получивший такую громкую славу во время войны с зулусами. У Кулпеппера он почти наверняка был переделан под унитарный патрон центрального воспламенения. Револьвер также обладал первым по-настоящему современным ударно-спусковым механизмом двойного действия. Холмс знал, что многие офицеры во время Войны Севера и Юга предпочитали такие переделанные «бомон-адамсы» американским армейским кольтам за быстрый взвод курка и большую скорострельность в ближнем бою. Кулпеппер вполне мог быть офицером на той войне, три десятилетия назад, и хранить револьвер по сентиментальным мотивам. Судя по седым бакенбардам и явно крашеным волосам (возможно, он чернил их тем же патентованным составом, что Холмс в образе Сигерсона), ему было около шестидесяти лет.

Холмс предполагал, что мистер Дж. тоже вооружен, но более компактным револьвером, какой разумнее носить в городе.

– Морфин обойдется вам всего в двадцать долларов, – сказал Кулпеппер, демонстрируя два пузырька поменьше, которые держал в левой руке.

Такое же количество морфина Холмс купил бы вдвое дешевле рядом с любой больницей или в негритянской части города, куда отсюда было рукой подать.

Словно читая мысли Холмса, Кулпеппер усмехнулся и сказал:

– Да, да, у черномазых вы можете купить дешевле, но один Бог ведает, что они туда подмешают. А что до героина... вы пришли к единственному поставщику в этой стране. Больше вы нигде не найдете.

Холмс знал, что Кулпеппер лжет, однако спросил:

– Сколько за три склянки соли?

– Сто пятьдесят долларов, сэр, – ответил Кулпеппер.

Даже Мертрих глянул на него с изумлением. Это было вчетверо больше, чем Холмс заплатил бы за такое же количество героина на улицах Нью-Йорка.

На лице Холмса изобразился слабый отголосок той внутренней борьбы, что идет в душе каждого тяжелого наркомана, когда на одной чаше весов лежит острая потребность, а на другой – всего лишь деньги.

– Ладно, что мелочиться! – рассмеялся Кулпеппер. – Мы включим морфин в ту же сумму. Дешевле вы нигде к востоку от Миссисипи не сговоритесь.

Холмс тяжело сглотнул и наконец сказал:

– Хорошо.

Оба дельца жадно смотрели, как он отсчитывает сто пятьдесят долларов от пухлой пачки. При себе у сыщика было восемьсот долларов – все деньги, которые он привез из Франции и обменял на американскую валюту в Нью-Йорке.

Когда сделка была завершена и Холмс бережно рассовал склянки с морфином и героином по разным карманам куртки, Кулпеппер спросил небрежно:

– Будем ли мы иметь удовольствие вести с вами дела и дальше, мистер Баскерс? Я могу назвать вам адреса... э-э... менее оскорбляющих обоняние мест для встречи.

Ответ должен был решить все. Если бы Холмс пообещал навещать регулярно, его, возможно, оставили бы в живых. При таких заоблачных ценах на героин они бы, не прибегая к насилию, за несколько месяцев вытянули у него оставшиеся шестьсот пятьдесят долларов. За год-два он бы их озолотил.

– Нет, – сказал Холмс. – Завтра я уезжаю в Сан-Франциско. Сам я из Филадельфии и не знаю, есть ли в Сан-Франциско героин. Так что решил вот... на всякий случай...

– Понятно, – с широкой улыбкой ответил Кулпеппер и чуть заметно покосился на Мертриха. – Счастливого вам пути, мистер Баскерс.

Мистер Дж. даже не повернул голову, чтобы проводить взглядом Холмса, когда тот выходил из бывшей кузницы.

Глава 12

Одного из Финнов отправили за ним следить. Идти за кем-нибудь незаметно по узкому немощеному проулку, между двумя стенами лачуг и развалин, трудно даже в сухую погоду, а по раскисшей от дождя глине – и вовсе невозможно.

Холмс шагал на север не оборачиваясь. Он догадывался, что Финн крадется сзади, стараясь не потерять его из виду, а остальные трое – или уже больше – движутся по соседней улочке. Когда Холмс остановится, Финн известит об этом сообщников меньше чем за минуту.

Кулпеппер с Мертрихом наверняка рассчитали, что морфинист не утерпит до гостиницы, а постарается отыскать укромное местечко и там ввести себе купленный героин. Оба ставили на то, что Холмс – «мистер Баскерс» – сделает это, не выходя из Юго-Западных трущоб.

Холмс не собирался их разочаровывать.

* * *

Он вошел в заброшенную гостиницу, оставив дверь приоткрытой. Пятно на полу большого помещения сразу за вестибюлем было все таким же тревожно-загадочным, в сквозную дыру все так же сыпал холодный морозящий дождь.

«Быть может, на гостиницу упал метеорит или комета» – такая мысль мелькнула в самом дедуктивном и логичном уме Европы. Сыщик жестоко страдал. Утром он вколол себе последние остатки морфина, и маленькая доза не сняла скопившуюся за неделю боль. Несмотря на годы железной самодисциплины, Холмс не мог полностью справиться с мыслями. Даже огнестрельная рана (будь она не совсем смертельной) не так мешала бы сосредоточиться, как эта нестерпимая ломота во всем теле от слишком большого интервала между уколами.

Он медленно поднялся по лестнице, проверяя каждую ступеньку, прежде чем перенести на нее свой вес. Старые добротные доски, хоть и разбухли от сырости, а местами даже подгнили, по большей части еще держались, и лишь некоторые пришлось перешагнуть. Перила кое-где висели на воздухе, поскольку многие балясины выпали. Между тем, что американцы зовут вторым и третьим этажами, балясин не осталось вовсе.

Холмс свернул в мокрый коридор четвертого этажа, где бумажные обои кусками отходили от стен, и уперся плечом в покоробленную дверь выбранной комнаты.

Все было так, как он и предвидел. У входа сохранилось примерно восемнадцать дюймов пола, дальше начинался круглый провал. Между балками, там, где их проломила рухнувшая с высоты в сорок футов непомерная тяжесть, застряли обрывки старинного ковра. Тусклое солнце, пробиваясь сквозь серые тучи, подсвечивало капли дождя и придавало голым стенам призрачно-неестественный вид. Справа от кратера оставался лишь узкий карниз, по которому кое-как можно было протиснуться бочком, под стеной напротив – фута четыре наклонного пола. Холмс видел, что поместится там, хоть и еле-еле. Именно на этом строился его план.

Кулпепперу, чтобы его убить, довольно будет распахнуть дверь, прицелиться и выстрелить с расстояния меньше двадцати футов. Однако десять шансов из десяти, что «мистер Баскерс», сраженный «бомоновской» пулей, рухнет вперед, в провал, и Холмс ставил свою жизнь на то, что Кулпеппер и Мертрих – или как там их на самом деле зовут – хотят сохранить склянки с героином и морфином в целости.

Холмс втиснулся в узкое пространство за столбом искристых дождевых капель напротив закрытой двери и сполз по стене на пол, надеясь, что наклонные доски выдержат его вес. Они выдержали, хоть и негодуя застонали. Он достал одну склянку и сафьяновый несессер со шприцем.

Во Франции и по пути через Атлантику Холмс задумывался, не стоит ли обзавестись револьвером. Свой последний он оставил в Индии, а Франция выглядела такой спокойной и мирной – даже экспериментальная фармацевтическая лаборатория в Монпелье, где сыщик принял решение перейти с морфина на новое, более безопасное средство, – что там огнестрельное оружие не требовалось. Единственный вечер в Нью-Йорке Холмс потратил на то, чтобы добыть сведения об интересующих его людях в столице, и не удосужился купить револьвер. По правде сказать, такая мысль даже не пришла ему в голову.

Сейчас Холмс сидел разведя колени, подошвой ботинка прижимал к полу пузырек с героином, чтобы не скатился в провал, раскладывал принадлежности для инъекций и улыбался.

В многочисленных «Загадках» и «Случаях», которые Ватсон по большей части держал у себя на полке в старом докторском чемоданчике и о которых читающая публика еще даже не слышала, именно Ватсон прихватывал с собой револьвер, если обстоятельства того требовали. И

впрямь, Холмс, потративший сотни часов на уроки стрельбы с отцом и не меньше – на одинокие упражнения в меткости, питал к любому огнестрельному оружию стойкую неприязнь. Однако сейчас он вновь улыбнулся, вспомнив, что Ватсон всегда ограничивался словами «мой старый [или «верный»] армейский револьвер». Доктор следовал литературным рекомендациям Конан Дойла, а тот учил, что читателя утомляют детали.

Однако Холмс никогда не упускал деталей. В первый же раз, как Ватсон вооружился для совместного приключения, сыщик отметил, что его «верный револьвер» – казнозарядный «адамс.450» с барабаном на шесть патронов и шестидюймовым стволом, состоявший на вооружении британской армии во Второй афганской войне, на которой доктор получил свою подозрительно кочующую пулю из джезаила. Размером и другими параметрами револьвер Ватсона не сильно отличался от «бомон-адамса», который торчал из-за пояса у Кулпеппера. Холмс отметил про себя, что этот щеголь носил и подтяжки, и ремень. Мистер Кулпеппер явно был осторожен – насколько именно, предстояло выяснить в ближайшее время.

«Быть может, сейчас револьверы есть уже у всех пятерых», – была последняя мысль Холмса перед тем, как внизу раздался грохот вышибаемой двери.

Но нет – Холмс был уверен, что мистер Дж. не присоединился к отряду, а почти наверняка отправился доложить о происшедшем главарям банды.

Это значило, что по меньшей мере одного из четырех преследователей надо будет оставить в живых. Не обязательно Кулпеппера.

Все необходимое было разложено перед Холмсом на раскрытом сафьяновом несессере. Сыщик взял шприц, заранее наполненный соленой водой, и крышечку от «Сарсапариллы Хайреса», которую купил утром, после того как вышел из магазина волшебных фонарей. Бутылку вместе с отвратительным пойлом он выкинул сразу, дивясь, что американцы выпивают их три миллиона в год. Сейчас Холмс насыпал в крышечку героиновую соль и выдавил туда же несколько капель воды из шприца.

Из другого кармана раскрытого несессера он вытащил аптечную трубку, перетянул себе руку, как утром, тронул вздувшуюся вену и достал из жилетного кармана уникальный предмет – опытный экземпляр зажигалки, подаренный ему в 1891 году, за несколько месяцев до «Рейхенбахского водопада», благодарным клиентом: немецким ученым Карлом Ауэром фон Вельсбахом. Благодаря патентованному искусственному кремню из сплава под названием «ферроцерий» зажигалка

Вельсбаха была меньше и гораздо удобнее, чем громоздкое, сложное и очень опасное «огниво Дёберейнера» прошлых десятилетий. Холмс подвел голубое пламя дареной зажигалки под крышечку от корневого пива.

Зажигалка фон Вельсбаха много раз спасала Холмса в Гималаях; сейчас он умолял ее нагреть воду с белыми кристалликами, пока шаги на лестнице не приблизились к четвертому этажу.

В нагрудном кармане рубахи, рядом с тремя фотографиями, лежал комок ваты – Холмс вынул его и положил в крышечку. Вата должна была сыграть роль фильтра, чтобы нерастворенные кристаллики не попали в шприц и не вызвали остановку сердца.

Шаги слышались уже на площадке второго этажа.

Холмс поднял наполненный шприц, щелкнул по нему пальцем, выдавил немного раствора, чтобы не осталось пузырьков воздуха, и ввел содержимое себе в вену.

Судя по звуку шагов, бандитов было всего четверо, не пятеро. Они старались не шуметь, но все же ступали не особенно тихо, видимо не слишком заботясь, что беззащитный «мистер Баскерс» их услышит. В конце концов, что он им делает?

Холмсу требовалось время, чтобы героин подействовал. Он снял с руки трубку, разобрал шприц, спрятал крышечку, склянку и бесценную зажигалку Вельсбаха в соответствующие карманы.

Эффект героина не заставил себя ждать.

Тепло разлилось по сердцу, груди, по рукам и ногам и, наконец, по мозгу, заглушая боль – особенно боль от нерешенного вопроса о реальности или нереальности собственного бытия, – а следом пришло чувство, будто его выносит на гребень беззвучной волны.

Шаги остановились перед дверью комнаты. Бандиты перешептывались, но Холмс не обращал на это никакого внимания.

Быстро взмывая на гребне волны, он теперь лучше видел и ощущал свою жизнь. Холмс мог различить лакуны, эллипсисы, зияющие провалы между так называемыми приключениями прославленного сыщика-консультанта, сохраненными для потомства торопливым пером доктора Ватсона. Эти дни, недели, а порой и месяцы были лишь грубыми набросками, в которых лица не прорисованы, фон не намечен, время не заполнено. Холмс помнил, как водил смычком по дорогой скрипке. Как вкалывал себе кокаин. Как подолгу спал днем и забавлялся, словно мальчишка, глупыми химическими опытами – что-то булькало, что-то горело. Как призрачная миссис Хадсон приносила в их общую комнату подносы с едой, а потом забирала пустую посуду. Несколько раз хозяйка –

лицом и голосом неотличимая от «миссис Хадсон», какой ее знал Холмс, – необъяснимым образом упоминалась в хрониках Ватсона как «миссис Тернер». И все это было как в тумане, лишенное основательности и простого вкуса реальности.

Покоробленная дверь открылась. Вошли Финны, на цыпочках, как герой рисованных историй про Эли Слопера (их тайком покупал и читал доктор Ватсон). Холмс словно ничего не заметил: у него не осталось времени, как не осталось и выбора. Он должен был увидеть то, что откроет ему наркотик, прежде чем перенести внимание на будущих убийц.

Сознание Холмса расширилось так, что он уперся в железные горизонтальные прутья своей клетки. Прутья эти были не сплошные: металлические стержни разной длины парили в сером воздухе – нет, не в воздухе, в каком-то студенистом эфире перед ним, – однако нигде между ними не было такого зазора, куда можно просунуть голову или вдвинуть плечо. Холмс осознал, что эти горизонтальные элементы его клетки – отдельные исполинские слова, как бы литерные колодки, вдавленные в железню массу. Однако – если смотреть с его стороны – все слова и целые предложения были написаны задом наперед. Холмс ухватился за два больших слова (холодная сталь обожгла руки) и уставился сквозь клетку с выражением безумца или человека на необитаемом острове, глядящего, как первый за долгие годы корабль неумолимо исчезает за горизонтом.

Холмс смотрит на вас. Он видит смутные очертания комнаты и того, что за вами. Всматривается изо всех сил, пытаясь различить ваше лицо.

– Отрубился, – сказал один из Финнов.

– В отключке. Ничего не соображает, – добавил второй.

– Заткнитесь! – рявкнул Мертрих.

Все четверо уже вошли в комнату. Финны и Мертрих осторожно пробирались по правому для них, левому для Холмса карнизу. Кулпеппер остался в дверном проеме. Подтяжки и ремень, вспомнилось Холмсу сквозь лучистое тепло и дивный, бесстрашный ужас героина. Если в следующие две минуты Кулпеппер проявит настоящую осторожность, мистер Шерлок Холмс из Лондона станет покойником.

Он убрал сафьяновый несессер и теперь стоял на коленях, словно молясь падающим дождевым струям. Где-то над дырой в потолке солнце проглянуло из-за туч, и капли засияли расплавленным золотом. Палка Холмса стояла у стены у него за спиной справа. Тянуться за ней сейчас было бы слишком долго и неудобно. Три приближающихся бандита это видели. Взгляд сыщика еще ни на чем не сфокусировался, но он смутно отметил, что Мертрих вытащил из чехла нож. Кулпеппер достал из-за пояса

револьвер. Финны подняли свои палеолитические дубинки.

Тут Кулпеппер шагнул вперед и закрыл за собой дверь. Скорее всего, сработала застарелая привычка – убивать своих жертв в укромном, замкнутом пространстве. Холмс инстинктивно надеялся на эту привычку, но не был уверен. Не был уверен. Сейчас он сделал вид, будто не обратил внимания.

Теперь все четверо осторожно двигались по периметру огромной дыры, стараясь держаться как можно ближе к западной стене. Финны то и дело косились вниз, и в их маленьких первобытных глазках читалось что-то вроде страха.

Одного из бандитов надо было оставить в живых, чтобы тот сообщил обо всем мистеру Дж. и главарям. Холмс решил, что это будет кто-нибудь из Финнов.

– Не наваливайтесь на него все разом, – прошептал Кулпеппер. Он следовал за остальными на расстоянии в несколько шагов, затем остановился на западном краю дыры и стал глядеть, как они продвигаются вперед. – Если сгрудитесь, пол может не выдержать. Сляканы нужны нам целыми.

Трое бандитов не ответили, но растянулись в более длинную цепочку. Финны взяли на изготовку короткие, утыканные гвоздями дубинки. Мертрих держал нож и двигался пригнувшись, как опытный боец. Кулпеппер, с револьвером в опущенной руке, выглядел бывалым дуэлянтом, заранее уверенным в очередной легкой победе. Курок «бомон-адамса» был взведен.

Холмс еще не повернул голову, чтобы взглянуть на приближающихся громил. Его глаза были пусты, на сгибе локтя оголенной левой руки выступила капелька крови.

Финны рванули вперед, Мертрих изготовился у них за спинами.

Холмс – он был настолько спокоен внутри своего кокона, что наблюдал за происходящим с полной отрешенностью, – круто развернулся от нападающих, словно намеревался метнуться в восточный угол, где кратер вплотную подходил к стене. Однако вращение не остановилось на половине – Холмс совершил почти полный оборот и вскочил, сжимая в руке палку.

Финны испустили первобытный вопль и вскинули дубинки.

Автоматизм, выработанный десятилетиями упражнений, вылился в двухсекундную серию ударов. Первыми двумя, горизонтальными, Холмс сломал правую руку сперва одному Финну, затем другому. Двумя следующими, вертикальными – концом трости в нижнюю челюсть, – он

заставил обоих осесть на колени. Два последних удара были направлены сверху вниз: первым, мощным, Холмс раскроил череп более рослому Финну, вторым, послабее, лишь частично оглушил его менее крупного брата.

Мертрих неосторожно засмотрелся на мелькания трости и брызги крови, однако теперь он пригнулся еще ниже и, поводя смертоносным острием вправо и влево, прыгнул вперед. Один Финн неподвижно лежал ничком, из уха у него хлестала кровь, другой, упав на спину, корчился от боли, обхватив руками кровоточащую голову. Мертриху пришлось через них перескочить.

Холмс попятился – не потому, что испугался ножа или хотел иметь простор для размаха, а потому, что посылал Кулпепперу мысленный сигнал присоединиться к схватке. *Подойди ближе.* Фат и впрямь сделал два шага вперед и даже поднял револьвер, но дальше не двинулся, ожидая, что Мертрих покончит с «Баскерсом» за него.

– Героин! – крикнул он своему вонючему сообщнику. – Не разбей склянки!

Нож Боуи так и мелькал в воздухе. Холмс мог бы за четверть секунды отбить его палкой на другой конец комнаты, пока Мертрих перебрасывал тесак из руки в руку – бандит, очевидно, мог с равным успехом вспороть противнику живот и правой и левой, – однако Холмсу требовалось, чтобы нож воткнулся в пол здесь, а не рухнул в водопад золотистых капель и не вонзился в дальнюю стену или дверь. Сыщик рискнул выждать, когда Мертрих сделает стремительно-грациозный балетный выпад. Лишь в Испании и один раз в Калькутте Холмс видел столь артистичное обращение с ножом. Именно таким отточенным движением умелый боец рассекает противника от грудины до паха; внутренности вываливаются, и жертва успевает услышать звук, с которым они шмякаются на землю. Тесак как раз позволял осуществить такое харакири, однако его вес, как и рассчитывал Холмс, на долю мгновения замедлил удар.

Сыщик выгнулся, балансируя на пятках, и в тот миг, когда острие отсекало ему жилетную пуговицу, обрушил палку на правую руку Мертриха – нож выпал и вонзился в пол там, где требовалось Холмсу, а палка, не замедляясь в плавном дуговом замахе, саданула бандита по скуле.

Тот, оглушенный, качнулся и начал заваливаться в пролом.

Холмс левой – которой героин придал чуть ли не бесконечную силу – ухватил его за грудки и, держа палку между собой и полубесчувственным громилой, притянул того к себе, словно хочет поцеловать, затем пригнулся головой к его груди, став ниже ростом, и пошел вперед вдоль края

пропасти.

Четыре револьверных хлопка достигли его ушей как будто через часы после того, как первая пуля разворотила Мертриху затылок, вторая пробила позвоночник, третья раздробила левое плечо, а четвертая прошила тело насквозь и просвистела у Холмса под правой рукой.

Револьвер был пятизарядный, но Холмс уже вскинул труп и толкнул им Кулпеппера, так что пятая пуля отколола кусок мокрой штукатурки от прогнувшегося потолка. Холмс бросил убитого громилу на пол, неспешным ударом палки выбил из рук Кулпеппера пустой револьвер и потащил ошеломленного щеголя туда, где вкалывал себе героин. Сыщик и его жертва выплясывали на трех лежащих телах причудливый танец, но Холмсу нужно было, чтобы Кулпеппер смог дотянуться до воткнутого в пол ножа.

Он развернул щеголеватого бандита и наклонил к дыре. Теперь от падения того удерживала лишь левая рука Холмса, крепко сжимавшая его воротник. Кулпеппер шатался и скулил. В воздухе вдруг резко запахло мочой.

Холмс отбросил палку и вытащил из нагрудного кармана рубашки три фотографии. По-прежнему держа Кулпеппера наклоненным, он сунул тому под нос первую карточку. На ней был запечатлен пожилой, грузный, черноглазый усач.

– Ты знаешь этого человека? – спросил Холмс. – Видел его когда-нибудь?

– Нет! – Баритон Кулпеппера перешел в сопрано.

– Подумай хорошенько, – сказал Холмс. – Не знаю, кому из «Громил с Юго-Запада» ты непосредственно подчиняешься – Диллону, Мейеру или Шелтону, – но это должно было происходить в их штаб-квартире. А может, этот человек обедал с твоим боссом.

– Я никогда его не видел! – взвизгнул убийца.

Всякий раз, как он пытался отвести руку назад и ухватиться за Холмса, сыщик еще сильнее наклонял его вперед. Наконец Кулпеппер прекратил борьбу и теперь лишь всплескивал пухлыми руками, словно голубь – перебитыми крыльями.

Холмс убрал фотографию в карман и вытащил другую – очень молодого человека. Тонкие губы, длинный прямой нос, волосы зачесаны назад, глаза змеиные. Лицо внушало Холмсу ужас даже в нынешнем отрешенно-наркотическом состоянии.

Кулпеппер медлил с ответом, и это сказало Холмсу все, что тот хотел знать.

– Говори! – потребовал он, наклоня толстяка на несколько дюймов вперед.

Левая рука у сыщика устала, и он лишь чудом не уронил Кулпеппера в провал. Холмс не должен был этого допустить, но и руку перехватить не мог.

– Говори! – снова рявкнул он.

– Кажется, я видел его... может быть... один раз. Бога ради! Умоляю!

Холмс притянул его на несколько дюймов к себе.

– Года два назад, – бормотал Кулпеппер. – Может, три. В конторе Шелтона на Пенсильвания-авеню.

– Как его зовут?

– Я видел его только раз... издали, – простонал Кулпеппер. – Богом клянусь! Знал бы что-нибудь, сказал бы. Богом клянусь! Умоляю! Не надо! Умоляю! Я исправлюсь! Христом Богом клянусь!

– А этого? – спросил Холмс, показывая третью фотографию.

Человек, запечатленный на ней, был старше двух остальных. Лицо его, мертвенно-бледное, отличалось крайней худобой. Однако впалые щеки и заострившиеся черты не вызывали у зрителя жалости: то было лицо хищника, не жертвы. Первым делом обращал на себя внимание высокий и выпуклый залысый лоб, белеющий над глубоко посаженными глазами, увеличенными стеклами старомодного пенсне. Этот непомерно большой лоб, а также старомодный воротник, галстук-ленточка, фрак и пенсне создавали образ интеллектуала, но ему противоречил острый волевой подбородок, к которому сходились глубокие сердитые морщины от резко очерченных скул и горбатого носа. Несомненное сходство со стервятником еще усиливали плечи, нахохленные, как черные перья, по обеим сторонам узкого, неестественно белого лица.

– Никогда его не видел! – выдохнул Кулпеппер. – Я падаю! Падаю! Господи!

– Быть может, ты слышал его имя, – сказал Холмс, чувствуя, что левая рука слабеет. – Мориарти. Профессор Джеймс Мориарти.

– Нет! Никогда! – крикнул Кулпеппер.

Холмс по глазам видел, что тот лжет.

Отлично.

Сыщик покосился на уцелевшего Финна. Тот все так же сидел, привалившись к стене и обхватив руками разбитую голову. Он уже не стонал и явно все слышал и видел. Однако воли к борьбе в нем не осталось. Кровь текла между пальцев, по запястьям, в рукава.

Холмс убрал фотографии и оттащил Кулпеппера от края дыры, не

рассчитывая узнать что-нибудь еще. Что он выяснил? Что Лукан то ли был, то ли не был в Вашингтоне два или три года назад. Что Кулпеппер определенно *слышал* о профессоре Мориарти, но почти наверняка его не видел.

Сыщик разжал левую руку и глянул на пол. Вокруг головы убитого Финна натекла лужа крови. Поперек его ног лежал труп Мертриха, развороченный пулей затылок уже не походил на человеческий. Уцелевший Финн сумел отползти чуть дальше от убитых. Его глаза, смотрящие на Холмса между окровавленными пальцами, округлились от ужаса.

И все это – чтобы узнать, что Лукан то ли встречался, то ли не встречался с вашингтонскими громилами два или три года назад? И что эта преступная организация лишь слышала о Мориарти? Угасание первоначальной героиновой свободы обратило накатившую на Холмса внезапную грусть во что-то более похожее на горе.

Можно было обойтись без этого спектакля, а просто оглушить и похитить мистера Дж. Из всех пятерых лишь тот мог и впрямь знать, имела ли банда дела с Луканом.

Холмс вздохнул и повернулся к Кулпепперу спиной, будто собираясь поднять трость.

Нож Боуи торчал рукоятью вверх всего в нескольких дюймах от правого ботинка Кулпеппера. Толстяк с сопением вырвал его из досок и подался вперед, чтобы нанести удар.

Холмс отклонился назад, едва не задев затылком сырую стену, уперся правым локтем в пол и со всей силы распрямил левую ногу с прямой стопой. В детстве его учили таким толчком вышибать запертую на засов дверь.

Кулпеппер подлетел вверх и кувыркнулся через спину, так что его подметки на миг зависли в воздухе двумя восклицательными знаками. Затем раздался вопль, и Кулпеппер рухнул в провал, словно увлекаемый струями дождя, которые уже не отливали расплавленным золотом.

Холмс задержался в комнате ровно на столько, сколько потребовалось, чтобы подобрать с пола «бомон-адамс». Револьвер был старый, но не лишенный привлекательности. Сыщик вытер его платком, разобрал и бросил части в широкий провал.

Живой, истекающий кровью Финн попытался вжаться в стену, когда Холмс, помахивая тяжелой тростью, прошел мимо него. Оставалось надеяться, что удар не отшиб головорезу последние мозги и тот расскажет мистеру Дж. и другим главарям обо всем, чему стал свидетелем.

Холмс не раз говорил Ватсону, что, уйдя на покой, напишет

фундаментальный труд – «Полное искусство расследования преступлений». Однако на самом деле ему следовало бы написать книгу «Как безнаказанно совершить убийство». Правило № 8 в ней гласило бы: «Никогда и ничего не забирай у жертвы. Ничего».

Он закрыл дверь в комнату, где уцелевший Финн по-прежнему трясся от страха, что Холмс вновь обойдет радужный водопад и довершит начатое, и осторожно спустился по лестнице, которая в этот дождливый мартовский день успешно выдержала испытание. В большой комнате сразу за вестибюлем Холмс ненадолго остановился. Поверх первого багрового пятна появилось второе. Кулпеппер каким-то образом сумел упасть точно на голову. Его шляпе это на пользу не пошло, а между ягодицами торчал острый край позвоночника, белый в кровавых потеках.

Холмс перекатил тело – аккуратно, чтобы не запачкать свою одежду американского рабочего, – и забрал сто пятьдесят долларов, зная, что они пригодятся ему в ближайшие недели.

Была суббота, 25 марта. Холмс предполагал, что Генри Джеймс скоро опомнится и уедет назад в Англию или во Францию, однако ему самому предстояло остаться в Америке по крайней мере до официальных торжеств, намеченных на первое мая. В тот день президент Кливленд нажмет кнопку, фонтаны взметнутся ввысь, боевые корабли начнут салют, а оркестр грянет «Аллилуйя» Генделя. Холмсу придется пробыть в Америке это невыносимое время, если следствия его поступков – включая сегодняшнюю встречу – или телеграмма старшего брата не освободят сыщика от тягостных обязательств.

«Как такой развязки не жаждать?»^[8] – подумал он, вспоминая вечер 1874 года, когда двадцатилетний Шерлок Холмс, молодой и честолюбивый актер, звавшийся тогда совсем другим именем, вышел на сцену вместо внезапно заболевшего директора труппы, всеобщего любимца Генри Ирвинга, чью роль заранее выучил именно на такой случай. Один умопомрачительный вечер он был не Розенкранцем, не верным Горацио («да, милорд», «нет, милорд» на протяжении двух с половиной часов спектакля), а Гамлетом. Зал аплодировал стоя. «Таймс» опубликовала восторженные отзывы. Ирвинг выгнал Холмса из труппы на следующее же утро.

Холмс вышел из пахнувшей плесенью и кровью старой гостиницы и зашагал по Кейси-лейн в сторону Фогги-Боттом.

Портфель и одежда лежали там, где он их и оставил, – в чулане заброшенного дома. Холмс тщательно сложил наряд американского рабочего и надел плотный твидовый костюм норвежского джентльмена.

Меньше чем за минуту он закрепил черный футляр и серебряный набалдашник на палке, которую по пути отмыл от крови.

Холмс глянул на свое отражение в стекле. Руки он вымыл еще раньше, но сейчас обнаружил у себя на левой скуле три крошечных пятнышка, похожие на багровые снежинки. Сыщик смочил носовой платок в луже у разбитого окна и стер их, а платок – простой, без монограммы – выбросил.

Выйдя на улицу с уверенным видом владельца, навещавшего дом, Холмс двинулся через Фогги-Боттом к очаровательным особнякам в федеральном стиле и резиденции президента. Теперь он шагал размашистой походкой прославленного исследователя. Его модная трость стучала по ровной кирпичной мостовой.

* * *

До пяти часов было вдоволь времени, чтобы принять ванну и переодеться.

Когда все собрались в малой гостиной, Холмс обратил внимание, что лицо у Генри Джеймса насупленное, будто тот весь день провел в мрачных раздумьях. Очевидно, он пока не рассказал хозяевам, кто на самом деле их гость; и Джон, и Клара Хэй радушно встретили «Сигерсона», а их застольная беседа была веселой и непринужденной.

– Как вам показался наш тихий город после приключений в Азии? – спросила Клара Хэй.

– В нем есть свой неповторимый шарм, – ответил «Ян Сигерсон» с чуть заметным норвежским акцентом.

Через несколько часов сели ужинать. Подали ростбиф – возможно, повар приготовил его ради Генри Джеймса, который теперь считался скорее англичанином, чем американцем.

Холмс брал ломтики из середины – самые непрожаренные.

Глава 13

Суббота и воскресенье прошли для Генри Джеймса в сплошных терзаниях.

За долгую бессонную ночь его меланхолия заметно усилилась, а вместе с тоской пришла и неожиданная ясность мыслей. Еще до того, как в окне забрезжил серый рассвет, Джеймс решил, едва Холмс утром в субботу выйдет из дома Хэев, поговорить с Джоном и полностью сознаться в своем грехе (а он и впрямь считал, что совершил тяжкий грех против дружбы, введя в круг дорогих ему людей замаскированного чужака). Джеймс был уверен, что Хэй, Генри Адамс и Кларенс Кинг не простят ему эту непорядочность, так что приготовился сразу же незаметно ретироваться – сесть на дневной поезд до Нью-Йорка и там купить билет в Англию. Он понимал, что прочие близкие друзья Хэев и Адамсов – включая его старинного приятеля Уильяма Дина Хоуэллса – будут в равной мере возмущены. Он примет их осуждение и гнев; в противном случае оставалось лишь продолжать гнусную шараду, а Джеймс чувствовал, что это свыше его сил.

Он намеревался поговорить с Джоном Хэем после завтрака, но того вызвали по делам. «Ян Сигерсон» ушел прогуляться по городу, и Генри Джеймс провел все утро и большую часть дня в обществе хозяйки. Она всегда была очень к нему добра, но Джеймс не мог собраться с духом и раскрыть Кларе Хэй правду.

Так что они болтали про общих друзей, про погоду в Англии и на континенте в это время года, сравнивая ее с ранней весной в Вашингтоне, о знакомых скульпторах и художниках, в том числе о Даниэле Честере Френче, Огастесе Сент-Годенсе и Джоне Сингере Сардженте, потом снова о писателях. После того как закончился ленч и слуги унесли посуду, обсудили Тургенева и очерки мистера Эмерсона (которые Джеймс ставил не слишком высоко), потом Клара Хэй рассмеялась и сказала:

– Вы, конечно, видели библиотеку Джона, но вам стоило бы взглянуть на мой шкаф постыдных радостей, Гарри.

Джеймс поднял бровь:

– Постыдных радостей?

– Да. Книг, которые очень мне нравятся и про которые Джон, Генри Адамс и Хоуэллс говорят, что я не должна до такого опускаться. А я от них в восторге! Быть может, вы будете ко мне не столь суровы. Идемте.

Она провела его по широкой лестнице и направо по коридору в сторону хозяйских спален. На какой-то ужасный миг Джеймс испугался, что эта женщина, с которой они в доме совершенно одни (если не считать шести или восьми слуг), пригласит его в свой будуар, но Клара Хэй остановилась раньше – перед шкафом красного дерева шириной не меньше двенадцати футов.

– Книги в желтых обложках! – воскликнул Джеймс.

– Да. Ничего не могу с собой поделать – покупаю их на вокзалах, когда езжу по Англии. – Клара Хэй прижала ладони к вспыхнувшим щекам. – Вы когда-нибудь поддавались такому искушению, Гарри?

Джеймс улыбнулся, надеясь, что это сойдет за выражение дружеской снисходительности.

– Конечно, дорогая моя. Книги в желтых обложках созданы, чтобы скрасить дорожную скуку. Я вижу у вас среди других бульварных романов «Лунный камень» и «Женщину в белом» Коллинза.

Все так же краснея, Клара ответила:

– О да. Как я люблю Уилки Коллинза! И как я четыре года назад горевала о его смерти! Серьезные книги я тоже читаю, правда.

– Если меня не подводит память, вы первая из «Пятерки сердец» открыли мои сочинения, – сказал Джеймс.

Он снял с полки несколько второсортных «авантюрных романов» в духе Г. Райдера Хаггарда и прочел названия, прежде чем поставить их на место.

Собственно «желтые обложки» – британские романы, в которых речь неизменно шла о двоеженстве, внебрачных детях, убийствах, шантаже и тому подобном, – на самом деле занимали лишь малую часть полок, но все книги здесь были того же бульварного пошиба.

– Что это? – спросил Джеймс, вытаскивая новенький хрустящий томик в светло-коричневом переплете.

На корешке значилось: «Приключения Шерлока Холмса», а ниже, в рамке: «Библиотека журнала „Стрэнд“».

– Я пристрастилась к рассказам мистера Конан Дойла два года назад, когда мы с Джоном три месяца жили в Лондоне, – сказала Клара. – Однако здесь «Стрэнд» не продают, и я как услышала в прошлом месяце, что вышел сборник из двенадцати рассказов, тут же его купила.

– В прошлом месяце, говорите? – произнес Джеймс, листая страницы. Книга была иллюстрированной. – Так сборник вышел в феврале?

– Да.

– Можно я возьму его почитать, Клара? – спросил Генри Джеймс,

захлопывая книгу. – У меня разыгралась подагра, и я не отказался бы от легкого чтения, чтобы немного отвлечься.

– Конечно! – воскликнула Клара Хэй и вновь залилась румянцем. – Только не говорите Джону, какую книгу я всучила прославленному писателю. Он меня не простит.

Они стояли в коридоре перед шкафом и улыбались друг другу, как два заговорщика.

* * *

Под предлогом разыгравшейся подагры (невыдуманной – боль в левой ноге и впрямь была сегодня ужасная) Джеймс провел остаток дня у себя в комнате. Горничная растопила камин, и писатель сел поближе к огню, положив больную ногу на обитый мягкой подушкой табурет. По стеклу застучал легкий весенний дождик.

Эдмунд Госс и другие молодые друзья, рекомендовавшие Джеймсу авантюрные сочинения Генри Райдера Хаггарда и якобы подлинные истории о Шерлоке Холмсе в «Стрэнде» и «Рождественском ежегоднике Битона», не особо расписывали подробности. Они упоминали лишь, что считают Дойла литературным агентом и редактором доктора Джона Х. Ватсона и что упомянутый доктор Ватсон повествует об истинных приключениях лондонского сыщика, ведущего затворническую, но крайне деятельную жизнь.

Джеймс ровно один раз попытался прочесть роман Г. Райдера Хаггарда, но, дойдя до сцены, где белый охотник выстрелом в голову убивает носильщика-туземца, чтобы избавить того от пыток, с возмущением отбросил книгу (как и всякую мысль о дальнейшем чтении Хаггарда). Джеймсу хватало тягостных зрелищ на улицах Лондона, а расписанные с любовной тщательностью картины пробитых черепов и разлетающихся по воздуху мозгов не совмещались с его представлениями о достойной и порядочной жизни.

В рассказы о Холмсе он даже не полюбопытствовал заглянуть.

Вернувшись мыслями к благотворительному чайному приему, устроенному миссис О’Коннор и леди Вулзли четыре года назад, – тому, на котором впервые познакомился с Шерлоком Холмсом, – Джеймс вспомнил, что в списке приглашенных был и А. Конан Дойл. Его (как и нескольких популярных, но не слишком уважаемых авторов) позвали для привлечения публики. Впрочем, если Джеймс не запамятовал, их с Конан Дойлом друг

другу не представили. Не было среди гостей и доктора Джона Х. Ватсона.

Поудобнее устроив распухшую ногу, Джеймс кивнул лакею, принесшему чай с лимоном, и принялся за двенадцать «Приключений Шерлока Холмса».

* * *

Он сразу узнал своего спутника в описании доктора Ватсона (или, возможно, Конан Дойла): худощавая фигура, высокий бледный лоб, впалые щеки, орлиный нос, выразительные брови и очень внимательные серые глаза, – хотя иллюстратор «Стрэнда», некий Сидни Пэджет, сильно облагородил реального Шерлока Холмса, сделав его более привлекательным и более похожим на джентльмена. Впрочем, Джеймс понимал, что еще не видел настоящего Шерлока Холмса, одетого самим собой и действующего в присущей ему манере.

Если настоящий Шерлок Холмс и впрямь существовал.

Первый рассказ назывался «Скандал в Богемии». Джеймс был потрясен, встретив на страницах «короля Богемии» – которого Холмс за поздним ужином в «Кафе де ля Пэ» всего двенадцать дней назад прямо назвал принцем Уэльским. Джеймс нашел качество прозы менее чем сносным, сюжет – нелепым, а ухищрения Холмса добыть для принца Уэльского «компрометирующую фотографию» – надуманными, неуклюжими и в конечном счете безуспешными. Какая-то авантюристка переигрывала его в каждом ходе. Если рассказанное правда, то почему Холмс – очевидно, живущий на деньги от частных клиентов – позволил доктору Ватсону и Конан Дойлу опубликовать подробности такого сокрушительного провала?

Еще больше Генри Джеймса заинтересовало чувство – сквозящее между строк или в отдельных язвительных замечаниях, – что Холмс (или, по крайней мере, персонаж, выведенный под его именем в этой странной истории) питает к «королю Богемии», то есть на самом деле к принцу Уэльскому, что-то вроде холодного презрения. Под конец Холмс вроде бы даже рад, что проиграл и что «Ирэн Адлер» сохранила компрометирующую фотографию. (Джеймс также отметил про себя, что Ватсон – или Конан Дойл – назвал авантюристку «покойной Ирэн Адлер»).

«Союз рыжих» оказался позанятнее, однако Джеймс нашел «поразительные умозаключения» Холмса просто глупыми. Автор, кто бы он ни был, даже не пытался показать мысли или мотивы героев. Ватсон

неизменно преклонялся перед своим соседом по дому на Бейкер-стрит, хотя тот на каждом шагу совершал идиотские поступки.

Текст изобилует ошибками. Рыжеволосый персонаж по фамилии Уилсон приступил к работе – она состояла в том, чтобы по четыре часа в день переписывать страницы из Британской энциклопедии, – 29 апреля 1890 года. Восемь недель спустя, получив за труды тридцать два фунта, Уилсон собирался, как обычно, войти в пустую комнату, где стояли лишь стол и стул для переписчика, но увидел приколотое к двери объявление:

СОЮЗ РЫЖИХ
РАСПУЩЕН
9 октября 1890 года

Однако – Джеймс проделал все выкладки в уме – если прошло восемь недель и Уилсон получил тридцать два фунта, то в рассказе должно было наступить двадцать третье июня, не девятое октября. А будь это девятое октября, Уилсон заработал бы на пятьдесят восемь фунтов, десять шиллингов и два пенса больше.

К тому времени, как Союз рыжих был распущен, а «Уилсон» потерял свою глупую работу, он, согласно автору, уже приближался к букве «Б» в Британской энциклопедии. В коридоре у Хэя стояло свежее (девятое) издание 1889 года. Генри Джеймс позвонил в колокольчик и велел вошедшему слуге принести первый том. Подсчитав слова на типичной странице, он уселся за маленький письменный стол, взял лист бумаги с карандашом и вычислил, что «Джабез Уилсон» переписал за восемь недель примерно 6 419 616 слов, и это – работая всего по четыре часа в день! Разделив на бумажке в столбик, Джеймс вывел среднее. Получилось 33 435 слов в час, или чуть более 557 в минуту. Поразительно!

Нелепица! Автор – Уатсон или Конан Дойл – просто не удосужился сосчитать.

На следующей странице небрежный автор отправляет Холмса, Уатсона, констебля и еще нескольких персонажей «колесить по бесконечной путанице освещенных газом улиц»,^[9] хотя от цели их отделяло лишь несколько минут пешего хода.

В другом месте того же рассказа Джеймс невольно расхохотался. Холмс объявил, что стоящая перед ним загадка – «задача как раз на три трубки», устроился с ногами в кресле и, взяв ту самую черную глиняную трубку, которую Джеймс видел у него в путешествии, якобы выкурил три порции табака за пятьдесят минут. Джеймс знал, что одна порция такого

крепкого дешевого табака в час наверняка вызовет сильнейшее раздражение слизистых оболочек рта и носа; три могут стоить курильщику жизни.

В «Тайне Боскомской долины» Холмс-персонаж вел себя по отношению к Ватсону (человеку старше и опытнее себя) так же развязно-покровительственно, как в первом рассказе, и так же на каждом шагу демонстрировал, что не имеет никаких оснований заноситься. При первом известии об убийстве в мифической «Боскомской долине» неподалеку от вполне реального города Росс в Херефордшире^[10] Холмс телеграммой вызвал Ватсона к поезду, чтобы немедленно ехать на место трагедии. Однако, прибыв в Росс, Холмс, всегда говоривший, как важно осмотреть сцену убийства «до того, как пойдет дождь и смоем все улики», не спешит к омуту, где человека лишили жизни, разможив ему голову тяжелым предметом. Нет, он смотрит на барометр, который показывает двадцать девять,^[11] объявляет, что дождя не будет, и на два дня остается в гостинице.

Генри Джеймс не был метеорологом и, насколько помнил, никогда не использовал показания барометра в качестве сюжетного хода, но провел немало часов с фермерами (и в Новой Англии, и в Британии, и во Франции), а также с капитанами по пути через Атлантику и знал, что «29» не сулит хорошей погоды. Такое показание (если оно вообще возможно) означает, что ливень если не начался, то скоро начнется.

Убив понапрасну сутки, Холмс вновь говорит, что дождя не будет, поскольку на барометре по-прежнему «29», и убивает еще сутки (притом что, если верить барометру, над Англией бушует тайфун).

Затем он разгадывает загадку, сообразив, что последние слова убитого сыну (которого подозревали в преступлении) были частью названия «Балларэт» в Австралии, а значит – убийца из Балларэта. Однако Генри Джеймсу, ничего не знающему об Австралии, довольно было открыть первый том Британской энциклопедии, чтобы убедиться: там есть немало городов и областей с тем же окончанием.

Возмущение Джеймса отвратительной корректурой и крайней небрежностью автора еще увеличилось при чтении рассказа «Человек с рассеченной губой», где к Ватсону и его супруге заявляется поздно вечером взволнованная дама под черной вуалью (как выясняется вскоре, некая Кэт Уитни), и жена доктора говорит ей: «Садись поудобнее, выпей вина с водой и рассказывай, что случилось. Может быть, ты хочешь, чтобы я отправила Джеймса спать?»^[12]

«Джеймса?!» – с растущим возмущением подумал Генри Джеймс.

Упомянутый джентльмен, если только миссис Ватсон не прятала под столом любовника, должен быть ее мужем *Джоном* Ватсоном.

Неужто автор вообще никогда не держит корректуру?

В том же рассказе Холмс разоблачает «грязного арестанта», слегка проведя по его лицу большой влажной губкой, которую предусмотрительно захватил в тюрьму. Таким образом он – согласно автору – снимает несколько слоев актерского грима. Генри Джеймс, который все прошлые полтора года разъезжал по Англии с труппой, поставившей его первую пьесу «Американцы», из собственных простых наблюдений знал, что «мокрая губка» Холмса лишь немного смазала бы и подпортила театральную косметику. Все актеры и актрисы, которые на глазах Джеймса снимали грим, предварительно наносили на лицо толстый слой кольдкрема.

И так рассказ за рассказом, одна глупость за другой.

Он отложил книгу, лишь когда лакей пришел сообщить, что все собрались в гостиной – выпить чаю или аперитива перед обедом. Спускаясь по лестнице, Джеймс непритворно хромал и на участливые вопросы Джона Хэя смог вполне правдиво ответить, что подагра – о которой он писал Хэю в декабре – и впрямь разыгралась.

Обед проходил в таком тесном кругу, что мог с полным правом называться семейным, тем не менее подали ростбиф, которого Джеймсу сегодня вечером совсем не хотелось. Джон Хэй был весел и радушен, Клара – очень мила и старалась всех вовлечь в беседу, «Ян Сигерсон» рассказывал, как понравился ему белый сияющий Капитолий и другие чудеса, включая громаду Госдепартамента, где столько лет работал Хэй (Джеймс находил ее похожей на свадебный торт и донельзя безобразной в своей гипертрофированной барочности), а Джеймс только кивал или одобрительно улыбался. Остальные, вероятно, списали его неразговорчивость на подагру; впрочем, для писателя такое застольное поведение было более или менее характерно.

На самом деле Джеймс внимательно наблюдал за Холмсом – Сигерсоном. Да, именно он, Джеймс, узнал Холмса в почти полной тьме на берегу Сены, ибо актерская замазка, наклеенные усы и грим (который отнюдь не снялся бы мокрой губкой) оказались бессильны изменить это худое лицо и орлиный профиль. Однако у Джеймса появились новые соображения касательно Холмса и собственных планов: сразу после обеда побеседовать с Джоном Хэем наедине и – с бесконечными извинениями – разоблачить обманщика, которого сам и ввел в дом.

Нет... лучше не спешить, а дожидаться, когда настоящий исследователь и альпинист Кларенс Кинг выведет Холмса на чистую воду. А если этого не

произойдет, уж норвежского-то посла нелепый маскарад не обманет. Тогда Джеймс изобразит то же возмущенное негодование, что и все остальные за столом. Да, выйдет неловкость, но по крайней мере старые друзья не отвернутся от него навсегда. Холмса с позором выставят за порог, Джеймс извинится перед Джоном и Кларой за свою непростительную наивность – как он мог поверить проходимцу! – и почти сразу уедет в Англию.

Хэй пригласил мужчин в библиотеку на бренди и сигары, однако Джеймс быстро выпил свой стакан, вновь сослался на подагру и ушел в спальню, оставив хозяина и «Сигерсона» с жаром обсуждать недавнее убийство тысяч арабов конголезскими людоедами и, возможно, несправедливое судебное решение по делу строителя каналов Лессепса, приговоренного к тюремному сроку за мошенничество.

Глава 14

Джеймс читал всю ночь. Авторских и сюжетных глупостей меньше не стало. Однако там и сям Джеймс видел черты Холмса-персонажа, напоминавшие ему человека, с которым он встретился тринадцать дней назад и обедал сегодня вечером. И он постепенно понимал, чем эти «приключения» так нравятся его образованным друзьям, скажем Эдмунду Госсу. Суть «Приключений Шерлока Холмса» была не в приключениях как таковых (они не казались Джеймсу особо увлекательными), но в дружбе между Холмсом и Ватсоном, в их совместных завтраках, в дождливых днях, когда они вместе сидели у потрескивающего камина, а миссис Хадсон приносила им еду на подносе и послания из внешнего мира. Холмс и Ватсон жили во вселенной мальчишеских приключений и, подобно Питеру Пэну (несмотря на довольно путанные упоминания Ватсона о своих женитьбах), не выросли.

«Знатный холостяк», как многие рассказы в книге, повествовал вовсе не о приключениях, а о довольно вульгарной семейной неразберихе, поданной под видом загадки. Некий высокородный «лорд Сент-Саймон» приходит в дом 221б по Бейкер-стрит спросить совета, и Холмс тут же начинает ему грубить – во-первых, обращается к нему: «Добрый день, лорд Сент-Саймон» – вместо правильного «лорд Роберт» или «лорд Роберт Сент-Саймон», во-вторых, чуть не с первых слов оскорбляет своего гостя и клиента.

Генри Джеймс еле удержался в последний миг, чтобы не отчеркнуть в Клариной книге следующий пассаж. Лорд Роберт, у которого невеста-американка сбежала от алтаря, говорит:

– ...как нельзя более мучительном для меня, мистер Холмс! Я потрясен. Разумеется, вам не раз приходилось вести дела щекотливого свойства, сэр, но вряд ли ваши клиенты принадлежали к такому классу общества, к которому принадлежу я.

– Да, вы правы, это для меня ступень вниз.

– Простите?

– Последним моим клиентом по делу такого рода был король.

– Вот как! Я не знал. Какой же это король?

- Король Скандинавии.
- Как, у него тоже пропала жена?
- Надеюсь, вы понимаете, – самым учтивым тоном произнес Холмс, – что в отношении всех моих клиентов я соблюдаю такую же тайну, какую обещаю и вам.^[13]

«Какое бахвальство!» – подумал Джеймс. Джентльмен, имеющий понятие о приличиях, мог бы упомянуть подробности сходного дела, но не назвал бы другого клиента, а уж тем более монарха.

Именно такой снобизм наоборот Джеймс уже слышал у Холмса – или, по крайней мере, у человека, выдающего себя за Шерлока Холмса в том же мареве безумия, в котором тот изображал Холмса под личиной исследователя Яна Сигерсона. И этот снобизм вкупе с множеством подсказок в «приключениях» и в собственных наблюдениях Джеймса вел к одному выводу: Шерлок Холмс не джентльмен. Просто талантливый актер, много лет играющий джентльмена. Он усвоил небрежную манеру одеваться, скучающий вид, правильный выговор образованного человека, но так и не стал джентльменом в душе.

* * *

От последнего рассказа – прочитанного при распахнутом окне, поскольку в комнате сделалось жарко, под стук бьющихся о лампу ночных бабочек – обычно степенному Генри Джеймсу пришлось зажимать себе рот, чтобы не прыснуть со смеху. Не хватало только, чтобы слуги Хэев – а может, и другой гость – услышали, как страдающий подагрой Джеймс хохочет в глубокой ночи.

Рассказ назывался «Медные Буки» и как нельзя лучше подходил на роль завершающего, поскольку в полной мере содержал авторские небрежности, логические неувязки и холмсовские просчеты, из-за которых остальные «приключения» почти невозможно было читать. Здесь они являли собой один сплошной ком писательской расхлябанности, видимо характерной для книг легкого жанра.

Привлекательная, но чересчур развязная молодая особа (она не знакома с Холмсом и Ватсоном, но обращается к сыщику как к близкому другу), Вайолет Хантер, заявляется к ним однажды утром и просит у Великого детектива совета по делу всечеловеческой важности: соглашаться ли ей на высокооплачиваемую работу гувернантки при сыне толстого-

претолстого джентльмена по имени Джефро Рукасл.

Ее первая беседа с мистером Рукаслем была «странной», поскольку тот объявил, что они с женой «люди чудаковатые» и попросят ее носить определенное платье «или сесть там, где нам захочется. Это ведь не покажется вам обидным?». ^[14]

Мисс Хантер говорит, что «крайне удивилась». Непонятно, чему тут удивляться: вся прислуга и многие гувернантки носят одежду, которую выдают им хозяева. А мистеру Рукаслу, коль скоро тот задумал недоброе, глупо было предупреждать, что ее попросят сидеть, где им захочется: хозяин с хозяйкой и без того могут велеть гувернантке сесть там, где сочтут нужным.

Затем мистер Рукасл уведомил Вайолет Хантер, что той придется коротко остричь свои красивые густые волосы. Услышав столь возмутительное условие, мисс Хантер отказалась от предложенной работы, но в следующие дни продолжала думать о высоком жалованье и жалела, что не согласилась. Тут от мистера Рукасла пришло письмо: он настаивал на прежних требованиях – определенное платье и стрижка, – но предлагал еще более высокое жалованье, сто двадцать фунтов в год – целое состояние для гувернантки, тем более если та, как мисс Вайолет Хантер, не блещет образованием и опытом.

– Вот какое письмо я получила, мистер Холмс, и твердо решила принять предложение.

«Так какого дьявола ты, голубушка, отрываешь сыщика от дел, если уже все решила?» – тихо прошептал Генри Джеймс в теплой ночи, наполненной кружением насекомых.

Неуклюжий механизм сюжета продолжал с грохотом катить дальше, круша всякую логику. «Поздно вечером» Ватсону и Холмсу пришла телеграмма:

ПРОШУ БЫТЬ ГОСТИНИЦЕ «ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ»
ВИНЧЕСТЕРЕ ЗАВТРА ПОЛДЕНЬ. ПРИЕЗЖАЙТЕ! НЕ ЗНАЮ,
ЧТО ДЕЛАТЬ. ХАНТЕР.

Не телеграмма, а монаршее повеление. Естественно, Холмс и Ватсон утренним поездом сломя голову понеслись в Винчестер. Дальше шел занятный отрывок, который брат Джеймса Уильям назвал бы «психологическим». Холмс, глядя на буколические домики и мирную

сельскую округу, раздражается внезапной тирадой:

– Я, когда вижу их, думаю только о том, как они уединенны и как безнаказанно здесь можно совершить преступление.

– О господи! – воскликнул я. – Кому бы в голову пришло связывать эти милые сердцу старые домики с преступлением?

– Они внушают мне страх. Я уверен, Ватсон, – и уверенность эта проистекает из опыта, – что в самых отвратительных трущобах Лондона не совершается столько страшных грехов, сколько в этой восхитительной и веселой сельской местности.

– Вас прямо страшно слушать.

– И причина этому совершенно очевидна. То, чего не в состоянии совершить закон, в городе делает общественное мнение. В самой жалкой трущобе крик ребенка, которого бьют, или драка, которую затеял пьяница, тотчас же вызовет участие или гнев соседей, и правосудие близко, так что единое слово жалобы приводит его механизм в движение. Значит, от преступления до скамьи подсудимых – всего один шаг. А теперь взгляните на эти уединенные дома – каждый из них отстоит от соседнего на добрую милю, они населены в большинстве своем невежественными бедняками, которые мало что смыслят в законодательстве. Представьте, какие дьявольски жестокие помыслы и безнравственность тайком процветают здесь из года в год.

Генри Джеймс немало прожил в Англии и знал, что это полнейшая чушь. Да, и в буколической деревушке возможны злодеяния и домашнее насилие, однако то, что перечислил Холмс, в лондонских трущобах не пресекается и не влечет за собой немедленной и неотвратимой кары. Более того, незаконная жестокость любимого Джеймсом города была прекрасно известна всем тамошним обитателям.

Глупая тирада литературного Шерлока Холмса поразила Генри Джеймса по двум причинам.

Во-первых, противопоставление города и деревни в пользу города было совершенно неанглийским. Французским, быть может, или русским, но никак не английским.

Во-вторых, Джеймс почти слышал твердый голос брата Уильяма: «Это в некотором роде признание, рассказ о собственном прошлом, Гарри. Психологическая мольба о помощи и понимании. Что-то очень тяжелое и

болезненное произошло с ним в сельской местности очень давно – в сельской местности, к которой он не привык, будучи, возможно, уроженцем городских трущоб, – и теперь он ненавидит самую идею буколической тишины и промежутки мирной темноты между деревенскими домиками. Было бы крайне занятно исследовать глубинную причину его страхов».

* * *

Генри Джеймс иногда выступал с лекциями о великих писателях, но, случись ему делать доклад на симпозиуме о литературной нелепости, он взял бы за основу оставшуюся часть «Медных Буков».

Мисс Хантер – коротко остриженная, что мучительно напомнило Джеймсу его покойную кузину Минни Темпл, тогда еще почти девочку, в наряде Гамлета после тяжелой болезни, из-за которой ей безжалостно обкорнали волосы, – встречается с Ватсоном и Холмсом в гостинице «Черный лебедь» (очевидно, она может, когда ей заблагорассудится, отлучиться от своего питомца, единственного ребенка Рукаслов – Эдварда, о котором говорится лишь, что «у него несоразмерно большая голова» и что он «злое маленькое существо»).

И впрямь, помимо этого описания внешности и характера, о мальчике в рассказе почти не сказано. Ни разу не упомянуто, что мисс Хантер с ним занимается, не показано их общение. Рукаслы сообщили Вайолет Хантер, что их дочь – которая была очень на нее похожа – умерла от «воспаления мозга» (отсюда и коротко остриженные волосы), и теперь Хантер сообщает участливым Холмсу и Ватсону, что ее заставляют сидеть в эркере (спиной к окну, разумеется) в платье умершей дочери и хохотать над забавными историями, которые рассказывает мистер Рукасл. Хантер спрятала в носовой платок ручное зеркальце и, направив его на окно у себя за спиной, увидела перед оградой молодого человека, пристально глядящего в ее сторону. Тут угрюмая миссис Рукасл заметила зеркальце, объявила, что на участок забрался чужой человек, велела Вайолет помахать ему рукой и тут же задернула занавески. Затем мисс Хантер с легкостью вскрыла «запертый ящик комода» у себя в комнате и обнаружила каштановую косу ровно того же цвета и толщины, как была у нее раньше.

Согласно нерушимой традиции готических романов, таких как «Джен Эйр», есть непременно запертая комната – и даже целое запертое крыло, – куда мисс Хантер настрого запрещено входить. Естественно, она находит ключ (очень кстати и тоже вполне традиционно оставленный в замке),

исследует пустое пыльное крыло... пустое, если не считать единственной комнаты, тоже запертой и заложенной снаружи перекладной от железной кровати. Проникнуть туда мисс Хантер не успевает.

Мистер Рукасл почти сразу узнает, что гувернантка побывала в запертом крыле, и грозит отдать ее на растерзание своему псу, мастифу Карло, которого слуга Толлер спускает на ночь с цепи. В тот же вечер Толлер напивается до бесчувствия. Холмс объявляет, что надо запереть миссис Толлер в подвале и что они с доктором Ватсоном (который захватит свой верный армейский револьвер) будут в Медных Буках к семи вечера.

Холмс заявил, что у него нет никаких сомнений: мистер Рукасл держит в запертой комнате свою дочь Алису (которая вовсе не умерла) с неким преступным замыслом – возможно, чтобы пользоваться ее наследством. Трое любителей приключений взламывают замки, срывают перекладину от кровати, распахивают дверь, и...

Она была пуста. В ней не было ничего, кроме маленькой жесткой постели, стола и корзины с бельем. Люк на чердак был распахнут, пленница бежала.

– Здесь что-то произошло, – сказал Холмс. – Этот красавчик, очевидно, догадался о намерениях мисс Хантер и уволок свою жертву.

– Но каким образом?

– Через люк. Сейчас посмотрим, как он это сделал. – Он влез на стол. – Правильно, вот и обрывок веревочной лестницы, привязанной к карнизу. Вот как он это сделал.

– Но это невозможно, – возразила мисс Хантер. – Когда Рукаслы уезжали, никакой лестницы не было.

– Он вернулся и проделал все, что надо. Говорю вам, это умный и опасный человек.

Здесь Генри Джеймс не смог подавить смешок. «Умный и опасный человек» по каким-то неведомым причинам приносит лестницу, залезает на крышу и через люк уволакивает девушку из комнаты, от которой у него есть ключ и куда он мог просто войти – и вывести оттуда дочь – когда пожелает. Очень типично для «дедукций» Холмса – тот же бред, что и всегда.

Финал рассказа был почти апологетически шаблонный. Появляется Рукасл. «Негодяй! – кричит Холмс. – Куда вы дели свою дочь?» Рукасл бросается выпустить Карло, исполинского мастифа, которого, мы знаем, не

кормили два дня, поскольку мистер Толлер все это время находился в запое. Наша троица слышит «собачий лай» – еще один авторский идиотизм, устало подумалось Джеймсу. Он предпочитал комнатных собачек, например такс, но часто гостил в сельских усадьбах и знал, что мастифы (которые обычно весьма дружелюбны) не лают, разве что глухо рычат, когда чувствуют угрозу. Заливисто лают охотничьи собаки, а мастифы к ним не относятся.

Так или иначе, Карло перегрызает мистеру Рукаслу горло, доктор Ватсон из «верного армейского револьвера» убивает пса (увы, слишком поздно!), а миссис Толлер с неожиданной словоохотливостью разъясняет весь преступный замысел. Рукасл (ради наследства!) инсценировал смерть своей дочери Алисы и спрятал ее в запертом крыле. Вайолет Хантер должна была изображать Алису, чтобы настойчивый жених («мистер Фаулер», которого Вайолет Хантер видела в зеркальце) сдался, поверил в смерть Джуди и уехал.

Последний абзац являл собой нечто вроде эпилога. Мы так и не увидели ни Алисы, ни мистера Фаулера, но узнаем от рассказчика, что они поженились и счастливый муж теперь «правительственный чиновник на острове Святого Маврикия», а мисс Вайолет Хантер (возможно, с помощью Шерлока Холмса?) получила «пост директора частной школы в Уолсоле». (Очень неплохое место для молодой особы без рекомендаций, которая, по собственным словам, владеет «немного французским, немного немецким, немного музыкой».)

Генри Джеймс, отложив прочитанную книгу на ночной столик, вновь зажал кулаками рот, чтобы не рассмеяться в голос.

Писатель – доктор Джон Х. «Джеймс» Ватсон? Артур Конан Дойл? Они оба в соавторстве? – начисто позабыл про сына Рукаслов Эдварда. Мальчика с несоразмерно большой головой и злобным характером. Никто из персонажей, включая гувернантку мисс Хантер, не вспомнил, что в рассказе был мальчик. После счастливой развязки, когда голодный лающий мастиф Карло перегрыз горло мистеру Рукаслу, Эдвард просто растворился в воздухе. Пфуй!

Лежа в теплой темноте, Джеймс думает о будущем рассказе (или повести) про гувернантку, к которому нет-нет да обращается мыслями уже довольно давно. Повесть эта, если он когда-нибудь за нее возьмется, будет написана с точки зрения гувернантки, через ее затуманенное сознание, а речь пойдет об осязатом – хоть и призрачном – зле, угрожающем ребенку или детям в одиноко стоящей сельской усадьбе. Джеймсу представлялось, что это будет история о привидениях без конкретного привидения и

потребуется легчайшие намеки, чтобы читатель с нарастающей тревогой гадал: может быть, гувернантка безумна... или одержима злом... или злом одержимы дети. А может быть, привидение (или привидения – Джеймс еще не решил) есть на самом деле, хотя все психологические намеки вроде бы указывают на обратное.

Брату Уильяму почти наверняка понравится такая «психологическая» повесть.

Джеймс точно знает одно: повесть эта потребует всего профессионального мастерства, которое он вырабатывал всю жизнь, и тончайших авторских штрихов, чтобы постепенно раскрывать перед читателем множественные уровни честности, лжи, угрызений совести и наивности – не говоря уже о воле к жизни – и при этом сохранять напряженность текста, от которой мороз бы пробегал по коже. Однако всегда и везде он будет оставлять читателя в глубоком недоумении, что же «на самом деле» случилось и не происходит ли все лишь в мутящемся рассудке гувернантки.

Тихонько улыбаясь жалким нелепостям в «Медных Буках» и продолжая понемножку думать о привидениях и человеческом рассудке, вступившем в противоречие с самим собой, писатель Генри Джеймс заснул в теплой вашингтонской ночи.

Глава 15

Воскресенье в просторном доме Хэев текло мирно и спокойно – по крайней мере, пока Генри Джеймс не припер Холмса к стене.

Клара Хэй ушла в церковь, предупредив, что вернется не скоро: после службы у нее благотворительная работа. Джон Хэй позавтракал с гостями, но затем удалился в свой великолепный кабинет, чтобы предаться литературным или историческим трудам. Огромный дом затих; слышался лишь умиротворяющий стук копыт и скрип колес за окном да временами монашески бесшумная поступь слуг, деловито снующих по светлому, пахнущему красным деревом дому.

Было уже позднее утро, когда Генри Джеймс постучал в комнату «Яна Сигерсона». Холмс, с черной глиняной трубкой, распространявшей вонь дешевого крепкого табака, пригласил писателя к окну, где стояли два кресла, в одном из которых сыщик только что читал. Джеймс тоже принес с собой книгу, но держал ее так, чтобы корешка и обложки было не видно.

– Кларенс Кинг будет здесь через несколько часов, – сказал Джеймс, когда оба сели.

– Да, – ответил Холмс. – Я с нетерпением жду встречи.

– Думаю, вам не стоит ее ждать. – Генри Джеймс, когда хотел, умел вложить в свой мягкий голос достаточно твердости. Сейчас он этого хотел.

– Извините? – Холмс выбил старую трубку в хрустальную пепельницу на столике.

– Я советую вам избавить хозяев от непристойного фарса, – сказал Джеймс. – Джон Хэй пробудет у себя в кабинете до чая. Предлагаю вам собрать вещи и уйти, пока не поздно.

– С какой стати? – тихо осведомился Холмс. – Генри Адамс вернется лишь на следующей неделе. Я почти не начал расследовать смерть его жены.

– Вздор! – отрезал Джеймс. – Кловер Адамс страдала наследственной меланхолией. После смерти отца она впала в депрессию, из которой так и не вышла. Меланхолия у них в роду, как доказывает самоубийство ее брата Неда. Объявлять ее смерть загадкой – вздор.

Холмс глянул на него будто бы даже заинтересованно:

– Тогда как быть с ежегодной запиской «Ее убили», которую...

– Тоже вздор! – отрезал Джеймс. – Я не позволю вам беречь старые раны. Не понимаю, как допустили, что вы так далеко зашли в своем

умопомешательстве. Впрочем, не важно. Этому надо положить конец. Сегодня. Вы складываете вещи и уезжаете, а я придумаю, что сказать Хэям, Кларенсу Кингу и остальным. Сам я уеду завтра.

– Так вы больше не считаете, что я могу разрешить эту загадку? – спросил Холмс, вновь набивая трубку и закуривая.

– Я больше не считаю вас Шерлоком Холмсом, – ответил Джеймс, а про себя подумал: «Вот. Я это сказал».

Его собеседник с явным удивлением поднял взгляд от трубки. Лицо его выражало еще больший интерес.

– Джеймс, ведь это вы узнали меня, несмотря на личину Сигерсона, у Нового моста.

– Я ошибся. Либо я и впрямь видел вас на приеме у миссис О’Коннор четыре года назад, но вы и там были под личиной.

– Под личиной...

– Шерлока Холмса. Вымышленного персонажа.

– Ох-хо! – воскликнул человек, которого Джеймс знал под именем Шерлока Холмса. – Так теперь вы согласны со мной, что Шерлока Холмса на самом деле нет! Что заставило вас изменить свой взгляд, Джеймс?

– Вот это. – Писатель протянул ему светло-коричневый томик «Приключений Шерлока Холмса».

– Вы позволите? – спросил человек с трубкой. Он мягко взял книгу длинными сильными пальцами и начал листать. – Я слышал краем уха, что готовится американское издание рассказов Ватсона из «Стрэнда», но не знал, что оно выйдет так быстро.

– В прошлом месяце, – сказал Джеймс и тут же пожалел, что вообще ответил.

– Иллюстрации Сидни Пэджета недурны, как вы находите? – спросил его собеседник, которого картинки в книге явно позабавили.

– Если они изображают вас, – заметил Джеймс, – то художник вам сильно льстит.

– О, безусловно! – воскликнул Холмс. Он вынул трубку изо рта и рассмеялся. – Но понимаете, мы с мистером Сидни Пэджетом ни разу не виделись. И я не позволил меня сфотографировать. Пэджет рисовал своего «Шерлока Холмса» с брата, – по крайней мере, мне так сказали. Его брат – еще более известный художник-иллюстратор. По словам Ватсона, издатели «Стрэнда» хотели пригласить именно его, но письмо попало не к тому Пэджету.

Джеймс тупо смотрел на Холмса – на человека, о котором по-прежнему думал как о Холмсе, – пока молчание не сделалось

невыносимым. Он закашлялся от едкого табачного дыма и наконец сказал:

– Теперь я уверен, сэр, что вы... что вы безумец, выдающий себя за вымышленного Шерлока Холмса, который в свою очередь выдает себя за вымышленного исследователя по имени Ян Сигерсон.

– Вот-те на! – Холмс вынул изо рта трубку и широко улыбнулся. – Отлично, Джеймс. И впрямь отлично. Ваша гипотеза куда правдоподобнее моей... то есть что я вообще не существую, помимо этих... – он поднял книгу, – побасенок.

– Так вы это признаете, – сказал Джеймс. Он чувствовал, что странная и довольно неприятная тяжесть незримым грузом давит ему на грудь.

– Что я безумен? Такое обвинение я едва ли могу опровергнуть. Признать, что я кто-то иной, нежели, возможно – и очень вероятно, – вымышленный персонаж Шерлок Холмс? Увы, в этом я сознаться не могу, сэр. Я либо *реальный* Шерлок Холмс, либо его вымышленное подобие. Таков мой печальный выбор.

Джеймс ощутил что-то вроде растущей паники. Человек напротив него был сумасшедшим и, может быть, даже *опасным*... представляющим непосредственную угрозу для самого Джеймса.

– О, я едва ли опасен, – сказал Холмс, попыхивая трубочкой. – По крайней мере для вас, Джеймс.

Казалось, он ловит мысли писателя из воздуха.

– Что вы думаете о написанных доктором Ватсоном... историях? – спросил Холмс, закрывая книгу и кладя ее на столик рядом с Джеймсом.

– Они смехотворны.

Холмс вновь хохотнул:

– Да-да. Бедный Ватсон изо всех сил старался обработать свои заметки, чтобы угодить литературным требованиям Конан Дойла, но едва ли хоть один из них понимал, как перевести мои расследования на язык искусства. Понимаете, Джеймс, лучшие расследования – произведения искусства сами по себе, без дополнительной мелодрамы и надуманных ухищрений.

– Значит, вы признаете, что рассказы очень слабы литературно? – выговорил Генри Джеймс. – Просто вычурная... беллетристика.

От последнего слова Холмс поморщился, но ответил вполне благодушно:

– Разумеется, мой дорогой Джеймс. – Он вновь открыл книгу. – Вижу, Ватсон включил сюда рассказ, который назвал «Медные Буки». На мой взгляд – типичный пример литературного провала.

– На мой тоже, – ответил Джеймс.

– И вы совершенно правы, – сказал Холмс, наставляя на Джеймса чубук, словно указательный палец. – Вот позвольте спросить... готовы ли вы поверить, что... – ему пришлось пролистать несколько страниц и свериться с текстом, – некая Вайолет Хантер заявляется к нам в дом и тратит время, Ватсона и мое, ради совета, соглашаться ли ей на место гувернантки в деревне? Я хочу сказать, пусть даже у нанимателя довольно странные требования. И готовы ли вы поверить, что я выслушал эту девку, чтобы дать ей совет – совершенно ненужный, к слову, поскольку, как вы, возможно, заметили, она уже все решила сама?

– Полнейшая нелепость, – промолвил Джеймс. На него накатило странное чувство, вроде головокружения, оттого что он соглашается с Холмсом. Или Холмс – с ним.

– «Вайолет Хантер» – на самом деле ее, разумеется, звали иначе – не была моей клиенткой.

– Не была? – Если бы Джеймс мог вернуть вырвавшиеся слова, он бы это сделал.

– Нашего клиента – того человека, который пришел ко мне с просьбой о помощи холодным мартовским утром тысяча восемьсот восемьдесят шестого года, – Ватсон называет «мистером Фаулером» и ни разу не показывает читателю.

– Мистер Фаулер? – помимо воли переспросил Джеймс. – Нареченный Алисы Рукасл? Человек в зеркале? Тот, который, как говорит Ватсон в конце рассказа, женился на освобожденной мисс Рукасл и переехал на остров Святого Маврикия?

Холмс усмехнулся, не вынимая трубку изо рта, отчего усмешка показалась немного зловещей:

– Он самый. Хотя «мистер Фаулер» – я буду говорить «Питер», ибо таково было его настоящее имя, – не женился на освобожденной и разбогатевшей мисс Алисе Рукасл и не стал... как там у Ватсона?.. – он перелистал страницы, – ...правительственным чиновником на острове Святого Маврикия.

– Это как-то связано с тем, что вы мошеннически выдаете себя за Шерлока Холмса? – спросил Джеймс.

– Только если вы хотите понять глубокую пропасть между *жизнью* этого... вымышленного... Шерлока Холмса и его опубликованными *приключениями*.

– Я не вижу причин обсуждать ни то ни другое, – сказал Генри Джеймс.

Холмс кивнул, выражая согласие, но тем не менее вынул трубку изо

рта и заговорил тихо, медленно:

– Питер... Фаулер... пришел ко мне и доктору Ватсону в марте тысяча восемьсот восемьдесят шестого. Проблема у него была семейная, но такая, которая в то время как раз могла удовлетворить мою нужду в настоящей работе для ума. В конечном итоге, Джеймс, «мистер Фаулер», который, к слову, был очень приятным лондонским джентльменом, не женился на мисс Рукасл, и они не жили долго и счастливо. В действительности – а именно такого рода истинные обстоятельства Ватсон обычно изо всех сил пытается скрыть – бывшая невеста, Алиса Рукасл, перегрызла Фаулеру горло. Она его убила.

– Боже! – выдохнул Джеймс.

– Мистер Фаулер пришел ко мне, потому что был счастливо обручен с Алисой Рукасл – фамилия, разумеется, неудачная выдумка Ватсона – до тех пор, пока «очаровательная взбалмошность» нареченной (выражение мистера Фаулера) не перешла в тяжелое воспаление мозга – что бы эти слова ни означали. Большинство эскулапов нашей невежественной эпохи свято верят в воспаление мозга, и Ватсон в их числе, но и один доктор на тысячу не скажет, что это за недуг и как его лечить.

– Однако у мисс Рукасл... как бы ее ни звали на самом деле... и впрямь было воспаление мозга? – спросил Джеймс. Прихотливые истории он выслушивал почти с той же страстью, с какой сам их сочинял.

– Да... но в итоге из-за этой болезни умерла не она, а ее маленький брат Эдвард, – сказал Холмс.

– Эдвард, – повторил Джеймс. Ему вспомнилось, как он дочитывал сборник, кружение насекомых в теплой ночи... – Злобный мальчик с непропорционально большой головой. Которого поручили воспитанию мисс Вайолет Хантер.

Холмс вновь рассмеялся:

– Мисс Вайолет Хантер наняли не гувернанткой. К тому времени, как мистер и миссис Рукасл взяли ее в дом, маленький Эдвард был уже убит. Ее наняли изображать их посаженную под замок дочь Алису.

– Погодите, – сказал Генри Джеймс, поднимая ухоженную руку. – Вы говорите, что единственной обязанностью Вайолет Хантер, как бы ее ни звали, было изображать их посаженную под замок дочь Алису? Невесту мистера Фаулера?

– Именно это я и говорю, Джеймс. – Холмс глянул в окно на церковь Святого Иоанна в ажурной тени деревьев. – «Вайолет Хантер» была обычной уличной девкой... в обществе она не смогла бы изобразить даже и гувернантку. Мистер «Джефро Рукасл» – который, к слову, не был

негодяем, каким изобразил его Ватсон, но тем не менее умер насильственной смертью – с самого начала объяснил ей, что она будет получать тридцать фунтов в месяц – не десять, как в пересказе Ватсона, – за то, что острижет волосы, как Алиса во время своей ужасной болезни, будет носить синее платье Алисы и сидеть у окна, чтобы Питер Фаулер видел, издали и со спины, как она смеется. Отсюда он должен был сделать вывод, что ее безумие позади.

– Безумие?! – ошеломленно переспросил Джеймс.

– О да. Я, кажется, забыл упомянуть этот мелкий факт? Вот почему Ватсон говорит, что мне не следует самому писать о своих приключениях. Когда отец Алисы – кстати, Алиса ее настоящее имя – понял, что душевная болезнь дочери неизлечима, он, неумело подделав ее почерк, написал Фаулеру о разрыве помолвки. Однако тот не поверил, что письмо от Алисы.

– Алиса Рукасл была умалишенной?

– Абсолютно. – В голосе Холмса не слышалось и тени сочувствия. – Болезнь проявлялась поначалу незаметно, потом все более сильно, но в ту зиму, когда Алиса согласилась стать женой Питера Фаулера (о чем родители не знали, а знали бы – не допустили, ибо недуг был наследственный), у нее начались припадки того, что Рукаслы в общении с Фаулером и остальным миром называли «воспалением мозга» и что в действительности было приступами буйного умопомешательства.

– Однако мистер Фаулер наверняка бы понял, – сказал Джеймс. Он пытался вообразить, что пишет это сам, но не сумел. История слишком отдавала романами в желтых обложках. Сюжет скорее для нового Уилки Коллинза.

– Понял бы, что в приступе безумия Алиса Рукасл убила и частично съела своего двухлетнего брата Эдварда? – мягко проговорил Холмс. – Сомневаюсь.

– Боже... – ахнул Джеймс, – а вы знали об этой... мерзости?

– С самого начала, – ответил Холмс уже без улыбки. – Джеффо Рукасл вовсе не был мерзавцем, алчущим наследства, или что там еще наплел про него Ватсон. К слову, на самом деле он звался Джетроу Докинз. Так вот, Джетроу Докинз, нежный и любящий отец, не мог и помыслить, чтобы отправить свою дочь Алису – убийцу их единственного сына, наследника земель и титула, – в желтый дом. Отсюда запертое крыло и заложенная дверь.

– Однако, если мисс Вайолет Хантер изначально знала про безумие Алисы, для чего понадобились замки и засовы?

– Именно Питеру Фаулеру, а вовсе не потаскушке Вайолет Хантер

принадлежала мысль выманить Рукаслов в город мартовским вечером тысяча восемьсот восемьдесят шестого года, – мрачно отвечал Холмс. – Он телеграфировал нам, что намерен «спасти» любимую Алису. Я послал ему ответную телеграмму с запретом приближаться к Ходжкисс-холлу, которую он так и не получил, поскольку уже покинул гостиницу, так что мы с Ватсоном немедленно сели на поезд, чтобы как можно скорее добраться до Вуки-Хоул.

– До Вуки-Хоул? – глухо повторил Джеймс.

– Да, конечно. Неподалеку от знаменитых пещер в графстве Сомерсет, близ города Уэлс. «Фаулер» остановился в Уэлсе в гостинице «Вуки-Хоул». Вымышленные «Рукаслы» Ватсона – на самом деле известное семейство Докинз. Отец Алисы, Джетроу Докинз, лорд Ходжкисс из Ходжкисс-холла, приходился двоюродным братом викарию Вуки. Он участвовал в подавлении бурского мятежа восемьдесят первого года, за что получил прозвище Герой Трансвааля.

– Даже я, американец, слышал про «Ведьму из Вуки», – сказал Джеймс, с трудом веря, что правда это сказал, – собственный голос показался ему чужим. Генри Джеймс-младший, как его отец Генри Джеймс-старший и брат Уильям, всегда питал слабость к страшным историям.

– «Ведьма из Вуки» – известняковый сталагмит, пугавший туристов с начала семнадцатого века, – бесстрастно произнес Холмс. – Алиса Докинз была настоящим чудовищем из Вуки, и всего семь лет назад.

Генри Джеймс сузил глаза:

– Вы говорите, Питер Фаулер был убит. Здесь написано, что мистер Рукасл, то есть Докинз, лорд Ходжкисс, «умер насильственной смертью». Слишком много кровавых событий остается пока без объяснения.

– Мы с Ватсоном опоздали всего на несколько минут, – чуть слышно проговорил Холмс. – Фаулер добыл лестницу, пробрался в темноте по ветхой старой черепице и залез через люк в запертую комнату Алисы. Она, видимо, смиренно сидела на кровати, покуда он, шепча нежные слова, освобождал ее от наручников и цепей, а затем зубами и острыми нестриженными ногтями порвала ему горло. Докинз, ее отец, вбежал, когда Алиса пожирала сердце бывшего жениха. С Докинзом была «Вайолет Хантер», по совпадению одетая в синее платье Алисы.

Джеймс понимал, что это наверняка чистой воды выдумки, и все равно у него перехватило дыхание.

– У мистера Докинза, лорда Ходжкисса, был с собой револьвер, – все тем же ровным голосом продолжал Холмс. – За неделю до того он сказал мне, что не выстрелит в дочь, какие бы новые жуткие деяния та ни

совершила. И эти слова оказались правдой. Когда мы с Ватсоном, пробежав по пыльному коридору, с криками ворвались в комнату, Докинз приставил револьвер к своему виску и спустил курок.

– А мисс Вайолет Хантер? – спросил Джеймс. – Гувернантка, которая не была гувернанткой?

– Сошла с ума, – ответил Шерлок Холмс. – При виде того, что творилось в комнате, она закричала и продолжает кричать по сей день – в скорбном доме, где содержится на средства леди Ходжкисс.

Джеймс улыбнулся, показывая, что он не какой-нибудь деревенский разиня. Это слово он слышал в бродячем цирке, который давал представления на окраине Ньюпорта в его детстве. Джеймс много лет его не вспоминал и ни разу не употребил в книге.

– И как насчет Карло? – спросил он тихо.

– Карло? – переспросил Холмс.

– В «Медных Буках» Ватсон упоминает исполинского мастифа Карло, который в конце рассказа с лаем набросился на мистера Рукасла и перегрыз тому горло.

Холмс чуть заметно улыбнулся:

– Ватсон совершенно не разбирается в собаках. Только он мог написать, что мастиф набросился с лаем. На самом деле в Ходжкисс-холле и впрямь жил мастиф. Ему было пятнадцать лет, он звался Барни, и если бы увидел ночью вора, перекатился бы на спину, чтобы тот почесал ему пузо. В разговоре со мной и Ватсоном за три дня до смерти Джетроу Докинз упомянул лишь одно преступление Барни: старый пес, играя, изжевал одну из плюшевых игрушек леди Ходжкисс.

– Однако Ватсон в «Медных Буках» пишет, что застрелил зверюгу из своего армейского револьвера, когда та рвала горло мистеру Рукаслу.

– Револьвер был мистера Докинза, и стрелял из него я, – ответил Холмс. – Алиса Докинз пожирала убитого отца; я поднял упавший револьвер и выстрелил ей в голову.

Несколько минут мужчины сидели в молчании.

Наконец Шерлок Холмс – или человек, выдающий себя за вымышленного Шерлока Холмса, – сказал:

– Кажется, я понимаю, отчего Ватсон чувствовал потребность описать Вуки-Хоулское дело, которое у него названо «Медные Буки». Оно преследовало его. Снилось ему в кошмарных снах. По своей натуре Ватсон склонен превращать все в простые истории о добре и зле. Однако я на его месте оставил бы Вуки-Хоулское дело в покое.

Генри Джеймс глянул ему в глаза:

– Вы понимаете, что все, рассказанное вами, звучит абсолютно безумно.

– Абсолютно, – согласился Холмс, потом взглянул на часы. – Джон Хэй сказал, что около полудня в оранжерее подадут легкий ленч, и просил нас, если он все еще будет занят, садиться есть без него. Я собираюсь перекусить. Составите мне компанию, Джеймс?

– Я дождусь чая с Кларенсом Кингом и обеда с норвежским послом, мистер Холмс, – отвечал Джеймс.

Не произнеся больше ни слова, он отправился к себе в комнату и лег на кровать, застланную белоснежным покрывалом.

Глава 16

Кларенс Кинг прибыл сразу, как пробило пять. Джеймс еще помнил его жилистым альпинистом; сейчас, в пятьдесят один год, Кинг погрузнел и мало походил на себя прежнего. К Хэям он приехал в большом берете, зеленом, изрядно потертом вельветовом костюме со штанами до колен и толстых вязаных гольфах.

– Ваш старый дорожный костюм! – воскликнул Хэй, с жаром беря руки гостя в свои. – Опять за границу?

– Нет, если не считать Мексику «заграницей», – со смехом отвечал Кларенс Кинг. Голос его, на слух Джеймса, был такой же бархатистый, как вельвет нелепого дорожного костюма, и так же нес на себе отпечаток возраста. – Я в Вашингтоне проездом и, не имея другой одежды, решил, что старинные друзья простят мне некоторую вельветистость. Будем считать это запоздалым празднованием Дня святого Патрика.

– Вас мы рады видеть в любом наряде, Кларенс, даже приди вы в старых ковбойских штанах и кожаных гамашах, – сказал Хэй, который уже постановил, что обед будет менее официальным (смокинги, не фраки), хотя ожидался норвежский посланник с женой и дочерью.

Кинг снял огромный берет и отдал стоящему наготове слуге. Джеймс отметил, что с их последней встречи Кларенс заметно полысел и поседел – от некогда длинной золотой гривы остались одни воспоминания. Кинг по-прежнему носил короткую бородку, как у президента Улисса Гранта, – у людей помоложе этот фасон давно был не в чести. Джеймсу подумалось, что берет, бородка и грузность придают путешественнику заметное сходство с портретами Генриха VIII, и тут же осознал, что нечто подобное наверняка говорят и о нем самом.

Джеймс с Холмсом смотрели, как Клара Хэй обнимает и целует старинного друга семьи, и оба отметили почти девичью порывистость этого приветствия, так не вязавшуюся со степенным образом хозяйки.

– Клара, дорогая моя! – воскликнул Кинг. – Вы единственный яркий лучик солнца на пасмурном склоне моих лет. Вы знаете, – тут он с выражением проказливого мальчишки покосился на Джона Хэя, – что из-за вас я не могу смотреть на других женщин. Теперь я обречен прожить последние оставшиеся мне дни холостяком, и лишь кремация сулит мне в будущем хоть какие-то новые впечатления!

Клара Хэй с притворным возмущением хлопнула его по зеленому

вельветовому рукаву.

– Гарри, клянусь Богом! – воскликнул Кинг и крепко стиснул писателю руку. – В состязании, кто из нашей шайки быстрее облысеет, пока выигрывал Адамс, но, вижу, мы с вами почти обставили старину Генри. Что привело вас от лондонских туманов обратно в Штаты?

– Прежде всего – желание повидать друзей, – ответил Джеймс, высвобождая занемевшую руку из его хватки. – Разрешите представить моего попутчика, также гостящего в этом доме... мистера Яна Сигерсона. Мистер Сигерсон, познакомьтесь с единственным и неподражаемым Кларенсом Кингом. Мистер Кинг, мистер Сигерсон.

Мужчины пожали друг другу руки, затем Кинг отступил на шаг, словно желал повнимательнее рассмотреть Холмса:

– Сигерсон? *Ян Сигерсон*? Норвежский исследователь? Который всего два года назад проник в те части Гималаев, куда еще не ступала нога белого человека? *Тот самый Ян Сигерсон*?

Холмс скромно поклонился.

– Клянусь Богом, сэр, – прогудел Кинг, – для меня эта встреча большая радость и честь. У меня к вам тысяча вопросов про Гималаи и Запретную страну, куда вам удалось проникнуть. Если я понапрасну растратил юные годы, взбираясь на здешние холмики, вы, сэр, покорили настоящие горы.

– Лишь самые невысокие их перевалы, мистер Кинг, да и те на местных лошадаках, – ответил Холмс со своим норвежским акцентом.

Его черные усы сегодня вечером казались еще гуще, и Джеймс напряженно гадал, не нафабрил ли он их каким-нибудь составом.

– Идемте в гостиную, Кинг, – сказал Джон Хэй.

Было видно, что он искренне рад встрече, однако в его манере сквозило что-то еще: смущение оттого, что гость неподобающе одет? Какое-то незавершенное дело между ними двумя, о котором неловко упоминать? Скажем, денежный долг? Кинг, дородный и краснощекий, с первого взгляда выглядел здоровяком, но со второго становилось видно, что он недавно перенес болезнь, возможно даже тяжелую.

– Пора пить чай! – воскликнула Клара Хэй.

Кларенс Кинг улыбнулся почти печально:

– Ах, были дни, Клара, когда Джон уходил из Госдепартамента пораньше – предпочитая ввергнуть страну в хаос незапланированной войны, лишь бы не опоздать на наш пятичасовой чай. Адамс ровно в пять поднимал бледное чело от зеленых заплесневелых книг, от которых его в другое время было не оторвать домкратом. А Кlover... Кlover со смехом вела нас в комнату, где у камина стояли креслица, обитые красною кожей. –

Кинг заметил, как подействовала на других нарисованная им идиллия, и поспешил сменить тон: – Вообще-то, Джон, я надеялся, что сегодня нам позволят вместо чая выпить твоего хереса.

– Всенепременно, – ответил Хэй, обнимая Кинга за плечи и ведя того в гостиную с огромным камином. – Всенепременно.

* * *

Поднося к губам чашку – херес разлили, но его черед должен был наступить после чая, – Генри Джеймс вспомнил, как малы ростом были все пять «сердец». Кларенс Кинг, с его пятью футами шестью дюймами, был самым из них высоким.

После короткой дружеской болтовни – Хэй спрашивал Кинга, ждут того алмазные копи в Андах или золотой прииск в Скалистых горах Аляски (на что Кларенс Кинг ответил: «Ни то ни другое! Серебряный рудник в Мексике!»), Кинг задал Холмсу несколько вопросов о гималайских пиках. Холмс вроде бы отвечал, хотя довольно неопределенно, потом между ними завязался оживленный разговор о покорении горных вершин. Джеймс ждал, когда же всем станет ясно, что Шерлок Холмс не отличит гималайского пика от Херефордширского холма.

– Я прочел вашу книгу, – сказал «Ян Сигерсон» Кингу почти робко. – «Скалолазание в Сьерра-Неваде». Она мне чрезвычайно понравилась.

– Древняя книжица, – рассмеялся Кинг. – Она устарела больше чем на двадцать лет. И половина глав там про мой ранний плейстоценовый период: лето и осень шестьдесят четвертого. Но скажите мне, мистер Сигерсон... понравился ли вам кусок, где я описываю свое восхождение на гору Уитни?

Шерлок Холмс только улыбнулся.

Джон Хэй сказал:

– Знаете, Кларенс...

– Я посвятил две главы восхождению на гору Тиндалл, – пробасил Кинг. – Половина книги описывает подъем на другие пики Йосемити. Но мое триумфальное покорение горы Уитни уложилось в два деепричастных оборота.

– Не все вершины даются с первой попытки, – мягко заметил Холмс.

Кинг рассмеялся и кивнул. Генри Джеймсу он сказал:

– Вот мои два деепричастных оборота *in toto*,^[15] Генри. Цитирую: «Не преуспев в попытке подняться на гору Уитни и возвратившись на равнину...»

Никто, кроме Кинга, не смеялся, однако это как будто и не умерило его веселья. Джеймс пристально наблюдал за старинным другом своих старинных друзей и видел, что того окутывает горькая тоска... или даже, вернее, не столько окутывает снаружи, сколько поднимается изнутри, как промозглая сырость от старых надгробий у Диккенса, пробирающая до костей прихожан древней холодной церкви.

– Молодой, крепкий, честолюбивый, снаряженный как нельзя лучше, – продолжал Кинг, – я не только не подобрался к вершине с первой попытки, но и, когда вернулся и совершил восхождение, *это оказалась другая гора*. Каким-то образом, штурмуя трудный склон, я промахнулся мимо горы высотой четырнадцать с половиной тысяч футов.

– Однако вы еще раз вернулись и все же покорили ее, – произнес Джон Хэй.

– Да, но к тому времени на нее уже поднялись другие – не только индейцы, но и белые. Зато я дал имя той горе!

– И еще один пик носит ваше имя, – сказал Холмс. – Гора Кларенса Кинга... к северо-западу от горы Уитни в Сьерра-Неваде, если не ошибаюсь.

– Члены нашей экспедиции щедро раздавали горам имена товарищей. – Кинг поднял бокал, чтобы безмолвный, но вездесущий слуга долил ему хереса. – «Гора Кларенса Кинга» – потому что в Йосемити уже была вершина, названная в честь проповедника Томаса Старра Кинга. Высота моей горушки – двенадцать тысяч девятьсот пять футов. Вечно мне достаются обглодки. Какова высота перевала, по которому вы прошли из Сиккима в Тибет, мистер Сигерсон?

– Желеп-Ла? Тринадцать тысяч девятьсот девяносто девять футов, – ответил Холмс.

– Сознаться, у вас же был соблазн сложить пирамидку из камней высотой этак в фут? – спросил Кларенс Кинг. – Тогда вы могли бы говорить, что покорили четырнадцатитысячник. На американском Западе четырнадцатитысячники в большом почете.

И тут же, без паузы, принялся засыпать Сигерсона-Холмса вопросами о скалолазании. Холмс отвечал быстро и кратко, явно понимая, о чем речь. Иногда он задавал встречный вопрос; тогда Кинг смеялся и говорил, что последние двадцать лет подкапывается под горы, а не взбирается на них. Джеймс мог лишь ловить отдельные загадочные слова: страховка верхняя и нижняя, самостраховка, новейшие способы страховки, пассивник, активник, репшнур, обвязки, беседки и перила, дюльфер, траверс, распорка, подъем в камине, прусик из собственного ботиночного шнура

после срыва на отрицаловке... Для него все это было китайской грамотой, но у Холмса термины звучали так, будто он и впрямь их понимает.

Наконец Кларенс Кинг вздохнул:

– Что ж, я уступаю скалолазание вам, молодому поколению. Мои годы страховки – и бесстрашия – позади.

Не желая, чтобы эта грустная нота задала тон дальнейшему разговору, Джон Хэй сказал Кингу:

– Адамс будет в отчаянии, что разминулся с вами.

– Еще бы! – ответил Кинг, вновь поднимая бокал, чтобы слуга его наполнил.

– Вы обязательно должны рассказать другим гостям, как познакомились с Генри Адамсом, – сказал Хэй.

Кларенс Кинг на минуту как будто задумался – стоит ли утомлять других этой историей, затем осушил бокал и повернулся к Холмсу:

– Вы ведь еще не знакомы с Адамсом, сэр?

– Не имел пока такой чести.

Кинг хмыкнул:

– В шестьдесят седьмом, не найдя себе приличной работы – и не особо к ней стремясь, – я убедил Конгресс провести геологическую съемку сороковой параллели и поставил меня во главе экспедиции. В семьдесят третьем я ехал из Шайенна в Вайоминге к пику Лонга в Колорадо, где должен был встретиться с одним из моих коллег, Арнольдом Хейгом... Вы знаете пик Лонга, мистер Сигерсон?

– Нет, – ответил Холмс.

– Колорадский четырнадцатитысячник, из тех, что так любят альпинисты... надо же, вспомнил точную высоту: четырнадцать тысяч девяносто три фута... назван в честь лейтенанта Лонга из экспедиции Зебулона Пайка. Это самая восточная вершина североамериканской части Скалистых гор, что, впрочем, для нашей истории совершенно несущественно...

Джеймс улыбнулся. Он почти забыл, как Кинг с мастерством прирожденного рассказчика уводит свои истории вбок, заставляя их змеиться горными речками, но так, что слушатели с интересом ловят каждое слово. Джеймс часто гадал, почему этот устный дар так редко находит воплощение на бумаге.

– Так или иначе, до поселка Эстес-Парк я добрался уже после захода солнца, так что мне пришлось заночевать в одной из тамошних лачуг. В ней была кровать, но не было печки, а ночь выдалась морозная. Я укрылся всеми одеялами, сколько у меня их было с собой, и все равно дрожал от

холода, как вдруг снаружи послышался шум. Я вышел с фонарем, и мне предстал... мистер Генри Адамс верхом на муле. Не знаю, кто больше обрадовался виду человеческого жилья Адамс или мул... Так вот, Генри отслужил первый год адъюнкт-профессором истории в Гарвардском университете и успел написать статью о британском геологе Чарльзе Лайеле для «Североамериканского ревю», после чего заинтересовался геологией. Кто-то посоветовал ему провести лето в нашей экспедиции и своими глазами посмотреть на полевые исследования. Адамс был знаком с Арнольдом Хейгом по Бостону. Какое-то время он болтался в лагере под пиком Лонга, когда ему вдруг пришла фантазия взгромоздиться на мула и самому осмотреть окрестности. Разумеется, Адамс заблудился, но ему хватило ума предоставить мулу самому выбирать дорогу. Самый верный способ отыскать еду и цивилизацию – довериться голодному мулу. Так что часам к десяти вечера он очутился перед моей лачугой в Эстес-Парке.

Тут Кларенс Кинг ухмыльнулся. Джон и Клара Хэй улыбались, предвкушая финал истории.

– Вообще-то, мы с Генри и прежде мельком встречались: раз в Вашингтоне и раз в Шайенне всего неделей раньше, – продолжал Кинг. – Однако наше краткое знакомство едва ли оправдывало те крепкие дружеские объятия, в какие он меня заключил, едва спрыгнул с мула. Генри успел изрядно проголодаться и, подозреваю, ощутить легкое беспокойство. Так или иначе, Эстес-Парк расположен высоко в горах, ночи в августе там холодные. Мы поужинали неразогретыми бобами, легли во всей одежде на кровать – она в лачуге, разумеется, была единственная – и проговорили до рассвета. Тогда-то и началась наша дружба.

– Адамс будет очень жалеть, что разминутся с вами, – повторил Джон Хэй.

– Да, но мне надо добраться до того серебряного рудника в Мексике или отыскать золото в Сьерра-Неваде, иначе я никогда не добавлю Констебля к моим Тёрнерам.

Джон Хэй улыбнулся Холмсу:

– Гарри эту историю знает, но ее не грех и повторить. Несколько лет назад Кларенс покупал в Англии картины. У Рёскина были на продажу два великолепных Тёрнера, и он спросил Кларенса, которого тот выберет. Кларенс купил обоих, заметив: «Один хороший Тёрнер заслуживает второго».

Кинг невесело улыбнулся:

– В ту пору я покупал парных Тёрнеров. Сегодня нужда заставила меня прийти на званый обед к лучшим друзьям в потертом вельветовом

костюме.

– В нем есть царственная бархатистость, – задумчиво проговорил Генри Джеймс, – и та прочность, что позволяет сказать: «Вельвет не подведет».

– Замените «вельвет» на «вельбот», и получится фраза, которую мог бы сказать капитан Ахав за миг до того, как Моби Дик увлек его в пучину.

Холмс вопросительно поднял бровь, и Джон Хэй объяснил:

– Лет сорок назад напечатали роман, на который читатели и критики почти не обратили внимания, однако Кlover горячо рекомендовала его друзьям. Все пять «сердец» любили эту книгу и часто ее цитировали. В ней рассказывается про Ахава, капитана китобойного судна, который одержим мстостью белому киту, много лет назад откусившему ему ногу.

– Отношение Ахава к белому киту стало в последние годы моим отношением к жизни, – сказал Кларенс Кинг.

– И что же это за отношение? – спросил Генри Джеймс.

– «...До последнего бьюсь я с тобой; из самой глубины преисподней наношу тебе удар; во имя ненависти изрыгаю я на тебя мое последнее дыхание»,^[16] – наизусть продекламировал Кинг, смягчая ярость слов мальчишескою улыбкой.

Клара Хэй, которая несколько минут назад выскользнула из гостиной, теперь вернулась, сияя улыбкой и прижимая сцепленные руки к груди:

– Посланник Хельмер Хальворсен Воллебек с женою и дочерью прибыли. Здесь немножко тесно и жарко, так что предлагаю всем перейти в оранжерею. Повар заверил меня, что обед будет готов меньше чем через час.

Глава 17

У Генри Джеймса была знакомая старая герцогиня – быть может, самая злобная особа из всех, кого ему довелось встречать. В начале каждого лондонского сезона, возвращаясь после лета в Венеции, она устраивала у себя в особняке прием, какой могли бы измыслить Борджиа. Джеймса как-то пригласили на ее аутодафе, чтобы довести число холостяков до требуемого количества, а возможно, и в качестве стороннего наблюдателя на предстоящий кровавый ритуал, и он, хотя давно знал о гнусном характере старухи, согласился из чистого любопытства. Палаческая жестокость обеда, на котором присутствовал Джеймс, заключалась в том, что герцогиня позвала пять супружеских пар, занимающих в свете куда более низкую ступень, чем она сама, причем четыре женщины из пяти были замешаны в адюльтере по меньшей мере с пятью мужчинами за столом. Помимо холостяков (среди которых Джеймс выделялся и возрастом, и общественным положением), присутствовали пять незамужних дам, у каждой из которых сейчас или в прошлом был скандальный роман с кем-нибудь из присутствующих джентльменов.

Во всех случаях супруг или супруга не ведали об измене другой половины.

За тем обедом все были наэлектризованы ожиданиями и страхом, но Генри Джеймс был еще больше наэлектризован сейчас, за уютным обедом в воскресенье, 26 мая 1893 года, когда Хэи – быть может, добрейшие люди из всех, кого ему довелось встречать, – радушно потчевали своего старинного друга Гарри, мистера Сигерсона, Кларенса Кинга и норвежского посланника с женою и дочерью.

Господин Хельмер Хальворсен Воллебек не был послом Скандинавии в Соединенных Штатах лишь потому, что скандинавский король Оскар II постоянно держал в Вашингтоне двух дипломатических представителей – от Швеции и от Норвегии. Две страны, объединенные под его короной, по-прежнему гордились своей особостью. Сейчас официальным послом Скандинавии был шведский посланник. Через два года на этот пост предстояло заступить господину Воллебеку.

Ему было на вид лет шестьдесят, а вот его жене, Линнее (если Джеймс правильно расслышал имя во время церемонии представления), никак не больше сорока. Их дочь, юная Ода, только-только начала выезжать в свет и считалась самой очаровательной дебютанткой в Эмбасси-роу. Все трое

говорили на английском практически безупречно.

Джеймс ощутил разочарование – а может быть, облегчение (он сам не мог разобраться в своих чувствах), – когда «Сигерсона» представили господину Воллебеку и оба, одновременно щелкнув каблуками и поклонившись, приветствовали друг друга по-английски.

Начало обеда прошло за непринужденными разговорами. Джон и Клара Хэй мастерски вовлекали в беседу всех присутствующих. Единственным упоминанием о политике стали восторги Воллебеков по поводу недавних иннаугурационных торжеств. Кроме того, все трое предвкушали поездку на Колумбову выставку – Всемирную выставку в Чикаго – в мае, перед тем как поехать на лето в Норвегию. Для мисс Воллебек главным событием были иннаугурационные балы четвертого марта и следующих дней.

– Ода в том возрасте, когда каждый бал – возможность встретить будущего избранника, – проговорила госпожа Линнея Воллебек со своим мягким скандинавским акцентом.

– Мама! – воскликнула Ода, заливаясь краской.

– Но ведь это правда! – рассмеялся ее отец и промокнул губы салфеткой. – Моей девочке скоро предстоит искать себе мужа.

Ода покраснела еще гуще. Клара Хэй сказала с улыбкой:

– У нас за столом присутствуют два самых завидных жениха Америки, ваше превосходительство.

Господин Воллебек вопросительно поднял бровь, и Клара продолжала:

– Юные дамы до сих пор тщетно состязаются в попытках заарканить мистера Джеймса и мистера Кинга.

– Неужели это правда, мистер Джеймс? Мистер Кинг? – спросил Воллебек тоном живой заинтересованности. – Вы оба по-прежнему холостяки?

Генри Джеймс ненавидел такие разговоры, ненавидел, когда в гостях над ним принимались подтрунивать на эту тему. Одни и те же шутки звучали десятилетиями, но, по крайней мере, он уже наизусть знал ответ.

Мягко улыбаясь и чуть наклонив голову, будто королева посвящает его в рыцари, Джеймс сказал:

– Увы! Я приближаюсь к пятидесятилетию – возрасту, когда слова «закоренелый холостяк» уместнее, чем «завидный жених». По всему выходит, что единственным браком в моей жизни будет брак с моим искусством. – Заметив недоумение в прелестных глазах госпожи Воллебек, он поспешил объяснить: – То есть с моим литературным творчеством, ибо я всего лишь бедный писатель, а в настоящее время – драматург.

– Мне кажется, дорогая, я говорил тебе, что мистер Джеймс – величайший из современных американских писателей, – сказал господин Воллебек.

Джеймс вновь склонил голову, выражая признательность за комплимент, однако заметил с улыбкой:

– Судя по продажам моих книг в последние годы, мои издатели – и, опять-таки увы, даже мои читатели – с вами не согласны. И все равно спасибо за лестные слова.

– А вы, мистер Кинг? Вы тоже обвенчались со своей профессией? – шутливо спросила госпожа Линнея Воллебек, подаваясь вперед, чтобы получше разглядеть Кинга. Супруга посланника была еще довольно молода, и кокетливый тон ей шел.

Кларенс Кинг поднял бокал:

– О нет, мэ. Моя беда в том, что меня вечно представляют самым очаровательным юным дамам Нью-Йорка, Бостона и Вашингтона, включая теперь и вашу прелестную дочь Оду...

Кинг выпил. Бедная мисс Воллебек вновь залилась румянцем.

– Однако, как замечательно выразился наш друг Гарри, увы! – продолжал он. – Все первые красавицы Англии и Америки, да и Норвегии, удивительно белокожи, а некий каприз природы сделал моим идеалом красоты смуглых дев из Южных морей.

Джон Хэй расхохотался, и почти все за столом подхватили его смех.

– Вы бывали в Южных морях, мистер Кинг? – спросила госпожа Воллебек.

– Увы, нет, – с озорною улыбкой отвечал геолог. Ему явно нравилось поддразнивать Джеймса жеманно-женским словцом. – Однако Генри Адамс и Джон Ла Фарж года два путешествовали по Тихоокеанским островам и в длинных письмах расписывали мне прелести тамошних смуглых дев. – Он допил вино. – Чтоб им пусто было, паршивцам.

Джон Хэй кивнул слуге, и тот мигом вновь наполнил бокалы.

– Кларенс бывал на Кубе и на Карибских островах, – сказал Хэй.

– И в Мексике, и в Центральной Америке, и южнее, но... увы... – Кинг с притворной скорбью уронил голову.

– За то, чтобы мистер Кинг нашел свою смуглую красавицу! – сказала малышка Ода, поднимая бокал, и все, от души посмеявшись над ее юной дерзостью, выпили за здоровье Кинга.

Подали горячее. Волнение, что «Сигерсона» с минуты на минуту разоблачат, отбило у Джеймса всякий аппетит. Кроме того, он заметил, что подставляет бокал слуге чаще, чем было в его обыкновении.

Внезапно геолог вновь оказался в центре разговора: мужчины и даже Клара Хэй принялись наперебой рассказывать гостям подробности Великой алмазной аферы 1872-го, разоблачение которой впервые прославило имя Кинга. Господин Воллебек в таких объяснениях не нуждался; как выяснилось, его родной дядя был тогда в Нью-Йорке и вместе с другими собирался вложить деньги в «сказочную алмазную гору» где-то на западе Колорадо. Кинг нашел ту самую столовую гору и вывел мошенников на чистую воду. Те накупили в Лондоне алмазов, рубинов и прочих драгоценных камней и закопали их на участке, в точности как другие мошенники «подсаливали» настоящим золотом отработанные рудники в Крипл-Крике и других местах. Тридцать тысяч долларов первоначальных вложений должны были принести миллионы. Кларенс Кинг спас дядю Хельмера Хальворсена Воллебека и десятки других миллионеров от неизбежных потерь.

– Но ведь, если не ошибаюсь, мистер Тиффани в Нью-Йорке подтвердил подлинность доставленных с горы камней и оценил их в целом состояние? – спросила госпожа Воллебек.

– Да, – ответил Кинг. – Но как выяснилось – и как я знал уже в то время, когда мистер Тиффани обнародовал свою оценку, – ювелир и его помощники совершенно не разбирались в необработанных камнях.

– Когда вы отыскиали гору, мистер Кинг, как вы поняли, что камни подброшены? – спросила мисс Воллебек со своим очаровательным норвежским акцентом.

Кинг расхохотался так заразительно, что остальные подхватили, хотя еще ничего смешного сказано не было.

– Моя дорогая юная леди, – сказал он, отсмеявшись, – мы прибыли на так называемый Алмазный пик в начале ноября. Холод был такой, что виски замерз у нас в бутылках. Мы слезли с мулов на голом хребте ожелезненного бурого песчаника, где нельзя было сделать шага, не поддев башмаком алмаз или другой драгоценный камень.

Поначалу мы бегали, как дети под рождественской елкой, выискивая все новые камни, затем моя научная подготовка все же взяла верх. Я отметил, что мы не обнаружили ни одного камня в непотревоженной почве. Например, мы находили рубины в термитниках, но лишь в таких, у которых было два отверстия – одно, через которое сновали термиты, а другое, поменьше, напротив первого. Я понял, что камни затолкали в термитник палкой... Алмазы, рубины и другие драгоценные камни никогда не встречаются вместе в таком изобилии, мисс Воллебек. Чтобы доказать это людям в Сан-Франциско и в других городах, мы с товарищами выкопали

шурф в три фута длиной и в десять футов глубиной в ложбине, где, будь это и впрямь Алмазный пик, нашли бы тысячи алмазов. Порода оказалась совершенно пуста. – Джон Хэй обеими руками взялся за бокал. – Так что следующие трое суток молодой Кларенс Кинг без сна и отдыха спешил в Сан-Франциско, чтобы не только сбересть потенциальным инвесторам их миллионы, но и не дать биржевым спекулянтам нажиться на коротких продажах. – Хэй поднял бокал. – За честного человека!

– За честного человека! – повторили все, кроме Кинга, салютуя ему бокалами.

Геолог покраснел так, что румянец проступил даже сквозь густой загар.

– А теперь, – сказал его превосходительство посланник Воллебек, когда все принялись за горячее и разговоры на время утихли, – я прошу прощения за невежливость, но мне бы хотелось минуточку побеседовать с господином Сигерсоном на нашем родном языке.

– О, разумеется! – воскликнул Хэй.

У Генри Джеймса, который как раз ставил бокал на стол, задрожали руки.

* * *

Господин Воллебек подался вперед к Сигерсону – Холмсу и выдал залп довольно мелодичной норвежской речи. «Сигерсон» вроде бы собрался ответить, но промолчал. Воллебек присовокупил к сказанному еще несколько фраз.

Шерлок Холмс молчал.

Сердце у Джеймса стучало так, будто хочет вырваться из груди. Через секунду станет ясно, что человек, которого он ввел в круг ближайших друзей, – самозванец. И все поймут, что Джеймс это знал.

Или не поймут? Насколько его роль будет очевидна? Джеймс поймал себя на том, что рассматривает происходящее как сцену из собственного романа или рассказа. Как поведет себя «его персонаж» в ответ на разоблачение аферы, куда более сокрушительной для каждого за столом, чем та, конец которой положил Кларенс Кинг годы назад? Джеймс мог разыграть то изумленное негодование, которое все – а особенно Джон и Клара – выразят вполне искренне.

Однако в таком случае Холмс, вполне вероятно, изобличит его как пособника, и Джеймсу останется либо назвать «Сигерсона» лжецом...

пистолеты на заре с двадцати шагов... либо рассыпаться в извинениях, объявить, что нынче же вечером уедет из Вашингтона, и поспешно откланяться.

У него мучительно зануло под ложечкой. Оправдывая свой обман, Холмс наверняка сошлется на необходимость расследовать «загадку смерти» Кловер Адамс, что станет для Хэев новым потрясением сейсмического масштаба. (Не говоря уже о потрясении, которое испытает Генри Адамс на следующей неделе, когда узнает обо всем от своих ближайших друзей и соседей. Адамс, который так мучительно переживал самоубийство жены, что в прошедшие семь лет не упоминал ни сам день, ни подробности трагедии.)

От выпитого вина и от напряжения у Джеймса плыло перед глазами: стол и внимательные лица людей колыхались, как на волнах. Он двумя руками уперся в белую скатерть, силясь побороть головокружение.

И тут Шерлок Холмс заговорил.

* * *

На слух Джеймса, он говорил по-норвежски. Сперва медленно. Затем струйка вроде бы норвежской речи превратилась в бурный поток. Когда Холмс сделал паузу, господин Воллебек задал вопрос на еще более стремительном норвежском, и «Сигерсон» ответил ему такой же скороговоркой – несколько длинных фраз на языке, который никак не мог выучить за один-два урока.

Джеймс глянул на дочь и жену посланника. Те слушали заинтересованно, без удивления или недоверчивости.

Посланник Воллебек, видимо, задал какой-то вопрос. Норвежский исследователь – Шерлок Холмс – рассмеялся и ответил на быстром певучем наречии предполагаемой родины Яна Сигерсона.

Как писателю Генри Джеймсу случалось – сказать по правде, довольно часто – воспринимать происходящее отрешенно, со стороны. Он вырабатывал в себе умение подмечать всякую мелочь, и мир часто представлялся ему наброском вымысла, не самоценной явью. Однако в тот воскресный мартовский вечер он словно выплыл из тела и повис над столом: бесплотный призрак, наблюдающий, как его живые собраты беседуют на непонятном языке. А может, то было состояние зрителя на спектакле: с таким чувством он слушал, как английские актеры репетируют или даже разыгрывают его «Американца». Отстраненно, критически,

ничуть не убежденный, но в некоем зачарованном оцепенении.

Только сейчас он был убежден и напуган.

Посланник Хельмер Хальворсен Воллебек, повернувшись к Хэям, Кингу и Джеймсу, сказал:

– Еще раз приношу извинения за то, что мы невежливо беседовали на родном языке, и благодарю всех за любезное терпение. Однако разговор с господином Сигерсоном убедил меня в том, о чем я до последних минут только подозревал. Касательно господина Сигерсона все обстоит не совсем так, как представляется...

У Джеймса перехватило дыхание, в горле стоял комок. Значит, речь Холмса все-таки его выдала. Да и как же иначе? Англичанин не может уверить норвежца, что он, англичанин, прирожденный скандинав. Джеймса просто ввела в заблуждение самоуверенность Холмса.

– ...читали и слышали, что господин Сигерсон – один из норвежских исследователей, – говорил посланник Хельмер Хальворсен Воллебек. – Однако после недолгого разговора с ним я, моя жена и дочь убедились, что господин Сигерсон – самый выдающийся исследователь и гордость нашей страны. Лондонские и американские газеты писали, что господин Сигерсон... э-э... проник в некоторые горные области Индии, но мы не знали, каким удивительным было его путешествие по Тибету в последние два года. К тому же мы с господином Сигерсоном земляки и в более тесном смысле: уроженцы Лётена Хедмаркской губернии, поселка с населением менее ста человек. Господин Сигерсон в детстве знал моего дядю Кнута, который живет там и сейчас.

Холмс что-то коротко сказал на норвежском.

Господин Воллебек рассмеялся:

– Да, и мою тетю Оду, в честь которой названа наша дочь.

– Невероятное совпадение, – промолвил Джон Хэй.

– Я всегда говорю, что мир тесен, – подхватила Клара Хэй.

Джеймс чувствовал, что сейчас у него случится сердечный приступ. Грудь сдавило так, что он лишь усилием воли заставлял себя дышать.

– Я спросил господина Сигерсона про его фамилию, – продолжал Воллебек, – довольно необычную для Норвегии, по крайней мере в таком написании. Как я предполагал, предки господина Сигерсона были Сигурдсонами, однако его дед женился на немке, и они несколько лет прожили в Англии. Написание фамилии изменили для удобства – таким оно и осталось.

Мысли Генри Джеймса мешались. Очевидно было, что «Ян Сигерсон» – или «Сигурдсон» – не английский сыщик-консультант,

выдающий себя за норвежского исследователя. Скорее Ян Сигерсон – Сигурдсон, *настоящий* норвежец, *настоящий* исследователь, по каким-то неведомым причинам (вероятнее всего, из-за сумасшествия) выдает себя за вымышленного английского персонажа Шерлока Холмса.

«Тогда с кем меня познакомили на благотворительном приеме у миссис О’Коннор три года назад?»

Самая логичная и даже единственная логичная гипотеза состояла в том, что это был Ян Сигерсон, вообразивший себя литературным сыщиком.

Однако в 1889 году рассказы о Шерлоке Холмсе еще не начали печатать в «Стрэнде».

Верно, подумал Джеймс; впрочем, ему смутно помнилось, что Госс или кто-то еще из одержимых Холмсом друзей упоминал роман (или повесть?) «Этюд в багровых тонах», опубликованный еще в 1887-м, а также... что там было за название?.. «Знак пяти»? «Знак четырех»?.. в «Журнале Липпинкотта» за 1889 год. Лишь после этого Шерлок Холмс стал регулярно появляться в «Стрэнде». Безумный Сигерсон – Сигурдсон наверняка много слышал о лондонском детективе и в Англии, и на континенте.

Джеймс потом смутно вспоминал, что подали десерт, но был то кусок пирога или горячий торт с мороженым, начисто улетучилось из памяти.

* * *

Мужчины собрались в роскошном кабинете Джона Хэя. Хозяйка и гости, посоветовавшись, решили, что не хотят смотреть фотографии холодных высокогорий. Хэю, Кингу, Сигерсону, посланнику Воллебеку и Джеймсу подали бренди в кабинет. Слуги уже повесили на книжные шкафы экран и заправили арендованный Сигерсоном волшебный фонарь из бронзы и полированного дерева. Джеймс был в таком волнении, что проглотил полпорции бренди, даже не понюхав его в предвкушении.

Безмолвные слуги опустили жалюзи и вышли. Сигерсон зажег лампу волшебного фонаря, и на квадратном экране появился яркий прямоугольник.

– Я привез лишь несколько стекол, – сказал Ян Сигерсон. – Нет преступления хуже, чем утомить зрителей.

– Утомить картинами гималайских пиков и Тибета?! – воскликнул Кларенс Кинг. – Не поверю, что такое возможно!

– Клара будет жалеть, что пропустила показ, и, возможно, попросит

его повторить, – сказал Хэй.

– Буду счастлив это сделать, – отвечал Сигерсон с коротким и быстрым североевропейским поклоном. – Вот первый снимок. Мы идем к Гималаям из северного Сиккима.

Изображение заполнило экран.

– Господи! – воскликнул Кинг. – Те черные точки за мореной – это что, люди и мулы?

– Люди, мулы и тибетские лошадки, – подтвердил Сигерсон.

– Они позволяют зримо оценить всю колоссальность Гималайского хребта, – заметил господин Воллебек.

– Альпы и Скалистые горы в сравнении с этими вершинами – не более чем кротовые кучи, – сказал Кинг.

– А вот Джелеп-Ла, о котором я упоминал раньше, – продолжал Сигерсон. – «Ла» по-тибетски, разумеется, означает «перевал».

Появилась цепочка низкорослых лошадок и тяжело нагруженных людей – их было, наверное, десятка два, – бредущих среди каменных глыб между двумя почти отвесными склонами.

– Выглядел он впечатляюще, однако его высота всего четырнадцать тысяч футов, – заметил Сигерсон.

Картинка вновь сменилась. В комнате сильно пахло чадом от волшебного фонаря.

– Это Тан-Ла, – сказал Сигерсон. – Ворота Запретной страны Тибет. Тан-Ла, что означает «Чистый перевал», и впрямь довольно труден. Здесь часто сходят лавины, даже осенью, когда тут проходил мой отряд. На высоте пятнадцать тысяч футов бушуют снежные бури. Как видите, и мы, и наши лошади совершенно обледенели.

«Фотографии сняты не „Сигерсоном“, – думал Джеймс. – Он где-то их раздобыл и показывает как свои, но на всех европейцы и тибетцы видны вдали. Так называемого Сигерсона не различить».

На следующем снимке был Сигерсон крупным планом – в стеганой одежде, усы и брови покрыты коркой льда. Он сидел на лошадке, дорога у него за спиной, чуть размытая, уходила к перевалу между бесчисленными вершинами.

– Тибетские лошадки чрезвычайно выносливы и чрезвычайно низкорослы, – продолжал Сигерсон. – Как видите, мои башмаки касаются земли. Когда лошадка своевольно направлялась туда, куда мне не надо, я просто вставал, позволяя ей из-под меня выскользнуть, либо брался двумя руками за тибетское деревянное седло и держал упрямыцу на весу, пока мы не сговоримся о направлении.

На следующей фотографии были пальмы, тропические растения в огромных горшках и Сигерсон вместе с очень молодым блондином. На заднем плане стояли женщины в сари.

– Свен Гедин! – воскликнул господин Хельмер Хальворсен Воллебек.

– Да, прошу прощения, – сказал Сигерсон. – Это стекло не по порядку. Я попросил знакомого сфотографировать меня в Бомбее, где встречался со Свеном Андерсом Гедином.

– Нельзя ли полюбопытствовать, кто такой Свен Андерс Гедин? – спросил Кларенс Кинг, вставая, чтобы подлить себе бренди из графина на буфетном столе.

– О, господин Гедин – один из самых многообещающих альпинистов и путешественников Норвегии, – ответил Воллебек. – Ему всего двадцать один год, однако он уже много где побывал.

– В Бомбее Свен рассказал мне, что уже в пятнадцать лет решил посвятить себя путешествиям. – Сигерсон отступил от жара из трубы проектора. – Он видел триумфальное возвращение нашего величайшего исследователя Арктики, Адольфа Эрика Норденшёльда, и это определило для него выбор жизненного призвания.

– Странно, что молодой Гедин не отправился в Непал с вами, мистер Сигерсон, – заметил Кларенс Кинг.

Сигерсон кивнул и проговорил мягко:

– Когда я навещал Гедина в Бомбее, он был тяжело болен. Возвратная малярия. Однако этим летом он отправляется в свою первую большую экспедицию – многолетнее исследование Средней Азии.

Заскрипело сдвигаемое стекло, и на экране появилась новая картинка. Почти все в комнате ахнули.

– Потала... храм-дворец далай-ламы в Лхасе, в сердце Тибета, – сказал Сигерсон.

Генри Джеймс, который, как и другие, ахнул при виде фотографии, силился воспринять немислимый масштаб дворца. Неужели эти желтые точки у основания золотой лестницы и впрямь человеческие фигурки?

Словно прочтя его мысли, Сигерсон произнес:

– Да, в огромность лестницы трудно поверить... тем более что вся остальная Лхаса состоит из покосившихся глинобитных лачуг – бесконечные узкие улочки, на которых валяются дохлые собаки и стоит неопикуемый смрад. А над ними поднимается вот это... Чтобы вы представили масштаб, скажу: весь британский парламент уместился бы в нижней трети Поталы, а Биг-Бен доходил бы лишь до вершины лестницы. Храмы и резиденции лам куда выше его.

– Я не понимаю, как вам это удалось, мистер Сигерсон, – решительно произнес Кларенс Кинг.

– Удалось что, мистер Кинг?

– Проникнуть в Тибет... до самой Лхасы. Десятки европейцев пытались это сделать. Никто не преуспел. Вы не могли переодеться тибетским паломником, как многие наши исследователи... обрить голову и надеть желтое одеяние... их всех разоблачили тибетские власти, а вы к тому же слишком высоки ростом, чтобы выдавать себя за тибетца.

Сигерсон улыбнулся:

– Я никем не переодевался. Просто говорил и воинам, и храмовой страже, что я – паломник.

– А спутники, которые были с вами на перевале, тоже добрались до Лхасы? – спросил Джон Хэй.

– Нет. Их завернули перед границей.

– Не понимаю, – повторил Кинг.

– Мы, норвежцы, упорный народ, – заметил господин Воллебек.

На экране возникла последняя картинка. Она была снята издалека, но Сигерсон узнавался ясно. Он сидел на валуне посреди двора и говорил с мальчиком в желтом одеянии. Мальчик стоял спиной к фотоаппарату. Его смуглая голова была обрита почти целиком, если не считать единственной пряди на макушке.

– Тринадцатый далай-лама, – объяснил Сигерсон. – Зимой девяносто первого – девяносто второго, когда он многократно давал мне аудиенции, ему было шестнадцать лет. Аудиенции – особая честь, ибо его святейшество живет не в самой Потале, а в уединенном монастыре, где учится дни напролет, готовясь к предстоящей роли.

– Я читал, что юные далай-ламы по большей части умирают, так и не начав править, – сказал Джон Хэй.

– Верно, – ответил Сигерсон. – Далай-ламы с девятого по двенадцатого умерли в детстве или в юности. Многие полагают, что их убили властолюбивые регенты. Предыдущего далай-ламу, двенадцатого, раздавил во сне рухнувший потолок спальни, – безусловно, это было подстроено.

– Матерь Божия, – прошептал Кинг.

– Одно из немногих религиозных понятий, которое тибетский буддизм не признает в той или иной форме, – без явной иронии произнес Сигерсон.

– Можно ли поинтересоваться, о чем вы беседовали с тринадцатым далай-ламой? – почтительно спросил Джон Хэй.

– О природе реальности, – ответил Ян Сигерсон – Сигурдсон.

Воллебеки ушли первыми. В просторном вестибюле красного дерева, за рукопожатиями, они несколько раз повторили, что вечер был замечательный.

Когда Кларенс Кинг попросил слугу принести его плащ, шляпу и трость, Сигерсон, к изумлению Джеймса – и, видимо, всех остальных, – сказал:

– Джентльмены, могу я попросить вас в кабинет мистера Хэя для очень короткого разговора?

В кабинете было по-прежнему очень жарко и пахло чадом, хотя слуги уже убрали громоздкий проектор и экран.

– Я спешу, – проворчал Кинг. – Завтра, до отбытия в Мексику, мне надо съездить в Нью-Йорк...

– Это займет не больше секунды, – сказал Сигерсон.

Он с некоторой бесцеремонностью закрыл за собой дверь в кабинет.

– Мне необходимо поговорить со всеми вами завтра в десять утра, – продолжал Сигерсон голосом, какого Джеймс еще от него не слышал. То был тон безусловного приказания или, по крайней мере, нечто очень близкое. – Мистер Хэй, могу ли я еще раз злоупотребить вашей любезностью и назначить встречу в вашем кабинете?

– Я... э-э... в понедельник у меня... Ладно. Если это ненадолго.

– Ненадолго, – подтвердил Сигерсон.

– Невозможно, – сказал Кларенс Кинг. – Я уезжаю полуденным поездом в Нью-Йорк и...

– Мистер Кинг, – негромко произнес Сигерсон, – я не просил бы вас вернуться, не будь это исключительно важно. Можно так выразиться, речь о жизни и смерти. И касается вашего друга мистера Генри Адамса.

Хэй с Кингом переглянулись, и Джеймс почти готов был вообразить, что между старыми друзьями есть нечто вроде телепатии.

– Черт побери! – прорычал Кинг. – Если это касается Адамса, нечего тут темнить! Выкладывайте все сразу.

– Сожалею, но смогу это сделать лишь завтра в десять утра, – сказал Сигерсон. – Как я понял, миссис Хэй в доме не будет, так что нас никто не побеспокоит. Даете ли вы твердое обещание прийти?

– У меня тоже были планы... – начал Генри Джеймс, но тут же умолк под орлиным взглядом Сигерсона. Норвежец совершенно явно был сумасшедшим, и писатель решил, что безопаснее подыграть ему вместе с

остальными, чем принять на себя всю ярость безумца.

Джон Хэй, Генри Джеймс и Кларенс Кинг (последний – с большой неохотой) пообещали быть здесь завтра в десять.

– Спасибо, – сказал Ян Сигерсон и открыл дверь кабинета, словно давая им всем свободу, но лишь на время.

Глава 18

Они собрались у Хэя точно к десяти часам и сели на те же места, что и вчера: Джон Хэй – за свой большой стол, Кларенс Кинг и Генри Джеймс – в кожаные кресла с высокой спинкой по обе стороны стола, по-прежнему развернутые к книжным шкафам, где раньше висел экран. Кинг ворчал. Хэю было явно неловко, что все это происходит в его доме. Всемирно известный мастер слова Генри Джеймс держал рот на замке.

В десять минут одиннадцатого Кинг сказал:

– Какого черта? Этот наглый норвежец приказывает нам... приказывает, как мальчишкам!.. быть здесь ровно в десять, а сам не является? Я влеплял пощечины за меньшее.

– Бенсон сообщил мне, что Сигерсон сегодня вышел из дому очень рано. Очень, – сказал Хэй. – И еще что при нем был саквояж.

– Серебряные ложки пересчитали? – спросил Кинг.

Джеймс усилием воли заставлял себя молчать. Он заглянул к Сигерсону в восемь утра и застал комнату пустой. Первым его порывом было тоже уложить вещи и сбежать. Затем он сообразил, что в отсутствие самозванца сумеет как-нибудь уладить все с Джоном и Кларой. Может быть, даже и с Кингом. Главное – чтобы сумасшедший не вернулся.

В четверть одиннадцатого все трое встали.

– Не вижу необходимости... – начал Хэй.

– Если он воображает... – начал Кинг.

Джеймс одернул жилет и попытался привести мысли в порядок.

В кабинет вошел незнакомец и закрыл за собой дверь.

Даже Генри Джеймс, видевший его в этом обличье всего несколько лет назад, не сразу признал Шерлока Холмса. Норвежский маскарад преображал англичанина больше, чем Джеймс раньше осознавал. Теперь Холмс был в подобающем английском костюме. Волосы стали гораздо светлее и реже, чем у Сигерсона, исчезли усы и актерская мастика, менявшая форму носа. Новый Сигерсон – Холмс выглядел куда худощавей: острые скулы, глубокие тени, орлиный нос, выступающий подбородок и пронзительные глаза.

– Садитесь, джентльмены. – Норвежский акцент совершенно исчез. Холмс снова говорил как англичанин из хорошего общества. – И спасибо вам, что пришли.

– Кто... – начал Джон Хэй.

– Да кто вы... – сказал Кларенс Кинг.

Холмс жестом попросил их сесть.

– Все здесь, за исключением мистера Джеймса, которому известна некоторая доля правды, в последние несколько дней знали меня как Яна Сигерсона. Мое настоящее имя – Шерлок Холмс. Я сыщик-консультант. До последних двух лет я проживал в Лондоне. Я ездил в Непал в девяносто первом, а теперь нахожусь в Вашингтоне по поручению британского правительства и в жизненных интересах правительства Соединенных Штатов Америки.

Поднялся гомон. Кларенс Кинг орал так, что в конце концов слуги постучали в дверь и спросили, все ли в порядке. Хэй отослал их прочь. Только Джеймс продолжал сидеть. Несколько мгновений он был как под наркозом, полностью обездвижен, и за это время успел убедить себя, что либо умер, утонул в Сене в ту воскресную ночь, либо глубокая меланхолия, погнавшая его во Францию и к Сене две недели назад, перешла в сумасшествие. Сумасшествие было единственным *логическим* объяснением тому, что он испытывал сейчас.

«Но чье это сумасшествие – мое или Сигерсона – Холмса?»

Холмс дождался, когда возмущение уляжется и хотя бы Джон Хэй сядет в кресло. Кларенс Кинг расхаживал по кабинету, сжав руки в кулаки, на его обычно дружелюбном лице застыл пугающий оскал.

– Весной девяносто первого Эдвард Хупер – вам всем он известен как Нед – нанял меня расследовать обстоятельства смерти его сестры в восемьдесят пятом и то, что в каждую годовщину этого события он – как и вы все – получал вот это. – Холмс вытащил из твидового кармана не одну, а целых шесть карточек с отпечатанной надписью «ее убили» и передал стопку Джону Хэю, на чьем лице изумление почти мгновенно сменилось выражением шока.

– Неда нет в живых! – рявкнул Кларенс Кинг. – Покончил с собой, как его сестра семью годами раньше.

– Мне известно, что Неда Хупера нет в живых, – сказал Холмс. – Я не знаю, и никто из нас не знает, была ли его смерть и смерть его сестры Кlover просто самоубийством.

– Все... решительно все подтвердили, что Кlover покончила с собой, – прорычал Кларенс Кинг, угрожающе надвигаясь на Холмса.

Кинг был ниже ростом, но крепче и шире в плечах. Холмс, глядя на него с полным спокойствием, спросил Хэя: «Позвольте?», достал черную трубку и, когда Хэй рассеянно кивнул, принялся ее набивать. Судя по запаху, который наполнил кабинет, как только Холмс раскурил трубку, это

был не тот дешевый табак, которым Джеймсу несколько раз пришлось дышать на пароходе и в поезде.

– Кlover выпила цианистый калий, когда была одна в доме, – продолжал Кинг, отмахиваясь от стопки карточек, которую Хэй пытался ему передать. – Нед Хупер дважды пытался покончить с собой – первый раз он бросился под конку и наконец выпрыгнул из окна лечебного заведения... некоторые называют его скорбным домом... куда его поместили...

– Однако никто известный нам не видел, как миссис Адамс выпила цианистый калий или как ее брат выбросился из окна, – заметил Холмс, выпуская клубы дыма, что, видимо, еще больше разозлило Кинга.

– Если вы в горах легли на сухую траву, а проснулись под слоем снега, вам не обязательно видеть, как шел снег, чтобы в это поверить, – прорычал Кинг.

– Прекрасно, – ответил Холмс. – Я приветствую индуктивную логику. Так или иначе, брат и сестра, как считается, покончили с собой, однако в обоих случаях нет полной уверенности, что имело место самоубийство. Миссис Кlover Адамс в год перед смертью близко сдружилась с мисс Ребеккой Лорн. Это так?

– Что? – огрызнулся Кинг.

– Да, – сказал Джон Хэй. – Я несколько раз видел мисс Лорн. Приятная дама.

– И эта самая дама ждала у бывшего дома мистера Адамса, когда тот вернулся и обнаружил жену мертвой на втором этаже, не так ли? – Холмс вновь раскурил трубку.

– И что с того? – Теперь и Хэй говорил сердито. – В последние месяцы жизни Кlover мисс Лорн навещала ее почти каждый день. Она ждала перед домом, когда Адамс вышел, чтобы отправиться к дантисту. Или, может быть, он зачем-то вернулся, не помню зачем. Так или иначе, тело нашла не мисс Лорн... его нашел бедный Генри.

– И мисс Лорн уехала из Вашингтона через месяц после смерти Кlover Адамс? – Холмс спрашивал мягко, но настойчиво.

– Да... в Балтимор, – ответил Хэй. – Где несколько месяцев спустя вышла замуж за мистера Белла... летом восемьдесят шестого, если не ошибаюсь. После смерти Кlover Генри долго переписывался с мисс Лорн. Может быть, переписывается и сейчас.

– Очень сомневаюсь, – произнес Холмс. – По моим сведениям, женщина, которую вы знали как мисс Ребекку Лорн, была убита вскоре после отъезда из Вашингтона. Быть может, до отъезда.

– Вы сумасшедший, – сказал Кларенс Кинг.

– Погодите минутку, – вмешался Хэй. – Давайте обсудим... спектакль последних нескольких дней и вчерашнего вечера, когда вы называли себя исследователем Яном Сигерсоном. Зачем вам это понадобилось?

– Необходимая уловка, – ответил Холмс. В комнате было еще одно кресло, развернутое к столу Джона Хэя; в него сыщик и сел. – Те, кто за мной охотится, знали, что я выполню просьбу Неда Хупера.

– Те, кто за вами охотится... – повторил Хэй.

– Долго же вы сюда добирались, – заметил Кинг. – Вы говорите, Хупер – у вас нет никакого права называть его Недом – обратился к вам за помощью касательно карточек весною девяносто первого, а вы явились сюда весною девяносто третьего, через несколько месяцев после того, как Нед наложил на себя руки. Хорошо, что вы не пожарный и не полицейский.

– В некотором смысле я полицейский, – тихо ответил Холмс. Он откинулся в глубоком кресле и небрежно положил ногу на ногу.

Генри Джеймс наконец обрел голос. Он старательно обратился к Хэю и Кингу, а не к человеку напротив:

– Вчера вечером от господина Воллебека, его супруги и дочери мы получили неопровержимое свидетельство, что этот джентльмен, в собственном обличье или в чужом, норвежский исследователь Ян Сигерсон. Мы слышали, как они бегло говорили между собой по-норвежски. Мы слышали, как господин Воллебек упомянул их общих знакомых. Мы видели фотографии из тибетской экспедиции Сигерсона, в том числе сделанный в Бомбее снимок, на котором Сигерсон запечатлен с другим норвежским исследователем, Свеном Андерсом Гедином, известным всем троим Воллебекам. Мне представляется, что отсюда можно сделать лишь один здравый вывод: этот человек выдает себя за английского сыщика Шерлока Холмса. Быть может, пребывание в гималайских высокогорьях повредило его рассудок.

Холмс вынул трубку изо рта и хохотнул:

– Мой дорогой Джеймс, неужели вы и трюки циркового иллюзиониста принимаете с тем же легковерием, как мои подтверждения личности Яна Сигерсона?

Джеймс побагровел от гнева и смущения, однако усилием воли заставил себя ответить спокойно, рассудительно, культурно:

– У господина Воллебека, его жены и дочери не было никаких причин лгать...

– У них была одна превосходная причина, мой дорогой Джеймс. – Холмс встал и ткнул в воздух чубуком трубки. – Как только стало известно,

что мы обедаем с Воллебеками, я телеграфировал королю Скандинавии Оскару Второму, чтобы тот поручил своему норвежскому посланнику подтвердить мою историю. Дело в том, что исследователь Ян Сигерсон мне еще пригодится. В эту самую минуту господин Воллебек рассказывает репортерам из «Вашингтон пост» и писателю из «Вашингтон критик», как чудесно провел вечер со своим земляком Сигерсоном в доме мистера Джона Хэя.

– Так король Норвегии делает все, что вы потребуете телеграммой? – спросил Кларенс Кинг, опускаясь в кресло, с которого встал Холмс. – В том числе приказывает одному из самых уважаемых дипломатов, его жене и дочери врать в глаза таким почтенным людям, как Джон Хэй и Генри Джеймс? Вы впрямь ждете, что мы в такое поверим?

– Верьте во что хотите, – небрежно ответил Холмс. Он подошел к окну, открыл ставни и стал смотреть на улицу.

– Диалог на норвежском... – начал Генри Джеймс.

– Был далеко не безупречен с моей стороны. – Холмс отвернулся от улицы, и теперь его выразительный силуэт был четко виден на фоне светлого окна. – Больше всего я опасался, что дочь, юная Ода, несмотря на все наставления отца, рассмеется над моим ломаным норвежским, который я освоил за два месяца общения с его величеством королем Оскаром Вторым в Лондоне в восемьдесят восьмом и за девять недель зимой – весной восемьдесят девятого, накануне своей «гибели» в Рейхенбахском водопаде.

– Очевидно, вы уладили и впрямь очень деликатное семейное дело, – саркастически заметил Кинг, – коли европейский монарх до такой степени у вас в долгу.

– Вообще-то да, – ответил Холмс, – однако причина, по которой его величество король Скандинавии поручил своему посланнику солгать на званом обеде, иная. Король Оскар Второй прекрасно знает, чем была вызвана моя миссия в Тибет и что мне поручено в Вашингтоне. Он знает, кто наши враги... а они и ваши враги, джентльмены. Его величество включен в длинный список достойных лиц, которые будут убиты в ближайшие несколько месяцев или лет, если этих людей не остановить.

Кларенс Кинг вздохнул и сцепил пальцы:

– Этих людей... Теперь мы имеем теорию заговора и паранойю. Неужто вы не избавите нас ни от одной характерной черты безумия, мистер... как бы вас ни звали.

Холмс рассмеялся почти по-мальчишески. Не отвечая на вопрос, он выудил из кармана четыре фотографические карточки, две убрал обратно, а

первую из двух оставшихся протянул Кингу:

– Не будете ли вы любезны передать ее мистеру Хэю и мистеру Джеймсу? Спасибо.

Джеймс ждал. Когда фотография наконец добралась до него, он увидел, что это почти наверняка увеличенная копия. Мужчина с черными, зачесанными назад волосами, аккуратными армейскими усами и сердитыми бровями стоял вполборота на фоне зернистой и немного нерезкой уличной толпы. На первый взгляд ему можно было дать лет пятьдесят, однако отвислые складки щек выдавали истинный возраст.

– Это полковник Себастьян Моран, бывший офицер Индийской армии. Служил в Первом саперном Бангалорском полку. Участвовал во многих кампаниях афганских войн, награжден медалью за рукопашную схватку в Кабуле, во время которой убил девятерых афганцев. Считается лучшим охотником и самым метким стрелком в Азии... быть может, во всем мире. Полностью его зовут Джон Себастьян «Тигр Джек» Моран, хотя очень мало кому это известно.

– Полковник Себастьян Моран... – пробормотал Кларенс Кинг, когда Джеймс вернул ему снимки. – Черт побери, я читал его книги! «Охота на крупного зверя в Западных Гималаях» и «Три месяца в джунглях». Охотничьи воспоминания. Чертовски увлекательно написано!

Холмс, который теперь стоял спиной к окну, кивнул:

– Он опубликовал обе книги в начале восьмидесятых. Издателю сообщил, что год его рождения – сороковой. На самом деле – тридцать четвертый. В следующем феврале полковнику Морану исполнится шестьдесят.

– На фотографии он выглядит куда моложе, – заметил Джон Хэй. – Когда сделан снимок?

– Полтора года назад в Калькутте, – ответил Холмс. – Полковник Моран последовал за мной из Швейцарии в Индию, чтобы меня убить. Ему заплатили за это крупную сумму. Убийства для полковника – главный источник дохода. Они приносят ему куда больше, чем два других рода занятий, из которых первое – сопровождать богатых толстых джентльменов туда, где те смогут убивать опасных зверей, а второе – избавлять богатых толстых джентльменов от денег за карточными столами.

– Наняли убить вас... – вздохнул Кларенс Кинг. – Теперь еще и паранойя.

– О да, – ответил Холмс. – Полковник Моран стрелял в меня дважды, первый раз в Калькутте, второй – в Дарджилинге, оба раза безуспешно. Затем, растратив почти все полученные деньги и не желая ждать моего

возвращения из Тибета, вернулся в Лондон. Для величайшего охотника в мире Моран на удивление нетерпелив.

– Не понимаю, какое отношение это имеет к... – начал Джон Хэй.

– Вообразите же мое удивление, когда я через перевалы спускаюсь из Тибета в Сикким и получаю три пули из снайперской винтовки с расстояния почти в милю.

Наступила мертвая тишина. Джеймс слышал, как слуга поднимался по застланной ковром лестнице и как снаружи проехал экипаж.

– Три пули из снайперской винтовки, – сказал Кларенс Кинг. – Тогда вы наверняка покойник, и перед нами не просто лжец и самозванец, а еще и призрак. – Он посмотрел на часы. – Мне уже почти пора. Я должен... – Он поднял глаза, увидел, что делает Холмс, и на миг утратил дар речи.

Холмс снял пиджак, жилет, воротничок и галстук, а сейчас расстегивал рубашку.

Джон Хэй встал:

– Мой дорогой сэр...

– Это займет лишь несколько секунд, – ответил Холмс.

Под рубашкой у него не было белья. Он аккуратно повесил ее на спинку кресла, повернулся к окну и открыл ставни.

Второй раз, и теперь даже более отчетливо, Генри Джеймс увидел страшные круглые раны рядом с правой лопаткой Холмса – ему вспомнилось, что они называются входными отверстиями, – и расходящуюся от них паутину шрамов. Была и третья паутина, на боку, ниже двух первых.

Холмс повернулся, чтобы свет падал на его грудь, живот и правый бок.

На груди у него тоже был кратер – выходное отверстие, вспомнил Джеймс, а в нескольких дюймах левее и ниже – еще более сложный и уродливый рубец, от которого расходилось еще больше шрамов. На правом боку белели шрамы от третьей раны.

Длинными белыми пальцами Холмс тронул каждую рану, начиная с той, что под правой ключицей.

– Как я сказал, убийца стрелял с расстояния почти в милю и попал трижды, передергивая скольльзящий затвор, так что три выстрела уложились меньше чем в две секунды. Третья пуля, – он тронул шрамы на бедре, – настигла меня в падении. – Пальцы, уверенные, как у хирурга, вновь коснулись уродливого рубца второй раны. – Вторая пуля застряла внутри, так что моему врачу и спасителю пришлось ее извлекать. Она начала со спины, затем поняла, что пуля ближе к груди. Процесс получился долгим, и у нее не было обезболивающих.

– Она? – переспросил Кларенс Кинг неожиданно глухим голосом.

– Мой врач и спаситель? – Холмс спокойно застегивал рубашку. – Английский миссионер Анни Ройл Тейлор. Ее Спаситель явился ей во сне и велел нести слово Христово в Лхасу, далай-ламе и всей Запретной стране. Так что мисс Анни Тейлор обрила голову, надела тибетскую мужскую одежду и попыталась добраться до Лхасы, но ее разоблачили и отправили назад к границе под конвоем тибетских воинов. Мои тибетские сопровождающие, приставленные ко мне его святейшеством далай-ламой, как раз попрощались со мной на южной стороне последнего перевала и двинулись домой, когда услышали три выстрела. Эти добрые люди тут же вернулись туда, где последний раз меня видели. Я был без сознания и истекал кровью. Тибетские друзья доставили меня в ближайший торговый поселок Чомо. Там не было врача, однако тибетцы и сиккимцы нехотя разрешили мисс Тейлор – быть может, оттого, что имя Анни похоже на тибетское слово, означающее «монахиня», – остановиться в этом поселке, откуда она надеялась при следующей возможности вновь отправиться в Тибет. Мисс Тейлор изучала медицину и даже практиковала ее в лондонских трущобах и затем в Китае. Она остановила кровотечение, извлекла из меня пулю и сделала переливание крови, которое спасло мне жизнь.

– Невероятно, – прошептал Джон Хэй.

– Да, – согласился Холмс.

– Откуда нам знать, что эти якобы шрамы – не очередной грим? – спросил Кларенс Кинг.

Холмс, который уже застегнул жилет и надевал пиджак, на мгновение замер:

– Хотите вложить пальцы в раны? Это возможно, особенно в хирургический надрез. Почти на две фаланги указательного пальца. Сейчас я снова сниму рубашку...

– Нет! – замахал руками Кинг.

– Так вы говорили, что полковник Себастьян Моран переждал зиму и попытался убить вас на обратном пути из Тибета весной девяносто второго, – сказал Хэй.

– Ничего подобного, – ответил Холмс, застегивая запонки. – Вот человек, который трижды попал в меня с такого большого расстояния. Уже несколько лет он, а не Моран самый меткий стрелок и самый опасный убийца в мире.

Перед тем как раздеться, он убрал вторую фотографию во внутренний нагрудный карман, но сейчас вновь достал ее и пустил по кругу.

Когда она добралась до Джеймса, тот с удивлением увидел размытый снимок очень молодого человека: короткая стрижка с мыском на лбу, острые скулы, уши, плотно прилегающие к голове, глаза (по крайней мере, на карточке) совершенно черные.

– Снимок сделан на оживленной индийской улочке агентом британской Секретной службы в Нью-Дели, который был убит на следующий день. Это единственная известная фотография сына полковника Морана. Качество плохое, но других снимков разведке и полиции добыть не удалось. Сын, разумеется, незаконный. Полковник Моран оставил множество внебрачных отпрысков в Индии, Африке, Европе и Англии, однако именно этого мальчика, рожденного от варшавской авантюристки, Моран забрал у матери и воспитал сам. Возил по всему миру в качестве помощника в своих охотничьих экспедициях и, не сомневаюсь, в заказных убийствах. Мальчик учился быстро. Его зовут Лукан. Он потеснил Морана в роли самого опасного убийцы, какого мир имеет несчастье знать, но, в противоположность отцу, не убивает за деньги. Только из своих фанатичных политических взглядов. Его цель и его бог – анархия.

Холмс сделал паузу и продолжил:

– И этим, то есть отсутствием корыстных мотивов, он разительно отличается от своего отца, полковника Морана. Однако на границе Сиккима с Тибетом они оба оказались на службе у одного хозяина... международной группы анархистов, которая сперва отправила полковника Морана за мной в восемьдесят девятом, а когда тот не преуспел в задуманном, отрядила вместо него Лукана.

– Анархисты, – пробормотал Кларенс Кинг. – Теперь воображаемый заговор.

– Боюсь, заговор самый что ни на есть реальный, – сказал Холмс. – Я тоже скептически относился к угрозе международного анархизма, когда в восемьдесят первом году приехал расследовать убийство вашего президента Гарфилда. И да, в этом случае не было прямого заговора. Однако позже я выяснил, что полковник Моран был убийцей на службе у анархо-террористов во время так называемых Хеймаркетских беспорядков восемьдесят шестого года в Чикаго. Я неопровержимо доказал американским властям и полиции, что выстрелы, убившие троих гражданских и четверых полицейских – при общем числе погибших четыре и семь соответственно, – были сделаны с крыши здания в полуквартале от площади. Полковник Моран и его сообщник, не Лукан, стреляли из новейших винтовок Лебеля. Такую же винтовку полковник бросил на месте

неудавшейся попытки покушения на жизнь ее величества в Лондоне годом позже.

– Я ничего об этом не читал, – сказал Хэй.

– И не прочтете, – ответил Холмс. – По крайней мере, пока не исчезнет анархистская угроза Англии, Европе и Соединенным Штатам.

– Угроза эта представляется довольно случайной и спорадической, мистер Холмс, – заметил Хэй.

Джеймс подумал: «Неужто Джон поверил, что мы имеем дело с Шерлоком Холмсом?»

– Согласно их планам – отнюдь не случайная и не спорадическая, – сказал Холмс. – У них есть список монархов и президентов, которых они планируют убить. В восемьдесят седьмом, как я говорил, они наняли Морана убить ее величество королеву Викторию в день пятидесятилетия восшествия на престол. И Моран едва не преуспел в этом замысле. Он бросил в Лондоне винтовку Лебеля – первую модель винтовки, в которой применили патрон с бездымным порохом, – и я при посредстве моих методов доказал, что именно из нее стреляли на Хеймаркете. Список по-прежнему в силе. Анархисты намерены убить вашего президента Кливленда первого мая, в день открытия Международной Колумбовой выставки в Чикаго. Я должен оставаться в Америке до того времени, чтобы предотвратить покушение.

– Моран... старший или младший? – спросил Кинг.

– Что?

– Вы сказали, что Моран шесть лет назад покушался на жизнь королевы Виктории, – сказал Кинг. – Полковник Моран, старший, или Лукан Моран – младший?

– О, в этой истории есть лишь один Моран – полковник, – ответил Холмс. – Он не дал Лукану своей фамилии.

– Можно мне еще раз посмотреть второй снимок? – попросил Джон Хэй.

Холмс, которому Кинг вернул прошедшую по кругу фотографию, подошел к столу и положил ее на кожаную обивку стола перед Джоном Хэем.

– Я знаю этого человека, – прошептал тот. – Это юный кузен Ребекки Лорн... близкой приятельницы Кловер Адамс... Клифтон Ричард. Тоже фотограф. Они с Кловер часто беседовали о фотографическом искусстве.

– Он покупал ей химические реактивы для проявки, – сказал Холмс тоном утверждения, не вопроса. – И в том числе раствор цианистого калия.

– Да... да... кажется, вы правы, – сдавленно ответил Хэй.

– Именно так. – Холмс вытащил из кармана третью фотографию и положил ее на стол перед Хэем.

Джеймс и Кинг встали и подошли, чтобы взглянуть на снимок.

Его явно сняли в студии, где делают парадные портреты знаменитостей, и женщина на нем выглядела как знаменитость на парадном портрете: темные волосы уложены в высокую прическу, большие темные глаза сияют, полные губы улыбаются, руки держат parasольку, бросающую на лицо легкую тень.

– Да это же Ребекка Лорн, ближайшая подруга Кловер в последний год ее жизни! – проговорил Джон Хэй. – Тут она моложе, чем во время нашего знакомства, но узнается безошибочно. Очень привлекательная молодая дама.

– Да, – подтвердил Кинг. – Я тоже был знаком с нею в то время... с этой Ребеккой. Помню, Кловер впервые увидела ее из окна прежнего дома Адамсов, «маленького белого дома» номер шестьсот семь по Эйч-стрит. Ребекка в течение нескольких недель каждый день проходила в одиночестве по Лафайет-сквер, и наконец Кловер спустилась на улицу и предложила знакомство. Потом они виделись очень часто, даже когда Кловер впала в глубокую меланхолию.

– И странным образом, – заметил Шерлок Холмс, – меланхолия миссис Адамс только усиливалась, несмотря на все усилия мисс Лорн – и ее кузена Клифтона – ободрить приятельницу.

Генри Джеймс впервые видел женщину на фотографии, но он знал про замечательную Ребекку Лорн только из писем.

– Адамс вроде бы говорил, что Кловер часто фотографировала свою приятельницу Ребекку, – проговорил Хэй, трогая край карточки.

– Нед Хупер сказал мне это два года назад, – очень тихо ответил Холмс.

– И Клифа... кузена Ребекки... тоже, – добавил Кларенс Кинг. – Я видел пробные отпечатки с пластинок, которые Кловер сняла на пикнике в Рок-Крик-парке. Она сказала тогда, что Клиф был бы прекрасной моделью, если бы не вертел головой вопреки ее просьбе не двигаться.

– Быть может, он сознательно не хотел выйти четким на снимке, – пробормотал Холмс.

– Однако мне кажется, один или два снимка вышли удачными, – продолжал Кинг. – Они просто не отвечали высоким стандартам Кловер.

– Адамс по-прежнему хранит эти снимки? – спросил Холмс. – И кузена, и мисс Лорн?

– Практически наверняка, – ответил Хэй. – Они все теперь тщательно

подписаны и убраны в архив.

– Но вам их не увидеть, – добавил Кларенс Кинг. – Адамс не говорит о Кловер, тем более о ее смерти, и никому не даст смотреть эти фотографии. Даже те, что она показывала всем: отца, Генри и Ричардсона, их архитектора.

– Вот почему мне надо попасть в дом мистера Адамса до его возвращения, и так, чтобы там не было слуг, – сказал Холмс. – Если Кловер Адамс сделала четкую фотографию очаровательного кузена мисс Лорн, в распоряжении Секретной службы и полиции всего мира окажется второй снимок главного анархиста-убийцы, незаконного сына и блистательного воспитанника полковника Морана.

– Если Клифтон и впрямь этот... Лукан, – начал Джон Хэй, по-прежнему держа холеными пальцами фотографию, – то кто такая Ребекка Лорн?

– Мать Лукана, которую он убил вскоре после того, как они – я полагаю, совместно – подстроили смерть Кловер Адамс, – ответил Холмс.

Он взял карточку со стола и аккуратно убрал в карман.

– Это старый снимок – он хранится у меня уже много лет, джентльмены, – матери Лукана, покойной оперной дивы, актрисы и успешной шантажистки Ирэн Адлер.

Глава 19

Холмс вслед за объектом слежки вошел в поезд Вашингтон – Нью-Йорк. Сыщик был одет как мелкий чиновник или конторский служащий: темный костюм изрядно, хотя и не до неприличия затерт, ботинки блестят, но сбиты, шляпа начищена, но видно, что старая. Этот конкретный чиновник или служащий был кучеряв и рыжеволос; лицо обрамляли длинные бакенбарды, вошедшие в моду во время Войны Севера и Юга с легкой руки генерала Амброуза Бернсайда. Желтые гнилые зубы торчали вперед, как у кролика (Холмс знал, что люди избегают задерживать взгляд на лицах с торчащими испорченными зубами). Щеки были красные не от румянца, а от какого-то кожного раздражения.

Еще одна причина не вглядываться в лицо чересчур пристально.

Чиновник или служащий читал вашингтонские дневные новости, так что, оглядываясь со своего места в головной части вагона, объект слежки видел только поднятую газету.

Холмс вовсе не хотел тратить остаток дня – того самого понедельника, 27 марта, утром которого раскрыл свою личность Джону Хэю и Кларенсу Кингу, – на поездку в Нью-Йорк, но понял, что может проследить за этим человеком сегодня или никогда. Вокруг смерти Кловер Адамс сплелась странная паутина, и, чтобы ее распутать, требовалось исследовать несколько ниточек (по крайней мере, связанных с ближайшими друзьями Кловер) и выяснить, куда они приведут.

Эта конкретная ниточка могла привести в тупик, и Холмс охотнее провел бы остаток дня за разбором машинописных писем и конвертов, обещанных Джоном Хэем. К тому же требовалось проникнуть в дом Генри Адамса, но это можно было отложить до позднего вечера вторника. Клара Хэй сказала, что слуги Адамса получили несколько выходных и вернутся 29 апреля, в среду, к середине дня, чтобы проветрить и приготовить дом к встрече хозяина, которого ждали в пятницу, 1 мая.

Итак, на слежку за этим человеком оставался один день – сегодняшней. Холмс поверх газеты смотрел на его широкую спину и светлый затылок. Объект вполне может выскочить на какой-нибудь промежуточной станции. В таком случае Холмсу надо будет быстро встать и выйти за ним, но так, чтобы это выглядело совершенно естественно.

Холмс скучал по Лондону, где не был уже почти два года. Скучал по своим комнатам в доме номер 221б по Бейкер-стрит, по миссис Хадсон,

даже по Ватсону, но больше всего – по самому городу. Когда-то, готовясь к будущей карьере сыщика-консультанта, он год проработал кебменом и гордился, что знает каждую улицу, бульвар, проезд и проулок в Сити. Более того, Холмс поставил себе целью запомнить в Сити каждую контору, мануфактуру, склад и особняк – геркулесов труд, тем более что начиная с семидесятых годов Лондон ломали, сносили и перестраивали, как никакой другой город в мире. Торговая контора, не менявшая адреса последние полтора века, внезапно разорвалась и переезжала в район поплоче, поскольку цена аренды в престижном районе взлетела до небес.

Что важнее, Холмс знал расписание поездов по Англии вообще и лондонских в частности. И у него, и у Ватсона был свой затрепанный «Бредшо». Майкрофт Холмс выучил «Бредшо» наизусть и мог на память привести расписание любого поезда в любое время дня и ночи.

Шерлок Холмс подозревал, что Майкрофт, который никогда и никуда не ездил, демонстрирует таким образом свое превосходство.

Но по крайней мере в Лондоне у Холмса всегда был желтый «Бредшо» в кармане или в саквояже. Здесь, в Америке, не было ничего похожего на этот архиполезный справочник, только ненадежные расписания тех или иных железнодорожных компаний. Оставалось лишь надеяться, что данный поезд и вправду идет в Нью-Йорк.

Под стук колес Холмс думал о Генри Адамсе, покойной Кловер Адамс, Кларенсе Кинге, Джоне Хэе и Кларе Хэй. Мертвые и в могилах оберегают свои секреты, хоть и не так ревниво, как живые.

Холмс знал, что Генри Джеймс был знаком с Кловер Адамс задолго до того, как она стала женой Генри Адамса. И он мало встречал людей, оберегавших свои тайны ревнивее, чем Генри Джеймс. Однако Холмс уже знал тайну тайн Джеймса, которую тот оберегал пуще жизни.

Разумеется, они не обсуждали этого в разговорах, но у сыщика Шерлока Холмса и писателя Генри Джеймса не было женщин. Холмс давно отринул всякие мысли о любви или телесной близости, дабы целиком посвятить себя своему призванию. Джеймс на подобные расспросы отвечал в сходном духе: он, мол, «старый холостяк» и не может жениться, ибо повенчан с литературой.

Однако Холмс видел, что дело куда сложнее.

На пароходе было много молодых пассажиров обоего пола, и они частенько прогуливались по палубе под руку: мужчины с женщинами, женщины с женщинами, мужчины с мужчинами.

Холмс не знал, играет ли Джеймс в покер, бридж или другую карточную игру, в которой важно не выдавать своих чувств, но если бы

играл, его непроницаемое лицо давало бы ему огромные преимущества. Он с каменным выражением выслушивал самые неожиданные известия. Но раз, не зная, что Холмс за ним наблюдает, Джеймс задержал взгляд на двух хохочущих молодых людях, с американской непосредственностью шагавших рука об руку. И в этом взгляде были зависть, тоска... и вожделение. Не обязательно плотское – скорее очень сильное душевное движение.

Холмса не заботило его открытие. Ему был важен лишь самый факт, что это – а также стыд за свое здоровье, боли в спине и сложные отношения со старшим братом Уильямом – тайна тайн Джеймса. Ничто из названного не имело прямого касательства ни к главной задаче Холмса в Америке, ни к побочному расследованию смерти Кловер Адамс.

* * *

После бесконечной череды пригородных станций поезд прибыл наконец на Центральный вокзал Нью-Йорка на пересечении Сорок второй улицы и Парк-авеню. Двухэтажное Центральное депо еще не было, разумеется, шестиэтажным Центральным вокзалом (его Холмсу и Джеймсу предстояло увидеть в начале двадцатого века) и уж тем более – исполинским Гранд-Сентрал-Терминалом, который появится на этом месте в 1913 году и сто лет спустя отметит свой юбилей.

Огромный свадебный торт Центрального депо пронизывали темные порталы под колоссальными указателями «НЬЮ-ЙОРК – ГАРЛЕМ», «НЬЮ-ЙОРК – НЬЮ-ХЕЙВЕН», «НЬЮ-ЙОРК – ГУДЗОН». Оттуда начинались пути, по которым ходили конки.

Объект слежки, очевидно знакомый с лабиринтом здешнего пересадочного узла, быстро вышел из вагона, поднялся по лестнице, пересек запруженное людьми открытое пространство и припустил бегом, чтобы успеть на конку, идущую по Парк-авеню. Холмсу оставалось лишь, придерживая шляпу, кинуться следом. Он едва успел в последнее мгновенье запрыгнуть на подножку.

Если бы объект обернулся, то заметил бы преследователя. Однако он уже сел в головной части вагона, развернул газету и погрузился в чтение.

Холмс знал, что этот человек состоит в нескольких элитарных (по американским меркам) клубах и что в двух из них у него есть комнаты: в «Юнион-клуб» на пересечении Шестидесят седьмой улицы и Парк-авеню и в «Сенчури-клуб» в доме сорок два по Восточной Пятнадцатой улице.

Кроме того, у него был постоянный номер в гостинице «Брансвик» на Мэдисон-сквер, на углу Пятой авеню и Двадцать пятой улицы.

Сейчас объект направлялся не в «Юнион-клуб», поскольку конка ехала по Парк-авеню на юг, а к пересечению Шестьдесят седьмой улицы и Парк-авеню надо было ехать на север. То же относилось и к «Сенчури-клуб», недавно переехавшему по адресу: Западная Сорок третья улица, дом семь.

Если бы объект хотел попасть в гостиницу, где, как знал Холмс, у него был постоянный номер, то сошел бы с конки не южнее Двадцать пятой улицы, поскольку «Брансвик» располагался в двух кварталах к востоку от ее перекрестка с Парк-авеню.

Однако человек, поглощенный газетой, которую купил на Центральном вокзале, проехал остановки и на Двадцать пятой, и на Двадцать третьей улице. Значит, его целью были не «Юнион-клуб», не «Сенчури-клуб» и не гостиница «Брансвик».

На Юнион-сквер конка повернула, чтобы не выезжать на Бродвей, затем продолжила путь на юг – четыре квартала по Четвертой авеню и дальше по Лафайет-стрит. Человек, за которым следил Холмс, продолжал читать газету, не выказывая намерения сойти в районе Канал-стрит. Когда Лафайет-стрит соединилась с Сентр-стрит и впереди показалась ратуша, он поднялся и встал на подножку, готовясь спрыгнуть. Холмс выждал еще полквартала, тоже спрыгнул и вернулся через толпу прохожих, стараясь не потерять из виду голову и плечи объекта.

Он уже понял, куда тот направляется, и несколько удивился. Холмс полагал, что если объект намерен пересечь Ист-Ривер, то сядет на паром. Когда стало ясно, что это не так, Холмс обрадовался. Он несколько раз бывал в Нью-Йорке с завершения строительства Бруклинского моста в 1883 году, но еще не имел случая там побывать. Приезжая поездом на Манхэттен, пассажиры, которым требовалось сделать пересадку, обычно отправлялись на Статен-Айленд или в Бруклин паромом, как и поступили они с Генри Джеймсом полторы недели назад.

Объект заплатил пошлину служащему в узорной чугунной будке и по широкой чугунной лестнице поднялся на платформу. Холмс, занявший очередь человек через шесть от него, тоже заплатил пошлину и влился в толпу на перроне. Трамваи ездили посередине моста, пешеходы шли над ними, экипажам и телегам были отведены полосы по бокам. Холмс знал, что трамваи на мосту не останавливаются, поэтому спокойно вошел в заднюю дверь вагона и сел спиной к объекту слежки. Тот сидел в головной части вагона. Холмс следил за его отражением в окне, не опасаясь, Впрочем, что объект выпрыгнет на ходу – это было бы не только трудно, но

и бессмысленно.

Холмс отметил на будущее (вдруг, как ни мало это вероятно, придется когда-нибудь расследовать дело, связанное с Бруклинским мостом), что вагоны здесь новые и роскошные, куда лучше, чем на большей части нью-йоркских трамвайных линий: раздвижные двери, украшенные фигурным литьем, удобные ряды сидений, большие окна.

Ньюйоркцы и бруклинцы давно привыкли, что трамваи на мосту ездят без лошадей или паровоза, а вот немногочисленные туристы даже ахнули, когда вагон плавно отошел от остановки, словно сам по себе. Холмс знал, что под рельсами проходит постоянно движущийся канат, к которому цепляется вагон. Знал он и то, что в Сан-Франциско канатных трамвайных линий куда больше, а подъемы и спуски – куда круче. Тем не менее даже здесь уклон, на который взбирался вагон, был вполне ощутим.

Шерлок Холмс был не склонен особо восхищаться творениями Природы или человека. Первые лишь изредка служили фоном для убийств и чаще всего не имели касательства к его работе, вторые он считал эфемерными по сравнению с масштабами времени. Подростком Холмс прочел Дарвина и вынес из него убеждение, что человеку следует осознать свое ничтожное место в мире и больше об этом не думать и что даже пирамиды и прочие «чудеса зодчества» недолговечны, как песчаные замки на брайтонском пляже.

Поэтому соборы и великие сооружения любой эпохи не трогали душу Шерлока Холмса. Редкими исключениями были Лондонский мост и Биг-Бен, чаще слышимый, чем видимый сквозь плотный смог Сити, – символы города, в котором сыщик работал и который он любил, насколько вообще позволял себе подобные чувства.

Однако сейчас, глядя вверх, Холмс вынужден был признать, что каменные башни Бруклинского моста (трамвай как раз проходил под первой) и впрямь потрясают воображение. Долгие десятилетия ни одно здание Нью-Йорка не могло сравниться по высоте с двухсотвосьмидесятичетырехфутовым шпилем церкви Троицы. Три года назад высочайшим сооружением города стал трехсотдевятифутовый небоскреб Уорлд-билдинг на углу Парк-роу и Франклин-стрит. И хотя каменная арка, под которой сейчас ехал трамвай, вздымалась лишь на 117 футов, а башни – на 159 футов над путями и на 276 с половиной футов над водой, их каменная неоготическая мощь впечатляла даже невпечатлительного Холмса.

Он знал, что эти точные числа лишь зря занимают бесценное место на чердаке его памяти – высота арок, башен и моста едва ли когда-нибудь

поможет в расследовании, – однако эти сведения остались от множества бессонных ночей, проведенных за чтением новейшего, девятого издания Британской энциклопедии, 1889 года. Ватсон считал приобретение этих двадцати пяти томов пустой тратой денег, поскольку у Холмса уже имелись шестое и восьмое издания, однако сыщик ни разу не пожалел о покупке. И хотя из двух братьев уникальные математические способности достались Майкрофту, Холмс, на свою беду, раз увидев факт в форме чисел, уже не мог забыть его никакими силами.

Этот воистину поразительный мост держится на тросах, протянутых через две каменные башни, которые вздымаются на 276 футов над водой.

«Америка, – уже не в первый раз думал Холмс, – страна великих грез, которые нередко воплощаются в жизнь».

Тем временем трамвай преодолел спуск от второй башни и замедлился, приближаясь к бруклинской остановке, еще более вычурному ажурному сооружению, чем на нью-йоркской стороне. Холмс знал, как вагоновожатый сбрасывает скорость: постепенно разжимая хитроумный «захват Пейна», осуществляющий сцепление вагона и троса. Про изобретение полковника У. Г. Пейна сыщик слышал лишь потому, что в середине восьмидесятых душеприказчик Пейна нанял его расследовать нарушение патента на захват (применявшийся до тех пор лишь в Сан-Франциско) молодой трамвайной компанией в Париже.

Холмс вышел вслед за объектом, и вскоре, после короткой поездки на конке, оба уже шагали на юго-восток по грубому булыжнику Флэтбуш-авеню. Сыщик шел в полуквартале от объекта, который за все время ни разу не обернулся. На витрины магазинов, где мог бы увидеть отражение преследователя, он тоже не смотрел.

Холмс смутно помнил, что Бруклин – если не считать ирландских и негритянских районов на севере – был некогда зажиточным городом из широких, обсаженных деревьями авеню и красивых добротных домов. Район, в который они вошли сейчас, хоть и располагался неподалеку от тех мест, где старую застройку снесли при возведении моста, был далеко не зажиточным. Приличный трехэтажный дом, покрашенный в модный розовый, голубой, салатный или оранжевый цвет, мог по обеим сторонам соседствовать с чудовищными развалюхами.

В один из таких приличных домов на Гудзон-стрит и направлялся объект. Он взбежал на крыльцо, отпер дверь, что-то крикнул (Холмс с расстояния в полквартала не различил слов) и тут же очутился в объятиях двух девочек и женщины с младенцем на руках.

Младенец, девочки и женщина были чернокожие, особенно женщина. Девочки в чистеньких белых платьях отличались чуть более светлой кожей, но волосы их – аккуратно расчесанные и заплетенные в косы с красивыми бантами – вились, как у негритянок. Картина могла означать только одно: отец семейства вернулся к любящей жене и детям. Холмс несколько удивился: человек, за которым он следил, был белым.

* * *

– Да, у них трое детей. Две старшие – девочки, – сказала миссис Бейнс. У нее спереди не хватало одного зуба.

– Младшенький – мальчик. Был еще мальчик, их первенец, но он умер. Его звали Лерой, – добавила миссис Янгфилд, седая негритянка, старшая из собеседниц Холмса.

Они разговаривали в ее доме на Гудзон-стрит, через улицу от здания, в которое вошел объект.

Сыщик избавился от пышных бакенбард, торчащих передних зубов и парика, а собственные волосы расчесал на прямой пробор, обильно смазав бриллиантином. Теперь на нем были толстые очки без оправы, из левого пиджачного кармана торчали семь карандашей. Перед началом разговора он извлек из портфеля толстую папку с разграфленными листами.

Час был поздний. В нескольких домах на стук Холмса так и не открыли, сочтя, очевидно, что белому человеку нечего делать в цветном районе. Однако миссис Янгфилд, а также ее гостья и добрая приятельница миссис Бейнс, выглянув в щелку, решили, что хлипкий белый джентльмен им не опасен.

Холмс представился мистером Уильямсом и сказал, что проводит «учет населения», дабы Бруклинская филантропическая ассоциация улучшила местные парки и детские площадки. Чернокожие дамы слушали нетерпеливо, но подобрели, как только он вытащил два доллара и попросил ответить на несколько вопросов о соседях.

– Так вы говорите, их фамилия Тодд? – Холмс, вытянув губы трубочкой, склонился над анкетой со множеством пунктов.

– Да, – сказала миссис Янгфилд. – Джеймс и Ада Тодд. Имена детей тоже назвать?

– Не думаю, что это нужно, – ответил Холмс. – Но вы сказали, в семье две девочки и мальчик?

– И Ада опять с кузовком, – сообщила миссис Бейнс. – Говорила мне,

старый дом становится для них тесноват.

– Вы, случайно, не знаете их возраст? Можно приблизительно.

Заполняя анкету, Холмс тихонько присвистывал и причмокивал через вытянутые трубочкой губы: правительственный чиновник, которому нравится быть правительственным чиновником (ехидный упрек, который он как-то адресовал Майкрофту, на что тот в своей неподражаемо неспешной манере ответил: «Я не работаю на британское правительство, брат. По временам я и есть британское правительство»).

– Мистеру Тодду пятьдесят один – пятьдесят два, – ответила миссис Янгфилд. – Аде девятого апреля исполнится тридцать два.

Холмс ничего не сказал о разнице в возрасте. Он своими глазами видел ее в свете угасающего дня.

– Вы не знаете, случаем, когда они поженились? – спросил Холмс все с тем же причмокиванием. Просто еще одна строчка в анкете.

– Какое дело Бруклинской филоциции до того, когда повенчались законно венчаные люди? – Миссис Бейнс возмущенно уперла руки в боки.

– Двадцать второго сентября тысяча восемьсот восемьдесят восьмого, – сказала миссис Янгфилд.

Миссис Бейнс уставилась на приятельницу:

– Элла... да откуда... ты... это... знаешь? Точный день, когда Ада обженилась? Я свой-то день свадьбы не упомяну.

– Я запоминаю числа и даты, – сказала миссис Янгфилд. – Тотти, годовщина твоей свадьбы – четырнадцатого декабря. Хотя какая теперь разница, если Генри четыре года как сбежал.

Миссис Бейнс отвела взгляд и сердито топнула ногой.

– Ада рассказывала мне, что они с Джеймсом поженились в Нью-Йорке, в доме ее тетки на Западной Двадцать четвертой улице, – продолжала миссис Янгфилд. – Пригласили цветного методистского пастора из церкви на Восемьдесят пятой улице. У них был пирог с глазурью и настоящая музыка.

Миссис Бейнс взглядами метала в приятельницу стрелы, однако не перебивала.

– Почти всё, – сказал Холмс. – Род занятий мистера Тодда... Он работает на газовом заводе?

– Нет-нет, вы перепутали! – рассмеялась миссис Бейнс. – Адин муженек – проводник на железной дороге. Из Балтимора. Старший проводник. Да только... бедная Ада. Вечно его куда-то отправляют: в Пенсильванию, Мичиган, Огайо, Иллинойс, Массачусетс... даже в Канаду, не помню, как те места называются.

– Онтарио и Квебек, – подсказала миссис Янгфилд.

– Куда бы ни посылали, это всегда надолго, – продолжала миссис Бейнс, явно злясь, что ее соседка и лучшая приятельница столько всего помнит. – Ада одна дома, опять с пузом, одна-одинешенька с двумя девочками и малышом. Зарабатывает Джеймс хорошо, а вот дома бывает по два дня в два месяца.

– Не буду больше тратить ваше время, – сказал Холмс, убирая папку и поправляя очки. – Вы мне очень помогли. Полученные от вас сведения о Тоддах и других соседях помогут Бруклинской филантропической ассоциации профинансировать устройство чудесной детской площадки в вашем районе.

– Дети отлично играют на пустырях, – проворчала миссис Бейнс. – Что нам надо, так это приличный чистый салун, какой был на Флэтбуш-авеню, пока строители моста все там не поносили.

– Молчи уж лучше, Тотти, – сказала миссис Янгфилд. – Не слушайте ее, мистер Уильямс.

Холмс кивнул, приподнял шляпу, сошел с крыльца и уже почти повернулся, чтобы идти, но потом вновь глянул на женщин:

– Уж простите, если вопрос не деликатный. Он есть в анкете, но мне редко приходится его задавать...

Женщины ждали.

– Я случайно видел мистера Джеймса Тодда, не имея чести быть ему представленным... – с явным смущением проговорил Холмс. – У этого джентльмена голубые глаза и светлые волосы... их осталось немного, но они определенно светлые... и очень белая кожа...

Миссис Бейнс расхохоталась от души, так что дыра в ряду ровных белых зубов стала еще заметнее.

– Значит, он и вас провел...

– Провел?.. – начал Холмс.

– Джеймс Тодд притворяется, – ответила миссис Янгфилд. Судя по голосу, она тоже испытывала смущение. – Он говорил Аде, что притворяется с детства.

– Да-да, – все еще смеясь, подхватила миссис Бейнс. – Джеймс Тодд – тот еще притворщик.

– Притворяется, – повторил Холмс. – Вы хотите сказать, притворяется...

– Белым, – сказала миссис Янгфилд. – Джеймс Тодд не выглядит черным, но Ада не устает повторять, что его дедушка и мама были рабами на плантации в Каролине. На плантациях творилось много безобразий, и

многие дети от тех безобразий притворяются. Хотя мало кто из них так похож на белого, как Джеймс Тодд.

– Ему хоть хватило совести жениться на своей, – добавила миссис Бейнс.

Холмс в последний раз приподнял шляпу:

– Еще раз спасибо вам, дамы.

* * *

Сев в ночной поезд до Вашингтона, Холмс понял, что очень устал. Завтрашний день обещал быть напряженным: Холмс планировал к обеду выяснить, кто рассылал карточки «Ее убили», а с наступлением темноты проникнуть в дом Генри Адамса – всегда непростая задача в уважаемом и модном районе, где на улицах много полицейских.

Теперь он знал секрет одного из пяти «сердец»: мистер Кларенс Кинг, «самый завидный жених Америки», по выражению Джона Хэя и журнала «Сенчури», с сентября 1888 года тайно женат на цветной женщине по имени Ада Коупленд. Не было сомнений, во всяком случае у соседок, что две девочки, живой младенец, умерший Лерой (чье имя, происходящее от французского *le roi* – король, – намекало на настоящую фамилию отца) и ребенок, которому предстоит вскоре родиться, – дети «Тодда». Холмс и сам отметил, что малыш и одна из девочек выглядят очень светлокотыми, особенно по сравнению с черной красавицей-матерью.

Итак, одну тайну удалось раскрыть, однако Холмсу предстояло выведать секреты Джона и Клары Хэй, Генри Адамса и даже покойной Кловер Адамс.

Холмс знал, что каждый человек что-нибудь скрывает. У многих – как у Кларенса Кинга, который сознательно уверял лучших друзей, что его влекут лишь «смуглые красавицы Тихоокеанских островов», – есть секреты внутри секретов.

У некоторых, как у Генри Джеймса и самого Холмса, есть секреты внутри секретов внутри секретов.

Один из секретов Холмса напомнил о себе еще в Бруклине. С утренней инъекции героического лекарства прошло слишком много часов, так что, прежде чем сесть на паром и вернуться на Центральный вокзал, сыщик отыскал в Бруклине пустую хибару, где можно было приготовить и ввести себе раствор. Всю вторую половину дня Холмса терзала боль, и телесная и душевная, так что укол принес блаженное, почти райское избавление.

Сейчас, в вагоне, сыщик закрыл глаза и под стук колес провалился в сон.

Глава 20

– Мой дорогой Гарри! – воскликнул Джон Хэй. – Вы просто не можете бросить меня в такую минуту!

– Я не бросаю вас, – ответил Генри Джеймс, – а всего лишь кладу вежливый предел злоупотреблению вашим с Кларой безграничным гостеприимством. В восемьдесят третьем, когда я был здесь и навещал Адамсов, вы помогли мне снять жилье неподалеку.

– Однако сейчас решительно другое дело! – воскликнул Хэй.

Было утро вторника, и они оба стояли в хозяйском кабинете. Хэй сообщил Джеймсу, что, по словам слуг, «мистер Сигерсон» – шляпа низко надвинута, воротник высоко поднят – вернулся незадолго до рассвета.

– У нас есть Холмс с его загадками, – продолжал хозяин. – Такое захватывающее приключение негоже переживать в одиночку. Вы просто должны разделить его с нами.

– Еще раз приношу извинения, что привез к вам переодетого сыщика под чужим именем... – начал Джеймс.

– Чепуха! – Хэй, вскинув руку с длинными красивыми пальцами, отмахнулся от извинений литератора. – Я ни за что не отказался бы пережить эти волнующие события. Вот посмотрите, что по его поручению приготовили мои секретари за вчерашний день и сегодняшнее утро.

Все столы в кабинете были заставлены коробками с открытками и конвертами.

– Вы же не позволите этому... чужаку читать вашу личную и деловую переписку? – Джеймс даже не смог скрыть возмущение.

Хэй рассмеялся:

– Конечно не позволю, мой дорогой Гарри. Здесь только конверты и открытки с машинописным адресом. Холмс сравнит их – и первые строчки некоторых вполне безобидных машинописных посланий – со зловещими карточками, которые ежегодно приходят всем пяти «сердцам». Он сказал мне вчера утром – надеюсь, я запомнил дословно: «Любая пишущая машинка обладает индивидуальными чертами в такой же мере, как почерк человека».^[17]

Джеймс просопел что-то неопределенное.

– Так что вы просто должны остаться, – повторил Хэй. – Мне нужен ваш совет, друг мой. Как только вернется Адамс, положение станет очень щекотливым.

– В высшей степени, – ответил Джеймс. – Вы же не собираетесь...

– Рассказывать ему, что английский сыщик Шерлок Холмс расследует самоубийство Кловер? – закончил Хэй. – Разумеется, нет. Вы не хуже меня знаете, что Генри никогда не согласится обсуждать тот страшный декабрьский день. Адамс вознегодует при одной мысли, что сыщик копается в обгорелых руинах его мучительных воспоминаний.

– Остается лишь надеяться, что до Адамса ничего не дойдет. Ложь и умолчания имеют обыкновение становиться явными, особенно среди друзей.

Хэй нахмурился и довольно долго молчал, прежде чем заговорить снова:

– Главный вопрос – рассказывать ли об этом Кларе. По странному совпадению она увлеченно собирает книги о так называемых приключениях нашего нового приятеля.

– Рассказывать Кларе о чем? – спросила Клара Хэй. Она уже некоторое время стояла в дверях кабинета и слушала их громкий спор.

* * *

Заперев комнату, Джеймс взял зонт – хотя сегодня, мартовским утром, во вторник, небо было совершенно чистым – и отправился в сторону Капитолия и Библиотеки Конгресса. Хэй сказал, что прогулка составит примерно две мили и что Гарри обязательно должен пройти еще два квартала и посмотреть со Второй улицы на строящийся корпус, в котором разместится собрание Томаса Джефферсона.

Джеймсу было гадко от мысли, что он обманул Хэя, сказав, будто собирается всего лишь прогуляться, хотя на самом деле шел в Библиотеку Конгресса с куда более злодейской целью.

Вчера днем Генри Джеймс совершил самый неджентльменский поступок в своей взрослой жизни.

Он был на втором этаже, и горничные убирались у «мистера Сигерсона»; они сняли постельное белье и ушли за свежими простынями, оставив дверь приоткрытой, чтобы проветрить комнату от густого табачного дыма.

Джеймс остановился и заглянул внутрь. Холмс ушел чуть раньше. Джеймс не сомневался, что сыщик в гриме, хотя тот низко надвинул котелок и высоко поднял воротник макинтоша, так что лица было не разглядеть. Он не сказал, когда вернется. Комната являла картину ужасного

беспорядка – одежда и книги валялись где попало, на дорогих столиках лежал табачный пепел, на полу, поверх брошенных ботинок и носков, были развернуты карты Нью-Йорка и Вашингтона. Мальчишка, задумавший взбесить родителей беспорядком, едва ли преуспел бы больше.

На спинке стула меньше чем в трех футах от входа висел пиджак, который был на Холмсе вчера, когда тот разговаривал с Хэем, Кингом и Джеймсом в хозяйском кабинете.

У Джеймса было лишь несколько секунд. Он воровато оглянулся через плечо, убедился, что коридор пуст, быстро шагнул в комнату и сунул руку в нагрудный карман висящего пиджака. В начале вчерашнего разговора Холмс достал четыре карточки. Три из них он продемонстрировал по ходу своего рассказа – полковника Себастьяна Морана, расплывчатый снимок Лукана Адлера и старую фотографию женщины, про которую сказал, что это Ирэн Адлер до того, как она стала выдавать себя за Ребекку Лорн, приятельницу Кловер Адамс.

Четвертую фотографию Холмс так и не показал.

Джеймс не рассчитывал ничего обнаружить, поэтому удивился, вытащив стопку из четырех фотографий и сложенный телеграфный бланк. Три фотографии были те самые, что Холмс пустил по рукам в понедельник. На четвертой, вырезанной ножницами из большого снимка, был человек лет пятидесяти, гладко выбритый, с глубоко и как-то странно запавшими щеками. Наряд – фрак и высокий воротничок – выглядел старомодно и торжественно. Пронзительные глаза смотрели из-под высокого, с большой залысиной, выпуклого лба. Редкие, темные с проседью волосы падали на по-волчьи заостренные уши.

В одежде и легкой сутулости человека на фотографии было что-то профессорское, однако посадка головы, острые черты лица и поднятые плечи придавали ему сходство с хищником. И еще Джеймс вроде бы различил кончик языка, глумливо выглядывающий между чуть приоткрытыми, пугающе острыми зубами.

Телеграмма, адресованная Холмсу в ближайшее отделение «Вестерн Юнион», была датирована вчерашним днем и гласила:

ПОДТВЕРЖДАЮ ЧТО МОРИАТИ ИМЕЕТ
РАЗВЕТВЛЕННЫЕ СЕТИ ФРАНЦИИ ГЕРМАНИИ ИТАЛИИ И
ГРЕЦИИ ТЧК ТАКЖЕ СЕТИ ПО ФИНАНСИРОВАНИЮ И
ПОДДЕРЖКЕ ПРЕСТУПНИКОВ И АНАРХИСТОВ
ВАШИНГТОНЕ НЬЮ-ЙОРКЕ БАЛТИМОРЕ И ЧИКАГО ТЧК
ДЕЙСТВУЙ ОСТОРОЖНО ТЧК МАЙКРОФТ

Джеймс убрал четыре фотографии и сложенную телеграмму обратно в карман пиджака и вышел в коридор, как раз когда там показалась горничная со стопкой чистого белья.

Она посторонилась, пропуская Джеймса. Горничная благовоспитанно смотрела в пол; писатель искал на ее лице признаки того, что она видела его выходящим из чужой комнаты, но так и не нашел.

* * *

Джеймс пересек скверик и двинулся на восток по Пенсильвания-авеню, изредка без особого интереса поглядывая через кованую железную ограду на акры зеленой травы перед президентской резиденцией, пока не свернул на Северо-Западную Пятнадцатую улицу. По ней он прошел чуть больше четырех кварталов на юг, снова повернул и продолжил путь по Северо-западной Пенсильвания-авеню.

Быстро прошагав по ней с милю, Джеймс постоял, дожидаясь просвета в потоке экипажей и подвод, и выбрался на Конститушн-авеню. Отсюда до Джефферсоновского корпуса библиотеки было чуть больше полумили на восток – Джеймс решил его осмотреть хотя бы для того, чтобы позже отчитаться Хэю.

Два квартала по Второй улице, и он увидел впереди стройку. Три этажа нового внушительного корпуса библиотеки были уже возведены, но окна зияли пустотой, и почти весь фасад заслоняли краны, веревки, корабельного вида системы блоков и ажурные конструкции из железа и досок между высокими колоннами третьего этажа. Весь квартал вокруг стройки занимали штабеля лесоматериалов, прикрытые от дождя прорезиненным брезентом, пронумерованные мраморные плиты, нагруженные тачки, рабочие, лебедки и тросы.

Джеймс мог бы пройти дальше на юг и дойти до Капитолия по Индепенденс-авеню, но предпочел вернуться прежним путем до поворота на Ист-Капитол-стрит. Дальше начинались заброшенные огороды. Джеймс миновал их, следя, чтобы не сходить с узкой мощеной дорожки в мокрую грязь, и наконец поднялся по лестнице восточного входа в здание американского Конгресса.

* * *

Сегодня утром, когда Клара услышала их разговор, Джеймс ждал, что произойдет скандал или что его друг Джон вынужден будет солгать. Однако ни того ни другого не случилось: Хэй просто во всем сознался жене, а Клара не только не возмутилась, но, наоборот, пришла в восторг от известия, что «Ян Сигерсон» – на самом деле переодетый сыщик Шерлок Холмс. Джеймс предполагал, что Хэй открыл ей все из опасения, что Холмс может показаться перед Кларой или слугами в своем подлинном обличье.

– Он мастер переодеваний! – воскликнула Клара, молитвенно сложив ладони. – Какая честь для нас, что первый и лучший сыщик-консультант мира гостит в нашем доме. Мне уже не терпится рассказать Мэри, Эллен и...

– Рассказывать никому нельзя, дорогая, – перебил Хэй, строго поднимая палец. – Мистер Холмс здесь с очень серьезной миссией, и, если станет известно, что он в Америке, его жизнь будет в опасности. Отчасти поэтому Гарри попросил не распространяться о том, что они с мистером Холмсом гостят у нас.

– Да, конечно... понимаю... но *после того*, как приключение закончится... – Клара приложила сложенные ладони к губам, словно запечатывая их на ближайшее время. – А пока я принесу из моей библиотеки январский выпуск «Харперс уикли» с «Картонной коробкой». Захватывающий рассказ! Ах да, и февральский выпуск с «Желтым лицом». Надо будет спросить мистера Холмса, что он думает об изложении этих событий у доктора Ватсона.

Хэй взял руки жены в свои:

– Клара, дорогая, мы не должны смущать гостя. Помни, что мистер Холмс не автор этих... опубликованных приключений. В них могут содержаться элементы преувеличения или какие-то иные подробности, неприятные для мистера Холмса.

– Конечно-конечно, – сказала Клара.

Однако она по-прежнему улыбалась, и Джеймс, поднимаясь к себе за зонтом, чтобы уйти, пока сыщик еще спит, был совершенно уверен: еще до конца дня Клара принесет оба журнала в гостиную и найдет предлог заговорить о них с Холмсом.

* * *

Когда Джеймс сказал, что, может быть, заглянет в Библиотеку Конгресса «немного порыться в книгах», Хэй, не слушая возражений, сел и

написал ему «рекомендательную записку». Джеймс не думал, что для посещения публичной библиотеки нужны какие-либо рекомендации, однако сунул записку в карман и не вспоминал о ней, пока его не остановили сразу за дверью книжной части Капитолия.

Записка, как и следовало ожидать от Хэя, была адресована ни много ни мало директору библиотеки, некоему Эйнсуорту Рэнду Споффорду. Дамы за стойкой у входа, прочтя имя начальника, вскочили, трепеща, как испуганные голуби, затем главная из этих служительниц низшего ранга лично проводила Генри Джеймса по лестнице в директорский кабинет.

Мистер Споффорд встал и, обойдя массивный стол, протянул Джеймсу руку – настолько вялую, что она казалась бескостной и неживой.

– Добро пожаловать, мистер Джеймс! Ваше посещение – большая для нас честь. Чем мы можем быть вам полезны?

Джеймс на мгновение опешил. Он надеялся провести свое исследование анонимно, никого не ставя в известность.

– Быть может, вы хотите посмотреть на наше собрание ваших замечательных сочинений? – спросил Эйнсуорт Рэнд Споффорд. Он по-прежнему стоял рядом с Джеймсом и явно чувствовал себя неуютно вне кресла за собственным столом.

– О нет, что вы, разумеется нет! – ответил Джеймс. – Совсем короткое... даже не сказать, что исследование. Скорее – библиографическая справка.

– Конечно! – воскликнул Споффорд, потирая худые бледные руки, как будто только договорился с Джеймсом о крупной сделке. Затем он тронул некое сложное приспособление у себя на столе.

Через секунду в стене, заставленной книжными шкафами, открылась замаскированная дверь, и в кабинет бесшумно вошла высокая худая женщина.

– Мисс Миллер, моя старшая помощница, – сказал Споффорд. – Наш сегодняшний почетный гость, мисс Миллер, прославленный американский писатель Генри Джеймс.

Мисс Миллер остановилась в трех ярдах от Джеймса, так что тот не мог, по американскому обыкновению, пожать ей руку и ограничился легким поклоном.

Она выглядела типичной библиотекарейшей, как их изображают карикатуристы. Высокая и костлявая, с пучком, в бурой хламиде поверх застегнутой на все пуговицы рубашки (по виду мужской), маленькие бифокальные очки сдвинуты на кончик длинного носа, а слева, там, где под грубой тканью должна находиться грудь, – карточка «Д. Миллер».

«Д. Миллер, – подумал Джеймс. – О господи, только не это».

– Мисс Миллер зовут Дейзи, так что вы должны быть старыми знакомыми, – произнес Эйнсуорт Рэнд Споффорд с кладбищенским лаем, который, должно быть, означал у него смех.

Мисс Миллер густо покраснела. Джеймс смотрел на носки своих туфель, которые за время прогулки от стройки неприлично запылились.

– Мистер Джеймс хочет провести небольшое исследование, – продолжал Споффорд. – Если вам понадобится дополнительная помощь, мистер Джеймс, обращайтесь ко мне без всякого стеснения. – И он вновь протянул руку.

Джеймс прикоснулся к безжизненной ладони и вслед за мисс Миллер прошел через дверь в книжном шкафу.

Библиотекарша провела его по лабиринту заставленных книгами комнатенок в длинное узкое помещение, и Джеймс осознал, что этот коридор высотой примерно в три этажа и есть Библиотека Конгресса. Или, по крайней мере, ее часть. Книги заполняли не только все полки; они лежали стопками на полу, за перилами на балкончиках, на столах и на стульях.

Мисс Миллер увидела, что это зрелище повергло его в шок.

– Когда в шестьдесят четвертом году сам президент Линкольн назначил мистера Споффорда на его нынешний пост, – сказала она неожиданно женственным грудным голосом, – Библиотека Конгресса насчитывала менее шестидесяти тысяч томов. Основную ее часть составляло личное собрание Томаса Джефферсона. Теперь у нас почти четыреста тысяч томов... Мы обогнали Бостонскую публичную библиотеку, которая до того считалась самой большой в Америке. И мистер Споффорд надеется за три года – к тому времени, когда будет выстроен новый корпус, – довести это число до миллиона.

– Похвально, – проговорил Джеймс. – Весьма похвально. Замечательно.

Они прошли по узкому помещению, огибая стопки книг на полу, и оказались перед перпендикулярным коридором. Его стены тоже вздымались на высоту трех этажей и венчались сводчатым потолком. Здесь тоже повсюду были книги.

– Чем я могу вам помочь, мистер Джеймс?

– Э-э... я подумал... – запинаясь, выговорил прославленный писатель. – То есть... я хотел спросить, нет ли у вас малоизвестного физико-математического сочинения под названием «Динамика астероида»?

Мисс Миллер тихо рассмеялась. Смех у нее был на удивление

приятный и мелодичный.

– Книга профессора Мориарти! Разумеется, она у нас есть, хотя вы правы, мистер Джеймс, она очень редкая. Однако мистер Споффорд приложил все усилия, чтобы расширить научный фонд библиотеки в соответствии с ее изначальным предназначением.

Джеймс двумя руками оперся на зонт и кивнул, стараясь не показать, как удивлен, что она сразу вспомнила автора книги.

– Хорошо, что вы попросили вам помочь, сэр, – продолжала мисс Миллер, – поскольку «Динамику астероида» мы выдаем лишь по особому разрешению.

– Неужели? Заумную математическую книгу? Почему, мисс Миллер?

– После того как два года назад появилось сообщение агентства Рейтер, а также статья в «Нью-Йорк таймс», перепечатанная из лондонской «Таймс», что профессор Джеймс Мориарти погиб в Рейхенбахском водопаде вместе с английским сыщиком Шерлоком Холмсом, у нас возникло слишком много запросов на эту книгу от обычных читателей. Мы побоялись, что без надзора ее могут украсть просто из-за той ценности, которую придал ей ажиотаж.

– А-а-а, – протянул Джеймс.

– Сюда, пожалуйста. – Мисс Миллер повела его вверх по железной лестнице, где между стопками книг еле-еле оставался проход для одного человека.

* * *

За следующие два часа Генри Джеймс узнал много такого, чего совершенно не предполагал узнать.

Если бы он искал самостоятельно, как планировал вначале, то не нашел бы ни книги Мориарти, ни упоминаний о нем, однако мисс Миллер добыла ему из фондов Библиотеки Конгресса все, что относилось к профессору, который в последнее время снискал столь громкую, пусть и далекую от математики славу.

Для начала мисс Миллер принесла две книги: столь часто упоминаемую «Динамику астероида» (двести девять страниц формул с очень небольшим количеством текста, совершенно нечитаемого, как и предупреждал Холмс) и более тонкий, 68-страничный «Трактат о биноме Ньютона». Вторая книга была опубликована в 1871-м, в том же году, когда, согласно краткой справке на задней обложке, Джеймс Нолан Мориарти

получил свои две докторские степени, по математике и прикладной физике, в Дублинском университете. Она вышла в маленьком дублинском издательстве, о котором Джеймс никогда не слышал, и была посвящена Карлу Готфриду Нейману, профессору Лейпцигского университета.

Имя профессора Неймана ничего не сказало Джеймсу, но мисс Миллер заверила его, что это крупный ученый, часто упоминаемый в немецких и других математических журналах, и даже принесла в доказательство его книгу «Das Dirichlet'sche Prinzip in seiner Anwendung auf die Reimann'schen Flächen».^[18]

Джеймс мог бы задуматься, почему студент дублинского Тринити-колледжа посвящает свой первый математический труд лейпцигскому профессору, но вместо этого объяснил мисс Миллер, что интересуется в первую очередь биографическими сведениями о профессоре Мориарти – и его фотографиями, если их можно найти.

Он прочел любопытство в ее глазах, однако профессионализм не позволил мисс Миллер спросить: «Уж не собирались ли вы писать книгу о человеке, который убил Шерлока Холмса?» Она деловито отправилась искать другие материалы в лабиринт стеллажей, стопок и запертых комнат, который являла собой Библиотека Конгресса.

Меньше чем через час перед Джеймсом лежало все, что было в Библиотеке Конгресса о том, кого Шерлок Холмс в печати назвал Наполеоном преступного мира, а в личном разговоре – порождением своей фантазии.

Даже указания на дату и место рождения не сходились. Выпуск «Кто есть кто в европейской математике» от 1884 года утверждал, что профессор Джеймс Мориарти (без среднего имени), автор «Трактата о биноме Ньютона», родился в Дублине в 1846-м. Справочник Дублинского университета, сообщавший, что профессор Джеймс Н. Мориарти преподавал там математику с 1872-го по 1878-й, называл годом его рождения 1849-й, а местом рождения – Грейстонс, который мисс Миллер помогла Джеймсу найти в атласе Ирландии, – это оказалась деревушка между Дублином и Уикоу.

Итак, не погибни Мориарти весной 1891-го в Рейхенбахском водопаде, сколько бы ему сейчас было – сорок четыре или сорок семь?

Следующее потрясение Джеймс испытал, увидев год выхода «Динамики астероида», выпущенной лондонским издательством, названия которого он никогда прежде не видел. Тысяча восемьсот девяностый. Даже если Мориарти родился в сорок девятом, получается, что первую книгу он напечатал в сорок один год. Джеймс, как ни мало разбирался в математике,

понимал, что для первой крупной публикации это поздновато. Знакомый оксфордский дон как-то сказал ему между прочим, что математики, такие как Чарльз Доджсон, известный миру под именем Льюиса Кэрролла, обычно пишут свою лучшую работу до тридцати.

Проглядывая формулы, которые были для него совершеннейшей китайской грамотой, Джеймс поймал себя на том, что бормочет вслух:

– Если бы я хоть отдаленно представлял, о чем это...

– Я слышала, как ученые у нас в библиотеке обсуждали эту книгу, – сказала мисс Миллер, думая, что слова обращены к ней. – Упомянутый астероид создает то, что астрономы и математики называют задачей о трех телах. В случае двух тел их гравитационное притяжение, приливное воздействие друг на друга, движение и ориентацию в трехмерном пространстве можно описать как с помощью новейших, так и с помощью классических математических методов. Однако добавьте третье тело, и ориентация и даже траектория астероида становится практически невычислимой. Если я правильно поняла разговоры ученых, профессор Джеймс Мориарти прославил себя этой книгой, поскольку разобрал в ней, что именно нельзя вычислить.

– Очень интересно, – ответил Джеймс, хотя услышанное осталось для него пустым звуком. Он помолчал и добавил: – Итак, по-видимому, нет никакой возможности найти фотографию профессора Мориарти?

– Пожалуйста, пройдемте со мной, мистер Джеймс.

– Мисс Миллер (Джеймс старался не думать про ее имя) двинулась вперед, энергично двигая локтями, словно солдат, идущий в бой.

Им пришлось подняться на пыльный чердак Капитолия (хотя, насколько мог понять Джеймс, не под большим куполом), а мисс Миллер – отпереть еще три двери, чтобы попасть в помещение, заполненное тысячами журнальных подшивок.

– Математики... европейские... конференции, – бормотала мисс Миллер себе под нос.

Она жестом пригласила Джеймса сесть на единственный низкий стул перед столом вроде школьной парты посреди немислимо загроможденной комнаты. Писатель был уверен, что библиотека будет сниться ему в ночных кошмарах.

– Вот! – воскликнула мисс Миллер, подавая ему немецкий журнал.

Название готическим шрифтом было такое длинное, с таким количеством умляутов, что Джеймс даже не попытался его расшифровать. Мисс Миллер открыла журнал на тридцать шестой странице и указала пальцем на ряд из восьми немолодых мужчин, стоящих лицом к фотографу.

Немецкая подпись под снимком гласила: «Конференция по высшей математике и астрономической физике. Лейпцигский университет, июль 1892 г.».

Дальше перечислялись имена участников, но Джеймсу не было надобности их читать. Он сразу увидел Мориарти, крайнего справа, – те же высокие залысины и редкие темные пряди, змеиная посадка головы, кончик языка, едва заметный между тонкими бледными губами. Эту самую фотографию он воровски достал сегодня утром из кармана оставленного Холмсом пиджака. Холмс вырвал ее из экземпляра этого самого журнала.

«Профессор Джеймс Н. Мориарти, Лондон». Университет указан не был. Но дата конференции... Июль 1892 г. Больше чем через год после мая 1891-го, когда, согласно Холмсу и газетным отчетам, Мориарти погиб в Рейхенбахском водопаде!

Убедившись, что больше ничего не найдет в Библиотеке Конгресса об этом конкретном Лазаре, Джеймс сделал кое-какие выписки и заверил мисс Миллер, что нет, несмотря на внешнюю скудость добытых сведений, она оказала ему неоценимую помощь. Неоценимую.

Он встал, чтобы уйти, но не сумел отыскать даже дорогу к лестнице. Мисс Миллер спросила, к какому выходу из Капитолия он хотел бы попасть.

– К главному... парадному... входу, наверное, – ответил Джеймс.

– Замечательно, – сказала любезная мисс Миллер. – Мы увидим часть настоящего Капитолия.

Она была его Вергилием на протяжении нескольких лестничных пролетов, заставленных вдоль перил и стен стопками книг, затем – длинных высоких загроможденных коридоров, которые наконец вывели под мраморные своды и величественный купол Капитолия Соединенных Штатов Америки. Генри Джеймса поразили не столько колоссальные римские размеры здания, сколько его почти греческая строгая белизна. И свет раннего вечера так красиво ложился на белый мрамор.

Под высоким портиком между высокими колоннами, обрамляющими вид на президентскую резиденцию менее чем в миле от Капитолия, Джеймс повернулся к библиотекарьше:

– Еще раз должен со всей искренностью поблагодарить вас, мисс Миллер, за неоценимую помощь в моем маленьком исследовании.

Он приподнял шляпу и двинулся вниз по лестнице, но остановился и обернулся, услышав свое имя.

– Мистер Джеймс, у меня... – проговорила мисс Миллер, краснея и стискивая руки, – у меня, скорее всего, не будет другой возможности, и

надеюсь, вы не сочтете дерзостью, если я воспользуюсь случаем поблагодарить вас за чудесный и мудрый роман о женской душе.

«„Дейзи Миллер“? – подумал Джеймс. – Бедняжке еще так много предстоит узнать о жизни». Сам он определенно очень плохо знал жизнь в те давние годы, когда написал эту популярную, но пустую безделушку.

– Спасибо, мисс Миллер, – вкрадчиво произнес он. – Но одноименная повесть бледнеет в сравнении с красотой и умом своей тезки.

– Одноименная, – повторила мисс Миллер и покраснела еще гуще. – Нет, мистер Джеймс... я не имела в виду вашу повесть «Дейзи Миллер». Она вполне занимательна, но не более. Нет, я говорила о вашем потрясающем «Женском портрете».

– А... очень приятно, спасибо, – процедил Джеймс, еще раз приподнял шляпу, слегка поклонился и, стуча зонтиком, пошел вниз по широким белым ступеням. «„Вполне занимательна, но не более“? Что эта высушенная старая дева о себе возомнила?»

* * *

Был уже ранний вечер. Джеймс не хотел возвращаться к Хэям прямо сейчас и принялся искать в окрестностях Капитолия место, где можно перекусить. Он надеялся на бистро или ресторанчик, но нашел лишь кафетерий – рассчитанный, видимо, на государственных служащих, которые в короткий перерыв не успевают съесть полноценный ленч. Тут подавали только самые простые сэндвичи и чуть теплый кофе. Однако в этот час тут были свободные столики на улице, и Джеймс порадовался случаю посидеть в тени, выпить кофе и подумать о том, что увидел и узнал в Библиотеке Конгресса.

До сегодняшнего дня Джеймс намеревался проститься с Хэями, желательно до возвращения Генри Адамса, и вернуться в Лондон. Какая бы волна отчаяния ни погнала его в Париж и на берег Сены, она уже спала, рассеялась, и теперь он хотел одного – выпутаться из липкой паутины обманов и вымышленных личин, в которую затащил его человек, именующий себя Холмсом.

Однако теперь писатель знал наверняка, что Холмс – кто бы ни скрывался под этим именем – солгал ему, сказав, будто измыслил профессора Мориарти с единственной целью – «погибнуть» вместе в Рейхенбахском водопаде. Он, Джеймс, видел фотографию настоящего Мориарти и на карточке из внутреннего кармана пиджака, и в европейском

журнале математики и астрономической физики. Теперь он был преисполнен мрачной решимости оставаться с друзьями, с Хэями и Генри Адамсом, пока «Шерлока Холмса», мошенника и лжеца, не выведут на чистую воду.

Укрепившись в новом намерении, Джеймс прежней живописной дорогой вернулся на Лафайет-сквер.

Едва горничнаяпустила Джеймса в дом, по лестнице сбежал чрезвычайно взволнованный Хэй и сразу повел гостя в кабинет.

– Сейчас он скажет, – объявил Хэй. – Не хотел раскрывать нам до вашего прихода.

– Раскроет... – повторил Джеймс, ощущая легкую тень ужаса, как всякий раз, когда «Холмс» собирался что-то «раскрыть».

В кабинете Хэя царил разгром: повсюду лежали вытащенные из коробок и папок машинописные открытки и конверты. Джеймс удивился, увидев здесь Клару и Холмса без сигерсоновского грима.

– Клара, – ошеломленно произнес Джеймс, – вы теперь тоже...

– Да, да! – воскликнула Клара, почтенная вашингтонская дама, с порывистостью школьницы стискивая его ладонь. В свободной руке она держала два номера «Харперс уикли». – А еще мистер Холмс поделился со мной впечатлениями и от «Серебряного», и от «Желтого лица», и...

– Тишина! – потребовал Джон Хэй. Дипломат, прославленный своей невозмутимостью, был вне себя от волнения. – Сейчас мы наконец впервые услышим, что дало сравнение машинописных шрифтов.

Шерлок Холмс явно упивался тем, что все внимание устремлено на него. В руках он держал карточки с надписью «Ее убили», а также несколько конвертов и отпечатанных записок.

– Я нашел если не человека, отправлявшего карточки, то машинку, на которой он их печатал, – сказал Холмс, демонстрируя те особенности букв, которые, «вне всяких сомнений», доказывали идентичность шрифтов.

– Бога ради! – воскликнул Хэй. – Скажите же, кто он?

Холмс, изучавший буквы через лупу, поднял глаза.

– Кто такой, – спросил он, держа конверт и карточку, – этот... Сэмюель Клеменс?

Глава 21

Холмс нетерпеливо ждал, когда все в доме улягутся спать. Он курил у себя в комнате трубку за трубкой, изредка приоткрывая дверь и прислушиваясь. И все же слуги шаркали и перешептывались еще долго после того, как Хэи и Генри Джеймс ушли в свои спальни.

Наконец все стихло. Широко распахнув окно своей комнаты, выходящее в темный задний двор большого дома на углу Эйч-стрит и Шестнадцатой улицы, Холмс взял тяжелый заплечный мешок с инструментами взломщика, выскользнул в коридор и тихо спустился по лестнице. На нем был мягкий черный пиджак поверх черного свитера, черные рабочие штаны и черные ботинки на каучуковой подошве, изготовленные по его личному заказу североанглийской кожевенной фабрикой «Чарльз Ф. Стед и К°». Он на цыпочках миновал кухню, бесшумно вышел наружу и отмычкой запер за собой дверь.

Почти весь задний двор Хэев занимал сад, и от заднего двора Адамса его отделяла кирпичная стена. Холмс закинул на нее веревку с маленьким крючком на конце, подергал, проверяя, хорошо ли держится, взобрался на стену и спрыгнул с другой стороны. На это ушло секунд десять. Здесь сад был почти символическим, а большую часть двора занимала конюшня, выстроенная тем же архитектором, что и сам дом. Сегодня она стояла пустой.

Со слов Генри Джеймса Холмс знал, что Генри Гобсон Ричардсон выстроил дома для Адамса и Хэя примерно в одно время, но по разным проектам. Сегодня, во вторник, Холмс долго сидел за чаем с Кларой Хэй, выказывая более чем вежливый интерес к планировке обоих зданий. Теперь он приближался к дому Адамса, хорошо представляя взаимное расположение помещений.

Генри Адамс больше не держал собаки. Окна были темны, только кое-где в доме теплились горелки газовых рожков. За спиной у Холмса высилась черная громада конюшни. Он отметил, что все окна первого этажа закрыты коваными железными решетками.

Холмс решил, что войдет через кухонную дверь. Проще всего было бы вырезать круглое отверстие в ее окошке – решетка не помешала бы инструменту, – но это значило оставить видимый след. Холмс постелил на землю перед дверью кусок мягкой ткани и встал на одно колено. Замок он вскрыл бы меньше чем за минуту, однако слуги, прежде чем покинуть дом,

заперли черный ход на два засова. Холмсу предстояло полностью разобрать замок, просунуть в дыру согнутый из проволоки крюк, отодвинуть засовы, войти, а затем вновь собрать замок. Это могло занять почти час, но, поскольку он не собирался возвращаться тем же путем, операцию требовалось проделать только единожды.

Холмс глянул на звезды. Час ночи еще не наступил. Времени было довольно.

Проникнув в кухню, Холмс несколько минут просидел на корточках в полной тишине. Дыхание его сделалось совершенно беззвучным; он напряженно вслушивался. Джон и Клара Хэй упоминали, что слуги перед приходом хозяина (он ожидался в пятницу) получили три выходных. Инстинкт говорил Холмсу, что дом совершенно пуст.

Сыщик зажег крохотный – с ладонь – фонарь и прикрыл его сверху и снизу, оставив единственный тусклый лучик, направленный прямо вперед. На то, чтобы собрать замок обратно и задвинуть засовы, ушло всего несколько минут. Закончив с этим, Холмс бесшумно двинулся по узкой лестнице для слуг.

Хотя оба здания были четырехэтажные и выстроены в так называемом неороманском стиле, дом Адамса заметно отличался и внутри и снаружи. Холмс в разговоре с Джеймсом отметил, что дом Хэев утыкан башенками, мезонинами, высокими печными трубами. Жилище Адамса, где теперь обитали только вдовец и прислуга, был проще и современнее. Все его архитектурные украшения сводились к двум белым аркам на плоском фасаде.

Кабинет Адамса находился на втором этаже, и Холмс быстро его нашел. Дверь была заперта, как и соседняя – в бывшую фотолабораторию Кловер Адамс, где, по словам Клары Хэй, теперь хранился архив покойной.

Простой замок открылся за полминуты. Оказавшись во внутренней комнате без окон, Холмс вновь зажег фонарь и оглядел шкафы с бесконечными выдвигаемыми ящиками для пластинок и отпечатков.

Надежда на скрупулезность Адамса не обманула. После самоубийства Кловер в декабре 1885-го вдовец разобрал ее архив и составил подробные каталоги, которые Холмс довольно быстро нашел. Некоторые были написаны аккуратным почерком Адамса, но большая часть – уже перепечатана на машинке. Вместе с каталогами лежал и ключ от изготовленных по специальному заказу архивных шкафов.

Том 7 – стр. 24 – № 50.23 – «Р. Лорн, февр. 1884». Подпись более убористым почерком Кловер: «Ребекка Лорн, стоящая в римском наряде».

Холмс нашел фотографию, вытащил из ящика и, пригнувшись,

посветил на нее фонарем.

Неловкая поза, доморощенный «римский наряд», лицо в неудачном ракурсе. И все же не оставалось сомнения, что «Ребекка Лорн» – та, кого Холмс знал под именем Ирэн Адлер. Он убрал фотографию на место.

Том 7 – стр. 9 – № 50.9 – «Р. Лорн», без даты, рядом рукой Кlover: «Ребекка Лорн с банджо». И, тем же почерком, приписка: «Очень хорошо».

Холмс направил узкий луч на снимок. Это и впрямь была очень хорошая фотография Ирэн Адлер – Ребекки Лорн. Холмс помнил ее куда более молодой, но она и здесь выглядела красавицей. Кlover Адамс усадила свою модель в углу комнаты, у окна. Адлер держала в руках банджо, как будто играет на нем; Холмс видел это банджо и раньше. Лицо Лорн – Адлер было повернуто к окну и слегка наклонено, так что мягкий свет подчеркивал его контуры. Кlover снимала широкоугольным объективом – скорее всего, дальмайеровским, который ко времени ее смерти только-только появился, – и получила нечто среднее между портретом и жанровым снимком.

Том 7 – стр. 10 – № 50.10 – «Р. Л., февр. 1884», дата, название такие же, как на первом снимке, и тоже почерком Кlover: «Ребекка Лорн, стоящая в римском наряде». И вновь лицо почти не смотрит в камеру. Холмс отложил фотографию.

Том 9 – стр. 17 – № 50.106 – «Олд-Свит-Спрингс, Виргиния, июнь 1884, Ребекка Лорн, ее кузен Клиф Ричардс, Г. А.» – «На пьядце перед домом». Здесь все было написано аккуратным почерком Генри Адамса.

Холмс достал маленькую лупу и внимательно изучил снимок. Ребекка Лорн смотрела в объектив, и только верхняя часть ее лица была скрыта шляпкой, но «кузен Клифтон Ричардс» опустил голову, так что поля шляпы полностью заслонили лицо. Мускулистая фигура вполне могла принадлежать Лукану, но нельзя было сказать уверенно, что это именно он. Холмс убрал снимок на место.

Том 9 – стр. 23 – № 50.108 – «Олд-Свит», подпись рукой Генри Адамса: «Вид дома с людьми на пьядце». И вновь лицо «Ребекки Лорн» видно, а молодой человек – судя по одежде и шляпе, все тот же Клифтон Ричардс – отвернулся.

Холмс беззвучно пробормотал ругательство. Во всей серии осталась лишь одна фотография.

Том 9 – стр. 23 – № 50.109 – «Олд-Свит-Спрингс, июнь 1884» – все тщательным почерком Генри Адамса. «Ребекка Лорн и кузен, стоящие на лугу с домом на заднем плане».

Кlover явно сделала снимок без предупреждения. Двое стояли в

высокой, почти по пояс, траве. Голова и плечи «Ребекки Лорн» были смазаны – в момент съемки она как раз обернулась к молодому человеку чуть позади себя.

Молодой человек, не зная, что его снимают, получился идеально резко. Сердце у Холмса бешено застучало. Он держал в руках единственную в мире четкую фотографию Лукана Адлера.

В архивном кармашке лежало два одинаковых отпечатка. Холмс направил луч фонаря на второй и, убедившись, что он такой же четкий, спрятал его во внутренний карман у сердца, а первый убрал на место, задвинул ящик и запер шкаф.

Он уже выходил из комнаты, когда снизу долетел шум.

* * *

– ...и вытащил меня из постели посреди ночи, – жаловался сердитый мужской голос.

– Не его вина, что в Атлантике разыгрался шторм, – отвечал мужчина постарше.

– ...домой на два дня раньше обещанного, – ворчал третий мужчина, помоложе.

– Надо поменять белье в хозяйской спальне, проветрить все комнаты, повесить чистые полотенца и... – говорила женщина своей товарке, которая поминутно прерывала ее сетованиями на поздний час.

– В телеграмме сказано, что мистер Адамс прибудет утром, точное время не упомянуто, – басовито продолжал старший мужчина. – Давайте за ночь все подготовим и соберем всех к семи часам. Я велел Мартину оповестить остальных.

«Черт», – беззвучно прошептал Холмс.

Он погасил фонарь и на цыпочках двинулся к черной лестнице.

Слуги – почти наверняка дворецкий и двое старших лакеев, экономка и по меньшей мере две горничные – поднимались по главной лестнице. Очевидно, Генри Адамс решил вернуться раньше срока, и прилежные челядинцы спешили подготовить дом к хозяйскому возвращению.

«Черт», – так же беззвучно шепнул Холмс, поднимаясь по узкой черной лестнице на третий этаж. Здесь не было ковровой дорожки, и старые половицы скрипнули под его тяжестью.

– Слышал? – крикнул внизу один из лакеев.

– Если это вор, его ждет неприятный сюрприз, – пробасил дворецкий.

– Вызвать полицию? – спросила экономка.

– Нет, – ответил дворецкий. – Уильям, Чарльз, возьмите две кочерги. Одну дайте мне. Идем со мной, Уильям, проверим черную лестницу и комнаты.

Почти весь третий этаж занимали спальни слуг. Холмс, пробираясь на ощупь, отыскал последнюю лестницу – очень крутую и узкую. Когда Уильям с дворецким добежали до второго этажа и начали, перекликаясь, проверять комнаты, он на цыпочках поднялся по ней до чердачной двери. Та оказалась заперта, и пришлось потратить несколько бесценных минут, в полной темноте отпирая замок отмычкой. Наконец с этим было покончено, и Холмс вступил на пыльный чердак.

Дворецкий с Уильямом проверили все комнаты второго этажа и были теперь на третьем. Холмс рискнул зажечь фонарь и осветить чердак. Здесь были старые чемоданы, портновский манекен, похожий на безголовый труп, еще чемоданы, пустая птичья клетка. Холмс на цыпочках отошел от двери. Голоса внизу звучали все громче, кто-то карабкался по лестнице на чердак. Холмс провел фонариком по наклонному потолку и отыскал люк на крышу.

К счастью, прямо под люком стояли два больших чемодана, по которым можно было подняться, как по лестнице. Холмс уперся спиной в люк и подналег, надеясь, что топот этажом ниже заглушит скрип петель.

Через мгновение он уже стоял на скользкой крутой крыше.

Люк открывался на тот ее скат, который был обращен к заднему двору и конюшне. Мысленно возблагодарив Г. Г. Ричардсона за основательность здания – толщину стропил и черепицы, по которой каучуковые подошвы ступали совершенно бесшумно, – Холмс быстро двинулся к более высоким трубам и фронтонам на доме Хэя.

С Эйч-стрит здания казались единым целым, но на самом деле Г. Г. Ричардсон оставил между ними промежуток в восемнадцать дюймов. Холмс собирался перескочить этот черный провал на высоте примерно пятьдесят футов над улицей, хотя и знал, что дом Хэя чуть выше, чем дом Адамса.

За спиной раздался звук открываемого люка. Холмс отключил воображение и прыгнул. Он заскользил по скату к черному провалу, но сумел задержаться, распластавшись на черепице и цепляясь за нее пальцами и носками ботинок.

Из люка на крышу, где он только что стоял, выбиались люди.

Холмс съехал на два фута вправо. Самая высокая труба на доме Адамса, куда выходили дымоходы многочисленных каминов этой части

здания, располагалась на восточном краю крыши и была футов двадцать высотой. Следя, чтобы она оставалась между ним и людьми, вылезавшими из люка, Холмс вскарабкался на крутой фронтон, вытянутый в направлении север – юг, перевалился через конек и пригнулся в тот самый миг, когда дворецкий и два лакея, подойдя к краю, направили фонари на опустевший западный скат соседней крыши. Часть высокого треугольного фасада, обращенного к Эйч-стрит, Лафайет-сквер и Белому дому, закрывала Холмса от редких ночных прохожих.

Слуги Адамса убедились, что на крыше их дома вора нет. Осторожно – временами держась за руки – они вернулись к люку и через него на чердак.

На цыпочках, лишь иногда придерживаясь пальцами за черепицу на головокружительно крутом скате, Холмс вновь выбрался на конек и двинулся по нему на север, туда, где крыша достигала своей наивысшей точки, примерно в семидесяти футах над тротуаром.

На доме Адамса было две массивные трубы – одна на западном, другая на восточном краю крыши. На доме Хэя их было шесть, разного размера.

Холмс съехал по крутому скату, пока не уперся каучуковыми подошвами в высокую тонкую трубу примерно на трети высоты крыши. Здесь он позволил себе отдохнуть минуту, переводя дух и слушая, как стучат колеса одинокого экипажа на Шестнадцатой улице.

Кто-то заводил лошадей в конюшню Адамса. Холмс не знал, где они были, пока хозяин находился в отъезде, но сейчас, в два часа ночи, конюхи и грумы размещали их по стойлам. Несколько фонарей, в том числе по меньшей мере один электрический, озаряли двор, сад, всю западную часть крыши и западную часть трубы, за которой прятался Холмс. Он взглянул на часы и тихонько вздохнул.

Это был не главный и даже не запасной план возвращения из дома Адамса в свою спальню. Однако Холмс все же предусмотрел третий план, которым теперь и воспользовался. Покуда грумы, стараясь поменьше шуметь, разводили лошадей по стойлам, он вытащил из мешка с воровскими принадлежностями толстый моток веревки.

Холмс надеялся, что верно рассчитал ее длину. В противном случае могла возникнуть неловкая ситуация. Неловкая и – учитывая высоту дома – чреватая смертью.

Наконец лошадей поставили в денники, фонари потушили, погасло и кухонное окно в доме Адамса. Дворецкий, лакеи, экономка и другие слуги, вероятно, уже спали.

Холмс быстро осветил фонарем на часы.

Было почти четыре. Холмс знал, что скоро прислуга Хэев встанет и

примется за дневные труды.

Он похлопал себя по карману, убеждаясь, что фотография на месте, убрал фонарь и надел лямку мешка через голову. Веревки было две: одна короткая, другая – длинная и тяжелая. Много лет назад в Альпах Холмс освоил дюльферный спуск. Сейчас он завязал короткую веревку на трубе двойным рыбацким узлом с дополнительным простым узлом для надежности и продел длинную веревку в получившуюся петлю. Сдвоенные концы длинной веревки сыщик пропустил между ног, обнес вокруг правого бедра и перекинул за спину в правую руку. Получилось то, что его первый альпийский проводник называл *дюльферзитца*.

Крепко сжимая левой рукой сдвоенную веревку, пропущенную через обвязку на трубе, Холмс аккуратно спустился до края ската. Другой конец неудобного *дюльферзитца* болтался за спиной.

Сегодня утром – вернее, уже вчера утром, осознал он, – а затем еще раз вечером Холмс выходил в задний дворик якобы просто выкурить трубочку, а на самом деле – оценить расположение самой тонкой из шести труб. Теперь ему предстояло спуститься в свою спальню на втором этаже, полагаясь на тогдашние оценки и на то, что какой-нибудь слуга, проходя в полночь по коридору и почувствовав сквозняк, не зашел в комнату гостя и не запер ставень. Когда-нибудь рабочие будут чинить крышу и обнаружат обвязку на трубе, но сейчас это было не важно. Откинувшись назад почти горизонтально, Холмс начал спуск, пропуская сдвоенную веревку через левую руку и контролируя скорость правой. Таким образом он прошел по кирпичной стене и перепрыгнул окно третьего этажа, про которое заранее выяснил, что за ним нежилая комната.

Наконец Холмс добрался до второго этажа, проехал по веревке еще полтора фута, чтобы миновать верхнюю фрамугу и не объяснять утром, из-за чего ночью разбилось окно, толкнулся от подоконника каучуковыми подошвами, влетел в комнату и схватился за бронзовую спинку кровати.

Первым делом он аккуратно выложил фотографию Ирэн Адлер и Лукана Адлера на ночной столик, затем вернулся к окну, за один конец втащил веревку в комнату – аккуратно, чтобы не задеть стекло, – смотал и убрал в мешок с воровскими принадлежностями. Короткая обвязка с прочными узлами осталась на крыше.

С улицы веяло ночной прохладой, приятно холодя вспотевший при спуске лоб.

Холмс снял и аккуратно сложил черную одежду взломщика, вымылся водой из таза, надел ночную рубашку и поставил будильник наручных часов на девять утра. Они с Джеймсом собирались выехать в Нью-Йорк на

поезде в 10:42.

Фонарь он оставил на ночном столике и теперь, прежде чем уснуть, зажег его и в последний раз направил узкий луч на фотографию, которая в каталоге Генри Адамса была обозначена как «Олд-Свит-Спрингс, июнь 1884, Ребекка Лорн и кузен, стоящие на лугу с домом на заднем плане».

Глядя в глаза молодому человеку на снимке, Холмс мысленно задал ему вопрос: «Зачем ты убил свою мать?»

Глава 22

– Итак, прямиком с парохода я отправляюсь в редакцию «Сенчури», сажусь на диван читать гранки моей новой книги «Простофиля Вильсон», – говорил Клеменс, – и что обнаруживаю? Какая-то самоуверенная скотина залезла своими грязными лапами в мою пунктуацию! В мою пунктуацию, господа! Которую я тщательнейше продумал и скрупулезно отшлифовал! При виде все новых свидетельств вандализма моя ярость наконец вырвалась наружу. У меня нашлось ласковое словцо для каждого в «Сенчури», вплоть до мальчишки-рассыльного. И по мере того как я орал, мой гнев перерос в огнедышащий вулкан, а выражения... хм... их нельзя было бы повторить в воскресной школе.

– И что стало с гранками? – спросил Хоуэллс.

Клеменс опустил голову и глянул из-под кустистых бровей:

– Мне принялись втолковывать, будто дважды два умственно отсталому, что нашкодивший корректор – безусловно грамотный, выписанный прямиком из Оксфордского университета, и его решения в «Сенчури», цитирую, «священны, окончательны и неотменимы».

Хоуэллс широко улыбался. Джеймс позволил себе чуть-чуть приподнять уголки губ. Холмс сидел, склонив голову набок, и вежливо ждал продолжения.

– Так вы поговорили с этим оксфордским доном, чьи правки «священны, окончательны и неотменимы»? – спросил Хоуэллс. Очевидно, в комических выступлениях Клеменса ему отводилась роль партнера, подающего нужные реплики.

Компания уже покончила с закусками и ждала, когда принесут основные блюда. Клеменс попыхивал сигарой, яростно сдвинув брови, выставив подбородок и подавшись вперед, словно бык, готовый ринуться на тореадора. Он вынул сигару из-под густых седеющих усов:

– Поговорил. В кабинете главного редактора, предупредив того, что, если дойдет до убийства, он будет свидетелем. Вулкан моего гнева извергался так, что опалил всех сотрудников до последнего. Я был Везувием, главный редактор и корректор – Помпеями и Геркуланумом.

– Что вы сказали обвиняемому в преступлении против вашей пунктуации? – спросил Генри Джеймс.

Клеменс перевел яростный взгляд на собрата по профессии:

– Я сказал обоим, что, тысяча чертей, будь их оксфордский гений хоть

архангелом с небес, ему не позволено вносить в мою пунктуацию свои блевотные правки. Что я такого не допущу. Что не согласен находиться в одном помещении с листами, в которых наследил этот безмозглый идиот. К тому времени Геркуланум и Помпеи отступили к окну, и я видел, что они готовы выброситься с двенадцатого этажа. Так что я буквально взял архангела за пуговицу и объяснил, что все следует набрать заново, восстановив пунктуацию в точности, какой она была у меня. Затем я пообещал вернуться завтра, то есть сегодня, ровно в полдень, и прочесть очищенные от его испражнений гранки.

Хоуэллс уже смеялся в голос. Джеймс улыбался шире, чем когда-либо на памяти Холмса. Сыщик изобразил легкую улыбку.

Люди за соседними столиками поглядывали в их сторону и перешептывались, видимо обсуждая кудрявого писателя с кубинской сигарой в зубах. Наконец Хоуэллс отсмеялся и спросил:

– Когда вы отплыли из Европы, Сэм? И из какого порта?

– Из Генуи, – ответил Клеменс. – На пароходе «Лан». Он прибыл, как я уже говорил, вчера утром.

– Вы очень быстро добрались до Америки, – заметил Джеймс.

– Капитан сказал, что знает короткий путь. – Клеменс выдохнул густой клуб дыма. – И черт побери, так и оказалось!

Хоуэллс, которого Джеймс знал солидным и основательным, по-прежнему был готов хохотать и подыгрывать Клеменсу.

– Короткий путь через Атлантику! – рассмеялся он. – Не поделитесь ли, что за короткую дорогу выбрал капитан «Лана»?

Клеменс откинулся на стуле и скрестил руки на груди:

– Боюсь, это не в моих силах. Небольшая группа здравомыслящих пассажиров во главе со мной составила заговор с целью похитить корабельный секстан и таким образом узнать широту и долготу.

– Удалось ли вам осуществить свой план? – спросил Холмс.

– О да, сэр, – ответил Клеменс. – Мы просто забыли, что никто из нас не умеет пользоваться этим прибором, так что, провозившись несколько часов, определили с высокой точностью, что находимся либо в центральной Африке, либо в Саскачеване.

Хоуэллс согнулся пополам от смеха. Лицо Клеменса хранило прежнее насупленное выражение.

– Не было ли косвенных улик, – произнеся это слово, Джеймс покосился на Холмса, – позволяющих угадать, где вы находитесь?

– Никаких, – отвечал Клеменс. – Вернее, никаких до тех пор, пока мы с другими пассажирами не увидели пингвинов, танцующих на льдинах,

между которыми пробирался «Лан».

– Пингвинов! – подхватился Хоуэллс и захохотал еще громче.

Джеймс внезапно понял, что для Уильяма Дина Хоуэллса, серьезного, часто грустного автора и глубокомысленного редактора, общество Клеменса – повод на время вновь стать мальчишкой.

– Мы, разумеется, приняли пингвинов за корабельных официантов и кельнеров, которых капитан выпустил порезвиться на лед, – продолжал Клеменс.

– Нет! – взвыл Хоуэллс. От смеха у него по щекам катились слезы. Выкрик, очевидно, был мольбой дать ему хоть короткую передышку.

– Увы, осознание их пингвиньей сущности несколько запоздало, – безжалостно произнес Клеменс. – Я успел дать троим щедрые чаевые. Один так засмутился, что спрятал голову под верхний плавник, или крыло, или как там это называется.

Хоуэллс всхлипывал от смеха.

Официанты принесли заказанные блюда.

* * *

Накануне, во вторник, двадцать восьмого марта, когда Холмс объявил Джеймсу и Хэям, что шрифт на карточках «Ее убили» совпадает с адресом на конвертах от некоего Сэмюеля Клеменса, комната наполнилась изумленными возгласами. Когда они улеглись, Хэй объяснил Холмсу, что Сэмюель Клеменс – настоящее имя прославленного литератора, пишущего под псевдонимом Марк Твен.

– Мне надо немедленно с ним поговорить, – сказал Холмс. – Либо Хэю, либо Джеймсу придется меня сопровождать.

– Боюсь, что это невозможно, – ответил Генри Джеймс. – Последние несколько лет я читал в лондонских газетах, что мистер Твен... мистер Клеменс... находится в длительной поездке по Европе – Германии, Швейцарии, Италии – с девяносто первого, если не ошибаюсь. Что-то связанное с его долгами, настойчивостью американских кредиторов и курсом доллара на континенте. В последней заметке говорилось, что Клеменс и его семья переехали из Флоренции в Бад-Наухайм, на воды, где мистер Клеменс лечится от ревматизма.

У Холмса вытянулось лицо, но тут Хэй весело объявил:

– Вообще-то, нам повезло. Всего две недели назад я получил письмо от Сэма... от мистера Клеменса. Двадцать второго числа сего месяца он

отплывает из Италии в Нью-Йорк, где у него назначено несколько деловых встреч, и в общей сложности пробудет в Америке шесть недель – в частности, намеревается посетить Чикаго и осмотреть Колумбову выставку.

– Он будет в Нью-Йорке? – спросил Холмс.

– Уже там или вот-вот прибудет, – сказал Хэй.

– Надо выезжать немедленно, – заявил сыщик.

Клара Хэй выразительно глянула на мужа, и тот поднял руки:

– Увы, на этой неделе я занят. Общественные и другие обязанности. Однако я уверен, что Гарри охотно составит вам компанию. Насколько я помню, они с Клеменсом не знакомы. Сэм написал мне, что сразу по приезде в Нью-Йорк хочет пообедать с Хоуэллсом. Так что, Гарри, вы могли бы к ним присоединиться.

– Кто такой Хоуэллс? – спросил Шерлок Холмс.

– Уильям Дин Хоуэллс, – ответил Хэй. – Старый друг Гарри и Сэма, относительно известный писатель и очень известный критик. С семьдесят четвертого по восемьдесят первый был редактором «Атлантик мансли», где печатал и продвигал своих друзей, таких как Гарри и Сэм, а до восемьдесят второго еще и писал колонку в «Харперс уикли».

– Отлично, – сказал Холмс. – Джеймс меня представит за встречей троих коллег-литераторов, а от писательских разговоров мы сможем перейти к делу Кловер Адамс. Если вы любезно телеграфируете Хоуэллсу, мы сегодня же отправимся в Нью-Йорк.

– Но... – начал Джеймс, однако не нашел никаких причин для отказа, кроме собственного нежелания.

– Клеменс вполне мог взять машинку с собой в Европу, – сказал Хэй.

– Не важно, – ответил Холмс. – Существенно выяснить у Клеменса, кто имел к ней доступ между шестым декабря восемьдесят пятого и шестым декабря восемьдесят шестого.

– Но ведь... – начала Клара Хэй и осеклась. – А, понимаю. Если все они напечатаны одновременно, это должно было произойти между смертью Кловер и ее первой годовщиной... когда мы впервые получили такие карточки.

– Вы же не рассматриваете Сэмюеля Клеменса... Марка Твена... в качестве подозреваемого! – воскликнул Джон Хэй.

– Только его машинку, – ответил Холмс. – И прежде чем идти дальше, мы должны знать, кто имел доступ к ней после смерти Кловер Адамс.

– Карточки могли отпечатать до ее смерти, – заметила Клара Хэй.

Холмс чуть заметно улыбнулся:

– Могли. Но в таком случае их печатал убийца. Тем больше оснований

скорее побеседовать с этим Твенном – Клеменсом. – Он повернулся к Джеймсу и воскликнул: – Быстрее, Джеймс! Складывайте свои вещи в саквояж и вперед! Игра началась!

* * *

– Что заставило вас вернуться в Штаты, Сэм? – спрашивал Хоуэллс.

– Бизнес, – проворчал Клеменс, обкусывая баранье ребрышко. – Деньги, долги и бизнес. Бизнес, долги, деньги. Вчера вечером я обедал с Эндрю Карнеги.

Даже на Джеймса, который не особенно следил за жизнью миллионеров, это имя произвело впечатление.

– И как прошел обед? – спросил Хоуэллс.

– Превосходно, – ответил Клеменс. – Карнеги хотел говорить со мной о яхтенном спорте, о ценах на золото, об английской королевской семье, о том, как я в последние годы путешествовал по Европе, о домашних учителях-швейцарцах и особенно – долго и подробно, должен сказать, – о его безумном плане включить в состав Соединенных Штатов Канаду, Ирландию и всю Великобританию, с образованием единого Американского содружества. Я, с другой стороны, хотел поговорить о том, чтобы он ссудил мне денег... или, правильнее сказать, вложил капитал в какое-нибудь из моих гарантированно выгодных чудо-предприятий.

– Надеюсь, ваша беседа оказалась продуктивной, – сказал Джеймс.

Клеменс нахмурился:

– Я рассказал Карнеги про мои вложения в гравировальную машину, в различные другие изобретения, которые обязательно принесут прибыль, в мое издательство и особенно в наборную машину мистера Пейджа. На сегодняшний день только в нее одну я вбухал примерно сто девяносто тысяч долларов, а треклятый агрегат так и не проработал двух минут кряду.

– Что сказал мистер Карнеги об этих возможностях для капиталовложения? – спросил Хоуэллс.

– Он подался вперед и шепнул секрет, как приобрести и сохранить богатство, – тихим заговорщицким голосом произнес Клеменс.

Все трое его собеседников, включая Холмса, тоже подались вперед, чтобы услышать секрет великого Эндрю Карнеги.

– Цитирую его дословно, – прошептал Клеменс. – «Сложите все яйца в одну корзину, старина... и берегите эту корзину».

Покуда Хоуэллс и Джеймс смеялись, а Холмс улыбался, Сэм Клеменс

по-прежнему хмурил брови.

– Он был серьезен, – прорычал Клеменс.

– Может быть, наборная машина Пейджа и есть ваша корзина, – заметил Хоуэллс.

Клеменс фыркнул:

– Если так, это корзина без дна и ручки.

– В таком случае почему не покончить с этим делом, чтобы избежать дальнейших убытков? – спросил Холмс.

– Я слишком много вложил. Как бизнесмен я скомпрометировал слово «дурак». Ливи так говорит. Мой энергичный приятель-пастор Джо Твичел так говорит. Все мои друзья, кто не по уши в долгах, так говорят. И все равно я верю, что машина Пейджа обеспечит будущее мне и моей семье. Она не просто набирает текст, но и автоматически выравнивает его, чего не может ни один наборный станок на планете. Хорошая новость состоит в том, что сорок или пятьдесят наборных машин Пейджа сейчас в производстве и «Чикаго трибьюн» готова взять одну на испытание. До конца пребывания в Штатах я намерен совершить восьмисотмильную поездку в Чикаго и поговорить с Пейджем. Я собирался во время этой беседы расторгнуть наше партнерство...

– Но Джеймс Пейдж умеет быть очень убедительным, – предположил Хоуэллс.

– Убедительным! – воскликнул Клеменс так громко, что люди за соседними столиками обернулись в его сторону. – Всякий раз, как я решаю, что его последний час пробил, что я немедленно прекращаю вложения и вчиняю ему иск, изобретатель закатывает очередную трагическую сцену, которая посрамила бы Эдвина Бута, – слезы, клятвенные обещания, искренние заверения, оскорбленное достоинство, списки фактов и цифр, от которых сертифицированный бухгалтер впал бы в кому, – и все это со скорбным, обиженным выражением бассет-хаунда, страдающего геморроем. Да, Джеймс Пейдж убедил бы рыбу вылезти из воды и поговорить с ним. Сколько бы решимости я ни скопил к встрече, в присутствии Пейджа я начинаю ему верить. Ливи говорит, он месмерист, не изобретатель. Я говорю, он самый наглый лжец, какой когда-либо выманивал у работяги-писателя его кровные. В итоге приходится дать очередные пятнадцать, двадцать или пятьдесят тысяч долларов просто за качество актерской игры.

Наступила неловкая пауза, которую нарушило появление официантов со следующим блюдом. Хоуэллс прочистил горло.

Холмс слышал про Уильяма Дина Хоуэллса, даже читал одну его

повесть, и не видел во внешности писателя, редактора и критика ничего необычного: плотная фигура, густые, совершенно белые усы, коротко стриженные волосы, поредевшие спереди и сзади, так что Хоуэллсу приходилось зачесывать несколько прядей поверх лысины, умные глаза, мягкий приятный голос.

– Знаете ли вы, что для меня это важнейший – можно даже сказать, исторический вечер? – произнес Хоуэллс.

– Почему? – спросил Клеменс. – Из-за посредственной еды, за которую с нас дерут втридорога, и отвратительного кларета?

Хоуэллс пропустил его замечание мимо ушей:

– Сегодня два моих самых знаменитых автора, двое моих самых старых и дорогих друзей, обедают со мной вместе. Я уже начал думать, что не доживу до этого дня.

– Я читал, – вставил Джеймс, – что мы с Марком Твенем противоположности, Северный и Южный полюса литературы.

– Никогда не понимал этого клише, – сказал Клеменс. – Все, известное нам про Арктику и то, что теперь называют Антарктикой, свидетельствует о сходстве полюсов. Утверждать, что мы – полюса Хоуэллса, значит говорить, что мы оба холодные, бесплодные, недоступные и опасные для путешественников.

– Так или иначе, – сказал Джеймс, решив, что не позволит Клеменсу шутками увести разговор в сторону, – в бытность редактором «Атлантик мансли» вы, Хоуэллс, привели нас обоих к литературному успеху.

– Чепуха! – Хоуэллс ухоженной рукой отмахнулся от комплимента. – Вы оба заслуживали литературного бессмертия. Для меня было честью печатать вас и писать о ваших трудах.

– Вы часто не подписывали свои хвалебные эссе, которые печатали у себя в журнале, в то время как наши книги выходили в приложении к нему, – рассмеялся Клеменс. (Джеймс подумал, что тот уже в легком подпитии.) – Я это ценил, и мистер Джеймс, не сомневаюсь, тоже, но если бы существовала комиссия по этике литературных обозрений...

– А знаете, мистер Клеменс, – перебил Джеймс, пока шутка не переросла в оскорбление, – нас ведь с вами однажды уже познакомили.

– Когда это? – спросил Клеменс, пытаясь лучше сфокусировать взгляд на Джеймсе.

Они уже доели обед, пришло время вина и сигар, и Марк Твен с явным удовольствием предавался обоим порокам.

– Пятнадцатого декабря тысяча восемьсот семьдесят четвертого, – ответил Джеймс. – Был парадный обед в бостонском «Паркер-хаузе» по

случаю завершения первого года «Атлантик мансли» при новых владельцах. Там были вы, мистер Хоуэллс...

– И многие другие известные авторы, публикующиеся в «Атлантик», – подхватил тот, – а также редакторы, гарвардские и принстонские профессора, архитекторы, духовные лица... хотя преподобный Генри Уорд Бичер в тот день отсутствовал.

– А... – сказал Клеменс. – Это же было самое начало скандала с миссис Тилтон, не так ли? Бедный Бичер... я знал его, Горацио... его сестра Гарриет была моей соседкой в Хартфорде. Женщины поголовно влюблялись в бедного Генри Уорда, по крайней мере в его проповеднический голос, а когда история получила огласку, наши главные суфражистки набросились на него, как гарпии: Элизабет Кэди Стэнтон, Виктория Вудхулл, даже его другая сестра, Изабелла Бичер Хукер. Они все требовали его крови.

– Но ведь та его сестра, которая ваша соседка, Гарриет, взяла сторону брата, если не ошибаюсь? – спросил Хоуэллс.

– Да, – подтвердил Клеменс. – Она поддерживала его до конца. А поскольку в этом месяце будет шесть лет, как преподобный Бичер скончался от удара, я поднимаю бокал за него и за всех несчастных мужчин, которых мегеры и гарпии преследуют за такой простительный грех.

Все четверо молча подняли бокалы и выпили за Бичера и его супружескую неверность.

Другие столики в ресторане гостиницы уже опустели. Официанты стояли, сложив руки в перчатках под животами, и ждали. Джеймс понимал, что сейчас – последняя возможность заговорить о деле, которое их сюда привело.

– Мистер Клеменс, – сказал он, – Хоуэллс упомянул, что вы завтра едете в Хартфорд.

– Да, – ответил Клеменс. – Суровая необходимость. Деньги, долги, бизнес. Только на один день – завтра вечером я возвращаюсь к доктору Райсу.

Джеймс знал, что сейчас Клеменс живет в доме доктора Кларенса С. Райса, отоларинголога, у которого лечатся такие знаменитости, как мисс Лилиан Рассел, упомянутый Клеменсом Эдвин Бут (сейчас уже старик) и Энрико Карузо.

– У нас есть большая просьба. Не могли бы мы с мистером Шерлоком Холмсом составить вам компанию, – сказал Джеймс, – и, возможно, уговорить вас остановиться в вашем доме на Фармингдон-авеню?

Клеменс вздрогнул, как будто его попросили проглотить змею.

– Не знаете ли вы, случаем, по-прежнему ли ваша пишущая машинка в хартфордском доме? – быстро спросил Холмс.

Клеменс повернулся к сыщику:

– Моя машинка?

– Мы упоминали раньше, что после смерти Кловер Адамс ее муж, Джон и Клара Хэй, а также Кларенс Кинг раз в год получали машинописные карточки. Для моего расследования было бы полезно взглянуть на самую машинку.

– Для вашего расследования? – Клеменс подался вперед. – Весь вечер я был вежлив, однако не могу не задать вопрос... вы правда Шерлок Холмс? Шерлок Холмс из дома двести двадцать один бэ по Бейкер-стрит? Тот Шерлок Холмс, который «скорее, Ватсон, игра началась»?

– Да, – ответил Холмс.

– В таком случае я приглашаю вас... и Джеймса, и вас, Хоуэллс, если вы не заняты чем-нибудь важным, ехать со мной в Хартфорд. Быть может, нам удастся попасть в дом, если я заранее телеграфирую о приезде, – как вы знаете, он сдан внаем, – но прежде, мистер Холмс, прошу вас ответить на чрезвычайно насущный вопрос, который мучает меня весь вечер.

– Отвечу, если сумею, – сказал Холмс.

Клеменс подался еще ближе к нему:

– Вопрос очень простой, сэр... Вы – реальный человек или вымышленный персонаж?

– Это один из пунктов, который я пытаюсь прояснить в деле Кловер Адамс и «Пятерки сердец», – ответил Холмс.

Клеменс глянул на него пристально и ничего не сказал.

Хоуэллс жестом попросил счет, они расплатились. Джеймс и Холмс, которые остановились здесь, в гостинице «Гленхэм» на Бродвее, пошли проводить Клеменса и Хоуэллса до кеба.

– Садитесь, Хоуэллс, – сказал Клеменс. – Возьмем один экипаж, и я высажу вас по пути к доктору Райсу.

– Это не по дороге, – запротестовал Хоуэллс.

– В карету, сэр! – приказал Клеменс. – Неприлично двум джентльменам наших лет и положения попасть в полицию за драку на тротуаре в такой поздний час. – Он зорко глянул на Джеймса и Холмса. – Вы затеяли глупость, господа, но Великий дурак всегда рад обществу себе подобных. Встретимся завтра на Центральном вокзале в девять часов.

Глава 23

Уильям Дин Хоуэллс отправился с ними в Хартфорд (невзирая на то, что сегодня, в четверг, его наверняка ждало множество дел), и разговор трех литераторов был скучнее даже унылого пейзажа за окном вагона. За одну поездку Холмс узнал об издательском и писательском ремесле много больше, чем могло пригодиться в жизни.

Клеменс и обычно сдержанный Джеймс громко соглашались друг с другом, Хоуэллс по большей части слушал, Холмс пытался задремать.

– Издательское дело меняется быстро, и далеко не в лучшую сторону, – говорил Клеменс.

– Согласен, – сказал Джеймс.

– Журналы либо совсем не печатают рассказов, либо требуют писать их как-то совершенно иначе.

– Вот и мне все труднее пристроить рассказ в журнал. Короткой формой теперь не проживешь.

– И романы по подписке – которыми раньше кормилось мое издательство – практически ушли с рынка.

– Истинная правда, мистер Клеменс.

– И откуда, черт побери, возьмутся наши гонорары? – спросил Клеменс, выпуская черный сигарный дым. – Даже романов с продолжениями больше не публикуют.

– Да-да, – пробормотал Джеймс.

– Генри, – внезапно оживился Хоуэллс, – помните, как девять лет назад – в начале восьмидесят четвертого, если не ошибаюсь, – «Карьера Сайлеса Лафена» печаталась в «Сенчури» по частям одновременно с «Бостонцами»?

– Мне было очень лестно, что мой незрелый писательский опыт оказался под одной обложкой с вашим шедевром, – ответил Джеймс.

Хоуэллс наклоном головы поблагодарил его за комплимент.

Холмс заметил, как на лице Джеймса мелькнуло еле уловимое озорное выражение. Взгляд благовоспитанной девочки, которая намерена сказать что-то недолжное.

– Мистер Клеменс, – проговорил Джеймс, – вы, случайно, не читали «Бостонцев»?

Обычно уверенный Клеменс отчего-то смутился:

– Э-э... нет, сэр... мистер Джеймс... не имел такого удовольствия.

– Я спрашиваю, – с вкрадчивой улыбкой продолжал Джеймс, – поскольку английский знакомец рассказывал мне, что примерно тогда же – в восемьдесят четвертом, если не ошибаюсь, – был в Бостоне на банкете, где вы сказали с эстрады... надеюсь, что цитирую правильно: «Я скорее соглашусь обречь себя Беньяновому раю, чем прочту „Бостонцев“».

Холмс изумился. Он знал Генри Джеймса сравнительно недавно, но все в поведении писателя утверждало сыщика в мысли, что тот любой ценой старается избежать конфликта либо в крайнем случае произнести что-нибудь тонко-ироническое. Однако сейчас он атаковал Клеменса в лоб, словно адмирал Нельсон – испанский или французский флот.

Сэмюель Клеменс – Марк Твен изумился ничуть не меньше. До сих пор его гримасы были сознательно преувеличенными, но сейчас он выглядел одиннадцатилетним мальчишкой, которого застукали за кражей печенья из банки: то же растерянное и жалобное выражение.

– Я... он... я... – пролепетал он; казалось, сосуды на щеках и носу сейчас лопнут от прилива крови, – не... не имел в виду... *с эстрады... на банкете?* – Последние два слова были произнесены с глубочайшим отвращением. Клеменс взмахнул рукой, словно отгоняя неприятный запах, и принялся сосредоточенно раскуривать следующую сигару, хотя предыдущая, сгоревшая лишь на треть, по-прежнему тлела в пепельнице.

По окаменевшему и бледному лицу Хоуэллса Холмс, вне всякого сомнения, видел, что именно тот десятилетие назад передал Джеймсу оскорбительные слова.

Джеймс еще несколько секунд смаковал напряженную тишину, затем сказал:

– Однако, сэр, многие читатели, включая по прошествии времени и вашего покорного слугу, полностью согласны с вами в низкой оценке «Бостонцев». И я безусловно разделяю ваше мнение, что рай Джона Беньяна хуже любого ада.

* * *

Некоторое время все молчали. Клеменс курил сигару, Джеймс и Хоуэллс – сигареты, Холмс попыхивал трубкой. Все четверо смотрели друг на друга сквозь облако голубого дыма.

Хоуэллс прочистил горло.

– Генри, – начал он, – вы, как говорят бизнесмены, диверсифицировались и теперь, если не ошибаюсь, пишете и для театра?

Джеймс скромно кивнул:

– Три года назад я по просьбе мистера Эдварда Комптона переделал моего «Американца» в пьесу. Роман не слишком годился для постановки, но, переписывая и исправляя его, я получил столь необходимый театральный опыт.

– Пьеса шла на сцене? – спросил Клеменс.

– Да, – ответил Джеймс, – и с некоторым успехом. Сперва в провинции, затем в Лондоне. Следующую пьесу я буду писать сразу для театра. В каком-то смысле, по правде сказать, я чувствую, что наконец-то нашел для себя истинную форму. Писать драматическое произведение с упором на сценичность интереснее, чем романы или рассказы, вы согласны?

Клеменс фыркнул:

– Я сделал из своего «Позолоченного века» пьесу, которую большинство знает под названием «Полковник Селлерс», по имени главного персонажа, которого играл Джон Т. Реймонд. Вы знаете Реймонда, мистер Джеймс?

– Не видел ни его самого, ни его пьес, – ответил Джеймс.

– Он был идеальный полковник Селлерс. Грант, который тогда был президентом, посетил одно из представлений, и присутствовавшие там друзья сказали, что президентский смех слышали даже на галерке.

– Так это комедия? – спросил Джеймс.

– Отчасти, – сказал Клеменс. – Во всяком случае, Джон Т. Реймонд сделал ее комедией. Я был бы рад, если бы он сыграл свою знаменитую сцену поедания репы, как она была написана, то есть как трогательное свидетельство честной бедности, а не как откровенный фарс. Однако грех жаловаться. «Полковник Селлерс» в первые три месяца принес мне десять тысяч долларов чистого дохода, и я рассчитываю, что он принесет мне еще под сотню тысяч, прежде чем мы оба умрем от старости.

Вновь наступила тишина, пока вульгарное упоминание о деньгах медленно таяло в клубах сигарного, сигаретного и трубочного дыма. Холмс внимательно приглядывался к Сэмюэлю Клеменсу. Успех расследований зависит от умения читать людей не меньше, чем от умения читать улики. Понять, что за человек перед тобою и насколько можно верить его словам или полагаться на него самого, порой не менее важно, чем изучить следы или сигаретный пепел. Холмс видел, что для Клеменса вульгарность – орудие и служит двоякой цели: во-первых, шокировать публику (а для писателя все и всегда были публикой), а во-вторых и в-главных – через шок от очевидной вульгарности перейти на другой, более высокий уровень

юмора.

Или, по крайней мере, на то, что Клеменс считал более высоким уровнем.

Словно прочитав мысли Холмса, писатель вынул сигару изо рта и подался вперед:

– А что скажете вы, Джеймс? Готовы ли вы искать богатства, сочиняя всего лишь для актеров?

Джеймс улыбнулся:

– Многие мои друзья считают, что такого рода деньги – зло.

– Конечно они – зло! – воскликнул Клеменс, хлопая себя по колену. Все мальчишеское смущение испарилось, остался лишь мальчишеский пыл. – Деньги, какие в наши дни зарабатывает пьесами, скажем, ирландец Оскар Уайльд, двойное зло!

– Двойное зло? – переспросил Генри Джеймс.

– Да! Это не мои деньги и не ваши, а значит, мы с вами вдвойне на них злы!

* * *

Хартфорд был унылый городишко – страховые компании на каждом углу, и ни одного архитектурно примечательного здания, – но к тому времени, как экипаж свернул на Фармингдон-авеню, Холмс и Джеймс смогли оценить красоту выбранного Марком Твенем старинного района.

Дома здесь совершенно не походили один на другой: каждый рассказывал о вкусах и мечтах своего хозяина. Участки были площадью по нескольку акров; спереди их отделяла от дороги кованая ограда, сзади они без всякого забора переходили в лес.

– Видите беседку? – Клеменс указывал на рожицу между двумя красивыми большими домами. – Мы с Гарриет Бичер-Стоу построили ее в складчину точно на границе наших владений. В теплый летний денек или в прохладное осеннее утречко мы приходили туда посидеть, поболтать, обсудить неизбежный упадок западной цивилизации.

– Гарриет Бичер-Стоу еще жива? – спросил Холмс. «Хижина дяди Тома» шла в лондонских театрах со времен его детства.

– О да, – ответил Клеменс. – Если не ошибаюсь, ей сейчас восемьдесят два. Она все так же мила и все так же упряма. Как сказал при встрече с нею президент Линкольн, «маленькая женщина, чья книга начала большую войну».

Экипаж остановился, пропуская две строительные подводы. Все четверо смотрели на беседку. Клеменс продолжал:

– Иногда по ночам я не мог уснуть. Тогда я шел в беседку, посидеть на перилах, покурить, полюбоваться звездами и луной, и частенько заставлял там миссис Стоу. Мы беседовали до рассвета, две счастливые жертвы бессонницы.

– Интересно, что обсуждали при луне два столь разнообразно одаренных и прославленных литератора? – спросил Генри Джеймс. – Природу зла? Прошлое и будущее черной расы в Америке? Книги и пьесы?

– По большей части, – сказал Клеменс, вынимая сигару изо рта, – мы говорили о наших недугах и хворях. Особенно до того, как в восемьдесят шестом скончался мистер Стоу. Она рассказывала, что болит у нее, а я – что у меня.

Хоуэллс заулыбался, и Холмс понял, что у Сэма Клеменса на подходе очередная байка. Экипаж все еще стоял, дожидаясь, пока подводы проедут мимо.

– Помню, однажды ночью, – сказал Клеменс, выпуская изо рта сигарный дым, – она сетовала на свои боли, убежденная, что они обещают скорую смерть... Бедняжка почти так же мнительна, как и я... Так вот, я с удивлением обнаружил, что список ее жалоб почти целиком совпадает с перечнем симптомов, от которых я незадолго до того полностью избавился!

Подводы уже проехали, и экипаж двинулся дальше по мощеной дороге, плавно огибавшей пологий холм.

– Я сказал ей... – продолжал Клеменс, – я сказал ей: «Гарриет, мой врач только что вылечил меня от всех этих неприятностей!» – «Какие лекарства он вам прописал?» – спросила маленькая миссис Стоу. «Никаких лекарств! – отвечал я. – Врач просто велел мне сделать двухмесячный перерыв в моих вредных привычках: не пить сверх меры, не курить без остановки и не раздражаться потоком божбы по поводу и без повода. Так что бросьте пить, браниться скверными словами и курить месяца на два, и станете как огурчик!»

Он сквозь дым взгляделся в попутчиков, убеждаясь, что они по-прежнему внимательно его слушают.

– «Мистер Клеменс! – воскликнула она. – За мной никогда не водилось ни одной из этих ужасных привычек!» – «Никогда?» – переспросил я, ибо, должен сознаться, господа, пришел в ужас. «Никогда», – повторила Гарриет Бичер-Стоу, плотнее кутаясь в шаль от ночной прохлады. «Что ж, моя дорогая, – с безграничной грустью произнес я, – коли так, для вас нет никакой надежды. Ваш воздушный шар падает, а у вас нет балласта,

который можно выбросить из корзины. *Вы всю жизнь пренебрегали своими пороками».*

Экипаж остановился на перегибе холма, и пассажирам предстал бывший дом Сэмюеля Клеменса. Клеменс и Ливи по-прежнему им владели, но уже два года как сдали его в аренду некоему Джону Дэю и его жене Алисе, дочери Изабеллы Хукер, за столь необходимые двести долларов в месяц. Клеменс сказал, что сегодня дом в полном распоряжении гостей: он телеграфировал Джону и Алисе и те уехали до вечера.

Холмс, выбравшись из экипажа, оглядел трехэтажное здание из светлого красного кирпича, которому свет и тень придавали богатое разнообразие оттенков. Из-за острых фронтонов с балкончиками дом походил на замок; над *porte cochère*^[19] высилась двухэтажная башня с большим окном.

Клеменс заметил, что сыщик разглядывает дом.

– Некоторые писали и говорили, будто я хотел, чтобы он напоминал лоцманскую рубку на речном пароходе, – сказал он, давя ногой окурок сигары. – Однако я так не задумывал. Просто получилось удачное совпадение.

Он достал из-под цветочного горшка ключ, отпер замок и распахнул дверь.

Гости прошли несколько ярдов по коридору. Уже отсюда Холмс видел, что дом посвящен хорошему вкусу и качественным вещам. В его холостяцкой спальне и в гостиной дома 221б по Бейкер-стрит царил кавардак: все бросалось где попало и как попало, по крайней мере, пока миссис Хадсон не вмешивалась и не наводила порядок, однако сыщик умел ценить уютную домашнюю обстановку. Именно она предстала сейчас его глазам.

– Девятнадцать комнат, семь ванн, – говорил Клеменс тоном агента по недвижимости, намеренного продать Холмсу этот дом. – В каждой ванной ватерклозет, что в свое время было диковинкой. Переговорные трубы, чтобы разговаривать между этажами. В этой гостиной – заходите, джентльмены, – вот тут, в нише, вы видите первый телефон в Хартфорде. Поскольку я опередил соседей с установкой этого дьявольского агрегата, мне долго почти некому было по нему звонить... Вот большая гостиная... Трафаретные рисунки на стенах – работа Локвуда Де Фореста.

– Партнера в фирме, созданной мистером Тиффани, – добавил Хоуэллс.

– Зимний сад, где мои дочери ставили свои спектакли, – продолжал Клеменс, указывая на помещение с цветами в горшках. – Видите, здесь даже занавес есть.

Он умолк, глядя по сторонам, будто видит это все в первый раз, затем проговорил сдавленным голосом:

– Так... странно. В первый год нашей жизни за границей мы с Ливи убрали все – мебель, ковры, вазы и безделушки – в чуланы. Потом сюда въехали Джон с Алисой, и мы, чтобы молодой семье не обставлять такой большой дом, достали им все обратно... за небольшую дополнительную плату. Но...

Клеменс зашел в библиотеку, потом вернулся в гостиную. Над широким резным камином было окно, из которого открывался вид на двор. Клеменс похлопал по нему:

– Это была моя идея. Нет ничего уютнее, чем сидеть зимним вечером с семьей и смотреть, как в камине трещит огонь, а за окном падает снег.

Он погладил резьбу, вазы на каминной полке и на книжных шкафах по обе стороны от нее.

– Алиса и Джон расставили и повесили все в точности, как было у нас, – продолжал Клеменс все тем же странным голосом. – Каждую вазу и ковер, которые мы с Ливи купили в своих первых поездках. Каждую любимую детьми безделушку. – Он тронул резную фигурку на каминной полке. – Понимаете, каждую субботу Сузи, Джин и Клара требовали рассказывать им истории про картины и украшения на полках. Как видите, череда начинается масляным портретом кошки в раме и заканчивается импрессионистской акварелью, вот она, красивая девушка по имени Эммелина... между ними еще не то двенадцать, не то пятнадцать статуэток... ах да, и еще масляная картина Илайхью Веддера «Юная Медуза». Девочки просили сочинить историю – всегда экспромтом, без минуты на подготовку, – в которую я должен был включить статуэтки и три картины. Надо было начать с кошки и закончить Эммелиной; мне ни разу не разрешили для разнообразия пойти в обратном порядке. Не дозволялось вводить безделушки не в их очередь. У несчастных безделушек не было дня субботнего, дабы отдохнуть от трудов, не было покоя. Они вели жизнь, полную опасных и кровавых приключений. Со временем статуэтки и картины ветшали – ведь им столько пришлось вынести.

– Отличное упражнение для писателя, – рассмеялся Хоуэллс.

– В историях часто фигурировал цирк, – продолжал Клеменс. Он как будто не слышал приятеля и вообще забыл, что в комнате кто-то есть. – Девочки любили слушать про цирк, и я обычно включал его в...

Казалось, Клеменс оглушен. Он, пошатываясь, сделал несколько шагов и не столько сел, сколько рухнул в кресло, обитое тканью в цветочек.

– Сэм? – спросил Хоуэллс.

– Все хорошо, – ответил Клеменс, закрывая глаза рукой, словно хотел спрятать слезы. – Просто... понимаете, просто всё на своих местах.

Гости стояли, не зная, что сказать.

– Я обещал Ливи, что загляну к хартфордским друзьям обсудить общие дела, но не приближусь к дому даже настолько, чтобы увидеть его трубы. Однако стоило войти в дверь, как меня охватило сильнейшее желание перевезти сюда семью... немедленно... и больше никогда отсюда не уезжать. В Европу так уж точно. – Клеменс уронил голову и огляделся точно во сне. – Всё на своих местах. Я помню, как мы с Ливи приобретали каждую из этих вещей, как спорили при покупке, как радовались в ту далекую пору, которая теперь кажется юностью. Когда девочки были совсем крохами...

Он повернулся и глянул в глаза Хоуэллсу, затем Джеймсу и, наконец, Холмсу:

– До чего отвратительно, до чего вульгарно и аляповато обставлены все дома, какие я видел в Европе! А теперь взгляните на этот этаж – безупречный вкус, идеальная гармония цветов, дух умиротворения, покоя и глубочайшего довольства, пронизывающий каждую деталь. Еще нигде и никогда не было такого восхитительного дома.

– Он и впрямь прекрасен, Сэм, – сказал Хоуэллс.

Клеменс будто не слышал его.

– Словно какое-то злое наваждение заставило меня забыть всю прелесть нашего дома, – тихо продолжал он, обращаясь к самому себе. – Это... это... – Клеменс одновременно хлопнул ладонями по подлокотникам и ударил в пол подметками начищенных туфель, хотя не имел в виду ни того ни другого по отдельности. – Это место для меня, господи, чарующе светло, и великолепно, и уютно, и естественно. Такое чувство, будто я очнулся от дьявольского сна. Словно я никогда не уезжал отсюда, и стоит повернуть голову, – он посмотрел в сторону лестницы, – и моя дражайшая Ливи спустится вместе с крошками... – Клеменс вновь глянул на всех поочередно. – Однако в душе я знаю, что так никогда больше не будет.

Наступила долгая тишина.

Клеменс вновь провел рукой по глазам и резко встал.

– Довольно чепухи, – хрипло проговорил он. – Идемте в бильярдную на третьем этаже, где стояла моя пишущая машинка... адский механизм, при посредстве которого мистер Холмс намерен установить истину.

Глава 24

Джеймс и Хоуэллс вслед за Клеменсом и Холмсом поднялись на лестничную площадку второго этажа. Хоуэллс задержал Джеймса, тронув его за рукав.

– Здесь была спальня Сэма и Ливи, – прошептал он, указывая в дальний конец коридора. (Клеменс с Холмсом уже поднялись на следующий пролет и не могли его слышать.) – Они купили в Италии широченную кровать с таким роскошным резным изголовьем, что всегда клали подушки в изножье, чтобы, как говорил Сэм, видеть это баснословно дорогое изголовье, засыпая и просыпаясь. Джон и Алиса Дэй привезли собственную кровать, так что итальянское чудо по-прежнему стоит в чулане.

Джеймс кивнул, однако Хоуэллс не выпустил его локоть, а зашептал, указывая свободной рукой на другую дверь в том же коридоре:

– Вон в той комнате я всегда останавливался. Часто ночью – в час, в два, даже в три – меня будили крадущиеся шаги. Я выглядывал и видел, что Сэм, в ночной рубашке, бредет по коридору с кием в руках – ищет партнера.

– И вы шли с ним играть? – шепнул Джеймс.

– Почти всегда. – Хоуэллс негромко хохотнул. – Почти всегда.

С верхней площадки загремел голос Клеменса:

– Вы поднимаетесь или перерываете ящики комода в поисках сокровищ? Мне нужен партнер! Первый и лучший сыщик-консультант мира не играет на бильярде и не хочет учиться!

* * *

Генри Джеймс разглядывал бильярдную американского писателя, мысленно отмечая ее особенности. Скошенные стены (комната располагалась на верхнем этаже самой высокой башни) были выкрашены в терракотово-розовый цвет. Посередине стоял бильярдный стол шириной пять и длиной десять футов. Мешочки на лузах по углам и на серединах длинных сторон, сшитые из золотой парчи и украшенные бахромой, придавали помещению рождественский вид, а наклонные стены напоминали, что это всего лишь игровая комната на чердаке.

Пол устилал узорчатый персидский ковер, в тех же тонах, что стены, но несколько более красный. Кирпичный камин в дальней стене располагался чуть сбоку от середины комнаты и стола. Джеймс смотрел на него и думал, как уютно должно быть в этой мансарде зимой или непогожими летними ночами. Рядом с камином стоял грубой работы шкафчик без дверей высотой футов пять; на его полках по-прежнему лежали бумаги и книги.

В комнате был письменный стол с керосиновой лампой, но основное ночное освещение обеспечивали четыре газовые лампы, висящие низко над бильярдом на бронзовой крестовине. За бильярдным и письменным столом находилась дверь на балкон; свет лился в веерообразное окно над ней, в два узких окна по бокам и в квадратное окошко самой двери.

Высокое окно слева от входа представляло собой витраж с центральной композицией из двух скрещенных киев, дымящейся сигары между киями и кружкой пенного пива над ними.

– Мой фамильный герб, – объявил Клеменс. Он раскурил очередную сигару и теперь расхаживал между камином и бильярдом, держа в руке кий. – У Шекспира на гербе было только что-то вроде оципанного пера на поле, которое Джонсон назвал горчичным. Я считаю, мой лучше.

Джеймс отметил, что роспись потолка повторяет мотив скрещенных киев. В дальнем левом углу, перед низким квадратным окном, стоял столик поменьше с пишущей машинкой. Холмс уже склонился над ней.

– Можно мне перенести ее на тот стол и испробовать? – спросил Холмс.

Клеменс только быстро глянул в его сторону, ответил «разумеется» и тут же вновь повернулся к Джеймсу и Хоуэллсу:

– А теперь, мистер Джеймс, желаете сразиться со мной за титул первого англо-американского литературного бильярдиста мира?

– Увы, – ответил Джеймс. – Я не играю. Даже не пробовал никогда и не стану оскорблять это благородное зеленое сукно попыткой научиться сегодня.

– Точно не хотите? – В голосе Клеменса сквозило нескрываемое разочарование. – Бильярд во всех его разновидностях крайне увлекателен, а когда я играю плохо и выхожу из себя, то становлюсь очень забавен – вам бы наверняка понравилось. Если, разумеется, вы не ханжа-методист, осуждающий божбу, ругательства, эпитеты и инвективы.

Джеймс поднял руки ладонями вперед и попятился, давая понять, что не сдастся на уговоры. В комнате было довольно много разномастной мебели: еще столики, плетеные стулья, кресла-качалки и два табурета, по

виду – из салуна на Диком Западе. Джеймс выбрал обычное кресло и сел.

– Хорошо, – выдохнул Клеменс вместе с клубом дыма. – Хоуэллс, добрый друг, старый противник, снова остались только вы и я...

Хоуэллс подошел к стене слева от камина, где стояли кии, выбрал себе один.

– Прошу обратить внимание, – сказал Холмс, – что чистая белая карточка, которую я вставляю в машинку, по размеру, фактуре и содержанию хлопка полностью идентична тем, что приходили Генри Адамсу, Хэям и Кларенсу Кингу в каждую годовщину смерти Кловер Адамс. Нед Хупер также получал такие карточки до своей безвременной кончины.

– Откуда вы знаете про одинаковое содержание хлопка и все такое? – спросил Клеменс.

– Я изучил карточки под микроскопом, а также с помощью портативной химической лаборатории, которую привез с собой в Вашингтон, – ответил сыщик.

Он выровнял карточку и отпечатал два слова. Все остальные подошли ближе и встали у него за спиной.

Ее убили.

Детектив заранее достал шесть карточек, полученных Хэями, и еще одну, которую дал ему Кларенс Кинг.

– Вы видите, – сказал он, поочередно прикладывая новую карточку к старым, – выщербинку на «е», то, что все «и» немного приподняты над строчкой, сглаженный внутренний угол «у», форму «б» и то, как кружочек в ней чем дальше, тем больше печатается почти сплошным.

Все молчали. Теперь, когда его внимание привлекли к изъянам шрифта, Джеймс видел, что они и впрямь общие у всех карточек, причем у свежеотпечатанной – заметнее всего.

Холмс как будто прочел его мысли:

– По мере использования машинки такого рода дефекты усугубляются. Поскольку все семь карточек выглядят одинаково, я предполагаю, что их отпечатали одновременно. Это должно было произойти по меньшей мере семь лет назад, поскольку Хэи, Кинг и, надо думать, мистер Адамс первый раз получили их в декабре восемьдесят шестого.

Клеменс выставил вперед руки со сжатыми кулаками, словно ожидая, что на них сейчас наденут наручники.

– Сознаюсь во всем. Сопротивляться не буду.

Губы Холмса скривились в нетерпеливой улыбке.

– Полагаю, мистер Клеменс, в дневное время любой из ваших гостей мог зайти в бильярдную и отпечатать четыре десятка карточек?

– Да, наверное. – Клеменс зажал сигару в зубах и вновь подошел к бильярдному столу. – Даже и ночью никто, кроме меня, не удивился бы стуку клавиш.

Джеймс прочистил горло и спросил:

– Последние годы, путешествуя по Англии и Европе, вы обходились без пишущей машинки?

Клеменс наклонился над бильярдом и, выставив локти, нацелил кий. При всей странности его поза была не лишена изящества.

– Последние годы в Европе я писал от руки либо нанимал стенографистку с пишущей машинкой.

– Я попросил бы вас, мистер Клеменс, – сказал Холмс, – если возможно, представить мне список слуг за восемьдесят шестой год вместе с их последними адресами.

– Список должен где-то быть, – проворчал Клеменс. – Я найду его сегодня до отъезда. А сейчас можно нам вернуться к игре?

– Разумеется, – ответил Холмс.

Клеменс запустил белый шар в беспорядочное скопление цветных. Три из них, задетые прямым ударом или рикошетом, скатились в три лузы. Клеменс выпрямился и потер кончик кия мелом, Хоуэллс, нахмурившись, склонился над столом.

– В бильярде такое случайное везенье зовут «негритянским счастьем», – сказал Клеменс.

– Держали ли вы гостевые книги с восемьдесят пятого года и до тех пор, как отправились путешествовать? – спросил Холмс.

– Да, – ответил Клеменс. – Кажется, мы их не убирали, а у Джона с Алисой свои гостевые книги. В том столе, за которым вы сидите, мистер Холмс, есть ящик... да, просто приподнимите скатерть...

Холмс вытащил четыре переплетенных в кожу альбома восемь на двенадцать дюймов.

– Если позволите... – начал детектив.

Клеменс кивнул.

Хоуэллс ударил по белому шару, тот отскочил от двух других, ударился об один бортик, о другой и скатился в лузу.

– Три тысячи чертей, – пробормотал бывший редактор.

– Я положу их как следует, и начнем снова, – сказал ему Клеменс. – Не пойму, отчего лузный бильярд нравится мне больше карамболя, которому я

в молодости отдал столько денег, времени и сил. В Англии и Европе почти все столы без луз.

Покуда Клеменс доставал белый шар из лузы и подкатывал остальные к середине, где ждал деревянный треугольник, Холмс сказал:

– Мистер Клеменс, как я вижу, у вас гостили сотни людей... в год.

– Да, и... – Клеменс явно собирался что-то сказать, но передумал. – Мне нечего скрывать, мистер Холмс. Я совершенно спокоен, ибо тайно уничтожил страницы, на которых мадам Лафарж с ее трупной исполнительницей танца живота записали свои имена и впечатления от визита.

Холмс поднял взгляд от альбомов, наполненных сотнями закорючек:

– С вашего позволения...

– Конечно-конечно, – ответил Клеменс. – Эти четыре гостевые книги охватывают промежуток с восемьдесят пятого года по июнь девяносто первого, когда мы отплыли в Европу. Возьмите их с собой, но пусть Хэй потом вернет мне все четыре в первоизданном виде. Я убежден, что в будущем мои биографы всерьез займутся этими книгами – как только промокнут кляксу на моей последней строчке.

– Спасибо, – пробормотал Холмс, – но мне нет надобности брать ваши гостевые книги. Довольно будет запомнить страницы за декабрь восемьдесят пятого и за весь восемьдесят шестой.

Он начал листать страницы, ведя пальцем по каждой.

– Вы заучите сотни страниц из подписей и отзывов, просто взглянув на них один раз? – с нескрываемым сомнением полюбопытствовал Клеменс.

Холмс остановил палец на странице и поднял глаза:

– Увы, такая память у меня с детства. Я могу вспомнить все, однажды увиденное. Это скорее проклятие, чем дар.

– Однако это должно быть чрезвычайно полезно для вашей профессии, – заметил Хоуэллс.

– Иногда весьма, – ответил Холмс. – Однако мне потребовались годы, чтобы научиться забывать ненужное.

– Напомните мне никогда не играть с вами в покер, мистер Холмс, – сказал Сэм Клеменс.

Однако сыщик вновь погрузился в гостевую книгу за 1886 год. Его палец быстро скользил по страницам.

Клеменс пожал плечами и жестом пригласил Хоуэллса продолжить игру. Тот нагнулся, прицелился по белому шару и запустил его в треугольник цветных. Шары раскатились в разные стороны, один попал в лузу. Хоуэллсу удалось загнать еще по одному со второй и третьей

попытки, четвертая не удалась.

– Я полагаю, мы играем в восемь шаров, Сэм, – сказал он.

– Ах-ха! – воскликнул Клеменс, стряхивая пепел в пепельницу. – Предполагать опасно, Хоуэллс! На самом деле мы играем в стрейт-пул до пятнадцати очков.

– Что вы можете рассказать мне о технике игры в бильярд на основании того, что я уже сегодня видел? – спросил Генри Джеймс, пока Клеменс прицеливался для второго удара.

– Наблюдая за Хоуэллсом и мной, – ответил Клеменс, – вы видите, что, когда шар близок к цели, надо поднять одну ногу, затем одно плечо и дернуться всем телом в направлении катящегося шара, а когда он ударит в другой шар, резко вскинуть обе руки вверх. При этом вы, скорее всего, разобьете кием газовую лампу и устроите пожар, что Хоуэллс неоднократно демонстрировал в этой самой комнате, но не огорчайтесь: вы сделали для победы все, что могли.

* * *

Игра продолжалась, Клеменс выигрывал. Тут Холмс закончил читать толстую гостевую книгу, захлопнул ее и сказал:

– В феврале восемьдесят шестого у вас гостили Ребекка Лорн и ее кузен!

– Лорн? Лорн? – повторил Клеменс, встряхивая седой гривой. – Ах да! Я помню эту женщину и ее застенчивого кузена... как его? Карлтон? Нет... Клифтон. Я бы не подумал, что это было в феврале восемьдесят шестого, так скоро после самоубийства Кlover.

– Как вы познакомились? – спросил Холмс.

– Я впервые увидел мисс Лорн летом восемьдесят пятого... нет, в начале осени, сразу после открытия Конгресса... Я несколько дней прожил у Хэя и Адамсов: мне надо было выступить перед комитетом Конгресса в защиту моих авторских прав. Как мне помнится, мисс Лорн очень много времени проводила с миссис Адамс... с Кlover. Генри Адамс весь извелся, что Кlover несчастна... оттого-то я и перебрался от него к Хэю. Ребекка Лорн единственная из приятельниц регулярно навещала ее в эти черные дни.

– Но как случилось, что мисс Лорн и ее кузен провели у вас сутки через месяц после смерти Кlover? – спросил Холмс. – У вас завязалась с нею отдельная дружба или переписка?

– Нет, конечно! – воскликнул Клеменс. – Они просто приехали засвидетельствовать свое почтение. Это было воскресенье в середине месяца, если не путаю.

– Четырнадцатого февраля, – сказал Холмс.

Пристальный взгляд его серых глаз мог бы напугать Клеменса, если бы писатель-юморист не уставился в пространство, силясь припомнить Ребекку Лорн и ее визит.

– Верно, – сказал Клеменс, – но не забывайте, детектив, что это было больше семи лет назад. Мисс Лорн и ее кузен приехали засвидетельствовать почтение, поскольку знали – по крайней мере, мисс Лорн знала, – что я много лет дружил с Кловер Адамс. Они остались ночевать из-за снежной бури, разыгравшейся в тот день. Помню, Ливи уговаривала их не ехать на станцию... кажется, они направлялись в Бостон, и не в гости, а переезжали туда совсем.

Клеменс оперся на кий, испачкав манжету канифолью, и поглядел на Холмса так же пристально, как сыщик мгновение назад смотрел на него.

– Почему вас так интересует мисс Лорн, мистер Холмс? Она... подозреваемая?

– Она – неизвестный фактор, мистер Клеменс, – ответил Холмс, бестрепетно выдерживая его взгляд. – Миссис Адамс... Кловер... была знакома с Ребеккой Лорн всего год, однако чрезвычайно сблизилась с нею в последние месяцы и недели до своего так называемого самоубийства.

– Так называемого?! – рявкнул Клеменс. – Что же еще это могло быть, мистер Холмс? Генри Адамс сам нашел еще теплое тело после того, как она выпила цианид, приготовленный для фотографий.

– А мисс Лорн в это время стояла перед домом, – заметил Холмс. – Возможно, она последняя видела Кловер живой.

– У вас неверные сведения, мистер Холмс, – гневно отвечал Клеменс. Его лицо над белыми усами потемнело. – Я знаю от самого Генри Адамса, что он встретил мисс Лорн на Эйч-стрит в шестнадцать часов семь минут: она ждала перед закрытой дверью, поскольку никто не ответил на ее звонок.

Холмс кивнул:

– Вы знаете от самого Генри Адамса, что женщина, называющая себя Ребеккой Лорн, сказала ему, будто ждала перед дверью, поскольку ей не открыли. Однако остается вероятность, что за короткое отсутствие мистера Адамса мисс Лорн успела побывать у миссис Адамс и в шестнадцать ноль семь выходила из дома, а не ждала перед ним.

– Домыслы! – воскликнул Клеменс.

– Возможный вариант, – ответил Холмс.

– И что вы имели в виду, говоря «женщина, называющая себя Ребеккой Лорн», сэр? Кем еще она может быть?

– Интересный вопрос, – сказал Холмс.

Джеймс, с живым интересом наблюдавший за их перепалкой, ждал, что сыщик сейчас изложит свою теорию, согласно которой Ребекка Лорн – знакомая ему Ирэн Адлер. Вместо этого Холмс спросил юмориста:

– Во время недолгого визита мисс Лорн в Хартфорд или при встречах с нею в Вашингтоне не создало ли у вас впечатления, что ей знакома театральная жизнь?

– Театральная жизнь... – повторил Клеменс, раскуривая новую сигару. – Не понимаю, о чем вы... Хотя погодите... погодите... Сейчас, после ваших слов, я вспомнил, как сказал Ливи: «Эта женщина играла на сцене». Да, клянусь Богом!

– Она сама вам сообщила? – спросил Холмс.

– Нет, конечно! – рассмеялся Клеменс. – Но как-то за ужином ее кузен Клифтон сел не на тот стул – рядом с нею, что в гостях не принято, – и она заметила: «Не в твоём амплуа». Другой раз мы играли в бильярд. Миссис Лорн, или кто там она на самом деле, играла чертовски хорошо. Когда ее кузен собрался бить, она сказала ему: «Сломай ногу». Насколько я знаю, это пожелание принято только между актерами.

– Вы и впрямь полагаете, что Ребекка Лорн могла находиться с Кловер Адамс, когда та... когда яд был выпит? – спросил Уильям Дин Хоуэллс, по-прежнему стоя с кием в руке. Он так долго ничего не говорил, что сейчас все взгляды обратились к нему.

– Возможно, – ответил Холмс. – Более вероятно, что женщину, именуемую себя Ребеккой Лорн, поставили у дверей караулить, чтобы та подняла шум, если Генри Адамс вернется раньше времени... как и случилось.

Джеймс сморгнул. Он впервые слышал от Холмса такую версию событий, и картина рисовалась довольно страшная.

– Поднять шум... – повторил Клеменс, явно не понимая, к чему клонит сыщик.

– Чтобы человеку, которого она называла кузеном Клифтоном, не помешали в том, чем он занимался, – сказал Холмс.

– Однако Адамс поднялся прямиком на второй этаж, – возразил побледневший Хоуэллс. – И увидел лишь тело Кловер на полу.

– Хотя его прежний дом был меньше нынешнего, там тоже была лестница для слуг, – ответил Холмс. – Я навел справки.

Сэм Клеменс выдохнул облако дыма:

– Значит, он мог тихо спуститься по черной лестнице, пока бедный Адамс поднимался по парадной. И выскользнуть через заднюю дверь. – Он повернулся к Холмсу. – Вы знаете, кто на самом деле этот «кузен Клифтон»?

– Да, – ответил Холмс без тени торжества в голосе. – Первые записи о человеке с таким именем появляются в Вашингтоне за шесть месяцев до смерти Кловер Адамс. «Клифтон» тогда поступил работать в Госдепартамент, в отдел фотографических принадлежностей. Именно он принес Кловер Адамс новый раствор для проявки снимков – с цианидом. Он уволился – или исчез – в январе восемьдесят шестого, через несколько недель после смерти миссис Адамс. Только вчера мне удалось окончательно подтвердить, что под именем Клифтона скрывался международный анархист и убийца Лукан Адлер.

– Боже! – воскликнул Клеменс, бросая кий на зеленое сукно. – Под нашим кровом останавливались убийцы! Нас могли отравить за нашим столом! Заколоть ночью! Задушить подушкой в собственной постели!

Холмс невесело улыбнулся:

– Возможно, но маловероятно. Их намеченной жертвой были не вы, а Кловер Адамс. Они много месяцев сжимали вокруг нее кольцо.

– Но зачем? – спросил Клеменс. – Кловер случилось задеть многих известных людей, но едва ли ее ненавидели настолько, чтобы убить.

– Именно это я и хочу выяснить, – ответил Холмс. – В данную минуту меня терзает опасение, что бывшая актриса и авантюристка Ирэн Адлер вместе со своим сыном Луканом Адлером убила миссис Адамс ради того, чтобы привести меня в Штаты.

Трое собеседников молча вытаращились на детектива. Наконец Джеймс спросил:

– Вы хотите сказать, чтобы привести вас в Америку в декабре восемьдесят пятого или зимой восемьдесят шестого?

– Нет, – ответил Холмс. – После того, как Нед Хупер покажет мне карточку с надписью «Ее убили». Привести меня сюда *сейчас*.

Минуту все молчали. Затем Клеменс взял кий Хоуэллса, поставил его к стене рядом со своим и сказал:

– Пожалуйста за мной, господа.

Джеймс думал, что Клеменс собирается выставить их из дома (экипаж с кучером по-прежнему ждал у входа), но вместо этого хозяин вывел их на открытую веранду второго этажа.

– Садитесь, господа. Можете выбрать любое кресло-качалку, кроме этого. – Он держал за спинку желтое кресло-качалку с заметно вытертыми подушками. – Дай Бог здоровья Джону и Алисе за то, что они оставили все на своих местах.

Все сели. Хоуэллс и Джеймс зажгли сигареты, Холмс раскуривал трубку. Клеменс извлек из кармана очередную сигару, скусил кончик, выплюнул его с балкона, чиркнул спичкой и с блаженным стоном затянулся. Джеймс иногда курил сигары, однако не считал себя знатоком. По запаху дыма он мог определить только, что сорт у Клеменса дешевый.

Клеменс поймал его взгляд:

– Когда-то я курил сигареты, как и вы, мистер Джеймс. Однако Оливия сказала, что это омерзительная привычка и, безусловно, вредная для моего здоровья. Так что, исходя из принципа, что единственный способ избавиться от дурной привычки – заменить ее еще более дурной, я перешел на сигары.

Хоуэллс прыснул со смеху, хотя наверняка слышал эту шутку далеко не первый раз.

– Однако я все же последовал совету Ливи быть умереннее, мистер Джеймс, – продолжал Клеменс, – и редко курю больше одной сигары одновременно.

– А вы не пытались бросить, мистер Клеменс? – спросил Холмс.

Джеймс тут же вспомнил про его шприцы и приверженность к тому, что уж там он себе впрыскивал каждый день. Холмс тоже курил без остановки, чередуя сигареты и трубку. Неужели сыщик и впрямь интересуется, пробовал ли Твен побороть пристрастие к табаку?

– О, разумеется, – рассмеялся Клеменс. – Бросить курить просто, я делал это сотню раз.

Хоуэллс улыбнулся, Холмс кивнул, давая понять, что оценил шутку. Джеймс знал, что все это – заранее придуманные и отрепетированные строчки, много раз произнесенные со сцены на публику, но не обижался. Очевидно, Клеменсу публика была нужна постоянно.

Сейчас Клеменс на какое-то время умолк. Остальные тоже не разговаривали; слышался лишь нестройный скрип четырех качалок, пение птиц и шелест ветра в древесных кронах. Джеймс гадал, не слишком ли рано в этом году распустились листья на каштанах, буках и кленах. Деревца кизила еще стояли в цвету. Генри Джеймс вспомнил, как отступает

с боями кембриджская зима, вспомнил апрельские метели в тот год, десять лет назад, когда умерли родители и он остался разбираться с их страховками, долгами и денежными обещаниями. Вспомнил, как они с Алисой Джеймс – *другой* Алисой Джеймс, женой Уильяма, – умоляли брата не возвращаться из Англии, куда тот уехал на год. Его присутствие только безнадежно усложнило бы и без того запутанную историю с выплатами Уилки и остальным, с отказом Генри от своей доли скромного отцовского наследства в пользу сестры Алисы, с ролью во всем этом Алисы и тети Кейт. В конце концов Уильям все же остался в Англии, но до того прислал сотню писем с обещанием сесть на первый же пароход в Америку.

Для Генри Джеймса то были печальные месяцы, но его согревало чувство, что он сейчас – бесспорный глава семьи, разбирается с ее финансами и будущим. Ему нравилось действовать самостоятельно и не ощущать постоянное давящее присутствие старшего брата.

Ветер вновь прошелестел в листве, и Джеймс залюбовался видом с веранды. Отсюда можно было различить беседку, явно нуждающуюся в покраске, – ту самую, где Клеменс звездными ночами беседовал с Гарриет Бичер-Стоу. По крайней мере, если верить его словам. Джеймс читал, что миссис Стоу очень стара, почти не встает с постели и после смерти мужа утратила интерес к жизни.

Джеймс прочел «Хижину дяди Тома» в 1852-м, всего через год или два после первой публикации. Генри Джеймсу-младшему было в ту пору всего десять лет, но даже тогда он увидел в грубой мелодраме пропагандистский заряд, ради которого она и писалась: стереотипы и нехудожественные преувеличения, а не зарисовки с натуры. Он чувствовал гневное возмущение, родившее эти строки, и уже тогда знал совершенно точно, что никогда не напишет, не создаст, не изобразит ничего под влиянием подобной безбрежной страсти. Еще не определив, что выберет в жизни, десятилетний Генри Джеймс понимал, что его труды будут *рассудочными*: тщательно продуманными и спланированными, сознательными, выверенными.

Сэмюэль Клеменс развернул кресло-качалку, чтобы смотреть прямо на Джеймса, и сказал:

– Я обедал во Флоренции с вашим братом Уильямом всего несколько месяцев назад.

У Джеймса упало сердце.

– Вот как? – вежливо спросил он.

Разумеется, Уильям написал ему о встрече. Разумеется, Уильям счел важным сообщить, что удостоил своей беседы мужлана, который

презрительно отозвался о «Бостонцах» его младшего брата Гарри. Однако под конец, после множества итальянских блюд и нескольких бутылок вина, эти два человека в одном – Марк Твен и Сэмюэль Клеменс – все же произвели на Уильяма глубокое впечатление.

– Мы проговорили допоздна – пока официанты не начали стучать швабрами и покашливать, намекая, что флорентийские рестораны в это время давно закрыты, – сказал Клеменс. – И последние два часа разговора я почти не говорил, только слушал вашего брата.

«Ничуть не сомневаюсь, – подумал Генри Джеймс. – Я, его жена, большинство собеседников – все в конечном счете только слушают».

– Масштаб его мысли совершенно меня поразил. – Клеменс повернулся к двум другим гостям. – Знаете ли вы удивительную книгу «Основания психологии» мистера Уильяма Джеймса?

Холмс просто кивнул, Хоуэллс отвечал с притворным гневом:

– Знаю ли я ее? Сэм, я не просто написал один из первых хвалебных отзывов на эту книгу, но *самолично рекомендовал ее вам*. Если меня не подводит память, я купил второй экземпляр и отправил его вам по почте с настоятельным советом прочесть, несмотря на ваше отвращение к «сухим» текстам. А она меня не подводит.

– Потрясающая книга, – продолжал Клеменс, как будто Хоуэллс ничего и не говорил. – Однако за время разговора во флорентийском ресторане Уильям Джеймс еще подробнее разъяснил то, что в его эпохальной книге определяется как «личность» и «я».

«О боже», – подумал Джеймс. Силясь успокоить мысли, он вновь устремил взгляд на далекую беседку.

– Мистер Холмс! – воскликнул Клеменс, подаваясь к худощавому сыщику, одетому, несмотря на теплый день, в плотный черный костюм с длинным черным шарфом. – Нравится ли вам быть сыщиком?

– Это моя профессия, – ответил Холмс после совсем короткой заминки.

Клеменс кивнул, как будто ответ полностью его удовлетворил:

– Опубликованные рассказы о ваших приключениях очень популярны и здесь, и, как я понимаю, в Англии.

Холмс промолчал.

– Довольны ли вы тем, как изображают ваши приключения доктор Ватсон и мистер Дойл?

– Я не имел удовольствия познакомиться с мистером Дойлом, – спокойно ответил Холмс. – Что до писаний доктора Ватсона, я не раз говорил ему, что в его сочинениях ошибочно подчеркнута драматичность и даже, должен признать, мелодраматичность в ущерб холодной и точной

дедукции, которой он мог бы поделиться с внимательным и умным читателем.

Холмс, подавшись вперед, оперся на трость и продолжил:

– Более того, Ватсон и его литературный агент, мистер Дойл, очень боятся упоминать в напечатанных рассказах известных общественных лиц или даже частных, а равно точные даты событий и названия мест. Чаще всего это приводит к неразберихе. Многие опубликованные истории полностью расходятся с записями в моем архиве.

– Но вам нравится быть сыщиком? – вновь спросил Клеменс.

– Это моя профессия, – повторил Холмс.

Клеменс рассмеялся и хлопнул себя по колену:

– Клянусь Богом, я напишу книгу под названием «Том Соьер – сыщик». Соединив моего любимого героя и вашу профессию, сэр, мы продадим миллион экземпляров.

Холмс промолчал.

– Закуривайте, джентльмены! – воскликнул Клеменс. – Ибо сейчас я изложу блестяще растолкованную мистером Уильямом Джеймсом разницу между «я» и «личностью» в каждом из нас и продемонстрирую мистеру Холмсу, почему он, возможно, прав, не веря в свою реальность!

Глава 25

– Уильям Джеймс, брат нашего друга, рассматривает «я» каждого из нас как действующий субъект – то есть ту часть нашего сознания или бытия, которая ставит цели и понуждает совершать поступки для достижения этих целей, будь то желание подойти к красивой девушке или считаться величайшим писателем современности, – сказал Клеменс, попыхивая сигарой. – Никто не будет спорить с таким определением?

Некоторое время все молчали. Джеймс слушал шелест ветра среди листвы. Наконец Холмс ответил:

– Оно представляется самоочевидным почти до банальности.

– Именно! – воскликнул Клеменс. – Тогда, возможно, вы согласитесь и с другим определением мистера Уильяма Джеймса. Он рассматривает «личность» как объект самопознания, когда мы размышляем о собственных чертах, например: «Приятен ли я в общении?», убеждениях: «Действительно ли я верю во всемогущего Бога?» или «Правда ли я люблю шоколад?» или состояниях: «Злюсь ли я на мистера Клеменса за то, что он отнимает у меня время такой чепухой?» и так далее.

– Как это относится к вопросу, существует ли мистер Холмс? – спросил Хоуэллс.

Клеменс тронул старого друга за колено:

– Терпение, Хоуэллс, терпение. – Он сцепил руки на груди и вновь закачался в кресле. Потом вынул изо рта сигару и стряхнул пепел на дощатый пол. – Уильям Джеймс, брат нашего друга, объяснил мне, что эти две части каждого из нас – познаваемая личность и познающее «я» – непрерывно взаимодействуют и порой активно состязаются друг с другом.

– Как такое возможно? – спросил Холмс. – Внутренняя сущность человека, его, так сказать, душа, не может разделиться сама в себе.

– Не может? Разве каждый из нас не чувствует глубокого внутреннего разлада? Мы спрашиваем себя: «Хороший ли я человек?» – и надеемся, что это правда, в то время как наше «я» эгоистично или бездумно обижает наших жен, детей, близких друзей. Разве вы не встречали, мистер Холмс, законченных негодяев, даже убийц, которые уверяют, будто они – достойные люди, а их гнусные преступления – временные отклонения, совершенные помимо воли?

– Встречал, – ответил Холмс после недолгого молчания. – Но я по-прежнему не понимаю, какое отношение это имеет к вопросу, реальный я

или вымышленный, существующий лишь в воображении некоего писателя.

Клеменс кивнул и стряхнул пепел:

– Наше суденышко тяжело нагружено, но мы надеемся в конечном счете добраться до берега, мистер Холмс. «Я» в нас действует; глядя на себя со стороны, мы взвешиваем собственные поступки и находим им оправдание. Таким образом познаваемый объект становится тем, что брат мистера Джеймса называет «эмпирической личностью» – той личностью, которую видят другие и которую знает мир. – Он выдохнул дым и достал из жилетного кармана сложенный лист бумаги.

Все молчали. Клеменс развернул бумагу, отвел ее на расстояние вытянутой руки и начал читать:

– Как пишет ваш брат, мистер Джеймс: «Физическая природа ограничивает наш выбор одними из многочисленных представляющихся нам и желаемых нами благ, тот же факт наблюдается и в данной области явлений. Если бы только было возможно, то, уж конечно, никто из нас не отказался бы быть сразу красивым, здоровым, прекрасно одетым человеком, великим силачом, богачом, имеющим миллионный годовой доход, остряком, бонвиваном, покорителем дамских сердец и в то же время философом, филантропом, государственным деятелем, военачальником, исследователем Африки, модным поэтом и святым человеком. Но это решительно невозможно. Деятельность миллионера не мирится с идеалом святого; филантроп и бонвиван – понятия несовместимые; душа философа не уживается с душой сердцееда в одной телесной оболочке. Внешним образом такие различные характеры как будто и в самом деле совместимы в одном человеке. Но стоит действительно развить одно из свойств характера, чтобы оно тотчас заглушило другие. Человек должен тщательно рассмотреть различные стороны своей личности, чтобы искать спасения в развитии глубочайшей, сильнейшей стороны своего «я». Все другие стороны нашего «я» призрачны, только одна из них имеет реальное основание в нашем характере, и потому ее развитие обеспечено. Неудачи в развитии этой стороны характера суть действительные неудачи, вызывающие стыд, а успех – настоящий успех, приносящий нам истинную радость».

[20]

Наступила долгая тишина – как всегда в компании, которой только что зачитали длинный отрывок, затем Хоуэллс проговорил скорбно:

– Сэм, каким образом у вас в руке оказался именно этот отрывок?

Клеменс ухмыльнулся и глянул на Генри Джеймса:

– Я вырвал страницу из книги его брата у себя в библиотеке десять минут назад.

– Стыдитесь! – воскликнул Хоуэллс.

– Лучше сломать хребет человеку, чем корешок книге, – пробормотал Джеймс.

– Корешок не пострадал, – ответил Клеменс. – Но я сознаюсь, что и впрямь преступно вырвал лист из прекрасной книги Уильяма. Страница... – Он глянул на оба оборота. – Страницы триста девятая и триста десятая.

– Непростительно, – сказал Хоуэллс.

– Постараюсь вклеить его на место, – промолвил Клеменс. – Как вы знаете, я не чужд переплетному делу. – Он повернулся к Шерлоку Холмсу. – Разве этот отрывок не уверил вас, что, даже если вы придуманный персонаж, ваши успехи и неудачи все равно остаются вашими?

– Нет, – ответил Холмс. – Если я – пешка некоего литератора, то не могу назвать своими ни мои успехи, ни мои неудачи.

Клеменс вздохнул.

Хоуэллс сказал:

– С эмпирической личностью, которая состоит из суммы наших поведений, решений и обладаний, все замечательно. Но как насчет «я»? Где оно?

Никто не ответил, так что Джеймс откашлялся и произнес:

– «Я» знает все прошлые мысли и присваивает их, оставаясь вне времени, ибо «я» и есть мысль в каждый конкретный момент. Она постоянно меняется, но присваивает себе предшествующую мысль вместе с тем, что эта предшествующая мысль считала своим.

Остальные глянули на него так, будто он испортил воздух. Хоуэллс ботинком тушил окурок на полу, Холмс держал руки с трубкой на коленях.

– Видите ли, – продолжал Джеймс, понимая, что лучше было бы помолчать, – логика Уильяма такова: раз поток сознания в каждом из нас постоянно меняется, нет никаких оснований предполагать за потоком некую фиксированную сущность – душу, дух или эго как таковое. Скорее, это импульсы сознания – мысли, объединенные между собой и включающие, помимо прочего, сиюминутные ощущения тела. И Уильям считает, что эти мысли как суверенное «я» способны помнить и присваивать предыдущие мысли потока. Однако «я» постоянно меняется, постоянно течет – одна струя в большом потоке сознания.

Сэм Клеменс бросил окурок сигары через перила.

– Ага. Примерно об этом мы с мистером Уильямом Джеймсом болтали во Флоренции – по крайней мере, к тому времени, когда нам принесли

кофе.

– Мой красноречивый брат изложил вам *это все* на протяжении обычного обеда? – удивился Джеймс.

– Ну что вы! – воскликнул Клеменс. – Это был долгий *итальянский* обед, затем коньяк и кофе, десерт и сыр, потом еще коньяк и еще кофе. Мир был сотворен за более короткое время. По крайней мере, его полуострова и фьорды.

– Но вы говорите о восприятии, Сэм, не о реальности бытия, – сказал Хоуэллс.

– Разве это не одно и то же? – спросил Клеменс. – Мой песик знает меня, посему я знаю себя. Восприятие, господа!

– Мой песик знает меня, следовательно я существую? – сухо произнес Джеймс. – К этому сводится вся философия моего брата?

– Не совсем, – ответил Клеменс. – Ваш брат Уильям объяснил мне, что в самом широком смысле личность человека составляет общая сумма всего того, что он может назвать своим; не только его физические и душевные качества, но также его платье, дом, жена, дети, предки и друзья, его репутация и труды, его имение, лошади, его яхта и капиталы.

– У меня нет яхты, – проговорил Хоуэллс. – *Non navigare, ideo non esse.*

[\[21\]](#)
Джеймс и Холмс неожиданно для себя рассмеялись. Хоуэллс не ходит под парусом, следовательно его нет.

– *Navigo ego, ergo sum,* – сказал Холмс. – Только я не... в смысле, не хожу под парусом.

Теперь даже Сэм Клеменс присоединился к общему смеху.

Внезапно Хоуэллс воскликнул:

– Смотрите! – и указал рукой.

Сквозь кружевную тень на лужайке у дома Гарриет Бичер-Стоу пробежал олень. Он уже исчез в кустах, а четверо мужчин на веранде по-прежнему молчали. Джеймс гадал, не пора ли откланяться. Им с Холмсом предстояла долгая поездка на поезде.

Клеменс перестал качаться и заговорил странным, сдавленно-отрешенным голосом:

– Перед самым моим отплытием из Женевы, на прошлой неделе, моей дочери Сузи исполнился двадцать один год. Меня это почему-то смущает – куда сильнее, чем просто мысль, что теперь она взрослая и никогда больше не будет моей маленькой девочкой, хотя, видит бог, такое осознание тоже дается с трудом. Мой собственный день рождения был в ноябре. Мне исполнилось пятьдесят семь. Помню, я думал, что пусть бы мне лучше

было семнадцать или девяносто семь – сколько угодно, лишь бы не пятьдесят семь.

Все молчали. Джеймс вспомнил про собственный день рождения, до которого оставалось меньше двух недель, и про то, как когда-то давно поклялся себе, что к пятидесяти годами станет признанным мастером. А что на самом деле? Ему еле-еле удавалось пристраивать последние рассказы. Он пытался – в пятьдесят лет! – начать карьеру драматурга, но его решимость слабела с каждым днем.

Джеймс знал, что Хоуэллсу пятьдесят шесть. Клеменсу, как он сам жаловался, скоро пятьдесят восемь. Холмсу, самому молодому из них, тридцать девять.

– Меня спрашивают, почему я так часто возвращаюсь в Соединенные Штаты, несмотря на то что уже давно перебрался в Европу, – говорил Клеменс. – На вопрос: «Зачем вы сюда ездите, мистер Твен?» – я отвечаю: «Отчасти для здоровья, отчасти – чтобы не забыть дорогу». Но главным образом, джентльмены, я пытаюсь убедить себя, что существую, что личность мистера Сэмюеля Клеменса – это не только его платье, жена и дети...

Теперь и его собеседники перестали раскачиваться в креслах. Все трое смотрели на седовласого юмориста.

– Мне снилось, что я родился, рос, был лоцманом на Миссисипи, – чуть слышно продолжал Клеменс. – Мне снилось, что я был старателем и журналистом в Неваде, пассажиром на славном пароходе «Квакер-Сити». Что я написал об этом путешествии очень популярную книгу. Что у меня есть жена и дети, да, и что мы с ними живем на вилле под Флоренцией... Сон этот повторяется и повторяется. По временам я почти верю, будто все так и есть. Но у меня нет способов проверить... *никаких способов*, мистер Холмс, мистер Джеймс, мой дорогой Хоуэллс... ибо любые эксперименты будут частью сна и лишь подкрепят заблуждение. Хотел бы я знать... Хотел бы я знать...

Клеменс опустил глаза, и на какое-то ужасное мгновение Джеймсу почудилось, что тот плачет.

– Знать что, Сэм? – спросил Хоуэллс.

Клеменс поднял взгляд. Его глаза были сухи. Они смотрели отрешенно, устало, затравленно, но слез в них не было.

– Хотел бы я знать, сон это все или явь, – проговорил он.

– Ливи реальна, – сказал Хоуэллс. – Она – безусловная реальность, за которую вы можете цепляться, когда бес меланхолии тянет вас в бездну.

– Ливи... Оливия... – Клеменс кивнул. – Я писал, не так давно, про

Адама и Еву... Он не знал, как наречь новое существо, созданное из его собственного ребра, тяготился ею, досадовал, что она вторглась в мирное течение райской жизни. Но много лет спустя мой Адам переменял взгляды. «Теперь, оглядываясь назад, я вижу, что заблуждался относительно Евы, – говорит он. – Лучше жить за пределами Рая с ней, чем без нее – в Раю».

Джеймс думал, что Клеменс закончил свое длинное отступление, однако тот откашлялся и сказал:

– Когда Ева наконец умерла, после столетий совместной жизни, мой Адам вырезал ей деревянное надгробье и написал на нем: «Где она, там и был Рай». – Юморист огляделся в некотором смущении. – Итак, мы обсуждали, реален ли мистер Холмс. Мистер Холмс... – Он посмотрел прямо на сыщика. – Мистер Холмс, ваша личность будет существовать, куда в мире есть лупы и охотничьи кепки.

И Клеменс пантомимой изобразил, что держит в руке лупу.

Хоуэллс прыснул со смеху.

– О боже! – простонал Холмс и уперся кулаками в колени. – Художника в «Стрэнде», который меня рисует, зовут Сидни Пэджет. Я никогда не имел сомнительного удовольствия быть ему представленным, и он, в свою очередь, ни разу меня не видел. Я не позволяю печатать мои фотографии в газетах, каким бы громким ни было преступление или искусным – расследование. Пэджет лишь по рассказам Ватсона представляет, как я выгляжу и во что одеваюсь. Редакция изначально хотела пригласить иллюстратором его старшего брата Уолтера, так что, возможно, в утешение брату Сидни Пэджет выбрал того моделью для меня. Вернее сказать, для сыщика Шерлока Холмса, каким он изображен в «Стрэнде».

Холмс ударил тростью в дощатый пол.

– Да, у меня есть мягкая кепка с двумя козырьками, но я не хожу в ней постоянно, как на рисунках Пэджета. И да, я впрямь иногда путешествую в длинном шерстяном плаще с пелериной, как, впрочем, и тысячи других английских джентльменов в загородных поездках. А вот лупа, через которую я изучаю частички земли, пепла, волокон и прочие мелкие улики... – Он вытащил из кармана увеличительное стекло без ручки, толстое, в черной оправе – через такое обычно разглядывают детали на карте.

Клеменс и Хоуэллс рассмеялись над этой темпераментной вспышкой, и даже Джеймс невольно хохотнул.

Холмс сидел молча, опершись на трость.

– Что ж, – сказал Клеменс, – хотел бы я иметь нечто столь же характерное, как ваши охотничья кепка, плащ с пелериной и лупа, мистер

Холмс. Видит бог, я люблю, когда меня узнают. Да простит меня Провидение и пресвитериане, я живу ради моей земной славы. Жизнь слишком коротка, на мой взгляд, не хватало еще пройти по ней незамеченным. Не будь охотничья кепка вашим фирменным знаком, мистер Холмс, я бы, наверное, сам стал ее носить. Мне нравится выделяться в толпе.

– Пройдите по немецкому или американскому городу в охотничьей кепке, – сказал Хоуэллс, – и станете самой заметной фигурой в приюте для умалишенных.

Джеймс вновь хохотнул. Шерлок Холмс сказал:

– Носите белое.

– Что-что? – спросил Клеменс. Он как раз достал новую сигару.

– Носите белый костюм... но с обычными черными туфлями, – сказал Холмс.

– Летом я иногда хожу в белых костюмах, – проговорил юморист, раскуривая сигару. – Удобные костюмы из белого льна. И да, с черными туфлями, что в Ньюпорте и в некоторых клубах, куда меня приглашали, – смертный грех и вопиющее неприличие. Но увы, то был лишь один белый костюм среди тысяч других в сезон жары и льняных нарядов.

– Носите их зимой, – сказал Холмс. – Круглый год.

– Круглый год? – Клеменс глянул на Хоуэллса, но тот лишь усмехнулся и пожал плечами. – Тогда-то меня точно запрут в сумасшедший дом!

– При вашей славе, – ответил Холмс, – и седой гриве это будет занятной эксцентричностью, забавной причудой великого человека. Вы будете выделяться в любой толпе по меньшей мере с сентября по май. Белый костюм станет, так сказать, вашим опознавательным знаком в обществе. Смотрите, Марк Твен грядет.

Клеменс рассмеялся вместе со всеми, но в его глазах мелькнул расчетливый огонек.

Генри Джеймс позволил себе проникнуться настроением момента – что случилось с ним крайне редко – и сказал:

– Если кто-нибудь спросит, почему вы носите белые костюмы зимой, мистер Клеменс, ответьте, что крайне опрятны, а черные мужские костюмы – лишь способ замаскировать грязь и копоть. Сколько недель, месяцев, а то и лет проходит между чистками темного костюма? Нет, сэр... вы не желаете быть частью подозрительно темной толпы. Кто чист, тот и праведник, можете сказать вы, и праведнее Марка Твена только его белый костюм.

На сей раз Клеменс запрокинул голову и расхохотался вместе со всеми.

Клеменс отправился с визитами к хартфордским знакомым; дальше у него был намечен обед со старыми коннектикутскими друзьями, у которых юморист надеялся занять денег на свои проекты. Хоуэллс остался с ним. Джеймс и Холмс сели на поезд до Нью-Йорка, чтобы оттуда в тот же вечер ехать в Вашингтон.

– Генри Адамс вернется в ближайшие дни, – сказал Джеймс после пересадки. – Мне немного любопытно, кем вы ему представитесь: отважным норвежским исследователем Яном Сигерсоном или лондонским сыщиком-консультантом Шерлоком Холмсом. Конечно, у вас и у Джона Хэя есть три-четыре дня на решение.

Холмс читал маленький путеводитель по Чикаго, купленный в киоске на Центральном вокзале. Сейчас он поднял голову и глянул на сидящего напротив Джеймса:

– Боюсь, у меня и Хэя нет больше времени на обсуждение этого вопроса. Мистер Адамс возвращается сегодня, и почти наверняка будет дома до нашего с вами приезда.

Джеймс заморгал:

– Но Джон Хэй... и слуги... все говорили... – Он немного успокоился и оперся на трость. – Вы твердо уверены, мистер Холмс?

– Да, мистер Джеймс.

– Так вы представитесь Адамсу как Шерлок Холмс или как мистер Сигерсон?

– Если все пройдет удачно, к завтрашнему утру мы переедем в комнаты по соседству, которые рекомендовал мистер Хэй. Вы точно знаете, что они достаточно удобны?

– В восемьдесят третьем мне подыскала их Кловер Адамс, – ответил Джеймс. – Чистые светлые комнаты. Хэй говорит, у нас с вами будет по угловой спальне-гостиной.

Холмс кивнул:

– Приватность будет на пользу моему расследованию.

Джеймс глянул на бегущий за окном пейзаж: белые домики, кирпичные амбары, вспаханные поля, рощицы в теплом закатном свете, длинные тени, – затем вновь повернулся к собеседнику:

– Как я понимаю, вы предпочли бы предстать перед Генри Адамсом в качестве самого себя. То есть Холмса.

– Это значительно облегчило бы дело, – ответил Холмс.

Следующие полчаса они ехали в молчании.

– Мистер Джеймс, – заговорил наконец Холмс, – быть может, у нас не скоро будет другая возможность поговорить с глазу на глаз, так что позвольте сказать: теория вашего брата Уильяма касательно «личности» и «я» чрезвычайно меня заинтересовала.

Джеймс кивнул и подавил вздох. Он жил в тени старшего брата уже полвека с лишком и, при всей любви к Уильяму, при всем избытке детского желании ходить за ним повсюду и постоянно находиться в его обществе, предпочел бы в пятьдесят лет слышать хвалы собственным трудам и собственным достижениям.

– Я упомянул это, – продолжал Холмс, – потому что вижу тот же анализ полифонического диалога внутренних личностей и особенно духовного ядра, чистого «я», захваченного течением мыслей и событий, которое ваш брат гениально назвал «поток сознания», в ваших произведениях, сэр. В ваших рассказах, романах и персонажах. Меня изумляет, как два брата, разделенные океаном, так мастерски и так близко описывают человеческое мышление – ваш брат с научной стороны, а вы, еще более мощно, с художественной.

Впервые за долгие годы Генри Джеймс утратил дар речи. Наконец он кое-как выговорил:

– Спасибо, сэр. Вы читали мои книги?

Писатель сам слышал, что его голос звучит несколько странно.

– Я читаю и люблю ваши книги уже много лет, – ответил Шерлок Холмс. – По причинам, которые можно не объяснять, я нашел вашу «Княгиню Казамассиму» лучшим исследованием того, как рабочий класс в Англии и Америке втягивается в анархизм... а через него в терроризм.

Джеймс вновь скромно кивнул. Он чрезвычайно любил свою «Княгиню Казамассиму» хотя бы потому, что она была много лучше «Дейзи Миллер» и прочих его вещей про молодых американок в Европе, однако критика приняла ее сдержанно.

Словно вновь читая его мысли, Холмс сказал:

– Я видел рецензию в «Таймс». Вашу книгу критиковали за то, что почти все события в ней происходят по воскресеньям. – Он покачал головой и улыбнулся. – Обозреватель, как и многие представители нашего высшего общества, просто не знает, что у иностранных рабочих, которых вы описали, свободное время бывает только по воскресеньям.

– Вот именно, – сказал Джеймс, который и впрямь изучал жизнь рабочих-иммигрантов для «Княгини Казамассимы»; ни для одной другой книги он не собирал материалы так же серьезно. – Спасибо.

– Я знаю тюрьму, так замечательно описанную в вашей книге. Это Миллбанк, и я видел вас там декабрьским утром восемьдесят четвертого года в сопровождении одного из самых угрюмых тамошних охранников. Он отвел вас в женское крыло, полагая, вероятно, что это зрелище будет для прославленного писателя чуть менее тягостным. Впрочем, охранник с маленьким фонарем шел так далеко впереди, что казалось, будто вы один на узкой железной лестнице, протискиваетесь, задевая плечами холодный камень.

– Да! – в изумлении воскликнул Джеймс. – Однако я за все время не видел там других джентльменов – даже начальника тюрьмы, с которым связался через любезное посредничество знакомого в министерстве, чтобы получить разрешение на визит. Только охранника, весьма угрюмого, как вы справедливо сказали, и к тому же крайне неразговорчивого. Где были вы, сэр? Возможно, доставляли туда схваченного вами и доктором Ватсоном опасного негодяя?

– Я был арестантом, – ответил Холмс, – и видел через крохотный глазок в двери камеры – тюремщики часто ленились его закрывать, – как вы поднимались по лестнице в женское крыло.

– Арестантом?! – ахнул Джеймс. Он понимал, что от этих ужасных слов его черты исказились.

– Я пробыл там чуть менее двух месяцев в арестантской робе, со следами побоев и сильным несварением желудка от миллбанкской баланды. В то время там находился другой заключенный, убийца молодых женщин, как я знал твердо, и моей целью было подобраться к нему поближе. Однако сознаюсь, мистер Джеймс, мне не раз приходила в голову мысль: случись что с инспектором Лестрейдом и начальником тюрьмы, я могу остаться в Миллбанке до конца дней.

– Кто был этот убийца? – тихо спросил Джеймс.

– Выпускник Оксфорда, адвокат Монтегю Друитт. – Взгляд Холмса затуманился, словно смотрел в далекое прошлое. – Он был также школьным учителем, склонным к приступам умопомешательства. Однажды в воскресенье его обнаружили перед школой, где он преподавал. Друитт был весь в крови, а в школе лежало мертвое изрезанное тело его ученицы, некой Мэри О’Брайен. Суд низшей инстанции признал Друитта виновным, однако в Миллбанке он пробыл ненамного дольше меня. У него имелись высокопоставленные друзья, особенно среди юристов, и повторный суд снял все обвинения. Была принята версия Друитта, согласно которой он зашел в школу забрать книги, чтобы подготовиться к урокам на следующей неделе, увидел мертвую Мэри О’Брайен и в растерянности чувств поднял

ее на руки – оттого-то на его одежде и оказалось столько крови. Ножа ни у него, ни в окрестностях школы не нашли, так что суд признал Друитта невиновным. Понимаете, он был джентльмен. Однако я видел тело мисс О’Брайен на месте убийства. Оно было рассечено на куски, и каждый кусок истыкан и исполосован ножом. Даже самый сострадательный джентльмен не взял бы на руки эту работу вивисектора.

– И вы считаете, он был виновен? – спросил Джеймс.

– После того как его отпустили, я нашел нож в сточной канаве, – сказал Холмс. – На рукояти были его инициалы. И я пробыл с Друиттом в той ужасной камере семь долгих недель. Он так и не сознался мне в преступлении, Ватсон... тысяча извинений, мистер Джеймс... но в темном и сыром каземате над Темзой Друитт много раз повторял с нескрываемым торжеством, что преступление никогда не раскроют. Для меня это равносильно признанию.

– И конечно же, Скотленд-Ярд арестовал его снова, после того как вы предъявили нож и рассказали об услышанном в камере? – спросил Джеймс.

– Скотленд-Ярд много чего упустил, мистер Джеймс, включая нож неподалеку от места преступления. И случаи умопомешательства у Друитта в семье. А Скотленд-Ярд не любит афишировать то, что упустили его криминалисты.

– Чудовищно, – проговорил Джеймс. Холмс теперь предстал ему в совершенно новом свете. – И что стало с мистером Монтегю Друиттом?

– После выхода из Миллбанка он успешно вернулся к карьере адвоката, – сказал Холмс. – Когда в восемьдесят восьмом громкую огласку получили убийства, совершенные в Ист-Энде так называемым Джеком-потрошителем, я вместе с мистером Андерсоном из Департамента уголовного розыска изучал различные версии. В то время происходили и другие убийства молодых женщин, но я был уверен, что жертв Потрошителя всего пять: несчастные Чепмен, Страйд, Никколс, Эддоус и некая Мэри Келли, знавшая мисс О’Брайен, убитую в восемьдесят третьем. Улики привели меня к убеждению, что Джек-потрошитель – мистер Монтегю Друитт.

– Но Джека-потрошителя так и не поймали! – воскликнул Джеймс.

– Да, но тело Монтегю Друитта выловили из Темзы тридцать первого декабря тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года, – сказал Холмс. – Полиция сочла это самоубийством.

– Было ли это... самоубийством? – спросил Генри Джеймс.

– Нет, – ответил Холмс. Его серые глаза смотрели так холодно, что Джеймс назвал бы их нечеловеческими, змеиными. Глазами довольной, но

бесконечно печальной змеи.

По рукам и спине у Джеймса побежали мурашки. Он довольно долго молчал, прежде чем заговорить снова:

– Еще раз благодарю вас за добрые слова о «Княгине Казамаассиме». Приятно сознавать, что столь сведущий человек положительно отозвался о ее фактической стороне.

Холмс улыбнулся:

– Помните, где расположена гостиница «Гленхэм», в которой мы вчера обедали с мистером Клеменсом?

– Да, конечно, – ответил Джеймс. – Бродвей, девятьсот девяносто пять.

– Так вот, мистер Джеймс. В пределах десяти ближайших кварталов находится более тридцати пивных, профсоюзных штабов, лекционных залов и даже церквей, где каждую неделю собираются анархисты. Дело в том, что ваши американские анархисты по большей части социалисты, а ваши американские социалисты по большей части немцы. Относительно недавние немецкие иммигранты, если быть совсем точным.

– Никогда бы не догадался, сэр, – сказал Генри Джеймс. – Разумеется, многие рабочие в «Княгине Казамаассиме» – немцы, но это просто из-за господствующих в Англии стереотипов...

– Девяносто девять процентов анархистской деятельности в США связано с немцами из Нижнего Истсайда, – продолжал Холмс, будто Джеймс ничего и не говорил. – Я выяснил, что они живут преимущественно в Десятом, Одиннадцатом и Семнадцатом районах. Немцы называют эту часть Нью-Йорка Кляйндойчланд – Маленькая Германия, как вы, я уверен, поняли и без перевода. Она ограничена с севера Пятнадцатой улицей, Третьей авеню на западе, Дивижн-стрит на юге и Ист-Ривер на востоке. Название Кляйндойчланд известно со времен Войны Севера и Юга.

– Вы же не хотите сказать, что все немецкие иммигранты в Нью-Йорке – анархисты?! – запротестовал Джеймс.

Холмс по-прежнему улыбался.

– Конечно нет, – мягко ответил он. – Я лишь говорю, что поразительно много ваших немецких иммигрантов привезли из Европы социализм и что самые фанатичные социалисты раздувают искру нынешнего анархизма и террора.

– Мне трудно в это поверить, – сказал Джеймс.

– Между тысяча восемьсот шестьдесят первым и тысяча восемьсот семидесятым, – продолжал Холмс, – выходцы из Австрии и Венгрии составили примерно ноль целых три десятых процента ваших

иммигрантов, менее восьми тысяч человек. Между тысяча восемьсот восемьдесят первым и тысяча восемьсот девяностым более шести целых семи десятых процента ваших иммигрантов были немцы и австрияки. Примерно восемьдесят две тысячи человек. Почти все они не двинулись дальше на Запад, а осели в самых густонаселенных районах Нью-Йорка и Бруклина. Их доля продолжает стремительно расти. Демографические исследования в правительственном отделе моего брата Майкрофта уверенно предсказывают, что к тысяча девятисотому году немецкие пролетарии составят почти шестнадцать процентов от общего числа иммигрантов, почти шестьсот тысяч мужчин, женщин и детей, а к девятьсот десятому цифры достигнут двадцати пяти процентов и двух миллионов человек соответственно.

– Однако среди немецких иммигрантов наверняка есть работающие, порядочные... Я хочу сказать, вы упомянули лишь небольшое число немецких пивных, – с запинкой выговорил Джеймс.

– Сейчас, в тысяча восемьсот девяносто третьем году, в Нью-Йорке более двухсот немецких пивных, связанных с анархистским движением, – сказал Холмс. – Многие из них представляют собой то, что называется *Lokalfrage* – безопасные места, где социалисты могут свободно говорить, проводить собрания, открыто обсуждать анархические планы.

Холмс подался вперед, налег всем весом на трость.

– Да, ваши немецкие иммигранты очень работающие, мистер Джеймс. Я могу это подтвердить, потому что трудился с ними в нечеловеческих условиях на нью-йоркских фабриках. Однако большая их часть упорно не желает учить английский. И грамотные среди них – а грамотность в Германии, как вы, без сомнения, знаете, очень высока – прочли и впитали идеи европейских анархо-коммунистических мыслителей, таких как Бакунин. Теперь они читают анархо-коммунистов более воинственного толка: Петра Кропоткина, Эррико Малатесту, Элизе Реклю. Ваши немецкие иммигранты привезли с собой не только готовность тяжело работать шесть дней в неделю, но и ненависть к высшим классам, интерес к анархистским взглядам. Тех, кто готов идти дальше – бросать бомбы, устраивать беспорядки, убивать, – меньшинство, однако достаточно многочисленное.

Холмс рассеянно похлопал по трости, как будто огорчаясь собственным словам.

– Социалисты – и анархисты – собирают в тех же пивных *Lokalfrage* профсоюзные ячейки, певческие общества, группы взаимопомощи. Однако самые опасные из них, мистер Джеймс, хранят там оружие, готовят планы политических убийств. И мы по пути от гостиницы «Гленхэм» могли

миновать десяток таких *Lokalfrage*.

Джеймсу отчаянно хотелось сменить тему. Среди персонажей «Княгини Казамассимы» было много немецких рабочих-иммигрантов, но сам Генри Джеймс никогда не общался с немцем-рабочим. Его знакомые-немцы были профессора, художники, литераторы из Германии. Он сказал:

– Однако человек, которого вы разыскиваете... Лукан Адлер... не из немцев.

– Да, – странным голосом ответил Холмс. – Лукан Адлер не из немцев.

Джеймс видел, что лучше помолчать, и пусть неприятный разговор угаснет сам собой, однако продолжал говорить:

– Поиски человека, стоящего за убийством Кловер Адамс... незаконного сына мистера Себастьяна Морана... для вас ведь это нечто очень личное, не так ли, мистер Холмс?

Сыщик взглянул на него холодными серыми глазами и едва заметно кивнул.

– Наверное, это из-за ран, – сказал Джеймс. – Из-за тех ужасных огнестрельных ран, которые нанес вам Лукан Адлер.

Невероятно, необъяснимо, но Шерлок Холмс улыбнулся. Он запрокинул голову, уже привычным Джеймсу размашистым жестом намотал на шею длинный черный шарф и растянул губы в странной, почти легкомысленной усмешке.

– Ничуть, – был ответ сыщика. – Раны – цена моей профессии. Однако я и впрямь ищу Лукана Адлера не только для того, чтобы уберечь бесчисленных политиков от самого страшного в мире убийцы-анархиста. У меня есть и более глубокие причины. Понимаете, мистер Джеймс, Себастьян Моран забрал Лукана у Ирэн Адлер еще ребенком и воспитал как сына, хотя и не дал ему своей фамилии. Он выучил Лукана темному искусству убийства, передал ему все, что умел сам, и Лукан к двадцати одному году превзошел Морана и в меткости стрельбы, и в жестокости.

Холмс глянул Джеймсу в глаза. Загадочный взгляд сыщика встретился с испуганным, но заинтересованным взглядом писателя.

– Поверьте, у меня больше причин искать Лукана Адлера, чем я могу сейчас вам открыть, – сказал Холмс. – Его необходимо уничтожить. Но прежде я надеюсь с ним побеседовать.

Часть вторая

Треклятый резной каменный крест на фасаде

Генри Адамс проснулся в собственной постели в доме на Лафайет-сквер и в первую минуту не мог понять, где находится. Воздух казался слишком прохладным. Кровать – слишком привычной. Утренний свет – чересчур мягким. И пол отчего-то не качался.

Адамс провел два месяца у друга в Гаване, затем две недели у сенатора Дона Камерона на острове Святой Елены. И то и другое было чудесно, но еще чудеснее оказалось изучать коралловые рифы вместе с зоологом Александром Агассисом, сыном великого зоолога Луи Агассиса, на его комфортабельной яхте «Дикая утка».

Однако теперь он был дома, где после самоубийства жены старался бывать как можно реже, и после ванны облачился в одежду, которую подал ему собственный камердинер, а не слуга Дона Камерона.

Все эти семь лет Адамс страдал от внутреннего одиночества. Он распорядился, чтобы на вокзале его не встречал никто, кроме кучера, и когда фаэтон остановится перед зданием на Эйч-стрит, рядом с домом Хэя, выходящим на Шестнадцатую улицу, надеялся почувствовать радость – хотя бы потому, что закончилось постоянное общение сперва с Филиппом в Гаване, затем с Камеронами, потом с Агассисом и, наконец, снова с Камеронами.

Вместо этого при виде знакомых арок на него навалилась глубокая тоска.

Кlover, разумеется, умерла в другом доме, иначе бы Генри сюда больше не вернулся. Они собирались переехать на Новый год в 1886-м, после двух лет, ушедших на внутреннюю отделку, но Clover выпила свой фотографический яд шестого декабря.

Однако треклятый крест на каменной резьбе над арками был по-прежнему здесь. Крест, который она заказала без его ведома.

Это произошло в июле. Они с Clover жили в Беверли-Фармз. Генри попросил своего друга из Библиотеки Госдепартамента, Теда Дуайта, проследить за выполнением каменной резьбы. Он тогда написал Дуайту: «Если увидите, что каменщики высекают христианский символ, накажите их по-отечески».

Архитектор Г. Г. Ричардсон настаивал, что между окнами над главными колоннами необходим какой-нибудь декоративный элемент, и

Генри предложил Кловер вырезать там павлина, поскольку новый дом с роскошным внутренним убранством, картинами и статуями задумывался на зависть презренному вашингтонскому обществу. Ричардсон хотел вырезать вздыбленного рыкающего льва – быть может, потому, что по ходу строительства этого грандиозного мавзолея для живых заказчик постоянно на него рычал и по любому поводу вставал на дыбы.

Однако Кловер тайно от Генри велела поместить между окнами резной каменный крест. К тому времени, как новость добралась до Беверли-Фармз, крест стал свершившимся фактом. Генри это смущало и раздражало до чрезвычайности. И он, и Кловер были совершенно нерелигиозны и часто подтрунивали над отнюдь не набожными соседями, вплетавшими христианские символы в наружную или внутреннюю резьбу своих новых шикарных домов.

Когда Тед Дуайт написал, что каменщики под руководством Ричардсона по настоянию миссис Адамс добавили крест, Генри ответил, как он надеялся, иронично-легкомысленным письмом, в котором говорилось: «Ваш отчет о кресте наполняет мое сердце печалью и погружает мои губы в кокаин». И добавил: «Не бойтесь, Тед, скоро мы залепим его цементом».

Однако, разумеется, ничего они не залепили. Как Генри писал позже Дуайту: «Это свершивший факт, *fait accompli* в камне, так что мне поздно возмущаться или сетовать, хоть я нахожу это дурным искусством и дурным вкусом. Все мои возражения были тщетными, так что я умолкаю». Впрочем, он попросил Дуайта никому не рассказывать про крест, ибо «вашингтонцы такие сплетники, что лучше не давать им пищу для пересудов».

Видит небо, через шесть месяцев после установки креста Кловер дала всему городу обильную пищу для пересудов на годы вперед. В декабре Генри нашел ее мертвой на ковре в гостиной их Малого Белого дома по адресу: Эйч-стрит, 1607.

Крест между двумя арками служил фоном для медальона с неизвестным крылатым существом. Это был определенно не Пегас. Не совсем грифон. Не дракон – хотя Адамс предпочел бы именно дракона. Что именно Кловер имела в виду, заказывая его архитектору, осталось загадкой по сей день, но уже в роковом восьмьдесят пятом году Генри писал друзьям, что «ч-тов крест и крылатое существо пророчат будущее» и что они «наполняют его страхом».

Они наполняли его страхом и сейчас. Он не мог понять, почему после смерти Кловер не избавился от креста и от крылатого чудища. Может быть,

потому, что в эти семь лет чаще путешествовал, чем жил в доме.

Для Адамса весь тот ужасный год был наполнен знаменьями. Весной 1885-го, когда священник – очень деликатно и сочувственно – пытался внушить Кловер, что ее отец умирает, Генри слышал ее слова: «Нет, нет, нет... все кажется ненастоящим. Я почти не понимаю, что мы говорим или почему мы здесь. А значит, так оно, наверное, и есть: все нереально. Или, по крайней мере, нереальна я».

А знойным, бесконечным, бессмысленным летом в Беверли-Фармз, когда Ричардсон по тайному распоряжению Кловер устанавливал на фасаде их немисливо дорогого нового дома мерзостный барельеф, Генри (и не один раз) слышал, как его жена жалуется сестре: «Эллен, я ненастоящая. Сделай меня настоящей, бога ради. Ты... вы все... настоящие. Сделайте настоящей и меня».

И сегодня утром, завтракая в одиночестве (он часто завтракал, обедал и ужинал в одиночестве на протяжении семи лет, когда оказывался дома между поездками), Генри думал о треклятом каменном кресте, об ужасном жарком лете в Беверли-Фармз, о меланхолии Кловер, которая усиливалась все те месяцы, и о ее... да, о ее безумии.

Затем он решительно выбросил все эти мысли из головы, пошел в кабинет и принялся разбирать груды неотвеченных писем.

* * *

Было уже позднее утро, когда дворецкий тихонько постучал, вошел и объявил:

– К вам мистер Холмс, сэр.

– Холмс! – воскликнул Адамс. – Силы небесные!

Он отложил перо, застегнул пиджак и быстро спустился в прихожую, где Холмс только что отдал лакею шляпу и плащ.

– Мой дорогой Холмс! – воскликнул Адамс, пожимая приятелю руку и одновременно левой рукой стискивая тому локоть – его приветствие для старых друзей, с которыми он на самом деле не так и близок. – Я и не знал, что вы в городе. Заходите! Останетесь на ленч?

– Я только на одну минуту, – ответил Холмс. – Мне надо успеть на часовой поезд в Бостон. Однако я охотно посижу у вас в кабинете и буду рад чашечке кофе.

Адамс распорядился сварить кофе и повел Холмса в кабинет. При своих пяти футах шести дюймах Генри Брукс Адамс никогда не чувствовал

себя высоким – даже среди низеньких американцев девятнадцатого столетия. Однако особенно сильно он ощущал свою малорослость рядом с Оливером Уэнделлом Холмсом-младшим. В отличие от Генри Джеймса, отбросившего чуть понижающий довесок к фамилии десять лет назад, после смерти отца, Холмс в пятьдесят два года по-прежнему звался младшим, ибо его прославленный родитель был еще жив, но в случае Оливера Уэнделла Холмса-младшего даже это скорее добавляло величия.

Сейчас, в прихожей, Адамс внезапно осознал, что с годами его статный приятель только хорошеет. Высокий воротник скрывал единственный недостаток фигуры (чересчур длинную, на строгий взгляд, шею), идеально закрученные усы лишь недавно начали седеть, а расчесанная на прямой пробор шевелюра являла разительный контраст лысине самого Адамса, которая, как тот знал, еще и шелушится после солнечных ожогов на Святой Елене и на яхте Агассиса – от них не спасала даже соломенная шляпа.

Приятель поднялся в кабинет, и дворецкий принес дымящийся кофе. Адамс сидел и думал, что хотя ему всего пятьдесят пять – на три года больше, чем Холмсу, – он обречен лысеть, толстеть и, да, уменьшаться в росте. А Холмс наверняка сохранит величавую осанку до глубокой старости и, возможно, на девятом десятке как раз и достигнет расцвета мужской красоты.

– Что привело вас в Вашингтон, Уэнделл? – спросил Адамс. – Быть может, вы встречаетесь с председателем Верховного суда Фуллером?

– Да, с ним и с президентом Кливлендом, – сказал Холмс, аккуратно отпивая кофе. Он не объяснил, зачем встречается с президентом, а Генри Адамс намеренно не стал спрашивать.

Холмс с 1883 года был членом Верховного суда штата Массачусетс, и знающие люди прочили его на роль председателя. Другие готовы были биться об заклад, что Холмс в ближайшие десять лет станет членом Верховного суда США. Адамс в этом сомневался, но держал своим мысли при себе.

– Как поживает миссис Холмс? – спросил он. – Надеюсь, здорова?

– Да, спасибо, у Фанни все хорошо.

Джон Хэй как-то в беседе с глазу на глаз заметил, что в тоне Уэнделла, когда тот говорит о жене, звучит нотка пренебрежения. Хэй и Адамс согласились, что у Фанни с Уэнделлом редкий пример чисто рассудочного брака.

Холмс опустил чашку с блюдцем на подставку, которую дворецкий пристроил поверх невысокого книжного шкафчика рядом с его креслом, и

сказал в своей обычной прямолинейной манере:

– Я заехал, чтобы расспросить вас кое о каких слухах.

– О слухах? – У Адамса застучало сердце, хотя он и знал, что опасаться нечего. Лиззи Камерон никогда не раскроет содержание их личной переписки – особенно последнего и самого личного письма, которое Адамс отправил ей из Шотландии в Париж несколько месяцев назад. И все равно его пульс участился.

– Насчет гостей Хэя, – сказал Холмс.

Адамс поднял брови:

– Я не знал, что у Джона и Клары какие-то особенные гости. Впрочем, я долго был в отъезде.

– Хэй мне так и рассказал, когда я заглянул к нему несколько минут назад, – ответил Холмс. – Но, может, ваши слуги это обсуждают... мои-то обсуждают точно.

– Ваши слуги в Бостоне обсуждают гостей Хэя?! – улыбнулся Адамс.

– Нет, конечно. Но я в Вашингтоне уже несколько дней и, как всегда, взял с собою камердинера и повара.

Адамс оперся подбородком на сцепленные руки и широко улыбнулся:

– Я еще не успел услышать, о чем шепчутся слуги. Пожалуйста, Холмс, поделитесь со мной сплетнями.

Холмс вскинул руку – Адамс отметил, какие у него длинные пальцы с идеально ухоженными ногтями, – и сказал:

– Достоверно известно, что Генри Джеймс вернулся. Жил у Хэев последнюю неделю или около того, но сегодня я его у них не застал. Он только что переехал в меблированные комнаты по соседству. К миссис Стивенс, если не ошибаюсь.

– Кlover посоветовала Гарри остановиться там в его последний приезд, десять лет назад, – тихо проговорил Адамс.

Холмс нетерпеливо кивнул:

– Я заглянул к миссис Стивенс по пути к вам, но и Джеймс, и второй жилец, который вместе с ним гостил на прошлой неделе у Хэев, уже ушли.

– Интересно, что привело Гарри сюда? – задумчиво проговорил Адамс.

Уезжая из Америки в 1883-м после смерти родителей и всех неприятных хлопот с завещанием отца и собственностью в Олбани, Генри Джеймс в присутствии Адамса клялся, что больше он в Штаты ни ногой. Отныне его дом – Англия и Европа.

– Что бы ни привело, он старается свой приезд не афишировать, – сказал Холмс.

– Интересно – почему бы? Разве что... Но нет, Уильям в добром

здравии, живет вместе с семьей в Италии, или в Швейцарии, или где там еще... С завещанием их сестры Алисы вроде никаких затруднений не было... Мисс Лоринг в прошлом году привезла прах бедняжки для захоронения на фамильном кладбище в Кембридже.

– Может быть, он не афиширует свой приезд из-за спутника, даже, вернее, спутников, – проговорил Холмс, подавшись вперед. – Оба они, насколько я слышал, довольно странные.

Адамс побарабанил пальцами по губам. При встречах в Англии и на континенте он замечал в отношениях Гарри к младшим братьям по перу некую излишне скрываемую пылкость; если сплетня Уэнделла касалась связи Гарри с женщиной, то Адамс решительно не желал ее слышать. Он надеялся, что выражение его лица, оставаясь нейтральным, предостережет чересчур прямолинейного Уэнделла от лишних слов.

– Что за спутники? – спросил Адамс, не выказывая особого любопытства. – Я уверен, это люди безупречной репутации, коль скоро он представил их Хэям.

Ему вспомнились слухи о безумствах Оскара Уайльда. Впрочем, он тут же с улыбкой отогнал эту мысль: Гарри, хоть и обожал сплетни не меньше своих эпистолярных приятелей, в личной жизни был исключительно скрытен.

– Конечно-конечно. Но один из них – Хэй сказал, он съехал несколько дней назад, – якобы не то норвежец, не то швед. Ян Сигерсон. Вы могли слышать про него год или два назад. Какой-то путешественник.

Адамс опустил красивые миниатюрные руки на колени:

– Сигерсон... Сигерсон... да, смутно припоминаю. Норвежец вроде бы. Года два назад его имя мелькало в газетах: он то ли взобрался на какую-то гору, то ли нашел перевал в Гималаях. Или прожил какое-то время в Тибете? Вот это и впрямь событие.

Адамс говорил как бывалый путешественник. После смерти Кловер он почти год скитался по Южным морям вместе с художником Джоном Ла Фаржем. И лишь телеграмма из Парижа... от Лиззи Камерон... заставила его сломя голову мчаться обратно.

Он постарался не думать о тех событиях и заговорил снова:

– Да, я определенно слышал про Яна Сигерсона. Так, значит, он в Америке вместе с Гарри. Странно, однако я не вижу, с какой стати Гарри скрывать своей визит от друзей. Быть может, мистер Сигерсон избегает шумихи, и Гарри не сообщал нам о своем приезде, пока тот не съедет.

– Слуги болтают не о нем, а о втором госте Хэев, тоже спутнике Джеймса.

Холмс достал из жилетного кармана, рядом с которым был приколот ключ «Фи-бета-каппы», часы и проверил время. До вокзала отсюда было совсем близко, и кеб Холмса по-прежнему ждал у дверей.

– Вы хотите, чтобы я угадал, кто этот второй гость? – с дружеской улыбкой спросил Адамс.

– Вы не угадаете и за сто лет, – веским, размеренным тоном ответил судья Холмс. – Это Шерлок Холмс.

Адамс весело расхохотался и даже хлопнул себя по коленям.

– Вы смеетесь, – заметил Холмс.

Старый приятель Адамса – они были знакомы больше тридцати лет – и прежде не отличался чувством юмора, по крайней мере таким, как у Джона Хэя или Кларенса Кинга, а став членом Верховного суда штата Массачусетс, сделался и вовсе серьезным до невозможности.

– Но разве Шерлок Холмс не вымышленный персонаж, создание романиста Конан Дойла? – риторически спросил Адамс. – Гарри что, привез мистера Дойла в Вашингтон?

– Нет, он привез Шерлока Холмса, – повторил Холмс. – Я почти заставил Джона Хэя в этом признаться, хотя он и связан словом. В-первых, его слуги шепчутся, что в доме гостил лондонский детектив, а во-вторых, Клара Хэй под клятвенное обещание молчать рассказала сотне своих приятельниц, что у нее останавливался Шерлок Холмс.

– Может, ваш английский родственник? – с озорной улыбкой спросил Адамс.

– Если так, то я впервые о нем слышу. – Холмс вновь глянул на часы. – Мне пора идти, чтобы разобраться с багажом, прежде чем сесть на поезд.

Но прежде чем он поднялся с кресла, Адамс спросил:

– Этот Шерлок Холмс – тот самый второй жилец миссис Стивенс, которого вы хотели повидать вместе с Гарри сегодня утром?

– Да, – ответил Холмс.

Он уже размашисто шагал к прихожей, где дворецкий, Эддисон, держал наготове его плащ, шляпу и трость.

– Чего вы от меня хотите? – негромко спросил Адамс, когда они остановились в дверном проеме. Хотя март уже близился к концу, утро было довольно холодное. – Смотреть из окна, а потом послать вам отчет, похож ли этот Шерлок Холмс на вымышленного?

– Вы по-прежнему редко обедаете в гостях, Генри? – бесцеремонно поинтересовался Холмс.

– В общем-то да, – ответил Адамс.

За семь лет, прошедших со смерти Кlover, он заработал репутацию

затворника, и теперь его мало кто приглашал к себе, разве что Кларенс Кинг, когда бывал в городе, или Джон Хэй, сосед, – бывшие члены «Пятерки сердец».

– Вы же знаете, как это водится, – услышал Адамс собственный голос. – Примешь чье-нибудь приглашение, потом надо угощать его у себя. Я иногда обедаю с такими же старыми вдовцами, как я, или с молодыми холостяками.

– Хэй позовет вас отобедать в воскресенье с молодым вдовцом, которого мы оба хорошо знаем, а поскольку, как говорят, Шерлок Холмс тоже будет в числе гостей, я надеялся, вы расскажете мне о нем в письме.

– С молодым вдовцом, которого мы оба хорошо знаем... Это же не...

Они как раз проходили под треклятым крестом.

– Он самый, – сказал Холмс, и чуткому уху собеседника почудилось в его тоне что-то вроде раздражения. – Малыш.

– Малыш... о-хо-хо, – только и смог выговорить Адамс.

Он махал отъезжающему кебу (прекрасно зная, что Уэнделл не обернется), пока тот не скрылся за углом.

– Малыш, – пробормотал Адамс, чувствуя, что совершил большую ошибку, вернувшись раньше намеченного срока. – О-хо-хо...

На семь дюймов ниже уровня пола и проседает дальше

Жить у миссис Стивенс Холмсу нравилось гораздо больше, чем в гостях у Джона и Клары Хэй. Да, в этом пансионе он по-прежнему был в одном доме с Джеймсом, однако комната Джеймса располагалась в дальнем конце коридора, и они уже не встречались постоянно и не должны были каждый раз есть вместе. А главное, он наконец получил свободу: у второго этажа была отдельная деревянная лестница и отдельная дверь на улицу, ключ от которой вручался каждому жильцу. Холмс мог уходить и приходить когда вздумается, в любом наряде и гриме, не лоя на себе любопытные взгляды Джеймса или слуг Хэя.

Впрочем, сегодня он был без грима, в лондонском костюме, цилиндре, перчатках, с длинным черным шарфом и тростью, в которой пряталась бритвенно острая трехгранная шпага длиной тридцать дюймов.

На Лафайет-сквер Холмс кликнул кеб и велел отвезти его в Центральный департамент полиции на углу Пятой улицы и Луизиана-авеню. Прибыв на место, он попросил извозчика остановиться напротив ветхого здания полицейского участка.

Менее чем через десять минут оттуда вышел суперинтендант Центрального департамента полиции Уильям К. Мур, с досадой взглянул на часы и кликнул кеб. Холмс велел извозчику следовать за его кебом, хотя и знал, куда тот направляется.

Холмс не был знаком с Уильямом Муром, но изучал его фотографии и сразу узнал аккуратную белую бородку, как у генерала Роберта Ли. Он знал, чем объясняется раздражение суперинтенданта: тот не привык мчаться куда-либо по чьему-либо требованию, а уж тем более в малозначительный Молтби-билдинг по вызову какого-то чиновника из Госдепартамента.

Кеб Холмса остановился на углу Нью-Джерси-стрит и Конститушн-авеню, как раз когда Мур вылез из своего, и чуть не столкнулся с бывшим суперинтендантом Центрального департамента полиции Уильямом Дж. Бруком. Если у Мура бородка была белая и густая, то у Брука – сивая и жидкая, под стать его тощей физиономии.

– Что вы здесь делаете? – начал Мур.

– Я могу задать вам тот же вопрос, сэр, – буркнул Брук.

Оба яро ненавидели друг друга. Что важнее, бывшего суперинтенданта Брука Холмс знал лично. У Брука были причины (по крайней мере, тот так считал) ненавидеть Холмса даже больше, чем нынешнего суперинтенданта Центрального департамента полиции.

Когда они, по-прежнему ворча и требуя объяснений, вошли в здание, Холмс вылез из кеба и расплатился с извозчиком.

На прошлой неделе он спросил Джона Хэя про Молтби-билдинг, упомянув просто, что прошел мимо странного на вид здания. Хэй рассмеялся и объяснил, что лифт внутри с подвохом, поскольку Молтби-билдинг, пятиэтажный дом, приобретенный двадцать лет назад, чтобы обеспечить кабинетами сенаторов, воздвигнут нью-йоркским застройщиком на месте бывших конюшен. По сути, «как почти всё в Вашингтоне», сказал Хэй, здание стоит на песке. Тяжелый лифт начал проседать в песок, увлекая здание за собой, и теперь, чтобы войти в кабину, надо шагнуть примерно на семь дюймов вниз.

– Более того, – продолжал Хэй, все так же посмеиваясь, – кабинеты в Молтби-билдинг вымерзают зимой, в них жарко летом и тесно – круглый год.

«Отлично», – подумал Холмс и телеграфировал брату Майкрофту, чтобы Уайтхолл «вызвал» суперинтендантов Мура и Брука, а также других в помещение Пароходной инспекции на четвертом этаже Молтби-билдинг. Генерального ревизора инспекции, некоего Джеймса А. Дизмонта, Госдепартамент об утреннем вторжении известил заблаговременно, но без объяснения причин. И сейчас, когда растерянный секретарь Дизмонта – Эндрю Маквильямс, если верить табличке на его столе, – провел Холмса в тесный кабинет генерального ревизора, сыщика встретил гул возмущенных голосов, среди которых особенно громко звучал бас Уильяма К. Мура.

Холмс четырежды громко ударил тростью в деревянный пол, и все взгляды обратились в его сторону.

– Джентльмены, – властно сказал Холмс, – я мистер Шерлок Холмс, и вы здесь собрались сегодня по моей просьбе, переданной через Уайтхолл вашему президенту и Госдепартаменту. Мистер Дизмонт, – Холмс кивнул растерянному генеральному ревизору Пароходной инспекции, – ваш кабинет понадобится нам всего на сорок пять минут. Вы и ваш секретарь, мистер Маквильямс, можете часок погулять по улице.

Дизмонт надул щеки, собираясь возразить, но глянул на важных людей у себя в кабинете, кивнул и вышел, тихо притворив за собой дверь. Холмс убедился, что генеральный ревизор и его секретарь покинули приемную,

затем вновь повернулся к багровым от возмущения представителям власти и поднял палец.

– Довольно! – сказал он. – Прежде чем будут высказаны упреки и недовольство, позвольте сообщить, что наша встреча была одобрена ее величеством королевой Викторией и президентом Кливлендом и организована нашим Уайтхоллом и вашим Госдепартаментом именно по соображениям приватности.

– Мой кабинет был бы куда более приватным! – прогремел суперинтендант Мур сквозь белые усы.

– Нет, суперинтендант Мур, не был бы, – отвечал Холмс. – И не только потому, что за входом в здание департамента полиции на углу Пятой улицы и Луизиана-авеню наблюдают лазутчики – шпики, можно сказать, – нанятые местными преступными группировками, но и потому, что некоторые служащие вашего департамента также состоят на жалованье у этих группировок.

– Возмутительные домыслы! – взорвался Мур.

– Столь же возмутительные, как те, что мистер Холмс выдвинул десять лет назад, когда заявил, что мои полицейские продажны! – прорычал бывший суперинтендант Брук. – Из-за этих лживых обвинений меня в восемьдесят третьем сняли с должности.

Холмс кивнул.

– Прискорбно, – мягко проговорил он. – Меня пригласили в Америку расследовать убийство вашего президента Гарфилда. Или, точнее, выяснить, связан ли убийца Чарльз Гито с анархистами, которые позже покушались на жизнь королевы Виктории. Мое расследование показало, что Чарльз Гито действовал в одиночку и на убийство его толкнуло лишь собственное безумие. Однако попутно выяснилось, что многие члены вашего сыскного бюро коррумпированы, в том числе – берут взятки у анархистов.

Брук повернулся спиной к Холмсу, отошел к окну и начал смотреть на улицу.

Не дожидаясь новых протестов Мура, Холмс сказал:

– Позвольте представить еще трех джентльменов, которых президент Кливленд попросил быть на сегодняшней встрече.

Он кивнул на невысокого привлекательного мужчину, который стоял рядом с Бруком у окна. Усы у того были нафабрены и завиты на французский манер, волосы прилизаны; однако массивный подбородок, твердый взгляд и мужественный рот перечеркивали всякое впечатление франтоватости.

– Мистер Уильям Рокхилл, если не ошибаюсь, – сказал Холмс. – Третий помощник Государственного секретаря, отвечающий за связи с британским и европейскими правительствами.

Рокхилл отвесил Холмсу поклон:

– *Un plaisir de vous rencontrer*,^[22] мсье Холмс. – Он поклонился остальным. – Господин вице-президент... Джентльмены...

Холмс указал на высокого молчаливого человека с расчесанными на прямой пробор седыми волосами. Из присутствующих только он и Холмс были чисто выбриты.

– Вы мистер Драммонд, я полагаю?

Высокий мужчина слегка поклонился:

– Эндрю Драммонд, к вашим услугам.

– Мистер Драммонд в настоящее время возглавляет секретную службу Министерства финансов США, – сказал Холмс.

– При чем тут, черт побери, Госдепартамент и министерство финансов? – прорычал суперинтендант Мур. – И кстати, сэр... – тут суперинтендант Мур указал тростью на Холмса, – кто вы такой, черт побери, и по какому праву отдаете указания суперинтенданту Центрального департамента полиции?

Холмс не успел открыть рот, потому что заговорил последний из присутствующих, единственный пока не представленный. До сих пор этот усатый лысеющий джентльмен лет шестидесяти с лишним тихо стоял в уголке.

– Я отвечу на ваш вопрос, суперинтендант Мур, – спокойно произнес он. – Я вице-президент Эдлай Ю. Стивенсон. Мистер Шерлок Холмс, самый знаменитый и уважаемый сыщик-консультант в Англии, собрал сегодняшнее совещание на основании полномочий, полученных от президента Кливленда, который просит вас отнестись к рассматриваемому вопросу чрезвычайной государственной важности со всей возможной серьезностью.

– Господин вице-президент... – запинаясь, выговорил суперинтендант Мур и умолк.

Холмс знал от Хэя и других, что Эдлая Стивенсона, поднятого на съезде Демократической партии 1892 года от помощника почтмейстера до кандидата в вице-президенты, мало кто знал в лицо. (И ничуть не удивился четырем годами позже, в 1897-м, прочтя в лондонской «Таймс» короткую заметку: «На вопрос, спрашивал ли президент Кливленд его мнение хоть по какому-нибудь вопросу, вице-президент Эдлай Ю. Стивенсон ответил: „Пока нет. Но до конца моего срока остается еще несколько недель“».)

– Вопрос, который нам предстоит обсудить, – сказал Холмс, отметив про себя, что даже бывший суперинтендант Брук повернулся от окна в его сторону, – связан с планами анархистов убить ее величество королеву Викторию, а также монархов, императоров и избранных лидеров по меньшей мере двенадцати других государств, начиная с убийства президента Гровера Кливленда в самый день первого мая либо накануне.

* * *

Глава секретной службы Драммонд. Насколько надежны эти данные касательно президента Кливленда, мистер Холмс?

Шерлок Холмс. Весьма надежны, сэр.

Глава секретной службы Драммонд. Есть ли более конкретная информация, или это лишь всегдашняя общая угроза?

Шерлок Холмс. Наиболее конкретная угроза на сегодня заключается в том, что президент Кливленд будет убит первого мая... в день международной солидарности трудящихся, учрежденный Интернационалом после событий на Хеймаркет-сквер... вероятнее всего, когда он будет объявлять открытой Колумбову выставку в Чикаго.

Секретарь Госдепартамента Рокхилл. Будет ли это массовый инцидент, аналогичный событиям на Хеймаркет-сквер, мистер Холмс? С бомбометанием и стрельбой не только в президента, но и в полицейских?

Шерлок Холмс. Такое всегда возможно... но, по нашим сведениям, действовать, скорее всего, будут нанятые анархистами убийцы – двое или даже один.

Глава секретной службы Драммонд. Знаем ли мы, кто эти наемные убийцы?

Шерлок Холмс. Да. Вот фотографии обоих. Старший вам, вероятно, известен... Полковник Себастьян Моран. Младший еще более искусный убийца... двадцатиоднолетний Лукан Адлер... И вот первая его официальная фотографическая пластинка. Осторожнее со стеклом. Можете вы сделать с него контактные отпечатки?

Глава секретной службы Драммонд. Конечно. *(Подносит фотографическую пластинку Кловер Адамс к свету, пока другие тянут шею, сиюсь разглядеть лицо.)* Погодите... этот Адлер совсем мальчишка!

Шерлок Холмс. Фотография сделана почти семь лет назад, господа. Лукану Адлеру было только тринадцать лет... мальчишка, как вы говорите. Однако уже тогда он исключительно метко стрелял из винтовки и прошел

обучение у своего воспитателя, полковника Себастьяна Морана.

Бывший суперинтендант Центрального департамента полиции Брук. Кто сделал фотографию Лукана Адлера?

Шерлок Холмс. Боюсь, что не могу сейчас разглашать эту информацию. Однако заверяю вас, что молодой человек на снимке и впрямь Лукан Адлер и что его лицо, пусть более угловатое и жестокое, сейчас выглядит примерно так же.

Глава секретной службы Драммонд. Откуда вам известно, как он сейчас выглядит, мистер Холмс?

Шерлок Холмс. Я встречал его в недавние годы.

Бывший суперинтендант Центрального департамента полиции Брук (*презрительно смеется*). Что? Прославленный Шерлок Холмс «встречал» нашего убийцу и тот до сих пор на свободе? Как такое может быть? Неужели прославленный сыщик с годами порастерял свои способности?

Шерлок Холмс. Лукан Адлер выслеживал меня, сэр. Два года назад он выпустил по мне три винтовочные пули с чрезвычайно большого расстояния. Я выжил по чистой случайности, за счет того, что пули были со стальной оболочкой – как армейские – и прошли навывлет. Обычные, более мягкие пули могли бы развернуться в теле и пробить легкие, сердце, позвоночник.

(Долгое молчание.)

Суперинтендант Центрального департамента полиции Мур. На основании чего мы должны поверить в этот великий заговор анархистов? В первомайское покушение на президента Кливленда? Во все остальное?

Шерлок Холмс. На основании данных, собранных Секретной службой ее величества. Эти данные подтверждает новый префект парижской полиции Луи Жан-Батист Лепин, а также инспектор Ано из Главного управления национальной безопасности Франции, а равно сведения, добытые бельгийской и французской секретными службами. А главное, джентльмены, мы действуем, исходя из материалов моего расследования бойни на Хеймаркет-сквер, которые я семь лет назад представил полиции Чикаго.

Бывший суперинтендант Центрального департамента полиции Брук. Общее мнение в Соединенных Штатах, мистер Холмс, сейчас таково, что это был фарс, разыгранный несправедливым судьей и чрезмерно рьяными обвинителями. Большинство американцев, мистер Холмс, считают, что пятеро повешенных – мученики за дело рабочего класса, за восьмичасовой рабочий день.

Шерлок Холмс. Если это так, как вы говорите, мистер Брук, то большинство американцев – безмозглые идиоты.

Суперинтендант Центрального департамента полиции Мур. Уже почти нет сомнений, мистер Холмс, что новый губернатор Иллинойса, мистер Альтгебер, помилует трех участников Хеймаркетского инцидента, которым смертную казнь заменили пятнадцатью годами тюрьмы: Шваба, Филдена и Неебе. Они будут полностью амнистированы. Как сказал мистер Брук, американцы теперь считают, что Хеймаркетский процесс был фарсом и что Фишера, Лингга, Парсона, Шписа и Энгеля казнили безвинно.

Шерлок Холмс. Лишь четверых приговоренных повесили, сэр... Энгеля, Шписа, Парсона и Фишера. Лингг, изготовивший бомбу, покончил с собой в камере, раскусив пронесенный в одежде детонатор. Ему разворотило лицо, и все равно он умер лишь через несколько часов.

Бывший суперинтендант Центрального департамента полиции Брук. Однако губернатор Альтгебер и многие, многие другие сейчас, семь лет спустя, говорят, что эти люди были героями рабочего класса.

Шерлок Холмс. Эти восемь человек были убийцами и пособниками убийства, что я убедительно доказал чикагской полиции и суду. В том числе потому, что взломал шифр анархистской газеты «Арбайтер цайтунг», с помощью которого координировалось изготовление бомб, вооружение анархистов и засада, устроенная полиции на Хеймаркет-сквер.

Глава секретной службы Драммонд. Однако полиция так и не задержала бомбиста, Шнаубельта.

Шерлок Холмс. Рудольфа Шнаубельта.

Глава секретной службы Драммонд. Да. Он просто исчез. Испарился. Возможно, навсегда.

Шерлок Холмс. Не навсегда. Пять лет назад я нашел Рудольфа Шнаубельта во Франции.

(Комната вновь наполняется взволнованным говором. Наконец вице-президент Стивенсон поднимает руку. Когда гул затихает, вице-президент Стивенсон поворачивает раскрытую ладонь к суперинтенданту Центрального департамента полиции.)

Суперинтендант Центрального департамента полиции Мур. Я ничего не слышал об аресте Шнаубельта.

Шерлок Холмс. К сожалению, мистер Шнаубельт не дожил до ареста. Он выбросился в окно, пробив своим телом стекло, и утонул в стремительной швейцарской реке. Но прежде он признался мне – вернее будет сказать, похвастался, – что четвертого мая тысяча восемьсот восемьдесят шестого бросил бомбу в полицейских из проулка, выходящего

на Хеймаркет-сквер.

Бывший суперинтендант Центрального департамента полиции Брук. Итак, мистер Холмс, признание Рудольфа Шнаубельта подтверждается только вашими словами.

Шерлок Холмс. Моими и двух незаурядных офицеров полиции, бывших со мной, когда Шнаубельт сделал свое хвастливое признание и затем попытался сбежать.

Глава секретной службы Драммонд. Вы можете назвать имена этих офицеров, мистер Холмс?

Шерлок Холмс. Разумеется. Первым из присутствовавших коллег был уже упомянутый инспектор Лепин, вторым – он же потом помог вытащить тело Шнаубельта из реки – молодой и очень многообещающий младший инспектор бельгийской полиции Эркюль Пуаро. Однако довольно о старых расследованиях. Что вы, джентльмены, намерены предпринять в следующие четыре недели – или даже меньше – для спасения жизни президента Гровера Кливленда?

* * *

Холмс вышел из круга беседующих и прислонился спиной к шкафу, набитому нормативными документами по паровым котлам.

Вице-президент Стивенсон сделал шаг вперед и заговорил:

– Президент дал указание, чтобы эта группа – и те, кого мы сочтем нужным в нее включить, – собиралась еженедельно для обсуждения оперативных вопросов. Я предлагаю воскресенье, десять часов утра.

– Воскресенье! – загремел Брук. – Не пойти на божественную службу с семьей из-за этого... фантазма?! К тому же я больше не состою в правоохранительных органах. У меня нет причин здесь находиться.

– Президент просил включить вас в эту группу, – произнес вице-президент Стивенсон.

– И для чего же, скажите на милость? – спросил бывший суперинтендант Центрального департамента полиции.

– Ко времени вашей отставки сыскное бюро было насквозь коррумпировано, – сказал Шерлок Холмс. – Вы ушли, а многие из тех людей остались и теперь занимают более высокие посты. Детективы, продавшиеся гангстерам или анархистам, – едва ли не главная угроза для наших планов. И здесь необходим ваш опыт. Другими словами, сэр, президент Соединенных Штатов приказывает вам стать тем, что

американские преступники, если не ошибаюсь, называют «крысой».

Брук взорвался чередой нечленораздельных звуков.

– Прекрасно, идем дальше, – сказал вице-президент Стивенсон, как будто в сенате закончили обсуждать какое-то незначительное предложение. – Суперинтендант Мур, расскажите, пожалуйста, какова роль вашего департамента в охране президента.

Суперинтендант прочистил горло:

– Центральный департамент полиции обеспечивает безопасность президента во время его публичных выступлений в городе Вашингтоне.

– Сопровождают ли ваши сотрудники президента на эти мероприятия и с них? – спросил Стивенсон.

– Нет, господин вице-президент.

Бледное круглое лицо с бесцветными усами медленно повернулось.

– Кто сопровождает президента по городу?

Молчание.

– Кто охраняет президента, когда тот находится в своей резиденции?

– Полиция Белого дома, – ответил суперинтендант Мур.

– Она подчиняется вам, суперинтендант Мур?

– Непосредственно – нет, господин вице-президент. – Мур снова прочистил горло. – Мы обучаем новобранцев и отправляем их в это подразделение, но в остальном оно самостоятельно.

– Кто его возглавляет? – спросил Стивенсон.

– Сержант О’Нил, сэр, – ответил суперинтендант Мур.

– *Сержант* О’Нил?!

– Да, сэр.

– Сколько всего людей под вашим началом в Центральном департаменте полиции, суперинтендант Мур?

– Двести, господин вице-президент.

– Не считая полиции Белого дома.

– Да, сэр.

– И каков ее численный состав?

– До этой весны, господин вице-президент, было три человека, – ответил суперинтендант Мур. – Однако в последнее время президент получал столько писем с угрозами его убить, что личный состав подразделения увеличили до двадцати семи человек.

– И они дежурят в три смены круглые сутки?

– Более или менее так, господин вице-президент.

– И значит, в любой конкретный момент времени президента охраняют девять неопытных полицейских.

– Да, сэр, – сказал Мур несколько обиженным тоном. – Однако еще ни у одного американского президента не было такой большой охраны, если не считать Линкольна, которого иногда сопровождала расквартированная в Белом доме федеральная пехота или кавалерия.

– Однако не в тот вечер в театре Форда, – заметил вице-президент Стивенсон.

– Да, сэр, – ответил Мур. – Рядовой, который обычно сидел рядом с президентской ложей, в тот вечер отсутствовал.

– Когда президент Кливленд поедет в Чикаго, чтобы первого мая открыть Всемирную Колумбову выставку, сколько людей из вашего Центрального департамента, или из полиции Белого дома, или военных, если на то пошло, будет его сопровождать? – спросил Стивенсон.

Некоторое время они в молчании смотрели друг на друга.

Наконец суперинтендант Мур сказал:

– Ни одного, господин вице-президент. Когда глава государства находится в другом городе, за его безопасность отвечает полиция этого города.

Повисло долгое, странно напряженное молчание. Стивенсон смотрел на Мура все так же мягко, но воздух как будто наэлектризовался. Затем вице-президент перевел взгляд на рослого главу секретной службы:

– Мистер Драммонд, как я понимаю, в последние месяцы ваш отдел накопил некоторый опыт в охране президента.

– Небольшой, сэр, – ответил Драммонд. – Как вы знаете, у нас есть хорошо обученные и хорошо вооруженные агенты, и последние несколько недель полиция Белого дома время от времени обращалась к нам за подкреплением для защиты президента.

– В Белом доме или за его пределами? – спросил вице-президент.

– Когда он покидает Белый дом, чтобы выступить или просто появиться на публике, сэр, – ответил Драммонд.

– Это функция Центрального департамента полиции, сэр! – возмутился суперинтендант Мур. Очевидно, сейчас он впервые узнал, что секретная служба посягает на прерогативу его ведомства.

Драммонд кивнул:

– Да, суперинтендант, мы знаем. Однако на последних мероприятиях – например, когда на Рождество президент выступал в парке перед большим скоплением народа – от вашего департамента его охраняли лишь трое полицейских в форме. По просьбе полиции Белого дома – вызванной, вероятно, угрозами в адрес президента – мы отправили туда шесть вооруженных агентов в штатском.

– В этом не было надобности, – буркнул суперинтендант Мур.

Не обращая на него внимания, вице-президент Стивенсон спросил:

– Мистер Драммонд, не пробовала ли секретная служба министерства финансов сопровождать президента в его поездках по городу?

– О да! – с блеющим смехом воскликнул бывший суперинтендант Брук. – Шесть агентов в коляске пытались угнаться за президентским экипажем и отстали на Ка-стрит! То-то была комедия! Весь Вашингтон потешался!

Драммонд опустил голову:

– Отправлять за президентом агентов в другом экипаже оказалось неэффективно, господин вице-президент. А президент Кливленд и его советники, понятное дело, не хотят, чтобы агенты находились с ними в одном экипаже.

Вице-президент Стивенсон скрестил руки на груди:

– Мистер Драммонд, если Конгресс поручит секретной службе охранять президента круглосуточно – здесь, в Вашингтоне, и в любых поездках, – сколько времени вам потребуется на подготовку?

Драммонд сморгнул:

– Нам придется набрать еще агентов, господин вице-президент. Сейчас их не хватит на круглосуточное дежурство даже в Вашингтоне. И этих агентов надо будет обучить... обязанности телохранителей требуют навыков, которых нет у обычного полицейского.

– Чепуха, – отрезал Мур.

Драммонд холодно глянул на него.

– Обучены ли ваши полицейские заслонять собой человека, которого они защищают? – тихо, твердо проговорил он. – Принимать на себя пулю, предназначенную ему?

– Нет, конечно! – возмутился Мур. – Какая нелепость! Полицейский должен задержать подозреваемого раньше, чем будет произведен выстрел. Мы не готовим самоубийц.

– Агентов секретной службы учат именно этой тактике, – спокойно ответил Драммонд. – Схватить убийцу, если удастся. Закрыть президента своим телом, если потребуется.

Мур отвернулся к окну.

– Так какой срок вам нужен, мистер Драммонд? – повторил вице-президент.

– Полную круглосуточную охрану президента в любых поездках мы сможем обеспечить к началу следующего года, господин вице-президент. Нам необходимо открыть бюро в различных городах. Обучить часть

агентов всему комплексу необходимых навыков.

Стивенсон печально кивнул, словно ожидал услышать именно эту дату.

– Однако вы можете быстро обеспечить временную охрану уже сейчас? По первому требованию?

– Да, сэр, – ответил Драммонд.

– Приготовьтесь отправить с президентом на Чикагскую выставку по меньшей мере восемь ваших агентов, – сказал вице-президент.

– Будет исполнено, сэр.

– Если мне позволено будет внести предложение, джентльмены... – сказал Шерлок Холмс.

Все повернулись к сыщику-консультанту, который с невозмутимым видом сидел на углу пустого стола.

– ...я предложил бы, мистер Драммонд, выбрать для сопровождения президента самых высоких и плечистых агентов.

– Люди не увидят президента! – воскликнул бывший суперинтендант Брук.

– В этом и смысл, – ответил Холмс. – Жаль, впрочем, что нельзя окружить президента целой фалангой высоких телохранителей во время его приветствий должностным лицам и обращений к толпе. Впрочем, чем теснее они встанут, тем в большей безопасности будет президент.

Драммонд кивнул и что-то записал в блокноте.

– Среди наших лучших агентов есть именно такие рослые и плечистые, – произнес он. – Я распоряжусь, чтобы они держались ближе всего к президенту, когда тот куда-нибудь идет или стоит один.

– Бред! – объявил бывший суперинтендант Брук.

Вице-президент Эдлай Ю. Стивенсон, не обращая внимания на Брука, кивнул Холмсу и сказал:

– Итак, мы будем встречаться здесь каждое воскресенье, джентльмены, пока детально не проработаем передачу охранных полномочий. – Он вновь взглянул на Холмса, на Брука и на нынешнего суперинтенданта вашингтонской полиции Мура. – Хотя, возможно, не всех присутствующих сегодня пригласят на следующую встречу.

– Как мы назовем этот комитет, сэр? – спросил помощник госсекретаря Рокхилл.

Стивенсон чуть заметно улыбнулся:

– Поскольку мы собрались в кабинете главы Пароходной инспекции, предлагаю назвать нашу группу Комитетом пароходной инспекции. Возражения есть?

Все промолчали.

Прежде чем кто-либо успел двинуться к выходу, вице-президент Стивенсон сказал:

– Последний вопрос, джентльмены. Кто обеспечивает координацию с чикагской полицией по вопросу безопасности президента на Колумбовой выставке?

Повисло неловкое молчание.

– Я могу взять это на себя, – сказал наконец Драммонд.

– Я тоже могу, – сказал суперинтендант Мур. – Я и раньше собирался отправить туда телеграмму-другую.

Шерлок Холмс выступил из угла кабинета.

– На следующей неделе я поеду в Чикаго заняться приготовлениями, – сказал он, плотнее натягивая лайковые перчатки. – И готов координировать связь мистера Драммонда и его секретной службы с чикагским департаментом полиции.

Они по двое спустились в лифте. Холмс ехал с вице-президентом. Внизу им пришлось шагнуть на семь дюймов вверх, чтобы выбраться из тяжелого лифта, осевшего ниже уровня пола.

Генеральный ревизор Пароходной инспекции и его секретарь стояли в вестибюле, багровые от негодования.

– Спасибо, мистер Дизмонт, – сказал вице-президент возмущенному генеральному ревизору. – Вас известят, когда нам снова потребуется ваш кабинет.

– Бред какой-то! – пробормотал мистер Дизмонт, спрыгивая вслед за секретарем на семь дюймов в лифт, чтобы ехать на свой этаж.

Холмс тем временем держал дверь для вице-президента.

На тротуаре Стивенсон повернулся к сыщику:

– Это так, мистер Холмс?

– Что, сэр?

– Все наши усилия... нет, все разговоры об анархистских покушениях – бред? Мы выставаем себя на посмешище?

– Это мы очень скоро выясним, господин вице-президент.

Холмс рукоятью трости коснулся цилиндра и свернул на Конститьюшн-авеню.

Могильные зубищи и домашние котики

Утром в воскресенье Генри Джеймсу принесли записку от Джона Хэя с просьбой заглянуть сегодня в любой удобный час для разговора, который займет от силы несколько минут.

Для визита Джеймс выбрал время между ленчем и чаем, чтобы не обременять хозяев необходимостью его угощать.

Не успел он отдать Бенсону шляпу и плащ, как Джон Хэй выбежал из кабинета, пожал Джеймсу руку, поблагодарил его за приход и повел в гостиную.

– Я всегда восхищался двумя видами камня, которые вы с Кларой выбрали для этой комнаты, – сказал Джеймс, усаживаясь в глубокое кожаное кресло.

– Правда? – Хэй огляделся, словно давно не видел свою гостиную. – Насколько я помню, африканский мрамор называется «аврора помпадур». Остальное – мексиканский оникс.

– Мое любимое сочетание камня в вашем очаровательном доме, наверное, желтый камин в библиотеке и розовато-красная плита перед ним.

– Ах да... чертовски трудно было подобрать эту плиту. Все, что нам показывали, выглядело или чересчур красным, или чересчур розовым... Наконец мы решили взять этот пастельного оттенка порфир... «буазе д'орьен», если не ошибаюсь. Желаете что-нибудь выпить, Гарри?

– Нет, спасибо. Я заглянул к вам посередине моего моциона. Прогулка помогает мне настроиться на работу. Я задумал новую пьесу, но рассказывать пока нечего. – Последнюю фразу Джеймс поспешил добавить, чтобы закрыть тему.

– Тогда мне вдвойне стыдно, что я посягнул на ваше время, – сказал Хэй. – Но я решил, что надо предупредить заранее.

– Предупредить?

– И принести извинения, – сказал Хэй. – Вы и мистер Холмс получите приглашение на завтрашний обед у нашего камелька – очень скромный, только Адамс и несколько друзей. Половина извинений – что предупреждаю только накануне.

– А другая половина?

– По приезде вы просили не афишировать ваш визит, но это было две недели назад, Гарри. Сами знаете, как быстро разлетаются новости в нашей

большой деревне.

– Конечно, – ответил Джеймс. – И я рад слышать, что Генри вернулся. Буду ждать встречи.

– Он сказал, что не обедает в гостях, – продолжал Хэй все еще немного озабоченно. – Но вы не хуже меня знаете, что это просто слова. Генри реже дает приемы у себя дома, но в обществе появляется регулярно. Просто хочет *считаться* затворником.

– В этом я вполне его понимаю, – сказал Джеймс. – Можно полюбопытствовать, кто будет помимо Адамса? Кинг ведь еще не вернулся?

– Насколько мне известно, нет. Я отправил ему телеграмму на адрес «Юнион-клуб» в Нью-Йорке, но ответа пока не получил. Наверное, он сейчас в какой-нибудь мексиканской шахте, по уши в алмазах и золотых самородках.

Джеймс ждал.

– Остальная компания будет состоять из обычных подозреваемых, – продолжал Хэй.

Джеймс отлично помнил, как в Лондоне они с Хэями ходили на посредственную пьесу, обычную комическую мелодраму, и как Джон потом много дней повторял совершенно непримечательную (на взгляд Джеймса) фразу: «Компания будет состоять из обычных подозреваемых». Зная, в каком узком кругу вращаются Адамс, Хэй и другие, писатель в общих чертах понимал, что так насмешило Джона и Клару.

– Придут Дон и Лиззи, – продолжал Хэй. – Лодж и Нанни, конечно, тоже. И Адамс... весь прием и затевается ради него. И... ах да. На прошлой неделе вы спрашивали про детей, и я сказал, что Алиса, Хелен, Кларенс и Дель учатся. Однако у Деля в академии Сент-Полс каникулы, и Хелен тоже сможет приехать.

– Замечательно, – сказал Джеймс. Он терпеть не мог, когда на приеме присутствуют дети – даже почти взрослые. – Давненько я их не видел. Вы в прошлом письме писали, что Дель вымахал совсем большой?

Семнадцатилетний Адельберт (Дель) Хэй всегда казался Генри Джеймсу (а возможно, и собственному отцу) туповатым и малоинтересным. Впрочем, последний раз Джеймс видел четырех детей Хэя во время их семейной поездки в Лондон пять лет назад.

– Можно сказать, на глазах! – рассмеялся Хэй. – Сейчас в нем шесть футов роста и почти двести фунтов веса. И в Сент-Полс его сделали настоящим спортсменом. Осенью он поступает в Йель и намерен заняться тамошним футболом. Футболом, Гарри. Американским, в котором ногами

почти не бьют.

– Футболом? – непонимающе переспросил Джеймс. Сочетание слов «американский» и «футбол» ничего ему не говорило. – Но мне казалось, там бьют именно ногами.

– Нет, это совершенно новая игра, – ответил Хэй. – Что-то среднее между европейским футболом и регби, но ближе к регби. Ее придумал лет десять назад тогдашний йельский студент Уолтер Кэмп, ныне – заместитель ректора по спорту и главный тренер. Теперь в Лиге плюща повальная мода на футбол. Гарвард и Йель каждый год сходятся в смертельной схватке. В прошлом году гарвардский шахматный гроссмейстер Лорен Деланд предложил новый сокрушительный маневр... или метод... не знаю, что это такое, слышал только название: «живой клин». И все равно Йель выиграл со счетом шесть – ноль. Адельберт спит и видит, как будет играть в команде Уолтера Кэмп.

– А Хелен завтра тоже будет? – спросил Джеймс. Он бы выколол себе глаза тупым ножом, если бы это позволило уйти от разговоров о спорте. – Ей ведь уже... восемнадцать?

– Да, – ответил Хэй. – И она очень увлечена сочинением стихов и даже рассказов. Не позволяйте ей на вас наседать, Гарри.

– В Лондоне, в тринадцать лет, она была очаровательной собеседницей, – сказал Джеймс. – Буду счастлив, если она насядет на меня с литературными вопросами.

– Адамса надо познакомить с Шерлоком Холмсом, – проговорил Хэй неожиданно серьезным тоном. – Это главная причина встречи, хотя, конечно, и с вами Адамс захотел бы увидаться первым делом. Он очень огорчен, что пропустил ваш приезд. Однако я не соображу, как лучше рассказать ему... про всю историю с Холмсом. Как по-вашему, кто появится здесь завтра: Шерлок Холмс или Ян Сигерсон?

– Кому адресовано приглашение? – спросил Джеймс.

– Мистеру Шерлоку Холмсу.

– Тогда я почти уверен, что придет мистер Холмс.

– Да, чуть не забыл... – сказал Хэй, провожая Джеймса к дверям. – Мы пригласили Малыша.

– Малыша... – повторил Джеймс. – Ой... Ой-ой. Я все время забываю, что он сейчас в Вашингтоне.

– Он клятвенно обещал мне, что постарается вести себя прилично, – сказал Хэй.

Улыбка Джеймса на две трети выражала иронию, на треть – предвкушение.

– Посмотрим, – сказал он. – Посмотрим.

* * *

Шерлока Холмса пригласили на воскресный обед к Хэям как «мистера Шерлока Холмса», так что он явился в образе мистера Шерлока Холмса. Его второй и третий чемоданы, отправленные на адрес британского посольства в Вашингтоне, наконец прибыли, так что сыщик оделся по последней лондонской моде. Он был во фраке, в лаковых туфлях, начищенных так, что они при необходимости могли бы служить сигнальными зеркальцами (но не в сверхмягких джазовых туфлях «Капезио», которые надевала на танцы молодежь), черной пелерине на малиновой подкладке, шелковом цилиндре высотой шесть с половиной дюймов, жилетке с лацканами, ослепительно-белой манишке со стоячим воротничком и – поскольку это был званый обед, а не бал – без белых перчаток.

Другие мужчины были одеты так же. Холмс не видел ни одного смокинга (менее парадного и, на его взгляд, крайне вульгарного одеяния). Хэй представил гостей друг другу, и Холмс вынужден был признать, что самый старый и красивый фрак – у Генри Адамса. Даже поношенность лишь подчеркивала благородство; новый фрак Генри Кэбота Лоджа стоил, вероятно, раз в пять дороже, но и близко не мог тягаться с ним в элегантности. Лишь один из присутствующих не выглядел так, будто родился во фрачном костюме: хозяйский сын Адельберт, настолько мускулистый и толстошей, что казалось, одежда трещит на нем по швам.

Дамы в целом – если не считать отдельных мелочей – тоже держались высочайшего стандарта англо-американской моды.

Гости успели обменяться несколькими вежливыми фразами, после чего всех позвали к столу.

Холмс вынужден был признать про себя, что впечатлен. Он обедал у принца Уэльского, у короля Скандинавии, у многих аристократов по всему миру, но еще не видел более великолепного помещения, канделябра, стола. В банкетном зале легко разместились бы пятьдесят членов Госдепартамента, и Холмс невольно восхитился, что Клара Хэй сумела превратить его в идеальную столовую для двенадцати гостей – восьми мужчин и четырех дам.

Недостаток дам за столом восполнялся тем, как умело хозяйева рассадили приглашенных и расставили букеты – очень красивые, но

невысокие, чтобы не закрывать лица визави. После того как слуги в черных фраках, стоящие за каждым стулом, помогли гостям отыскать свои места, Холмс посмотрел, кто где сидит.

Во главе стола восседал не Джон Хэй, как можно было ожидать, а Генри Адамс. Этим подчеркивалось, что обед дается по случаю его возвращения; а кроме того, более высокое сиденье как бы добавляло лысеющему коротышке роста, чтобы он не был ниже всех присутствующих.

По правую руку от него – с той же стороны, что и Холмс, – сидели новый сенатор от штата Массачусетс Генри Кэбот Лодж (холеное лицо, ухоженные борода и усы, холодный – очень холодный – взгляд), затем – дородная и оживленная Клара Хэй (ее платье темно-лазурного шелка с рисунком из павлиньих перьев гранатового цвета, того же, что атласные рукава и бархатная отделка, выглядело бы единственным и неповторимым, не будь оно напечатано в мартовском номере «Харперс базар»), сенатор от штата Пенсильвания Джеймс Дональд Камерон (в его темных глазах, как и в обвислых усах, сквозила глубокая тоска), сам Шерлок (прямо напротив Генри Джеймса, что явно не было случайностью; со своей позиции в средней части стола сыщик и литератор могли отвечать на вопросы с обеих сторон) и юный Дель Хэй, явно не чувствующий и тени смущения в обществе таких особ, как Генри Адамс, сенатор Дж. Дональд Камерон, писатель Генри Джеймс и конгрессмен-миллионер, обладатель ледяного взгляда Генри Кэбот Лодж, лишь месяц назад ставший сенатором США.

В конце стола слева от Холмса расположился другой почетный гость, член Комиссии по гражданской службе США Теодор Рузвельт. О нем сыщик не знал почти ничего, только слышал от Джеймса, что Адамс, Хэй и Кларенс Кинг, давние знакомые молодого Рузвельта, иногда называют его Малыш.

И тем не менее человек этот чрезвычайно заинтересовал Холмса. Теодор Рузвельт излучал агрессивность, хотя всего-то и успел, что придержать стул юной Хелен Джулии Хэй слева от себя, сесть и с улыбкой оглядеть собравшихся. Прищуренные за пенсне маленькие глаза, армейского вида усы, лошадиные зубы, напряженная гримаса жеребца-производителя перед случкой, квадратная фигура, заключающая в себе такую мощь, что даже здоровяк Дель по контрасту словно сделался меньше, – все в Теодоре Рузвельте рождало ощущение, что он сейчас набросится на гостей с кулаками.

«Или проглотит их, не жуя», – подумал Холмс.

Восемнадцатилетняя дочь Джона Хэя Хелен сидела слева от Рузвельта,

и Холмс, всегда объективный в подобных наблюдениях, видел, что она – из тех редких красавиц, которые и впрямь дотягивают до современного идеала «девушек Гибсона»: безупречная головка на длинной белой шее, мягкие волосы забраны вверх и падают на лоб зазорной гибсоновской волной, шифоновое платье подчеркивает модное сочетание осиной талии с пышностью форм, спортивная легкость и выражение ума в ясных глазах.

Холмс глянул на Генри Джеймса, чей высокий залысый лоб ярче обычного блестел в свете канделябра, и понял, что сейчас писатель в родной стихии – здесь, за одним столом с двумя сенаторами, внуком и правнуком двух президентов США, несколькими богатейшими людьми Америки, не менее чем четырьмя прославленными историками, тремя самыми красивыми женщинами, каких Холмс видел за много лет, и энергичным молодым каннибалом, чьи зубищи наводили на мысль о могильных плитах.

Хэй явно решили окружить Генри Джеймса красотой: по правую руку от него посадили Хелен Джулию Хэй, по левую – Нанни Лодж.

Нанни Лодж, сидящая между Генри Джеймсом и Джоном Хэем, являла собой более типический идеал Позолоченного века: белокурая, с точеной фигурой, нежными ручками и прелестным личиком. Однако примечательнее всего в сорокатрехлетней красавице были глаза... глаза, которые друг Холмса Ватсон сразу назвал бы «чарующими», а Маргарет Чендлер написала бы, что они «цвета неба, когда начинают мерцать первые звездочки».

Ни одно из этих романтических выражений не пришло в голову Холмсу в воскресенье, 2 апреля 1893 года, когда он секунду-другую изучал эти глаза, – Нанни повернулась к Джону Хэю и не заметила быстрого оценивающего взгляда со стороны сыщика. Он вспомнит их загадочную глубину годы спустя, когда его новый друг, художник Джон Сингер Сарджент, посетует, что не имел случая написать портрет миссис Кэбот Лодж, и добавит: «Я так ею восхищался, что, быть может, и впрямь сумел бы отчасти передать выражение ума и доброты на лице и незабываемый синий оттенок глаз».

Быть может.

За Нанни Лодж и улыбающимся, смеющимся Джоном Хэем, по правую руку от Генри Адамса, сидела первая красавица за столом – Лиззи Камерон.

По пути к Хэем Генри Джеймс успел шепнуть Холмсу, что жена унылого сенатора Камерона сводит мужчин с ума и что в вашингтонском обществе у нее больше всего воздыхателей. Сейчас, изучая ее со своей

всегдашней холодной объективностью, Холмс видел почему. В сравнении с нарядами трех других дам платье Лиззи Камерон было одновременно самым простым и самым вызывающим. Оно оставляло открытыми белые плечи и длинные, безупречные руки; казалось, ее длинные тонкие пальцы созданы Творцом, чтобы гладить мужское лицо и волосы. Она не надела ни колье, ни бархотки, так что длинная шея была видна во всей естественной красе. Темные волосы, зачесанные наверх и собранные сзади в пучок, подчеркивали правильность узкого овального лица.

Элизабет Шерман Камерон улыбалась редко, однако она – с ее изогнутыми бровями, темными глазами и маленьким ртом – принадлежала к редкому типу женщин, которые сияют красотой, даже когда смотрят сурово.

За несколько минут, пока гости рассаживались, Холмс по едва уловимым взглядам и движениям понял, что пятидесятипятилетний Генри Адамс влюблен в тридцатитрехлетнюю Лиззи Камерон и что Джон Хэй, который ни разу даже не посмотрел соседке прямо в лицо, изнывает от любви к ней.

Холмс видел сейчас (и мог бы угадать заранее), что Генри Джеймс любит ее, словно кот – блюдечком с молоком, которое не собирается лакать. Дель Хэй знал Лиззи с рождения и смотрел на нее как на приятельницу родителей, Генри Кэбот Лодж воспринимал ее красоту как нечто приличествующее должности и богатству своего друга Камерона, а Теодор Рузвельт, обращаясь к ней, скалился с целомудренной благожелательностью мужчины, женатого и счастливого в браке. Сенатор Джеймс «Дон» Камерон выглядел таким несчастным, будто десятки и сотни мужчин, мечтающих о его жене, и впрямь наставляют ему рога.

Холмс чувствовал – знал, – что Лиззи Камерон дразнит, дразнит, завлекает, снова дразнит, но никому не дарит свою любовь. Ни бедному Генри Адамсу, который (как Холмс узнает несколько дней спустя) примчался с Тихоокеанских островов в Париж, куда Лиззи вызвала его телеграммой и где он, проделав десять тысяч миль, наткнулся на самый холодный прием с ее стороны. Ни бедному Джону Хэю, чья будущая участь легко угадывалась уже сейчас: он откроет свою страсть, получит неизбежный отказ и вместе с Генри Адамсом присоединится к легиону серых теней, которым в жизни Лиззи Камерон отведена роль «домашних котиков».

И еще Холмс чувствовал – знал, – что Лиззи Камерон опасна и коварна. Опаснее и коварнее всех присутствующих – поскольку ни профессора Мориарти, ни Лукана Адлера сегодня за столом не

наблюдалось, а самого себя Холмс в расчет не принимал.
Подали устриц, и обед официально начался.

Искусственный дефицит красноглазых нырков

Перед тем как всех позвали к столу, Генри Джеймс заглянул на кухню поздороваться с приглашенным шеф-поваром. Чарльз Рэнхофер, в прошлом личный шеф-повар Уильяма Уолдорфа Астора, который до своего отъезда в Англию два года назад был самым богатым человеком Америки, готовился опубликовать свою поваренную книгу «Эпикурец» объемом более тысячи страниц. Ей вскоре предстояло разойтись тиражом, и не снисшимся Генри Джеймсу.

Джеймс познакомился с Рэнхофером в Лэндсдоун-хаузе, лондонской резиденции Астора, и не раз слышал восторженные отзывы о ресторане «Дельмонико» на Пятой авеню, где тот сейчас подвизался.

Прославленный шеф-повар без остановки раздавал многочисленным слугам Хэя указания, команды и ультимативные требования не болтать, а пошевеливаться, так что Джеймс лишь пожелал ему успехов и вышел... но прежде заглянул в сегодняшнее меню:

Меню

Huîtres en coquille Ruedesheimer

Potage tortue verte Amontillado

Caviare sur canapé Médoc

Homard à la Maryland Royal Charter

Ris de veau aux champignons

Selle de mouton

Pommes parisiennes Haricots verts

Suprême de volaille

Pâté de foie-gras, Bellevue [нрзбр]

Sorbet à la romaine

Сигареты

Чурок под соусом из майонеза с сельдереем Clos de Vougeot

Fromage Портвейн Duque

Glacée à la napolitaine Château Lafite

Old Reserve Madeira^[23]

«Сигареты» были вычеркнуты, что Джеймс всецело одобрил,

поскольку, во-первых, за столом были дамы, а во-вторых, в европейском и английском высшем обществе уже считалось вульгарным включать курение в меню парадных обедов.

* * *

После устриц подали суп, на который Джеймс не обратил особого внимания, поскольку был занят беседой с прекрасными соседками, затем – рыбу.

Первые десять минут застольной беседы почти целиком состояли из вопросов – преимущественно со стороны дам – Шерлоку Холмсу. Правда ли он сыщик-консультант? Чем занимаются сыщики-консультанты? Так ли увлекательны его расследования, как их описывают в «Стрэнде» и «Харперс уикли»?

– К сожалению, на последний вопрос я ответить не могу, – проговорил Холмс с чуть суховатым, но дружелюбным английским акцентом. – Так называемые хроники доктора Ватсона публикуются всего два года, и я еще не нашел времени ознакомиться ни с одной.

– Но они основаны на реальных событиях? – спросила Хелен Джулия Хэй.

– Вполне возможно, – ответил Холмс. – Однако мой друг доктор Ватсон, а также его редактор и агент Конан Дойл связаны необходимостью развлекать читателя. А по моему опыту суровая правда редко уживается с развлекательностью.

– А как же насчет Серебряного? – тихо, но решительно спросила Клара. – Это ведь подлинная история?

– Серебряного чего? – спросил Холмс.

Клара смутилась, но все же заставила себя выговорить:

– Так звали фаворита... которого украли... который убежал... рассказ в последнем номере «Харперс уикли».

– Должен сознаться, что никогда не слышал об английской скаковой лошади по кличке Серебряный, миссис Хэй, – сказал Холмс.

– Вот видишь, Клара, – включился в разговор Джон Хэй. – Я же тебе говорил, это выдумка. Я проиграл на английских бегах уйму денег и тоже никогда не слышал про такую лошадь.

Холмс улыбнулся:

– В восемьдесят восьмом я и впрямь расследовал мелкое дело с участием скаковой лошади по кличке Сабрина – она выиграла в том году

«Оукс» и «Сент-Лежер». Однако все «исчезновение» заключалось в том, что она просто сбежала ночью. Ее отыскал живущий по соседству фермер, и я явил чудо детективного искусства, проследив свежие отпечатки копыт до дома этого фермера.

Все засмеялись, однако Клара не отставала.

– Так, значит, тренера *не* нашли мертвым? – спросила она.

– Вообще-то нашли. Однако это был заурядный несчастный случай. Бедолага вывел Сабрину гулять, потом, видимо, заметил у нее что-то на левом заднем копыте, нагнулся за крупом лошади, что, вообще-то, крайне неразумно, и чиркнул спичкой. Животное инстинктивно лягнуло, и голова у бедолаги... – Холмс глянул на сияющие лица за сияющим столом. – Он умер мгновенно от черепной травмы. Без чьего-либо злого умысла.

– Так или иначе, Серебряный в рассказе был жеребцом, – сказала Клара Хэй. – Не кобылой.

Все рассмеялись вместе с нею.

Хозяин с хозяйкой и Генри Адамс умело направили беседу в другое русло, и скоро в разных концах стола завязались несколько оживленных разговоров, постепенно перешедших в общий, чему способствовало почти идеальное число гостей – двенадцать – и наличие таких молчунов, как Генри Кэбот Лодж, Дон Камерон и улыбающийся, вежливый, но на удивление тихий Дель Хэй.

Джеймс знал, что Хэй с Адамсом – как и покойная Кловер – при всей своей высоколести не чурались каламбуров, и сейчас ему об этом напомнили.

– Вчера наш бедный Вито Пом-Пом вернулся домой с поцарапанным глазом, – сказала Нанни Лодж, обращаясь к Хелен Джулии Хэй по другую сторону от Джеймса – довольно громко, так что все за столом ее слышали.

Ответ последовал немедленно.

– Какой ужас! – воскликнул Генри Адамс. – Я забыл, Нанни... Вито Пом-Пом ваш слуга или родственник?

– Генри! – возмутилась миссис Лодж. – Вы прекрасно знаете, что Вито Пом-Пом наш любимый померанский шпиц.

– Твой любимый померанский шпиц, дорогая, – проговорил Генри Кэбот Лодж неодобрительным басом, от которого задрожали хрустальные подвески канделябра.

– Как странно, – заметил Джон Хэй. – Я-то думал, новый закон об иммиграции остановил приток померанцев в нашу страну. Трагическая история.

Нанни Лодж премило нахмурилась, глядя на Джона Хэя.

– Мой диагноз: у Вито Пом-Пома, вероятнее всего, *которакта*, – сказал Генри Адамс.

– И это *котострофа*, – подхватил Хэй.

Те, кто позволял себе смеяться над такими штуками, – группа, к которой сенатор Лодж и сенатор Камерон не принадлежали точно, а Дель Хэй пока не определился, примкнуть к ней или нет, – рассмеялись.

– Остается радоваться, что он не впал в *котолепсию*, – негромко добавил Генри Джеймс.

Снова раздались смешки. Лиззи Камерон расхохоталась – весело, громко, без тени смущения.

Джулия Хелен Хэй с милой непосредственностью заговорила о своем:

– А все остальные тоже мечтают попасть этим летом на Всемирную выставку? Я жду ее не дождусь! Пишут, она будет замечательная!

– Это будет не совсем Всемирная выставка, дорогая, – ответил ее отец. – Правильнее называть ее Колумбовой выставкой, поскольку она посвящена четырехсотлетию юбилею открытия Америки Колумбом.

– Однако проходит в девяносто *третьем*, – заметил Дель.

Генри Джеймс развел руками:

– Колумб не открыл Америку. Он ошибся на... сколько миль отсюда до Тринидада? Примерно две тысячи?

– Две тысячи сто семьдесят три мили от того места, где мы сейчас сидим, – сказал Генри Адамс.

– Итак, Колумб ошибся на две тысячи сто семьдесят три мили, – продолжал Джеймс. – Учредители выставки ошиблись всего на год. Заметный прогресс.

Хэй повернулся к Адамсу:

– Вы уверены насчет лишних ста семидесяти трех миль?

– Совершенно уверен, – ответил Адамс с озорной и довольно обаятельной улыбкой.

– А вы знаете, что когда Колумб высадился на Тринидаде, там жили индейцы, принадлежавшие к двум языковым группам – карибской и аравакской? – сказала Хелен. Судя по тону, она не хвасталась познаниями, а надеялась на развитие интересной темы.

– Как называют жителей Тринидада? – спросила Лиззи Камерон. – Тринидадцами?

– Или, для краткости, дадцами, – добавил Джон Хэй.

– Мисс Хэй правильно сказала, что индейцы знали только карибский и аравакский, – вступил Теодор Рузвельт. Его голос гремел, как раскаты грома, даже когда он говорил на пониженных тонах. – Но так было лишь

после вторжения померанцев в лето Господне тысяча четыреста тридцать девятое.

Они пили уже четвертое вино из девяти объявленных в меню, так что на сей раз смех зазвучал громче.

– Вито Пом-Пом понимает лишь аравакский? – спросила Нанни Лодж. – Как грустно!

– Вот, наверное, почему эта крыса в собачьей шкуре не может усвоить даже простейших команд, – проворчал сенатор Генри Кэбот Лодж.

Нанни погрозила мужу наманикюренным пальцем.

– Я так не хочу пропустить ярмарку, и Белый город, и Колесо мистера Ферриса, и Дикий Запад мистера Коди... и все! – воскликнула Хелен Джулия Хэй таким голоском, словно ей не восемнадцать, а на десять лет меньше.

– У вас нет никаких причин ее пропускать, – сказал сенатор Дон Камерон. – Никто из нас не собирается в Европу раньше июля. Выставка откроется первого мая. В мае я найму несколько вагон-салонов, и мы съездим в Чикаго на несколько дней. Вы с нами, Адамс?

Генри Адамс промычал было что-то отрицательное, затем глянул на Лиззи Камерон и утвердительно кивнул.

– Хэй?

– Безусловно. Мы с вами, Дон.

– Мистер Холмс, вы присоединитесь к нам? – спросил Камерон. – Мы поставим вагоны у самого входа на ярмарку, и места для сна хватит всем.

– Спасибо за приглашение, – сказал Холмс. – Возможно, я окажусь там раньше вас. Посмотрим.

Хелен Джулия Хэй еле удержалась, чтобы не захлопать в ладоши. Она свела руки, как маленькая девочка на молитве. Генри Джеймс подумал, что ее улыбка воистину заслуживает избитого эпитета «лучезарная».

В отклонение от обычного обеденного протокола следующее блюдо, седло барашка, уложенное на теплую тарелку и политое соусом, подали уже нарезанным на тонкие ломтики. Слуги вновь наполнили всем бокалы для шампанского.

– Отменное шампанское, – сказал Дон Камерон. – Вкус кажется то знакомым, то нет. Как оно называется, Джон?

– «Королевская хартия», – ответил Хэй.

– Я думал, у «Дельмонико» эксклюзивное право его подавать! – прогремел Рузвельт.

– Да, – ответил Хэй. – Так и есть.

– Я бы лучше провела все лето на Чикагской выставке, чем в скучной

старой Европе, в скучной старой Швейцарии, – сказала Хелен.

– Этим летом мы пробудем в Церматте и Люцерне с Камеронами, Лоджами и мистером Адамсом всего несколько недель, – промолвила Клара Хэй. – В июле и августе выставке придется обойтись без нас.

– Вот и хорошо, – заметил Адамс. – Я был на выставке семьдесят шестого года в Филадельфии, и, помимо предупреждения, что скоро в наши дома вторгнется телефон, все было очень скучно и помпезно. Скучнее Швейцарии, Хелен.

– Зато как там было весело, когда с Кастера сняли скальп, – вставил Джон Хэй.

– Джон! – возмутилась Клара.

Хэй смиренно положил руки на колени и сделал пристыженное лицо.

– На Чикагскую выставку приедет Буффало Билл со своим шоу «Дикий Запад», – сказал Рузвельт. – Я слышал, что они представят разгром Кастера, причем некоторые индейцы, участвовавшие в резне, будут играть самих себя. Должно быть очень занятно.

– А в засаде, которую устроили Кастеру, не участвовал Бешеный Конь? – спросил Дель.

– Участвовал, – прогремел Рузвельт, поворачиваясь всем торсом, чтобы одарить широкозубой улыбкой каждого из присутствующих. – Но Бешеного Коня мы убили в семьдесят седьмом.

– Вы ведь готовите к печати историю Дикого Запада, мистер Рузвельт? – спросила Лиззи Камерон.

Рузвельт кивнул массивной головой и тут же робко потупился:

– Да. Она будет называться «Покорение Запада». Тома первый и второй выйдут этим летом. Однако хоть я и потратил на эту книгу годы, мне неловко упоминать ее в обществе столь видных историков.

Джеймс подумал, что Рузвельт, вероятно, прав. Генри Адамс по праву считался самым выдающимся американским историком современности, а его девятитомное сочинение об эпохе президентства Джефферсона – шедевром исторической прозы. Книга Джона Хэя о Линкольне, под началом которого тот служил, написанная в соавторстве со старым другом Джоном Николеем, прекрасно продавалась в Америке и Европе и прочно заняла место лучшей и главной биографии Линкольна. Генри Кэбот Лодж не только вел род от близких друзей Джорджа Вашингтона, но и написал о нем магистерскую диссертацию. Молодому Рузвельту, при всем его недюжинном уме, было от чего оробеть в сегодняшнем обществе коллег-историков.

«Да и политиков, к слову», – подумал Джеймс.

Дон Камерон заговорил, и Джеймс, забывший, что супруг печального образа – тоже американский сенатор, даже удивился, какой же у него сильный и звучной голос.

– Меня можете не опасаться, мистер Рузвельт. Я не пишу ни о ком и ни о чем. Зачем мне это? Куда приятнее *читать* истории и биографии в тиши моего кабинета.

– Однако вам есть о чем писать, Дон, – сказал Джон Хэй. – Вы ведь были военным министром при президенте Гранте во время Великой войны сиу?

Камерон кивнул.

– В интересное время мы живем, – заметил Адамс. – Совсем недавно, по крайней мере по меркам истории, мы наблюдали, как индейцы уничтожают армию Кастера и наводят ужас на весь Запад, сегодня платим за представление, в котором те же дикари разыгрывают собственные зверства. Резня без крови. Битва без смертей.

– Мистер Рузвельт, – сказала Нанни Лодж, – у вас есть ранчо где-то на западе... или было. Случалось ли вам стрелять в индейцев?

Джеймс опасливо взглянул на молодого человека. Рузвельт купил ранчо и уехал туда после смерти обожаемой первой жены, Алисы, которая скончалась в феврале 1884-го сразу после рождения дочери. Как Адамс никогда не говорил о Кловер, так и Рузвельт никогда прилюдно не упоминал Алису. Похоронив ее, он оставил новорожденную дочь, которую тоже назвали Алисой, на попечение своей сестре и уехал в Дакоту, чтобы начать жизнь ранчero и ковбоя.

Рузвельт улыбнулся Нанни еще шире, чем улыбался до сих пор, – Джеймс и не думал, что такое возможно.

– Миссис Лодж, я стрелял в индейцев, белых бандитов, пьяных мексиканцев, трезвых мексиканцев, гризли, волков, скорпионов, гремучих змей и в сотни других мерзейших божьих тварей. И я, как правило, не промахиваюсь.

– Относите ли вы индейцев к мерзейшим из божьих тварей, мистер Рузвельт?

Рузвельт обратил взгляд на Лиззи, и в свете хрустального канделябра его пенсне блеснуло, как два маяка.

– Как убедился ваш супруг, миссис Камерон, когда был военным министром, – сказал он, ни на миг не переставая улыбаться, – самая праведная война – это война с дикарями... хотя верно и то, что такие войны – самые жестокие и бесчеловечные. Все цивилизованное человечество в долгу перед грубыми поселенцами, которые ремингтоновскими винтовками

и ножами Боуи очистили наши западные земли от дикарей.

– Так вы считаете, что в будущем нашей страны нет места для индейских народов? – тихо, но с нажимом спросил Джон Хэй.

– Американцы и индейцы, буры и зулусы, казаки и татары, новозеландцы и маори, – проревел Рузвельт. – Во всех этих случаях белый победитель, как бы ужасны ни были многие его деяния, закладывает фундамент будущего величия могущественных народов. Бесконечно важно отобрать Америку, Австралию, Сибирь у красных, черных и желтых аборигенов и превратить эти земли в наследие доминирующих рас.

Шеф-повар Рэнхофер вкатил на тележке свой сегодняшний шедевр: наutilus из теста, выпеченный в особой форме и начиненный тонкими ломтиками паштета из гусиной печени с трюфелями, уложенными слоями и залитыми прозрачным желе. Теперь слуги резали пирог и раскладывали его на подогретые тарелки. Однако никто, кроме Рузвельта, не приступил к еде даже после того, как тарелки поставили на стол. Уязвленный шеф-повар удалился на кухню, а гости по-прежнему сидели над нетронутым паштетом, ожидая, что Рузвельт скажет дальше.

Тот прожевал и, подняв глаза от тарелки с исходящей паром гусиной печенью, продолжил:

– Как я показываю подробно в моем скромном труде «Покорение Запада», купленная дорогой ценой победа Белого человека над дикарями в этой стране привела к рождению новой расы – американской.

Генри Адамс прочистил горло:

– Мой английский издатель прислал мне рукопись новой книги Чарльза Г. Пирсона «Национальная жизнь и характер». Если не ошибаюсь, она выйдет в начале следующего года. Вы, случайно, не слышали про мистера Пирсона, мистер Холмс? Или, быть может, вы даже знакомы?

– Да, я о нем слышал, – ответил Холмс, – хотя лично не знаком. Кажется, он недавно ушел из парламента.

– Совершенно верно. – Адамс принялся что-то искать в карманах. – Я выписал один его абзац... для возможной рецензии... где же... а, вот. – Он достал сложенную бумажку, встряхнул ею над нетронутым, но все еще дымящимся паштетом, подался вперед, так что лысина блеснула в ярком свете канделябра, и сказал: – Мистер Пирсон излагает свои страхи касательно грядущего столетия... и касательно будущего Европы в целом...

Голос у Адамса, когда тот читал, был красивый и уверенный:

– «Придет день, и, возможно, он уже недалек, когда европейский наблюдатель оглянется и увидит, что мир опоясан сплошной полосой черных и желтых рас, независимых или почти независимых от европейской

опеки, обретших собственную военную мощь, монополизировавших торговлю в своих регионах и не пускающих туда европейские товары, когда китайцы, индусы и уроженцы государств Центральной и Южной Америки, которые к тому времени станут преимущественно индейскими... наводнят европейские моря своими флотами, когда их станут приглашать на международные конференции, искать союза с ними в конфликтах цивилизованного мира. Мы увидим граждан этих стран в своем обществе, на английской земле и в парижских салонах, межрасовые браки станут обыденностью. Глупо уверять, что, если такие времена наступят, наша гордость не пострадает... Мы проснемся и обнаружим, что нас теснят или даже отодвигают в сторону люди, которых мы считали раболопными, призванными угождать нашим нуждам. Тогда нам останется одно утешение: сознавать, что эти перемены были неизбежны».

Адамс сложил листок, убрал очки в карман и, глянув вдоль стола, встретил ухмылку молодого Теодора Рузвельта.

– Вы не согласны, мистер Рузвельт? – спросил он.

– Пирсон говорит преимущественно о черной и желтой расах, – ответил Рузвельт. – Однако, чтобы угрожать нам оружием или составить конкуренцию в торговле, потомки негров и сегодняшних китайцев должны стать умны, как афиняне. Тогда американская раса, да и английская тоже, будет просто вести дела с другим цивилизованным неарийским народом, в точности как сейчас мы ведем дела с мадьярами, финнами или басками. Так и должно быть, ибо Творец не создал белых европейцев и американцев для постоянного обитания в жарких областях Африки, Индии и Южной Америки. Лишь здесь, на нашем континенте, а русским и белым австралийцам – на своих, необходимо истребить дикарей в той мере, чтобы американский народ стал безраздельным господином собственных земель.

– Быть может, вы захотите отрецензировать книгу мистера Пирсона, – сказал Адамс.

– О да! – воскликнул Рузвельт, улыбаясь еще шире.

– Я попрошу издателя прислать вам сигнальный экземпляр.

– А пока я советую всем попробовать паштет, – сказала Клара Хэй. – Трюфели в этот раз особенно удачные, и надеюсь, все оценят ту красоту, которую сотворил сегодня шеф-повар Рэнхофер. Затем нам подадут сорбе, а после него... чирка, если не ошибаюсь.

– Чирка?! – переспросил Генри Кэбот Лодж. – Не нырка?

– Красноголовых нырков сейчас днем с огнем не сыскать, – ответил Джон Хэй. – То ли из-за осушения болот, то ли из-за нехватки их любимого дикого сельдерея, то ли из-за того, что охотники всех повыбили.

– Я уверен, что это искусственно созданный дефицит, – сказал Генри Адамс. – Заговор с целью взвинтить цену на их мясо в ресторанах. Вы знаете, что почти две трети приличных нью-йоркских ресторанов прямо или косвенно принадлежит евреям?

Все остальные продолжали жевать, и только Дель Хэй поднял голову:

– Правда?

– Истинная правда, – сказал Адамс. – Создать дефицит нырков, чтобы увеличить цену на их мясо, – типично еврейские штучки.

Никто не ответил.

– Что ж, – сказал Генри Кэбот Лодж, поворачиваясь к расстроенной Кларе Хэй, – чирок на вкус ничуть не хуже нырка, а сегодняшний пате-де-фуа-гра просто непревзойденный. Выражаю свое восхищение не только шеф-повару, но и нашей очаровательной хозяйке.

Клара заулыбалась и зарумянилась. Слуги убрали бокалы из-под каберне Штейнберг, которое подавали к фуа-гра, и налили в новые и более высокие бокалы кло-де-вужо. Застольная беседа возобновилась.

* * *

С начала обеда прошло уже два с половиной часа, и если бы он закончился сейчас – если бы все разъехались по домам сразу после сыра, – несколько судеб в дальнейшем сложилось бы иначе. Однако неаполитанское мороженое подняло всем настроение, а последние вина сегодняшнего вечера (до того, как мужчинам в библиотеке подадут бренди) – шато лафит и выдержанная мадера – были особенно хороши, хотя Дель Хэй слегка перебрал уже портвейна с сыром и кло-де-вужо с чирком. От восьмого и девятого вина он окончательно умолк и даже погрузился, зато у говорливого большинства языки развязались еще больше. Только Шерлок Холмс и сенатор Камерон почти не участвовали в общей беседе. Генри Кэбот Лодж за сыром рассказал забавный анекдот и явно не прочь был продолжить.

Внезапно Хелен подняла бокал:

– За что мы только не пили, но до сих пор еще не поздравили дядю Гарри с возвращением в Соединенные Штаты!

– Верно! – воскликнул Джон Хэй, и все выпили за возвращение Генри Джеймса.

– Надеюсь, что на сей раз мистер Джеймс останется в Америке, – сказал Теодор Рузвельт. Глаза у него горели, однако Джеймс отметил, как

мало тот пил за обедом.

Джеймс вежливо улыбнулся, но ответил:

– Увы, я скоро должен буду вернуться в мою скромную лондонскую квартирку в Девир-Гарденз. Я зарабатываю пером на жизнь, и у меня редко бывает время на такие замечательные вечера, как сегодня. Чудесный обед, Клара... Джон.

Клара улыбнулась и залилась краской, ее муж кивнул.

– Я говорю серьезно, – продолжал Рузвельт. – Американской расе нужны ее писатели. Америке необходимо, чтобы уехавшие литераторы вернулись и писали про Америку. Вы не согласны, мистер Холмс?

Холмс, который давно уже не участвовал в беседе, лишь вежливо улыбнулся и кивнул, давая понять, что услышал неуместный вопрос Рузвельта. Возможно, тот просто не запомнил, что Холмс – англичанин.

– Но дядя Гарри и так пишет про Америку, – вмешалась Хелен.

– К большому огорчению моих издателей и литературных агентов, – добавил Джеймс.

– Вы читали «Женский портрет»? – спросила Хелен Рузвельта. – Это поразительный словесный портрет американской женщины.

– Опубликованный более десяти лет назад, когда мистер Джеймс последний раз навещал Америку, – сказал Рузвельт. – Я повторяю: американские писатели должны оставить комфорт загнивающего Старого Света и вернуться сюда, чтобы заново узнать Америку и ее народ.

Хэй подался вперед, словно намереваясь вмешаться, однако Джеймс произнес с улыбкой:

– Готов держать пари, мистер Рузвельт, что не каждое слово в «Покорении Запада» написано вами на Западе. Ваши заметки, воспоминания и выписки подготовили вас к тому, чтобы писать это достойное сочинение в Нью-Йорке, Вашингтоне или на пароходе, идущем в далекие края.

– Конечно, – сказал Рузвельт, стискивая кулак. – Но я жил на Западе. Охотился на Западе. Выслеживал и брал в плен дурных людей, сражался с индейцами на Западе. Я жил на Западе и Западом до того, как написал первую страницу о Западе.

– А я жил в Америке и Америкой много лет, прежде чем отправиться в Европу и писать там о многом, но более всего – об американцах в Европе, – спокойно ответил Джеймс.

– Однако вы уехали тридцать лет назад, сэр, и заглядывали сюда только в гости, – прогремел Рузвельт.

– Не просто в гости, увы, – печально проговорил Джеймс.

– Когда началась война, вы по возрасту могли вступить в армию – и не вступили, – произнес Рузвельт тоном странного торжества, словно шахматист, ставящий шах конем.

Обычно холодные серые глаза Джеймса вспыхнули огнем.

– Мои братья Уилки и Боб были ранены на той войне, сэр. Уилки служил под началом полковника Шоу в Пятьдесят четвертом Массачусетском полку, состоявшем преимущественно из цветных, и получил тяжелейшую рану при атаке на Форт-Вагнер. Тяжелейшую, мистер Рузвельт... Его по чистой случайности нашел среди умирающих друг семьи Уильям Рассел, искавший своего сына Кэбота, погибшего в той же атаке. Все были убеждены, что Уилки не выживет. Много недель он лежал на грязной походной койке сразу у входа. И до самой смерти в ноябре восемьдесят третьего его мучили боли от полученных тогда ран. Я знаю про Войну Севера и Юга не понаслышке, мистер Рузвельт. Сколько вам было, когда она закончилась? Лет восемь?

– Семь, – ответил Рузвельт.

– Многие воевали, многим достались тяжелые испытания, – сказал Джон Хэй. – Война Севера и Юга – кошмар для всего нашего народа.

Джеймс повернулся к Хэю. Ему было занятно услышать такое мнение из уст человека, который недавно сделал состояние на книге о Линкольне и который в двадцать два года оказался в самом центре страшного водоворота войны.

– Я не тревожусь, что Америка останется без писателей, – сказал Генри Адамс. – Посмотрите на собравшихся за этим столом. Почти все здесь пишут и публикуются... или скоро будут публиковаться... да-да, я о вас, Хелен.

Дочь Хэев премило зарделась.

– Я ничего не пишу и не собираюсь, – сказала Клара Хэй.

– Ты написала поваренную книгу, дорогая, – напомнил ее супруг.

– Я говорю, – молодой Рузвельт продолжал переть напролом, – что Америка выходит на авансцену мировой истории и ей не нужен обабившийся писателишка – разумеется, ни к кому из присутствующих эти слова не относятся, – который бросил родину из-за изнеженного сентиментализма, мешающего ему быть мужчиной среди мужчин. Который ищет на чужбине убежища от ветров, закаляющих более сильные души.

Все разом шумно вдохнули. Джон Хэй на мгновение закрыл глаза, приложил ко лбу длинные белые пальцы и уже собрался что-то ответить, когда Джеймс поднял два пальца левой руки, дав ему знак молчать.

– Мистер Рузвельт, – сказал Джеймс, пристально глядя прямо в

нацеленное на него пенсне, – во-первых, в данном контексте уместнее говорить не «сентиментализм», а «сентиментальность». Во-вторых, комиссия по государственной службе, возрастившая такого льва, как вы, достойна величайшего восхищения. Ваши слова заставили меня совершенно по-новому взглянуть на американское чиновничество.

Рузвельт открыл было рот, чтобы ответить, однако Генри Джеймс продолжал так же вкрадчиво:

– Но увы, ваш сегодняшний рык, мой дорогой сэр, умалется для всякого разумного слушателя воистину поразительной бессвязностью ваших наблюдений и детской наивностью ваших чрезмерных упрощений.

Лиззи, Нанни и Хелен рассмеялись. Дель ошалело переводил взгляд с Рузвельта на Джеймса и обратно. Джон Хэй сцепил пальцы, его плотно сжатые губы побелели. Клара Хэй растерянно оглядывала гостей, видя, как ее чудесный прием разлетается в клочья, словно полковое знамя под ружейным огнем.

– Ваши фразы, мистер Джеймс, – процедил Рузвельт сквозь стиснутые зубищи, – в устном исполнении так же невразумительны, как и на типографской странице.

Джеймс улыбнулся почти лучезарно:

– В этом вопросе мой старший брат Уильям полностью с вами солидарен, мистер Рузвельт.

– Так мы точно едем в мае на Чикагскую выставку? – спросила Хелен.

– Мне не терпится увидеть статую богини-Республики Дэниела Честера Френча посреди Белого города – я читала, что ее высота шестьдесят пять футов, – подхватила Лиззи Камерон.

– А мне, признаюсь, хочется увидеть Диану Сент-Годенса на самой вершине Павильона сельского хозяйства, построенного архитектурной фирмой Маккима, Мида и Уайта, – добавила Нанни Лодж.

Джеймс повернул голову влево. Генри Адамс никогда прилюдно не упоминал Кловер или ее смерть, но станет ли он обсуждать памятник, поставленный Сент-Годенсом на ее могиле и уже получивший широкую известность? Или, если упомянуть памятник, Адамс ответит лишь долгим молчанием?

Адамс взглянул на друга и, словно прочтя его мысли, спросил:

– Гарри, вы не видели памятник Сент-Годенса на могиле Кловер на кладбище Рок-Крик?

– Не видел, Генри. Я еще не был в Америке с его завершения.

– Тогда поедem завтра его смотреть, – предложил Адамс. – Желаете присоединиться к нам, мистер Холмс?

– С большой охотой.

– Значит, договорились, – сказал Адамс, словно не замечая, что Лоджи, Камероны и Хэй смотрят на него потрясенно. – Я заеду за вами часов в десять.

– Прекрасно. – Джеймс не знал, что еще можно сказать. Он не мог вообразить, отчего Генри Адамс внезапно захотел отвезти на могилу покойной жены двоих людей, одного из которых сегодня увидел впервые.

Джон Хэй поднялся со стула:

– Быть может, мы попросим дам посидеть в гостиной, а сами поднимемся в библиотеку, покурить и выпить бренди?

– Всецело поддерживаю, – ответил сенатор Лодж.

Все встали.

Рузвельт по-прежнему жег Джеймса взглядом.

– Жеманное нагромождение выхолощенных, пустопорожних слов, – вполголоса пробормотал он, пока слуги отодвигали стулья.

Нарядные мужчины и женщины двинулись в противоположные стороны.

Джеймс вновь повернулся к Рузвельту и чуть улыбнулся, слушая, что шепчет ему на ухо Джон Хэй. Затем Джеймс ответил, негромко, но так, что Холмс по другую сторону стола его услышал, а следовательно, должен был услышать и Рузвельт:

– ...просто ждал чего-то большего, чем громогласное воплощение чудовищного скудоумия.

Четыре дамы стремительно выпорхнули из комнаты. Восемь мужчин более неспешным шагом направились в библиотеку. Из всех двенадцати улыбался лишь Шерлок Холмс.

Кваннон, мир, безмолвие или скорбь

Утро понедельника, 3 апреля, сулило почти идеальный весенний день. Воздух был прохладен и свеж после ночного дождя, солнце сияло, обещая тепло, но не жару. Деревья оделись молодой листвой, вишни стояли в цвету, клумбы распускались богатством красок.

Адамс подкатил к дому миссис Стивенс в старой, очень красивой открытой коляске, запряженной двумя высокими холеными лошадьми. Лакей соскочил с козел и распахнул низкие дверцы. Адамс сидел, положив обе руки на трость; Холмс и Джеймс устроились напротив него.

– Я очень рад, что вы оба нашли время поехать со мной, – с улыбкой произнес Адамс и велел кучеру: – Назад в объезд Лафайет-сквер, пожалуйста, Саймон.

Пассажиры переглянулись. От Лафайет-сквер их отделяло всего несколько кварталов. Собирается ли Адамс зачем-то отвезти их к себе домой – или к Хэю?

Нет. Кучер не остановился на Лафайет-сквер. Мерный цокот лошадиных подков эхом отдавался от домов по периметру засаженного деревьями квадрата. Трава сегодня казалась особенно зеленой. Холмс глянул на конную статую Эндрю Джексона посреди сквера.

Адамс проследил его взгляд и сказал:

– Моя жена, Кlover, называла эту статую «Джексон на лошади-качалке». Она не сильно грешила против истины. Это первая бронзовая статуя в Америке и первая конная, на которой лошадь вздыблена. Увы, скульптор, некий Кларк Миллс, в жизни не видел конной статуи, и, боюсь, по результату это заметно.

Холмс улыбнулся, однако успел поймать быстрый взгляд Генри Джеймса. Все знали, что Генри Адамс никогда – ни при каких обстоятельствах – не упоминает покойную жену. И все же ее имя только что прозвучало из его уст.

– Я попросил Саймона провезти нас к Рок-Крик-парку и кладбищу этой дорогой, поскольку не знаю, рассказал ли вам Хэй историю домов на площади, мистер Холмс, – продолжал Адамс. – Связанные с ними события могут быть интересны для человека вашей профессии.

– Не рассказывал, – ответил Холмс. – Мне вообще говорили лишь про дом мистера Хэя и ваш.

– Вот это узкое здание... – Адамс указывал тростью, впрочем не поднимая ее выше низкой дверцы. – Во время Войны Севера и Юга его снимал генерал Джордж Макклеллан. У Джона Хэя есть про него примечательный анекдот. Как-то вечером президент Линкольн в сопровождении двадцатитрехлетнего Хэя зашел к генералу, которого называл «маленьким Бонапартом», чтобы обсудить с ним какой-то вопрос, однако Макклеллана не было дома. Линкольн с Хэем сели в гостиной ждать. Через час мелкий генерал – мелкий исключительно ростом, ибо, уверяю вас, Макклеллан прочил себя на роль диктатора и называл Линкольна «натуральной гориллой», – вошел, увидел ждущего президента и поднялся по лестнице. Еще через полчаса Линкольн спросил слугу, скоро ли спустится хозяин. «О, сэр, генерал уже лег спать», – был ответ слуги.

– Невероятно, – заметил Генри Джеймс.

Адамс улыбнулся:

– Именно это Хэй сказал Линкольну, когда они в темноте под дождем шли к Белому дому. Он выразил мнение, что Линкольн – да и вообще любой президент США – не должен спускать подобную наглость, на что Линкольн ответил: «Если он выиграет для нас войну, я стерплю от него все».

– Поразительно, – проговорил Холмс, – хоть я и не совсем уверен, что это связано с моей профессией.

– Да. Зато вот... – Адамс указал тростью на дом чуть дальше. – Здесь жил полковник Генри Рэтбоун, которого Джон Уилкс Бут ударил кинжалом в тот же вечер, когда застрелил президента. – Он сделал паузу и глянул на Холмса. – Я подумал, вам это будет любопытно, поскольку вас особенно интересуют убийства.

– Выжил ли полковник? – спросил Холмс.

– Да-да... да, выжил. Полковник Рэтбоун попытался схватить Бута после того, как тот выстрелил президенту в затылок, но у Бута, помимо пистолета, был при себе кинжал. Он успел полоснуть Рэтбуона по руке и по лицу, прежде чем спрыгнуть на сцену и выкрикнуть свое мелодраматическое «*Sic semper tyrannis!*».^[24]

– Кажется, Рэтбоун корил себя, что не остановил Бута? – спросил Генри Джеймс. – Я где-то об этом читал.

– Да, именно так, – сказал Адамс. – Телесные раны зажили, но мысль, что он не сумел предотвратить убийство, тяжким грузом лежала на его душе. Десять лет назад, будучи американским консулом в Германии, Рэтбоун убил свою жену Клару – выстрелил в нее из пистолета и нанес ей несколько ударов кинжалом. Он пытался убить и своих троих детей, но его

скрутили. Полиции он объявил, что невиновен и что настоящие убийцы прятались за картинами на стене.

– Где он сейчас? – спросил Холмс.

– В приюте для душевнобольных в немецком Хильдесхайме, – ответил Адамс, вновь приподнимая черную трость. – Вон тот кирпичный дом принадлежал государственному секретарю Уильяму Сьюарду. В то самое время, когда в театре Форда застрелили Линкольна, в дом к Сьюарду тоже проник убийца – умственно неполноценный великан Льюис Пейн. Он проник в дом, сказав, что принес лекарство и должен вручить его лично больному.

– Больному? – спросил Холмс.

– За несколько дней до того карета Сьюарда опрокинулась, он получил много увечий, и в частности сломал челюсть, так что на нее наложили металлическую шину. Пейн ударил ножом сына Сьюарда, затем, как демон, набросился на лежащего больного и принялся колоть того ножом в лицо, шею, руку и грудь... Он продолжал наносить удары даже после того, как Сьюард провалился в узкий зазор между кроватью и стеной. Однако металлическая шина, гипс и толстые бинты спасли Сьюарду жизнь.

– А его сын? – спросил Холмс.

– Тоже выжил, хотя у него остались ужасные шрамы, – сказал Адамс. – Пейна, разумеется, повесили... вместе с другими заговорщиками. А теперь взгляните на то дерево...

Адамс приподнял трость чуть выше и положил ее кончик на дверцу. Они приближались к дереву, окруженному кольцом земли.

– На этом месте в феврале тысяча восемьсот пятьдесят девятого года конгрессмен Дэниел Сиклс, знаменитый волокита, картежник и лжец, отличавшийся этим даже на фоне других конгрессменов, выстрелом из пистолета убил молодого Филипа Бартона Кея, сына того самого Фрэнсиса Скотта Кея, который написал «Усыпанное звездами знамя». Пятью годами раньше Сиклс женился на пятнадцатилетней красавице Терезе Баджоли, которая бежала с ним вопреки воле родителей. Он постоянно ей изменял, в частности с куртизанкой Фанни Уайт, которую возил в Англию и даже представил королеве Виктории, в то время как бедняжка Тереза была беременна. Однако когда Сиклс узнал, что у Терезы роман с Кеем, он подстерег несчастного юношу и выпустил в него несколько пуль... прямо под этим деревом.

– Я знаю этот случай, – сказал Холмс. – Сиклса оправдали по причине... как же там было сформулировано... временной невменяемости, вызванной изменой жены. Я добавил заметку в свой архив, ибо, насколько

мне известно, то был первый прецедент, когда в англоязычной стране убийцу оправдали по причине «временной невменяемости».

Адамс кивнул:

– Сиклс нанял лучших адвокатов в Вашингтоне, включая Эдварда Стэнтона, впоследствии военного министра при Линкольне, и Джеймса Т. Брэди, который, как и Сиклс, был членом «Таммани-холла».

– Сиклс ведь был ранен на войне? – спросил Джеймс. Судя по всему, необычная экскурсия доставляла ему большое удовольствие.

– Да, при Геттисберге он потерял ногу, – ответил Адамс, – что не помешало ему через день после ранения и ампутации, четвертого июля, примчаться в Вашингтон и первым, если не считать президентских телеграфистов, сообщить о победе. Сиклс в качестве бригадного генерала что-то такое натворил... ослушался приказа, если не ошибаюсь, и спешил сообщить свою версию событий, что ему вполне удалось. Он был хорошим другом миссис Линкольн и часто у нее бывал. Если захотите, можем навестить его ногу.

– Навестить его ногу? – удивился Шерлок Холмс.

– Да. Когда второго июня шестьдесят третьего года военный хирург провел ампутацию, Сиклс попросил сохранить его ногу и заказал для нее деревянный гробик. Затем он презентовал ее Музею военной медицины, который находится в нескольких кварталах отсюда. Она и по сей день хранится там в витрине вместе с маленьким ядром – по уверению Сиклса, таким же, какое раздробило ему кость. Дэн Сиклс каждый год совершает паломничество к своей ноге... часто в обществе привлекательных молодых дам. Пожалуйста, останови коляску, Саймон.

Кучер остановил лошадей, и Адамс указал на красивый кирпичный особняк:

– В этот дом, который в пятьдесят девятом году принадлежал Бенджамину Тейлоу, принесли смертельно раненого Филипа Бартона Кея. Он умер на полу в гостиной; говорят, кровь впиталась в доски, так что ее пятна можно увидеть и сегодня, если приподнять персидский ковер. И Тейлоу, и нынешние жильцы уверяют, что призрак Кея является там и по сей день.

– А кто эти нынешние жильцы? – спросил Холмс.

– В тысяча восемьсот восемьдесят шестом особняк приобрели сенатор Дон Камерон и его жена Лиззи. – Адамс концом трости легонько ткнул кучера в спину. – На кладбище Рок-Крик, Саймон.

Адамс сказал, что от Лафайет-сквер до кладбища примерно пять миль. Это время они с Джеймсом провели за обычными разговорами немолодых людей: что слышно про общих знакомых, о художниках, писателях. Солнце уже припекало, подковы цокали мерно, как метроном, и Холмс надвинул цилиндр на глаза – не только для тени, но и чтобы спокойно поразмыслить.

Его очень удивило, как спокойно Джеймс встретил атаку Рузвельта за обедом. В прошлом столетии или даже в прежние десятилетия нынешнего подобные слова закончились бы встречей на заре в присутствии секундантов и пистолетами со стольких-то шагов. Холмс не думал, что Джеймс останется на бренди и сигары; он предполагал, что писатель под каким-нибудь предлогом уйдет домой один. Однако первым распрощался и ушел молодой Рузвельт, которому было неловко в библиотеке после его возмутительного афронта. Следующим – вскоре после полуночи – откланялся Холмс и вновь удивился, что Джеймс задержался поболтать еще.

Холмс вынужден был вновь и вновь напоминать себе, что Джеймс, Хэй и Адамс приятельствуют много лет. И все же сыщик не понимал, как дружба может пережить такое прилюдное оскорбление или почему Джеймс настолько спокойно держится в обществе друзей, которые не просто пригласили обидчика на обед, но даже и не пытались его осадить.

Коляска проехала по Северо-Западной Четырнадцатой улице, свернула на Гарвард-стрит и через несколько кварталов вновь повернула налево, на Шерман-авеню, а с нее на северо-запад, на Нью-Хэмпшир-авеню. После утренней инъекции на Холмса накатила приятная истома, и он позволил себе погрузиться в дремоту, однако мысль продолжала работать с бешеной быстротой. Сыщик знал, что должен разрешить загадку смерти Кловер Адамс и таинственных открыток за ближайшие дни десять-двенадцать и к середине апреля уже быть в Чикаго. Выставка открывалась ровно через четыре недели. Первого мая президенту Кливленду предстояло повернуть рубильник, после чего зажгутся электрические огни, специальное устройство сдернет покрывало с исполинской статуи Сент-Годенса, включатся сотни, если не тысячи различных механизмов.

А Майкрофт по-прежнему сообщал телеграммами, что нанятый анархистами Лукан Адлер планирует убить президента на открытии выставки.

Холмс внезапно понял, что Адамс к нему обращается.

– Извините, – сказал он, садясь прямее и сдвигая назад цилиндр. – Я задремал и не слышал ваших слов.

– Я показывал вон на ту крышу с куполом справа. Там была солдатская богадельня, куда президент и миссис Линкольн ездили отдохнуть и подышать воздухом во время войны. Разумеется, за три десятилетия Вашингтон так разросся, что поглотил и солдатскую богадельню, и Рок-Крик-парк, и кладбище Рок-Крик. Когда мистер и миссис Линкольн спасались здесь от летней жары, тут еще был загород.

– А мистер Хэй ездил с президентом? – спросил Холмс.

Адамс хохотнул:

– Очень редко. Линкольн оставлял Джона и Николея в душном Белом доме заниматься бумагами. Джон особенно хорошо воспроизводил подпись мистера Линкольна и часто писал письма якобы от его имени. Вы не поверите, сколько знаменитых писем Линкольна на самом деле сочинены молодым Джоном Хэем.

Холмс издал тот тюлений лай, который изображал у него смех.

– Может быть, и Геттисбергская речь? Я слышал, она была набросана на обратной стороне конверта.

– О нет, не этот документ, – отвечал Адамс, улыбаясь странному смеху Холмса не меньше, чем допущению, что Геттисбергскую речь написал Хэй.

Генри Джеймс, накрывший лысину соломенным канотье, сказал:

– Вас, наверное, утомили вчера все эти разговоры про индейцев, мистер Холмс.

– Ничуть. Я давно интересуюсь различными индейскими племенами и народами.

– Случалось ли вам когда-нибудь видеть индейца? Во плоти, так сказать? – спросил Адамс. – Может быть, когда Буффало Билл Коди был со своим шоу в Лондоне?

– При чуть более любопытных обстоятельствах. Собственно, оглаласиу научили меня немного говорить на лакотском языке, – ответил Холмс и тут же пожалел о сказанном.

– Вот как? – с неподдельным интересом проговорил Генри Джеймс. – Не расскажете ли, как это случилось?

Проклиная себя за болтливость, Холмс мысленно взвесил, удастся ли замаять тему, и понял, что не удастся.

– В двадцать лет я бредил сценой и мечтал стать актером. Труппа, в которой я состоял, – она ставила преимущественно Шекспира – отправилась в Америку на полуторагодовые гастроли. Мы играли в Денвере и золотопромышленных поселках Колорадо, таких как Крипл-

Крик и Сентрал-Сити. Перед отъездом в Сан-Франциско наш директор решил выступить в Дедвуде на территории Дакоты, поскольку до Черных холмов было «рукой подать». Как выяснилось, «рукой подать» означало пять дней езды для нашего каравана из шести фургонов с актерами и декорациями. Дважды нам пришлось форсировать вздувшиеся от дождей реки; тогда наши фургоны исполняли роль лодок, а мы следовали за ними вплавь. Так или иначе, в Дедвуд мы прибыли двадцать девятого июня тысяча восемьсот семьдесят шестого...

– Через четыре дня после убийства Кастера, – сказал Адамс.

– Да. Все дороги были перекрыты, а железнодорожную ветку туда еще не протянули, так что наша труппа застряла в Дедвуде на пять недель. Мы давали пять представлений в неделю плюс утреннее по субботам. Утром по будням я уезжал в холмы, где встречался с оглала-сиу, стоявшими лагерем у Медвежьей горки, священной для их племени.

– Странно. Я думал, к тому времени американская кавалерия уже окружила этих сиу... если не уничтожила, – заметил Генри Джеймс.

Холмс кивнул:

– В том лагере были только женщины, дети и старики... старики по большей части знахари, или, на их наречии, *вичаша ваканы*. Они пришли туда за много недель до того, как войско Кастера попало в засаду у Литтл-Бигхорна, который сиу называют Сочной Травой, чтобы побеседовать с неким бессмертным шаманом, наверняка мифическим, по имени Роберт Сладкое Лекарство. Считалось, что этот Роберт Сладкое Лекарство живет в пещере под Медвежьей горкой. Но да, хотя индейцы были совершенно безобидны, кавалерийский гарнизон Белль-Фурш забрал у стариков все оружие. Шесть десятков сиу полностью зависели от провианта, которым снабжали их солдаты. Несчастные индейцы совершенно ослабели от голода.

– И все же они нашли время учить вас своему языку, – заметил Адамс.

– Да. И я каждый раз привозил еду, которую взрослые тут же отдавали детям.

– Любопытно, – сказал Джеймс, – что вы узнали от ковбоев, пьяниц, охотников на бизонов, индейцев, дезертиров и старателей за пять недель пребывания вашей труппы в Дедвуде?

Холмс улыбнулся одними губами:

– Что «Макбета» и «Гамлета» они смотрят охотнее, чем «Как вам это понравится». Но самая любимая их пьеса – «Тит Андроник».

Коляска свернула с широкой и пыльной Нью-Хэмпшир-авеню на Эллисон-стрит. Впереди уже виднелась каменная арка кладбища Рок-Крик

и приветливо распахнутые кованые ворота.

* * *

Покуда коляска катила через древесную тень и вновь через открытый зеленый простор, Адамс объяснял, что кладбище Рок-Крик разбито на площади восемьдесят шесть акров в сельском садовом стиле, который был популярен перед войной. Увлечение античными гробницами привело к тому, что кладбища вроде этого создавались не только как место последнего упокоения, но и как общественные парки, куда люди по воскресеньям приводят детей на прогулки и пикники.

– Кlover обожала верховую езду, – сказал Адамс, – и мы часто катались в этом парке. Уверен, мы проезжали по тому самому месту, где она теперь лежит.

Он отвел взгляд и надолго замолчал.

Они пока не встретили ни одного пешехода или кареты. Холмс догадывался, что за кладбищем ухаживает целая армия садовников: трава была аккуратно подстрижена, клумбы – прополоты и политы, однако сейчас работников было не видеть. На плавном повороте между двумя полукруглыми лужайками с рядами белых надгробий коляска остановилась.

– Прошу за мной, джентльмены, – сказал Генри Адамс.

* * *

Надгробья разделялись пространствами зеленой травы, так что ни у кого не возникло бы чувства, будто они идут по могилам, однако Адамс повел спутников к асфальтированной дорожке, которая вилась между деревьями к другим лужайкам. Все памятники были в очень хорошем вкусе. Впереди виднелась почти сплошная стена из близко посаженных высоких остролистов или какого-то американского вечнозеленого дерева, похожего на английский остролист.

Вслед за Адамсом они подошли к двухъярусному каменному пьедесталу, на котором стояла гранитная колонна высотой футов десять, отчасти закрытая кружевными ветками деревьев.

– Это важная сторона памятника, – сказал Адамс, прикасаясь к резному барельефу из двух переплетенных колец. Каждое было примерно

двенадцать дюймов в диаметре и состояло из мелких листочков, вроде лавровых.

Не останавливаясь, Адамс повел их по периметру двадцатифутовой стены из деревьев, туда, где в ней открывался узкий проход.

– Смотрите под ноги, – предупредил он.

Совет был своевременным: посадки отделял бетонный бордюр, не до конца засыпанный гравием.

Трое мужчин прошли через древесный проем, поднялись на площадку и замерли.

– О боже... – выговорил Генри Джеймс.

Даже у Шерлока Холмса, которого ничуть не занимали погребальные объекты любой эпохи, на миг перехватило дыхание.

Они стояли на шестиугольной площадке поперечником в двадцать футов. По трем сторонам тянулись скамьи – каменные, но не из гранита, как сам памятник. Подлокотники на их концах были в форме грифоньих крыльев, а под ними резные когтистые лапы стискивали шары – основание скамей.

Однако в первую очередь взгляд приковывал памятник напротив центральной скамьи.

На гранитном пьедестале, спиной к вертикально стоящей гранитной плите, сидела задрапированная фигура выше человеческого роста, не то мужская, не то женская. Край одеяния покрывал ее наподобие капюшона, оставляя открытой лишь правую руку; на лицо падала глубокая тень.

Холмс сделал шаг вперед. Генри Джеймс тоже.

– Генри, – проговорил Джеймс, – вы присылали мне фотографии, но я и представить не мог...

– Фотографии ничего не передают, – ответил Адамс. – Лиззи Камерон отправила мне снимки, когда я был в Южных морях, но мощь памятника я осознал лишь в прошлом феврале, увидев его своими глазами. Много раз за эти два года сидел я здесь, незримый и неслышимый для всех, и наблюдал за людьми, которые впервые видели памятник. Диапазон их высказываний был чрезвычайно широк – от любопытных до грубо-ребячливых.

Видимые части массивной бронзовой фигуры были андрогинны. Сильная рука, подпиравшая щеку и подбородок, могла принадлежать и мужчине, и женщине. В твердости черт и прямизне носа чувствовалась прерафаэлитская красота, однако глаза – почти, но не совсем прикрытые веками в скорбном размышлении – выводили скульптуру за рамки любой школы, любой эпохи, классической или современной.

– Кажется, будто его... или ее... лицо под капюшоном затеряно в

пещере раздумий, – сказал Джеймс.

– Когда мы с художником Ла Фаржем вернулись в восемьдесят шестом из Японии, мы чуть не с головой завалили Сент-Годенса фотографиями и рисунками будд, чтобы он почерпнул в них вдохновение, – тихо произнес Адамс. – Во время долгого путешествия по Южным морям я про себя называл будущую статую «мой Будда». Однако это не Будда.

«Верно», – подумал Холмс. Будды, которых он видел на Востоке, рождали ощущение созерцательного покоя; эта статуя внушала зрителю сильнейшее чувство утраты, боли и даже скорби – всего того, что Будда и его последователи оставили позади.

Холмс мысленно отметил, что закутанная бронзовая фигура сидит на невидимой скамье или камне, прислоненном к граниту. Ноги, неразличимые под складками, стояли на массивном каменном основании фута три в поперечнике, которое, в свою очередь, опиралось на гранитную плиту, отходящую от вертикального блока.

Когда наблюдатель делал шаг вбок, полуприкрытые глаза статуи как будто следили за ним. Складки одеяния тяжело ниспадали с колен, отполированных частыми прикосновениями.

– Есть ли у скульптуры название? – спросил Холмс.

Он снова сделал шаг влево, затем вправо, чувствуя, как глаза из-под капюшона отмечают его движения.

Адамс опустился на скамью напротив памятника и закинул ногу на ногу:

– Я хотел назвать ее «Упокоение», но это было бы не совсем правильно, да? Как раз покоя-то в ней нет... или есть что-то большее. Мой друг Ла Фарж называет ее «Кваннон», по японскому имени китайской Гуаньинь. Петрарка сказал бы: «*Siccome eterna vita è veder Dio*». ^[25] Помоему, настоящий художник должен был оставить ее безымянной, чтобы не ограничивать возможные толкования.

– Скамья? – спросил Джеймс, поворачиваясь к Адамсу.

– Ее спроектировал Стэнфорд Уайт, он же решил, как посадить деревья, и в этом ушел от моего первоначального восточного замысла еще дальше, чем Сент-Годенс. Зимой девяностого рабочие Уайта закрыли все навесом больше чем на месяц. Однако крылья грифонов... совсем не та традиция Шакьямуни, которую мы с Ла Фаржем имели в виду. Хотя, я думаю, эта скульптура – очень сент-годенсовская, лучшее выражение его творческого гения.

Джеймс вновь повернулся к статуе и спросил:

– А у Сент-Годенса есть для нее название?

– Несколько, – ответил Адамс. – Последнее, которое я слышал в ответ на чей-то вопрос, было «Загадка будущей жизни», но он сам понимает, что это не годится. Сент-Годенс говорит на языке камня, не на языке слов.

– «Я искунитель и сомнение», – проговорил Джеймс.

– Да, – согласился Адамс.

– Я не узнаю цитаты, – сказал Холмс.

– Стихотворение Эмерсона «Брахма», – ответил Генри Джеймс и прочитал на память:

Убийца мнит, что убивает,
Убитый мнит, что пал в крови, —
Ни тот и ни другой не знает,
Куда ведут пути мои.

Забвенье, даль – мои дороги,
Мне безразличны тьма и свет;
Во мне – отверженные боги,
Величий и падений след.

Кто прочь стремится в самомнение,
Тому я сам даю полет;
Я искунитель и сомнение,
Тот гимн, что мне брамин поет.

Ко мне стремятся боги тщетно,
Священных Семь, – но в тишине
Добро творящий незаметно
Придет и без небес ко мне!^[26]

Холмс кивнул.

– Когда я был в Индии и пытался медитировать под священным деревом бодхи, которое к нашему времени усохло так, что стало не больше сучка, – сказал Адамс, – я написал стихотворение, пытаюсь выразить в нем воистину трансцендентный миг. Мне это удалось еще хуже, чем Эмерсону.

– Прочтите нам стихотворение, Генри, – попросил Джеймс.

Адамс замотал было головой, потом закинул руки на спинку скамьи и прочитал тихо:

Жизнь, Время и Пространство, Разум, Мир
Кончатся, где начались, – в единой Мысли
О Чистоте Молчания.

Затем громко расхохотался, так что Джеймс и Холмс даже вздрогнули.

– Извините, – проговорил он минуту спустя, – просто стихотворение Эмерсона напомнило мне строчки, которые Кlover написала в письме к отцу зимой... восемьдесят восьмого, если не ошибаюсь. Наверное, я смогу привести их на память: «У нас была настоящая старомодная метель, и теперь все катаются на санках. Будь здесь Ральф Уолдо Эмерсон, он бы написал про отъезженные ноги – величий и падений след».

Холмс и Джеймс тихонько рассмеялись. Затем Джеймс поймал взгляд Холмса и сказал:

– Я немного прогуляюсь среди надгробий. Скоро вернусь.

Как только Джеймс протиснулся в узкий проход между деревьями, Адамс промолвил:

– Мистер Холмс, теперь нам с вами надо поговорить всерьез.

* * *

– Я знаю, зачем вы здесь, Холмс, – сказал Адамс. – Зачем вы приехали в Вашингтон. Зачем притащили с собой бедного Гарри.

– Хэй вам сказал. – Холмс, положив обе руки на трость, подался вперед, к сидящему Адамсу.

– Нет. Не сказал... пока. Но скажет. Джон не позволит мне долго выглядеть дураком. Мы с ним больше чем друзья, Холмс. Мы как братья.

Холмс кивнул, гадая, как много Адамс знает или подозревает.

– Однако я сразу понял, что вы приехали разрешить так называемую загадку открыток, которые приходят оставшимся в живых «сердцам» в годовщину смерти Кlover. Итак?

– Разгадал ли я ее?

– Да. – Короткое слово рассекло душистый утренний воздух, словно удар хлыста.

– Нет, – ответил Холмс. – Я знаю, что открытки напечатаны на машинке Сэмюеля Клеменса. Я просмотрел список его гостей с Рождества восемьдесят пятого года по декабрь восемьдесят шестого – время, в которое были напечатаны открытки.

– И сузили список?

Холмс раскрыл ладони, не отрывая одну руку от набалдашника трости.

– У Клеменса ночевали Ребекка Лорн и ее кузен Клифтон. Как и Нед Хупер. Как и все остальные оставшиеся «сердца», исключая Кларенса Кинга. В том числе вы, мистер Адамс.

Адамс сухо кивнул:

– Вы действительно подозреваете Ребекку Лорн?

Холмс вытащил из кармана фотографию и, подойдя ближе, отдал ее Адамсу. То был вырезанный из программки Польской оперы снимок британской примадонны Ирэн Адлер.

– Возможно, это та же дама, – сказал Адамс. – Трудно сказать из-за театрального грима и прически. Мисс Лорн одевалась куда скромнее.

– Это та же дама, – ответил Холмс.

– Что с того? Снимок ничего не доказывает.

– Откуда вы знаете, зачем я здесь, если Хэй и Джеймс вам не говорили? – спросил Холмс. – Нед Хупер, я полагаю.

Адамс улыбнулся, вернул ему фотографию и скрестил руки на груди:

– Я был привязан к Неду Хуперу, и весть о его смерти в прошлом декабре стала для меня тяжелым ударом. До того Нед почти каждый год приходил ко мне и умолял обратиться в полицию по поводу так называемой загадки декабрьских открыток. На позапрошлый Новый год он обещал... угрожал... если я не приму мер, отправиться в Лондон к прославленному сыщику Шерлоку Холмсу.

– И что вы ему ответили?

– Кажется, я сказал, что прославленный сыщик Шерлок Холмс – вымышленное лицо.

Холмс кивнул. Довольно долго оба молчали. Где-то за зеленой древесной стеной по кладбищенской аллее проехал экипаж, и цокот копыт затих вдали.

– Моя обожаемая жена сама наложила на себя руки, мистер Холмс, – очень тихо проговорил наконец Адамс. – Вот почему в последние семь лет я не говорю о ней, кроме как с ближайшими друзьями.

– Однако сегодня вы говорили о ней свободно, – заметил Холмс.

– Это потому, что я собираюсь попросить вас отказаться от бессмысленной затеи, вернуться в Англию и оставить меня и мои воспоминания в покое, мистер Холмс, – сказал Адамс. Каждое слово било, как очередь из пулемета Гатлинга.

– У меня есть обязательство перед клиентом, сэр, – сказал Холмс.

Адамс рассмеялся, но смех его был невесел.

– Я и вправду любил Неда Хупера, мистер Холмс. Однако безумие было у него в крови, как и у Кловер, и у ее отца, и у многих членов их семьи. Ничьей вины тут нет. Просто Нед, как и Кловер, был обречен наложить на себя руки. Ваш «клиент», мистер Холмс, страдал от помрачения рассудка. Будете ли вы продолжать свои поиски, если я скажу, что каждый найденный вами ложный факт причинит мне такую же боль, как необходимость проглотить острый осколок стекла?

– У меня нет намерения причинить вам боль, мистер Адамс. Да и никому другому, за исключением возможных...

– К чертям ваши намерения! – перебил Адамс. – Неужто вы еще не поняли? Нед Хупер сам и отпечатал эти открытки, когда гостил у Клеменса в восемьдесят шестом. Он же отправлял их мне и другим «сердцам» каждое шестое декабря.

– Вы знаете это от него? – спросил Холмс, который с самого начала рассматривал такую возможность. Лишь присутствие Ирэн и Лукана Адлер убедило его в противоположном.

– Нет, прямо он такого не говорил, – ответил Адамс. – Однако Нед был неуравновешен, он тяжело переживал всякое потрясение, и самоубийство Кловер окончательно сломило его дух. Смерть Кловер была бессмысленна, мистер Холмс, логична лишь для нее в тогдашнем отчаянии. Нед просто не мог принять, что родная сестра, самый важный для него человек, ушла из жизни беспричинно.

– Не исключено, – ответил Холмс. – Однако страхи Неда, как представляется, были основаны на пугающих фактах, а не на безобидном сумасшествии. Истинные имена Ребекки Лорн и ее кузена Клифтона наводят...

– У меня к вам предложение, мистер Холмс, – перебил Адамс.

Холмс ждал.

– Мы все наслышаны о ваших дедуктивных талантах, мистер Холмс, о том, какой вы великий сыщик. Однако никто из нас, даже, как я убежден, Гарри, не имел случая наблюдать, как вы распутали хоть что-нибудь при помощи вашей так называемой дедукции.

– Что я должен сделать, чтобы вас убедить? – спросил Холмс.

– Разрешите загадку, которую я вам задал, – ответил Адамс.

– Загадку открыток, приходящих шестого декабря?

– Нет! – воскликнул Адамс. – Загадку, которую я вам задал. Разрешите ее к пяти часам завтрашнего дня – и можете остаться. Я даже буду помогать вам в вашем расследовании. Но вы должны дать слово джентльмена, что если не разрешите ее, то покинете этот город, эту страну и навсегда

оставите в покое так называемую тайну смерти моей жены. Согласны?

– Скажете ли вы мне, о какой загадке речь?

– Нет, – отрезал Адамс. – Если вы и впрямь гений наблюдательности и дедукции, каким вас вывели в печати, вы сумеете найти загадку и разрешить ее к завтрашнему вечеру. Если нет, если вы с этим не справитесь, то должны распрощаться и оставить меня в покое.

Холмс поднял трость и в задумчивости постучал набалдашником по правому плечу. Потом сказал:

– Я не могу вернуться в Лондон, пока не завершу другую работу. Однако я согласен уехать из Вашингтона и прекратить расследование смерти вашей жены.

Адамс вновь сухо кивнул:

– Найдите и разгадайте загадку к пяти часам завтрашнего дня либо покиньте Вашингтон и не ворошите мое прошлое. Мы договорились.

Несколько мгновений оба стояли молча, глядя друг на друга, но не видя почти ничего.

Тут из-за деревьев показался Генри Джеймс.

– Я что-то пропустил? – осведомился он.

Слепой бы увидел

Генри Джеймса разбирало любопытство.

Когда он вернулся к надгробному памятнику Кловер, то сразу понял: между Шерлоком Холмсом и Генри Адамсом что-то произошло, хотя ни тот ни другой не объяснил, что именно... да и вообще они отказались подтвердить его догадку. Однако оба молчали всю дорогу домой. Адамс сказал лишь: «На сегодня прощаюсь, друзья мои», высаживая их из коляски перед пансионом миссис Стивенс.

В доме Холмс упорно хранил молчание. На вопрос Джеймса, не хочет ли он выйти в ресторан, сыщик ответил: «Спасибо, но я сегодня, возможно, обедать не буду» – и удалился в свою комнату.

Джеймс провел остаток дня и начало вечера у окна в своей комнате: курил, смотрел в раскрытую книгу, не в силах сосредоточиться на тексте, и поминутно поглядывал на улицу. Отсюда ему была видна короткая дорожка, ведущая к парадному входу.

Когда Холмс наконец вышел (примерно за час до наступления темноты), на нем был теплый не по погоде твидовый дорожный костюм, плащ с пелериной и кепка с завязанными наверху ушами; в руке он держал небольшой брезентовый мешок. Джеймс тут же схватил цилиндр и трость и последовал за сыщиком. Холмс был одет как джентльмен, хотя мешок больше подошел бы идущему с работы слесарю или мастеровому.

Джеймс не сомневался, что сыщик рано или поздно его заметит, и планировал соврать, что вышел совершить вечерний моцион. Однако Холмс ни разу не обернулся и как будто даже не подозревал, что писатель идет по другой стороне улицы в полуквартале за ним.

Пройдя три квартала, Холмс зашел в телеграфную контору. Джеймс остановился перед закрытой галантерейной лавкой напротив и, укрывшись в тени навеса, притворился, будто разглядывает галстуки в витрине. На самом деле он следил за отражением, дожидаясь, когда появится Холмс, что и произошло всего несколько минут спустя.

Сыщик шагал быстро, насвистывая на ходу, иногда крутя в воздухе тростью, и уже через несколько минут вышел к перекрестку Северо-Западной Двенадцатой улицы и Пенсильвания-авеню, где достаивала последние месяцы обреченная на снос старая гостиница «Кирквуд-хауз». Джеймс дождался просвета в потоке экипажей, среди которых попадались

редкие авто, а когда благополучно достиг противоположной стороны Пенсильвания-авеню, то Холмса уже нигде не было. Писатель двинулся дальше по улице, но медленно, предполагая, что сыщик зашел в какую-нибудь лавку. Тени удлиннились, солнце почти село. Джеймс пересек узкую улочку, и тут путь ему преградил Холмс. Блеснула острая сталь шпаги, однако сыщик тут же убрал ее обратно в трость и защелкнул сверху серебряный набалдашник.

– Джеймс, – с негромким смехом проговорил Холмс. – Мне подумалось, что для Лукана Адлера рановато.

Джеймс заморгал. Выходит, сыщик рассчитывал, что анархист-убийца будет его преследовать? Не для того ли он согласился пойти вчера на обед к Хэям, чтобы известие о приезде Шерлока Холмса разнеслось по столице и враги попытались на него напасть?

Холмс выступил из проулка, свистнул и вскинул руку, подзывая кеб из числа стоящих в ряд перед «Кирквуд-хаузом».

Как только они с Джеймсом устроились на сиденьях, Холмс велел извозчику проехать два квартала и затем свернуть направо.

– Мы куда-то едем?

Еще не договорив, Джеймс осознал нелепость своего вопроса. Ну конечно, они возвращаются к миссис Стивенс, хотя сыщик и указал неверное направление.

– Я должен поразмыслить, а мне лучше всего думается во время долгой поездки в кебе, – сказал Холмс. – А вы за собой такого не замечали, мистер Джеймс?

Джеймс промышчал что-то неопределенное. По правде сказать, ему не случалось обдумывать роман или рассказ в кебе. В вагоне поезда при путешествии в одиночку, да, и – успешнее всего – в ванне либо на утренней прогулке, но только не в кебе. Он не следил, в каком направлении они едут, хотя и слышал, как Холмс отдает указания извозчику: «Сейчас направо... Теперь налево... Дальше прямо, пока не скажу».

– У вас есть особые причины о чем-то думать? – спросил Джеймс. – Или появилось что-то новое, о чем нам надо поразмыслить вместе?

Писатель понимал, что, задавая прямой вопрос, рискует попасть в неловкое положение, однако любопытство терзало его с той самой минуты, как он вернулся к памятнику Сент-Годенса и увидел Холмса и Адамса, сидящих в напряженном молчании.

– Да, – ответил Холмс. – Однако это может быть очень личным... для Адамса и для других ваших друзей... Вы уверены, что хотите услышать?

Джеймс задумался лишь на долю мгновения:

– Да. Уверен.

* * *

Холмс вкратце изложил кладбищенский разговор и условие, которое поставил ему Адамс.

– Однако вы даже не знаете, в чем состоит загадка? – спросил Джеймс. Он был потрясен решением Холмса и одновременно чувствовал облегчение при мысли, что скоро сыщик оставит его друзей в покое.

– Не имею ни малейшего понятия, – ответил Холмс.

– Попросили ли вы Адамса дать вам хоть какой-нибудь намек?

– Нет. Вы знаете Генри Адамса, мистер Джеймс, в отличие от меня. Мне известно о нем лишь то, что рассказывали вы и Нед, да то впечатление, какое я составил за время вчерашней и сегодняшней встречи. Считаете ли вы, что он был со мной честен и загадка на самом деле существует?

Джеймс задумался. Копыта цокали по мостовой, Холмс говорил извозчику, когда сворачивать. Снаружи проплывали типичные вашингтонские виды: красивые особняки и редкие лавки, пустые луга, затем снова дома и деревья.

– Да, – сказал Джеймс наконец. – Адамс не прочь подурочиться – если здесь уместно такое слово, – особенно когда он с Хэем, Кларенсом Кингом или Сэмюелем Клеменсом... и оберегает свою личную жизнь так же ревниво, как дракон сторожит свое золото. Однако, не будь загадки, он не стал бы затевать эту нелепую... игру. Просто сказал бы вам не лезть в его дела.

Холмс задумчиво кивнул, перекидывая черные перчатки из ладони в ладонь.

– У вас нет никаких соображений, в чем может состоять загадка?

– Мне ничего не приходит в голову, помимо смерти его жены. Однако в последние десять лет мы общались главным образом по почте, либо во время приездов Адамса в Лондон, либо когда наши пути пересекались в Европе.

– Я убежден, что он говорил о тайне, которая существует здесь и сейчас. Не о какой-то головоломке, с которой случайно столкнулся в Лондоне или другом месте.

– Есть ли у вас хоть какие-нибудь догадки, что это может быть? – спросил Джеймс.

Холмс хлестнул перчатками по раскрытой ладони, нахмурился и сказал резко:

– Я никогда не гадаю, Джеймс. Никогда.

– В таком случае бывало ли у вас подобное дело? – спросил Джеймс.

– В каком смысле, сэр?

– Дело, в котором, прежде чем разрешить загадку, надо было понять, в чем она состоит.

– Косвенно – да. Часто у меня просят совета в связи с чем-то, что представляется просто странным, – например, почему отец попросил взрослую дочь переехать в другую комнату после того, как она услышала ночью непонятный звук, – а затем выясняется, что в странности заключена настоящая тайна. Однако мне ни разу не поручали искать загадку среди целого мира, не очертив даже примерных границ и дав сутки сроку... – Он глянул в сумерки за окном кеба. – Из которых часть уже прошла. Останови здесь, извозчик. – Холмс постучал тростью по козлам наверху.

Еще не стемнело, но Джеймс, оглядевшись, не понял, куда они приехали.

– Вот стимул дождаться нас здесь, сколько бы это ни заняло, – сказал Холмс, протягивая извозчику золотые монеты (на взгляд Джеймса, непомерно много).

Извозчик ухмыльнулся и тронул фетровый цилиндр.

– Идемте, Джеймс, – сказал Холмс и быстро зашагал по аллее, вбок от улицы, по которой приехал кеб.

Лишь увидев впереди сводчатые ворота, Джеймс понял, что они вернулись на кладбище Рок-Крик.

* * *

– Рассчитываете ли вы отыскать загадку здесь? – спросил Джеймс, покуда они шагали по мощеной дорожке, вьющейся через кладбище.

– Не обязательно, – ответил Холмс. – Но если мы хотим думать на ходу, то это, безусловно, лучшее место для размышлений.

– И скоро оно станет *темным* местом для размышлений, – заметил Джеймс.

И впрямь, солнце красным шаром лежало точно на линии горизонта, проглядывающей между деревьями и надгробными монументами. Тени удлинялись, сливаясь с полосами тьмы. На памятниках лежал теплый свет угасающего дня: последние минуты, когда еще можно разобрать

высеченные в камне имена и годы жизни.

– Я прихватил потайной фонарь. – Холмс тряхнул мешок, затем принялся разжигать трубку.

Джеймс, вообще-то, любил запах трубочного табака, но Холмс курил такой дешевый и крепкий сорт, что писатель, шагавший справа, с подветренной стороны от него, переместился на левую, наветренную.

– Джеймс, вспомните, не упоминал ли Адамс вчера за обедом каких-нибудь загадок?

– Боюсь, что из-за настойчивых попыток мистера Рузвельта мне нагрубить я упустил большую часть застольной беседы, – сказал Джеймс.

Холмс резко остановился и пристально глянул на литератора сквозь клубы табачного дыма:

– Вы никогда и ничего не упускаете, Джеймс. И мы оба это прекрасно знаем.

Джеймс не ответил, и они пошли дальше. Солнце село, трехмерность их окружения растворилась в приятных сумерках. Деревья, надгробные памятники, могильные плиты и зеленые холмики – все они без игры света и тени стали более плоскими.

– Была загадка красношеих нырков, – сказал наконец Джеймс. – Но эту тему затронула Клара Хэй, объясняя, почему нам подали чирка, а загадкой исчезновение нырков из ресторанов и лавок назвал ее муж.

– И Генри Адамс разрешил эту загадку. В дефиците нырков, как и во многом, многом другом виноваты евреи.

Джеймс уловил нескрываемую иронию в тоне Холмса и поспешил объяснить, что Адамс – человек весьма либеральных взглядов, но евреи, увы, его пунктик.

Холмс, не дослушав оправданий, взмахнул тростью:

– Не важно, Джеймс. Многие англичане тоже инстинктивно ненавидят евреев, хотя, конечно, в вашей стране этот предрассудок меркнет в сравнении с тем, что восемь миллионов негров не признаются за граждан и даже за полноценных людей.

Джеймс чуть было не сказал: «Только не здесь, на Севере», потом вспомнил, что они в Вашингтоне, который никогда по-настоящему к Северу не относился. В памяти с неожиданной, почти сокрушительной силой всплыл весенний день – двадцать третье мая тысяча восемьсот шестьдесят третьего года, – когда он сознательно не пошел смотреть, как брат Уилки марширует по Бикон-стрит со своим полком, знаменитым Пятьдесят четвертым Массачусетским черным под командованием молодого (и, разумеется, белого) полковника Шоу. Генри Джеймс лоботрясничал в

Гарварде, читал романы и прогуливал лекции по юриспруденции, однако в тот день занятия отменили, чтобы студенты проводили Массачусетский полк на фронт, и все равно Джеймс остался у себя в комнате с книгой. Позже он узнал, что его старший брат Уильям, хоть и был тогда в Гарварде, поступил так же. Джеймс не сомневался, что Уильям, в точности как он, не сумел бы объяснить, отчего не пошел с родными, друзьями и незнакомцами провожать полк.

На мгновение писателю стало стыдно, что он во вчерашнем споре сослался на раны, полученные в боях Уилки и Бобом. Уилки испытывал такие невыносимые муки, лежа день за днем на залитой кровью походной койке у входа, и проявил такую отвагу, вернувшись потом в строй, что эти переживания навсегда изменили Генри Джеймса. Он упрекал себя, что привел страдания брата в качестве аргумента.

И все же, повторись сегодня двадцать третья мая тысяча восемьсот шестьдесят третьего года, он снова не пошел бы смотреть, как Уилки и его солдаты, веселые, здоровые, исполненные боевого духа, под плещущими знаменами маршируют к поезду, который отвезет их на войну.

Из задумчивости Джеймса вывел резкий звук – Холмс ударил металлическим наконечником трости о дорожку.

– Мы должны допустить – если Адамс играет честно, а вы сказали, так оно, вероятнее всего, и есть, – что его загадка относится скорее к сегодняшней беседе, чем к вчерашней за обедом.

– Да, вероятно, – ответил Джеймс, чувствуя внезапную усталость. – Однако не забывайте, я пропустил часть вашего разговора на могиле Кловер, когда уходил пройтись.

– Да, – сказал Холмс и круто свернул с дорожки на траву.

Джеймс увидел впереди плотную стену деревьев у памятника Кловер и спросил:

– Вы думаете, монумент может быть подсказкой?

– Думаю, что там есть скамья, на которой я могу посидеть и покурить, пока мы размышляем, – ответил Холмс.

Они молча подошли к монументу сзади, и Холмс, глядя на вертикальную гранитную плиту, проговорил:

– Странно... Адамс сказал нам обоим, что *это* – важная сторона памятника.

Он тронул гранит тростью.

– Ничего странного. Какой бы впечатляющей ни была скульптура Сент-Годенса по другую сторону, именно обручальные кольца по эту... – Джеймсу пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться до

переплетенных колец, – символизируют годы их брака, которому и посвящен мемориал.

– Да, конечно.

Холмс закинул трость на плечо и принялся, щурясь, изучать гранитную плиту, на которой уже лежала густая тень. Джеймсу подумалось, что сыщика не слишком убедил его ответ.

Холмс обошел памятник и шагнул в просвет между деревьями. Шестиугольная площадка, скамьи и статуя были уже погружены во тьму. Сыщик сел прямо напротив статуи, поставил тяжелый мешок рядом на скамью, положил трость, скрестил ноги и принялся заново раскуривать трубку.

– Что я пропустил, пока вы разговаривали без меня? – спросил Джеймс.

Холмс выпустил клуб табачного дыма:

– Я показал ему фотографию оперной дивы Ирэн Адлер, которая, я убежден, играла роль Ребекки Лорн в последние месяцы перед смертью Кловер. Адамс ответил, что не может определить, та ли женщина. Он попросил прекратить расследование, я возразил, что у меня есть обязательства перед клиентом, на что Адамс послал меня к черту и...

– Послал вас к черту?!

Джеймс даже не пытался скрыть, что шокирован. На Генри Адамса, которого он знал долгие годы, такое ничуть не походило.

– Послал меня к черту, – повторил Холмс, – и объяснил, что хоть и был привязан к Неду, брату Кловер, безумие у Хуперов в крови. Фактически он дал понять, что в расследование меня втравил сумасшедший. Открытки, которые приходили пяти «сердцам» шестого декабря, по словам Адамса, напечатал Нед Хупер...

– У него есть доказательства? – спросил Джеймс.

Гипотеза представлялась ему правдоподобной... куда более правдоподобной, чем любая другая.

– Нет, – ответил Холмс. – Он просто так думает.

– Было еще что-нибудь?

Холмс раскрыл ладони, и Джеймсу представились белые голубки, улетающие во тьму.

– Нет. Затем он предложил мне разрешить загадку, и тут вернулись вы.

– Как-то не...

– Помолчите, пожалуйста! – рявкнул Холмс.

В первый миг Джеймс решил, что сыщик услышал приближающиеся шаги, и приготовился второй раз за сегодня увидеть Генри Адамса. Но нет,

никто не показался в просвете между деревьями, и стало ясно: сыщик требует тишины для раздумья.

Джеймс глянул на скульптуру напротив, и, хотя такое было невозможно – голова статуи была ниже древесных крон и каменной плиты за ней, – ему почудилось, будто закутанная бронзовая фигура едва заметно светится в темноте.

Холмс курил и думал минут двадцать. Джеймс находил приятными тишину и покой, хотя сгущающаяся тьма немного его пугала. Он вздрогнул, когда Холмс довольно громко произнес:

– «Много раз за эти два года сидел я здесь, незримый и неслышимый для всех, и наблюдал за людьми, которые впервые видели памятник. Диапазон их высказываний был чрезвычайно широк – от любопытных до грубо-ребячливых».

– Что?! – воскликнул Джеймс. – Я думал, вы раньше здесь не бывали!

– Да, – ответил Холмс. – Не бывал. Это сказал сегодня Адамс – нам обоим.

– Ах да, – проговорил Джеймс, обращая свою мощную память вспять, словно луч прожектора. – Это в точности его слова.

– «Много раз за эти два года сидел я здесь, незримый и неслышимый для всех, и наблюдал», – цитируя Адамса, Холмс развел руки, словно охватывая все три скамьи, составлявшие половину шестиугольного периметра. – Где он мог слушать и наблюдать, оставаясь незримым и неслышимым?

– Я понял так, что он украдкой подглядывал за людьми, в то время как они не обращали на него внимания, – сказал Джеймс. – И что он ловил их реплики.

– Именно так я его и понял, – проговорил Холмс, вставая, – однако вы лучше меня знаете, что Генри Адамс крайне аккуратен в выборе слов. Он не случайно сказал: «...сидел я здесь, незримый и неслышимый для всех, и наблюдал». У него есть место, откуда можно подслушивать и подглядывать скрытно.

– Точно не на этой скамье.

– Да. Где-то снаружи. Вы не помните скамьи за деревьями, достаточно близко, чтобы слышать голоса и видеть сидящих здесь?

– Во время вчерашней прогулки я не заметил ничего похожего, – промолвил Джеймс. – Но, разумеется, я шел в задумчивости и не высматривал скамейки.

– Пойдемте проверим, – сказал Холмс.

– Уже слишком темно, мы ничего снаружи не разглядим, – возразил

Джеймс.

Холмс выбил трубку и убрал ее в карман плаща.

– Совершенно верно. Вот это будет наш суррогатный посетитель кладбища. – Он вытащил из мешка потайной фонарь, поставил его на крылатый подлокотник слева, зажег, открыл одну створку и направил луч в единственный узкий проход между деревьями.

Оставив мешок и фонарь на скамье, Холмс первым двинулся к выходу.

Снаружи еще не совсем стемнело. Сумеречное весеннее небо сохраняло серый оттенок, хотя кое-где уже зажглись первые звезды. Стояла почти полная тишина.

– Что помешало бы Адамсу сидеть на траве где-нибудь здесь? – спросил Джеймс, указывая на зеленые пригорки.

– Вы можете вообразить своего друга Адамса сидящим на земле где бы то ни было, а тем более на кладбище? – рассмеялся Холмс.

Джеймс мотнул головой:

– В таком случае на скамье или на могильном камне. И где-то с этой стороны, поскольку просвет между деревьями всего один.

Холмс указал тростью вправо, а сам пошел влево. Они двинулись в противоположных направлениях, разглядывая памятники и высматривая скамью.

Минуты через две Джеймс крикнул:

– Вот плоское надгробье! На нем можно сидеть.

Холмс подошел к нему. Над ними ласточки и летучие мыши расчерчивали дугами вечернее небо.

– Оно довольно высокое и широкое, на нем вполне удобно сидеть, – сказал Джеймс, похлопывая по камню.

– Тогда почему вы не сели?

Джеймс нахмурился:

– Не могу. Как-никак это надгробье.

– Именно, – сказал Холмс. – И мы должны предположить, что Адамс смотрел и слушал преимущественно в дневное время.

– Хэй говорил мне, Адамс ходит на кладбище так часто, что называет его своим настоящим домом, – заметил Джеймс.

Холмс рассеянно кивнул.

– Отсюда трудно как следует разглядеть людей, стоящих или сидящих перед памятником, – сказал он.

Джеймс глянул в ту сторону. И впрямь, луч фонаря еле-еле пробивался в щель между деревьями. Почти вся шестиугольная площадка была скрыта от глаз.

– И к тому же до площадки шагов шестьдесят и зеленая изгородь приглушает звук. Можно услышать лишь очень громкий разговор.

Они вместе обошли древесный островок.

– Насколько я понимаю, мы ищем то, что называется утиной засидкой, – прошептал Джеймс, сам не зная, почему говорит шепотом.

– Да, – ответил Холмс. – Какое-то охотничье укрытие в зелени вон там. – Он указал тростью.

– Даже если мы найдем утиную засидку, – сказал Джеймс, – мы не получим ответа на главный вопрос.

– Какой? – спросил Холмс, ощупывая ветки тростью и рукой без перчатки.

– На каких уток мы охотимся: на чирков или на нырков.

Они молча продолжили поиски, но тщетно: деревья были просто деревьями, кусты – просто кустами. Человек, конечно, мог спрятаться в них, втиснувшись между веток, но Джеймс понимал, что такое совершенно не в характере Адамса.

Они вернулись к фонарю, и Холмс прикрыл створку, давая глазам вновь привыкнуть к темноте. Однако он не двинулся прочь и не сел, а остался стоять, погруженный в свои мысли. Джеймс гадал, насколько часто друг и хронист Холмса, доктор Ватсон, вот так ждет, пока сыщик не выйдет из глубокой задумчивости.

– Ну конечно! – воскликнул Холмс, щелкая пальцами. – Я полный болван! Слепой бы увидел сразу!

Он поднял фонарь, открыл створку, подошел к статуе и начал светить на нее, поднося фонарь то ближе, то дальше и поводя им из стороны в сторону.

Джеймс остался стоять, где стоял. Статуя Сент-Годенса и днем действовала на него удручающе, а при свете фонаря так просто пугала.

– Идемте. – Холмс быстрым шагом подошел к скамье, взял мешок и прикрыл створку фонаря, оставив лишь узкий лучик.

– Мы отправляемся домой? – спросил Джеймс.

– Нет, – ответил Холмс. – В утиную засидку Генри Адамса.

Алый тлеющий огонек в ночи

Разумеется, ответом к загадке были переплетенные обручальные кольца.

Несколько минут Холмс с Джеймсом вместе ощупывали камень по краям гранитных колец, причем Холмс время от времени бормотал: «Это важная сторона памятника», «Монумент на полтора месяца закрыли навесом», «Зачем защищать от дождя гранитную плиту?», «Адамс разве что не вручил мне карту и не нарисовал стрелки на траве».

За первые три круга ощупываний Холмс ничего не нашел. Но вот наконец его пальцы отыскали крохотное углубление в основании правого десятидюймового кольца.

– Отойдите, – сказал он Джеймсу и достал из мешка орудие взломщика: очень короткий ломик с плоским заостренным концом. Конеч точно вошел в углубление. Послышался щелчок, и оба кольца повернулись почти под прямым углом. Холмс толкнул одно. Гранитная панель сдвинулась. За ней была абсолютная тьма.

– Господи! – воскликнул Джеймс и попятился, словно черная щель могла его затянуть.

Прежде чем войти, Холмс посветил в темноту узким лучом потайного фонаря, и правильно сделал: пол перед ним прорезала квадратная дыра такого размера, что в нее мог пролезть человек. Справа уходила вниз лестница. Прямо впереди, за дырой, располагалось странное сиденье с подушечкой, до которого можно было добраться, осторожно пройдя по гранитному карнизу справа или слева. Дальняя стена состояла из неровных бронзовых выступов и впадин.

– Статуя полая. – В голосе Холмса не было удивления; сыщик понял это, еще сидя на скамье. Он убрал ломик, взял мешок и трость в одну руку, фонарь в другую и подошел к лестнице, затем повернулся и посветил на вход. – Сюда, Джеймс, только осторожно.

– Я не войду, – ответил писатель. Он как попятился, когда открылась панель, так и стоял в отдалении.

– Хорошо, – сказал Холмс. – Тогда возвращайтесь к кебу, который ждет на Нью-Хэмпшир-авеню. Я тут ненадолго.

И он начал закрывать панель.

– Подождите! – воскликнул Джеймс. – Я все-таки войду.

Дородный писатель с опаской протиснулся в щель и осторожно встал на гранитный карниз сбоку от дыры. Холмс осветил фонарем на вход.

– Я должен убедиться, что внутри есть отпирающий механизм, не требующий ключа, которого у нас нет, чтобы нам не... а, вот. – Он поставил механизм в нужное положение и закрыл дверь до щелчка.

Они были замурованы в гробнице.

– Для начала спустимся.

Холмс осветил на железную лестницу, привинченную к граниту. Перила и перекладины уходили примерно на восемь футов вниз. На дне ничего видно не было; только через мгновение сыщик понял, что стена со стороны статуи в нижнем помещении на самом деле не стена, а черный занавес.

– Подержите, пожалуйста, фонарь и осветите мне, пока я буду спускаться, – сказал Холмс.

– Нет! – вырвалось у Джеймса. – Я хотел сказать, нам туда нельзя! Это... это все... ужасно!

Последнее слово он прошептал чуть слышно, – казалось, тут нельзя говорить в полный голос.

Холмс глянул на спутника в отблесках фонаря и понял, что, по мнению Джеймса, скрывает за собой черный занавес: стеклянный гроб с гниющими останками Кловер Адамс. *Как выглядит она через семь лет после смерти?* На свою беду, Холмс точно знал, как выглядит семилетней давности тело. Он шепнул:

– Нет, нет. Я думаю – нет, Джеймс. Ваш друг Адамс довольно эксцентричен, а по некоторым меркам, возможно, даже безумен, но в его безумии есть своя система. Я убежден, что мы не увидим внизу ничего ужасного или гнусного.

Он отдал фонарь Джеймсу, затем положил мешок и трость на сиденье – оно держалось на круглом железном штыре, закрепленном внутри статуи.

– Чуть ниже, – сказал Холмс и, когда Джеймс осветил перекладины, начал спуск. – Теперь я заберу фонарь.

Он протянул худую длиннопалую руку.

Добравшись донизу, сыщик огляделся, двигая лучом по сторонам. Он был в узком колодце, чуть шире его плеч; человек, страдающий клаустрофобией, ощутил бы сейчас приступ паники. Холмс улыбнулся, подумав, что похож на археолога перед только что открытой гробницей в Трое, Вавилоне или Египте.

Однако на гранитных стенах не было иероглифов, как не было ниш и подсказок. Только лестница и черная завеса.

Холмс поднял фонарь, приоткрыл створку чуть шире, отодвинул занавес и шагнул вперед, проверяя ногами пол, прежде чем наступить в полную силу.

– Что вы видите? – донесся сверху хриплый, взволнованный шепот Джеймса.

– Минуточку, – ответил Холмс.

Помещение – призма шириной примерно шесть и длиной примерно восемь футов – располагалось под монументом и шестиугольной площадкой. Холмс прикинул, что над ним фута два бетона или даже гранита, потом земля.

Слева в граните была вырублена ниша высотой примерно до плеча, заставленная книгами, справа из камня выступала колонна такой же высоты. На ней стоял маленький фонарь. Холмс подумал было зажечь фитиль экспериментальной зажигалкой (фонарь дал бы больше света, чем его потайной), но решил воздержаться, чтобы точно не оставить следов своего посещения.

За колонной справа начиналась ниша, приподнятая над полом всего фута на три. В ней была устроена постель с двумя подушками в дальнем конце. Узкое ложе имело в длину не больше шести футов: Холмсу, чтобы лечь, пришлось бы поджать ноги. Ложиться он не стал, но тронул аккуратно заправленное одеяло и простыни. Теплые, не сырые и заплесневелые. Видимо, их часто меняют.

Холмс мог бы побиться об заклад, что за пятидесятипятiletнюю жизнь Генри Брукс Адамс нигде больше не стелил свою постель сам.

По другую сторону ниши располагалась вторая колонна, и на ней тоже стоял фонарь. Рядом с фонарем лежала книга в кожаном переплете. Холмс взял ее и осветил фонарем на обложку.

«Свет Азии. Учение о нирване и законе» сэра Эдвина Арнольда. Книга, вышедшая в 1879 году, вызвала и в Англии, и в Америке определенный шум, но Холмс прочел совсем немного и с раздражением отложил ее в сторону: стиль Арнольда показался ему невыносимо многословным. Однако сыщик помнил рецензию в «Таймс», написанную видным японистом Лафкадио Хирном по случаю выхода издания 1883 года: «В конечном счете буддизм в некой эзотерической форме может стать религией будущего... Что такое небеса, о которых мечтают все христиане, как не нирвана – исчезновение личного в вечности».

«Ну да, конечно», – подумал Холмс.

Аккуратно положив книгу на прежнее место, рядом со вторым фонарем, он вернулся в узкий вертикальный колодец по другую сторону

занавеса и позвал:

– Спускайтесь, Джеймс.

– Я не могу, – раздался ответный шепот.

– Спуститесь обязательно. Иначе вы до конца жизни будете гадать, правду ли я вам рассказал. Поверьте, здесь нет ничего, что вас смутит.

Раздался звук, похожий на приглушенный истерический смех. Затем Джеймс громко зашептал:

– Меня смущает здесь все. Мы вторглись в личную жизнь Адамса, в его скорбь и, быть может, в его безумие. То, что мы делаем, – немыслимое преступление.

– Согласен, – ответил Холмс. – Однако оно уже совершено. Спускайтесь, посмотрите, и уйдем отсюда.

– Поднимите фонарь чуть выше, – прошептал Генри Джеймс и начал тяжело спускаться по лестнице.

* * *

Пятью минутами позже они вновь были в наземной части монумента. Мягкое сиденье позволяло устроиться вдвоем, упираясь ногами в гранитные уступы по сторонам.

– Через глаза ничего не увидеть, – прошептал Джеймс.

Лучом потайного фонаря они отыскивали лицо статуи, но хотя снаружи глаза выглядели прорезанными насквозь, изнутри их закрывали овальные металлические (не бронзовые) пластины. Холмс разглядел их под полуопущенными веками, когда светил фонарем с площадки перед статуей.

– Ищите рычаг, – прошептал он. – Затычки держатся на... а, вот!

Подъемный рычаг располагался слева от Джеймса.

– Положите на него руку, но пока не открывайте, – шепнул Холмс в самое ухо писателю. – Сперва погасим фонарь и дадим глазам привыкнуть к темноте.

Тесная близость другого человека смущала Холмса. Он почувствовал, что Джеймс отодвинулся от него на край сиденья.

– Давайте, – шепнул Холмс.

Затычки, укрепленные на общем металлическом стержне, поднялись почти беззвучно.

Холмс глянул в правое отверстие, а Джеймс – в левое. Голова андрогинной статуи была чуть наклонена и отчасти прикрыта складками капюшона, но за счет размера прорезей – больше, чем человеческий глаз в

натуральную величину, – через них открывался вид на всю шестиугольную площадку, скамьи и звезды над верхушками деревьев. Площадка была пуста.

Мгновение они смотрели, прикинув к прорезям, затем чуть отодвинулись и сели прямо. Обзор по-прежнему был отличный.

– Вот так Адамс наблюдал за людьми перед памятником, оставаясь невидимым для них, – прошептал Джеймс.

Холмс кивнул.

– Я не уверен, что... – начал Джеймс и тут же умолк, оттого что Холмс крепко стиснул ему плечо.

Кто-то вошел на площадку.

Холмс и Джеймс разом подались вперед и прикинули к прорезям, впрочем не слишком близко, чтобы их зрачки не блеснули в свете звезд.

Холмс не мог различить деталей, только очертания – это явно был мужчина в брюках, а не женщина в платье, однако складывалось впечатление, что посетитель очень высок и худ. Оно подтвердилось, когда тот сел на скамью прямо напротив статуи: его плечи возвышались над спинкой скамьи даже сильнее, чем у самого Холмса, когда тот сидел на том же месте.

Джеймс наклонился к Холмсу и зашептал прямо ему в ухо:

– Это не Адамс!

Холмс еще сильнее стиснул его плечо, призывая к молчанию. Хруст гравия под ботинками незнакомца слышался так отчетливо, что Холмс заподозрил: площадка действует как слуховая галерея, усиливая каждый звук. Возможно, Адамс поручил Стэнфорду Уайту добиться такого эффекта, отсюда и странно высокая спинка скамьи, и каменный треугольник. Сыщик опасался, что все, произнесенное в статуе, громко разнесется снаружи.

Джеймс интуитивно понял то, что Холмс пытался ему внушить, и вновь припал к отверстию.

Первые минуты посетитель не двигался. Когда глаза Холмса лучше привыкли к безлунной ночи, он разглядел, что худощавый незнакомец сидит, закинув длинные руки на спинку скамьи, – в той же позе, что и сам сыщик полчаса раньше.

Через несколько минут безмолвной игры в гляделки незнакомец снял руки со спинки скамьи и запустил длинные бледные пальцы в жилетный карман. Громко чиркнула спичка, незнакомец наклонился зажечь сигарету.

Огонек спички должен был озарить лицо, но Холмс увидел лишь ореол света, обрезанный сверху дугой тьмы – вероятно, краем низко надвинутой

широкополой шляпы.

Случайность это или сознательный, холодный расчет? Шерлок Холмс никогда не гадал, но сейчас он склонялся ко второму предположению.

Они с Джеймсом сидели в неприятной близости на общем сиденье и, едва дыша, смотрели на курящего незнакомца.

Алый тлеющий огонек в ночи. Одинокая точка, и ничего больше.

Незнакомец, видимо, докурил. Во тьме смутно двигались его руки: он зажег следующую сигарету. И вновь надвинутая шляпа скрыла черты, которые иначе вырвал бы из темноты огонек спички.

«Он нас дразнит», – подумал Холмс.

Сыщик не ждал, что Лукан Адлер так быстро его разыщет. Очевидно, слух о приезде Шерлока Холмса распространился быстрее, чем он рассчитывал, и не только от Хэев, их слуг, Лоджей, Камеронов и Рузвельта, но и от Сэмюэля Клеменса и Уильяма Дина Хоуэллса. Лукан – идеальный хищник; при мысли, что у хищника-убийцы было вдоволь времени его выследить, Холмс ощутил в груди стеснение, отчасти похожее на страх.

«Тогда почему я до сих пор жив?» – подумал сыщик и поймал себя на том, что машинально сунул руку в карман плаща.

Вместо надежной рукояти револьвера (который так и не удосужился купить) он нащупал гибкую рукоять короткой дубинки, сунутой в карман перед выходом. Кожаный наконечник дубинки был наполнен песком; правильно нацеленный удар гарантированно повергал противника на колени, если не лицом в землю.

В кармане брюк лежал складной нож с четырехдюймовым лезвием. В мешке взломщика – ломик, который вполне мог служить оружием.

«Великий Шерлок Холмс вооружился складным ножом и дубинкой против снайперской винтовки», – подумал сыщик. Горькая ирония уже взяла верх над паникой, накатившей несколько секунд назад.

Менее всего он хотел столкнуться с Луканом в обществе Генри Джеймса, но случилось именно так. Холмс почти не сомневался: Лукан знает, что он внутри монумента с кем-то еще.

Алый огонек потух. Холмс напрягся, стиснул дубинку. По крайней мере, если Лукан войдет в монумент (а сыщик был уверен, что убийца-анархист видел, как они с Джеймсом туда проникли), теснота сведет на нет все преимущества винтовки или револьвера.

«Идеальное место для ножа и дубинки, особенно если Лукан не знает про колодец», – подумал Холмс.

Только в середине драки окажется Генри Джеймс.

Вспыхнула третья спичка. И вновь голова была наклонена, поля

шляпы скрыли лицо. Вновь алый огонек сигареты в черной ночи.

Холмс прикинул, что они сидят так уже с полчаса, глядя на неизвестного, который в свою очередь смотрит на них. Или, по крайней мере, на скульптуру, которая сейчас едва вырисовывалась во тьме. Это почти наверняка был не Генри Адамс: даже если бы Холмс ошибся насчет роста, Генри Адамс никогда не надел бы такой шляпы. С каждой минутой у сыщика крепло убеждение, что Лукан Адлер играет с ними, словно кошка с мышью – за мгновение до того, как откусить ей голову.

Ноги у Холмса затекли от неудобной позы, но куда мучительнее была боль от пулевых ранений, особенно в правой нижней части спины. Он внезапно осознал, что за напряженными мыслями о загадке Адамса забыл сделать днем вторую инъекцию героина, так что боль от старых ран ощущалась сильнее обычного.

Третий огонек горел, наверное, уже минут десять. Холмс поднес губы к самому уху Джеймса (почувствовал запах дорожной помады от его волос) и прошептал:

– Оставайтесь здесь... Я пойду туда...

Он скорее почувствовал, чем увидел, как Джеймс отрицательно мотнул головой. Однако Холмс лишь вновь стиснул его плечо и повторил указание оставаться на месте.

«Быть может, Лукан все же не видел, как мы входим в монумент, – подумал Холмс. – И тогда у Джеймса есть шанс уцелеть, даже если Лукан убьет меня».

Бесшумно пройдя по гранитному карнизу справа, сыщик нашел фонарь и поднял его левой рукой, прикинув, что зажжет на выходе и тут же закроет створку.

«А если направить луч прямо Лукану в лицо...» Холмс не стал додумывать мысль, поскольку не верил, что такое удастся.

Он последний раз глянул и убедился, что красный сигаретный огонек на месте, осторожно переступил через мешок взломщика и нащупал открывающий механизм. Чуть слышный щелчок прозвучал для настороженного уха как винтовочный выстрел.

В щель пахнуло холодным воздухом, и Холмс понял, как сильно они с Джеймсом нагрели тесное помещение своим теплом.

Выбравшись наружу, он задвинул панель до щелчка – еще один нестерпимо громкий звук! Однако это обещало Джеймсу чуть большую безопасность.

Холмс встал на колени, чиркнул зажигалкой и зажег фонарь. Он сделал это как можно быстрее, чтобы не утратить ночного зрения, но все равно

еще с полминуты моргал, прежде чем вновь привык к темноте. Затем он взял фонарь в левую руку, приготовившись быстрым движением пальцев открыть створку, а правой вытащил дубинку из кармана плаща.

Теперь сыщик крадучись двинулся направо вдоль деревьев, к темному проходу. Он ступал осторожно, но быстро, зная, что неожиданность – и, возможно, резкий свет, направленный Лукану прямо в глаза, – практически единственная надежда пережить следующие несколько минут.

В проходе между деревьев сыщик остановился и осторожно заглянул за край зеленой изгороди, отлично сознавая, что представляет собой идеальную цель для человека с револьвером. Хотя звезды затянуло облаками, снаружи ограды было светлее, чем внутри, и его голова наверняка вырисовывалась четким силуэтом.

Тишина. Ни выстрела. Ни звука.

Холмс выглянул снова, напрягая глаза, но не различил ни огонька сигареты, ни очертаний фигуры на скамье. Он осознал, что небо затянуло минут сорок пять назад и они с Джеймсом смотрели на алый огонек, не видя самого человека.

«Дольше ждать нет смысла», – подумал Холмс и стремительно шагнул вперед. Шорох задетых ветвей прогремел в его ушах горным обвалом.

В следующий миг он открыл створку фонаря и занес дубинку для удара.

На том месте, где недавно сидел человек, никого не было.

Где Лукан? Он мог целиться сейчас из любого места зеленой изгороди.

Холмс подумал было погасить фонарь, чтобы лишить Лукана снайперских преимуществ. Разумная тактика: два человека во тьме ищут друг друга на слух и на ощупь, а у Холмса есть дубинка и нож. Разумная и очень медленная; у сыщика просто не было терпения дожидаться исхода такой комбинации.

Он двинулся бессистемными зигзагами, держа фонарь на отлете, шаря лучом в разных направлениях.

Скамьи были пусты. Посыпанный гравием шестиугольник перед статуей – пуст. Рядом с монументом – никого.

За скамьей.

Именно там укрылся бы сам Холмс, если бы хотел подстрелить выходящего из-за деревьев противника.

Он запрыгнул на скамью, перемахнул через высокую спинку и пригнулся, направив луч фонаря в узкий коридор между скамьей и деревьями.

Пусто.

Все так же пригнувшись, чтобы голова оставалась за высокой каменной спинкой, Холмс добрался до первого угла, поставил фонарь и направил луч влево.

Ни выстрела. Ни звука.

Холмс оглядел второй пустой коридор, убедился, что в живой изгороди справа нет свежих проломов, и метнулся к следующему углу, готовый мгновенно опустить фонарь, если удастся подобраться к противнику так близко, чтобы ослепить того лучом.

Никого.

Холмс выбрался из укрытия и обвел лучом зеленые стены площадки. Кто-то мог бы протиснуться между ветками, но сыщик не сомневался, что в таком случае услышал бы хруст.

Он окончательно убедился, что на площадке никого нет, снова поднял фонарь и двинулся к статуе – не прямоком, а сбоку, вдоль деревьев. Ему представилось, что Генри Джеймс мертв, его тело сброшено в колодец, а Лукан зорким молодым глазом приник к одной прорези, приставив к другой револьвер. Отверстие было достаточно велико, пуля бы через него прошла.

Плащ шуршал о ветки. Холмс медленно подбирался к статуе, погруженной в загадочное раздумье. Сочетание тьмы и резкого света от фонаря подчеркивало складки одеяния, тень под капюшоном, прямой нос, тяжелый подбородок, поднятую руку, пальцы, приложенные к бронзовой щеке.

– Джеймс? – позвал Холмс и сам вздрогнул от того, как оглушительно раскатился в глухой ночи его голос.

Тишина.

Громче:

– Джеймс?

– Я здесь, – ответил странно приглушенный голос из головы статуи.

Холмс вообразил, что дородный писатель сжался от страха, а к его двойному подбородку приставлено револьверное дуло. Кстати, нельзя было знать наверняка, что говорит именно Генри Джеймс.

– О каком вашем романе я отзывался одобрительно? – произнес Холмс, все еще стоя справа от статуи, чтобы его нельзя было увидеть или взять на мушку через прорезь.

– Что? – Теперь было куда больше похоже, что говорит Джеймс. Раздосадованный Джеймс.

Холмс повторил вопрос.

– О «Княгине Казамаассиме», – донесся свистящий от ярости ответ. – Но к чему, скажите на милость, спрашивать об этом сейчас?

Холмс улыбнулся, встал перед закутанной фигурой и, невольно обернувшись через плечо, спросил:

– Где он?

– Не имею ни малейшего понятия, Холмс. – Здесь, перед статуей, голос был слышен куда отчетливее, и не оставалось сомнений, что говорит и впрямь Джеймс. – Как только вы ушли, сигаретный огонек погас. Я не видел, чтобы тот человек встал или вышел в просвет между деревьями. Он просто... исчез.

– Ясно, – ответил Холмс. – Значит, я его упустил. Не могли бы вы захватить мой мешок, когда будете выходить наружу?

– Тут слишком темно, – ответил Джеймс через одну из глазных прорезей. – Я не вижу, куда ставить ноги. Колодец... не вижу, где отпирающий механизм. Я попытаюсь, но...

– Нет, давайте я лучше за вами схожу, – сказал Холмс. – Посидите еще минуту, я принесу фонарь.

Однако вместо того, чтобы выйти с площадки и обогнуть монумент, Холмс пересек шестиугольник, встал на одно колено и принялся изучать гравий подле скамьи. Несколько минут он водил лучом фонаря под всеми тремя скамьями, затем, обойдя их, повторил то же тщательное исследование по другую сторону и уже занялся открытым пространством посередине, когда статуя издала новый приглушенный звук.

Холмс подошел к ней и поднял фонарь:

– В чем дело, Джеймс?

– Чем вы, ради всего святого, занимаетесь? – спросило андрогинное лицо.

– Ищу окурки и пепел, – ответил Холмс. – На наших глазах Лукан – тот человек в темноте – выкурил три сигареты. Мы чувствовали запах табака. Однако тут нет ни одного окурка, ни даже крошки пепла. Видимо, он стряхивал пепел в ладонь и вместе с окурками унес в кармане. Не кажется ли вам такое поведение несколько подозрительным?

– К чертям сигаретный пепел! – ответила скорбная статуя. – Вытащите меня отсюда, Холмс. Мне уже час как нужно в туалет.

* * *

На Нью-Хэмпшир-авеню не было ни извозчика, ни экипажа.

– Прохвост! – воскликнул Джеймс. – Деньги взял, а сам уехал!

– Мы отсутствовали довольно долго, – ответил Холмс.

Всю дорогу от памятника он шел, сведя плечи, так что сейчас они уже ныли от напряжения, – ждал ружейной или револьверной пули, которую не успеет услышать. Напряжение не отпустило и на открытом месте. Вдоль дороги не было ни фонарей, ни домов с освещенными окнами.

– Может быть, кеб забрал наш курящий друг, – сказал Джеймс. – Что нам теперь делать?

– До пансиона миссис Стивенс меньше четырех миль, так что мы пойдем пешком, – ответил Холмс, зная, что, несмотря на все усилия расслабиться, его тело будет ждать пули на каждом шагу дороги. И всякий час, всякую минуту в предстоящие дни и ночи, пока дело не разрешится.

Недолгое время спустя они подошли к одинокому газовому фонарю на столбе у темного дома. Джеймс остановился в овале света на щебнистой дороге. Теперь оба спутника были ясно видны среди темноты.

«Идеальное место», – подумал Холмс. Лукан за домом или во мраке за деревьями. Цель – или цели, если Лукан настроен особенно кровожадно, – замерли, как олени в свете браконьерского фонаря.

– Я где-то умудрился потерять часы, – сказал Джеймс. – Сколько на ваших?

Холмсу оставалось лишь надеяться, что писатель не обронил их в монументе. Завтра утром он скажет Генри Адамсу, что разгадал загадку и побывал внутри самой дорогой утиной засидки за всю историю человечества. Но об участии своего друга Джеймса Адамсу лучше не знать.

Холмс положил на землю тяжелый мешок взломщика, достал из жилетного кармана часы и повернул их так, чтобы Джеймс видел циферблат.

– Четверть первого, – произнес Холмс.

Джеймс только кивнул, подал ему мешок, и они зашагали дальше.

«Четверть первого», – думал Холмс, догоняя немолодого спутника. Под ногами хрустела щебенка. Уже наступил вторник, четвертого апреля – день рождения Шерлока Холмса.

Ему только что исполнилось тридцать девять.

Уиггинз-второй сегодня благополучно прибыл в Нью-Йорк

Наутро после нелепой и тягостной мелодрамы на кладбище Рок-Крик Генри Джеймс проснулся с настоящим желанием *что-нибудь* сделать. Только пока не решил, что именно. Немедленно вернуться в Англию? Пойти к Адамсу и униженно покаяться? (Нет, нет... при одной мысли о ложе в подземном саркофаге рядом с погребенными останками Кловер у Джеймса по-прежнему мурашки бежали по коже и, хуже того, накатывала тошнота. Он никогда не сможет заговорить об этом с Адамсом или хоть как-нибудь намекнуть, что знает о тайном мире в статуе Кловер и каменном монументе. И Джону Хэю не расскажет. Ни за что.)

Пока Джеймс мылся, подбривал короткую бородку и одевался дождливым вторничным утром, привычно жалея, что рядом нет Смитов – его довольно рядовой английской кухарки и ее мужа-камердинера, нерядового пьяницы, – он решил позавтракать в комнате и уже вышел в коридор, чтобы изложить свою просьбу придурковатой хозяйской дочке, когда увидел человека, которого меньше всего хотел сейчас встретить. Навстречу, мокрый и покрасневшийся, бодро шагал мистер Шерлок Холмс, на ходу стягивая плащ.

– Вас-то я и хотел видеть! – воскликнул Холмс так радушно, будто они накануне не вторглись в святая святых достойного человека. – Идемте завтракать, заодно и поговорим!

– Я собирался завтракать у себя в комнате, – холодно ответил Джеймс. Холмс словно и не заметил его ледяного тона:

– Чепуха! Нам столько всего надо обсудить, а времени так мало, Джеймс. Ну же, не упрямитесь, идемте в столовую.

– Я не намерен обсуждать вчерашние... события, – отрезал Джеймс. Холмс беспечно улыбнулся:

– Отлично. Я тоже. Есть куда более важные новости. Жду вас в столовой.

Он повернулся с той почти судорожной (но в то же время грациозной) резкостью, которая отличала его движения, и побежал вниз по лестнице, рассыпая брызги дождя с перекинутого через руку макинтоша.

Джеймс замер на верхней ступеньке. Остаться у себя в комнате и тем

вернуть отношениям с Холмсом необходимую холодность? Или все-таки выслушать «куда более важные новости»?

В конце концов голод взял верх над нравственными доводами. Писатель двинулся вниз по лестнице.

* * *

– Я съезжаю с уютной квартирки у миссис Стивенс, – сказал Холмс, уплетая английский завтрак (бобы, яичница, сардельки и поджаренный хлеб), который заботливая хозяйка готовила по его просьбе каждое утро.

Известие отчего-то ошеломило Джеймса.

– Когда? – спросил он.

– Сегодня.

– Почему? – спросил Джеймс и лишь через секунду понял, что не хочет знать ответ и вообще это не его дело.

– Положение становится слишком опасным, – ответил Холмс и залпом выпил кофе.

Обычно сыщик еле прикасался к еде, но иногда – как, например, сегодня – казалось, будто он не просто ест, а забрасывает уголь в топку паровой машины.

– Кто бы ни курил перед памятником вчера ночью, высока вероятность, что этот человек шел за нами с намерением меня убить, – продолжал Холмс, с аппетитом уничтожая яичницу. – Оставшись здесь, я подверг бы опасности вас, миссис Стивенс, ее дочь и вообще всех, кто со мной рядом.

– Но вы не уверены, что тот человек был... убийца, – проговорил Джеймс. Ему стоило усилий произнести последнее мелодраматическое слово.

– Нет. Не уверен, – ответил Холмс. – Однако не стану рисковать жизнью и благополучием своих друзей.

От последнего слова – «друзья» – Джеймс ощутил внезапную теплоту в груди и тут же разозлился на себя за это чувство. Он определенно не включал Шерлока Холмса в тщательно проверяемый и часто сокращаемый список своих друзей, и сыщик чересчур много на себя брал, допуская, будто их отношения уже достигли этого уровня.

И все-таки у Джеймса потеплело в груди.

Холмс закурил. Он никогда не ел желток от яичницы, и именно по этой причине Джеймс так не любил с ним завтракать: докурив, сыщик всегда

втыкал сигарету в еще жидкий желток, оставляя окурок торчать, словно неразорвавшийся артиллерийский снаряд. Омерзительная привычка раздражала Джеймса, а сегодня утром одна мысль о том, что произойдет, заранее вызывала тошноту.

– Я сегодня не голоден, – солгал Джеймс, отодвигая тарелку и готовясь встать. – Удачи вам на новом месте...

– Подождите, сэр. Подождите. – Холмс даже положил длинные музыкальные пальцы ему на рукав, будто собирался удержать писателя силой, если тот попытается уйти. – Я еще кое-что должен вам сказать.

Джеймс остался сидеть с нарастающим беспокойством: сигарета в руке Холмса укорачивалась с каждой затяжкой, несъеденный оранжевый желток в середине тарелки растекался, как проткнутый бычий глаз. Писатель ждал, поскольку хотел знать, куда перебирается Холмс... если это и правда конец их нелепых совместных приключений.

– Вы скажете мне, куда переезжаете? – спросил Джеймс, дивясь собственной беспардонности.

– Нет. Для всех лучше, чтобы вы этого не знали, Джеймс.

«Молчи», – приказал себе Джеймс. За последние дни он несколько раз выходил из созданного почти за пятьдесят лет образа «Генри Джеймс, писатель». Время вновь стать собой: наблюдателем. Осторожным слушателем, а не болтливым глупцом. И тем не менее он продолжал:

– Так, значит, вы покидаете Вашингтон? Спрашиваю просто на случай, если Хэю, Адамсу или... кому-нибудь еще потребуется ваш новый адрес.

– Если вам нужно будет со мной связаться, – сказал Холмс, – отправьте записку вот в это заведение.

Он щелкнул цанговым карандашом и быстро написал что-то на обороте визитной карточки.

Джеймс глянул. Это был адрес табачной лавки на Конститушн-авеню.

– Вы переезжаете жить в табачную лавку? – вырвалось у Джеймса.

Холмс издал тот резкий, лающий звук, который заменял ему смех.

– О нет, мой дорогой Джеймс! Однако владелец лавки перешлет ваше сообщение с посылным или телеграфом на мой новый адрес. По причинам, ведомым лишь американцам, табачная лавка открыта круглые сутки, так что обращайтесь в любое время.

Джеймс кивнул, сунул карточку в бумажник, убрал бумажник обратно в карман и уже снова собирался встать, когда в дверях появилась миссис Стивенс. С нею был мальчишка.

– У него для вас сообщение, мистер Джеймс. – Она сделала паузу и

добавила (быть может, прочтя выражение на лице Джеймса): – Я его знаю. Это Томас. Он носит записки между лучшими домами на Лафайет-сквер. Если вы захотите послать ответ, можете без опаски доверить его Томасу – он доставит вашу записку по адресу и не прочтет по дороге.

Джеймс кивнул. Последние слова, видимо, означали, что Томас не умеет читать.

Он подозвал мальчишку, взял у него сложенный листок и развернул. Записка была написана на почтовой бумаге Джона Хэя.

Дорогой Гарри!

Если вам удобно заглянуть сегодня на чай – примерно в 17:15, – я был бы рад обсудить с вами важное (и, возможно, спешное дело). Жду встречи.

Ваш покорный слуга

Джон Хэй.

P. S. Пожалуйста, не сообщайте о вашем визите мистеру Холмсу. Это очень важно! Дж. Х.

Миссис Стивенс предусмотрительно захватила с собой блокнот, на случай если Джеймс захочет ответить. Прикрывая записку от Холмса, тот написал Хэю, что придет ровно в 17:15, подумав при этом, что время указано как-то уж чересчур точно. Впрочем, Хэй приучился быть пунктуальным, еще когда служил секретарем у президента Авраама Линкольна.

Джеймс протянул мальчишке записку и монетку, добавив:

– Отдай в руки тому, кто прислал это сообщение, сынок.

Томас, может, и не умел читать, но глаза у него были умные. Он кивнул.

– О, вам незачем давать ему деньги, мистер Джеймс, – сказала миссис Стивенс. – Я уверена, отправитель уже заплатил.

– Не важно, – ответил Джеймс и махнул Томасу рукой – беги, мол.

И тут дочка миссис Стивенс, явно ошарашенная таким наплывом посыльных, впустила в комнату еще двоих.

Один был примерно тех же лет, что и Томас, только одет похуже, другой – парнишка лет восемнадцати в форме «Вестерн Юнион».

– Сообщение для мистера Холмса, – сказал маленький оборванец.

– Телеграмма для мистера Холмса, – сказал парнишка постарше.

Джеймс по-прежнему был убежден, что встает и уходит, однако из чистого любопытства оставался сидеть. После того как Холмс переедет – бог весть куда! – они могут больше не увидаться. Все мучительные загадки последних двух недель останутся неразъясненными.

Сыщик воткнул окурок в середину яичного желтка, и Джеймс отвернулся, чтобы совладать с рвотным позывом.

Холмс быстро прочел телеграмму, положил ее на стол рядом с салфеткой и сказал парнишке из «Вестерн Юнион»: «Ответа не будет». Тот взял под козырек и вышел. Холмс взял записку у оборванца, прочитал ее, придвинул блокнот, в котором Джеймс только что писал ответ, и проговорил:

– Я вернусь через минуту – только провожу нашего юного Меркурия до двери и черкну записку.

Миссис Стивенс и ее дочь уже ушли. Телеграфный посыльный ушел. Джеймс остался в комнате один. Он отчетливо слышал шаги Холмса и второго посыльного в прихожей, затем скрип дверной петли, когда оба вышли на крыльцо. Мерзкий окурок по-прежнему торчал из середины растекающегося желтка.

Рядом с тарелкой лежала забытая Холмсом телеграмма.

«Нет, – думал Джеймс. – Ни в коем случае».

Он встал, как будто собираясь идти в свою комнату, но повернул не влево, к лестнице, а вправо и левой рукой раскрыл телеграмму.

УИГГИНЗ-ВТОРОЙ СЕГОДНЯ БЛАГОПОЛУЧНО
ПРИБЫЛ НЬЮ-ЙОРК ТЧК СКОТЛЕНД-ЯРД ЗПТ НАША И
ФРАНЦУЗСКАЯ РАЗВЕДКИ СООБЩАЮТ СЕТЬ МОРИАРТИ
ПРИВЕДЕНА ДЕЙСТВИЕ ПАРИЖЕ БЕРЛИНЕ ПРАГЕ РИМЕ
БРЮССЕЛЕ АФИНАХ ЛОНДОНЕ БИРМИНГЕМЕ НЬЮ-
ЙОРКЕ ЧИКАГО И ВАШИНГТОНЕ ТЧК
МЕСТОПРЕБЫВАНИЕ ЛУКАНА АДЛЕРА ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ
НЕДЕЛЬ НЕИЗВЕСТНО ТЧК БУДЬ ОЧЕНЬ ОСТОРОЖЕН ТЧК
МАЙКРОФТ

Джеймс торопливо опустил отогнутый верхний край телеграммы и, уже идя к лестнице, услышал быстрые шаги Холмса сперва по дощатому полу, потом по коврику в прихожей. Он стоял на первой ступеньке, занеся ногу на вторую, когда Холмс стремительно вошел в комнату. Сыщик заметил телеграмму, сложил ее и сунул в карман, не выказывая никаких опасений, что Джеймс мог ее прочесть.

– Так, значит, вы идете к себе в комнату, – сказал Холмс.

– Боже, Холмс! – воскликнул Джеймс, чувствуя потребность поставить этого псевдоджентльмена на место. – Ваши дедуктивные способности... как вы догадались?

Холмс не обиделся и не смутился, только вновь издал короткий лающий смешок, поднял трость – в которой, как знал Джеймс, была спрятана шпага – и сказал:

– Что ж, счастливо оставаться. Впрочем, я убежден, что недолгое время спустя наши пути пересекутся вновь.

– Я думаю очень скоро отплыть назад в Англию, – ответил Джеймс, сам не понимая, отчего так сказал, поскольку вовсе не строил таких планов. Он рассеянно тронул жилетный карман, где, словно опухоль, постоянно ощущалась табакерка с прахом сестры Алисы.

– А, в таком случае мы, возможно, больше не увидимся, – ответил Холмс.

Почти весело, почти беспечно, как с внутренней досадой отметил Джеймс.

– Та-та, – сказал Холмс, повернулся и стремительно вышел из комнаты, насвистывая мотивчик, показавшийся Джеймсу смутно знакомым. Что-то, что он слышал в мюзик-холле на Друри-лейн.

Хлопнула входная дверь, а Джеймс все стоял, занеся ногу на вторую ступеньку, словно обращенный в камень взглядом горгоны Медузы. Хуже того, он осознал, что ждет, когда Холмс вернется объявить, что передумал и никуда не уезжает.

Миссис Стивенс вернулась убрать посуду и увидела Джеймса, который застыл как в столбняке со странным выражением лица.

– Все в порядке, мистер Джеймс? Вам ничего не нужно?

– Все замечательно, миссис Стивенс. Я просто иду к себе в комнату поработать. Доброго дня, мэм.

– И вам доброго дня, мистер Джеймс.

Она вытянула шею, наблюдая, как он поднимается по крутым ступенькам. Как будто Холмс... или Майкрофт... или Мориарти... или Лукан Адлер... нанял ее за ним следить.

* * *

Джеймс приготовился постучать в парадную дверь Хэев – вернее, занес кулак, чтобы постучать, потом все же решил нажать кнопку

новомодного электрического звонка – ровно в пятнадцать минут шестого. У него выдались трудные утро и день. Он пытался писать – набрасывать карандашом в блокноте новую пьесу, которую пообещал популярному актеру Джорджу Александру, – однако пансион миссис Стивенс, пусть и тихий, все же оставался пансионом. Домашние звуки, громкие разговоры с работниками и умственно отсталой дочерью, восклицания двух потенциальных жильцов, осматривающих бывшую комнату Холмса, даже то, как миссис Стивенс напевала себе под нос, глядя белье в комнатке рядом с кухней или развешивая стирку под открытым окном Джеймса (дождь как раз закончился), – все отвлекало взвинченного писателя от пьесы. Раз сто за этот день он бессознательно касался табакерки в жилетном кармане и думал, что делать дальше. Отправиться прямиком в Англию? Поехать на семейный участок кладбища в Кембридже под Бостоном и похоронить наконец последнюю горстку Алисиного праха? Присоединиться к Уильяму и его семье во Флоренции, в Женеве или где там они сейчас? Он мог разговаривать с Уильямом – порой. Вернее, редко. По правде сказать, почти никогда.

Пока его радовало приглашение к Джону Хэю. Джеймс чувствовал себя так, будто перегнулся через корабельный борт, сляясь что-то внизу рассмотреть, и нечаянно упал в воду. Приглашение было как спасательный круг, брошенный уверенной рукой, – круг с тросом, за который его вытащат.

Дверь открыл Бенсон и, жестом велел лакею забрать мокрый плащ, шляпу и трость, повел литератора прямиком в уже привычный кабинет Хэя. Как только Бенсон объявил гостя, Джон поднял взгляд от кипы бумаг, вскочил, обошел стол и правой рукой стиснул руку Джеймса, а левой крепко взял его за локоть. Это было близко к объятию (которое, разумеется, напугало бы и ужаснуло Джеймса), и от дружеского прикосновения тот вновь почувствовал себя хорошо – ощущение, казавшееся утерянным безвозвратно.

– Гарри, до чего же я рад снова вас видеть! – говорил Хэй, все так же за локоть ведя его к удобному креслу. Как только гость сел, хозяин взгромоздился на край стола (с удивительной ловкостью для человека, которому в октябре стукнет пятьдесят пять, как уже не в первый раз думал о нем Джеймс) и воодушевленно проговорил: – Как вы знаете, старая «Пятерка сердец» всегда пила чай ровно в пять, а сейчас уже на пятнадцать минут позже, но мы все равно можем выпить чаю – призрак Кловер не станет возражать, хотя не исключено, что мы услышим бестелесный стук-другой. А может, не чаю, а по-настоящему хорошего виски.

Джеймс не знал, что ответить. Он вообще редко пил виски, тем более – в столь ранний час, но сейчас, в дождливый день, у потрескивающего камина, мысль о стаканчике показалась ему соблазнительной – и даже чертовски соблазнительной.

– Настоящий шотландский виски, не ваш американский бурбон? – спросил он.

Хэй рассмеялся:

– Шотландский, Гарри, не сомневайтесь. Я не стал бы оскорблять ваш англазированный вкус бурбоном.

Он сделал жест Бенсону, который тут же бесшумно исчез, словно растворившись в воздухе.

– У меня есть двенадцатилетний односолодовый «Карду» из Спейсайда, выдержанный в дубовой бочке, который, на мой взгляд, лучше многих двадцатилетних сортов, – продолжал Хэй, обходя стол, чтобы устроиться в своем мягком кожаном кресле с высокой спинкой. – Единственный недостаток – его можно купить только в Спейсайте, и я должен мотаться туда всякий раз, как оказываюсь в Англии, либо платить посреднику, чтобы тот съездил в Спейсайд, купил виски, упаковал и отправил мне пароходом.

– Мне уже не терпится его попробовать, – сказал Джеймс.

Он как-то пил двенадцатилетний односолодовый «Карду» с Паулем фон Жуковски. Дело было в салоне леди Вулзли, и фон Жуковски сделал комплимент вкусам ее мужа, фельдмаршала виконта Вулзли, того самого, с которого был срисован «генерал-майора современный идеал» в комической опере Гильберта и Салливана «Пензанские пираты».

Хэй не успел ответить, как появился Бенсон, неся на серебряном подносе графин «Карду», хрустальные стаканы для виски, сифон с содовой, кувшин обычной воды и маленькую стопку кожаных подставок с гербом Джона Хэя. Когда дворецкий повернулся к писателю и поднял бровь, тот сказал:

– Мне чистый, пожалуйста.

– Мне с обычной пропорцией воды, Бенсон, – сказал Хэй.

Бенсон разлил виски и вышел, бесшумно притворив за собой дверь. Мужчины подняли стаканы – ширина стола не позволяла чокнуться, – и Хэй произнес:

– *Amicis absentibus.*^[27]

Джеймс удивился – он не знал, за каких именно отсутствующих друзей они пьют, – однако кивнул и пригубил янтарного виски. Напиток был превосходен. Джеймс неплохо разбирался в виски и мог сказать, что этот –

мягкий, хорошо уравновешенный, с долгим, но не чрезмерно сильным послевкусием сладкого дымка и без всякой «нарочитости», свойственной многим односолодовым виски.

Джеймс вновь кивнул, на сей раз – признавая качество напитка. Он по-прежнему гадал: за какого отсутствующего друга или друзей?

– Гарри, я не буду ходить вокруг да около. – Хэй взял стакан в ладони и замер, держа его над разложенными на столе бумагами. – Мы с Кларой надеялись, что вы переедете к нам обратно до конца вашего пребывания в Вашингтоне.

Связано ли это с событиями вчерашней ночи? Сердце Джеймса болезненно колотилось – у всех мужчин в их семье было слабое сердце. Чтобы выгадать время на раздумье, он отпил еще немного «Карду».

Нет, едва ли Холмс рассказал кому-нибудь об их поездке на кладбище и о надгробном памятнике Кlover. Он обещал молчать. Можно ли верить обещанию неджентльмена?

– Почему, Джон? – тихо спросил писатель. – Я столько обременял вас своим обществом, что вы наверняка рады отдохнуть от нашего вторжения.

– Вы были с Холмсом, – ответил Хэй, – в то время, когда Холмс изображал норвежского исследователя Яна Сигерсона, что было по-своему занятно. Однако и я, и Клара чувствуем, что не успели с вами наговориться.

Джеймс упер подбородок в грудь, приняв позу, которую полвека спустя назвали бы «черчиллевской».

– Если только... – Хэй откинулся в кресле и отпил виски почти торопливо, словно забыв, что насладиться ароматом – часть удовольствия от процесса, – вы не собираетесь в ближайшее время уехать. В Кембридж? И может быть, оттуда сразу в Англию? В Париж?

– Нет, пока я не уезжаю. – Джеймс внезапно понял, что принял решение, когда произносил эти слова. – Однако комнаты у миссис Стивенс вполне удобны.

Губы Хэя под тщательно подстриженными усами сложились в улыбку.

– Для молодого холостяка-конгрессмена – возможно, но не для писателя. Вы ведь что-то сейчас пишете, Гарри?

«Мало, слишком мало», – подумал Джеймс. Когда он в Париже собирался покончить с собой, то мечтал, в частности, и о том, что не надо будет ничего писать к определенному сроку, а его литературный агент, режиссеры, издатели и все прочие, ждущие, будто голодные птенцы, когда им перепадет кусок, так и останутся с раскрытыми клювами.

– Пытаюсь начать новую пьесу, – ответил Джеймс. Тон его был таким же скорбным, как и выражение лица. – Пока ушел немногим дальше

первых наметок.

Хэй вновь ухмыльнулся:

– Надеюсь, когда вы останавливались здесь с Холмсом, ваша комната была достаточно удобна, однако у нас есть куда более просторные гостевые комнаты в дальнем конце противоположного крыла. Мы не поселили вас там, потому что они слишком далеко от главной лестницы, но если вы окажете нам честь и вновь переберетесь сюда, эти комнаты – ваши: спальня и большая гостиная, обе с камином, в гостиной отдельная недурная библиотека. Плитка вокруг ванны пестрее, чем в вашей прежней ванной, зато раковины мраморные, краны серебряные, и я обещаю как холодную, так и горячую воду.

Джеймс набрал в грудь воздуха, пытаясь как можно вежливее сформулировать отказ. По правде говоря, согласиться ему мешало единственное соображение: у Хэя он бы оказался близко к Генри Адамсу, человеку, в чью тайну так неделикатно проник.

– Конечно, у миссис Стивенс очень уютно, – продолжал Хэй, вертя в пальцах пустой стакан, – но вряд ли она может, как мы, предоставить вам камердинера.

– Камердинера, – повторил Джеймс, чувствуя странное онемение во всем теле.

Не так ли ощущает себя персонаж, которого автор заставляет действовать наперекор характеру или здравому смыслу? Очень хотелось задать этот вопрос Холмсу; Джеймс даже невольно похлопал себя по карману, где лежала визитная карточка сыщика с адресом табачной лавки, через которую с ним можно связаться.

– И не просто камердинера, – сказал Хэй, еще сильнее подаваясь вперед, – а Грегори, одного из наших самых давних и доверенных слуг.

Джеймс вспомнил высокого седого слугу, от которого исходило достоинство и спокойная уверенность.

– Грегори его имя или фамилия?

– Фамилия, – ответил Хэй. – Имя, кажется, Терренс. Грегори не просто незаменим, когда нужно поворошить дрова в камине или сложить вашу одежду перед сном, он еще и бреет лучше всех слуг в доме.

– Мне и впрямь очень не хочется вновь обременять вас и Клару... – начал Джеймс.

Хэй поднял руки ладонями вперед и тут же быстро их развел, словно открывая дверь или от чего-то отмахиваясь.

– Это будет не как в прошлый раз, когда вы гостили у нас вместе с собственным гостем... Тогда у вас были, можно сказать, обязательства:

обедать с нами, поддерживать светскую беседу, спускаться ко мне на ленч и так далее. Теперь комнаты будут полностью ваши. Они расположены в северо-западном углу дома. Правда, в них слышно улицу, но лишь самую малость. Дель некоторое время жил там, затем перебрался в старую спальню. Он сказал, комнаты слишком тихие. Слишком большие.

«Быть может, это комнаты с привидениями», – подумал Джеймс и улыбнулся, поняв, что не отказался бы от эктоплазменного посещения-другого. Быть может, сестра Алиса посоветует, что делать с горсткой ее краденого праха.

– И разумеется, горничные будут убираться каждый день, но только в ваше отсутствие, – говорил Хэй. – Обедать и пить чай, если хотите, можете у себя... Грегори будет не только вашим камердинером, но и вашим привратником. Само собой, вы получите собственный ключ от входной двери, чтобы уходить и приходить, когда пожелаете, никого не беспокоя.

– Признаюсь, что у миссис Стивенс мне было несколько одиноко, – сдался Джеймс. Он отдохнет. Сможет писать.

– Ничего удивительного... особенно после того, как мистер Холмс так внезапно съехал, – ответил Хэй. Государственный муж будто и не заметил, что Джеймс приподнял брови. – Так вы согласны, Гарри?

Джеймс кивнул.

– Замечательно! – воскликнул Хэй. – Я отправлю ребят с фургоном забрать ваш чемодан и прочий багаж.

Минуту спустя они уже стояли перед входной дверью. Сыпал весенний дождь, воздух благоухал молодой листвой. Подали брум Хэя; камердинер Грегори сидел на козлах рядом с кучером, держа над головой красный зонт. Затем те же добродушные конюхи в блестящих от дождевых капель кожаных кепках подогнали фургон, на котором предстояло везти багаж.

Джеймс спросил:

– Джон, как вы узнали, что Холмс съехал? Это произошло только сегодня утром.

Хэй улыбнулся, хлопнул писателя по плечу и, раскрыв зонт, повел его к экипажу.

– Гарри, Гарри... опасно недооценивать скорость, с какой по Вашингтону распространяются даже самые пустяковые новости. И уж особенно в окрестностях Лафайет-парка. Дочка вашей хозяйки, хоть и слабовата умишком, во всех подробностях рассказала нашему лакею об отъезде Холмса рано утром у овощных лотков – наверное, еще до нашего с вами пробуждения.

Джеймс устроился в приятно пахнущем кожаном нутре закрытого экипажа. Хэй сложил зонт и постучал деревянной рукоятью по козлам:

– До скорой встречи, Гарри!

Несколько кварталов до пансиона Джеймс ехал в молчании. История о том, что дочка миссис Стивенс рассказала соседскому лакею про Холмса, а Джон или Клара услышали, как лакей передает новость другим слугам, звучала крайне правдоподобно.

Однако Генри Джеймс в нее не поверил.

Очень многие велосипедисты покупают у нас соковыжималки

Утро своего дня рождения Холмс провел с пользой и удовольствием. Дома (вернее, в квартире на Бейкер-стрит, которую про себя по-прежнему называл домом) он в унылые промежутки между расследованиями часто спал до одиннадцати, а то и до полудня, завтракал и вновь отправлялся в постель. Конечно, летаргию усиливала кокаиновая смесь, которую он вкалывал себе в те тоскливые дни. Новое героическое лекарство вроде бы не оказывало такого действия; с другой стороны, расследования всегда его бодрили.

В это конкретное утро четвертого апреля он проснулся на заре и отправился снимать себе новое жилье – в ту самую старую гостиницу «Кирквуд-хауз» на углу Северо-Западной Двенадцатой улицы и Пенсильвания-авеню, которую они с Джеймсом видели вчера вечером. Поговаривали, что ее снесут если не в этом месяце, то в следующем, однако гостиница понравилась Холмсу своей уютной обжитостью: дорогие, но выцветшие на солнце шторы, превосходной работы кресла, такие старые, что их потертость не могли скрыть даже салфеточки на спинках, забота о постояльцах, не переходящая в назойливость. Сыщик понимал, отчего даже самые успешливые коммивояжеры хранят верность этому заведению.

Он нанял трех надежных молодцов с фургоном (по рекомендации управляющего, отца одного из троих) без лишнего шума забрать чемоданы и упакованные тюки из пансиона миссис Стивенс.

К этому времени начали отпирать магазины, и Холмс купил себе револьвер. Он заранее приметил изрядное количество оружейных лавок и вошел в ближайшую к «Кирквуд-хаузу» через минуту после открытия. Под стеклом обнаружился богатый выбор револьверов, рассчитанных, судя по виду, на отчаянных ковбоев; другие револьверы висели по стенам.

- Могу я вам помочь, сэр? – спросил усатый приказчик.
- Есть ли у вас новые соковыжималки? – спросил Холмс.
- Да, сэр, разумеется, сэр. С какой длиной ствола – два дюйма или три?
- Три.
- Да, у того, что с трехдюймовым стволом, точность побольше, сэр, –

заметил приказчик, открывая витрину и доставая револьвер.

«Да, из него я сумею, находясь внутри сарая, попасть в стену этого сарая с близкого расстояния, – подумал Холмс. – Возможно, сумею».

– Какой калибр вы предпочитаете, сэр?

– Тридцать восьмой.

– Есть еще тридцать второй, сэр. Они чуток подешевле и малость легче.

– Тридцать восьмой, пожалуйста, – твердо повторил Холмс.

Приказчик важно продемонстрировал револьвер (который был куда меньше всех остальных в лавке), переломил ствол, показывая, что барабан пуст, и протянул оружие Холмсу.

Тот отметил, что смит-вессоновские патроны тридцать восьмого калибра будут плотно входить в зарядные камеры, защелкнул барабан и, держа револьвер на вытянутой руке, прицелился в кирпичную стену лавки.

– Надо давить и на крючок, и на рукоять, – сказал приказчик.

– Да, – ответил Холмс и дважды спустил курок вхолостую – для револьвера операция не полезная, но необходимая с новым оружием, чтобы к нему привыкнуть.

– Так вам нужна соковыжималка со скрытым курком? Вы, часом, не велосипедист?

– Он самый, – ответил Холмс. – Не хватало только задеть курок, чтобы пистолет выстрелил у меня в кармане.

– Верно, сэр. Очень многие велосипедисты покупают у нас соковыжималки. Самая популярная модель. При падении с велосипеда точно не выстрелит. – Приказчик сделал паузу и прочистил горло. – Так вы увлекаетесь велосипедной ездой, сэр?

– Да, – ответил Холмс. – Души в ней не чаю.

– У нас не так много покупателей из Англии, сэр... Только не подумайте, будто я лезу в ваши дела, сэр. – Приказчик залился румянцем, поняв, что слишком панибратски ведет себя с джентльменом.

– Да нет, что вы! – улыбнулся Холмс. – Здесь нужен пистолет, чтобы не отставать в стрельбе по мишеням от американских друзей, верно?

– Ваша правда, сэр.

– Вид без курка странный, – заметил Холмс. – Часто он заедает или дает осечки?

– Нет, сэр. Смит-вессоны все надежны, что самовзводные, что несамовзводные. Выглядит странно, не спорю, зато удобно носить скрытно, даже если у вас маленькие карманы. Да и в большом кармане курок и крупная мушка могут зацепиться за ткань.

- Верно, – признал Холмс. – Сколько он стоит?
- Пять долларов, сэр.
- Дороговато.
- Я добавлю две коробки патронов.
- Идет, – сказал Холмс.
- Упаковать и завернуть, сэр?
- Нет, – ответил Холмс, – я положу его в карман.

* * *

С бескурковым на вид смит-вессоном в правом наружном кармане твидового пиджака (у револьвера были заряжены все каморы, кроме одной) и двумя коробками патронов в таком же большом левом кармане Холмс недолгое время спустя вошел к Джону Хэю. Бывший дипломат только что сел завтракать. Холмс заверил его, что визит займет не более двух минут, и, отказавшись от еды, согласился только на чашку кофе.

Очень сухо – не упоминая вчерашнее кладбищенское приключение и зловещего курильщика в ночном мраке – Холмс объяснил, что съезжает от миссис Стивенс: печальная необходимость, вызванная заботой о безопасности мистера Джеймса.

– Но у Джеймса нет врагов в Вашингтоне! – воскликнул Хэй.

– Сомневаюсь, что у мистера Джеймса есть враги где бы то ни было, – ответил Холмс. – Однако враги есть у меня. И есть основания полагать, что они знают о моем приезде в Вашингтон... и даже что им известен мой нынешний адрес.

Хэй встревоженно поднял на него глаза, затем промокнул льняной салфеткой острую бородку и аккуратно подстриженные усы.

– Но ведь не станут же они... совершенно непричастного человека, такого, как Гарри...

– Вероятность довольно мала, – ответил Холмс. – Однако эти конкретные люди презирают всякие законы разума и порядочности. Я не буду спать спокойно, пока воображаю, что они заявятся к миссис Стивенс и найдут там мистера Джеймса...

Хэй пристально взглянул на сыщика:

– Будет ли опасно для моей семьи, если Гарри переберется сюда?

– Ни в малейшей степени.

– Откуда у вас такая уверенность, сэр? – Всегдашняя обходительность Хэя совершенно исчезла; сейчас он говорил как прокурор, ведущий

перекрестный допрос.

– Эти люди могут и не осознавать масштабов литературной известности Генри Джеймса, – сказал Холмс, – но наверняка знают вашу репутацию, мистер Хэй, и не сделают вашим близким... или вашему гостю... ничего такого, что привлекло бы общественное внимание.

– В таком случае я приглашу Гарри заглянуть сегодня сюда и заставлю... да, заставлю его вновь переехать к нам, – сказал Хэй.

Холмсу приятно было слышать его тон – тон человека, способного принять решение за считанные секунды.

– Могли бы вы попросить его прийти в пятнадцать минут шестого? – спросил Холмс.

– Да, если вы хотите. – Хэй прищурился. – Это время почему-то важно?

– Просто я не хочу сталкиваться с мистером Джеймсом после того, как съеду из уютного пансиона миссис Стивенс, но, возможно, буду поблизости незадолго до этого времени.

– Я напишу «пять пятнадцать». – Хэй, увидев, что гость встает, тоже начал приподниматься.

– Пожалуйста, не вставайте, и спасибо вам за любезность, – сказал Холмс.

– Если мне надо будет с вами связаться... – начал Хэй.

Холмс вручил ему визитную карточку с адресом табачной лавки на обороте.

– По какой-то необъяснимой причине заведение открыто круглосуточно, – сказал он. – И хозяин обещал переправлять мне записки со всей возможной быстротой.

Они обменялись рукопожатиями, и сыщик поспешил в пансион, чтобы перехватить Генри Джеймса, пока тот не велел отнести завтрак ему в комнату.

Букетик белых фиалок

Холмс постучал в парадную дверь Генри Адамса ровно в пять: утром в записке он предложил зайти в это время, и Адамс ответной запиской выразил согласие.

Дверь тут же отворилась, и Холмсу предстала унылая физиономия старика-дворецкого. Сыщик знал в лицо и по имени всех слуг в доме Хэев, но еще не был официально знаком с челядинцами Генри Адамса.

Дворецкий молча закрыл за сыщиком дверь и, кивком пригласив его следовать за собой, направился к лестнице, которую Холмс видел лишь в темноте, когда проник в дом без разрешения. В кабинете на втором этаже дворецкий дождался, лишь когда Адамс поднимет взгляд от аккуратно разложенных бумаг и кивнет. Угрюмый служитель, обладатель седых бакенбард, не объявил гостя, не поздоровался с ним у входа, не сказал даже «прошу за мной». Возможно, хозяин велел ему не разговаривать с Холмсом. Так или иначе, сыщик не чувствовал себя униженным.

Он с любопытством оглядел уставленное книгами помещение. Помимо настольной лампы, кабинет ученого освещало вечернее солнце, бьющее в большие окна – частью витражные, частью обычного стекла. Через обычные окна Холмс видел резиденцию президента – совсем близко, на другой стороне улицы.

Адамс не встал и не заговорил, так что Холмс, не дожидаясь приглашения, подошел к столу, положил цилиндр, перчатки и трость на стул, а сам опустился на соседний, напротив Адамса.

– Вы поставили меня в невозможное положение, мистер Шерлок Холмс. – Лысеющий историк говорил тихо, но в его голосе явственно различались отчаяние и гнев.

Холмс не стал возражать, просто кивнул.

– Моя... загадка... была слишком простой? – спросил Адамс. – Я дал слишком много подсказок?

– Нет, подсказок было в обрез, – ответил Холмс. – И не все их вы дали сознательно.

– В утренней записке вы сообщили, что разрешили загадку и взглянули на мир глазами скорбящего. Полагаю, это значит, что вы...

– Вошел в памятник? – закончил Холмс. – Да.

Генри Адамс мгновение смотрел на свои бумаги. Его лицо – и даже

лысина – так побелели, что Холмс уже опасался, как бы пожилого собеседника не хватил удар или сердечный приступ. Но тут Адамс поднял взгляд и выпрямился.

– Что ж, – проговорил он почти без дрожи в голосе, – вы знаете величайший секрет моей жизни, мистер Холмс. Глупо и самоуверенно с моей стороны было дать столько подсказок такому человеку, как вы... и теперь вам все известно. – По телу Адамса прошла судорога, словно от удара током. – Вы ведь не рассказали Джеймсу?

– Я не говорил об этом Генри Джеймсу или кому-либо еще ни вчера ночью, ни сегодня утром, – сказал Холмс, чувствуя, как казуистический ответ встает у него в горле колом.

Адамс кивнул.

– За это я вам признателен. – Историк кивнул и сложил руки на столе. – И что дальше, мистер Холмс? Обсуждаем ли мы концепцию перехода денег из рук в руки?

Холмс мог бы – и даже чувствовал искушение – возмутиться, но не стал.

– Я беру гонорары сыщика, мистер Адамс, – холодно ответил он, – не плату шантажиста.

Выражение Адамса не изменилось.

– Каков ваш... гонорар сыщика в данном случае, мистер Холмс?

– Один доллар, – ответил Холмс. – И его уже выплатил мне два года назад ваш покойный шурин Эдвард.

– Нед, – странным, почти измученным тоном проговорил Адамс.

Холмс снова кивнул.

Внезапно Адамс как будто встряхнулся, прогоняя туман.

– Прошу извинения. – Он полупривстал и взялся за бархатную сонетку на стене. – Я не спросил, хотите ли вы чаю... или кофе... или виски.

– Ничего, спасибо.

Адамс почти рухнул обратно в кресло.

– Вы, – очень тихо проговорил он, – наверное, единственный из живущих знаете, какое я чудовище.

– Скорбящий, – ответил Холмс. – Не чудовище. Скорбящий, который нашел способ видеть, как другие скорбят о его утраченной любви.

Адамс почти рассмеялся:

– Слышали бы вы, что они говорят... видели бы их кривые физиономии при первом взгляде на статую Сент-Годенса... Одни строят догадки, во сколько обошелся памятник, другие ругают его унылость, недостаточную религиозность или отсутствие радостной веры и твердой

надежды на вечное искупление. Мы странные и необъяснимые животные, мистер Холмс.

– О да.

– Так чего вы хотите, сэр? – спросил Генри Адамс.

– Я хочу... мне необходимо узнать правду о смерти вашей жены Кловер более семи лет назад, – ответил Холмс.

– Она выпила цианистый калий и умерла почти мгновенно, – резко ответил Адамс. – Тут нечего обсуждать, а уж тем более распутывать.

Холмс вздохнул, подался вперед и тоже сложил руки на письменном столе мистера Адамса.

– Извините мою прямоту, мистер Адамс. И мне еще много чего придется сказать напрямик, прежде чем мы закончим разговор. Поверьте, я делаю эти замечания и задаю вопросы не из жестокости, а ради того, чтобы внести ясность.

Адамс глубже вдвинулся в кресло, однако его взгляд, устремленный в серые глаза Холмса, был по-прежнему тверд.

– Смерть миссис Адамс едва ли была «почти мгновенной», – тихо, но твердо проговорил Холмс. – Я опубликовал монографию о более чем трехстах ядовитых веществах и их сочетаниях: симптомы, летальность по стобалльной шкале, запах, сила действия. Цианистый калий в дозе, которая могла убить миссис Адамс, должен был обжечь ей язык и гортань. Кроме того, этот конкретный яд лишает тело способности перерабатывать кислород... по сути душит жертву. Миссис Адамс должна была задыхаться, хватать ртом воздух, быть может, рвать на себе воротник или корсет в течение нескольких ужасных мгновений. Затем она должна была упасть на пол и биться в диких судорогах еще несколько минут. Потом...

– Довольно! – воскликнул Адамс и с такой силой хлопнул ладонью по столу, что звук раскатился, словно ружейный выстрел.

В тот же миг дверь приоткрылась и в щель заглянул престарелый дворецкий:

– Сэр? У вас все хорошо? Я слышал...

Адамс по-прежнему глядел в стол, однако кивнул и проговорил хрипло:

– Все хорошо, Хобсон. Можете больше не ждать снаружи.

– Да, сэр.

Дверь бесшумно затворилась, и Холмс услышал звук, на отсутствие которого обратил внимание первый раз: затихающие шаги в коридоре, потом на лестнице.

Холмс вновь повернулся к Адамсу и встретился с ним глазами. Будь

взгляды саблями, Холмсу сейчас бы снесло голову и выпустило кишки.

– Зачем вы мне все это говорите? – просипел Адамс.

Холмс указал на кожаный том среди сотен других за спиной историка:

– «Яды и их действие» Сэдфорда, девятое издание. Вы знаете все эти подробности, мистер Адамс. Вы проштудировали симптомы отравления цианидом не менее тщательно, чем документы времен Томаса Джефферсона. Вы хотели знать правду, какой бы мучительной она ни была. И равным образом ее хочу знать я.

– Да, все верно. – Историк набрал в грудь воздуха. – Гостиная, в которой я нашел тело Кlover, выглядела так, будто там дрались трое матросов: занавески были сорваны, столы перевернуты, лампы разбиты, подушки изорваны ногтями, хрусталь сброшен с каминной полки. А лицо Кlover, застывшее, искаженное ужасом... оно было чудовищно, мистер Холмс.

Холмс кивнул и, выдержав недолгую паузу, сказал:

– Вы солгали полиции и газетчикам, мистер Адамс.

Адамс резко вскинул голову и расправил плечи. Тусклый вечерний свет блеснул на его лысине и стиснутых кулаках. Секунду или две Холмс изучал лицо собеседника: его выражение напомнило сыщику маску демона ци, виденную некогда в Киото в театре Но.

Однако Адамс так ничего и не ответил. Его стиснутый кулак завис над ящиком стола, и Холмс подумал, не лежит ли там пистолет. Новая соковыжималка Холмса – заряженная – была в правом кармане твидового пиджака.

– Вы сказали газетчикам и полиции, что в то воскресное утро оставили жену одну, потому что должны были идти к зубному врачу, – продолжал Холмс. – Это неправда.

Маленький историк закачался из стороны в сторону – так сильна была внутренняя борьба. Наконец он выговорил:

– Да, это неправда.

– Почему вы ушли из дому в то утро, мистер Адамс?

– У нас произошла ссора. Бурная. – Словно осознав юридическую значимость последнего слова, он торопливо добавил: – Бурная для меня и Кlover. Никто из нас практически не повысил голоса. Мы не скандалили с криком. Никогда.

– Но вы повздорили.

– Да.

– Из-за чего? – спросил Холмс.

– Кlover была в подавленном состоянии... близка к отчаянию. В то

утро она рыдала, почти истерически, поскольку настало воскресенье, тот самый час, когда она всегда писала отцу. Отцу, которого не было в живых уже несколько месяцев.

– Вы поссорились из-за ее переживаний или из-за того, что она писала письмо? – спросил Холмс.

– Я убеждал ее завести новую воскресную привычку, – ответил Адамс. – Писать сестре Элен. Заполнить воскресенье чем-нибудь, кроме скорби.

– Она и впрямь написала сестре после вашего ухода, по крайней мере начала, – проговорил Холмс. – Попробую процитировать на память: «Не передать словами, насколько Генри ласков и терпелив», и в последнем, неоконченном абзаце: «Генри был – и остается – несказанно ласковее и терпеливее всех вас». Отчего, по-вашему, она написала так сразу после того, как произошла ссора и вы ушли из дому, мистер Адамс?

Лицо у Адамса стало словно у писателя, который принужден смотреть, как страница за страницей сгорает труд его жизни.

– Не знаю, мистер Холмс. Как не знаю, откуда вам известно дословное содержание письма.

Холмс отмахнулся, словно от банального, не стоящего обсуждения пустяка:

– Полиция сняла копию. – Он прочистил горло и продолжил: – Такое впечатление, что миссис Адамс писала предсмертную записку самоубийцы, желая снять с вас всякую тень подозрения.

Адамс только затряс головой, то ли отрицательно, то ли растерянно.

– В том же письме миссис Адамс писала сестре, – сказал Холмс, – и я вновь процитирую на память: «Будь во мне хоть что-нибудь хорошее, я смогла бы на это опереться и мало-помалу начать жить сызнова». Дальше письмо обрывается. Почему вы так быстро вернулись домой, мистер Адамс? Всего минут через десять? Мне известно, что вы не были в то утро записаны к зубному врачу.

Адамс взял со стола вечное перо и стиснул двумя руками, словно хотел переломить.

– Мне стало... тревожно, – выговорил он наконец. – Я понял, как подло было оставить Кlover одну в расстроенных чувствах.

– Итак, вы вернулись домой, – сказал Холмс. – Позже вы сказали, что увидели у входа мисс Ребекку Лорн и та спросила, можно ли ей сейчас навестить Кlover.

Адамс молчал. Его обычно пугающе умные глаза словно подернулись туманом.

«Полупрозрачная дымка памяти», – подумал Холмс.

– Почему вы солгали и в этом, мистер Адамс? – спросил Холмс.

Адамс заморгал:

– Кто сказал, что это ложь?

– Я говорю. Вы встретили Ребекку Лорн, когда та выходила из вашего дома на Эйч-стрит. Она рыдала – так же истерически, как миссис Адамс чуть раньше, – и еле-еле смогла объяснить сквозь слезы, что увидела, зайдя к миссис Адамс. Не так ли, мистер Адамс?

– Да. Мне пришлось завести мисс Лорн в прихожую, чтобы никто не увидел ее истерики... и лишь через минуту-другую она смогла рассказать мне, что обнаружила наверху.

– Как она попала в дом? – спросил Холмс, вновь подаваясь вперед.

– Что-что?

– Вы наверняка заперли дверь, прежде чем вышли, чтобы прогулкой успокоить гнев, – сказал Холмс. – Как Ребекка Лорн проникла в дом?

Адамс ответил почти рассеянно:

– Месяцем или двумя раньше Кlover сделала для нее ключ. Мы надеялись поехать в Нью-Йорк за покупками – тщетно надеялись, как оказалось, – и Кlover дала мисс Лорн ключ, чтобы та заходила, приглядывала за слугами, следила, чтобы цветы поливали вовремя.

– Тело миссис Адамс в разгромленной гостиной обнаружили не вы, а Ребекка Лорн, – сказал Холмс.

Это было утверждение, не вопрос, так что Адамсу не пришлось отвечать. Он ограничился еле заметным кивком.

После некоторого молчания Адамс заговорил глухо – голосом человека, который прошел через ад и знает, что должен повторить свой путь:

– В последние месяцы перед этими событиями одна лишь Ребекка Лорн отвлекала Кlover от скорби по отцу. Кlover перестала видаться почти со всеми подругами. Неправдой будет сказать, что они были неразлучны, однако никого Кlover не ждала так, как мисс Лорн.

– Они ведь накануне вечером вместе нанесли визит миссис Камерон... Лиззи Камерон? – спросил Холмс.

Адамс вновь быстро заморгал:

– Да. Лиззи была очень больна... инфлюэнца, если не путаю. Кlover пошла ее навестить и позвала с собой мисс Лорн. Они принесли цветы и книгу.

Холмс вынул из верхнего кармана сценическую фотографию Ирэн Адлер и протянул Генри Адамсу:

– Это Ребекка Лорн?

Адамс поднес фотографию к глазам, потом отодвинул, стараясь разглядеть получше:

– Да... похоже, она. Платье более... броское, наверное, так будет правильно сказать... И выглядит она несколько моложе, чем в нашу последнюю встречу, однако, судя по всему, это Ребекка.

– У вас в руках афиша спектакля с участием Ирэн Адлер. Она американка по рождению, но обучалась в Европе.

– Обучалась чему? – спросил Адамс.

– Оперному пению, актерскому мастерству и шантажу, – ответил Холмс. – Особенно последнему.

– Не верю.

– Вы помните ее кузена, некоего Клифтона Ричардса?

– Конечно. Он работал в фотографическом отделе Госдепартамента. – Адамс умолк, и его глаза вновь заволокло дымкой. – Это он принес Кловер новый раствор для проявки, содержащий цианистый калий.

– Его настоящее имя Лукан, – сказал Холмс. – Возможно, Лукан Адлер. Возможно, он сын Ирэн Адлер.

Адамс вновь замотал головой.

– Вы видели Лукана – ее кузена Клифтона – в тот день, когда встретили Ребекку Лорн выходящей из вашего дома? В день смерти Кловер.

– Нет.

– Значит, он мог быть в доме и спуститься по лестнице для слуг, пока вы бежали вверх по парадной, а затем выскользнуть через черный ход, – заметил Холмс.

– Странное и возмутительное предположение, – сказал Генри Адамс. – У нас нет никаких свидетельств, что ее кузен Клифтон в тот ужасный день был у меня дома.

– Свидетельств нет, – согласился Холмс, – но нам доподлинно известно, что «Клифтон Ричардс» – убийца по фамилии Адлер. И, не допросив Ирэн Адлер – вашу так называемую Ребекку Лорн, – невозможно узнать, что на самом деле произошло в тот день. А в марте восемьдесят шестого лондонская «Таймс» опубликовала ее некролог.

Адамс вновь затряс головой, но на сей раз сопроводил движение отрицательным жестом, словно отталкивая слова Холмса или то, что они подразумевали:

– Нет, нет... эта Ирэн Адлер не может быть женщиной, которую я так близко узнал в год перед смертью Кловер. Все эти годы я писал мисс Лорн

– впоследствии миссис Бакстер – в Бостон, и она всегда отвечала.

– И в недавнее время тоже? – спросил Холмс, наостряя уши, как гончая.

– Последнее письмо пришло от нее прошлой осенью, – сказал Адамс. – Так что, как видите, ваша покойная актриса не может быть миссис Ребеккой Лорн Бакстер из Бостона.

– Ее почерк оставался прежним? – спросил Холмс.

– Да, конечно, – ответил Адамс. – Миссис Бакстер никогда не присылала мне машинописных посланий вроде тех карточек, историю которых вы так неудачно и назойливо расследуете.

– Когда мисс Лорн вышла замуж?

– Примерно через два года после смерти моей жены, – сказал Адамс. – Она переехала в Бостон в январе восемьдесят шестого, всего через месяц после... после. О своей свадьбе написала мне в августе восемьдесят восьмого. Я знаю только, что муж старше ее и разбогател на морской торговле с Индией.

– Можно посмотреть эти письма? Ее к вам, я хочу сказать, не ваши к ней.

Холмс ждал возражений или даже резких слов, но Адамс, вероятно, предвидел эту просьбу. Он вытащил из центрального ящика стола стопку конвертов, перевязанных розовой ленточкой.

– Прочтите их, мистер Холмс. Можете взять их с единственным условием – вернуть обратно. Вы не найдете ничего в письмах Ребекки Лорн Бакстер ко мне – как и в моих к ней, если она разрешит вам их прочесть, – кроме обычного разговора между стареющим вдовцом и подругой его жены – подругой, которая, как и вдовец, по прошествии семи лет по-прежнему глубоко скорбит. – Адамс говорил бесстрастно, почти по-деловому.

Холмс молча взял связку писем.

– И еще одно... еще одна загадка, если хотите, мистер Холмс, – сказал Адамс.

Холмс ждал, держа стопку писем на коленях.

– Каждый год шестого декабря, – продолжал Адамс, – в годовщину смерти Кловер, я – или, пока я путешествовал по Южным морям, Хэй, или кто-нибудь еще из наших друзей – находил на могиле моей жены букет белых фиалок, ее любимых цветов. Я убежден, что их приносит в этот день Ребекка Лорн.

– Откуда вы знаете? – спросил Холмс. – Она сама вам призналась?

– Нет, в нашей редкой переписке я ни разу не упомянул про цветы, – сказал Адамс. – Я просто знаю. Я еще не поблагодарил ее в письме, но

когда-нибудь обязательно это сделаю.

– Однако вы сказали, что мисс Лорн... миссис Бакстер... последние семь лет проживает в Бостоне.

– Да.

– Мистер Адамс... вы и впрямь считаете, что Ребекка Лорн Бакстер каждое шестое декабря совершает долгую поездку в Вашингтон только для того, чтобы оставить букетик белых фиалок на могиле вашей жены?

– Да, мистер Холмс. Она никогда не упоминала этого в письмах, но я убежден, что цветы на могиле оставляет именно она. Такой жест доброты полностью отвечает характеру женщины, которую я знал в восемьдесят пятом году. Ребекка Лорн всегда была добрейшей душой и близкой подругой моей жены. Допустить мысль, будто она хоть отчасти замешана или, боже сохрани, виновна в смерти моей жены – в смерти Кловер от меланхолии, как я обычно говорю про себя, – значит совершить тяжелую ошибку против здравого смысла, мистер Холмс. Это профессиональная недобросовестность, а также грубая клевета.

– Спасибо, что уделили мне время, мистер Адамс, – сказал Холмс, вставая и беря со стула цилиндр, перчатки и трость.

Адамс остался сидеть.

– Скоро ли вы покинете Вашингтон? – спросил историк.

– Я должен буду совершить поездку в связи с этим расследованием и... с другим... но со мной можно будет в любое время связаться через табачную лавку вот по этому адресу, – ответил Холмс.

– Мне больше нечего сказать вам по данному поводу, – проговорил Адамс. – Я буду признателен, если вы вернете письма до того, как отправитесь в поездку. Можете передать их через Хобсона. Нам нет больше надобности встречаться.

Холмс кивнул:

– Я сам найду дорогу к выходу, мистер Адамс. Спасибо за помощь. – Он похлопал по стопке писем в нагрудном кармане.

Однако Адамс уже смотрел в бумаги и даже не поднял взгляд.

В дверях Холмс остановился, чувствуя, но не видя Хобсона где-то в дальней части коридора.

– Один последний вопрос, мистер Адамс.

Историк не вздохнул, не нахмурился, не завел глаза к потолку – просто поднял голову, и Холмс вновь восхитился его выдержкой.

– Из ваших окон, особенно вон из тех, открывается прекрасный вид на резиденцию президента.

Адамс ничего не ответил. Он не повернулся к окнам, на которые

указывал Холмс, да в этом не было надобности. Адамс работал в своем кабинете с 1886 года и прекрасно знал, что у него за окнами.

– Не знаете ли вы, случайно, мистер Адамс, какие помещения Белого дома выходят окнами на ваши и – как ни странно звучит мой вопрос – часто ли президент Кливленд бывает в этих помещениях?

– Могу сказать лишь, что когда мы с миссис Адамс бывали у президента в его первый срок, в этих помещениях располагались кабинет и приемная сестры президента, мисс Роуз Элизабет Кливленд, которая исполняла роль первой леди страны, покуда в восемьдесят шестом мистер Кливленд не женился. Насколько я понимаю, это было первое и единственное бракосочетание в Белом доме. Несколько месяцев назад мистер Кливленд вновь въехал в Белый дом, но его сестра, насколько мне известно, в Вашингтон не вернулась. Кажется, она стала директрисой небольшого учебного заведения в Индиане... в городе Лафайет если совсем точно. Она часто публикует статьи по так называемому феминистскому вопросу, то есть о правах женщин. Я читал, что год назад она приняла участие в Первой международной женской конференции в Париже. Так что я не знаю, для чего служат эти помещения в настоящее время, только что сестра президента в них больше не живет.

Холмс улыбнулся тому, как исчерпывающе ответил историк (пусть и не самым учтивым тоном), кивнул в знак благодарности и закрыл за собой дверь.

Спеша усесться в кеб, пока его не заметил Генри Джеймс, который должен был сейчас находиться в соседнем доме, Холмс думал, что встреча принесла по крайней мере один существенный факт: кабинет Генри Адамса являет собой идеальное место для убийцы со снайперской винтовкой. Для Лукана Адлера, например.

День или два после возвращения к Хэям в качестве писателя, чей покой тщательно оберегают, Генри Джеймс блаженствовал впервые с начала года. Его комнаты в дальнем конце коридора на втором этаже были просторными, уютными и тихими. Если Джеймс решал поесть с хозяевами, те встречали его радостно. Если он выбирал одиночество – как по большей части и происходило, – Грегори перед каждой трапезой приносил меню, и писатель выбирал себе завтрак, обед или ужин без оглядки на то, что будут есть хозяева.

В те первые дни полное отсутствие Холмса наполняло его душу тихим счастьем – нечто подобное Джеймс испытывал, когда отпустила боль от подагры, мучившая его в Лондоне на Рождество и Новый год. Никаких больше окурков в яичнице, никаких разговоров про заговорщиков и убийц, никаких ночных вылазок на кладбище с проникновением в потайные надгробные убежища. Полная свобода отдыхать, писать или просто гулять и думать. Или, коли захочется, взять билет на ближайший пароход в Англию. Ничего лучше и придумать было нельзя.

Так отчего, гадал Джеймс семнадцатого апреля, в первую пятницу своего пребывания у Хэев, на душе у него так же тоскливо, как в марте, когда он решил поехать в Париж и утопиться в Сене?

В тот вечер он лежал, высыпав на одеяло литературное содержимое саквояжа, и просматривал записные книжки. Рынок рассказов за последнее время совсем усох, романы в ежемесячных выпусках – диккенсовская практика, кормившая Джеймса много лет, – тоже больше не издавались. Два его последних романа, «Сплетник» и «Трагическая муза» (вышедшая три года назад, в 1890-м), продавались плохо. Как и опубликованный в том же году сборник рассказов «Письма Асперна».

В этом году должны были выйти из печати три его книги: в июне этюды об искусстве «Рисунок и текст», летом – «Лондонские эссе», по большей части посмертная литературная дань недавно умершим друзьям, и, наконец, сборник «Частная жизнь и другие истории». Три книги – из них ни одного романа. А очерки и рассказы никогда не приносили больших денег и не вызывали заметного отклика.

Не оставалось сомнений: литературный мир прошел мимо, оставив Генри Джеймса в стороне. А может, он сам нечаянно забрел куда-то вбок.

Зимой (до того, как вознамерился покончить с собой) он принял твердое решение начать новую и куда более благодарную в финансовом (а значит, и в общественном) смысле карьеру драматурга.

Его первая пьеса, «Американец», свободное переложение одноименного романа (настолько свободное, что Джеймс поначалу думал озаглавить ее «Калифорниец»), выдержала семьдесят представлений в Лондоне и еще множество в провинции. Джеймсу нравился процесс: то, как он, словно французский автор-режиссер, читал актерам четырехактную пьесу, как во время долгих репетиций носил им курицу, суп и другую еду. Подбадривал их. Болтал с ними. Чувствовал себя своим. Смеялся вместе со всеми и смешил их своим остроумием – в том числе новыми репликами, которые появлялись в пьесе по мере того, как ее приспособливали к сцене.

Как не походило все это на десятилетия дисциплинированного одиночества, в котором он творил свои рассказы и романы, уже не помещавшиеся на одной полке. Но зачем был весь этот труд? Заработанного хватало на уютную светлую квартирку по адресу: Девир-Гарденз, 364, его дом с 1886 года. Однако даже там Джеймс не находил покоя. В последние годы, стараясь больше писать, он почти полностью отказался от вечерней и воскресной лондонской жизни. Целиком посвятить себя работе стало его новой мантрой. Ради этого он перестал ходить на званые обеды пять дней в неделю и не проводил больше уик-энды в сельских домах или ирландских поместьях богатых буржуа, мечтавших залучить к себе прославленного остролиста, блестящего рассказчика и светского сплетника.

Ему по-прежнему нравилось сочинять в одиночестве, но сочинительство уже не окупалось ни деньгами, будь то доллары или фунты, ни известностью. О нет, он никогда не стремился к богатству и славе! Его главной целью всегда было Искусство. Однако он давно предполагал, что к пятидесяти годам литературные труды дадут ему финансовую свободу, чтобы... Чтобы что? Быть может, чтобы купить английский домик у моря. Совсем небольшой летний домик вдобавок к лондонской квартире. Уютный домик, где можно принимать литературных друзей и брата Уильяма с семьей, когда тот приезжает в Англию. Уединенное место, куда бы он приглашал младших товарищей, скажем Поля Бурже или Эдмунда Госса.

В конечном счете, после всех его стараний, театральная труппа целиком переписала «мрачный» (по выражению актеров) третий акт «Американца» и превратила его в не слишком успешную комедию.

Хотя принц Уэльский посмотрел «Американца» и обнадеженный директор театра устроил на пятнадцатом представлении «вторую

премьеру» сокращенной и переписанной пьесы (Джеймс вновь помог заполнить дорогие места и ложи друзьями из литературного мира и светского общества), публика в зале по-прежнему скучала. В конечном итоге Джеймс вынужден был согласиться с критиками: пьеса, в которую они с сестрой Алисой вложили столько оптимизма, оказалась провальной. Он отказался от своих литературных корней, чтобы сделать «крепкую пьесу», и, стараясь угодить зрителям, превратил собственный серьезный роман в суетливую мелодраму. Высоколобый театральный критик А. Б. Уокли написал о плотном действии пьесы: «Как, мистер Джеймс? Все это „между обедом и пригородными поездами“?» Писатель был убежден, что именно Уокли написал анонимную рецензию, в которой говорилось, что Джеймс представил публике «театрального американца, густо наштукатуренного американским колоритом и снабженного карикатурным акцентом, монструозным пальто и повторяющимися хлесткими словечками».

Эдвард Комптон, постановщик и ведущий актер, и впрямь овладел американским диалектом в совершенстве и даже чересчур: Джеймс отчетливо слышал в его исполнении пародию на тот американский английский, которым наделил героя. А повторяющаяся фраза «Эт-то я и хотел увидеть», введенная по настоянию Комптона, утверждавшего, что для сценического персонажа чрезвычайно важны характерные словечки, звучала через каждые три реплики, – во всяком случае, так Джеймсу показалось, когда он последний раз смотрел свою искалеченную, урезанную, кастрированную пьесу.

Что до исполинского шоколадного цвета пальто, Комптон был от него в восторге. «Оно дает зрителям представление об истинной натуре героя», – говорил актер-постановщик после первого прогона вне Лондона. Однако Джеймс сознавал теперь всю неудачность этого долгополого наряда. Некий критик в печати гадал, не носят ли американцы пальто из цельной бизоньей шкуры. Другой сравнил огромные пуговицы Комптона с кексами в шоколадной глазури.

Американская исполнительница главной роли за все время заслужила один-единственный комплимент: критики написали, что к концу сезона она «стала чуть менее сомнамбулической». В первых спектаклях актриса изображала героиню – натуру пассивную и созерцательную – истеричкой и чуть ли не сумасшедшей. Получив столь не подходящую для себя роль бездеятельной и бесстрастной женщины, бедняжка испробовала весь спектр: сперва играла с невротическим надрывом, впадая в умопомешательство, затем превратилась в сомнамбулу, словно ее опоили

опиумной настойкой, и вот в итоге «стала чуть менее сомнамбулической». Гедда и Нора в непонятно перехваленных пьесах Ибсена (обе роли принесли ей громкий успех), она, оскорбленная критическими нападками, рыдала после каждого представления «Американца». Джеймсу хотелось рыдать вместе с нею.

Анонимный обозреватель «Эры» подытожил его первый драматический опыт так: «Мы не менее критиков новейшей школы приветствуем появление в театре литераторов, но только если они приносят с собой литературу».

Слова эти – а главное, их справедливость – ранили Джеймса сильнее, чем он себе признавался. Он помнил, как в 1890-м, в самом начале мучительной эпопеи с «Американцем», писал Генриетте Ройбелл: «Я закончил большую (и очень хорошую) четырехактную пьесу, которая, надеюсь, принесет мне состояние».

Да, пьеса получилась большая. Однако в конце концов Джеймс вынужден был признать, что напрасно считал ее «очень хорошей». Во многом она вышла просто очень дурной. Джеймс помнил, как написал своему другу Роберту Луису Стивенсону, живущему сейчас на далеком тихоокеанском островке: «Мое рвение сравнимо лишь с моим безразличием» – и почти тут же добавил с энтузиазмом: «Я чувствую, что драматическая форма раскрывается передо мной, словно царство, которое предстоит завоевать». И все же в конце этой противоречивой эпистолы он сказал Стивенсону:

Да, царство, но по моим меркам – по нашим меркам, мой отсутствующий, но всегда близкий друг, – жалкое королевство, населенное невежественными мерзавцами-директорами и тупыми лицедеями.

А совсем недавно, когда он лежал с приступом подагры, до решения отправиться в Париж, Джеймс написал Стивенсону:

Не осуждайте меня: суровая необходимость ухватила меня грубой рукой и вынуждает хоть как-нибудь зарабатывать деньги, которые я не могу заработать литературой... Мои книги не продаются, а вот пьесы, судя по всему, будут продаваться... Посему я собираюсь с духом написать их штук шесть.

Сегодня, апрельским вечером 1893 года, в пятницу, всего за восемь

дней до своего пятидесятилетия, Джеймс осознал, что так и не научился писать для театра. Тем не менее он привез с собой в Америку три законченные комедии, драму, написанную для конкретной актрисы, которая теперь уже по возрасту не могла сыграть созданную специально для нее роль, черновые заметки к еще пяти возможным пьесам и наброски первых трех актов серьезной драмы под предварительным названием «Гай Домвилл».

В ранних черновиках был список возможных имен для заглавного героя, единственного отпрыска богатой семьи, вызванного из монастыря и стоящего перед дилеммой: стать священником или жениться и продолжить род. Джеймс также сохранил заметки, сделанные много лет назад в Венеции, где он услышал историю послушника, поставленного перед выбором: либо отказаться от обетов, либо допустить, что их род прервется. Тогда писатель предполагал, что из этого может получиться рассказ, и даже записал черновое название – «Герой»:

Ситуация юноши из древней венецианской семьи (забыл какой), который стал монахом и которого почти насильно вытащили из монастыря в мир: чтобы род не пресекся – ему совершенно необходимо жениться.

От названия «Герой» для пьесы Джеймс отказался давно. Он добавил еще несколько драматических – возможно, мелодраматических – уровней к выбору, который предстоит сделать герою, и решил, что в списке возможных фамилий, занимавшем в записных книжках две страницы, самая удачная – Домвилл. Куда больше времени потребовалось, чтобы остановиться на имени для заглавного персонажа. Черновое «Бой» (Джеймсу нравилось звучание) за последние месяцы превратилось в «Гай». Гай Домвилл. Уже было ясно, что действие пьесы не будет происходить в Венеции.

Однако как поступит чрезвычайно мужественный герой – согласится на брак без любви (в который пытается втянуть его негодяй с негодяйской фамилией Денвиш) или переборет искушение, отринет жизнь, любовь, семью и будущее знатного рода ради монастыря и хладного безбрачия?

Лежа в почти полной тьме – озерцо света от ночника захватывало лишь его бледные руки и маленькую стопку записных книжек, – Джеймс воображал, что двойное самоотречение в финале пьесы исторгнет у чувствительных зрителей слезы. Он видел, как изысканно одетый актер восклицает: «Милорд, я последний из Домвиллов!» Все в зале будут либо

рыдать, либо потрясенно молчать.

Но будут ли?

Джеймс готов был расплакаться. Ему хотелось, чтобы вернулся Шерлок Холмс.

* * *

На следующее утро, в субботу, ровно за неделю до пугающего дня рождения, только что позавтракав – Грегори со всегдашней бесшумной расторопностью забрал поднос, как только Джеймс позвонил в колокольчик, – и облачившись в прекрасно скроенный костюм, коричневый в тонкую полоску, Генри Джеймс сел за стол у окна, в которое струился весенний свет, и написал следующее:

Среди проволочек, разочарований, *déboires*^[28] гнусного театрального ремесла ничто так не утешает, как мысль, что литература тихо ждет под моей дверью и довольно отодвинуть щеколду, чтобы впустить эту изящную маленькую особу, которая, что ни говори, мне дороже всего и от которой я по-прежнему не готов отказаться. Я впускаю ее, и дивные часы возвращаются; я проживаю их вновь, добавляю еще кирпичик к тому скромному литературному памятнику, что мне выпало воздвигнуть.

Джеймс остановился и перечел написанное.

Вздор. Сентиментальный вздор. Джеймс посвятил себя зарабатыванию денег пьесами для театра, и не было такой щеколды, которую он мог отодвинуть, чтобы милые его сердцу (и неприбыльные) литературные труды на цыпочках вошли в дом.

А что за самовлюбленное лепетание про «скромный литературный памятник», который он возводит себе по кирпичику? Флобер когда-то дал на подобные представления очень точный ответ: «Книги не рождаются, как дети, они строятся, как пирамиды, и столь же бесполезны. Все равно они стоят в пустыне, шакалы на них мочатся, буржуа взбираются...»

Генри Джеймс вступал в шестой десяток и в эти черные часы сомневался, что хоть одно из его литературных детищ переживет своего плодovitого отца больше чем на несколько лет.

Попытки добиться от братьев по перу, пусть только от младших, обращения «мэтр» и те закончились крахом. Если они и соглашались так

говорить, это звучало шуткой. Нет, не будет у него никакого «литературного памятника», выстроенного упорными трудами «по кирпичику». Что до временных «памятников», которые он такими усилиями возвел, шакалы-критики и впрямь на них мочились, назойливые буржуа – особенно в Америке – взбирались на самый верх и ножами или ногтями царапали свои инициалы на любовно отшлифованных камнях.

Всего несколько лет назад он написал рассказ «Колесо времени», который находил чрезвычайно удачным. Главный герой – еще одно отражение его самого как бы в тусклом стекле – в свой сорок девятый день рождения размышляет о далекой юности. О юности...

Он сожалел о ней и тосковал, силился вернуть, но сейчас, в Лондоне, чувствовал себя так, будто она ушла безвозвратно. Может быть, есть некое утешение в том, чтобы достигнуть пятидесятилетия, некий поворот тусклой подзорной трубы, взгляд со взлобья холма: круглое, большое, глупое число, которое, возможно, заставит почувствовать себя важным и маститым. Так или иначе, сорок девять лет – ужасающий возраст.

Однако теперь, когда круглое, одиозное число пятьдесят неслось на него, как товарный состав в ночи – такое же глухое, пугающее, неотвратимое, – он отдал бы все, чтобы остаться сорокадевятилетним навеки или, если это невозможно, хотя бы на ближайшие годы.

Джеймс с ужасом осознал, что на глаза у него наворачиваются слезы. Быть может, розовый американский поросенок Тедди Рузвельт все-таки сказал правду. Быть может, он, Джеймс, и впрямь обабился и в мыслях, и в творчестве.

* * *

Джеймс ощущал мучительную потребность написать кому-нибудь письмо, но понимал, что не может этого сделать: его поездка в Америку должна оставаться тайной и для друзей, и для эпистолярных собеседников.

Снова вздор. Генри Джеймс писал кому-нибудь, чаще многим, каждый день своей жизни. В определенном смысле именно письма – те, что он писал, и те, что получал, – и составляли его связь с жизнью.

Сейчас он чувствовал непреодолимую потребность изложить Констанции Фенимор Вулсон все, что произошло с ним в последние

недели. В марте ей исполнилось пятьдесят три – Джеймс тогда в изящно-уклончивых выражениях поздравил ее с днем рождения. Возможно, Фенимор поймет его чувства по поводу пятидесятилетия. Насколько он помнил, они с ней никогда не говорили о приближающейся старости. С Фенимор, американской писательницей, живущей, как и Генри Джеймс, в добровольном европейском изгнании уже много десятилетий, его связывало некое подобие романтических отношений – самое близкое подобие, которое он когда-либо допускал с женщиной.

Разумеется, он не испытывал влечения к Фенимор, по крайней мере чувственного, – мысль о нагом женском теле импонировала ему только в случае очень немногих классических картин и статуй. Лишь мужская нагота рождала в нем глубокое и непонятное волнение с того самого дня, когда он вошел к брату Уильяму в рисовальную студию и увидел позирующего голым кузена Гаса. И тем не менее, пока они несколько недель кряду жили на съемной вилле Фенимор в Беллосгвардо (Фенимор на верхнем этаже, Джеймс – в своих удобных комнатах на нижнем), он отчасти понял, каково это – делить кров с женщиной.

Быть женатым.

Разумеется, Фенимор очень во многом напоминала мужчину: решительностью, независимостью, писательской хваткой, готовностью прервать даже самую приятную беседу с Джеймсом, когда они вместе любовались закатом с широкой террасы виллы Брикьери на окраине Беллосгвардо, и вернуться за письменный стол, – и все же она оставалась женщиной с женскими загадками. После того как Фенимор покинула свой съемный дом в Оксфорде, Джеймс не один месяц гадал, зачем она вообще приезжала в сумеречную зимнюю Англию, так угнетавшую эту солнцелюбивую натуру. Лишь задним числом пришло осознание ее цели: она хотела быть рядом, пока умирала его сестра Алиса.

Быть рядом. Все эти месяцы меланхолическое присутствие Фенимор воспринималось как часть фона, и лишь когда она уехала, обиженная, если не оскорбленная, он заметил образовавшуюся пустоту.

Фенимор можно было бы изобразить в книге как забавную сумасбродку – особенно комичную из-за глуховатости, которую она не хотела признавать и которая крайне затрудняла разговоры с нею, особенно в салоне или людном публичном месте. Однако Джеймс знал, что она не сумасброднее его. Скорее уж менее сумасбродна. По крайней мере, у Фенимор, насколько он знал, не было потаенных секретов.

В прошлом году Джеймс запоздало понял – когда Фенимор уезжала сперва в Швейцарию, затем в Италию, – что ее внезапная суровость к нему

не случайно. Что она не просто примчалась в Оксфорд утешить его в последние месяцы Алисиной болезни, но и рассчитывала, что после смерти сестры он проявит к ней, Фенимор, больше внимания.

Они часто сговаривались встретиться в каком-нибудь европейском или даже английском городе, селились в разных отелях, но вместе гуляли, обедали, ходили по художественным галереям и на концерты, которые Фенимор любила, несмотря на глухоту. Неужто она и впрямь ждала большего?

Неужто она в него влюблена?

Джеймс тщательно избегал появляться с нею там, где их могли увидеть общие знакомые. Выбирал для встреч далекие города, для обедов – вполне приличные рестораны, но не такие, куда ходят его друзья. Он не стыдился Констанции Фенимор Вулсон как таковой – она была самой умной и образованной американской беллетристок из всех, кого он знал в Европе. Оставалось скрепя сердце признать: он страшится, как бы у третьих лиц не возникла мысль, которую сестра Алиса не раз шутливо высказывала в письмах Уильяму и другим членам семьи: «Гарри на Континенте волочитя за Фенимор Вулсон».

Он мог простить умирающей сестре подобные шпильки. Скажи такое кто-нибудь другой, даже – особенно – брат Уильям, Джеймс был бы глубоко уязвлен.

И все же он жил с Фенимор в Беллосгвардо, по ее распорядку и на ее условиях – они обитали под одной крышей, как два товарища-холостяка, погруженные каждый в свои труды, – и эти месяцы странным образом его изменили. Главным образом тем, что Генри Джеймс осознал, насколько ужасно, ужасно он одинок.

Год назад, в марте 1892-го, через месяц после сорок девятого дня рождения, он навестил Фенимор, когда та готовилась уехать из Оксфорда, затем напрямик отправился домой и написал кусок ранее начатого рассказа «Колесо времени». В этом рассказе сорокадевятилетний главный герой Морис Гланвил в молодости отвергает любовь некрасивой, но обаятельной Фанни Нокер, а десятилетиями позже встречается ее на Континенте. Жена Мориса умерла, оставив ему горстку воспоминаний о настоящей любви и дурнушку-дочь.

Сорокадевятилетний Морис видит Фанни (теперь овдовевшую миссис Треджент) и с изумлением понимает, что она – из того редкого разряда красавиц, которые достигают расцвета лишь в зрелом возрасте. И у нее есть сын – блистательный юноша чуть старше некрасивой и заурядной дочери Мориса.

В рассказе сын Фанни разбивает надежды дочери Мориса, как некогда тот разбил надежды его матери, отказываясь на ней жениться, хотя и Морис, и миссис Треджент хотят устроить этот брак. Девушка просто недостаточно для него хороша.

Однако главное потрясение в рассказе наступает, когда до Мориса доходит, что все эти годы Фанни Нокер Треджент тайно его любила и что любовь эта была смыслом ее жизни.

Тогда, в прошлом мае, вернувшись от странно раздраженной Фенимор, Джеймс написал сцену, в которой Морис размышляет о безвестной ему доселе страсти. Открытие наполняет его «удовольствием, которое немногим уступало его изумлению».

Она смирилась и приняла свою участь, но думала о нем каждый день своей жизни. Она взяла на себя обязанности и выполняла их, отринув всякую слабость и преуспела во всех добродетелях, однако скрытое пламя так и не погасло. Его образ всегда стоял перед глазами Фанни; она никогда не отказывала себе в сладостной надежде на новую встречу, и хотя пальцем не шевельнула, чтобы приблизить свидание, судьба ответила на ее молитвы. Женщины способны на такие таинственные чувства, на такую неколебимую верность, и по временам, когда Морис Гланвил об этом думал, сердце его начинало биться учащенно. Он словно понимал теперь, какое чудо преобразило Фанни Нокер – чудо героической покорности, безропотного страдания и побежденного эгоизма. Преображение это произошло не в миг, а за годы служения другим. Она и сейчас жила для других; Морис наконец отчетливо понял, что она жила для него. Время страстей ушло, пора служения – нет.

Джеймс сочинил эту сцену – и опубликовал рассказ, – радуясь тайному (даже для себя самого) сознанию, что пишет о сокровенной страсти Фенимор Вулсон к нему. Год назад он не вполне понимал всю силу их близости, но окончательно прочувствовал ее сейчас.

И внезапно Джеймс ощутил и другое, так что горло перехватило внезапным страхом, – возможно, это все он написал о себе. О собственной невысказанной и даже неведомой потребности – нет, не в любви, не в страсти, не в физической близости, но все равно потребности чрезвычайно сильной, – чтобы Фенимор была рядом, чтобы она избавила его от невыносимого бремени одиночества, окружила почти мужским

пониманием и в то же время женским присутствием.

«Господи, – думал Генри Джеймс в то субботнее утро за неделю до своего пятидесятилетия, – мне надо срочно, срочно отсюда выбираться».

Он поедет в Бостон, всыплет Алисин прах в мраморную урну, куда мисс Лоринг сложила остальные ее кремированные останки. Затем отправится домой. Домой в Англию.

В одном сомнений не оставалось: с отъездом Шерлока Холмса вопрос, реальный тот человек или вымышленный персонаж, что превращало Генри Джеймса в вымышленного персонажа второго плана, словно его ввели в повествование, как доктора Ватсона, с единственной целью восхищаться дедуктивными способностями Холмса, – так вот, этот вопрос утратил актуальность. Теперь, когда Холмс уехал по своим неведомым делам, Генри Джеймс вновь стал просто живым человеком из плоти и крови. Хотя и чрезвычайно одаренным.

* * *

Раздался быстрый стук в дверь, Джеймс машинально ответил: «Войдите», и в комнату почти вбежала Клара Хэй.

– Гарри, вы непременно должны это увидеть, непременно! – по-девичьи заливисто вскричала она и, двумя руками ухватив его за левую руку, только что не силком выволокла из-за стола.

Ошеломленный писатель покорно дал отвести себя к двери.

– Пальто можно не надевать, Гарри, там тепло, как летом. Да и пройти надо всего несколько шагов. Вы просто должны это увидеть! Нельзя пропустить такое зрелище.

– Какое? – выговорил Джеймс, пока они торопливо спускались по широкой центральной лестнице к парадной двери, которую Бенсон заранее для них распахнул.

– «Летающих Вернетти»!

* * *

Толпа, сгрудившаяся на зеленой траве Лафайет-сквер-парка, глазела на большое здание – Клара напомнила Джеймсу, что оно принадлежит Камеронам. В первых рядах толпы писатель различил Лиззи Камерон (но без мужа, Дона, который сейчас, очевидно, находился на службе). Лиззи

держала ладонь козырьком, чтобы солнце не мешало смотреть. Джеймс заметил и еще нескольких великосветских соседей Адамса, Хэв и Камеронов, преимущественно женского пола: они собрались в восточной части парка, в то время как люди попроще, включая дворников с метлами, стояли чуть поодаль. Некоторые дамы – в том числе юная Хелен Хэй – держали у глаз театральные бинокли.

И все глядели вверх. Клара указала рукой, и Джеймс, закрывшись ладонью от солнца, поднял глаза и попытался понять, на что все таращатся.

Вот. По самому высокому коньку острой и крутой крыши преувеличенно большими шагами шли мужчина и мальчик, преодолевая опасное расстояние от одного скопления печных труб до другого. У мужчины к спине было привязано что-то вроде колчана, из которого торчали странной формы щетки и метлы.

– Трубочисты? – спросил Джеймс, дивясь, что Клара вытащила его смотреть на трубочистов.

– Подождите! – воскликнула Клара Хэй.

Джеймс должен был признать, что от зрелища и впрямь может захватить дух: мужчина и мальчик осторожно двигались по коньку на высоте шестидесяти футов над землей и, сорвись кто-нибудь из них, на крутой крыше не за что было зацепиться.

Внезапно Джеймс ахнул вместе с толпой: мальчишка прошелся по коньку колесом, а мужчина, отпустив колчан болтаться на ремне, чтобы не выпали щетки, сделал стойку на руках, упираясь ладонями в скользкую черепицу по обе стороны конька.

Выглядели оба престранно. И взрослый, и мальчик (лет одиннадцати-двенадцати на вид) были тощие как щепки и одеты в черную одежду не по росту – явно нарочно, потому что носки и манжеты, торчащие из штанин и рукавов, были в красную и черную полоску у костлявого мужчины и зеленые в черную полоску у его худенького помощника.

Странность усиливалась тем, что у взрослого трубочиста оранжевые волосы стояли гребнем, как у индейца племени ирокезов, а жесткие волосы мальчишки, торчащие во все стороны, были выкрашены в ярко-зеленый цвет. Густо набеленное лицо мужчины изображало череп (глаза, обведенные черной краской, казались пустыми глазницами); так же сильно набеленное лицо мальчика перечеркивала узкая алая полоса губ. От зрелища этого становилось не по себе – по крайней мере, Джеймсу.

Внезапно мальчик-спичка выхватил у мужчины-жерди колчан и низко нагнулся. Мужчина-скелет на трехдюймовом коньке сделал сальто через голову помощника, тут же вскочил, нагнулся, и мальчик запрыгнул ему на

спину.

Толпа ахнула и застонала. Зеваки в первых рядах попятнулись, словно хотели быть подальше, когда мужчина и мальчик сорвутся с крыши.

Ощущение нереальности плащом накрыло Джеймса, пока тот смотрел, как мужчина в черно-красную полоску – его длинные белые пальцы и впрямь были как у скелета – снимает колпаки с тройной трубы на конце конька. Пальцы мелькали стремительно, неразлично – оранжево-волосый трюкач и его зеленоволосяный помощник, вытащив веревки, привязывали колпаки к основанию труб.

Затем человек-скелет – его черные туфли выглядели почти балетными – подскочил высоко в воздух и развел ноги, так что черные подошвы оказались по разные стороны тройной трубы.

Толпа вновь ахнула, как единый организм, и Джеймс тоже (хотя и негромко), потому что мальчишка прыгнул, выставив руки вперед, как ныряльщик с обрыва, только под ним не было моря, лишь земля, трава и каменный тротуар шестьдесят футов ниже.

Высокий трубочист с оранжевыми волосами поймал мальчишку. Руки заморыша по-прежнему были выставлены вперед, совершенно прямые ноги торчали назад, и тут человек-жердь развернул помощника-щепку, так что его голова оказалась точно над отверстием трубы. Лишь тут Джеймс заметил, что оба трубочиста обвязаны вокруг пояса веревкой со странными узлами, прямо как альпинисты, которые парой взбираются на Маттерхорн.

Высокий трубочист с лицом скелета немного разжал костлявые белые пальцы, дав мальчишке скользнуть в невозможно узкую трубу, на миг удержал того за щиколотки и вновь отпустил. Зрители застонали в унисон и лишь потом заметили, что человек-скелет теперь держит в руках обе веревки. Он начал потихоньку их травить, пропуская сперва через одну руку, потом через другую и при этом отклоняясь все дальше от трубы, – щуплый мальчишка служил ему противовесом, – так что казалось, он уже не сможет выпрямиться.

Джеймс отвернулся.

– Изумительно, правда? – спросила Клара Хэй. – Дух захватывает!

– Невероятно, – кое-как выговорил Джеймс, не желая задеть чувства хозяйки. За несколько секунд представления у писателя закружилась голова, и теперь он чувствовал легкую тошноту. «До чего же мы странные животные», – была его единственная связная мысль.

– Они зовутся «Летающими Вернетти», – продолжала Клара, не замечая, как побелел Джеймс. – Лиззи Камерон считает, они отец и сын. Чистят трубы с начала недели, но только в нескольких лучших домах, у

лучших семейств. Лиззи все дожидаться не могла, когда они придут к ней.

– Невероятно, – повторил Джеймс.

На крышу он больше не смотрел, хотя толпа ахала и стонала при виде новых невозможных трюков.

– Лиззи сказала, они замечательные работники, – продолжала Клара, обращаясь к Джеймсу, но глядя в другую сторону. – Закрывают все комнаты, прежде чем взяться за чистку труб, – а видит небо, во многих старых домах давно пора повысить грязь, – и еще все застилают газетами, чтобы не намусорить сажой.

– Невероятно, – сказал Джеймс, останавливая взгляд на Белом доме по южную сторону улицы. – Я, наверное, пойду немного пройду, – продолжал он. – Увидимся ближе к вечеру, Клара.

Клара не ответила. Молитвенно стиснув руки и раскрыв рот, она увлеченно смотрела на смертельные безумства, которые творились на крыше Лиззи Камерон.

* * *

Впоследствии, даже много лет спустя, Генри Джеймс не мог до конца объяснить себе свои поступки в следующие несколько часов. «Если, – неизменно добавлял он к этому конкретному самоанализу, – я и впрямь совершил их по собственной воле». Его не отпускало чувство, что то было поведение какого-нибудь плохо проработанного персонажа в бульварном романе Уилки Коллинза или Г. Райдера Хаггарда.

По счастью, как ни торопила его Клара, он успел надеть шелковый цилиндр и взять трость, так что в дом возвращаться не пришлось. Джеймс повернул на восток и быстро зашагал по Пенсильвания-авеню, упрямо не оборачиваясь, когда толпа на Лафайет-сквер разражалась ахами и охами.

«Летающие Вернетти» живо напомнили Джеймсу, из-за чего он все эти годы предпочитал жить в Англии и Европе. Американцы желают хлеба и зрелищ. Трубочист рискует жизнью родного сына (если, конечно, мальчик и впрямь его сын, а не сирота, взятый из приюта и выученный показывать идиотские акробатические трюки на высоте шестьдесят футов), чтобы потрафить таким, как Камероны, Лоджи, Хэи и мрачный Генри Адамс. Джеймс не удивился бы, узнав, что президент Гровер Кливленд и его супруга глазают с лужайки перед Белым домом так же самозабвенно, как сливки washingtonского общества – с Лафайет-сквер.

Америка не хочет взростеть. Она – вечный младенец, огромный,

пухлый и розовый, а теперь еще и владеющий смертоносным оружием, с которым не знает, как обращаться.

Джеймс кликнул кеб и велел ехать в ближайшую пароходную компанию.

В довольно роскошной пароходной конторе Джеймс, велел извозчику подождать, купил билеты до Англии на новый быстроходный пароход «Шпрее» Северонемецких линий Ллойда, отплывающий из Нью-Йорка в следующий вторник, одиннадцатого апреля, в 19:30.

Он встретит день рождения в море.

Джеймс знал, конечно, что немецкий пароход не сравнится в скорости, скажем, с «Сити оф Нью-Йорк» (5 дней, 23 часа, 14 минут) или «Сити оф Пэрис» (5 дней, 23 часа, 50 минут), но знал и другое: «Шпрее» обеспечивает пассажирам весь возможный комфорт. К тому же американские и британские пароходные компании измеряли время перехода от маяка на Санди-Хук до мыса Рочес на входе в Квинстаунский залив, а Северонемецкие линии Ллойда и Линия Гамбург – Америка – от маяка на Санди-Хук до Нидлса под Саутгемптоном.

Спешить ему некуда, и хорошо, что пассажиры будут в основном немцы, – никто не будет втягивать его в разговоры (хотя, к слову сказать, Джеймс превосходно владел немецким).

С приятной мыслью, что через три дня отплывает в Англию, писатель вернулся в кеб и назвал извозчику следующий адрес.

На железнодорожной станции Джеймс приобрел билет первого класса до Нью-Йорка. Поезд уходил из Вашингтона в воскресенье (то есть завтра) вечером. Кроме того, писатель купил билеты Нью-Йорк – Бостон: туда на утро понедельника, обратно на вторник, с достаточным запасом времени до вечерней посадки на «Шпрее».

Затем он велел извозчику ехать в телеграфную контору, где телеграммами забронировал два номера: на воскресную ночь в хорошем нью-йоркском отеле, где останавливался в каждый приезд, на следующую – в знакомой бостонской гостинице. К тамошним друзьям Джеймс решил не заглядывать, а Уильям с женой были сейчас в Европе. Если проявить известную твердость духа, можно даже не проходить мимо старого кембриджского дома, где когда-то жила вся семья, включая тетю Кейт. Джеймс решил, что большой дом Уильяма по адресу: Ирвинг-стрит, 95, тоже видеть не хочет. Маршрут на кладбище он спланирует соответственно.

Подумав о старшем брате, Джеймс составил телеграмму, которую поручил отправить на два адреса, во Флоренции и в Люцерне. Уильям уже

должен был перебраться из Италии в Швейцарию – он прислал Джеймсу свое расписание почти месяц назад. Однако Джеймс знал, что брат переезжает вместе с семьей, как в свое время их отец, без всякой оглядки на ранее намеченные сроки.

Телеграфистка, прочтя текст, удивленно глянула на Джеймса, но даже это не вызвало у него ничего, кроме улыбки.

НАХОЖУСЬ АМЕРИКЕ ЧЕЛОВЕКОМ КОТОРЫЙ ЛИБО
ВООБРАЖАЕТ СЕБЯ СЫЩИКОМ ШЕРЛОКОМ ХОЛМСОМ
ЛИБО ВПРЯМЬ СЫЩИК ШЕРЛОК ХОЛМС И ПОТОМУ
СЧИТАЕТ СЕБЯ ВЫМЫШЛЕННЫМ ПЕРСОНАЖЕМ ТЧК
ПРОШУ СОВЕТА ТЧК ТЕЛЕГРАФИРУЙ ОТВЕТ АДРЕС
ДЖОНА ХЭЯ ВАШИНГТОНЕ ТЧК ГАРРИ

Джеймс надеялся, что телеграмма порядком озадачит брата, так уверенного в собственном превосходстве.

Наконец из странного каприза Джеймс спросил, может ли рассыльный «Вестерн Юнион» отнести записку в городе. Ему ответили, что это обойдется всего в пятнадцать центов, включая бумагу и конверт. Джеймс вывел на конверте адрес табачной лавки с визитной карточки Шерлока Холмса, взял лист бумаги, написал «Я уезжаю из Вашингтона завтра, в воскресенье» и задумался. Больше ничего уместного в голову не приходило. Да и незачем Холмсу знать больше. Джеймс поставил внизу свое имя (почему-то добавив «мл.», отброшенное больше десяти лет назад), дописал на конверте: «Мистеру Ш. Холмсу – лично в руки», заплатил телеграфной конторе за услуги рассыльного и дал самому пареньку десять центов на чай.

Покончив с делами, Джеймс сел в кеб и велел извозчику высадить его на Конститушн-авеню за несколько кварталов от Лафайет-сквер, чтобы по пути к Хэю по возможности миновать толпу, если та еще глазеет на опасные антраша «Летающих Вернетти». Тратить столько сил, рисковать смертью или увечьем ради того, чтобы почистить трубу-другую! Абсурд.

Джеймс приблизился к перекрестку и внезапно застыл как вкопанный. С минуту он стоял, сомневаясь в увиденном, затем сомнения исчезли.

По противоположной стороне поперечной улицы быстро шагал профессор Джеймс Мориарти: высокий белый лоб, прямые волосы над ушами, фрак, белые паучьи пальцы. Он шел на юго-запад. Джеймсу надо было на северо-восток.

«Это не мое дело, – яростно убеждал себя Джеймс. – Мориарти – всего

лишь пожилой профессор математики и астрофизики. Ты уже знаешь из научного журнала в Библиотеке Конгресса, что он жив. *И тебя это не касается».*

Он повторил последние слова трижды, как мантру, затем все же повернул вправо и двинулся за профессором Мориарти – сохраняя дистанцию и оставаясь на противоположной стороне улицы.

Крыса. Сраная крыса

Генри Джеймс в жизни ни за кем не следил, но вскоре обнаружил, что дело это совсем не хитрое. Надо было только держаться за полквартала от Мориарти, на другой стороне улицы, немного ускорять шаг, чтобы не потерять профессора из виду, когда он сворачивал вправо или влево, на другую улицу, либо отступать в тень магазина, когда тот останавливался. По счастью, Мориарти не оглядывался назад – да и по сторонам тоже, просто шел уверенно, видимо твердо зная цель. Всякий раз, как впереди слышался мерный стук профессорской трости с серебряным набалдашником, Джеймс понимал, что надо сбавить шаг и отстать еще ярдов на тридцать.

Минут через двадцать-тридцать ловкой слежки Джеймс внезапно понял, что не знает, в какую часть города они забрели. Он точно помнил, что какое-то время шел на запад, навстречу яркому послеполуденному солнцу, затем, вслед за быстро шагающим Мориарти, влево – на юг, снова на запад и снова на юг. Однако он понятия не имел, что это за район.

Красивые особняки и магазинчики давно остались позади; их сменили покосившиеся кирпичные склады и редкие деревянные лачуги. Улицы сделались уже и грязнее; их правильнее было бы назвать закоулками. Над крышами висел странный, неприятно пахнущий туман, куда более редкий, чем густой лондонский смог, но для Вашингтона все равно непривычный. Джеймс гадал, не забрел ли он вслед за Мориарти в ту часть города, которую Джон Хэй называл «Фогги-Боттом».

Впрочем, удивительным образом – и весьма удачно для Джеймса, желавшего остаться незамеченным, – людей и повозок в этих грязных закоулках было куда больше, чем в более приличных частях города. Прохожие шли по большей части группками, и хотя Джеймс приметил двух грязнух, одна из которых была к тому же мертвецки пьяна и отчаянно ругалась, толпа состояла практически исключительно из мужчин, одетых либо в бедное рабочее платье, либо в несвежие полосатые костюмы с вызывающе яркими жилетами.

Однако Мориарти продолжал идти, не глядя по сторонам. Толпа расступалась перед ним, словно профессор – некий неправедный Моисей, а уличный сброд – волны Чермного моря.

Джеймс внезапно осознал, что его костюм, трость, да и весь облик

разительно выделяются на общем фоне. Он остановился на земляной тропе, заменявшей тут тротуар, и всерьез задумался: не лучше ли как можно скорее вернуться в приличную часть города?

Но как? В какую сторону идти? И что, если кто-нибудь его остановит?

От этих мыслей Джеймс похолодел и в ту же минуту заметил, что к Мориарти уверенно направляются трое мужчин. Никто не обменялся рукопожатиями, но даже с расстояния в полквартила было видно, что все они знакомы между собой, вернее, что трое громил – дурно одетых, начиная от засаленных фетровых шляп и заканчивая дорогими, но грязными ботинками со странно заостренными носами, – знают профессора Мориарти. Все они были рослые, широкоплечие, пузатые, однако Мориарти возвышался над всеми. Выступающий лоб, лысина, прикрытая лишь несколькими зачесанными поперек редкими прядями, и запавшие глаза придавали профессорскому лицу отчетливое сходство с черепом, так что казалось, три похитителя трупов смотрят снизу вверх на хорошо одетого мертвеца.

Они обменялись несколькими словами и свернули налево в поперечную улицу. Чувствуя устремленные на себя взгляды пролетариев, Джеймс решил продолжить слежку и торопливо шагнул за угол.

Тупик. Короткий и совершенно пустой, если не считать Мориарти и его новых друзей. Заканчивался тупик большим складом без окон.

Джеймс попятился за угол – и вовремя, потому что как раз в эту минуту один из громил обернулся.

Когда Джеймс вновь выглянул из-за углового дома, двое гориллоподобных мужчин толкали дощатые сдвижные ворота. Слуха коснулся глухой гул, как от скопления множества людей или животных, затем Мориарти вслед за первыми двумя спутниками шагнул в здание, третий оглянулся (Джеймс еле-еле успел отпрянуть за угол), тоже вошел и задвинул за собой ворота. Шагах в двенадцати справа от них была обычная дверь, но Джеймс не знал, ведет ли она в то же помещение, куда ушел Мориарти. Кроме того, она наверняка была заперта.

Джеймс стоял на углу в полном смятении чувств. Да, лишь так можно было описать его состояние – «полное смятение чувств».

Что делать?

Он мог выбраться из этого ужасного района – вернее, мог бы, если бы запомнил все повороты по пути сюда, – разыскать надежного посланца и отправить новую записку для Холмса на адрес табачной лавки.

Однако Холмс никак не успеет сюда до того, как Мориарти покончит со своим неведомым делом в складском здании, а Генри Джеймс понимал,

что у него не хватит духу следить за профессором и дальше. К тому же Холмс солгал ему в глаза, объявив, будто профессор Джеймс Мориарти, главарь могучей преступной организации, никогда не существовал и порожден его, Шерлока Холмса, воображением, вымышлен с единственной целью: инсценировать собственную смерть и скрыться от всего мира.

Что ж, это неправда. Джеймс видел Мориарти на снимке 1892 года, сделанном во время конференции по высшей математике и астрофизике в Лейпциге. Теперь увидел его собственной персоной.

Но что делать?

Он мог бы уйти из этого района и отыскать полисмана. Однако в чем преступление Мориарти? Профессор шел по улице – пусть даже по грязному закоулку. И Джеймс знал про него одно – что это английский математик и астрофизик. Полиция может даже арестовать его, Джеймса, за поклеп на невинного человека.

Разумнее всего было прямо сейчас повернуть, уйти – быстрым шагом – из опасного квартала (Джеймс в общих чертах догадывался, что, идя на север и на восток, выберется хотя бы из Фогги-Боттом), вернуться в уютный дом Хэев и на время забыть о профессоре Джеймсе Мориарти. Если жизнь вновь нечаянно сведет его с Шерлоком Холмсом, можно будет рассказать забавную историю, как он видел на вашингтонской улице живого Мориарти.

Да, это был единственный разумный и безопасный путь.

Джеймс дважды глубоко вдохнул и пошел по тупику к складу, тихо надеясь, что тяжелые сдвижные ворота не откроются при его приближении. Что, если Мориарти и трое громил выступят на улицу прямо перед ним? Человек, сознательно прошедший вглубь тупика, не может соврать, будто забрел туда по ошибке.

Ворота стояли закрытыми.

Джеймс остановился перед массивной деревянной дверью справа от ворот и взялся за железную ручку, желая всем сердцем, чтобы замок оказался заперт. Такая дверь могла вести скорее в конторское помещение, чем в гулкое пространство, куда вошел Мориарти. Удостоверившись, что замок заперт, Джеймс сможет удалиться – быстро, но с достоинством – в полном сознании того, что сделал все возможное для разоблачения планов профессора Мориарти.

Дверь была не заперта.

Джеймс открыл ее пошире, напружинившись, чтобы сразу повернуть и бежать, если за ней кто-нибудь будет.

Ему предстала полная тьма. Полоса серого света выхватывала из мрака

лишь узкую крутую лестницу впереди. На ступенях лежала густая пыль, – очевидно, по ним давно не ходили.

Джеймс вошел в дверь и дал глазам привыкнуть к темноте.

Узкая лестница пугающе круто уходила вверх между двумя темными сырыми стенами. Верхняя часть ее терялась во мраке – Джеймс вполне мог допустить, что там ступени обрываются. Однако, когда его глаза немного привыкли, он заметил, что на верхней площадке тускло горит газовый рожок.

Он двинулся на цыпочках, стараясь не произвести ни малейшего шума, страшась, как бы не скрипнула ступенька. Впрочем, скоро стало ясно, что так он будет подниматься минут десять, если не больше. К тому же ступеньки были крепкие и не скрипели. Возможно, слой пыли тоже заглушал шаги.

Джеймс двинулся обычным манером – то есть, конечно, не совсем обычным, поскольку он избегал наступать в полную силу, а на самом темном участке подъема еще и держался за стены, упираясь в них ладонями с обеих сторон. Перил не было. Джеймс осторожно проверял каждую ступеньку носком правой ноги. Так он вышел в бледный овал света от газового рожка.

Ничего. Только узкая площадка в дрожащем свете. Ни двери, ни окна. Джеймс огляделся и понял, что влево уходит такой же узкий пролет, над которым тоже горит газовый рожок.

Ему пришлось одолеть четыре длинных крутых пролета и три пыльные, тускло освещенные площадки, прежде чем он выбрался на самый верх. Здесь справа была дверь с большим окном матового стекла в верхней половине. Джеймс глянул на пол и не увидел в пыли ничьих следов, кроме своих. Он взялся за фарфоровую дверную ручку – старую и потрескавшуюся.

Дверь была заперта. Джеймс давил изо всех сил, даже налег плечом, но дверь не открывалась. Он мог бы тростью разбить стекло и открыть ее с другой стороны, однако мысль об этом как пришла, так и ушла, стоило вспомнить Мориарти и его головорезов, которые сбегутся на звук разбитого стекла.

Джеймс повернулся и уже приготовился начать крутой спуск, когда заметил кое-что в левой стене, напротив двери. Вернее, услышал доносящийся оттуда шум.

То был рокот возбужденной толпы – быть может, зрителей перед началом спектакля. Но нет, и сам гул, и долетающие отдельные слова были грубее. Если это зрители, то сам спектакль – непристойный фарс самого

низкого пошиба.

Теперь Джеймс разглядел в левой стене прямоугольную панель. В верхних углах у нее были две деревянные защелки. Он повернул их в горизонтальное положение, и панель выпала ему в руки. Шум стал отчетливее. Сквозь что-то похожее на пол пробивался свет. Джеймс приложил панель на место, закрепил одной защелкой, подошел к рожку и прикрутил газ.

В тусклом свете из-за матового окошка в двери писатель вновь отыскал панель и защелки. Крайне осторожно и медленно он снял панель, положил ее на пол и просунул в отверстие голову.

Теперь стало видно, что пола здесь нет, только большие балки – не менее двадцати дюймов шириной – над каким-то исполинским помещением. Расстояние между балками составляло футов пятнадцать, а футах в пяти-шести под ними располагались стропила поуже – обычные доски, четыре дюйма шириной, два дюйма толщиной, поставленные ребром. На них держалась металлическая сетка, которую Джеймс привык ассоциировать с куриными загонами. Ближе к стенам на сетке был сделан настил не то из картона, не то из холстины, и почти весь его покрывали кучи чего-то белого, по виду напоминающие сугробы. Джеймс понял, что видит чердак над огромным складом, в который вошли Мориарти и его спутники.

Однако примерно в десяти футах от края настил заканчивался, снизу пробивались свет и гомон. Чей-то зычный голос обращался к толпе, требуя внимания.

Чтобы хоть что-нибудь увидеть, надо было пробраться дальше. Джеймс поставил трость в угол лестничной площадки и пополз на четвереньках.

Он намеревался доползти только до края, но вскоре понял, что ничего толком не увидит, поэтому перебрался на широкий брус и продвинулся еще, так что лишь его колени остались в темноте.

Далеко внизу было огромное помещение с деревянным, засыпанным опилками полом. Джеймс находился по меньшей мере в шестидесяти футах над собравшимися людьми, возможно даже в семидесяти. Секунду он цеплялся за брус коленями и ногтями, пережидая приступ головокружения. Впрочем, увидеть его совершенно точно не могли. Огромное пространство ярко освещали электрические лампы в жестяных колпаках, подвешенные к нижним стропилам на длинных стальных прутах. Все над ними должно было предстать людям внизу сплошным озером черноты.

Джеймс лежал плашмя, силясь успокоить дыхание, и одновременно

пытался разобраться, что же он видит.

Более ста человек сидели на бочках и ящиках, разбившись на несколько отдельных кучек. Для Джеймса все они выглядели грабителями с большой дороги, но одну из этих изолированных групп – племен – числом примерно тридцать составляли люди, одетые как представители рабочего класса. Они говорили по-немецки, все остальные – на трущобной разновидности американского английского.

Лица собравшихся, вне зависимости от принадлежности к той или иной группе, были обращены в сторону помоста. В дальнем конце помоста Джеймс различил металлические весы, понял, что «снег» на застланной картоном сетке – куриные перья, и догадался, что склад некогда служил последним местопребыванием тысяч кур, предназначенных на убой. Этим же объяснялась вонь, которую он поначалу приписал толпе немых людей внизу.

На помосте находились двое. Профессор Джеймс Мориарти расположился в глубине импровизированной сцены, на стуле с высокой спинкой. Второй мужчина, здоровяк в котелке, заломленном на бандитский манер, и с сигарой во рту, криками требовал тишины – его-то голос Генри Джеймс и слышал в самом начале.

Наконец толпа утихомирилась и устремила взгляды на оратора.

– Что ж, все главные шайки здесь, и еще никто никого не убил, – громогласно произнес тот. – Это уже что-то. Налицо явный прогресс.

Никто не рассмеялся. В группе немецких рабочих кто-то переводил остальным.

– Кулпеппера нет! – крикнули из толпы.

– Кулпеппер сыграл в ящик! – отозвался другой голос. – Кто-то сбросил его с тридцати футов жирной башкой вниз!

Слова эти вызвали смех. Оратор на помосте вновь замахал руками, требуя тишины:

– Пока люди Кулпеппера решают, кто займет его место, мы приступим к нашему проекту, а им скажем позже.

– Какому проекту? – выкрикнул толстяк из первых рядов. – Пока мы слышим только разговоры про груды зелени, и никаких, на хер, подробностей.

Прежде чем человек на помосте успел заговорить снова, голос подал один из немцев:

– Зачем нас позвали сюда, к этим... *преступникам*?

Остальные человек сто расхохотались; некоторые, обратясь к немцам, принялись глумливо повторять «к этим... *преступникам*». Другие щелчком

раскрыли пружинные ножи, которые тут были, кажется, у всех.

Оратор снова замахал, успокаивая собравшихся:

– Как вы услышите через минуту, анархисты нужны нам...

– Социалисты! – перебил тот же немецкий рабочий, что говорил раньше.

– Социалисты-анархисты, – поправился человек на платформе, – нужны для осуществления нашего плана. Они необходимы. Профессор Джеймс Мориарти объяснит.

Здоровяк кивнул в сторону Мориарти и сел, а профессор неторопливо встал и размеренным шагом вышел вперед.

– Господа, – начал Мориарти, и что-то в его скелетоподобном облике заставило притихнуть полный зал слушателей, – никто из вас раньше меня не видел, но все обо мне слышали. В последние два с половиной года мои планы принесли каждой из ваших... организаций больше... денег, чем вы добывали когда-либо в прошлом.

По толпе пробежал тихий гул согласия и одобрения.

Мориарти поднял два пальца. Тишина упала, как занавес.

– В следующем месяце, – профессор говорил спокойно, но его тихий голос разносился по всему помещению до самых дальних углов, – мы с вами заработаем больше денег, чем кто-либо мог вообразить за всю историю криминальной профессии.

Тишина длилась. Наконец пронзительный голос выкрикнул скептически:

– Как?

– Ровно в полдень первого мая, – ответил Мориарти, – президент Соединенных Штатов нажмет кнопку, которая включит все электрические устройства на Колумбовой выставке в Чикаго. Смотреть на него будет сто тысяч человек. В следующую секунду президента убьют. Его застрелит из снайперской винтовки величайший убийца мира.

Гробовая тишина сгустилась.

– В следующие пятнадцать минут, – продолжал Мориарти, – будут убиты вице-президент, государственный секретарь и генеральный прокурор Соединенных Штатов. Операция тщательно спланирована. В течение следующего часа будут убиты мэры и начальники полиции Чикаго, Вашингтона, Нью-Йорка, Балтимора, Филадельфии, Бостона, Цинциннати и не менее восьми европейских столиц.

– Каким образом это принесет нам хоть один цент? – выкрикнул кто-то из дальних рядов.

Мориарти улыбнулся. Даже сверху, в неудобном ракурсе, Генри

Джеймс увидел его улыбку и, задрожав, крепче вцепился в брус.

– Наши друзья-анархисты... социалисты... здесь и в Европе, – Мориарти указал на немецких рабочих, – по сигналу нападут на полицейские силы в Чикаго, Вашингтоне, Бостоне, Берлине... во всех перечисленных ранее городах, и не только. Полицейские попадут в тщательно организованные засады. Наши друзья-анархисты будут вооружены лучше прежнего – винтовками, пистолетами, гранатами и большим количеством динамита. Операция пройдет строго по графику. После того, что произойдет за один час первого мая, бойню на Хеймаркет-сквер станут вспоминать как жалкую, незначительную репетицию.

Внезапно Джеймсу ужасно захотелось чихнуть. Куриные перья лежали на холстине позади него, на балках сверху и сбоку. Он зажал пальцами нос и взмолился к Небесам.

– А в чем... – неуверенно начал кто-то в толпе.

– В чем будет наша роль? – закончил за него Мориарти. Вновь улыбка мертвеца.

Джеймс, по-прежнему зажимавший нос, увидел, как бандиты в первых рядах словно отодвигаются от профессора.

– Как только драконьи головы репрессивных государств будут отсечены... отрублены, – повторил Мориарти для самых тупых слушателей, – без мэров, начальников полиции и федеральных чиновников наступит всеобщий хаос. И вы им воспользуетесь. Вы будете грабить. – Он сделал паузу, и между зубами на долю секунды мелькнул змеиный язык. – Но не наобум, как прежде, а целенаправленно и продуманно. Вы будете грабить лучшие дома в Нью-Йорке, Чикаго, Бостоне, Вашингтоне и других городах. Самые богатые банки. Главные золотохранилища. Вы будете грабить по плану, который я составил и вскоре вам изложу... по плану, в котором предусмотрены любые случайности.

Отдельные шепотки переросли в одобрителный рев.

– Будет как мобилизационные бунты в Нью-Йорке, только без никакой, на хер, армии, чтобы их подавить! – выкрикнул кто-то.

Джеймс помнил бунты 1863 года, вскоре после Геттисберга. Когда в Нью-Йорке началась мобилизация – до того на фронт шли только добровольцы, – уличные банды, по большей части ирландские, затеяли беспорядки, продолжавшиеся четыре дня. Они врывались в богатые нью-йоркские дома, насиловали женщин, похищали деньги, картины, мебель. Целый квартал сгорел. Одна ирландская банда просто ради забавы подожгла приют для чернокожих сирот, и несколько детей погибло.

– Мобилизационные бунты в Нью-Йорке, увеличенные стократ, –

сказал Мориарти, перекрывая шум. – И ты прав... на сей раз никто не пришлет армию с полей войны спасти беспомощную местную полицию и народное ополчение. Добыча будет... ваша.

Внезапно среди общего взволнованного гула вскочил человек с охотничьим ружьем и свободной рукой указал вверх, прямо туда, где Генри Джеймс силился сжаться и укрыться за балкой.

– Крыса! – завопил бандит почти упоенно. – Сраная крыса!

Джеймс не успел даже подумать о том, чтобы отползти назад, а бандит уже поднял ружье, прицелился с шестидесяти футов и выстрелил. Пятеро или шестеро его товарищей вскочили и тоже выстрелили прямо в Джеймса.

«Я велю Лукану Адлеру убить любого, кто наступит в полицию»

И у Генри Адамса, и у Джона Хэя в домах были установлены телефоны. Хэй пользовался своим постоянно, особенно когда Госдепартаменту требовались консультации. Адамс, хоть и недолюбливал телефон, довольно часто звонил Джону Хэю в соседний дом. По сути, они разговаривали через две стены, и – учитывая вечные помехи, треск и путаницу в соединениях – им, вероятно, проще было бы перекрикиваться в открытые окна.

– Вы пытаетесь отвертеться от сегодняшнего званого обеда, Генри, – сказал Хэй, после того как минуту или две слушал Адамса.

Была уже суббота, вторая половина дня.

– Мне не кажется, что я очень украшал ваш прошлый обед, – ответил Адамс. – Людей, которые постоянно пребывают в упадке духа, не следует приглашать на веселые светские собрания.

– Тогда девяноста трем процентам из нас пришлось бы сидеть по домам, – возразил Хэй.

– И качество разговоров выросло бы тысячекратно, – сказал Адамс.

– Верно, Генри, верно. Но все равно приходите. Будет самый простой обед в чисто мужском обществе.

– А куда исчезли милые дамы, включая вашу дочь Хелен?

– Нанни Лодж, Хелен, Клара и Эдит Рузвельт – она ненадолго приехала в город с мужем – наливают кофе на благотворительном гала-мероприятии, которое «Дочери Американской революции» дают в пользу ветеранов Гражданской войны, – ответил Хэй.

– Где оно проходит в этом году?

– В ротонде Капитолия.

– Они либо замерзнут, либо сварятся, – заметил Адамс.

– Вероятно, и то и то.

– Лиззи Камерон тоже раздает торт старичкам?

– Нет, сегодня она идет в оперу, – ответил Хэй.

– С Доном?

Хэй рассмеялся:

– Когда последний раз Лиззи сопровождал в оперу или на другое

культурное мероприятие ее муж Дон?

– Тогда кто ее ведет? – спросил Адамс.

– Ее кузен, как его бишь. Почтенный джентльмен, который в ноябре на большом балу у Вандербильтов своим занудством замучил всех до смерти.

– Вы упомянули Эдит Рузвельт, а значит, на холостяцкой вечеринке будет и Малыш, – сказал Адамс. – Вы правда собираетесь вновь выпустить Тедди и Гарри на одну арену?

– Малыш терпеть не может, когда его называют детским именем Тедди, – напомнил Хэй.

– Он так же терпеть не может, когда его называют Малыш, но нам готов простить даже это. Так вы правда собираетесь снова усадить Гарри и Тедди за один стол?

– Тедди горячо раскаивается в своих словах и вообще в том, что за нашим прошлым обедом вел себя грубо, – ответил Хэй.

Теперь рассмеялся Адамс:

– Не припомню случая, чтобы Теодор Рузвельт высказывал сожаления в том, что кого-то обидел, зарезал или застрелил.

– Верно, – признал Хэй. – Однако после некоторых размышлений – возможно, не своих, а Эдит – он счел, что не вполне уместно было называть лучшего писателя Америки бабой и трусом.

– Лет пятьдесят назад все было бы куда веселее, – произнес Адамс. – Да хоть бы и тридцать лет назад. Секунданты уже выбирали бы место и смазывали пистолеты.

– Гарри, на мой взгляд, скорее фехтовальщик, – сказал Хэй. – А право выбирать оружие было бы у него.

– Фехтование словами. Острыми и меткими, как ни у кого.

– Однако Тедди правда сожалеет и просит, чтобы ему дали возможность показать: он может вести себя прилично, – настаивал Хэй. – И он просит вас быть свидетелем его хорошего поведения.

– Я помню, когда он последний раз хорошо себя вел, – ответил Адамс. – Это было не то в семьдесят третьем, не то в семьдесят четвертом.

– Seriously, Генри. Соберутся одни мужчины. Будем спорить о политике – политично, разумеется, чесаться где хочется и когда захочется, ругать аналогично, ругаться как матросы, пить как матросы и поднимать тосты за отсутствующих прекрасных дам, пока Бенсон и другие мои слуги не отнесут нас по спальням. Я пригласил доктора Гренджера, потому что... ну, вы знаете.

Адамс знал. Доктор Элиас Гренджер был старше их всех – он уже лет пять как разменял седьмой десяток. Четыре года назад он овдовел и до сих

пор не оправился от потери. В мужском обществе доктор Гренджер порой проявлял веселость, отличавшую его до смерти жены, но в присутствии женщин почти не открывал рта, словно это задело бы чувства покойницы. Адамс, оставшийся вдовцом семь лет назад, отчасти понимал доктора. Если бы не Лиззи Камерон и, в меньшей степени, Нанни Кэбот Лодж, он, вероятно, тоже не принимал бы приглашений на обеды, по крайней мере в смешанном обществе. Но из-за этих дам он не только посещал смешанные обеды, но и вновь стал давать свои знаменитые «завтраки» (ближе к полудню), включавшие Лиззи, Нанни и другие местные сладости.

– Замечательно, и я люблю старину Гренджера, – сказал Адамс, – но...

– Пока вы не ушли дальше «но»... – перебил Джон Хэй. – Я забыл добавить, что будет Кларенс Кинг.

– Кинг! – воскликнул Адамс. – Я думал, он уехал в Мексику, или в Патагонию, или в Чили, или где там еще живут его обожаемые смуглые красавицы.

– Я тоже так думал, Генри, но он снова здесь... проездом, как я понял. Обещал прикатить под звон бубенцов – фигурально, а, зная Кинга, может быть, и буквально.

– Кто еще придет? – спросил Адамс.

– Тедди и Джеймс, разумеется. Кинг. Редьярд Киплинг заглянет из клуба «Космос»...

– Я бы пришел его послушать, – сказал Адамс, – но всякий раз, как рядом оказывается Тедди и начинает говорить, Редьярд подбирает под себя ноги и вникает весь вечер замороженно, как пятнадцатилетняя барышня.

– Блестящий рассказчик не может не ценить другого блестящего рассказчика, – ответил Хэй. – Камерон не выберется, зато Кэбот Лодж обещал прийти.

– Покуда его жена разливает кофе и нарезает торт под Большим куполом, – заметил Адамс.

– Вот именно. А насчет Гарри... я говорил, что он снова поселился у нас? До отъезда из Вашингтона, думаю.

– Нет, – проговорил Адамс упавшим голосом. – Вы мне не говорили.

– Так вот, он перебрался к нам, – сказал Хэй. – И в этот раз все будет просто, без церемоний. Выпьем, распояшемся...

– Распоясанный Генри Джеймс, – пробормотал Адамс. – Мое внутреннее око не в силах этого представить. – Он на несколько секунд замолчал и прочистил горло, прежде чем смог продолжить: – А... мистер Холмс тоже будет?

Хэй то ли не заметил, что у Адамса изменился голос, то ли решил не

обращать на это внимания.

– О нет. Холмс исчез. Насколько я слышал, он точно покинул город, а может, даже вернулся в Англию. В любом случае на сегодняшнем обеде его не будет, чему я искренне рад.

– Почему? – спросил Адамс.

– Потому что моя дочь Хелен от него без ума, – буркнул Хэй. – Позавчера пыталась меня, сколько сыщики зарабатывают и может ли доход сыщика обеспечить его супруге уровень жизни, к какому привыкла Хелен. Еще спрашивала, часто ли королева Виктория посвящает великих сыщиков в рыцари.

– Боже, – сказал Адамс, – она не могла спрашивать в таких выражениях.

– Могла и спрашивала, – ответил Хэй. – Ах да. Будет Сент-Годенс, но предупредил, что, возможно, уйдет до бренди и сигар – к какой-то жене сенатора, которую увековечивает в граните.

– Она позирует по ночам?

– Всякий раз, как сенатор в отъезде, – сказал Хэй.

– Киплинг, наш дорогой Кларенс Кинг, Сент-Годенс, Кэбот Лодж без Нанни – когда она за столом, он почти не раскрывает рта, но в мужском обществе бывает вполне остроумен – и, разумеется, возможность из первых рядов наблюдать второй раунд схватки между Гарри и Мальшом, – произнес Адамс. – Такое я не могу пропустить. Приду.

– Под звон бубенцов?

– У меня и впрямь есть шутовской колпак с бубенчиками. Я принесу его с собой и после четвертой бутылки, возможно, даже надену, – сказал Адамс.

– Приберегите его для юного Теодора... просто на всякий случай.

Оба продолжали посмеиваться еще некоторое время после того, как повесили телефонные трубки.

* * *

Грохот выстрела в пятидесяти футах внизу оглушил Джеймса. С парусины на тонких стропилах взмыли в воздух куриные перья. Что-то – видимо, дробь – застучало по бруску, на котором, силясь вытянуться в струнку, лежал литератор. Несколько дробинок пробивали правый рукав и булавочными уколами впились в руку. Он стиснул зубы, чтобы не закричать.

– Промазали! – заорал один из гангстеров. – А вот гляньте я!

Один за другим раздалось два выстрела – скорее из винтовки, чем из охотничьего дробовика. По меньшей мере одна пуля ударила в брус футах в семи впереди Джеймса. Весь брус содрогнулся, словно дерево под первым мощным ударом топора.

– Убил! – выкрикнул тот же голос.

Толпа взревела.

Джеймс рискнул глянуть вниз.

Почти все, за исключением анархистов, повскакали с мест и, сбившись в кучу, хлопали друг друга по плечу. Границы враждующих банд были позабыты. Гангстер с ружьем держал за хвост большуюдохлую крысу и поворачивал ее, принимая славословия преступной когорты.

– ТИШИНА!

Голос Мориарти прозвучал так зычно и повелительно, что Генри Джеймс чуть не свалился с бруса. Толпа тут же умолкла.

– Гроган на следующей неделе посетит всех ваших вожаков и передаст точные инструкции: где вы должны находиться первого мая, какое вооружение надо взять, а какое вам предоставят, где именно предстоит убивать полицию, точное местоположение будущих засад, а также сведения о том, когда анар... простите... социалисты начнут метать бомбы. На сегодня все. Уходите по двое – по трое, возвращайтесь в свои районы и пивные. У полиции не должно быть никаких поводов кого-нибудь остановить, а уж тем более – задержать целую группу. И я велю Лукану Адлеру убить любого, кто наступит в полицию, даже если того возьмут под усиленную охрану.

Судя по наступившей тишине, его слова несколько отрезвили гангстеров. Тот, что с винтовкой, отбросил дохлую крысу. Его товарищи кучками потянулись к выходам – сдвижным воротам в передней и задней стене здания.

Джеймс глянул вниз, ища взглядом Мориарти, но на помосте оставался лишь Гроган – верзила в котелке. Мориарти исчез.

* * *

Джеймс лежал на высоком бруссе, чувствуя такую боль в каждой мышце и в каждой косточке, что боялся застонать. Анархисты и гангстеры исчезли в уличной темноте – последним, погасив свет, ушел человек, которого называли Гроганом, – а Джеймс все боялся шевельнуться. Левую

руку мучительно саднило. Он пролежал так еще примерно час, слушая беготню крыс по стропилам.

Джеймс ждал, что в любую минуту на лестнице раздадутся тяжелые шаги. Панель за собой он закрыл, держа ее за специальную ручку с внутренней стороны, но не сомневался: человек, который поднимется по лестнице, зажжет газовый рожок, увидит, что панель не заперта на задвижки, и откроет ее.

Наконец ему сделалось невыносимо терпеть боль и темноту. Джеймс встал на четвереньки – голова закружилась, так что он испугался, удержит ли равновесие, – и пополз задом наперед, пока не уперся подошвами ботинок в панель. Открыть ее удалось легчайшим нажатием и почти без шума.

Писатель оказался в крошечной тьме на верхней лестничной площадке и понял, что не может встать. Помогая себе обеими руками, он кое-как поднялся на ватные ноги и тут же прислонился к стене. Колени и поясница болели сильнее, чем задетая дробью правая рука под разорванными пиджаком и рубашкой.

Матовое стекло в двери на другой стороне узкой лестничной площадки было теперь совершенно темно. Неужто он так долго лежал на бруссе, что снаружи стемнело? Джеймс потянулся было открыть посильнее еле тлеющий газовый рожок, но передумал. Если кто-нибудь караулит внизу, то загоревший рожок сразу озарит ему цель.

Шляпа и трость отыскались в углу, где Джеймс их и оставил.

Памятуя, насколько крута лестница, он спускался осторожно, мелкими шажками, нащупывая ступени тростью и придерживаясь за облупившуюся стену.

Перед каждой тускло освещенной площадкой он ждал, что оттуда кто-нибудь выскочит, но никого не было, и все равно, одолев последний пролет, писатель минуту или две собирался с духом, прежде чем открыть дверь. Внезапно ужасная мысль заставила его ухватиться за стену: «Что, если дверь заперли? И я не смогу отсюда выбраться?»

Дверь была не заперта. Он вышел в вечерние сумерки. Тупик был совершенно пуст, если не считать самого Джеймса. Любой, заглянувший сюда, сразу увидел бы и писателя, и его полное несоответствие месту.

От конца тупика до безымянной немощеной улочки было всего шагов шестьдесят, но измученному писателю они показались мильей.

Он свернул вправо, силясь припомнить, в какой стороне лежит цивилизованная часть города. На улице были и другие люди – насколько он видел, исключительно мужчины, – но все они толклись кучками возле

редких освещенных салунов. Джеймс держался ближе к темным домам на противоположной от этих заведений стороне, шагая там, где, будь это настоящая улица, располагался бы тротуар. По крайней мере, вдоль зданий не так густо лежал конский навоз.

На ходу Джеймс спрашивал себя, что чувствовал, цепляясь за балку в бывшей куриной бойне над сборищем воров, грабителей, насильников и поджигателей вкуче с профессором Мориарти. Да, конечно, он был напуган – особенно когда бандит заорал «крыса!» и по балке застучала дробь, – но к страху примешивалось нечто неожиданное и для Генри Джеймса совершенно новое – трепет волнения? Наэлектризованность? Странная, необъяснимая радость от фантастичности происходящего?

Интересно, бешеный стук сердца и иллюзия, будто время замедлилось, пережитая в те напряженные мгновения, когда он думал, что его обнаружили, – не то ли самое, к чему он, избежавший военной службы в годы войны, не чаял приобщиться? Не это ли волнующее чувство испытывал брат Уилки за минуты или часы до своих ужасных ранений? Иначе как объяснить, что тот вернулся в полк, как только встал на ноги после месяцев боли, вони и лихорадки?

А брат Боб, говоривший, что ему на войне «нравилось»... Связан ли сегодняшний опыт Джеймса с той простой радостью действия, о которой писали его братья? Он вспомнил кузена Гаса – светлокжее, озаренное солнцем нагое тело в рисовальной студии. Ощущал ли Гас тот же будоражающий трепет опасности до того, как пасть от пули снайпера и сгинуть без вести? Слышал ли Гас звук выстрела, унесшего его молодую жизнь? Ветераны уверяли, что роковой выстрел нельзя услышать, поскольку, как доказала наука, ядро и пуля летят быстрее звука, – однако Джеймс отчетливо различил грохот за миг до того, как брус под ним задрожал, словно колокол. И это... приятно щекотало нервы.

Он шел и шел в догорающем свете дня, давно утратив чувство направления, и лишь озаренные снизу облака подсказывали ему, куда идти. Там фонари. А значит, цивилизация.

Дважды или трижды кто-нибудь, отколовшись от уличных компаний, направлялся в его сторону, и Джеймс всякий раз думал: «Ну вот, это оно», но все обходилось. Никто с ним не заговаривал, кроме размалеванной проститутки из тех, что ублажают клиентов в вонючих закоулках. Обратив к нему густо набеленное и наруганное лицо, ведьма заулыбалась, показывая желтые зубы, и крикнула:

– Желаете развлечься, мистер Джентльмен, сэр?

Джеймс мотнул головой и перешел на другую сторону улицы.

Он вышел на мостовую – с трамвайными рельсами посередине и газовыми фонарями на углах – и наконец позволил себе облегченно вздохнуть. Здесь должны быть таблички с номерами улиц. Трущобы остались позади.

И вот тут-то из проулка вышли трое и преградили ему путь.

– Заблудился, приятель? – спросил самый высокий из них, грязный и бородатый.

Второй был самую малость ниже первого, зато плечистее и, в отличие от спутника, щеголял не бородой, а бакенбардами. Первый бандит на миг повернулся к уличному фонарю, и в тусклом свете блеснул золотой зуб. На обоих были широкополые шляпы, сальные от грязи и пота и как будто даже погрызенные крысами. Третий из преградивших Джеймсу путь был мальчишка лет шестнадцати, почти такой же рослый, как старшие товарищи, но при этом невероятно тощий. Лицо его почти целиком состояло из носа, грязные лохмы свешивались на глаза, а торчащие передние зубы напомнили Джеймсу о крысе, которую гангстеры выстрелом сбили с потолка.

– Дайте мне пройти, пожалуйста, – сказал Джеймс и двинулся прямо на бородатого с золотым зубом.

Тот шагнул в сторону, но теперь путь Джеймсу преградил второй. Все трое сдвинулись. Джеймс искал глазами полицейского или приличных прохожих, к которым обратиться за помощью, но тщетно.

– Знатные гетры, – проговорил главарь и сплюнул бурую табачную жвачку на левый ботинок Джеймса.

Второй тронул писателя за правый рукав:

– У тебя кровь течет, приятель. Пошли с нами, мы тебя перевяжем.

Джеймс попытался шагнуть влево, но мальчишка и главарь его опередили. Они угрожающе надвигались, и Джеймс, начав было пятиться, осознал, что его теснят в неосвещенный проулок. Он остановился.

Главарь подошел так близко, что на Джеймса пахнуло запахом виски и чеснока. Бандит заскорузлыми пальцами провел по его пиджаку и жилету.

– Гетры, цилиндр, трость с серебряной шишкой – все честь по чести, – заметил бандит. – А часиков-то и нету. Где они?

– По... потерял, – выговорил Джеймс.

– Ах какие мы рассеянные, – произнес второй бандит. – Но уж бумажник-то, верно, не потерялся, а, мистер Гетры?

Джеймс расправил плечи и крепче стиснул трость, хоть и понимал, что не успеет пустить ее в ход.

Что-то острое уткнулось ему в живот. Писатель глянул вниз и увидел,

что мальчишка приставил ему к животу нож.

– Джеймс! – раздался знакомый голос с другой стороны улицы.

Трое грабителей и жертва разом повернулись на звук. Джеймсу пришлось подавить смешок – возможно, истерический. По пустой улице к ним быстро приближались два человека, которых он меньше всего ожидал здесь встретить: Теодор Рузвельт (он и окликнул писателя), а с ним Кларенс Кинг, одетый лучше, чем в их с Джеймсом последнюю встречу.

Бородатый главарь, больше шести футов ростом, глянул на Рузвельта (пять футов восемь дюймов) и Кинга (еще двумя меньше) и усмехнулся:

– Спорю на бутылку, у этих двоих часы есть.

– Скоро не будет, – ответил такой же рослый, плечистый и грязный сообщник.

Не хуже бейсболиста

Рузвельт и Кинг приближались. Младший грабитель опустил руку с ножом.

– Джеймс! – повторил Рузвельт, сверкая крупнозубой улыбкой и золотым пенсне. Его голубые глаза сияли, словно в радостном предвкушении. – Какая счастливая встреча! Мы с Кингом как раз надеялись вас отыскать... мы идем на обед к Хэю.

Серые глаза Кларенса Кинга смотрели куда холоднее. У Рузвельта трости не было, у Кинга была – изысканная, с набалдашником из природного камня, изогнутого, как птичий клюв. Джеймс видел ее у геолога, когда тот приходил к Хэям.

Двое рослых бандитов переглянулись. Бородатый кивнул. Джеймс предполагал, что они договорились ограбить и избить (возможно, убить) всех трех «фраеров», встреченных на границе Ночного города. Джеймс не знал, были ли они на сборище Мориарти, – впрочем, это не имело значения. Он пытался издали предупредить друзей жестами, чтобы те не приближались, но теперь было поздно. Все шестеро стояли довольно плотным кольцом у входа в неосвещенный проулок.

– Добрый вечер, господа, – сказал молодой Рузвельт бандитам, все так же скаля в улыбке белые зубы. – Спасибо, что проводили нашего друга. Дальше он пойдет с нами.

Двое старших шагнули вбок, отрезая Кингу и Рузвельту путь к отступлению. Тощий юнец придвинулся к Генри Джеймсу и вновь поднял руку с ножом.

Главарь грязными пальцами оцупал жилет на мощной груди Рузвельта и с ухмылкой спросил:

– Там на этой цепочке золотые часики, верно, четырехглазый?

– Разумеется, – спокойно ответил молодой Рузвельт.

– А в кармане бумажник, да?

Теодор еще шире расплылся в улыбке:

– Да. Там он и останется. А вы, трое, идите своей дорогой, и чтоб мы вас больше не видели.

Рослые бандиты разразились смехом, мальчишка омерзительно захихикал.

Главарь шагнул вперед. Вторым бандит вытащил короткий нож, почти

такой же, как у младшего сообщника, который вновь приставил острие к животу Джеймса.

– Не смей ко мне прикасаться, – сказал Рузвельт бородачому. Тот был дюймов на шесть его выше и фунтов на двадцать тяжелее.

– А что будет, когда я тебя трону, четырехглазый? – Бородач протянул грязную лапу к золотой цепочке на широкой груди Рузвельта.

Тот ответил на довольно беглом немецком (который Джеймс понимал):

– Я двину тебя ногой по яйцам, заставлю твои зубы есть мое колено, а потом бодну тебя головой и вышибу твои жалкие мозги.

Джеймс отметил, что молодой Теодор не знал, как по-немецки «боднуть», и придумал слово *Kopfbütten*. И еще он использовал форму *du* – так взрослый обращается к ребенку или животному. С вполне понятным намерением он перевел «есть» как «*fressen*» – «жрать»: собаки и другие животные *fressen*, люди *essen*.

Теодор аккуратно снял пенсне за шнурок и убрал во внутренний карман. Он по-прежнему улыбался, но теперь его губы были плотно сжаты.

Высокий главарь рассмеялся:

– У нас тут двое голландских недомерков, ребята. Давайте отделаем их как следует.

Старшие бандиты двинулись вперед. Рузвельт и Кинг быстро попятнулись, словно с намерением убежать. Бородач прибавил шагу, чтобы не дать Теодору уйти.

Рузвельт широко раскинул руки, отклонился массивным торсом назад и ударил высокого бородача между ног с размахом, какой Генри Джеймс видел только в регби. Начищенный носок маленького дорогого ботинка чуть не целиком ушел в пах бандита. Удар был так силен, что бородачатый грабитель подлетел над мостовой.

Он рухнул на колени и начал складываться пополам, так что шляпа слетела с головы. Обеими руками бородач держался за мошонку, а стон, рвущийся у него изо рта, не походил на звуки, которые может издавать человек.

Когда его голова наклонилась, колено Рузвельта пошло вверх так же быстро, как перед тем ботинок. Хрустнули вышибаемые зубы, нос бандита с треском переломился.

Главарь вскинул окровавленную голову – его закрытые глаза находились теперь вровень с голубыми глазами Тедди Рузвельта. Тот ухватил противника за плечи, дернул к себе и широким рузвельтовским лбом двинул его прямо в разбитую физиономию. Звук был такой, словно бандита ударили поленом.

Главарь рухнул на спину и остался лежать без движения.

Второй бандит не стоял без дела. Он вытащил нож и поводил им из стороны в сторону, выставив длинные руки, словно хочет обхватить Кларенса Кинга, прежде чем заколоть.

Кинг еще раньше закинул тяжелую трость на плечо. Сейчас он размахнулся ею, как бейсбольной битой. Генри Джеймс ребенком не играл в бейсбол, а вот его брат Уильям играл... и часто рассказывал про матчи. А в последние две недели Джон Хэй замучил Джеймса разговорами про бейсбол, и сейчас, глядя на Кинга, писатель мог предположить, что замах у того как у отбивающего «Бостонских бобоедов» в схватке за титул чемпионов, а не как у игрока «Вашингтонских сенаторов», которые из года в год занимают последнее место.

Каменный клюв угодил наступающему бандиту прямо в лицо. Джеймс видел и слышал, как треснула скула и съехал набок нос. Оба – и писатель, и молодой бандит, угрожавший ему ножом, – разом отпрыгнули от гейзера брызнувшей крови и зубов. Плечистый грабитель выронил нож и упал на четвереньки.

Низкорослый Кларенс Кинг отрастил брюшко, но десятилетия занятий альпинизмом и геологией превратили его руки и ноги в мощные машины. Он с такой силой пнул бандита в зад, что тот проехался разбитой физиономией по щебню, волоча за собой руки ладонями вверх.

Мальчишка – он был левшой – отскочил от Джеймса и замахнулся, собираясь ударить Кинга ножом.

Перед Рождеством Генри Джеймс написал Уильяму, что набрал слишком большой вес и шествует по миру животом вперед, что изрядно его удручает. Еще он добавил в письме, что нанял учителя фехтования и берет по три двухчасовых урока в неделю. Занятия, писал Джеймс брату, нравятся ему чрезвычайно, однако не помогли сбросить и унции.

Сейчас писатель поднял трость и опустил ее на запястье юного грабителя, словно вбивая молотком кольцо для палатки. Удар оказался на удивление точным; трость громко стукнула по тощей руке мальчишки, и тот выронил нож.

Юный бандит заорал от боли, но он был очень, очень проворен и успел, упав на колени, схватить нож прежде, чем Джеймс замахнулся во второй раз.

Кинг шагнул вперед и наступил на лезвие начищенным до блеска, но тяжелым ботинком. Мальчишка дернул, и нож переломился между лезвием и рукоятью.

– Дешевка, – сказал Рузвельт, который, расставив ноги, стоял над

поверженным главарем. – На такие ножи у индейцев выменивали шкуры.

Кинг переложил трость в левую руку, резким движением вытащил из кармана складной нож и раскрыл его со щелчком. Лезвие для складного ножа было огромное – не меньше семи дюймов в длину – и очень тонко заточенное на конце.

Кинг приставил острие к лицу юного грабителя – в миллиметре под левым глазом, чуть надавил, так что выступила капелька крови. Незадачливый грабитель вскрикнул, и Джеймс почти ждал, что Кинг вырежет ему глаз, как уличный продавец жарким вечером вырезает шарик мороженого.

– Вот тебе урок, малыш, – прошипел Кинг. – Идешь на поножовщину – бери *нож*. Иначе останешься с гейдельбергским шрамом.

Кинг чиркнул ножом по щеке юнца, фонтаном брызнула кровь.

Мальчишка заорал, ухватился руками за лицо, свел окровавленные половинки щеки, между которыми видны были коренные зубы, и припустил в темноту.

Джеймс ошалело таращился на двух лежащих громил. Стук мальчишеских башмаков затихал в проулке. Джеймс вздрогнул, когда кто-то взял его за локоть, но это был всего лишь Рузвельт.

– Неплохой удар, мистер Джеймс.

– Очень неплохой, – подхватил Кинг, вытирая о землю каменный набалдашник трости.

– У вас рукав порван и в крови, – сказал молодой Теодор. – Мальчишка успел вас порезать?

– Нет, – ответил Джеймс, дивясь, как ровно звучит его голос. – Я... я упал, спрыгивая с конки. Порвал рукав о гравий.

Кинг с Рузвельтом переглянулись, но промолчали. Они отошли от лежащих бандитов; один все еще постанывал и хныкал, другой был без сознания.

Кинг перевернул отчищенную трость и сказал:

– Мы шли к Хэю на обед. Составите нам компанию, мистер Джеймс?

– Да, мистер Кинг, – ответил писатель.

Двумя кварталами дальше – где фонари стояли чаще, магазины были открыты, а у ровно вымощенной улицы появился настоящий тротуар – они увидели кеб, достаточно вместительный для троих, и Рузвельт остановил его свистом, от которого вздрогнула извозчичья лошадь.

Рузвельт, Кинг и Джеймс явились задолго до большинства гостей. Хэй тут же заметил беспорядок в одежде писателя и велел дворецкому Бенсону и другому слуге, Нейпиру, проводить мистера Джеймса в его комнаты. Доктор Гренджер, который приехал заранее, чтобы выпить виски и тихонько поболтать со старинным приятелем Хэем, покосился на рукав Джеймса и сказал:

– Я пойду с вами, гляну, что там с рукой.

– Пустяки, не стоит, – ответил Джеймс.

– Только попрошу слугу Джона принести мой чемоданчик, – сказал врач.

Рузвельт, снова в пенсне, улыбнулся и спросил:

– Доктор Гренджер ходит с медицинским чемоданчиком на званые обеды?

– Доктор Гренджер ходит с медицинским чемоданчиком везде, – ответил Кларенс Кинг.

Наверху Джеймс первым делом скинул гетры, а когда Нейпир, подняв их, сказал: «Я немедленно отдам в стирку», коротко бросил: «Нет, сожгите». Он всегда бы видел омерзительное табачное пятно даже на отстиранных гетрах.

– Идемте в ванную, там светлее, – распорядился доктор Гренджер. – Только подумать, гостевые комнаты с отдельной ванной, водопроводом и электрическим освещением. В удивительное время мы живем.

Ванная была светлая и стерильная, как операционная. Джеймс снял порванную, мокрую от крови рубашку и бросил ее на пол. Доктор Гренджер глянул на иссеченную руку и спросил:

– Так как, вы говорили, произошло несчастье?

– Я спрыгнул с конки до того, как она остановилась, и упал на щебень, – пробормотал Джеймс, отводя взгляд.

По части умения иронически сверкнуть голубым глазом доктор Гренджер порой не уступал Тедди Рузвельту. Он лишь мельком глянул на Джеймса, прежде чем произнести:

– Ясно. Только этот участок улицы был вымощен дробью.

Нейпир принес маленький белый таз, и доктор Гренджер каким-то длинным пинцетом вытащил дробины – звук, с которым они одна за другой

падали в таз, заставил Джеймса снова покраснеть. Всего врач удалил двенадцать дробинок, затем намазал иссеченную руку йодом или чем-то таким же щиплющим.

– Мышцы не задеты, – сказал доктор Гренджер, – только кожа. Не будь я уверен в обратном, я бы поклялся, что вы были на охоте и в вас по ошибке попали дробиной с большого расстояния.

– Я не охочусь, сэр, – ответил Джеймс и собрался надеть чистую белую рубашку, которую Бенсон достал из платяного шкафа.

– Минуточку, – остановил его доктор Гренджер. – Вам не нужны пятна от йода на рубашке, а мне не нужно, чтобы раны воспалились. Подержите руку ровно... вот здесь... над раковиной.

Он достал бинт, и через минуту рука Джеймса оказалась в аккуратном коконе.

– Чувствуете себя лучше? – спросил врач.

– Я чувствую себя идиотом и... – он приподнял правую руку, замотанную почти до локтя, – египетской мумией.

– Подождите пока надевать рубашку, – сказал врач. Он набирал в шприц темную жидкость из склянки.

– Пойдите, я не думаю... – начал писатель, но доктор уже впрыснул жидкость ему в руку. – Что это?

– Просто немного лекарства, чтобы снять боль и уменьшить опасность столбняка, – сказал врач, закрывая чемоданчик.

«Черт», – подумал Джеймс. Он узнал морфин и должен был вовремя запротестовать. И его, и Катарину Лоринг научили вводить большие дозы морфина сестре Алисе в последние месяцы ее умирания... она и отошла в наркотическом забытьи... Генри Джеймс тогда поклялся, что никогда не позволит ввести это снадобье себе в вену. Поздно.

А боль и впрямь уменьшилась. *Значительно* уменьшилась. Джеймс вспомнил Шерлока Холмса с его мерзостной привычкой и подумал, не происходит ли нынешнее ощущение легкости... почти счастья... все от того же нехорошего вещества.

– Если я за обедом начну нести околесицу, то вина будет на вас и вашем уколе, доктор Гренджер, – сказал Джеймс.

– Если мы все не начнем нести околесицу к третьей перемене блюд, – ответил врач, – то вина будет на Хэе, что мало поставил выпивки.

Последние гости уже прибыли, и все общество готовилось перейти в обеденную залу, когда хозяин заметил, что Джеймс чем-то озабочен. Хэй взял его за левый локоть, вывел в коридор и спросил:

– Что случилось, Гарри? Могу я вам помочь?

Джеймс поймал себя на том, что закусил нижнюю губу.

– Как ни абсурдно это звучит, Джон, мне просто необходимо связаться с мистером Холмсом. Срочно.

– Шерлоком Холмсом? – переспросил хозяин. – Я думал, он уехал из города.

– Возможно, – ответил Джеймс, – но мне необходимо передать ему сообщение. Он оставил адрес табачной лавки, так что, может быть, кто-нибудь из ваших слуг отправит мальчишку с запиской...

– У нас есть способ получше. Посмотрим, есть ли у табачной лавки телефон, и позвоним прямо туда.

– Чего ради в табачной лавке будет телефон? – Джеймс переборол непривычное желание хихикнуть.

– В необычное время мы живем, Гарри, – пожал плечами Хэй и повел его к себе в кабинет.

Джеймс и раньше заметил там телефонный аппарат, однако ни разу не видел, чтобы хозяин по нему разговаривал. Несколько минут тот общался с какой-то «центральной» – возможно, барышней из справочной службы, – затем широко улыбнулся и передал устройство Джеймсу:

– Мистер Твилл на проводе. Он хозяин табачной лавки, о которой упоминал Холмс, и он сейчас там.

Хэй вышел из комнаты, чтобы Джеймс мог говорить приватно.

– Алло, алло, алло? – проговорил писатель в трубку, чувствуя себя исключительно глупо.

Когда они с мистером Твиллом заново представились друг другу, Джеймс сказал:

– Как я понял, кто-то из вашей лавки получает и передает сообщения мистеру Шерлоку Холмсу. Мне абсолютно необходимо безотлагательно с ним увидеться. Или поговорить по телефону, если он сейчас здесь.

– Мистер Шерлок Холмс, сэр? – пробился голос мистера Твилла сквозь шум и треск в телефонной линии.

– Да.

– Английский джентльмен, сэр?

– Он самый!

– Нет, он не бывал в лавке с тех пор, как заплатил мне за передачу писем. Он присылает за ними мальчика два-три раза в день.

Джеймс вздохнул и внезапно понял, что, если бы не овладевшее им странное легкомыслие, он не находил бы себе места от необходимости срочно передать Холмсу увиденное и услышанное.

– Хорошо, – сказал он. – Не могли бы вы записать сообщение под диктовку и передать его мистеру Холмсу возможно скорее?

– Как только зайдет его мальчик, сэр.

– Хорошо. Сообщение такое... перо и бумага у вас наготове?

– Держу карандаш над листом.

– Сообщение такое... – Джеймс на мгновение умолк, формулируя. – Сегодня в Вашингтоне я проследил за профессором Мориарти и подслушал... да, да, я буду говорить медленнее.

– Все, можете продолжать. Вы подслушали...

– ...подслушал, как Мориарти излагает свои планы на первое мая нескольким... группам. Мне абсолютно необходимо безотлагательно с вами связаться. Я уезжаю поездом завтра... то есть в воскресенье, девятого апреля... во второй половине дня. Нам абсолютно необходимо поговорить до моего отъезда. Подпись: Джеймс. Не могли бы вы любезно прочесть мне записанное вслух?

Твилл прочел. Джеймс поправил некоторые неудачные обороты. Затем связь прервалась. Писателю пришлось повозиться, прежде чем он сумел повесить слуховую трубку на устройство для говорения и взгромоздить всю конструкцию обратно на полку.

* * *

Быть может, сказывался морфин – почти наверняка морфин, – но вечер выдался на памяти Джеймса один из самых приятных. События дня должны были окутать его черной пеленой, но вместо того острые воспоминания о том, как он лежал на высокой балке, о Мориарти, о гангстерах и анархистах, об уличной стычке с грабителями (кровавой стычке, не оставившей и малейшего следа в поведении или на парадном платье Тедди Рузвельта и Кларенса Кинга) впервые за долгие годы наполнили Джеймса радостью и энергией. Он был в свежей рубашке и во фраке.

Хэй сидел во главе стола, направляя беседу и поддерживая ее, если она начинала угасать, чего сегодня почти не случалось. Джеймсу отвели почетное место по правую руку от хозяина, а справа от него сидел старый знакомец Редьярд Киплинг. Джеймс был посаженным отцом невесты, мисс

Кэрри Бейлстир, на свадьбе Киплинга в 1892 году в Лондоне. Дружбу укрепляло и то, что каждый из них восхищался литературным талантом другого. Отчего Киплинг, открыто и громко прославлявший Британию в своем творчестве, предпочел жить в Америке, для Джеймса оставалось загадкой.

За Киплингом сидел Генри Адамс, дальше – Тедди Рузвельт. Место напротив Джона Хэя сегодня отвели Огастесу Сент-Годенсу. Джеймс восторгался творениями Сент-Годенса так, что почти не находил слов для выражения своих чувств. На его взгляд, надгробный памятник Кловер Адамс заключал в себе не только высшее совершенство мастерства, но и беспредельную отвагу в том, что не обещал ни надежды, ни вечной жизни, ни «забвения печали»,^[29] как выразился однажды этот рифмоплет По, а лишь неизбежную скорбь утраты.

Справа от Сент-Годенса по другую сторону стола сидели Кларенс Кинг, доктор Гренджер и Генри Кэбот Лодж по левую руку от Хэя.

Все собравшиеся блистали остроумием, но Киплинг с Рузвельтом (насколько мог судить затуманенный адреналином – и морфином – Джеймс) затмили всех. Двадцатисемилетнего Киплинга, который провел эту зиму в заснеженном Вермонте, шумно поздравляли и хлопали по спине: его жена Кэрри совсем недавно, 29 декабря, родила ребенка. Позже Джеймс напишет: «Киплинг – самый законченный гений (в противовес рафинированному интеллектуалу) из всех, кого мне довелось встречать».

– Чрезвычайно мило со стороны Жозефины было выбрать для появления на свет двадцать девятое декабря, – говорил молодой писатель, – поскольку мой день рождения тридцатого, а Кэрри – тридцать первого. Очень удобно и логично.

Доктор Гренджер, чей нос уже покраснел от выпитого, но дикция оставалась превосходной, спросил, стало ли с прибавлением семейства теплее в «Райском коттедже», как Киплинг назвал их с Кэрри домик под Баттлборо.

– Сама девочка еще так мала, что тепла от нее не много, – рассмеялся Киплинг, – но, когда ходишь взад-вперед всю ночь, пытаюсь ее укачать, поневоле согреешься.

Разговор перескакивал с одной темы на другую, однако Генри Джеймс постоянно возвращался мыслями к невероятным событиям сегодняшнего дня и необходимости поскорее сообщить о них Шерлоку Холмсу.

Киплинга и Рузвельта расспрашивали об их любимом клубе «Космос», расположенном на противоположной стороне Лафайет-сквер и объединившем Тейло-хауз и дом Долли Мэдисон. И Киплинг, и Рузвельт

были фанатиками дикой природы, а «Космос», самый элитарный и влиятельный мужской клуб Америки, отражал эту их страсть.

– Да, пять лет назад мы и впрямь создали там нашу маленькую организацию под названием «Национальное географическое общество», – говорил Рузвельт.

Киплинг рассмеялся какой-то своей мысли и на просьбу объяснить, в чем дело, сказал:

– Извините. Я просто вспомнил, как Теодор впервые представился клубу с намерением вступить. Двадцать старейших членов разложили на столе в главном зале несколько сот разрозненных ископаемых костей и спросили Теодора, может ли он что-нибудь здесь определить.

– И что? Смог? – спросил Кларенс Кинг, который, очевидно, знал ответ и заранее широко улыбался.

Киплинг снова хохотнул. Джеймс подумал, что у него приятный смех, мужской, звучный. И Киплинг никогда не смеялся зло на чужой счет. Он сказал:

– В следующие несколько часов Теодор не только определил все кости до единой, но и разложил их по отдельным скелетам вымерших или существующих животных – только что проволокой не скрепил, – при этом без остановки объясняя, где эти животные жили, что ели, на кого охотились и как размножались.

– С тех самых пор Тедди – звезда клуба «Космос», – заметил Джон Хэй, словно не замечая, как скривился Рузвельт от своего детского имени.

Остальные, включая Генри Джеймса, принялись сыпать другими забавными житейскими анекдотами, но еще до того, как открыли четвертую бутылку, Киплинг попросил Рузвельта поделиться историей «про гризли в дакотском осиннике».

Рузвельт улыбнулся и начал рассказ. Он говорил сжато, тщательно дозируя подробности, однако история чрезвычайно позабавила Генри Джеймса. Огромный гризли был стар и близорук – почти слеп. Рузвельт, потерявший очки на спуске с крутого лесистого холма, тоже почти ничего не видел. Первым выстрелом он промахнулся.

– Я не попал медведю в сердце, зато попал в зад, – говорил Рузвельт, следуя первому правилу настоящего рассказчика: никогда не улыбаться собственным словам. – Медведь убежал в осинник, такой густой, что я почти не мог туда протиснуться. К тому же мне – особенно без очков – вовсе не хотелось протискиваться в лесок, где мы с мистером Гризли можем встретиться внезапно, до того, как я успею поднять ружье. А зверь был в то утро расположен отнюдь не благодушно...

Целый час Рузвельт пытался выманить медведя, потом все же залез в осинник, держа в зубах длинный нож и раздвигая деревья дулом винчестера. Представив эту картину, все за столом рассмеялись, и Джеймс вместе со всеми.

– Слепой выслеживал слепого, – сказал Рузвельт. – Однако в конечном счете медведь оказался более слепым. Или я – более удачливым.

Джеймсу понравилась история – он не сомневался, что она подлинная, – однако рассказ напомнил ему, что никто из них – ни Кинг, ни Рузвельт, ни он сам – не упомянул о попытке ограбления, которая произошла всего сорок минут назад. Генри Джеймс не знал, каков этикет в обсуждении уличных драк, – может, джентльмен не хвастается, если вышел победителем. А может, Кинг и Рузвельт оберегали его от смущения, в точности как уберегли от жестоких побоев, если не смерти, меньше чем часом раньше. Джеймс сделал мысленную заметку, что именно так должен вести себя его герой, если тому случится отправиться на обед к друзьям после сходного инцидента.

Впрочем, признался себе Джеймс, едва ли кому-нибудь из его персонажей выпадет попасть в сходную переделку.

Разговор переключился на недавние события, однако мысли Джеймса по-прежнему вращались вокруг дневных событий и абсолютной необходимости сообщить какому-нибудь ответственному лицу о планах Мориарти убить президента, устроить восстание анархистов и развязать массовые беспорядки.

Собравшиеся обсуждали финансы – и особенно давно предрекаемую, но никак не наступающую «Панику 93-го», – что дало Джеймсу отличный предлог уйти в свои мысли и не выглядеть при этом невежливым. Все за столом, исключая, быть может, Тедди Рузвельта, знали, что Генри Джеймс писатель и у него *нет* финансов. Лишь тот, кто вовсе не располагает капиталом, счастливо избавлен от бесконечных мужских разговоров про акции.

«Если Холмс не выйдет на связь, – думал Джеймс, – мне, верно, следует пойти к суперинтенданту нью-йоркской полиции. Или даже к президенту Кливленду». От последней мысли ему сделалось нехорошо.

В этом не было ничего невозможного. Многие сидящие за этим столом – Хэй, Кэбот Лодж, не исключено, что и молодой Рузвельт, – неоднократно обедали с президентом. Даже Адамс, хоть тот и презирал всех последних президентов. Они могли бы договориться, и Кливленд принял бы Джеймса уже завтра утром.

«И что я ему скажу? – думал Джеймс. – Что, прячась на чердаке

заброшенной птицебойни, услышал, как профессор Джеймс Мориарти, которого большинство, и даже его архивраг Шерлок Холмс, считает вымышленным персонажем, планирует убить президента Соединенных Штатов, десятки высших американских руководителей и глав почти всех европейских государств... и не только это, а одновременно поднять восстание анархистов и устроить беспорядки с участием гангстерских банд во всех крупных городах здесь и за рубежом».

– ...последствия аргентинского неурожая на буэнос-айресской бирже... – говорил Кэбот Лодж.

Хэй только отмахнулся от этого предположения. Все – за исключением Рузвельта, доктора Гренджера и Джеймса – уже курили сигары.

– Просто спекуляции железнодорожных компаний, – сказал Хэй.

– Так или иначе, ваш брат бизнесмен говорит о «Панике девяносто третьего» аж с ноября девяносто второго. Пора бы ей уже произойти, а то все, кто играет на понижение, сильно погорят.

«В чем состоит знаменитый план Шерлока Холмса? За руку оттащить толстяка-президента от кнопки, которая должна включить все механизмы на Колумбовой выставке первого мая? Заорать „Ложись, идиот!“, как, по легенде, капитан Оливер Уэнделл Холмс крикнул президенту Линкольну в Форт-Стивенсе в 1864-м?» Джеймсу в такое не верилось.

– Очевидная прелюдия к панике была в феврале, когда обанкротилась «Филадельфийская и Редингская железнодорожная компания», – сказал Кэбот Лодж.

– Кливленд достаточно умело разрешил казначейский кризис, – заметил Хэй, – убедив Конгресс почти сразу после инаугурации аннулировать закон Шермана о скупке серебра.

– Для демократа – единственного президента-демократа на моей памяти – Кливленд и впрямь довольно решителен, – заметил доктор Гренджер.

– Он бы взял моего гризли голыми руками, – проговорил Рузвельт. – Просто задавил бы его весом.

– Фи, Теодор, – сказал Генри Адамс.

«Нельзя отменять завтрашний отъезд, – думал Джеймс. – Если я останусь, то никогда не выпутаюсь из этих интриг и заговоров. Выбора нет: надо сообщить о встрече Мориарти с гангстерами и анархистами, передать то, что этот... как назвала его лондонская „Таймс“ после Рейхенбахского водопада?... „Наполеон преступного мира“ говорил о намеченных убийствах и грабежах.

Я угодил прямиком в авантюрный роман самого скверного пошиба,

хуже кровавой бульварщины Г. Райдера Хаггарда, и единственное спасение – оставить позади все, что я видел и слышал сегодня... все, что видел и слышал в последние несколько недель после Сены. Лишь так я вернусь к реальности. Или, по крайней мере, к литературе. Все лучше того грошového читива, в котором я застрял».

– Движение за свободную чеканку серебряных монет смешивает все карты, – сказал Хэй. – Тем более что фермеры его поддерживают.

– Если граждане и банки потребуют за свои бумажки золото... – произнес Генри Адамс, словно размышляя вслух.

– На Западе и Среднем Западе закрылось уже более трехсот банков, – добавил Рузвельт.

– На Западе и Среднем Западе, – произнес Хэй, жестом приказывая слуге разлить следующую бутылку вина, – всякий, у кого есть две бочки, доска и жестянка четвертаков, может объявить себя банком.

«Надо уехать завтра, – думал Джеймс, чувствуя внезапную боль в груди и левой руке. – Надо уехать завтра. Купить по пути садовый совок, чтобы закопать табакерку с прахом Алисы. У меня было искушение поехать в Ньюпорт, где они с мисс Лоринг так счастливо обитали в домике на мысу, но Катарина Лоринг и без того занимала в жизни Алисы слишком большое место. Нет, пусть моя дорогая, ехидная, мечтавшая о смерти Алиса лежит рядом с родителями и тетей Кейт.

А потом – скорее на полуденный поезд в Нью-Йорк. Никак нельзя опоздать на немецкий пароход... как его там?... „Шпрее“, уходящий во вторник утром. На борту будет досуг подумать, разобраться, что в событиях последних недель было явью, а что – иллюзией. А мистер Шерлок Холмс пусть уж сам выбирается из многогранной загадки. Одно точно – я не стану его восторженным Босуэллом, как доктор Ватсон, будь то реальный человек или порождение Конан Дойла. Пусть кто угодно другой сохраняет для потомства триумфальные свершения сыщика. Я не видел его триумфов, только провалы».

Вошел лакей, неся на серебряном подносе листок бумаги, и что-то шепнул Хэю. Тот указал на Джеймса.

Это была телеграмма – наверняка ответ Холмса на вести о Мориарти. Джеймс, не в силах терпеть до конца обеда, сразу распечатал ее и прочел, держа под столом. Телеграмма была довольно лаконична:

ЕСЛИ МОЖЕТЕ ЖДИТЕ МЕНЯ ПОНЕДЕЛЬНИК ТРИ
ЧАСА ДНЯ ЧЕТЫРЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ПОЛОВИНОЙ
РЕВИР-СТРИТ БИКОН-ХИЛЛ БОСТОНЕ ТЧК ЕСЛИ НЕ

МОЖЕТЕ ВСЕ РАВНО ЖДИТЕ УКАЗАННОМ МЕСТЕ
УКАЗАННОЕ ВРЕМЯ ТЧК

БАГАЖ ОСТАВЬТЕ НОВОМ СЕВЕРНОМ ВОКЗАЛЕ
КОЗУЭЙ-СТРИТ ВЕСТ-ЭНДЕ ТАК КАК МЫ ТЕМ ЖЕ
ВЕЧЕРОМ ОТБЫВАЕМ ОТТУДА НОЧНЫМ ПОЕЗДОМ
ЧИКАГО ТЧК ХОЛМС

Бог мог бы ему позавидовать

Шерлок Холмс позвонил в новомодный электрический звонок на двери Генри Адамса поздним утром, когда поезд уже вез Джеймса в Нью-Йорк и далее в Бостон. Рослый дворецкий, Хобсон, встретил Холмса не более приветливо, чем в первый раз.

– Мистер Адамс еще в ванне, – объявил Хобсон, готовясь захлопнуть дверь перед носом Холмса.

– Ничего страшного. – Холмс, на ходу вручив ему цилиндр и трость, прошел в дом. – Я подожду мистера Адамса в его кабинете.

Негодующий Хобсон отправился в ванную комнату, доложить хозяину о вторжении, а Холмс тем временем вступил в кабинет, плеснул себе добрую порцию шотландского виски с чуточкой воды и вольготно расположился в кресле напротив огромного письменного стола, затянутого зеленой кожей.

Он поставил два пальца на прямой линии, направленной точно в окно бывшего кабинета президентской сестры. Та исполняла обязанности первой леди, пока ее брат не женился на юной мисс Фрэнсис Фолсом. Самому президенту ко времени свадьбы исполнилось сорок девять, так что американцев немало шокировала двадцатисемилетняя разница в возрасте или, по крайней мере, необычность брака, поскольку Кливленд был душеприказчиком своего друга Оскара Фолсома, отца Фрэнсис, и ее опекуном. Когда Фрэнсис было всего несколько дней, Кливленд подарил ей желтую коляску; привычка одаривать малышку яркими вещами не исчезла, даже когда та выросла.

В воскресенье Холмс участвовал в заседании Комитета паровой инспекции. Состав присутствующих несколько изменился: отсутствовал суперинтендант полиции Уильям Дж. Брук, зато появился начальник полиции Белого дома, всех двадцати семи человек, Дэниел О'Мейли. Покуда мистер Рокхилл, представитель Госдепартамента, сетовал, что вынужден пропустить церковную службу, Холмс спросил вице-президента Эдлая Ю. Стивенсона, где тот планирует быть около полудня первого мая, в то время, когда президент Кливленд нажмет кнопку, приводящую в действие все механизмы на Колумбовой выставке в Чикаго.

Вице-президент Стивенсон на минуту задумался, заглянул в карманный ежедневник и наконец сказал:

– С десяти тридцати и до раннего вечера я буду в резиденции президента. У меня намечены встреча и ленч с делегатами нынешнего филиппинского режима, затем – формальное подписание Американо-филиппинского соглашения.

– Где будет проходить встреча и подписание, мистер вице-президент? – спросил Холмс.

Стивенсон вновь задумался, потом все же вспомнил:

– Ах да. В кабинете, который мы называем Малым переговорным.

– Это, случаем, не помещение, выходящее окном на парк? Прямо напротив дома мистера Адамса? – спросил Холмс. – Бывшая приемная сестры мистера Кливленда в его первый президентский срок?

– Да, кажется, то самое помещение, – ответил вице-президент Стивенсон.

Холмс повернулся к Драммонду, главе секретной службы казначейства, чей ум отметил еще при первой встрече, и к Дэниелу О’Мейли. За время недолгого утреннего разговора сержант О’Мейли не произвел на Холмса впечатление человека сообразительного.

– По сведениям, полученным из надежного источника, покушение на жизнь вице-президента Стивенсона произойдет в то же или примерно в то же время, что и покушение на жизнь президента в Чикаго. Малый переговорный кабинет находится на прямой линии огня от дома мистера Адамса менее чем в двухстах ярдах к северу.

– Спросить ли нам разрешения перенести мероприятие в другой кабинет? – осведомился сержант О’Мейли.

– Я посоветовал бы перенести его в другое здание, а вице-президенту и его гостям первого мая вообще не входить в Белый дом, – сказал Холмс. – Быть может, стоит назначить встречу во внутреннем помещении Госдепартамента и проследить, чтобы перемена места сохранялась в строгой тайне.

Драммонд из секретной службы кивнул, и Холмс понял, что все будет сделано.

– Вы видите, что человек с хорошей винтовкой может из окна в доме Адамса попасть в окно Малого переговорного кабинета? – спросил Холмс, указывая.

– Мистер Адамс такого не позволит, – сказал глава полиции Белого дома О’Мейли.

– Рядом с домом Адамса находится дом полковника Джона Хэя, – напомнил суперинтендант вашингтонской полиции Мур. – Мы не можем беспокоить почтенных людей просто из-за... просто из-за того, что они

живут близко к резиденции президента.

– Разумеется, – ответил Холмс.

– Я изучу этот вопрос и поговорю с вами на следующей неделе, – сказал Эндрю Драммонд.

Холмс понял, что это значит: дом Адамса тщательно обыщут, эксперты определяют наилучшие углы стрельбы, и глава секретной службы – департамента, формально не отвечающего за охрану президента, – поставит там первого мая своих людей.

– Сержант О’Мейли, – сказал Холмс, – скольких людей вы планируете отправить с президентом? Двоих, как обычно?

– Хм... – О’Мейли обвел взглядом комнату, словно надеялся, что кто-нибудь подскажет ему верный ответ. – Могу прибавить или отбавить.

– Убавить, – поправил Холмс.

Надругательство над языком он воспринимал так же, как неоправданную жестокость к собакам или лошадям. Не сказать, что его отношение к лошадям и собакам было таким уж сентиментальным, однако он как-то заметил Ватсону, что число людей, говорящих «одел шляпу» или «подустал», можно было бы заметно сократить несколькими меткими выстрелами и записками с пояснениями, приколотыми жертвам на грудь.

– Так мне отбавить человека от тех двух? – спросил О’Мейли.

Тут в разговор вступил вице-президент Стивенсон. Он еле заметно подмигнул Холмсу и сказал:

– Нам известно, что существует угроза для Белого дома, сержант О’Мейли. А полковник Себастьян Моран – прославленный стрелок и солдат удачи в противоположность тем... фантомам, которых ищут другие. Разумнее, чтобы в этот день все ваши двадцать семь превосходных подчиненных охраняли Белый дом. В конце концов, они обучены защищать его от вторжения извне, а не сопровождать президента в поездках.

– Верно, – согласился О’Мейли. – Это обязанность чикагской полиции. Президента охраняет принимающий город.

– Лишь отчасти обязанность чикагской полиции, – заметил глава секретной службы.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил суперинтендант Мур.

Перед встречей комиссии Холмс с глазу на глаз спросил Драммонда, считает ли тот, что честь обладать самой продажной полицией безраздельно принадлежит Чикаго. Тот надолго задумался, потом кивнул:

– Теперь, когда Нью-Йорк окончательно избавился от шайки Твида, а место старых коррупционеров еще не заняли новые, пальма первенства и впрямь отошла к Чикаго. Тамошние полицейские такие же насквозь

продажные, как насквозь пропитые. Однако среди них есть хорошие ребята, и очень немного таких, кто станет помогать в убийстве президента.

Тогда Холмс выслушал Драммонда и кивнул.

Сейчас сержант О'Мейли спросил громко:

– Что вы имели в виду, когда сказали, что чикагская полиция не будет отвечать за безопасность президента Кливленда?

– Чикагская полиция будет отвечать за его безопасность от дверей гостиницы «Лексингтон» до территории выставки – так называемого Белого города в Джексон-парке, – сказал Холмс. – Однако, как только президент вступит на священную почву Всемирной Колумбовой выставки, ответственность за него, а также за полсотни других высших должностных лиц, включая всенародного любимца президента Бразилии, перейдет к Колумбовой гвардии.

– Что еще за Колумбова гвардия? – удивился О'Мейли.

Вместо Холмса ответил Драммонд:

– Частные полицейские силы, созданные для Всемирной выставки Дэниелом Бернемом.

– Не чикагская полиция? – переспросил Мур.

– Нет, – подтвердил глава секретной службы Драммонд. – На территории выставки Колумбова гвардия имеет власть останавливать, допрашивать и арестовывать – есть даже отличная маленькая тюрьма чуть в стороне от Мидуэй-Плезанс. Впрочем, главной обязанностью гвардейцев будет искать потерявшихся детей, указывать дорогу, вмешиваться, пока личное опьянение не превратилось в общественную проблему, и вообще всячески помогать сотням тысяч посетителей выставки приятно провести время.

– И какова численность гвардейцев? – спросил вице-президент Стивенсон.

– Чуть больше двух тысяч, господин вице-президент, – ответил Холмс.

– Двух тысяч?! – взорвался суперинтендант Мур. – Да это армия!

– Полагаю, замысел Дэниела Бернема именно таков, – сказал Холмс. – Белый город будет электрифицирован, как не снилось Чикаго, Вашингтону, Нью-Йорку, да и любому крупному городу США. Электрические фонари, сверкающие витрины, свет из огромных окон, иллюминация и прожекторы на более чем шестистах акрах Всемирной выставки вкупе с высочайшим процентом полицейских, как в форме, так и в штатском, на душу населения должны сделать Белый город наиболее безопасным местом в мире.

– Если при этом они обеспечат безопасность президенту Кливленду на время его пребывания, – заметил вице-президент Стивенсон.

- Чем вооружены Колумбовы гвардейцы? – спросил Мур.
Холмс улыбнулся:
– У большинства будет свисток и короткий палаш в ножнах.

* * *

Генри Адамс, в халате и домашних туфлях, вошел в кабинет и хмуро глянул на сыщика, который при появлении хозяина остался сидеть.

– Я вижу, вы расположились как дома, мистер Холмс.

Холмс улыбнулся и кивнул.

– И без сомнения, не упустили случая обшарить мой стол и секретер.

– Лишь для того, чтобы налить себе стаканчик, с которым коротать долгое ожидание. Превосходный виски, мистер Адамс.

– Я не имел намерения видеть вас снова, – сказал Адамс.

Холмс кивнул.

Адамс обошел стол и замер на миг, словно решая, как демонстративнее игнорировать присутствие Холмса: сидя или стоя. Потом все же решил сесть.

– Я думал, что в последнюю нашу встречу более чем ясно дал понять, что она *последняя*, мистер Холмс. Что нам нечего больше обсуждать, как на людях, так и наедине.

Холмс вытащил из кармана карточку с надписью «Ее убили» и положил на зеленую кожаную обивку стола.

– Меня это не касается. – Адамс взял карточку, изорвал в клочки и бросил в мусорную корзину.

– Нед Хупер нанял меня выяснить, кто каждый год отправлял эти карточки вам и остальным членам «Пяти сердец». Он тоже умер, а вы, через покойную жену, его ближайший родственник, которого я могу информировать о ходе расследования, – сказал Холмс.

– По вашему же признанию, вы знали моего покойного шурина не более часа два года назад. Это едва ли дает вам право называть Эдварда Нед, как друзья и родственники. Если вам необходимо его упомянуть, можете говорить «мистер Хупер».

Холмс кивнул:

– Мистер Хупер заплатил мне за то, чтобы я моими методами выяснил, кто отправлял эти карточки, а также, говоря его словами, определил, «правда ли Кlover сама наложила на себя руки, или произошло нечто более страшное». Таким образом, за отсутствием мистера Хупера я буду

информировать вас.

В начале разговора Адамс глядел в окно, но сейчас он повернулся к Холмсу:

– Вы знаете, кто последние семь лет посылал эти карточки?

– Да.

В маленьком камине с треском развалилось горящее бревно. Хотя весна выдалась теплая, в кабинете Адамса топили. Холмс подумал, что, быть может, вдового историка постоянно знобит.

После долгой паузы Адамс спросил резко:

– Так вы мне скажете или нет?

– Нет, – ответил Холмс.

Губы Адамса побелели, несмотря на прихлынувший к щекам румянец.

– Вы сказали, что, поскольку ваш клиент, Нед, в декабре покончил с собой, ваш долг – информировать меня о ходе расследования. Теперь вы заявляете, что не скажете мне, кто изводил и мучил нас последние семь лет? Какая наглость! Будь я немного моложе, мистер Холмс...

Холмс кивнул, словно легко мог вообразить, как кабинетный ученый Генри Адамс набрасывается на него с кулаками.

– Я вычислил, кто печатал и рассылал карточки. Однако мне нужно побеседовать с этим лицом наедине. Сейчас такая беседа невозможна, но она произойдет в первую неделю мая.

– Другими словами, – рявкнул Адамс, – это всего лишь ваши догадки!

– Я никогда не гадаю, – ответил Шерлок Холмс.

Он сцепил длинные белые пальцы под подбородком и устремил взгляд куда-то вдаль. Лицо его, исключая минуты сильного волнения или глубокого интеллектуального переживания, выглядело бесстрастным, однако сейчас оно сделалось суровым, и хотя суровость эта адресовалась не Генри Адамсу, историк почувствовал себя неуютно.

– Полагаю, вы ровно так же ничего не раскрыли в «загадке» смерти моей бедной жены... которая никогда и не была загадкой, – буркнул Адамс и поморщился. Безукоризненный стилист и скрупулезный редактор в нем не мог не осудить последнюю фразу.

Холмс словно вернулся оттуда, куда унесся в мыслях.

– Ах да, – сказал он почти небрежно. – Я полностью подтвердил, что Кловер... что миссис Адамс убили.

У Адамса отпала челюсть, и, хотя он тут же закрыл рот и попытался сделать каменное лицо, заговорить ему удалось лишь секунд через тридцать:

– Убили? Как? Кто? И чего ради?

– Я рассчитываю получить ответы на ваши три новых вопроса в течение двух следующих недель, – сказал Холмс. – По поводу «как?» сомнений нет: причиной смерти стал цианистый калий из ее собственной фотолаборатории. Однако вопрос остается в списке, поскольку неизвестно, как именно ее заставили выпить яд.

– Значит, все утверждения – не более чем ваши безумные догадки, – сказал Адамс.

– Я никогда не гадаю, сэр.

– Есть ли у вас... как это называется в ваших детективных книжонках... подозреваемые?

– Я знаю, что убийцей был один из трех человек, – сказал Холмс, – и третьим в списке потенциальных убийц стоит ваше имя.

– Мое?! – Адамс вскочил на ноги. – Вы наглый, невыносимый...

Он не нашел слов и потянулся за тростью, прислоненной позади кресла.

– У вас было время, вы знали, где находится яд, и имели к нему доступ, а что до мотива, убийства жен всегда происходят по неявным личным мотивам. В данном случае все вокруг знали, что ваша супруга была подвержена меланхолии... она сама писала отцу из Египта во время вашего долгого медового месяца, что даже там ее настигла «всегдашняя неотвязная спутница, меланхолия»... надеюсь, я цитирую точно... и она две недели не могла говорить ни с кем, даже с вами. Такие состояния на протяжении многих лет выматывают супруга, и вы сами описывали, как глубоко она была погружена в нездоровую тоску почти весь год после смерти ее отца.

Генри Адамс скрипнул зубами; звук прозвучал отчетливее, чем треск поленьев в камине. Он занес трость, как дубинку, и костяшки его пальцев побелели от мертвой хватки.

Холмс не шевельнулся, когда Генри Адамс нагнулся над столом, трясясь от ярости так, что занесенная палка дрожала в его руке. Трость Холмса была прислонена к другому стулу, ближе к окну. Он не потянулся к ней, а продолжал сидеть, держа руки на коленях и глядя Адамсу в лицо.

Тот отбросил трость на персидский ковер, рухнул в кресло, обмяк и закрыл ладонью глаза. Мгновение спустя он сказал:

– Вы должны знать, что я не... убивал... мою обожаемую Кlover.

– Да, я знаю, – ответил Холмс. Он поставил локти на полированные деревянные подлокотники и оперся подбородком на сцепленные пальцы. – Однако всякий толковый полицейский, а тем паче всякий толковый и честлюбивый окружной прокурор, возможно – и даже наверняка, если бы расследование не проводилось так поверхностно главным образом по

причине вашего богатства и общественного положения, – довел бы дело до того, что суд присяжных приговорил бы вас к повешению.

У Адамса вновь отвалилась челюсть, и на сей раз он даже не сразу вспомнил закрыть рот. Он сквозь расставленные пальцы смотрел на Холмса, как ребенок – в темноту, где может прятаться чудовище.

– У вас было время, вы знали, где миссис Адамс держит смертельный яд, никто из слуг не видел, как вы в то воскресное утро внезапно ушли к дантисту. Поскольку у дантиста вы в тот день не были, вы вполне могли ждать на краю парка за несколько домов от вашего, пока не увидели подходящую к дверям Ребекку Лорн. Она в некотором смысле была вашим алиби.

– Если вы так думаете, – прохрипел Адамс, – то почему *не* считаете меня виновным в убийстве?

Холмс подошел к открытому секретеру с бутылками, плеснул себе новую порцию виски, налил бренди Адамсу, но не протянул историку стакан, а поставил перед ним на стол.

– Я знаю, что вы невиновны, не только из-за очевидных качеств вашего характера, но и потому, что вы не встретили мисс Лорн у входа, размышляющую, постучать или нет, как сказали полиции. На самом деле мисс Лорн, распахнув дверь, выбежала из дома в состоянии, близком к истерике, что вы подтвердили мне в нашем прошлом разговоре. Она, а не вы обнаружила тело миссис Адамс.

– Да, – сказал Адамс и отпил большой глоток бренди.

– Вы сами пробежали два квартала, чтобы пригласить вашего врача, доктора Чарльза Э. Хагнера. Позже тот сообщил журналистам, что склянка с цианистым калием, все еще открытая и распространяющая ядовитые пары, стояла на столе в противоположном конце комнаты от того места, где, рядом с любимым креслом, лежала миссис Адамс, и что подле нее на полу валялся пустой стакан. Доктор Хагнер упомянул также, что, когда вы с ним вошли, мисс Лорн находилась в прилегающей спальне миссис Адамс и была в таком состоянии, что ему пришлось дать ей транквилизатор. В полицейском отчете, составленном лейтенантом Хэммондом, который явился с двумя подчиненными через двадцать минут после вас и доктора Хагнера, но пробыл всего несколько минут, поскольку вы потребовали оставить вас наедине с усопшей, указано положение тела и склянки с цианидом, уже закрытой, но не упомянут стакан на ковре.

– Сцена навсегда отпечаталась в моей памяти, – сказал Адамс, – однако я не помню стакана на полу.

– Склянка с ядом стояла на столе в некотором удалении от того места,

где лежала миссис Адамс, пока вы не перенесли ее на диван, – проговорил Холмс, постукивая по губам соединенными указательными пальцами. – В этом согласны все. Однако рядом с телом на полу была лужица от пролитого химиката. Ваша экономка упомянула, что смертельный раствор обесцветил край ковра и участок пола. Она поручила другим слугам отрезать от ковра кайму и заново отполировать паркет, чтобы избавиться от пятен.

Виски и щеки Адамса вновь побагровели.

– Моя экономка позволила себе обсуждать с вами...

Холмс поднял обе руки ладонями вперед:

– Расследования толком не было, сэр, но полицейские взяли показания у ваших слуг, покуда вы переживали самые тяжелые часы скорби. Насколько мне известно, вы пробыли наедине с телом два дня и две ночи и позже никому не сообщили о дате и времени похорон, так что даже оставшиеся трое «сердец» не смогли на них присутствовать. Так или иначе, сведения о пятнах на ковре и на полу есть в записях лейтенанта Хэммонда.

– И что с того? – выкрикнул Адамс.

– Когда вы с доктором Хагнером вошли в комнату, рядом с телом миссис Адамс лежал стакан, из которого она, очевидно, и выпила яд. Он выпал у нее из рук, и остатки жидкости проели пятна на полу и на ковре. Однако к приходу лейтенанта Хэммонда, всего полчаса спустя, стакана уже не было.

Холмс подался вперед, его серые глаза смотрели пристально, как у хищника.

– За эти полчаса кто-то убрал стакан, – тихо проговорил он. – Ваша экономка, миссис Сомс, тремя днями позже сказала полиции, что в буфете на кухне, где они обычно хранились, осталось всего одиннадцать. Стакан был из этого набора.

Адамс допил бренди.

– Кто? Если не слуги, кто мог взять стакан... мифический стакан, про который я даже не помню, что он был? Полицейские?

– Они утверждают, что не брали, сэр.

– Я не... я не понимаю, что важного в стакане... или в склянке с цианидом, – выговорил Адамс. – Что они меняют?

– Куда легче заставить человека выпить из стакана, чем из склянки, – сказал Холмс.

Темные глаза Адамса, казалось, еще глубже ушли в глазницы.

– Заставить? Кто-то мог принудить Кlover выпить ужасный, жгучий, смертельный яд?

– Да. Более того, существенно время событий. Имела ли она обыкновение оставлять в спальне стаканы с водой?

– Нет, – глухо ответил Адамс. – Кlover терпеть не могла следы от стаканов на мебели.

– В ванной?

– Нет, – повторил Адамс. – Стаканы есть в обеих наших ваннах, но не такие. И стакан Кlover... по-прежнему был на месте, когда я заглянул туда несколькими днями позже.

– Между временем, когда вы ушли из дому, и временем, когда вы вернулись, услышав выбегающую из двери Ребекку Лорн, – начал Холмс и отметил, что Адамс не стал ему возражать, – миссис Адамс едва ли успела бы спуститься на кухню, где стояли стаканы... причем незаметно для старшей кухарки миссис Райан, готовившей тогда обед... подняться на второй этаж, пройти через весь дом в фотолабораторию, где в специальном запертом шкафу хранились химикалии, и вернуться в спальню, чтобы принять яд.

Адамс затряс головой, словно человек, которому снится дурной сон:

– Вы хотите сказать, кто-то... кто-то другой принес стакан и склянку с ядом... что он прятался рядом, слушал и ждал, когда Кlover останется одна... во все время нашего разговора до моего ухода к дантисту?

– Весьма вероятно, – ответил Холмс.

– И это могла быть только Ребекка Лорн, любимая подруга Кlover, которой та полностью доверяла... как и я в ужасные дни после... после... – прохрипел Адамс. – Потому что больше некому было убрать стакан между визитом доктора и приходом лейтенанта полиции.

– Она почти наверняка унесла стакан с собой, – сказал Холмс. – Но в случае, если это было убийство, а не самоубийство, она не единственный подозреваемый. Есть и другой.

Взгляд Адамса, устремленный в лицо Холмса, казалось, жег огнем.

– Клифтон Ричардс... кузен мисс Лорн, – сказал Холмс. – Он мог находиться в доме и уйти по черной лестнице в то самое время, когда мисс Ребекка Лорн бежала вверх по парадной с намерением предупредить миссис Адамс.

– Предупредить ее, – глухо повторил Адамс и заставил себя сфокусировать взгляд на лице Холмса. – Кто убил мою жену? Заклинаю вас, если знаете, скажите.

– Я буду точно знать в следующие несколько недель, мистер Адамс. Поэтому-то мне и надо просить вас об одолжении.

Адамс, возможно, еле заметно кивнул.

– Я уговорил Джона Хэя и Кэбота Лоджа сдвинуть посещение Колумбовой выставки примерно на две недели, к самому дню открытия. Они прибудут на личном поезде за день или за два до первого мая, – сказал Холмс. – А личная яхта сенатора Камерона примерно в то же время должна встать на якорь недалеко от выставочного причала.

– Моя поездка на злосчастную выставку поможет разоблачить убийцу Кловер и предать его или ее правосудию? – спросил Адамс.

– Да.

– Тогда я поеду с Камероном, Хэем, Лоджами и остальными. Хотя я был на Филадельфийской Всемирной выставке, и это скука смертная.

Холмс позволил себе улыбнуться.

Когда он собрался уходить, Адамс схватил его руку и сказал:

– Но зачем было убивать Кловер? Кто мог желать зла этой остроумной, печальной, одинокой, прелестной женщине?

Холмс уселся обратно в кресло и со вздохом вытащил из внутреннего пиджачного кармана маленький голубой конверт, перевязанный голубой лентой. Письмо было вскрыто. Холмс вытащил листок и повернул к Адамсу, чтобы тот, надев очки, прочитал через стол рукописный текст.

Генри Адамс минуту читал свой собственный почерк, затем со сдавленным криком рванулся к письму.

– Нет, – ответил Холмс, складывая и убирая письмо обратно в карман. – Я не позволю вам разорвать его, как вы разорвали карточку.

– Это моя собственность! – рявкнул коротышка-историк.

Холмс кивнул:

– Юридически да, сэр. Хотя письмо и находилось в собственности другого лица.

– Почему Лиззи... почему вы... почему она дала вам это в высшей степени личное письмо? Величайшее из моих безумств?

– Она не давала его мне, – ответил Холмс. – И даже не знает, что оно у меня. Мне пришлось его временно позаимствовать. Когда мое расследование закончится, я верну письмо в тайник, где оно хранилось.

– *Расследование...* – презрительно прошипел Адамс. – Читать чужие письма самого личного свойства... Забираться по ночам в будуары... Красть...

– Заверяю вас, что верну его в ближайшие недели, – сказал Холмс. – Миссис Камерон даже не узнает, что я взял письмо из тайника. Мне просто необходимо было достоверно узнать, чем Ребекка Лорн и ее так называемый кузен Клифтон Ричардс шантажировали миссис Адамс.

– Шантажировали? – На миг показалось, что Генри Адамс разразится

истерическим смехом. – В таком случае я убил Кловер Адамс. Я был причиной, альфой и омегой смерти моей ненаглядной.

– Нет, – ответил Холмс. – Для расследования загадки мне требовалось найти и прочесть это письмо, мистер Адамс, но уверяю вас, тягостная обязанность не доставила мне удовольствия. И я не нашел ничего предосудительного. Всего лишь слова глубоко несчастного человека, практически оставленного женой, которая целиком отдалась своей меланхолии даже не месяцы, а многие годы назад... полуночное любовное письмо другой женщине, которую он давно знал и чтит. Это было безумие, мистер Адамс, но исключительно человеческое и понятное.

– Мы были у Камеронов вечером четвертого декабря. – Адамс говорил как загипнотизированный, глядя в пустоту. – За два дня до того, как Кловер... до ее смерти. Лиззи болела, а Кловер как-то особенно за нее тревожилась. Она знала... мы все знали... что главная причина болезни – несчастливое замужество Лиззи. В тот вечер мы взяли с собой Ребекку Лорн... помню, было тепло, будто и не декабрь. Чтобы подбодрить Лиззи, Кловер купила большой букет желтых нуазетовых роз «Маршал Ниель», и они с Ребеккой отнесли розы в спальню больной. Вы знаете язык цветов, мистер Холмс?

– Лишь отчасти.

Адамс невесело улыбнулся:

– На языке цветов, столь популярном в наши дни, желтые розы означают: «Принадлежу тебе сердцем и душой». Вот что Кловер сказала Лиззи Камерон за двое суток до своей смерти.

– Это было послание для вас, – тихо заметил Холмс.

Адамс мотнул головой:

– Нет. Если Кловер знала про... про мое безумное послание Лиззи, написанное в июле, – он указал на карман Холмса, – и умоляла ответить, правда ли оно существует... если Ребекка Лорн терзала ее разговорами об этом письме... или даже просто намеками... и если Лиззи не стала отрицать...

Холмс, протянув руку через стол, легонько стиснул локоть Адамса:

– Не позволяйте своему воображению вас обманывать. Вы знаете доброе сердце Кловер. Ее послание на языке цветов, обращенное к больной подруге, скорее всего, выражало всего лишь любовь и ласку.

Впрочем, Холмс знал, что в тот вечер между женщинами произошло неприятное объяснение. Кловер спросила у Лиззи Камерон, действительно ли та получила такое письмо от «моего Генри». Лиззи была больна, не в духе, и хотя высмеяла самую мысль, отрицать напрямую тоже не стала и

даже поддразнила Кловер и Ребекку Лорн, что те хотят увидеть «подобный презанятный документ». Холмс знал о разговоре, поскольку не только нашел письмо, приколотое с нижней стороны к ящику туалетного стола, но и позаимствовал личный дневник Лиззи за 1885 год на время, достаточное, чтобы прочесть записи за начало декабря. Дневник был уже возвращен на место – с немалым риском для лица, исполнившего поручение Холмса, а вот июльское письмо, как и другие письма, добытые в других домах теми же грязными методами, Холмс оставил при себе до окончательной развязки нынешних событий.

Холмс видел, что Адамс на грани слома. Человек, который после смерти жены уплыл с другом-художником в Южные моря и три года отдал бесцельным блужданиям. Человек, который взял с великого скульптора клятвенное обещание хранить тайну и поручил тому воздвигнуть мавзолей для живого в удивительном памятнике не только усопшей жене, но и собственному горю.

Уже стоя со шляпой и тростью в руке, Холмс помедлил и вытащил из кармана еще один листок бумаги:

– Его дал мне Хэй, хотя все ваши друзья знают про это письмо, Адамс. Кловер... миссис Адамс начала писать сестре Эллен почти сразу, как вы ушли к дантисту. Не сомневаюсь, вы помните наизусть каждую фразу, но для общей картины вам стоит услышать их еще раз:

Будь во мне хоть что-нибудь хорошее, я смогла бы на это опереться и мало-помалу начать жить сызнова. Не передать словами, насколько Генри ласков и терпелив. Бог мог бы ему позавидовать – он все сносит, надеясь и отчаиваясь час за часом. Генри несказанно лучше и добрее всех вас.

Холмс сложил записку и убрал ее к голубому конверту.

– Она написала эти слова, мистер Адамс, *после* того, как узнала про ваше июльское письмо к Лиззи Камерон. Она уже вас простила.

Адамс встал и устремил на сыщика непостижимый взгляд:

– Когда я вынужден буду увидеть вас снова, мистер Холмс? Какой новый ад ожидает меня... нас всех?

– Чикаго, – ответил Холмс.

Не обращая за помощью к дворецкому, он тихо вышел из дома и сам притворил за собой дверь.

Часть третья

Глава первая

Четверг, 13 апреля, 10:00

Часть моего повествования, посвященная Всемирной выставке, по плану должна была начинаться с объяснений, почему Генри Джеймс – вопреки всем инстинктам и привычкам – поехал в Чикаго и принял участие в тамошних приключениях сыщика. Однако, по правде говоря, я не знаю, отчего Джеймс так поступил.

Мы все встречали скрытных людей, однако и Шерлок Холмс, и Генри Джеймс оказались самыми непроницаемыми в моем долгом опыте изучения людей и проникновения в мысли персонажей. То, что Холмс тщательно оберегал свой внутренний мир, вполне объяснимо: он выбился из низов и всю жизнь шел как по канату, ежесекундно напрягая железную волю и феноменальный интеллект. Большинству из нас не постичь, как работают разум и сердце Холмса – если у него есть сердце. И даже сумей мы это постичь, мы бы не вынесли такого знания.

Однако мысли и чувства Генри Джеймса сокрыты от нас еще более толстым слоем душевной брони. Как и Холмс, Джеймс целиком выдумал себя – себя-художника, себя-Мастера, себя-холостяка, повенчанного лишь со своим искусством, – чистым усилием воли, быть может следуя завету Китса: «Созидательное начало созидает себя само».^[30] Однако, в отличие от сыщика, Джеймс пытался скрыть свою глубинную сущность даже от собственного взгляда. Каждое вышедшее из-под его пера слово – письма, вступления, романы и рассказы – грозило выдать что-то, чего писатель показывать не хотел. Самодисциплина, с которой Джеймс этому противодействовал, оказалась безжалостно эффективна. Он так успешно таил сокровенные мысли и мотивы значительной части своих поступков, что нам остается лишь стоять перед наглухо закрытым и внешне противоречивым сооружением по имени «Генри Джеймс» и гадать, почему он сделал тот или иной выбор.

Так или иначе, Джеймс решил последовать за Холмсом в Чикаго, и я прошу извинений у него и у вас за то, что перепрыгну через два дня в строго хронологическом повествовании и лишь затем возвращусь к более ранним событиям.

На второй день в Чикаго Холмс почти силком вытащил Генри Джеймса на короткий экскурсионный тур вдоль Белого города Колумбовой выставки.

Пароходик отходил от причала, расположенного довольно близко к их гостинице. Он держался на почтительном расстоянии от вдающегося в озеро пирса, на котором заканчивалось строительство исполинского конвейера для людей, и давал любопытствующим возможность полтора часа созерцать будущую выставку с озера Мичиган.

– Я не совсем понимаю, зачем нужна поездка, – сказал Джеймс, стоя вместе с Холмсом у правого борта шумного прогулочного суденышка.

Современный пароход с рядами скамеек на каждой из трех своих крытых палуб вмещал триста человек и звался «Колумб». Ему предстояло стать паромом и каждый час возить новых посетителей на выставку, а утомившихся гуляк – обратно в отели, но сейчас на нем было всего пятьдесят пассажиров, и все они – за вычетом Джеймса и почти всегда бесстрастного Холмса – пребывали в чрезвычайном волнении просто от перспективы поглазеть на несколько недостроенных зданий.

– Я показываю вам будущее, – ответил Холмс.

Когда пароход отходил от причала в центре Чикаго, над озером лежал туман, но ближе к Джексон-парку, где разместилась Колумбова выставка, дымка рассеялась, и солнце как будто лично взяло на себя попечение о туристах: оно согревало их и словно огромным прожектором подсвечивало береговую линию. Джеймс знал, что, технически говоря, Джексон-парк представляет собой южное продолжение Чикаго – дальше от озера, на Шестьдесят третьей улице, уже стояли дома и магазины, – но та квадратная миля у воды, где раскинулась теперь выставка, всегда была песчаной, заболоченной, безжизненной, ненужной даже земельным спекулянтам, которые по мере роста городских железных дорог расширяли Чикаго на мили и мили в прерию.

Американские газеты вот уже два года упоенно расписывали, как прославленные архитекторы – лучшие из лучших! – выбранные верховным повелителем выставки Дэниелом Хадсоном Бернемом, пришли в ужас, узнав, что на болотистых островах Джексон-парка под футом черной земли лежит только плавун. Самые грандиозные сооружения Америки (а в случае Колеса мистера Ферриса, которое должны были закончить в июне, – еще и самое высокое) предстояло возвести на песке, а не на скальном основании, как в Нью-Йорке и других городах Восточного побережья.

В экипаже дорога от центра Чикаго до выставки занимала примерно час. Значительно быстрее доезжали туда желтые трамваи, которые чикагцы окрестили «телячьими вагонами». Когда домовладельцы заломили за аренду воздуха над ведущими к выставке авеню немислимые деньги, инженеры проложили линию над узенькими меридиональными улочками,

где платы за воздух не требовалось. Теперь паровозики с желтыми вагонами могли непрерывно сновать по эстакаде между центром города и главными воротами выставки.

Экскурсионный пароход «Колумб» добрался до стройки в Джексон-парке за двадцать пять минут.

– Господи, – выговорил Джеймс.

За почти три десятилетия жизни и путешествий в Европе он навиделся архитектурных чудес, так что почти все новые сооружения, которыми гордилась Америка, казались ему маленькими, уродливыми или чересчур утилитарными в сравнении с заграничными красотами. Однако Белый город застал его врасплох. Мгновение писатель мог лишь таращиться, затаив дыхание и вцепившись руками в поручень.

– Господи, – повторил он.

Заболоченные пески преобразились более чем в квадратную милю белых каменных улиц, умопомрачительных белых зданий, исполинских куполов, статуй, ажурных мостов, зеленых лужаек и цветников.

В лучах солнца казалось, будто Белый город светится изнутри. Джеймс даже зажмурился. Чикаго гордился современной архитектурой – после ужасного пожара 1871 года его отстроили практически заново, – но по сравнению с этим дивным белым видением он был убогим, грязным, Черным городом. Его высокие кирпичные здания закрывали свет домам пониже, линии надземного трамвая не давали солнцу проникнуть в темные каньоны улиц. Если не считать строений, выходящих на озеро Мичиган, Чикаго представал пешеходу лабиринтом тьмы, грязи, шума и копоти. Обожаемый Лондон Джеймса был пожалуй что и грязнее, но по крайней мере большую часть года целомудренно прятал свою нечистоту за плотным угольным смогом.

Молчавший до сего времени Холмс внезапно взял на себя роль экскурсовода:

– В Белом городе четырнадцать так называемых Больших зданий. То, к которому мы приближаемся, называется Павильоном изящных искусств и мануфактур. Его площадь – миллион триста тысяч квадратных футов. Свод длиной триста шестьдесят восемь футов расположен на высоте двести шесть футов. Только в нем одна поверхность, требующая покраски, составила тринадцать акров. Помимо Больших зданий, в Белом городе воздвигнуто еще двести строений, в том числе по одному на каждый из сорока семи штатов и на все территории.

Джеймс улыбнулся. Забавно, когда у тебя персональный гид с британским акцентом. Некоторые пассажиры придвинулись ближе, чтобы

послушать Холмса.

– Когда первого мая президент Кливленд включит рубильник, – продолжал сыщик, то ли не замечая новых слушателей, то ли предпочитая не обращать на них внимания, – динамо-машины Белого города обеспечат в три раза больше электрической энергии, чем доступно сегодня в Чикаго, и в десять с лишним раз больше, чем на Парижской выставке восьмидесяти девятого года. В Белом городе более ста двадцати тысяч ламп накаливания; семь тысяч дуговых ламп будут освещать его бульвары, площади, улицы и фонтаны. Темных уголков почти не останется, и устроители наняли собственные полицейские силы – две тысячи Колумбовых гвардейцев, – чтобы не только задерживать нарушителей общественного спокойствия, но и предупреждать любые незаконные действия до их совершения. Ни у одного города Европы или Америки нет столь просвещенной стратегии охраны порядка.

– А что это большое, но уродливое и незаконченное чуть дальше к северо-западу от Павильона изящных искусств? – спросил Джеймс, указывая тростью. – По виду там строят Ноев ковчег.

– Это ответ Белого города Эйфелевой башне, которая произвела такой фурор на Парижской выставке, – сказал Холмс. – Некий мистер Феррис строит огромное Колесо обозрения. Каждая из тридцати шести кабин, размером с железнодорожный вагон, вместит до сорока человек. При каждом обороте пассажиры будут подниматься на высоту двести шестьдесят четыре фута, откуда – как обещают мистер Феррис и устроители выставки – им откроется замечательный вид на озеро Мичиган, Белый город, включая Мидуэй-Плезанс со всеми ее аттракционами, и крыши Чикаго. То, что вы видите сейчас, – леса для нижней половины конструкции. Скоро привезут и установят ось – как я слышал, самую тяжелую стальную деталь, когда-либо изготовленную в этой части света. Она имеет в длину сорок пять футов и весит сорок шесть тонн. Ей предстоит выдержать вес стального Колеса, кабин и людей, в шесть раз превосходящий массу какого-то подвесного моста через реку Огайо в Цинциннати, о котором вы, американцы, упоминаете с такой гордостью. Администрация Белого города и мистер Феррис уверяют, что Колесо будет закончено и начнет возить пассажиров к середине лета, если не раньше.

– Откуда у вас все эти сведения, мистер Холмс? – спросил Джеймс. – Так не похоже на вас – сыпать фактами и цифрами.

Холмс, отвернувшись от Белого города, прислонился к поручню и с улыбкой проговорил:

– Да, с арифметикой у меня порой плоховато, на что не раз указывал

мой брат Майкрофт. Однако вчера, пока вы в гостинице беседовали с хворающим мистером Клеменсом, мне провели индивидуальную экскурсию, а даже тупица способен запомнить несколько фактов на короткий период времени. Я уверен, вам известно, что именно так в Кембридже и Оксфорде сдают экзамены с отличием.

«Колумб» по большой плавной дуге огибал пирс, который на две с половиной тысячи футов вдавался в озеро Мичиган. Повсюду стояли тачки и сутились рабочие. Здесь соорудили Движущийся тротуар; он шел прямой линией по всей длине пирса, а в конце поворачивал, образуя кольцо.

– Поездка от пирса, к которому будут подходить пароходы, до ворот ярмарки будет стоить десять центов, – заметил Холмс, по-прежнему стоя спиной к берегу. – Полагаю, большая часть прибывающих первый раз прокатится на нем хотя бы из любопытства.

Джеймс засмотрелся на миниатюрные лагуны, лесистый остров и каналы, идущие через весь Белый город. Строители превратили гнилое болото в более чистую, светлую, просторную версию его обожаемой Венеции.

– И все это за двадцать один месяц, – сказал Джеймс, словно читая мысли сыщика. – Где президент произнесет речь и включит рубильник?

Холмс повернулся и указал тростью:

– Видите за колоннами, или Перистилем, купол на дальней стороне лагуны – на одной прямой с высоким закутанным пьедесталом, на котором в день открытия все увидят статую Республики работы Сент-Годенса? Да, тот, что с четырьмя павильонами по углам. Это Административный корпус. С него будут выступать президент и другие высшие лица. Они будут повернуты в эту сторону, к озеру и статуе. Надо полагать, взволнованная американская публика заполнит все дорожки до самого Перистилия.

Холмс протянул Джеймсу складную подзорную трубу. Писатель направил ее на купол, подкрутил резкость и сказал:

– Там что, ангелы? На верхней галерее Административного корпуса, прямо под куполом?

– Восемь групп ангелов, – ответил Холмс. – Все трубят в трубы, возвещая триумф мира во всем мире, хотя, боюсь, тут они чрезмерно оптимистичны. Помимо сотен электрических лампочек на верхних ярусах и куполе Административного корпуса, галерею, на которую вы смотрите, будут освещать большие газовые фонари.

– Господи, – проговорил Джеймс, направляя трубу на мириады беломраморных дворцов, украшенных бесчисленными статуями,

башенками, арками и узорными фризами. – Я удивлюсь, если после окончания выставки жители Чикаго не переберутся в Белый город.

– В таком случае они станут бездомными после зимы-другой или даже через несколько месяцев чикагских ливней, – заметил Холмс.

Джеймс опустил подзорную трубу.

– Что вы хотите сказать?

– Хотя на строительство пошло много стали и чугуна – восемнадцать тонн только на большие павильоны, как мне говорили, – а также дерева, то, что издали кажется мрамором, на самом деле – гипс.

– Гипс?

– Вернее, смесь гипса, цемента и пакли, покрашенная снаружи, чтобы создать видимость прочного камня. Все большие здания, почти все павильоны штатов, значительная часть статуй и барельефов сделаны из этого материала, который в жидком виде весьма пластичен. И легче дерева. Тем не менее на строительство Белого города ушло более тридцати тысяч тонн гипсоцементно-волоконной смеси.

– Так здания не рассчитаны на долгий срок? – произнес Джеймс с горечью разочарования. Как ни странно, он успел проникнуться гордостью за своих соотечественников, сотворивших такое чудо в столь недолгое время.

– Не рассчитаны, – подтвердил Холмс. – Хотя, если их регулярно красить, они могут простоять несколько лет. Однако, предоставленные власти стихий, великолепные сооружения, которыми вы любуетесь, сгниют, как свадебный пирог мисс Хэвишем, менее чем за год.

Джеймс отдал Холмсу подзорную трубу, тот сложил ее и убрал в карман. «Колумб», описав широкую дугу, шел теперь вдоль берега назад к Черному городу. Писатель подумал, что американцы, как никто, умеют создавать метафоры своей страны. В данном случае это прекрасное и здоровое мраморное будущее – без мрамора, который придал бы ему прочность.

– Ладно, – сказал Джеймс, все еще огорчаясь, что его американская Венеция оказалась марципановой. – Как я понимаю, дальнейшая судьба Белого города – не наша забота.

– Да, – согласился Холмс. – Так или иначе, наши заботы кончатся к вечеру первого мая.

Глава вторая

Понедельник, 10 апреля, 11:20

За трое суток до пароходной экскурсии к Белому городу и через день после отъезда из Вашингтона Джеймс стоял на семейном участке Кембриджского кладбища. Последний раз он был здесь чуть меньше десяти лет назад, когда примчался в Америку к умирающему отцу, только чтобы узнать, что Генри Джеймс-старший отошел за час до того, как его сын ступил с парохода на бостонскую пристань. В новогодний вечер писатель в одиночестве пришел к заснеженной могиле, которую закидали мерзлой землей всего десять дней назад. Уильям (он не смог вовремя приехать из Европы) написал отцу прочувствованное письмо, но оно, как и Генри, опоздало. День выдался на редкость морозным, хотя небо было чистое и ясное, – и Джеймс помнил облачко пара у себя изо рта, помнил, как немели от холода пальцы на ногах, когда он читал письмо Уильяма. Оно начиналось: «Дражайший батюшка...» Далее шло несколько страниц метафизических рассуждений – продолжение споров, часто ожесточенных, которые Уильям вел с отцом десятилетиями. Заканчивалось письмо словами: «До свидания, дражайший батюшка, а если мы не свидимся – прощай и будь благословен!» Джеймс точно не плакал в тот день десятью годами раньше, потому что если бы плакал, слезы замерзли бы у него на щеках.

Сегодняшний апрельский день был антитезой тому визиту. Зимой Джеймс видел белые поля за рекой Чарльз, сейчас их скрывала древесная листва, трепещущая на теплом весеннем ветерке. Джеймс заметил за ветками дома и овец, которых не было в 1882-м.

Годом раньше, в Италии, Уильям заказал мраморную урну для праха Алисы. Генри прочел слова, выбранные Уильямом:

*ed essa da martiro
e da essilio venne a questa pace*

Джеймс сразу узнал цитату из Десятой песни «Рая» в «Божественной комедии» Данте. Он помнил, что речь о душе, которая из мук и заточенья перешла в царство мира. Слова и впрямь подходили к Алисе, мучившейся болями всю жизнь. Она ждала смерти как избавления, хотя – и это Джеймс

знал лучше кого бы то ни было из родных – боль и желание умереть почти до последнего скрашивались Алисиным едким юмором и привычкой всех передразнивать. Когда Уильям опубликовал ее дневник (только для членов семьи), Генри был поражен тем, кто и как там высмеивается. Предупреди его Уильям о своей затее, Генри тщательно отредактировал бы дневник сестры, вычистил все оскорбительное для живых (и для недавно умерших). Однако, возможно, старший брат был прав... быть может, Алису редактировать нельзя.

В одной руке Джеймс держал изысканную табакерку со щепоткой Алисиного праха, похищенной из крематория в Англии, в другой – совок, купленный в магазине скобяных товаров неподалеку от бывшего фамильного дома на Болтон-стрит. Впрочем, Джеймс сдержал данное себе обещание не глядеть на опустевший дом. Точно так же он сознательно обошел стороной внушительный особняк, принадлежащий Уильяму и его Алисе – Алисе жене и матери, – по адресу: Ирвинг-стрит, 95, в Кембридже.

Джеймс не мог избавиться от чувства, что обманул сестру. Замысел был вполне честный: пусть кто-нибудь из братьев (в данном случае он), а не мисс Катарина Лоринг развеет Алисин прах там, где она была поистине счастлива. Джеймс не сумел отыскать такое место – вернее, такое, где счастье не определялось бы «бостонским браком» с мисс Лоринг, как в обоих ньюпортских домах. Он понимал, что запоздалая ревность глупа и эгоистична. И ведь при жизни Алисы он ничего подобного не испытывал – только радовался, что хоть в чьем-то обществе сестра улыбается и даже смеется. Однако потом, когда Катарина Лоринг единолично отвезла урну на эту священную землю, на кладбище *Джеймсов*, пришла ревность, и упрямое желание отыскать для праха иное место только усилилось.

Однако в конечном счете он признал свое поражение. В Алисе Джеймс всегда была некая особая *цельность*. Ее прах должен покоиться вместе... или по крайней мере поблизости. Джеймс даже не помышлял о том, чтобы открыть запечатанную урну.

Убедившись, что никто его не видит, он встал на колени и выкопал могилку для табакерки. Эту вещицу подарил ему в конце семидесятых Ричард Монктон Милнс, лорд Гаутон, друг Генри Джеймса-старшего. Отец описывал Гаутона как энергичного весельчака, Генри Адамс рассказывал молодому Джеймсу, что Гаутон – «первый остроумец Лондона» и «многих, очень многих вывел в люди», однако ко времени знакомства с Генри-младшим лорду было уже под семьдесят и он приманивал знаменитых художников и писателей на свои завтраки и обеды, словно экзотических бабочек.

Табакерка, которая Джеймсу была решительно не нужна, разве что как предмет искусства, была сделана из лучшей слоновой кости и украшена резьбой: крохотными андрогинными фигурами в струящихся одеждах. Похожие на ангелов или святых с полотна семнадцатого века, они придавали коробочке нечто сакральное, многократно усиленное тем, что теперь в ней хранился прах его обожаемой сестры.

Джеймс положил табакерку в узкую, но глубокую ямку и, засыпая ее землей, вспомнил обед у лорда Гаутона, где среди гостей были Теннисон, Гладстон и доктор Генрих Шлиман, тот самый, что нашел и раскопал Трою.

Засыпав собственный раскоп, Генри встал, ощутив резкую боль во всегда ноющей спине, и отряхнул колени. Сейчас следовало бы коротко помолиться, однако сердце не лежало к молитве. Он уже простился с Алисой. Отец и мать скончались в его отсутствие, но, по крайней мере, ему удалось быть подле Алисы все последние месяцы ее умирания. Чтобы завершить церемониальный долг. Джеймс последний раз глянул на урну.

*ed essa da martiro
e da essilio venne a questa pace*

* * *

В кебе, ждавшем у входа на кладбище, Джеймс понял, что пора принимать решение. Разумный и здравый путь был один – поезд в Нью-Йорк, на который у Джеймса был билет в вагон первого класса, отходил от старого Центрального вокзала через час. Джеймс договорился с пароходной компанией, что вместе со всем багажом поднимется на борт «Шпрее» сегодня же вечером, сразу по прибытии в Нью-Йорк. Он прекрасно пообедал и прекрасно выспится в каюте первого класса на роскошном океанском лайнере, а утром «Шпрее» двинется к Саутгемптону (там останется сестра на поезд – и домой!). Можно будет даже не одеваться и не выходить на палубу перед отплытием, поскольку никто не придет его провожать; он проспит допоздна и закажет завтрак в каюту.

Однако оставался вопрос с телеграммой Холмса – тот приказным тоном назначил встречу в Бикон-Хилле, много позже отправления поезда. Двигал Джеймса, как пешку. Что важнее, необходимо было сообщить Холмсу о профессоре Мориарти, о сходке анархистов и бандитов, на которую Джеймс проник с риском для жизни. Он никак не мог изложить такие сведения в письме – даже если бы знал, где сейчас этот чертов

Холмс, – а уж тем более в телеграмме.

И решать надо было быстро. Извозчик уже выказывал признаки нетерпения, и его лошадь тоже.

Был единственный логичный вариант: вырваться из этого кошмара. Поехать на вокзал, сесть на поезд до Нью-Йорка, погрузиться с багажом на пароход, разместиться в каюте. Логика и разум в один голос кричали, что пора вернуться в Девир-Гарденз и взяться за пьесу, которая принесет ему состояние.

– На Центральный вокзал! – крикнул Джеймс. – И побыстрее!

Глава третья

Понедельник, 10 апреля, 15:38

Когда кеб (мчавший почти галопом) остановился и побагровевший Генри Джеймс вылез наружу, Холмс демонстративно взглянул на часы:

– Вы опоздали на восемь минут, Джеймс. Я уже думал не ждать, а идти по своим делам.

Джеймс, побагровев еще больше, расплатился с извозчиком и повернулся к Холмсу:

– Не смейте корить меня за опоздание! Во-первых, вы оскорбили меня в публичной телеграмме, потребовав явиться «если можете и даже если не можете». Возможно, вы неудачно пытались пошутить, мистер Холмс, однако джентльмен не позволяет себе таких слов в публичной телеграмме другому джентльмену. Что до времени... во-первых, вы прекрасно помните, что я потерял мои дорогостоящие часы, когда вы ночью протащили меня через кладбище Рок-Крик и другие непроходимые вслух места, так что вынужден был полагаться на уличные циферблаты, которые в Америке печально известны своей ненадежностью. И наконец, мне пришлось мчаться на Центральный бостонский вокзал, забирать багаж и везти его по запруженным улицам на новый Северный вокзал, который, вопреки названию, находится вовсе не на севере, а далеко на западе Бостона. Там мне пришлось оставить багаж на хранение, что было непросто, поскольку в это время дня на вокзале чертовски людно, а затем драться за кеб с бостонцами, которые в умении цивилизованно занять очередь лишь на полступеньки отстоят на дарвиновской лестнице от каннибалов Южных морей. И я даже не стану говорить, какие *мои собственные важные планы* чуть не сорвались из-за...

Джеймс умолк, потому что Холмс улыбался ему в лицо, отчего писатель еще сильнее разозлился и побагровел.

– Например, план взойти сегодня вечером на борт «Шпрее»? – спросил Холмс.

– Откуда вы... как вы... когда вы... – захлебнулся Джеймс.

– Увы, – проговорил Холмс, – даже наш любимый телеграф, отправляем ли мы телеграмму другому джентльмену или бронируем каюту на корабле, далеко не так приватен, как следовало бы. Остаются бланки и копии бланков, вполне доступные для любопытствующих – тем более если

любопытствующий входит в телеграфную контору через минуту после того, как отправитель оттуда вышел. Особенно удобно, если уметь читать буквы вверх ногами – простой трюк, который я освоил еще в детстве.

Джеймс сложил руки над внушительным брюшком и стиснул зубы, чтобы не дать гневным словам сорваться с языка.

Кеб еще не уехал, и Холмс крикнул извозчику:

– Подожди здесь еще минут пятнадцать, любезный!

Он протянул свернутую купюру, кебмен кивнул, приложил два пальца к шляпе и отъехал к тротуару на противоположной стороне улицы.

– Вы считаете, наше дело займет всего пятнадцать минут? – тихо, чтобы не слышал извозчик, прошипел Джеймс. – Я опоздал на поезд и на пароход в Англию из-за *пятнадцатиминутного дела*?

– Конечно нет, – ответил Холмс. – Как я и обещал, мы отбываем в Чикаго через... – он вновь глянул на часы, – без малого девяносто минут. Однако насущная наша проблема состоит в том, что здесь нет дома четыреста двадцать шесть с половиной... сразу после четыреста двадцать шестого идет четыреста двадцать восьмой.

Джеймс вздохнул, дивясь непроходимой глупости человека, которого многие считают «гением».

– В Бикон-Хилле над каретными сараями есть комнатки. Отправляя туда почтовую корреспонденцию, в адресе указывают дробь.

– Отлично! – произнес Холмс таким тоном, будто сам и сообщил этот общеизвестный факт. – Вон там, в глубине за четыреста двадцать шестым домом, каретный сарай или гараж.

И он зашагал по мощеному проулку.

Джеймс поймал высокого сыщика за рукав:

– Обычай требует подходить к каретному сараю с проезда позади домов. Нам надо пойти в обход.

– Что за нелепый обычай! – сказал Холмс, продолжая упрямо идти вперед. – Гараж виден отсюда.

Он указал левой рукой, хотя каретный сарай уже потерялся из виду в конце идущего под уклон проулка.

Когда они свернули влево – все эти улочки и многие дома были памятны Джеймсу по детству и по тем временам, когда он бывал в Бикон-Хилле уже взрослым, – писатель схватил сыщика за плечо и сказал:

– Холмс, у меня для вас срочные известия чрезвычайной важности. Выслушайте меня. Это куда существенней, чем проверять какой-то адрес, который почти наверняка окажется тупиком. Два дня назад я...

Холмс мягко снял его руку со своего плеча:

– Джеймс, не сомневаюсь, что вы имеете сообщить мне нечто важное. Но все по очереди, старина. Мы поговорим с тем, кто живет по этому адресу, а в кебе по пути к вокзалу вы сможете на досуге рассказать мне все, что вашей душе угодно.

Джеймс чуть не развернулся и не зашагал обратно. Лицо его вновь густо побагровело. Глядя мимо Холмса, он поклялся себе, что не скажет ни слова, пока тот не попросит. Да, он, Джеймс, знает планы профессора Мориарти, включающие политические убийства, восстание анархистов и беспорядки с участием банд. Однако если Холмс будет вести себя таким образом, то пусть, черт побери, и дальше остается в неведении.

– Кто живет в «половинках» над каретными сараями? – спросил сыщик таким тоном, будто ничего важнее сейчас нет. – Прислуга?

Джеймс подумал было ответить молчанием, однако глубоко укорененная привычка к вежливости взяла свое.

– Нет. Как и в Англии, в Америке, если семья может позволить себе держать слуг, они живут в доме, обычно на верхнем этаже. Помещения над каретными сараями по традиции за очень низкую плату сдают белым – приличным людям, чей род занятий привел их к бедности. Это могут быть местные учителя, иногда студенты, хотя последние обычно рассматриваются как нежелательные жильцы для тихого района... если, конечно, они не предъявят многочисленные рекомендательные письма.

– Конечно, – сказал Холмс.

Он отыскал лестницу на второй этаж действующего (если судить по сильному запаху конского навоза) каретного сарая и, нетерпеливо прыгая через две ступеньки, устремился наверх. Он несколько раз постучал в дверь. Джеймс, отдуваясь, успел подняться на лестничную площадку, прежде чем дверь осторожно приоткрылась и в нее выглянула седая старушка с бельмом на правом глазу.

Холмс снял цилиндр:

– Добрый день, мэм. Меня зовут Шерлок Холмс, а это мой товарищ доктор... извините, мистер Джеймс. Я старый друг мисс Ирэн Адлер, дамы, которой вы пересылаете письма, приходящие сюда на имя мисс Ребекки Лорн Бакстер, и меня привели к вам поиски ее нового адреса.

– Как, вы сказали, вас зовут? – спросила старушка.

– Э-э... мистер Шерлок Холмс, мэм, – повторил он медленнее. – А с кем я имею удовольствие беседовать?

Женщина с белыми волосами, болезненно белой кожей и бельмом на глазу, помедлив, ответила:

– Миссис Гэддис.

– Вы, случайно, не трудились учительницей долгие годы, миссис Гэддис? – спросил Холмс. – Ваш выговор наводит на такую мысль.

– Я преподавала двадцать восемь лет, прежде чем меня с почетом и благодарностями проводили на покой, и моей пенсии не хватает даже на эти две комнатенки над вонючей конюшней, – сказала миссис Гэддис. – Однако дама, которая платит мне пять долларов в месяц за пересылку ее почты, не упоминала вашего имени, так что, боюсь, мне придется закрыть дверь, мистер Холмс.

Холмс как можно менее грубо вставил левую ногу в закрывающуюся дверь и словно невзначай уперся в створку ладонью.

– Она наверняка оставила какие-нибудь инструкции на случай моего прихода, – негромко произнес он. – Я знаю веселый нрав мисс Адлер и убежден: она придумала загадку или вопрос, чтобы я мог подтвердить свою личность и получить у вас ее адрес.

Миссис Гэддис прищурила здоровый глаз:

– Дама, которая платит мне за пересылку почты – и я не скажу куда и даже на какое имя, – и впрямь сказала, что однажды ко мне может постучать англичанин с йоркширским акцентом, и если это случится, я должна буду задать ему вопрос для подтверждения его личности.

Холмс, державший шелковый цилиндр в руке, поднес его к залезанным волосам и символически приподнял.

– Я – тот лондонский джентльмен, – весело произнес он, пытаюсь игривым тоном расположить к себе суровую миссис Гэддис. – Быть может, вы слышите это по моему акценту.

– Акценты можно менять, как шляпы и носки, – ответила миссис Гэддис все так же хмуро. – Однако я задам вопрос, который поручила мне задать моя благодетельница... если, конечно, сумею правильно его вспомнить.

Джеймс чуть не улыбнулся, когда на лице Холмса мелькнула паника при мысли, что поиски Ирэн Адлер зайдут в тупик из-за старческой забывчивости.

Однако время, хоть и затуманило зрение бывшей учительницы, пощадило ее память.

– Вот что я должна спросить английского посетителя, – сказала она, вытаскивая вопрос из закутков памяти, словно древний пергамент с высокой полки книжного шкафа. – «Какие были мои слова к нему в нашу последнюю короткую встречу?»

Холмс рассмеялся:

– Ее последние слова ко мне были: «Доброй ночи, мистер Шерлок»

Холмс». Однако, когда она их произнесла, я ее не узнал, потому что худой, коротко стриженный юноша в котелке и длинном пальто с поднятым воротником бросил их на ходу в то время, как мы с доктором Ватсоном отпирали дверь нашего дома на Бейкер-стрит. Мисс Адлер – актриса и переодевания любит, по крайней мере любила, не меньше моего.

– Ответ верный, – сказала миссис Гэддис, продолжая хмуриться. – Подождите здесь, я принесу бумажку, на которую списала ее адрес.

Старушка вернулась меньше чем через полминуты (Джеймс через плечо Холмса успел заглянуть в ее маленькую, но опрятную, даже по своему уютную комнатку), протянула Холмсу листок и сказала:

– Полагаю, мистер Холмс, на этом наш разговор окончен.

Сыщик протестующе поднял палец.

– Вовсе нет, – весело ответил он. – Элементарные приличия, не говоря уже о вежливости, требуют от меня символического знака признательности за ту неоценимую услугу, которую вы оказали моему доброму другу мисс Адлер и мне.

Миссис Гэддис замотала головой и выставила руку, словно говоря «нет», но сыщик быстро вложил ей в ладонь двадцатидолларовую банкноту, и старушка так и не успела сказать, что собиралась.

– Учителя – самые недооцененные из всех тружеников, – быстро сказал Холмс, словно не замечая слабых попыток миссис Гэддис вернуть ему купюру.

Он еще раз приподнял цилиндр, затем, надев его поплотнее, бегом устремился по лестнице. Джеймс кивнул, тоже улыбнулся якобы благодарно и поспешил за Холмсом.

* * *

В кебе по пути на Северный вокзал Джеймс спросил разрешения взглянуть на адрес, который дала Холмсу бывшая учительница. Это оказался дом неподалеку от Дюпон-Серкл в Вашингтоне.

– Значит, она не уезжала из Вашингтона, – пробормотал писатель. – Я совершенно убежден, что Генри Адамс и Джон Хэй все эти годы верили в ее отъезд.

– Бикон-хиллский адрес дал мне Адамс, – сказал Холмс. – И с этого адреса ему приходили ее ответы. Очевидно, мисс Адлер присылает из Вашингтона письмо и конверт, подписанный ее рукой, с обратным адресом в Бикон-Хилле, а миссис Гэддис перекладывает письмо в конверт и

отсылает из Бостона. За пять долларов в месяц, которые помогают ей оплачивать каморку.

– Вы уверены, что Ребекка Лорн и Ирэн Адлер – одно и то же лицо? – спросил Джеймс.

– Абсолютно убежден. Будь у меня сомнения, их бы развеял вопрос о ее последних словах ко мне тем вечером в Лондоне. Если не ошибаюсь, Ватсон описал то дело в рассказе «Скандал в Богемии» – такое нелепейшее название он выбрал, считая себя обязанным не называть члена английской королевской семьи.

– Я только дивлюсь, как ваш друг доктор Ватсон не написал, что король уходит, преследуемый медведем, – сказал Джеймс.

Холмс секунду-другую смотрел непонимающе, затем разразился тем высоким, лающим смехом, который Джеймс слышал от него лишь несколько раз. Смех этот всегда немного пугал писателя.

– Так или иначе, это был первый рассказ о моих расследованиях... правильнее сказать, *первый рассказ о вымышленном персонаже Холмсе...* опубликованный в журнале «Стрэнд».

Джеймс прочел рассказ неделю назад. «Скандал в Богемии» был у Клары Хэй в ее собрании холмсовских рассказов... или конан-дойловских рассказов... Джеймс не знал, какое определение ближе к реальности, если тут вообще можно говорить о реальности.

– Я всегда подозревал, что Ирэн Адлер осталась в Вашингтоне, – сказал Холмс.

– Почему?

Холмс напомнил про букетик белых фиалок, который словно чудом появлялся на могиле Кловер Адамс каждый год шестого декабря.

– Однако вы не мчитесь в Вашингтон, чтобы ее задержать, – заметил Джеймс.

Они подъезжали к вокзалу на западной окраине Бостона.

– Не мчусь, – согласился Холмс. – У нас билеты в Чикаго и множество дел там. К тому же адрес возле Дюпон-Серкл – наверняка не настоящий дом Ирэн Адлер, а лишь очередной тупик. В данном случае – темный и опасный тупик. Смертельно опасный.

Джеймс кивнул и развел руками в воздухе, почти как пловец, отмечая законченное обсуждение в сторону.

– Теперь мне можно рассказать подробности, которые я выяснил в Вашингтоне в прошлую субботу? – спросил Джеймс. – Заверяю вас, это чрезвычайно важно.

– Мы уже на вокзале, и нам предстоит кое с кем встретиться, – ответил

Холмс. – Давайте вы расскажете все, когда мы доберемся до нашего купе первого класса. Там нас будет всего трое.

– Трое?! – переспросил Джеймс.

Глава четвертая

Понедельник, 10 апреля, 15:10

Новый Северный вокзал в Бостоне являл собой триумф разума и современной архитектуры: вместо того чтобы ждать в холоде и сырости под исполинским навесом, как на всех больших и малых вокзалах Лондона, здесь пассажиры спускались на нижний уровень здания в теплый, хорошо проветриваемый зал, куда и приходил поезд.

Когда они вышли из кеба, Джеймс сказал:

- Мне надо забрать багаж. – Но Холмс взял у него квитанции, бросил:
- Я найду для этого человека, – и на мгновение исчез в толпе.
- Вы уверены... – начал Джеймс.

Его постоянно преследовал кошмар, что во всех этих железнодорожных перипетиях он останется без чемоданов, а главное – без саквояжа, в котором хранились начатые рассказы, черканные-перечерканные сценарии нынешней и будущей пьес. Насколько спокойнее было бы находиться вместе с багажом на пароходе «Шпрее» в открытом море!

Холмс направился через толпу вниз по пандусу к табло, извещавшему, что их поезд в Чикаго отходит через пятнадцать минут.

– А вот и я, мистер Холмс, мистер Джемс! – выкрикнул детский голос на чистейшем кокни.

Джеймс с изумлением глянул вперед и увидел щуплого мальчишку; тот ухмылялся во весь рот, демонстрируя отсутствие передних зубов, которые, вероятно, потерял в драке, как только они сменили молочные. Очевидно, он принадлежал к тем, кого в Лондоне со времен Чарльза Диккенса зовут «уличными арабами», однако одет был вполне прилично: в ладный твидовый костюм, включавший пиджак, жилет и короткие штаны, толстые шерстяные гольфы и ботинки лондонского производства, начищенные до блеска. Даже его кепка, которую он сорвал с головы, устремившись к Джеймсу и Холмсу с тележкой, нагруженной их багажом, была новенькая и хорошо сшитая – вероятно, в Шотландии.

– Отдай билеты вон тому проводнику через два вагона, и он уложит наши вещи как следует, – распорядился Холмс. – В купе принесешь саквояж мистера Джеймса, там есть его инициалы, мой портфель и коричневый футляр.

– Будет сделано, хозяин! – И мальчишка, толкая перед собой тяжелую

тележку, нырнул в толпу.

– Вы доверяете этому ребенку? – спросил Джеймс.

Холмс улыбнулся странной кривой улыбкой:

– Больше, чем вы можете себе представить, Джеймс. Больше, чем вы можете себе представить.

Сыщик отошел к ближайшей стойке купить в дорогу журналов и газет, так что они с Джеймсом не успели еще сесть в поезд, как мальчишка вернулся. Он протянул Джеймсу его саквояж, Холмсу – портфель, футляр и стопку новых багажных квитанций. Затем снова глянул на писателя – не то чтобы совсем нагло, но определенно без должной почтительности.

– Рад обратно вас видеть, мистер Джемс, – сказал мальчишка.

По его выговору Джеймс почти мог бы перечислить чипсайдские улицы, на которых этот юный кокни провел свое голодное детство.

Писатель мысленно перебрал посыльных, с которыми имел дело в нынешнем путешествии, но ни один не походил на этого неожиданно хорошо одетого паренька. И Джеймс точно не видел его до приезда в Америку. Поэтому он сказал холодно:

– Не припомню, чтобы мы встречались, молодой человек.

И вновь мальчишка улыбнулся во весь свой щербатый рот:

– А все ж таки вы на меня смотрели, а я видел, как вы смотрите, сэр.

Джеймс улыбнулся, однако помотал головой:

– Ты ошибаешься.

Пассажиры первого класса уже вошли в свои купе, так что перрон был совершенно пуст. Мальчишка, которого отделяло от Джеймса футов десять-двенадцать, быстро пошел вперед – так быстро и так уверенно, что это выглядело угрожающе, и писатель обеими руками сжал трость. Однако мальчишка вскинул обе руки, словно чему-то радуясь, и сделал стремительный двойной курбет: приземлился на ладони, вскочил и, не замедлившись и на миг, совершил полный кувырок в воздухе. В следующее мгновение показалось, что он плашмя рухнет на бетон, но Холмс поймал его за ноги и усадил себе на пояс, так что теперь мальчишка висел горизонтально, удерживаемый лишь сильными пальцами сыщика.

Тут Холмс издал цирковой возглас, мальчишка соединил ладони, словно под ним не бетонный перрон и рельсы, а вода, в которую он собрался нырнуть. С силой, которую Джеймс не мог даже вообразить, Холмс поднял его выше своих плеч, с новым возгласом (Джеймс сообразил, что таким образом акробаты согласуют свои действия) толкнул вперед и поймал за щиколотки, так что мальчишка повис вертикально, почти касаясь ладонями платформы.

Холмс опустился на одно колено. Мальчишка, толкнувшись от другого его колена, как от трамплина, кувыркнулся в воздухе и приземлился точно перед Джеймсом, по-прежнему держа руки над головой.

Черета трюков разбудила память Джеймса.

– Господи... вы двое... трубочисты на крыше Камеронов... – выговорил он.

Холмс улыбнулся своей кривой полуулыбкой.

– У вас был оранжевый ирокезский гребень на голове. – Джеймс обличающе указал пальцем на Холмса. – А у тебя – зеленые лохмы торчком, – сказал он мальчику.

– Спасибо, что заметили, хозяин, – ухмыльнулся тот.

Джеймс по-прежнему моргал, как ящерица на солнце. Он вновь повернулся к Холмсу:

– Почему «Летающие Вернетти»?

– Моя бабка по материнской линии носила фамилию Верне, – ответил Холмс. – Верне были художниками. Мне подумалось, что «Летающие Вернетти» вполне годится для акробатов.

– Но зачем, ради всего святого?! – воскликнул Джеймс. – Я слышал от Хэя и от остальных, что всю неделю два трубочиста-акробата чистили трубы в доме Кэбота Лоджа, Дона Камерона, где я их видел, и даже у самого Хэя, где мы останавливались раньше...

– Мне нужны были некие документы, – спокойно ответил Холмс. – Старые письма, если говорить совсем точно, хотя пригодился и по меньшей мере один дамский дневник. Так мило и удобно: трубочисты закрывают все в хозяйкином будуаре газетами, чтобы уберечь от сажи, потом запирают комнату и велят слугам держаться подальше.

– Каминьки в спальнях такие маленькие... – начал Джеймс.

– Мистер Генри Джеймс, – сказал Холмс, делая шаг вперед. – Имею удовольствие представить вам Уиггинза-второго.

Джеймс вспомнил телеграмму от Майкрофта Холмса, в которую подглядел украдкой: «Уиггинз-второй сегодня благополучно прибыл в Нью-Йорк».

– Что случилось с Уиггинзом-первым? – услышал он собственный вопрос.

– Вырос и сделался для меня бесполезен, – ответил Холмс.

– А к тому же братец мой в каталажке, – рассмеялся Уиггинз-второй.

– За что? – спросил Джеймс.

– Святая Троица, сэр. Взлом, кража, сопротивление при аресте, – ответил Уиггинз-второй. – Годков пять посидит, сэр.

– Уиггинз-второй также отзывается на имя Мотылек, – добавил Холмс.
– Потому что я хоть и маленькая козявка, да удаленькая, мистер Джемс! – объявил мальчишка.

Кондуктор крикнул сквозь облако пара:

– Пора садиться, господа!

* * *

Уиггинзу-второму, он же Мотылек, было отведено отдельное спальное купе рядом с Холмсом и Джеймсом, однако тот продолжал сидеть с ними и после того, как поезд оставил позади пригороды Бостона. За окном мелькали белые деревенские домики, каменные стены и зеленые пастбища.

– Схожу-ка я в вагон-ресторан, промыслю себе пинту, – сказал Уиггинз-второй, открывая дверь купе.

– Мальчику спиртное не продадут, – предупредил Джеймс.

– Ага, сэр, – ответил Мотылек, побрякивая монетами в кармане. – Я объясню, что покупаю пиво двум моим добрым опекунам.

Как только они остались одни, Холмс подался вперед:

– Вы собирались сказать мне что-то важное наедине, Джеймс.

Осоловевший от событий дня писатель чуть не подпрыгнул. Ему потребовалась целая минута, чтобы сжато сформулировать основную суть, но дальше слова полились сами.

– Вы впрямь увидели профессора Мориарти на улице и пошли за ним? – изумленно перебил Холмс.

– Да, это я вам и говорю!

– Как вы его узнали?

– Я видел его фотографию в физико-математическом журнале в Библиотеке Конгресса! – почти выкрикнул Джеймс. – Снятую в Лейпциге в прошлом, девяносто втором году. Таким образом, я понял, что вы солгали дважды: первый раз миру – в вашем и доктора Ватсона рассказе, где утверждалось, что профессор погиб в Рейхенбахском водопаде, второй раз мне, когда объявили, будто выдумали Мориарти, будто он лишь плод вашего воображения, – цитирую ваши собственные слова. Зачем вы солгали мне, Холмс?

Холодные серые глаза сыщика спокойно встретили взбешенный взгляд серых глаз Джеймса.

– Если я в чем-то слегка отступил от истины, то с единственной целью: уберечь вас от беды, Джеймс.

– *Слегка отступил от истины*, – театрально повторил Джеймс. – Я бы не сказал, что отрицать существование профессора Мориарти с его планами ввергнуть весь мир в анархию – *легкое* отступление от истины.

Холмс медленно кивнул, словно не до конца соглашаясь, что своей ложью нарушил все законы дружбы, порядочности, чести, и этот кивок еще больше разозлил Джеймса.

– Профессор Мориарти – демон в человеческом обличье, Холмс! Я его видел! Слышал! Он планирует убить сотни людей – ничего не подозревающих полицейских в десятке городов, президента и вице-президента Соединенных Штатов, бог весть еще сколько случайных прохожих – хладнокровно, словно делец, обсуждающий с помощниками новую стратегию продаж.

– Отлично сказано, Джеймс, – заметил Холмс с той же быстрой одобрительной полуулыбкой. – Отлично.

Джеймс только засопел. Он был не в настроении выслушивать комплименты Холмса.

– Продолжайте отчет о вашей субботней встрече, – сказал сыщик.

Позже, взглянув на часы Холмса, Джеймс с изумлением понял, что на полное изложение истории ушло тридцать минут. Рассказ о том, как он прятался на балке, покуда гангстеры палили из ружей и винтовок в «крысу», даже вогнал его в легкий румянец – настолько неправдоподобно это звучало. В своих книгах Джеймс никогда бы не позволил себе такую сцену.

Он ждал строгого перекрестного допроса со стороны детектива, но Холмс спросил лишь:

– И что вы чувствовали?

– Что я чувствовал?! – Джеймс понял, что почти сорвался на крик. Он опасно покосился на закрытую дверь купе и продолжил тише: – Я сообщаю вам планы и время убийств и анархистских беспорядков по всем Соединенным Штатам, в Лондоне и в Европе, а вы хотите знать, что я чувствовал?

– Да, – ответил Холмс. – Например, когда думали, что стреляют в вас, и балка под вами задрожала от бьющих в нее дробинок. Что вы чувствовали, Джеймс?

Писатель вынужден был взять паузу. Он знал, что вопрос не заслуживает ответа, что куда важнее припомнить еще подробности о сборище преступников и планах профессора Мориарти. Однако сейчас Джеймс понял, что последние два дня мысленно задает себе этот самый вопрос. Что он чувствовал во время самого фантастического события в

своей жизни, в реальность которого до конца не мог поверить даже сейчас? Страх? Безусловно. Однако не страх был главным.

– Живым. Я чувствовал себя очень... живым, – выговорил он наконец.

Холмс широко улыбнулся и похлопал Джеймса по колену, будто величайший американский литератор – охотничий пес, принесший фазана непоглоданным.

– Коли так, – сказал он, – думаю, следующие недели две вам понравятся.

Глава пятая

Среда, 12 апреля, 8:05

Подходя к Хеймаркет-сквер, Холмс еще издали увидел инспектора Бонфилда на другой стороне Десплейнс-стрит, которая в этот час была запружена каретами, ломовыми телегами и пешеходами. Холмс дождался просвета в почти сплошном потоке, перебежал улицу и подошел к инспектору. Тот с жаром стиснул ему руку.

– Очень рад снова вас видеть, мистер Холмс, – сказал инспектор Бонфилд.

– Взаимно, инспектор. И поздравляю с многочисленными повышениями по службе.

Холмс был здесь в мае и июне восемьдесят шестого, собирал улики для суда над анархистами, организовавшими Хеймаркетские беспорядки, в ходе которых погибли восемь полисменов и трое штатских. Бонфилд был тогда капитаном, однако сведения, переданные им обвинению в ходе процесса против восьми анархистов, принесли ему чин инспектора и руководящую должность в сыском департаменте чикагской полиции. Кроме того, Бонфилду поручили отобрать и возглавить две сотни полицейских в штатском, которым предстояло работать на Колумбовой выставке. Эти люди знали в лицо всех карманников, уличных грабителей и жуликов на Среднем Западе и могли определить их по почерку преступления. Колумбовым гвардейцам к голубым мундирам и желто-красным пелеринам полагался короткий декоративный палаш. Агенты Бонфилда носили при себе тяжелую дубинку, пару бронзовых кастетов и заряженный револьвер.

– Повышения достались не тому, – ответил Бонфилд. Он был таким же собранным и немногословным, каким Холмс запомнил его семь лет назад. – Все награды должны были достаться вам, мистер Холмс.

Сыщик только отмахнулся и поспешил сменить тему:

– Вижу, здесь поставили монумент в память о событиях четвертого мая. И полицейского в форме, чтобы его охранять.

Бонфилд кивнул:

– Памятник охраняется круглые сутки, мистер Холмс. Вандалы – не то из анархистов, не то из тех несметных тысяч, что нынче почитают анархистов-убийц за народных героев, – курочили статую кувалдой, писали

на ней нецензурные слова, обливали ее зеленой краской. Крайне неуважительно. Так что теперь здесь день и ночь дежурят наши ребята.

Холмс вытащил трубку и принялся ее набивать. Генри Джеймс убедил его хотя бы на время пребывания в Штатах, ради американских друзей, купить более дорогой, менее вонючий табак.

– Вы не догадаетесь, какая церемония состоится четвертого мая на Вальдгеймовском кладбище, – произнес Бонфилд. Холмс прежде не видел у этого сдержанного молодого человека такого свирепого выражения.

– Вальдгеймовское кладбище, – повторил Холмс, раскуривая трубку и убирая драгоценную зажигалку обратно в карман брюк – туда же, где лежал новый револьвер тридцать восьмого калибра. – Это ведь там похоронили четверых повешенных анархистов?

– Да, – ответил Бонфилд. – Теперь это святилище «отважных профсоюзных деятелей», которые устроили засаду мне и моим людям семь лет назад. Четвертого мая там открывают памятник убийцам – или мученикам, если верить популярной прессе. Говорят, он выше, чем даже этот двадцатифутовый мемориал восьми погибшим полицейским. По предварительным прикидкам церемония на Вальдгеймовском кладбище соберет не меньше восьми тысяч человек. А на поминальную службу по нашим ребятам не пришло и десяти гражданских.

– История – странный механизм, – заметил Холмс, попыхивая трубкой. – Ей нужна кровь мучеников – не важно, реальных или воображаемых, – как машине нужна смазка.

Инспектор Бонфилд засопел, потом, заметив просвет между экипажами, шагнул на проезжую часть и сделал Холмсу знак следовать за собой.

– После беспорядков ее заасфальтировали, но вы помните, что примерно вот здесь... – Бонфилд ступил начищенным ботинком на место, ничуть не отличающееся от других, – вы показали мне яйцевидную вмятину в тогдашней торцовой мостовой... вмятину от падения бомбы. – Он прошел чуть дальше. – Здесь вы заметили неглубокий овальный кратер от взрыва. Соединив вмятину от первого удара с кратером красной бечевкой, вы доказали, что бомбу бросили из проулка, а не со стороны наступающей полиции, как адвокаты собирались уверить присяжных.

Инспектор Бонфилд так погрузился в воспоминания, что не заметил едущую на него ломовую телегу, запряженную четверкой першеронов. Холмс схватил полицейского сыщика за рукав и благополучно вытащил на противоположный тротуар.

– Бомба взорвалась прямо под ногами у патрульного Матиаса

Дигана, – продолжал Бонфилд, словно в месмерическом трансе. – Диган был моим другом. Его убил осколок размером не больше вашего ногтя, мистер Холмс. Врач отдал мне этот осколок, он хранится у меня в кабинете. Матиасу перебило бедренную артерию, и он умер прямо здесь, на торцовой мостовой. У меня на руках.

– Мы доказали, что те шестеро полицейских, которые погибли от пуль, а не от осколков, были убиты выстрелами сверху, – сказал Холмс. – Стрелок стоял вон в том окне. – Он указал на угловой магазин, выходящий фасадом на Десплайнс-стрит.

– Обвинение указало на это, но присяжные не обратили внимания, – сказал инспектор Бонфилд. – Однако вы смогли доказать, что бомбу из проулка бросил в полицейских плотник Рудольф Шнаубельт.

– Я доказал это неопровержимо, – сказал Холмс. – Однако вы его не арестовали.

Инспектор Бонфилд вскинул руки:

– Как мы могли его арестовать, если не сумели найти? Мы проверили все сведения: что он в Питсбурге, что он в Сан-Доминго, что он скончался в Калифорнии, что он просит милостыню на улицах Гондураса, что он процветает в Мехико. Газетенка социалистов, «Арбайтер цайтунг», опубликовала письмо якобы от Шнаубельта, отправленное из Христиании в Норвегии. Этот человек – призрак, мистер Холмс.

– Этот человек – Шнаубельт – благополучно живет в Буэнос-Айресе, где владеет фабрикой по производству сельскохозяйственных машин, – сказал Холмс. – Он прибыл в Аргентину через месяц после Хеймаркетских беспорядков.

– Почему вы нам не сказали?

– Я телеграфировал суперинтенданту вашей полиции все эти сведения, включая адрес фабрики и дома Шнаубельта в начале восьмидесят седьмого года, – сказал Холмс. – Ответа я не получил. Я отправил новую телеграмму, на сей раз – с именами, под которыми в разное время скрывался Шнаубельт. И вновь никакого ответа.

Бонфилд снял фуражку. Казалось, сейчас он начнет рвать на себе волосы.

Холмс глянул на часы и вынул изо рта трубку.

– Время поджигает, инспектор. Сейчас мы с вами проедем той дорогой, которой президент Кливленд отправится первого мая на выставку, потом мне обещан небольшой тур по Белому городу. Однако, чтобы успеть к гостинице «Лексингтон», придется бежать рысью.

– Пусть рысью бежит лошадь.

Инспектор Бонфилд свистнул, и к ним подкатил черный экипаж с полицейским на козлах. Кучер спрыгнул на мостовую и открыл дверцу экипажа.

* * *

Перед гостиницей «Лексингтон», на пересечении Двадцать второй улицы и Мичиган-авеню, Бонфилда и Холмса ждали два экипажа. В первом, огромном кабриолете с четырьмя рядами сидений, из которых три были развернуты вперед, четвертый – назад, сидели полицейские.

Второй, открытый экипаж выглядел куда более удобным. На кучерском месте сидел голубоглазый здоровяк с аккуратной бородкой, как у бывшего президента Улисса С. Гранта, – черной, но уже заметно тронутой сединой. По рукам Холмс определил, что ему лет шестьдесят, однако на лице не было ни единой морщинки, кроме как в углах губ, как бывает у тех, кто много смеется. Поношенные ботинки и вельветовые рабочие штаны составляли разительный контраст дорогому на вид жокейскому пиджаку, однако примечательнее всего была черная фетровая шляпа с широкими полями, сдвинутая на самый затылок, как будто ее обладатель торопится загореть под апрельским солнцем.

Инспектор Бонфилд сказал:

– Мистер Шерлок Холмс, честь имею представить вас нашему мэру в скором будущем, мистеру Картеру Генри Харрисону.

Харрисон стиснул ему руку – крепко, но не до синяков, и воскликнул:

– Я абсолютно счастлив познакомиться с вами, мистер Холмс!

– Мэру в скором будущем? – переспросил Холмс.

– Меня выбрали на пятый срок – не подряд, стыдно признать, – ответил Харрисон. – Результаты огласили четвертого апреля, но в должность я вступлю только двадцатого. Однако мэр Уошберн занят тем, что освобождает кабинет и дуется, так что я воспользовался случаем показать вам дорогу, по которой поедем мы с президентом Кливлендом.

Один из полицейских шел к экипажу мэра. Харрисон прошептал Бонфилду:

– Ох-хо... сюда идет Макклаффри.

По знакам отличия Холмс видел, что Макклаффри – суперинтендант полиции Чикаго. Мэр представил его в таком качестве. Макклаффри пожал руку Холмсу даже с большим жаром, чем до того Харрисон.

– Мистер Холмс, я так мечтал свести с вами знакомство! В бытность

начальником тюрьмы штата Иллинойс я первым в Америке начал применять бертильонаж. Насколько мне известно, вы тоже используете эту систему.

– Сказать по правде, я работал с мсье Бертильоном в Париже и глубоко его уважаю, однако нахожу, что многие из предложенных им параметров опознания преступников – длина костей, размеры лба в сантиметрах и тому подобное – малопрактичны. Теперь я полагаюсь почти исключительно на отпечатки пальцев.

– А-а-а, – протянул Макклаффри, явно разочарованный тем, что Холмс не разделяет его восторгов по поводу бертильонажа. – Да, карточки с отпечатками пальцев у нас тоже есть. Более пятисот. Вы ведете собственную картотеку, сэр, или обращаетесь в Скотленд-Ярд?

– К сожалению, Скотленд-Ярд еще не берет отпечатки пальцев у всех задержанных, – ответил Холмс. – Однако мой помощник ходит по тюрьмам, и мы делаем собственные карточки: на лицевой стороне фотография преступника, на оборотной – отпечатки всех пальцев и ладони. Сейчас у меня в архиве около трех тысяч карточек.

Суперинтендант Макклаффри переменился в лице.

– Боб, нам пора трогаться, – сказал будущий мэр Харрисон. – Можете поехать с нами, а Бонфилд тогда прокатится с вашими ребятами.

– Нет, я поеду с моими полицейскими, – сухо ответил Макклаффри. – Очень, очень рад знакомству, мистер Холмс. Надеюсь на дальнейшие встречи, когда у нас будет время обсудить бертильонаж и другие достижения криминалистики.

Еще одно рукопожатие, и шеф чикагской полиции зашагал обратно к битком набитому кабриолету.

– Запрыгивайте ко мне, мистер Холмс, – сказал Харрисон. – А вы, Бонни, устраивайтесь сзади рядом с мистером Драммондом. Вы ведь знакомы с Драммондом, мистер Холмс?

Холмс кивнул директору секретной службы.

– Да. Рад видеть вас, сэр.

Драммонд улыбнулся и тоже кивнул.

– Ладно, тронулись. – Будущий мэр легонько стегнул двух лошадок хлыстом.

– Как я понимаю, президент Кливленд остановится здесь, в гостинице «Лексингтон»? – спросил Холмс.

– Ага, – ответил Харрисон. – Здесь самые большие номера в городе. Однако, будь выбор за мной, я поселил бы президента в гостинице на мощеной улице.

Холмс еще раньше заметил, что Мичиган-авеню представляет собой обычную грунтовую дорогу без всякого покрытия.

– Если в день открытия не будет дождя, то все обойдется, – сказал Харрисон. – Гостиница выстроена всего год назад, из всех приличных она ближе всего к выставке. Вся поездка займет минут двадцать – двадцать пять.

– Жаль, суперинтендант Макклаффри едет не с нами, – подал голос Драммонд с задней скамьи. – Нам надо обсудить меры безопасности, которые примет чикагская полиция и Колумбова гвардия.

Будущий мэр хохотнул и опустил шляпу, чтобы солнце не било в глаза.

– Макклаффри – славный малый. И рьяный реформатор. Он прислал мне прошение об отставке в тот же день, как стало известно о моей победе на выборах.

– Почему? – спросил Холмс.

Харрисон ухмыльнулся:

– Я большой любитель всего того, что Боб хочет реформировать, – азартных игр, взяток, выпивки и дам легкого поведения.

– У мэра Харрисона очень большая поддержка со стороны рабочих, – сказал Бонфилд, сидящий позади Холмса. – И даже цветных.

Холмс решил, что услышал про местную политику более чем достаточно, и спросил:

– Какова численность чикагской полиции, мэр?

– Чуть больше трех тысяч, – ответил Харрисон. – Кортёж из гостиницы «Лексингтон» будет сопровождать конная полиция, но я думаю, за нами пристроится еще двести тысяч человек, пешком и на лошадях. Целый парад, так сказать.

– И еще будет две с лишним тысячи Колумбовых гвардейцев на самой выставке, – продолжал Холмс.

– Это в форме, – вставил Бонфилд. – Добавьте двести агентов в штатском под моим руководством на территории выставки – в самом Белом городе и на Мидуэй-Плезанс, где, как мы ожидаем, и будут в основном орудовать карманники.

– Отборные агенты? – спросил Холмс.

– Да. Мы отбирали лучших сотрудников не только из чикагской полиции, но и по всем Соединенным Штатам.

– А что насчет ваших агентов, мистер Драммонд? – спросил Холмс.

– Когда сегодня утром пришел мистер Драммонд и сказал, что он из казначейства, – вмешался Харрисон, – я решил, что мне крышка. Что сейчас мне припомнят все незаплаченные налоги.

– Все в свой черед, господин мэр. Дайте срок, – тихо ответил Драммонд. Холмсу он сказал: – К приезду президента на выставке будет пятьдесят пять агентов секретной службы. Восемь из них, отличные стрелки, получили снайперские винтовки последней модели. Шестеро будут постоянно находиться рядом с президентом.

– Все шестеро рослые, я надеюсь, – заметил Холмс.

– Ни одного ниже шести футов трех дюймов, – сказал Драммонд. – Но, разумеется, ни один не сможет стоять перед президентом во время речи на церемонии открытия.

– Сколько экипажей будет в кортеже? – спросил Холмс.

Харрисон снова широко улыбнулся:

– Думаю, от двадцати до двадцати пяти. Мистер Кливленд и его ближайшее окружение поедут в ландо. Видные чикагцы лезут, как тараканы из щелей, и все они хотят участвовать в президентской процессии. Про себя я знаю одно: сколько бы экипажей ни было, мой поедет последним.

– Почему? – осведомился Холмс.

– Потому что мне достанется больше всего аплодисментов и приветственных возгласов из толпы, – ответил Харрисон. Судя по тону, он не хвастался, а просто констатировал факт. – Если я поеду впереди, президент их услышит, а я не хочу ранить его чувства.

– Есть ли у ландо крыша? – спросил Драммонд.

– Откидная, – сказал Харрисон. – Она будет убрана, чтобы президента видели отовсюду, даже из окон верхних этажей. Разумеется, если не будет дождя.

– Лишь бы пошел дождь, – пробормотал Драммонд себе под нос.

– Да, вот что, господин мэр, – сказал Бонфилд. – Мистер Холмс сообщил мне, что знает, где сейчас находится Рудольф Шнаубельт... бомбист с Хеймаркет-сквер.

– Мне можете не напоминать, кто такой Шнаубельт, черт подери! – рявкнул Харрисон. – Мне этот гад ползучий и без того по ночам снится. Так где он, по вашему мнению, мистер Холмс?

– Я абсолютно точно знаю, где он. – И Холмс сообщил мэру адрес дома и фабрики Шнаубельта в Буэнос-Айресе.

– Чтоб мне провалиться! – воскликнул Харрисон. – Бонни, можете отрядить своих ребят в Буэнос-Айрес за этим мерзавцем?

– У нас с Аргентиной нет соглашения о выдаче преступников, господин мэр.

– Знаю, черт побери! Я имел в виду съездить туда, засунуть его в

мешок, привезти в Чикаго, судить честным судом и повесить при большом стечении народа.

– Если аргентинские власти о таком узнают, может случиться война, – вполголоса заметил Бонфилд.

– Не хотелось бы дожить до того дня, когда Штаты не смогут навалить какой-нибудь сраной Аргентине, – сказал Харрисон. – Ладно, Бонни, может, просто отправим кого-нибудь пристрелить падлу. Пиф-паф! И фотография трупа в чикагских газетах. Простенько и со вкусом.

– Давайте поговорим об этом позже, – сказал Бонфилд.

– Верно! – рассмеялся Харрисон. – Со мной в экипаже едет мой любимейший литературный герой, к которому у меня куча вопросов. Скажите, мистер Холмс, в «Знаке четырех» вы боретесь со скукой, вводя себе семипроцентный раствор кокаина. Это правда?

– Я избавился от этой привычки после того, как мой друг доктор Ватсон убедил меня, что... как он тогда сказал?.. что игра не стоит свеч. – Холмс не счел нужным упомянуть утреннюю инъекцию более сильного героического лекарства или тот факт, что до конца дня намерен повторить ее еще дважды.

– Замечательно! – воскликнул Харрисон. – Тогда скажите, если вопрос не слишком бестактный: думаете ли вы, что у мисс Мэри Морстен в том же приключении были романтические виды на вас? И что за доктора Ватсона она вышла, как говорится, в утешение?

Холмс глянул на чистое небо и вздохнул. Поездка обещала быть очень долгой.

Глава шестая

Среда, 12 апреля, 15:20

– Могу ли я чем-нибудь облегчить ваше самочувствие? – спросил Джеймс.

– Купите шестизарядный револьвер сорокового калибра, чтобы я выпустил себе мозги, – ответил Сэм Клеменс. – А лучше, поскольку я законченный трус, какой-нибудь безболезненный яд со вкусом лимонада.

– Что-нибудь другое за вычетом названного? – спросил Джеймс.

Он сидел на стуле у окна в нескольких футах от кровати, на которой лежал Клеменс в ночной рубашке. На прикроватном столике теснились склянки с лекарствами и недопитые стаканы, на свободном стуле валялась куча газет.

– Доктор говорит, у меня обычный грипп, и уже полторы недели каждый день обещает, что завтра я выздоровею, – сказал Клеменс, через каждые несколько слов раздражаясь кашлем. – Другой врач смотрел меня, нашел воспаление легких и посоветовал, учитывая мой преклонный возраст... пятьдесят восемь лет... написать завещание и пригласить гробовщика снять мерки. Больше всего мне хочется сравить этих эскулапов между собой и посмотреть, кто останется в живых.

Джеймс улыбнулся.

– А что вообще привело вас с мистером Холмсом в отель «Грейт-Нортерн»? – Клеменс отложил сигару, наполнявшую номер зловонным дымом, отпил лекарство из стакана, скривился от горького вкуса и вновь сунул сигару в рот.

– Его выбрал Холмс, – ответил Джеймс.

У Клеменса был угловой номер с тремя высокими окнами в эркере. Джеймс открыл все три, чтобы впустить относительно чистый чикагский воздух. Гостиница стояла на углу Джексон-стрит и Дирборн-стрит – этим познания Джеймса о топографии Чикаго пока и ограничивались.

– Он услышал, как портье велит коридорному отнести вам в номер свежий графин воды с лимоном, – добавил Джеймс. – Так я узнал, что вы здесь. Я удивился. Потом мне сказали, что вы болеете, и я решил вас навестить.

– Очень мило с вашей стороны, – сказал Клеменс и закашлялся. Кашель у него был влажный, булькающий, и Джеймс отодвинулся чуть

ближе к окну. – Я намерен завтра уехать в Нью-Йорк, пусть даже и в гробу с куском лимбургского сыра на груди для правдоподобия. Возможно, я приглашу вас принять участие в моей похоронной процессии.

Клеменс опять закашлялся, допил лекарство из стакана и вновь наполнил его цветной жидкостью из бутылки объемом в кварту.

– Это сироп от кашля? – спросил Джеймс.

– В некотором смысле, – ответил Клеменс и отпил еще один большой глоток. – Это лауданум. Жидкий опиум. Дар богов. Мой второй врач запросто выписывает его бочонками. Ничто другое мне от кашля не помогает.

«Поразительно, – думал Джеймс. – Холмс каждый день впрыскивает себе новое героическое лекарство, а Клеменс – Марк Твен! – спешит превратить себя в опиомана».

– Успели вы сделать в Чикаго свои дела? – спросил Джеймс. – В Хартфорде вы говорили нам, что должны тут кое с кем повидаться.

Клеменс фыркнул:

– Я обошел всех, кто мог бы инвестировать в наборную машину Пейджа, но они такие мелочные скряги... Желают непременно увидеть работающий образец. Им втемяшилось получить свои деньги назад с процентами.

– А у Пейджа нет работающего образца?

– Раз в две недели он сообщает мне, что сделал прекрасную рабочую модель, – сказал Клеменс. – Я тут же срываюсь с места, но стоит мне приблизиться к нему на пятьдесят миль, либо машина перестает работать, либо Пейдж решает ее разобрать и как-то еще улучшить. Он в Чикаго, открывает вторую фабрику по производству своих машин, хотя и первая-то еще не выпустила ни одной.

– Вы с ним виделись в этот ваш приезд?

Клеменс допил лауданум и вновь наполнил стакан из бутылки.

– Он на редкость предупредителен. Навещал меня в гостинице по меньшей мере шесть раз, просиживал у моей постели по нескольку часов.

– И?.. – спросил Джеймс после того, как Клеменс несколько мгновений молча смотрел в пустоту.

– А вы помните, – Клеменс сверкнул глазами из-под кустистых белых бровей, – как я говорил, что Пейдж убедит рыбу вылезти из воды и пойти с ним?

– Да.

– Так вот, он убедил рыбу, которую вы видите перед собой, пойти с ним, забраться на дерево и кричать попугаем.

Джеймс не знал, что ответить, поэтому промолчал. Он старался дышать свежим воздухом из окна, а не едким дымом от дешевой сигары Клеменса.

– Я приехал требовать – не просить, не уговаривать, а требовать, – продолжал Клеменс, – чтобы Пейдж немедленно вернул мне последние тридцать тысяч долларов, которые я вложил в его проект. Они были срочно мне нужны. Я взял их из моего маленького издательства, чтобы вложить в наборную машину, и теперь обстоятельства вынуждали меня вложить их обратно в издательство. Так что я приехал потребовать назад тридцать тысяч долларов из тех ста девяноста тысяч, которые закачал в эту бездонную бочку.

– И он с вами расплатился? – спросил Генри Джеймс.

– Закончилось тем, что я выписал ему чек еще на пятьдесят тысяч, – проворчал Клеменс. – Чтобы он мог «внести последние маленькие улучшения», после чего автоматическая наборная машина перевернет издательский мир и я стану миллионером. – Клеменс яростно закашлялся, отхлебнул еще лауданума и продолжил: – Теперь я окончательно на мели. Ливи меня убьет.

– Надеюсь, все будет хорошо, – сказал Джеймс, который никогда не инвестировал ни во что, кроме собственного таланта.

– А что подельывает ваш друг Шерлок Холмс? – спросил Клеменс.

– Сегодня встречается с кем-то в Белом городе.

– А вы уже видели Выставку, Джеймс?

– Еще нет.

– Белый город – еще одно место, которого мне никогда не увидеть, – вздохнул Клеменс, затем, без всякой преамбулы, спросил: – А Холмс по-прежнему считает себя вымышленным персонажем, а не реальным человеком?

Джеймс, которого вопрос несколько выбил из колеи, ответил не сразу:

– Да, кажется.

– Возможно, он прав, – сказал Клеменс.

– Почему вы так говорите, сэр?

– Я читал рассказы в «Стрэнде» и повести. Шерлок Холмс произвел на меня впечатление совершенно нереалистичного персонажа. Его приключения очень смахивают на выдумку.

– Возможно, вы помните, как Холмс говорил в Нью-Йорке, что не вполне доволен описаниями себя и своего дедуктивного метода у доктора Ватсона, – ответил Джеймс. – Истории, возможно, и правдивы, но записаны посредственностью.

– В последние недели я размышлял и сомневаюсь, что «доктор Ватсон» существует. Конан Дойл создал вымышленного рассказчика, чтобы излагать вымышленные приключения вымышленного сыщика.

– Холмс говорил, что Конан Дойл – редактор и литературный агент его друга Ватсона, – сказал Джеймс. – Что доктор Джон Ватсон избегает общественного внимания и позволил Конан Дойлу действовать от его имени.

– Но что, если Холмс и впрямь вымышленный персонаж, а весь заговор с убийствами – лишь часть некоего мелодраматического сюжета? Выдумки? – Клеменс вновь закашлялся и вновь глотнул лауданума. – Кто в таком случае вы и я?

– О чем вы? – спросил Джеймс, хотя отлично понимал, к чему клонит собеседник.

– Это означало бы, что мы в данном случае тоже вымышленные персонажи. – Клеменс мрачно глянул из-под кустистых бровей. – Вы избраны на роль его Санчо Пансы... или, может быть, Босуэлла, я введен для редких комических интермедий.

– Я никогда не стану его Босуэллом, – отрезал Джеймс.

– Вы когда-нибудь думали об отношениях между вами и теми персонажами, которых вы создаете?

– Не совсем понимаю, о чем вы, – ответил Джеймс, хотя очень хорошо понимал, что имеет в виду юморист.

– Я хочу сказать, вы для них – Бог, в точности как и я – Бог для моих маленьких миров с вымышленными героями. Вы создаете их. Прогоняете через вымышленные испытания. Решаете, что они будут чувствовать и когда им пора умереть. Другими словами, вы Бог для своих персонажей.

Джеймс мотнул головой.

– Мои персонажи отчасти живут собственной жизнью, – тихо произнес он.

– Ох... – Клеменс вновь зашелся в приступе булькающего кашля. – Значит ли это, что Изабелла Арчер сейчас пьет чай в Англии или в Европе?

– Нет, – ответил Джеймс. – Это значит, что в ее характере есть глубины, которые я не исследовал.

– Все это писательские экивоки. – Клеменс отхлебнул большой глоток лауданума. – Мы любим притворяться, будто наши герои живут собственной жизнью... но и я, и вы отлично знаем, что это неправда. Мы двигаем их, как кукол в уличном спектакле про Панча и Джуди. Вы читали что-нибудь из моих книг, сэр?

– Не имел пока такого удовольствия, – ответил Джеймс. Вопрос его

удивил. Писатели не спрашивают у других писателей мнения о своих книгах. Это не принято.

Седовласый юморист рассмеялся:

– Ну, я пытался осилить ваши. Честное слово, Джеймс, читать вашу прозу – все равно что переводить со средневекового немецкого. Хиленький паровозик-глагол в конце предложения тянет сорок два грузовых вагона придаточных оборотов. Читать вас – все равно что слушать, как оратор спорит сам с собой, перебивая себя каждые несколько секунд.

Джеймс криво улыбнулся:

– Мой брат Уильям совершенно с вами согласен.

– И все же... Изабелла Арчер и еще несколько ваших персонажей... – Клеменс, не договорив, яростно уставился на Джеймса. – Знаете ли вы, почему Изабелла Арчер принимает в конце книги это идиотское самоубийственное решение? Вы так задумывали с самого начала или героиня обрела свободу воли и сама сделала губительный выбор?

Джеймс поднял руки ладонями вперед. Он не собирался обсуждать Изабеллу Арчер, да и любую другую из своих книг, с этим одурманенным американцем, который накачивает себя лауданумом.

– Вы или слышите, как персонажи разговаривают у вас в голове, или не слышите, – произнес Клеменс, обращаясь к самому себе. – Вы, случаем, не помните, что лет пять назад я опубликовал книгу под названием «Приключения Гекльберри Финна»?

– Помню, – ответил Джеймс.

Клеменс вновь глянул на него:

– Месяцами... даже годами, потому что я вынашивал эту книгу много лет... я слышал голос Гека у себя в голове так же явственно, как голос моей милой Ливи, зовущей меня обедать. Гек был со мной, когда я ложился спать, и встречал меня при пробуждении. А потом... под конец книги, после того, как они окончательно сошли с плота и негра Джима снова схватили... Гек меня бросил. Удрал на индейскую территорию без меня. Я больше не слышал его голоса, не мог смотреть его глазами. Я просто писал слова на бумаге.

– И что вы сделали? – спросил Джеймс. Ответ интересовал его куда больше, чем он готов был показать.

Клеменс облизнул губы:

– Я перетащил Тома из его книги, превратил Гека в бледного второстепенного персонажа, каким он был в том-сойеровской книжке, и, по сути, свел главный роман в своей жизни к очередному сочинению для детей. Все решения принимал Том – герой, которого в книге вообще не

должно было быть.

– Печально, – тихо проговорил Джеймс. – И я убежден, это случается с каждым из нас в том или ином романе.

Клеменс мотнул головой:

– Вы читали «Роберта Элмера»?

– Название слышал, но саму книгу не читал, – ответил Джеймс.

– Она наделала много шуму лет пять назад, – сказал Клеменс. – Автор, миссис Хамфри Уорд, выступает за христианство, которое основывалось бы не столько на Писании и богословии, сколько на исправлении общественной несправедливости и заботе о ближних. Она заработала себе много истовых врагов.

Джеймс ждал.

– Так или иначе, – продолжал Клеменс, после того как снова долго откашливался и отхаркивался, – я выписал из этой длинной, местами невыносимо скучной книги один фрагмент, поскольку он связан с обсуждаемой нами темой. Миссис Уорд пишет – и я отлично помню ее слова: «Я не могу поверить, что Бог злоумышленно строит козни против собственных созданий».

– Я не вижу тут ничего особенно радикального, – сказал Джеймс.

Клеменс вновь посмотрел ему прямо в глаза:

– Но каждый из нас – Бог для мира и персонажей, которых создает, Джеймс. И мы постоянно строим против них козни. Мы убиваем их, увечим, заставляем терять надежду и любимых. Мы постоянно придумываем, как им навредить. Однако в случае Гека Финна я утратил мужество, Джеймс. Я перестал слышать его голос и струсил. А может быть, и даже скорее всего, струсил и оттого перестал его слышать. Я так любил Гека Финна, что не смог навредить ему и другим своим героям, как следовало. Если бы голос Гека оставался со мной... если бы мне хватило отваги его слушать... я бы сделал так, чтобы негра Джима схватили и продали в вечное рабство на глазах у бессильного помочь Гека... или, по крайней мере, честно и милосердно убил Гека и Джима, вместо того чтобы ввести Тома Сойера и превратить книгу в *обычную детскую*.

Последние два слова Клеменс выплюнул со злостью.

– Какое отношение это имеет к вопросу, вымышленный ли персонаж Шерлок Холмс? – бесцеремонно перебил Джеймс. Он терпеть не мог, когда писатели себя жалеют, и находил это зрелище отвратительным.

Клеменс расхохотался так, что снова зашелся в кашле.

– Разве вы не понимаете, Джеймс? – сказал он. – Мы с вами – второстепенные персонажи в этой истории про Великого сыщика. Наши

маленькие жизни ничего не значат для Бога-Писателя, кем бы этот мерзавец ни был.

– А у вас есть предположения, кто этот Бог-Писатель? – спросил Джеймс. – У меня были подобные мысли. Конан Дойл не вывел бы в своих рассказах живых современников – во всяком случае, под собственными именами и настолько узнаваемыми. Холмс сказал, что Ватсон в одном рассказе, чтобы не упоминать принца Уэльского, называет его королем Богемии.

– Ему не обязательно быть Конан Дойлом, – сказал Клеменс. Он, упершись подбородком в грудь, переливал из бутылки в стакан остатки лауданума. – Почти наверняка это кто-то менее великий, чем вы, может быть даже – чем я, и безусловно менее великий, чем Артур Конан Дойл, что уже само по себе о многом говорит. А книга может быть написана тридцать, пятьдесят, сто лет спустя.

Несмотря на сдавившую сердце тяжесть, Джеймс постарался ответить весело:

– Что ж, это значило бы, по крайней мере, что нас будут читать через тридцать или через сто лет.

Несколько минут тишину нарушали лишь уличные шумы четырнадцатую этажами ниже да булькающее дыхание Сэмюеля Клеменса.

– Если мы и впрямь всего лишь вымышленные персонажи, введенные, чтобы составить общество Шерлоку Холмсу, то что нам делать дальше? – спросил наконец Джеймс.

Клеменс рассмеялся:

– Завтра я поеду в Нью-Йорк и, возможно, задержусь в Элмайре. Едва ли у меня будут силы посмотреть на большой парад кораблей в Нью-Йоркской гавани, но я готов отдать два пальца, чтобы не пропустить это зрелище. Нет, сэр, если Бог-Писатель... жалкий поденщик, нимало не сомневаюсь!.. хочет прикончить Сэма Клеменса, ему придется убить меня за сценой, как Шекспир убил Фальстафа.

«Мне тоже надо бежать, – подумал Джеймс. – Вернуть свободу воли. Вернуть себя».

– Что вы делаете завтра? – спросил Клеменс.

– Холмс сказал, что хочет взять меня на пароходную экскурсию к Белому городу.

– Что ж, любуйтесь тем, чего я никогда не увижу.

– Я загляну завтра после экскурсии, узнаю, не надо ли вам чего, – сказал Джеймс.

– Скажите коридорному – тому щуплому, с заячьей губой, – пусть

скажет врачу, что мне нужен еще кувшин лауданума. И соломинка.

Джеймс кивнул.

– Что до вашего обещания навестить меня завтра, то не трудитесь, – сказал Сэм Клеменс. – Так или иначе, к вечеру четверга меня в этой истории уже не останется.

Глава седьмая

Пятница, 14 апреля, 10:06

Хотя утро пятницы, серое и промозглое, обещало дождь, Холмс для поездки на Выставку нанял открытое ландо. Джеймс прихватил зонт. Холмс намотал на шею красный шарф, который надевал всякий раз, как температура опускалась ниже семидесяти градусов по Фаренгейту. Кучер был одет как на зимовку.

Холмс, такой разговорчивый на вчерашней экскурсии, сегодня молчал. На вопрос Джеймса, ездил ли он прежде этой дорогой на Выставку, сыщик ответил, что в пятницу они ехали здесь с мэром Чикаго.

– И как вам мэр Харрисон? – спросил Джеймс.

– Говорливый, – ответил Холмс. Несколько минут тишину нарушал лишь стук подков и скрип встречных экипажей, затем сыщик добавил: – Но странно обаятельный. Почти наверняка вор, но избиратели его любят.

– Какова цель нашей сегодняшней поездки? – спросил Джеймс.

– Надо определить, откуда собирается стрелять Лукан Адлер, – почти шепотом ответил Холмс.

– Я ничего не знаю про мыслительные процессы убийц, – прошипел Джеймс.

– Ничего страшного, – обычным голосом произнес Холмс, – но я подумал, что вам интересно будет осмотреть Выставку до того, как вы завтра уедете из Чикаго.

– Мы завтра уезжаем из Чикаго?

– *Вы* уезжаете, – сказал Холмс и забросил алый шарф за плечо.

* * *

Поездка на южный край города казалась нескончаемой, хотя и заняла меньше получаса.

– Этой улицей поедет на Выставку президент Кливленд? – прошептал Джеймс.

Холмс кивнул.

Джеймс глянул на дома, крыши, проулки:

– Я бы подумал, что убийца спрячется именно здесь.

– Чикагская полиция выставит по маршруту более тысячи человек, чтобы никто не прорвался к экипажу, – вполголоса ответил Холмс. – Еще сотни полицейских будут следовать за кортежем, поскольку, по прогнозу мэра Харрисона, к процессии присоединятся по меньшей мере двести тысяч горожан. – Сыщик наклонился к самому уху Джеймса. – Однако это не имеет значения. Лукан Адлер не станет прорываться к президенту с револьвером. Он будет стрелять из винтовки. Вероятно, с очень большого расстояния.

Мысль эта ужаснула Джеймса.

– Обоих президентов, убитых в этом столетии, застрелили из револьвера с близкого расстояния, – прошептал он.

Холмс кивнул:

– Лукан Адлер будет стрелять из винтовки. И мы можем не беспокоиться о маршруте кортежа и здесь, и на территории Выставки.

– Почему? – спросил Джеймс. – Почему, ради всего святого?

– Лукану Адлеру плевать на идеалы анархистов, – сказал Холмс. – Он работает на них, потому что они хорошо платят. Он живет, чтобы убивать, предпочтительно издали. За последние два года он застрелил одиннадцать иностранных руководителей высшего звена.

– Не может такого быть! – воскликнул Джеймс.

Холмс вытащил из кармана твидового пиджака листок с фамилиями и названиями стран.

– Господи! – выдохнул Джеймс.

– Они с Себастьяном Мораном едва не убили ее величество королеву Елизавету в восемьдесят восьмом, – сказал Холмс. – А Лукан был тогда еще мальчишкой. Теперь он больше не работает с Мораном. Все убийства в списке совершены им единолично.

Джеймс надолго утратил дар речи.

* * *

Они подъехали к самым северным воротам на западной стороне Выставки. Двое колумбийских гвардейцев в ярких мундирах голубого сукна проверили их пропуска, два других гвардейца распахнули ворота.

Впереди более чем на милю тянулась Мидуэй-Плезанс. По табличкам Джеймс видел, что они сейчас на авеню Народов. Он слышал про Мидуэй-Плезанс раньше и представлял себе что-то вроде центральной ярмарочной аллеи, только побольше. Однако перед ним лежали тринадцать городских

кварталов, застроенных аттракционами, каждый – размером с хороший поселок.

Они проехали бревенчатую лачугу, которая показалась Джеймсу неуместной в этом парке увеселений.

– Дом ужасного Сидящего Быка, – сказал Холмс. – К несчастью, мистер Бернем, директор Выставки, не смог привезти сюда Сидящего Быка, поскольку военные убили его три года назад. Так что теперь в этом доме обретается Дождь-в-Лицо, когда он не выступает в шоу Буффало Билла рядом с территорией выставки. Дождь-в-Лицо утверждает, что именно он убил генерала Кастера, и другие сиу этого не оспаривают.

Джеймс глянул на людей в тяжелых одеяниях из меха и кожи. Даже в сегодняшний прохладный день им наверняка было нестерпимо жарко.

– Лапландская деревушка, – пояснил Холмс. – Не позавидуешь им в июле.

Мимо прошли несколько чернокожих, одетых лишь в набедренные повязки из листьев.

– Каннибалы, – сказал Холмс. – Из Дагомеи.

– Зачем на Выставке каннибалы? – спросил Джеймс.

– Это Всемирная выставка, – ответил сыщик. – Дэниел Бернем хочет привезти весь мир миллиону американцев, у которых нет денег на путешествия.

– Что за человек этот Бернем? – спросил Джеймс.

– Красивый. Властный. Деятельный. И усталый. Очень, очень усталый.

– Неудивительно, если он воздвиг столь огромный комплекс в такое короткое время. Однако строительство не выглядит завершенным.

– К первому мая оно и не завершится, – сказал Холмс. – Однако, за исключением Колеса обозрения, которое еще будут монтировать, все остальное приберут и придадут ему законченный вид. Рабочие Бернема трудятся круглые сутки, вполне буквально.

Дорогу перед экипажем перешел мужчина со страусом на коротком поводке.

– Калифорния, – заметил Холмс.

Что это означало, Джеймс так и не понял.

– Господи, – выдохнул он, когда они проезжали мимо целого австрийского поселка с каменными домами, башенками и трактирами.

– Отличное место, чтобы заказать кружку пива и шницель, как только откроется Выставка, – заметил Холмс.

Джеймс заметил большой пустой участок, снабженный вывеской

«ПАРК ПРИВЯЗНЫХ АЭРОСТАТОВ», однако никаких аэростатов там не было.

– Что значит «привязные»? – спросил Джеймс.

– Что они привязаны тросами, – ответил Холмс.

Они доехали до середины Мидуэй-Плезанс, и теперь Джеймс видел, каким огромным будет Колесо. Лишь половина 264-футовой конструкции была завершена, однако ось наверху законченной половины казалась уложенной горизонтально стальной секвойей. Строительный участок был обнесен дощатой стеной. Внезапно один из рабочих на верхнем ярусе лесов что-то крикнул и запрыгал вниз, словно обезьяна. Добравшись до нижнего уровня, он заскочил на семифутовое ограждение и оттуда приземлился на улицу рядом с остановившимся ландо.

Джеймс с изумлением узнал Уиггинза-второго – юного Мотылька, – одетого так же, как остальные рабочие на строительстве Колеса. Первую ночь в Чикаго мальчишка спал на дополнительной койке в номере Холмса, а позже Джеймс его не видел и даже не вспоминал.

– Доброе утро, жентмены, – сказал Уиггинз.

– Доброе утро, Мотылек, – ответил Холмс. – Вижу, ты нашел себе работу.

Мальчишка ухмыльнулся:

– Точно, мистер Холмс. На полную ставку. Прораб грит, Мотылек – просто козявка, а мистер Феррис, он тут, значит, за всем присматривает, грит, я видал, как он лазит, Бейнс. Он не козявка, а мартышка, и посильнее многих твоих людей. Приставь его к сборочным работам, значит. И еще, грит, нам надо больше мартышек. Так что я теперь не Мотылек. Теперь меня зовут Март, от слова «мартышка».

– Тебе это больше по душе? – Джеймс, опершись на зонт, подался вперед, чтобы лучше видеть мальчика за сидящим слева Холмсом.

Тот снова ухмыльнулся:

– Очень, мистер Джемс. В Лондоне меня кликали Мотыльком, а мне обидно быть козявкой. Правда, мне нравилось, как мой Мотылек говорил. Хотя, может быть, Март будет говорить так же.

– А как ты говорил, когда был Мотыльком? – спросил Джеймс.

Вновь та же щербатая ухмылка.

– Наш прораб, мистер Хиггинс, значит, грит нам в перерыв: «Как мне подкатить к итальянке, соседке, а то она меня не замечает?» Ну, все молчат, потому как мистер Хиггинс, он и прибить может, а я грю, значит: «Досточтимый хозяин, мистер Хиггинс, сэр, вам надоть тока насвистывать джигу языком и выделывать ногами канарийские коленца, вращая при этом

глазами, вздыхая и ваще издавая разные звуки то горлом, словно вы влюбленно давитесь любовными словами, то носом, словно вы влюбленно вдыхаете любовный запах; шляпу надвинуть на глаза, как навес на окна лавки; руки скрестить на вашей обвислой жилетке в огурцах, чисто кролик лапки на вертеле, или засунуть в карманы, как тот французский дедуля на портретах. И... это важно, сэр... не топтаться слишком долго на одном и том же: сделал – и за другое. Этими приемами, этими хитростями и ловят милых дамочек, а уж они только и ждут, чтоб их поймали. Таким-то образом мужчины – зацените мои слова! – и нагоняют себе цену. Вот моих наблюдений на грош», ^[31] – грю я ему.

Холмс запрокинул голову и рассмеялся тонким лающим смехом. Джеймс только таращился ошалело.

– Далеко пойдешь, Мотылек... я хотел сказать, Март. – Холмс протянул мальчишке десятидолларовую купюру.

– Спасибо, сэр. – Мальчишка засунул деньги под кепку. – Надеюсь, вы не будете в претензии, коли я не вернусь с вами в Англию, а стану американцем.

– Ничуть, – рассмеялся Холмс. – Ты был отличным помощником в бытность Уиггинзом-вторым с Бейкер-стрит, но теперь тебе пришло время показать миру, на что ты в самом деле способен.

– Мистер Феррис grit, он еще такие колеса будет ставить, только помельче, – сказал мальчишка. – Коли хорошо справлюсь тут, буду ездить с ним в другие штаты, а может быть, и в другие страны.

– Желаю тебе, чтобы так и вышло, Март. – Холмс велел кучеру трогать, затем обернулся и крикнул мальчику: – Если тебе что-нибудь понадобится, Уиггинз – что угодно, – ты знаешь, где меня найти!

Мальчишка расплылся в улыбке и кивнул:

– Да! Знаю и найду. И да благословит вас Бог, мистер Шерлок Холмс!

Они поехали дальше, мимо того, что Холмс назвал «алжирской деревней», где женщины с закрытыми лицами смотрели на них сквозь прорези покрывал, затем по пустой улице, которая, сказал Холмс, через неделю превратится в Каир, и ее заполнят настоящие египтяне.

– Строчки из «Бесплодных усилий любви», – сказал Джеймс. – Откуда, скажите на милость, Уиггинз их знает?

– Я вожу самых многообещающих мальчишек в театр, – ответил Холмс. – Я бы сказал, что, родись они в лучших обстоятельствах, многие стали бы членами парламента, хотя на самом деле для парламента они слишком умны и честны.

Судя по запаху, они проезжали сейчас мимо зоопарка. Джеймс слышал

львиное рычание и еще какие-то звуки, возможно рев бегемота, однако смотреть не стал. С запада доносился восторженный гул толпы: там уже много недель работало шоу Буффало Билла, каждый день собиравшее огромное число зрителей.

Экипаж свернул направо к ошеломляющей панораме грандиозных зданий, каналов, лагун, мостов и озер. Самое большое озеро было от них слева – в его середине располагался Лесистый остров, а ряд Больших зданий справа напомнил Джеймсу белые скалы Дувра.

– Теперь мы официально в Белом городе, – сказал Холмс. – Только что проехали Женский павильон.

Джеймс молчал. Красота, размеры, планировка Белого города, о котором он в Вашингтоне думал как о «заурядной ярмарке», совершенно его ошеломили. Чувство было такое, будто он въехал в белое, чистое, безопасное, разумное будущее.

– Отсюда чуть меньше мили до Административного корпуса, перед которым будет выступать президент Кливленд, – тихо, чтобы не слышал кучер, произнес Холмс. – Любое место, начиная отсюда, может быть укрытием стрелка.

Джеймс, опершись на зонт, глянул ему в лицо. Глаза сыщика возбужденно горели.

– И мне нужна ваша помощь, Джеймс, чтобы понять, где Лукан Адлер спрячется первого мая.

Глава восьмая

Пятница, 14 апреля, 10:42

Административный корпус, у которого окончилась поездка, по сути, представлял собой 84-футовый квадрат, увенчанный исполинским восьмигранным куполом. Однако он радовал глаз красотой пропорций и располагался в самом центре выставки, между главным западным входом, до которого из Чикаго можно будет доехать на трамвае, и Перистилем, через который будут входить прибывшие парохомом. Административный корпус был окружен примерно акром мощеного пространства. Дальше к востоку, до самого Перистилия, лежало искусственное озеро, на севере высились Павильоны горнодобывающей промышленности и электричества; в улочку между ними проглядывала лагуна с Лесистым островом. К юго-востоку белела сплошная стена фасадов: Павильоны машиностроения и сельского хозяйства с пристройкой, в которой демонстрировалась сельхозтехника, разделенные лишь Южным каналом с его изящными мостами и набережными.

У восточного входа в Административный корпус приехавших ждали двое мужчин.

– Мистер Генри Джеймс, – сказал Холмс, – имею честь представить вас полковнику Эдмунду Райсу, командующему Колумбовой гвардией и главе службы безопасности Выставки.

Джеймс и Райс обменялись рукопожатиями. Еще по дороге Холмс рассказал писателю, что Райс награжден медалью Почета за Геттисбергское сражение, в котором остановил наступление южан под командованием генерала Пиккетта и сам получил тяжелые ранения. Райс был невысокого роста, худой, лысоватый, с пышными усами. Он выглядел постоянно набыченным, однако Джеймс скоро понял, что первое впечатление обманчиво: полковник Райс был очень серьезным человеком, умевшим при случае весьма остроумно пошутить.

Второго из встречающих – высокого худого джентльмена в безукоризненном костюме – Холмс представил как мистера Эндрю Л. Драммонда, главу секретной службы.

– Боже мой! – воскликнул Джеймс. – Я и не думал, что в Америке есть шпионская служба, которая зовется так же, как и английская.

Драммонд улыбнулся и объяснил, что служит в казначействе:

– Многие наши люди обучены работе телохранителей, так что мы помогаем обеспечить безопасность президента на время Выставки.

– Ну что, приступим? – спросил Холмс.

– К чему? – отозвался Джеймс. Он чувствовал, что находится в неподходящем месте с неподходящими людьми и занят не своим делом.

– К поискам места, где Лукан Адлер спрячется первого мая, чтобы выстрелить в президента.

– Вы имеете в виду, мы постараемся угадать возможное место, – сказал Джеймс.

Холмс наградил его ледяным взглядом:

– Вы уже могли бы запомнить, Джеймс, что я никогда не гадаю.

По пути на верхнюю галерею Административного корпуса Драммонд легонько тронул Джеймса за локоть и остановился. Тот тоже остановился.

– Я просто хотел сказать вам, мистер Джеймс, на случай, если другой возможности не представится, – тихо проговорил Драммонд, – что считаю вас лучшим писателем современности, а «Женский портрет» – шедевром нашего века.

Джеймс словно со стороны услышал собственный голос: «Чрезвычайно... чрезвычайно признателен за лестные слова», и они продолжили подъем. К тому времени, как все четверо вышли на свежий воздух, утренняя хандра Джеймса полностью испарилась.

Фонари и ангелы, которых он видел издали в подзорную трубу Холмса, вблизи оказались чересчур большими и массивными. Строй рифленых колонн с газовыми факелами, освещавшими купол по ночам, поднимался над перилами футов на пятнадцать; крылья некоторых ангелов в скульптурных группах вздымались еще выше.

Драммонд отпустил какое-то вежливое замечание по поводу статуй. Полковник Эдмунд Райс вынул изо рта короткую сигару, которую за все время ни разу не зажег, и сказал:

– Чертовы ангелы. Поднять их наверх было труднее, чем взять Виксберг. У одного лопнули тросы, он грохнулся с высоты тридцать футов. Крыло вошло на четыре фута в мерзлую землю, остальное разлетелось на куски.

Все четверо собрались у восточных перил верхней галереи.

– Там внизу, – полковник Райс пальцем очертил размеры квадрата, – поставят платформу, с которой будет говорить президент. Мы впустим на нее только пятьдесят человек... и, Драммонд, Бернем разрешил двум вашим агентам во время речи стоять рядом с президентом и за его спиной.

– Сзади стрелять не будут, – тихо заметил Драммонд.

– Из соображений безопасности мы закроем обе галереи Административного корпуса. И если вы согласны, мистер Холмс, – а мне и мистеру Бернему телеграфировали, что любые ваши советы следует по возможности исполнять, бог его знает почему, – так вот, если вы согласны, мы закроем галереи на всех павильонах в пределах видимости на расстоянии винтовочного выстрела от места, где будет говорить президент.

– О каких зданиях речь, полковник? – спросил Холмс.

Командующий Колумбовой гвардией – сейчас, когда апрельское солнце начало пригревать, он снял мундир и остался в рубашке и подтяжках – указал сигарой вправо:

– Восточная часть Павильона машиностроения.

Сигара переместилась влево, восточнее:

– Павильон сельского хозяйства.

Райс указал сигарой прямо вперед:

– У Перистиля есть свой променад. На время церемонии мы его закроем.

Сигара вновь сдвинулась влево.

– Вон та чудовищная громада – Павильон изящных искусств и мануфактур. Длинные-предлинные галереи, почти во всю длину Большого бассейна.

Он указал на павильон, который они видели только частично:

– Восточная часть Павильона электричества на прямой линии от ораторской трибуны. Остальное здание – нет.

– И еще сами авеню, – сказал Драммонд.

– Угу, – ответил полковник Райс. – Смотрите и любуйтесь, пока здесь только сотня рабочих. В день открытия туда набьется по меньшей мере сто тысяч человек.

– Снайпер не будет стрелять из толпы, – сказал Драммонд. – Последние два убийства президентов были совершены с близкого расстояния.

– Истинная правда, – сказал Холмс. – Линкольна застрелили из маленького пистолета с расстояния менее трех футов, Гито стрелял в Гарфилда со спины почти в упор.

– Из британского револьвера «бульдог», – добавил Драммонд.

– Именно так, – сказал Холмс. – Превосходное оружие. У моего близкого друга доктора Джона Ватсона как раз револьвер «бульдог».

– Если допустить, что ваш теоретический первомайский убийца... – начал полковник Райс.

– Ничего теоретического в Лукане Адлере нет, полковник, – отрезал

Холмс.

– Ладно, будем считать, что этот ваш стрелок будет искать высокое, устойчивое и уединенное место. Это может быть окно или галерея. Предлагаю обойти все четыре Больших павильона и Перистиль. Например, начиная с Машиностроения и дальше по часовой стрелке.

– Отличная мысль, полковник, – сказал Холмс.

* * *

Крыша Павильона машиностроения целиком состояла из куполов, арок и ренессансно-испанских финтифлюшек. По мнению Джеймса – которым никто не интересовался, и потому писатель оставил его при себе, – всякий уважающий себя снайпер умер бы от такой дурновкусицы, не успев сделать выстрел. Однако полковник Райс, Драммонд и Холмс сосредоточили все внимание на лоджии второго этажа, которая тянулась вдоль восточной стены здания от площади с восточной стороны Административного корпуса (откуда трибуна президента будет как на ладони) до выхода к железнодорожным путям.

– Сюда можно затолкать тысячу человек, – заметил Драммонд, словно обращаясь к самому себе.

– Больше, – ответил полковник Райс. – Если поставить между коринфскими колоннами в десять-пятнадцать рядов, то и пять тысяч влезет.

– Для стрельбы из винтовки тесновато и нервно, – заметил Холмс.

– Нервно? – переспросил Джеймс.

Холмс быстро улыбнулся, не разжимая губ.

* * *

Полковник Райс привел их к Павильону сельского хозяйства, зданию в классическом стиле, заключавшему в себе полмиллиона квадратных футов выставочного пространства. На подходе к павильону Райс посоветовал взглянуть на позолоченную статую Дианы работы Огастеса Сент-Годенса. Богиня, венчающая купол павильона, стояла на одной ноге и натягивала лук.

– Ее собирались поставить на крышу нового небоскреба на Мэдисонсквер-гарден, – проворчал Райс, – но она оказалась непомерно велика. А здесь из нее получился отличный флюгер.

У входа Джеймс засмотрелся на десятки работающих ветряных мельниц всех мыслимых размеров и форм – деревянных, стальных, чугунных, – заполнивших пространство между павильоном и лагуной.

– Такой армии утрашился бы и Дон Кихот, – заметил Джеймс.

Остальные глянули на него и ничего не сказали.

– Если вы голодны, джентльмены, – сказал Райс, когда все четверо начали подъем на галерею, – то знайте, что Канада выставит в этом павильоне круг сыра весом двадцать две тысячи фунтов. Он заключен в металлическую форму, и канадцы говорят, тысяча шестьсот молочниц подоили десять тысяч коров, чтобы получить двадцать семь тысяч галлонов молока, ушедших на изготовление этого сыра.

– Поразительно интересные факты, – сказал Холмс, который, в отличие от Джеймса, ничуть не запыхался на бесконечной лестнице. – А теперь, узнав их, я удалю их из памяти.

Джеймс подумал, что это просто фигура речи, но полковник Райс остановился и взглянул на Холмса:

– Вы это умеете, сэр? Выбрасывать факты из памяти?

– Мне приходится это делать, – серьезно ответил Холмс.

– Почему? – спросил полковник.

– Я имею несчастье запоминать все, поскольку родился с тем, что нынешние эксперты называют «фотографической памятью», – сказал Холмс. – Покажите мне журнальную страницу, и я, проглядев ее, смогу воспроизвести каждое слово, запятую и точку. Однако разум – тесный чердак, как я однажды пытался объяснить моему товарищу доктору Ватсону, и человек моей профессии должен внимательно следить, что туда помещает. Если я понимаю, что некоторые сведения не помогут мне в расследованиях – скажем, факт, что Солнце не ходит вокруг Земли, или точный вес канадского сыра, – то я просто убираю их из памяти.

– Убираете? – недоверчиво переспросил Джеймс.

– Я представляю себе красную кнопку «удалить», мысленно нажимаю ее, и воспоминание исчезает, – сказал Холмс. – Иначе бы мой мозг превратился из идеально настроенной машины в огромный мешок ненужных вещей.

– Кнопка «удалить»... – Полковник Райс покачал головой. – Надо ж такое выдумать...

Глава девятая

Пятница, 14 апреля, 14:45

Мистер Драммонд, Холмс, Джеймс и полковник обошли верхние уровни Павильона сельского хозяйства, Перистилья, исполинского Павильона изящных искусств и мануфактур, южную галерею Павильона электричества, затем наспех перекусили во временной рабочей столовой под брезентовым навесом.

На северо-восточном углу Павильона сельского хозяйства, в самом конце узкой галереи, Холмс заметил столб, от которого уходил вниз трос длиной в несколько сот футов. Конец троса был закреплен на невысоком – футов семь-восемь – маяке футах в тридцати от набережной.

– Трос имеет назначение? – спросил Холмс. – Быть может, удерживать павильон в сильный ветер?

Полковник вынул изо рта короткую сигару и ухмыльнулся:

– Есть еще такой же напротив – с юго-восточного угла Изыщных искусств и мануфактур. Кто-то придумал повесить на тросы флаги всех государств мира – в качестве приветствия гостям, которые высаживаются на пристани.

– И что, это по-прежнему планируется сделать? – спросил Холмс.

Райс мотнул головой:

– Фалы не натягивались как следует, ветер рвал флаги к чертовой матери, так что от затеи отказались. Просто ни у кого не дошли руки убрать тросы.

– Тросы висят довольно низко над сигнальными огнями, маяками, или как там они называются, – заметил Драммонд. – Не опасно ли это для мелких суденышек?

Полковник снова мотнул головой:

– Маяки поставлены в предупреждение даже самым маленьким судам. От островков до набережной – мешанина бетона и камней, сброшенных в воду при строительстве. Там и ялик себе дно пропорет.

На Джеймса большое впечатление произвел Перистиль с его длинным рядом коринфских колонн и триумфальной аркой, через которую предстояло входить прибывшим по воде посетителям.

– Перистиль соединяет маленькое казино на южном конце пристани с мюзик-холлом на северном конце, – сказал полковник Райс. – Сорок семь

исполинских колонн – по одной на каждый штат и территорию. Наверху тоже есть галерея, но на нее можно попасть только по лестнице с южной стороны.

– Давайте поднимемся и полюбуемся видом, – сказал Холмс.

С галереи над Колумбовой аркой, в центре галереи Перистилия, и впрямь открывался замечательный вид в обе стороны: на озеро Мичиган и на Белый город, прямо на фасад Административного корпуса, перед которым должен был выступать президент.

– Какое тут расстояние, по вашим прикидкам, полковник? – спросил Холмс.

Райс прищурился:

– Пятьсот тридцать ярдов. Самое большее – пятьсот пятьдесят.

– Ну уж это, без сомнения, слишком далеко для прицельной стрельбы, – заметил Генри Джеймс.

Райс, Драммонд и Холмс переглянулись.

Первым заговорил Райс:

– Лучшие современные армейские винтовки дают кучность в пять дюймов на расстоянии до тысячи ярдов. – Он даже сигару изо рта вытащил, словно демонстрируя уважение к прогрессу. Затем повернулся к Холмсу. – Вам известно, какая винтовка будет у Лукана Адлера?

– Да, – ответил сыщик. – С прошлой осени он убил четырех видных европейских политиков. Все выстрелы были сделаны из новейшей маузеровской винтовки образца тысяча восемьсот девяносто третьего года, вероятнее всего – с двадцатикратным оптическим прицелом. Он не оставляет гильз, однако полагаем, что во всех четырех случаях использовался семимиллиметровый бесфланцевый патрон. Эта винтовка Маузера – ее выпустили в начале прошлой осени, основную партию приобрело испанское правительство для своих войск на Кубе, – снабжена продольно-скользящим затвором и магазином на пять патронов.

Полковник Райс немного скривился:

– Я совсем не знаю маузеровские винтовки, а уж новые – тем более. Не помните, какая у них начальная скорость пули?

– Две тысячи триста футов в секунду, – ответил Холмс.

– А фактическая дальность?

– Чуть больше двух тысяч ярдов. Если не ошибаюсь, две тысячи сто шестьдесят.

Джеймсу эти цифры ничего не сказали, а вот у полковника Райса стало такое лицо, будто его ударили под дых. Он не только вынул изо рта обслюнявленную сигару, но еще снял затертый котелок и почесал лысину.

– Боже, – выдохнул он. – Нам бы такие под Геттисбергом.

Холмс кивнул:

– Вы бы начали прицельный огонь по южанам, как только те появились из-за деревьев в миле от вас. По пять выстрелов без перезарядки.

Райс шумно выдохнул:

– Ладно, это мало что меняет. Ваш Лукан все равно захочет подобраться как можно ближе.

– Зачем? – удивился Джеймс. – Если он может попасть в цель с расстояния больше мили?

Райс улыбнулся.

– Стрелять по людям – не то что по бумажной мишени, – сказал он, и Джеймс почувствовал, что этот человек, закончивший войну в чине бригадного генерала, употребил просторечие вполне сознательно. – При обычной ходьбе со скоростью две мили в час мы за время полета пули смещаемся примерно на два фута. – Он указал на Административный корпус в другом конце длинной лагуны. – Верный промах. Президент Кливленд, конечно, будет стоять неподвижно и смотреть в эту сторону, но винтовка у снайпера наверняка пристреляна, чтобы било на восемнадцать дюймов ниже.

– Не понимаю, – сказал Джеймс.

Агент Драммонд изобразил руками, что целится в человека у далекого Административного корпуса:

– Это значит, мистер Джеймс, что, желая попасть президенту в грудь – а мы должны признать, что это довольно крупная мишень, – Лукан Адлер должен будет поймать в оптический прицел точку восемнадцатью дюймами выше, то есть президентский лоб.

– Мне думалось, что стрелять в голову предпочтительнее, – сказал Джеймс, ужасаясь собственным словам.

Полковник Райс ответил:

– Мы двигаем головой гораздо сильнее, чем нам кажется, особенно когда произносим речь. Центр тяжести тела – самая предпочтительная цель.

Повисла долгая тягостная пауза. Наконец Райс сказал:

– Что ж, может быть, осмотрим Павильоны мануфактур и электричества, перекусим и покончим с этим делом?

Холмс, Драммонд и Джеймс молча последовали за ним вниз по ступеням.

Павильон изящных искусств и мануфактур был самым грандиозным из всех, что они посетили. Внутри пока царил хаос – упорядоченный хаос, если присмотреться получше. Тысячи и тысячи экспонатов распаковывали, устанавливали, налаживали. В дальнем конце загроможденного пространства Джеймс разглядел чрезвычайно красивый телескоп высотой не меньше шестидесяти футов.

– Видели бы вы этот павильон, пока он стоял пустой, – заметил полковник Райс, ожидая, когда к ним по ажурной шахте спустится лифт фирмы «Отис-Хейл». Сейчас огромная кабина висела на высоте футов двести, словно держась на воздухе.

– В октябре прошлого года тут проходила церемония посвящения, – продолжал Райс. – На тридцати двух акрах внутри павильона собралось более ста сорока тысяч чикагцев. Плотникам пришлось соорудить помост для избранной публики числом пятьдесят тысяч, которая сидела на маленьких желтых стульчиках. У бывшего мэра Харрисона тоже было место на возвышении, но он почти все время провел внизу – пожал руку почти каждому из ста сорока тысяч стоящих. А день был холодный... как ведьмины сиськи. Мужчины стояли в пальто и шляпах, женщины прятали руки в муфты все время, когда не махали платочками под музыку. И длилось это адски долго. Примерно через час я услышал звук, как будто приближается армия, и понял, что вся толпа притоптывает ногами, чтобы согреться. У всех изо рта шел пар, и клянусь, через полчаса мы надышали целые облака, которые собрались под стальными балками у нас над головой двадцатью этажами выше.

– Неужто кто-то и впрямь слышал речи? – спросил Джеймс.

– Примерно десять человек на помосте и прямо перед ним, – ответил полковник Райс. – Помещение было такое большое и гулкое, что организаторам пришлось попросить у меня бывших военных, чтобы те флажками подавали сигналы оркестру в пятьсот музыкантов и хору в пять тысяч человек, когда играть и когда петь.

– Что-нибудь интересное из того дня получилось? – спросил Драммонд.

– Один малый, работающий в детском журнале, сочинил клятву, которую министерство образования разослало по школам, чтобы двадцать первого октября, в день церемонии, все юные оболтусы по всем школам выразили свою любовь к стране.

- Клятву? – недоверчиво переспросил Джеймс.
- Целиком не помню, но начало такое, – сказал Райс. – «Я клянусь в верности моему флагу и республике, которую он символизирует...»
- На мой взгляд, требовать от школьников клятвы как-то не очень по-американски...
- Не по-американски, – согласился Холмс. – По-немецки. Очень по-немецки.

* * *

Поездка к верхней галерее стала для Генри Джеймса полной неожиданностью. У него буквально захватило дух. Компания «Отис-Хейл» построила сверхскоростной лифт, который представлял собой открытую с трех сторон клетку и с такой быстротой проносился через кольца электрических огней, что тело наливалось тяжестью и в то же время парило в воздухе. Когда кабина остановилась наверху, перед дверьми в галерею, Генри Джеймсу на миг показалось, что его ноги оторвались от пола.

- Этот лифт сам по себе будет одним из главных аттракционов, – выговорил он, сумев наконец раздышаться.
- Ничуть не сомневаюсь, – сказал полковник Райс.
- Я не уверен, что захотел бы проехать на нем второй раз, – заметил Драммонд.

Галерея на Павильоне изящных искусств и мануфактур называлась Смотровой площадкой и опоясывала все тридцать два акра здания. Вместо каменного или бетонного парапета ее огораживали лишь столбики, соединенные металлической цепью, что еще усиливало ощущение высоты. Вид отсюда открывался поразительный. Джеймс понял, что, если мистер Феррис достроит свое Колесо, посетители на Смотровой площадке будут находиться почти вровень с кабинами в их наивысшей точке.

Холмса, Драммонда и Райса, естественно, интересовала лишь та часть Смотровой площадки, с которой безумец мог выстрелить в президента.

- На трех углах Смотровой площадки установлено по огромному прожектору, – проговорил Холмс, обращаясь словно к самому себе.

Тем не менее Райс ответил:

- Да, сэр. Они немецкие, очень яркие. Будут по ночам освещать здания, фонтаны, остров и все остальное. В луче такого прожектора мы сможем разглядеть кролика за милую.

Каждый немецкий прожектор стоял на черном квадратном основании высотой примерно два с половиной фута. Основание было стальное, покрытое черной эмалью.

Разговор происходил на юго-западном углу Смотровой площадки, том, с которого открывался лучший вид на Административный корпус и место, где через две недели с небольшим будет выступать президент.

Холмс нагнулся к основанию прожектора и указал на замок, привешенный к боковой стенке:

– У вас, случаем, нет ключа от этого ящика, полковник?

Райс вновь улыбнулся, не вынимая изо рта сигару:

– Вы слышали, как я бренчу на каждом шагу. У меня есть ключи от всего на Выставке.

И он, отделив от связки маленький ключик, отпер замок.

Холмс лег на живот и стал смотреть внутрь. Драммонд последовал его примеру, однако Джеймс не захотел пачкать рубашку. Он сел на корточки и нагнулся, стараясь заглянуть сыщику за плечо. Если не считать уходящих в пол черных проводов и металлических балок, ящик был пуст. Очевидно, у него было единственное назначение – служить опорой для прожектора.

– Спасибо, полковник Райс, – сказал Холмс, вставая и отряхиваясь. – Теперь пройдем на юго-восточный угол?

Последние утренние облачка рассеялись. Все четверо мужчин облокотились на металлические перила, радуясь весеннему солнцу.

– Отсюда стрелять потруднее, – заметил мистер Драммонд. – По сравнению с юго-западным углом добавляется еще сотня ярдов.

– Верно, – сказал Холмс. – И низкие перила – неудобная опора для винтовки. А вот человек, вставший на ящик, – он, не оборачиваясь, указал тростью за спину, – сможет упереть винтовку на обод прожектора.

– Какова длина маузеровской винтовки? – спросил полковник.

– Сорок восемь дюймов, – мгновенно ответил Холмс и чуть заметно улыбнулся. – Без штыка.

* * *

Павильон электричества понравился Джеймсу больше всех осмотренных зданий, включая Перистиль. С красивой, плавно изогнутой галереи открывался прекрасный вид на лагуны, мосты и, почти со всей юго-восточной стороны, на фасад Административного корпуса. Изящный вход украшала большая статуя Бенджамина Франклина, из обширного

пространства внутри пахло озоном.

Холмса заинтересовала не столько сама галерея, сколько восемь башенок по углам павильона.

– В них есть лестницы для посетителей? – спросил мистер Драммонд.

– Конечно, – ответил полковник Райс. – Высота башен – сто семьдесят футов, а из арок наверху открывается лучший вид на территорию Выставки.

Стоя на башне, ближайшей к Административному корпусу, Холмс прицелился вдоль трости:

– Чуть сбоку, но когда президент выйдет произносить речь, рядом с ним не будет агентов секретной службы. Остальные важные лица будут сидеть, не так ли?

– Да, – ответил полковник Райс.

– Меньше ста ярдов, – заметил Холмс.

– Да, – вновь согласился Райс.

И на этом осмотр закончился. После быстрого, запоздалого ленча под нагретым от солнца холщовым навесом Холмс сказал: «Надеюсь, вы извините нас на одну минуту, мистер Джеймс» – и, отведя Драммонда и Райса в сторонку, беседовал с ними минут пятнадцать, пока Джеймс пил вторую чашку кофе. По завершении разговора Драммонд подошел к Джеймсу:

– Для меня большой честью было познакомиться с вами, мистер Джеймс. Если наши пути еще пересекутся, я хотел бы захватить несколько ваших книг, и надеюсь, вы не откажете мне в просьбе их подписать. Они станут украшением моей библиотеки и наследием для моих детей.

– Конечно, конечно, – пробормотал Джеймс.

Драммонд пожал ему руку, слегка поклонился и вышел из прогретого солнцем шатра. Холмс и Райс уже закончили разговор, так что Джеймс подошел к ним.

Обмениваясь прощальными рукопожатиями с Холмсом, полковник заметил:

– Есть один вопрос, который вы ни разу не упомянули, мистер Холмс.

– Да?

– Какое бы место для стрельбы ни выбрал Лукан Адлер, у него останется небольшая проблема: как потом скрыться. Мы с вами уже обсудили, что в случае покушения на президента на Колумбовой выставке сразу запрут все ворота. Все выходы телефонизированы. Ни одному судну не позволят отойти от пристани. Ваш снайпер – самоубийца? Хочет стать мучеником за дело анархизма?

– Отнюдь, – сказал Холмс. – Для каждого убийства у Лукана Адлера был заранее продуман гениальный план отступления.

Полковник Райс обвел рукой бульвар у лагуны, на котором они стояли:

– Мы можем, как вы советуете, перекрыть входы на башни и в галереи, но все эти аллеи и боковые улицы будут заполнены сотнями тысяч перепуганных людей. И ни один из них не выйдет, пока его не проверят полицейские и мои Колумбовы гвардейцы.

– Сложновато придумать путь к отступлению, не правда ли, полковник? – Холмс приподнял шляпу и пошел прочь.

Генри Джеймс тоже простился с полковником Райсом и вслед за сыщиком двинулся по улицам Белого города, заполненным ящиками, грудями мусора и тысячами рабочих.

Глава десятая

Суббота, 15 апреля, 8:30

Пятидесятый день рождения Генри Джеймса выдался холодным, тоскливым и одиноким – ровно таким, какой он вообразил бы, если бы писал щемящий психологический рассказ.

Ночью Джеймс почти не спал, его мучила тошнота; к тому часу, когда в окнах забрезжил серый рассвет, она усилилась настолько, что ему трижды пришлось вскакивать и бежать в уборную. Около восьми он подошел отдать ключи (надо было успеть на девятичасовой поезд в Нью-Йорк). Сэм Клеменс съехал два дня назад, а на вопрос Джеймса о Холмсе портье ответил, что «мистер Холмс убыл очень-очень рано».

Накануне, вернувшись в «Грейт-Нортерн» после странного осмотра выставки глазами потенциального убийцы, Джеймс с изумлением обнаружил, что его ждут две телеграммы.

Первая была от Генри Адамса и гласила:

ЧУТЬ ПРЕЖДЕВРЕМЕННО ПОЗДРАВЛЯЮ ДНЕМ РОЖДЕНИЯ ТЧК ВАМ НАВЕРНЯКА НЕ ТЕРПИТСЯ В ЛОНДОН К ВАШИМ ГРАНДИОЗНЫМ ТРУДАМ ОДНАКО Я ИСКРЕННО НАДЕЮСЬ ЧТО ПО ЗАВЕРШЕНИИ ДЕЛ ВЫ ВЕРНЕТЕСЬ ВАШИНГТОН И ПОГОСТИТЕ У МЕНЯ ТЧК ПО ПРАВУ СТАРИННОЙ ДРУЖБЫ ЗАКЛИНАЮ ВАС СВЯЩЕННЫМ ИМЕНЕМ КЛОВЕР СОСТАВИТЬ МНЕ КОМПАНИЮ БЛИЖАЙШИЕ ДВЕ НЕДЕЛИ ТЧК ДНЕМ РОЖДЕНИЯ ДОРОГОЙ ДРУГ ВСКЛ

Джеймс был сражен наповал. Откуда вообще Адамс знает, что он в Чикаго, а тем более – с какой целью? И очень не в характере Адамса пригласить его к себе. Со времени смерти Кловер Адамс практически никого не звал пожить в своем большом доме.

Вторая телеграмма была от Хэев:

ДНЕМ РОЖДЕНИЯ ГАРРИ ТЧК МЫ ПОНЯЛИ ЧТО ВЫ БУДЕТЕ ПРАЗДНОВАТЬ ЭТОТ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ ДОРОГЕ НО МЫ КЛАРОЙ ИСКРЕННО НАДЕЕМСЯ ЧТО ВЫ

ПРИМЕТЕ ПРИГЛАШЕНИЕ АДАМСА И НЕНАДОЛГО
ВЕРНЕТЕСЬ ВАШИНГТОН ДО ТОГО КАК НАПРАВИТЬСЯ
ЧЕРЕЗ АТЛАНТИКУ ТЧК НАМ СТОЛЬКО ВСЕГО НАДО
ОБСУДИТЬ ВАМИ ЛИЧНО ТЧК КЭБОТ ЛОДЖ ЗАКАЗАЛ
ЛИЧНЫЙ ПОЕЗД ЧИКАГО НА 29 АПРЕЛЯ ОТКРЫТИЕ
ЯРМАРКИ ЧИКАГО ОСОБЫМИ ПРОПУСКАМИ ДЛЯ ВСЕХ
НАС ТЧК МЫ КЛАРОЙ МЕЧТАЕМ ЧТО ВЫ
ПРИСОЕДИНИТЕСЬ НАМ ЭТОЙ ПОЕЗДКЕ ТЧК
ПОЗДРАВЛЯЕМ ДНЕМ РОЖДЕНИЯ

Джеймс поймал Холмса в вестибюле, пока тот не успел войти в лифт.

– Это вы телеграфировали Хэям и Генри Адамсу, что мы... что я...
здесь, в отеле «Грейт-Нортерн»? – резко спросил Джеймс.

Холмс как будто даже опешил от его напора:

– Ну конечно, старина. Я подумал, ваши ближайшие друзья должны
знать, где вы. И уж тем более накануне вашего пятидесятилетия.

Джеймс разозлился еще сильнее, но не стал мешать ехидство сыщика,
спрашивая, откуда тот знает, что пятнадцатого у него день рождения.

– Может быть, пообедаем сегодня вечером в занятом итальянском
ресторанчике на Джексон-стрит? – спросил Холмс. – Портье очень его
рекомендовал. К тому же потом мы, возможно, еще долго не увидимся.

Джеймс сказал было «нет», но осекся, собрался было задать вопрос – и
снова осекся. Он просто стоял, сжимая в кулаке скомканные телеграфные
поздравления с ненавистным юбилеем, и смотрел на Холмса.

– Вот и отлично, – сказал тот. – Буду ждать вас здесь в восемь часов
ровно.

* * *

Между приступами тошноты (которая была давней его бедой, так же
как запоры и несварение желудка) Джеймс взвешивал свое решение. Он
изучил железнодорожные расписания. Можно было в 9:45 уехать с нового
Северного вокзала в Питсбург и там пересесть на экспресс до Вашингтона.
Поезд в Нью-Йорк уходил со старого вокзала в 9:00 и следовал с
остановками в Кливленде и Буффало. В Нью-Йорке писатель мог взять
билет до Портсмута на расхваленный новый трансатлантический лайнер
«Соединенные Штаты».

В конце концов мысли о светлых комнатах в Девир-Гарденз, о рабочем

столе, о салонах, которые он будет посещать, о сельских аристократических усадьбах... все это вкупе с инстинктивным желанием укрыться в безопасном окружении своих книг определило его выбор: ехать в Нью-Йорк и домой.

Купленный билет уже лежал в кармане, а носильщик вез тележку с багажом к поезду, когда Джеймс, укрытый за грудой багажа и железным столбом, увидел профессора Джеймса Мориарти. Тот шел вдоль вагонов первого класса, заглядывая в окна купе.

«Он выслеживает меня», – с внезапно леденящей уверенностью почувствовал Джеймс.

Двое бандитского вида субъектов подбежали и что-то сказали Мориарти. Профессор отправил одного к голове поезда, другого – к хвосту, а сам вошел внутрь и двинулся через вагоны первого класса. Джеймс видел, как он приближается: седовласый скелет в наряде гробовщика и с длинными пальцами душителя.

У Мориарти не было решительно никаких причин искать его, Генри Джеймса. Никто не видел писателя, когда тот лежал на головокружительной высоте над Мориарти и его анархистски-гангстерским воинством. И никому, кроме Холмса, он про это не рассказывал.

Однако Холмс наверняка передал услышанное Драммонду, главам вашингтонской и чикагской полиции и еще бог весть скольким людям в Америке и Европе, чтобы те смогли предупредить первомайские убийства и беспорядки.

Теперь происходящее обрело смысл. Джеймс знал, что преступная сеть Мориарти опутала всю Европу и проникла даже в Соединенные Штаты. Кто-то из полицейских – а среди них в этот Позолоченный век так много продажных – рассказал обо всем агентам Мориарти.

Вполне возможно, конечно, Мориарти и его присные искали Холмса. Тот вполне мог находиться в поезде, и тогда ему грозила смерть. Однако в глубине души Генри Джеймс знал: «Этим промозглым утром профессор Джеймс Мориарти с подручными ищет меня».

Словно подтверждая его интуитивную догадку, Мориарти вышел из поезда. Еще трое бандитов подошли к нему за указаниями. Мориарти заметно нервничал; он упер руки в боки, и Джеймс видел его пугающе длинные тощие пальцы с длинными желтыми ногтями. Они казались исполинскими белыми пауками, ползущими по черному бархату.

Мориарти отправил трех бандитов вдоль поезда, а сам повернулся и посмотрел в сторону Джеймса, но тот успел пригнуться за штабелем своих чемоданов. Почти минуту писатель собирался с духом, чтобы выглянуть

снова. Выглянув, он испустил долгий вздох облегчения: Мориарти опять шел вдоль поезда, заглядывая во все незавешенные окна.

– Мне грузить ваши вещи, сэр? – спросил носильщик. Все это время он терпеливо ждал и не выразил ни малейшего удивления, когда Джеймс побелел как полотно и спрятался за тележкой.

– Нет-нет. Найди мне кеб, любой, как можно скорее, и так же быстро перегрузи туда вещи. Вот... за труды.

Джеймс сунул носильщику какую-то купюру из бумажника. Писатель так отвык от американских денег, что это с равным успехом могла быть долларовая или пятидесятидолларовая банкнота. Так или иначе, носильщик взял под козырек и сказал:

– Сию минуту, сэр.

Всю дорогу к оживленной стоянке кебов Джеймс шел так, чтобы тележка заслоняла его от Мориарти, и только молча кивнул, когда носильщик указал на дорогой закрытый кеб. Носильщик принялся с мучительной медлительностью перегружать вещи. Джеймс ждал, не в силах перевести дух. Способность дышать вернулась, лишь когда кеб уже мчал прочь от вокзала и профессора Мориарти.

Джеймс еще не совсем успокоился, поэтому едва не подпрыгнул, когда окошко над ним чуть приоткрылось – на секунду, чтобы внутрь не хлынули потоки дождя, – и кебмен спросил:

– Куда, сэр?

– На новый Северный вокзал, – неожиданно высоким голосом ответил Джеймс. – И побыстрее, пожалуйста. Мне надо успеть на поезд в девять тридцать. Лишний фунт, если довезешь с запасом.

– Лишний что? – переспросил извозчик через окошко в крыше.

– Пять долларов сверху, если довезешь как можно быстрее и с запасом времени до отправления поезда в девять тридцать, – сказал Джеймс.

Извозчик хлестнул бичом, и они понеслись, словно на скачках за приз. Джеймсу пришлось вцепиться в сиденье обеими руками, чтобы его не бросало вправо и влево, когда кеб стремительно огибал более медлительные экипажи. Струи грязи летели из-под колес, обдавая других извозчиков и пешеходов с ног до головы, те выкрикивали ругательства вслед промчавшемуся кебу.

Накануне вечером, за обедом, Джеймс спросил Холмса:

– Каковы ваши дальнейшие планы?

Холмс (он уже доел и закурил сигарету) тронул пальцем язык, снимая крошку табака:

– Да так, возникло много разных дел в нескольких местах. Я буду

плотно занят до самой нашей встречи двадцать восьмого в поезде мистера Кэбота Лоджа.

Джеймсу потребовалась вся его выдержка, чтобы не заорать: «Я не сяду в чертов поезд Кэбота Лоджа! И не буду вашим Босуэллом. Мне решительно не нравится, что меня бросают в незнакомом городе накануне моего дня рождения. Я еду домой».

Ничего этого он, разумеется, не сказал, а про себя подумал, что вежливая телеграмма... две вежливые телеграммы, отправленные из Нью-Йорка перед отплытием парохода, доставят его благодарности и сожаления Хэям и Генри Адамсу.

После того как лихой извозчик более или менее в целости доставил его на Северный вокзал с изрядным запасом времени, так что Джеймс успел купить билеты первого класса до Питсбурга и дальше до Вашингтона, он сел в почти пустое, жарко натопленное купе и теперь, прижавшись лбом к холодному стеклу, смотрел на исчезающий за пеленой дождя черный каньон Чикаго. Затем поезд въехал в бесконечный промышленный пустырь. Убогие домишки между шлаковыми кучами казались неумелой американской попыткой воспроизвести кошмарный диккенсовский пейзаж.

«С днем рожденья, Генри Джеймс, – думал писатель, покуда ливень яростно хлестал по окну. – Тебе пятьдесят».

И внезапно пожалел, что мартовской ночью на Сене не исполнил то, зачем пришел, к чему готовился, перебарывая страх перед черной водой. Тогда тоже шел дождь.

Часть четвертая

В понедельник, двадцать четвертого апреля, Холмс вернулся в Вашингтон после десяти дней разъездов, за которые вихрем пронесся почти по десяти городам Америки, и остановился в той же гостинице «Кирквуд» на углу Северо-Западной Двенадцатой улицы и Пенсильвания-авеню, где жил раньше. Он понимал, что это опасно, – если Лукан Адлер его ищет, то наверняка поручил кому-нибудь следить за гостиницей, – но нынешняя часть американских приключений Холмса и задумывалась как опасная. Если в этой ловле на живца удастся выманить Лукана Адлера до первого мая, лучше будет всем – за исключением Шерлока Холмса.

Сегодняшним ранним весенним вечером он направился в дом неподалеку от Дюпон-Серкл по адресу, который дала ему бывшая учительница миссис Гэддис в бостонских комнатах над каретным сараем. То был просчитанный риск. Холмс предполагал, что Лукан Адлер вряд ли живет там подолгу, но не сомневался, что убийца туда временами заглядывает.

Кирпичный особняк стоял на тихой улочке в двух шагах от Дюпон-Серкл. На стук дверь открыла крохотная, от силы четырех футов ростом, женщина в наряде европейской горничной.

– Дома ли миссис Ребекка Лорн Бакстер? – спросил Холмс, приподнимая шляпу.

– *Nie, ona nie jest teraz w domu,*^[32] – ответила карлица.

– Как жаль, – сказал Холмс. – Не будете ли вы так добры передать ей мою карточку и записку?

Он протянул карлице визитную карточку и конверт, в котором лежала короткая записка:

Ирэн! Не могла бы ты встретиться со мной завтра (во вторник) между семью и восемью часами вечера у памятника Кlover Адамс? Ш. Холмс.

Маленькая горничная взяла карточку с конвертом и, не сказав ничего – на польском или на каком-либо другом языке, – закрыла дверь.

Холмс медленно зашагал обратно к Дюпон-Серкл, но все время, пока он оставался в виду дома, шрамы зудели, словно на спине у него скипидаром начертили мишень.

Холмс прибыл на кладбище Рок-Крик незадолго до семи часов и велел извозчику не ждать, зная, что, так или иначе, кеб ему не понадобится. Солнце только что спряталось за лесом на западном краю кладбища, но впереди оставался по меньшей мере час мягких весенних сумерек.

Сыщик двинулся напрямик к памятнику Кловер Адамс. В руке у него была трость-шпага, в кармане – револьвер, однако Холмс понимал, что против Лукана Адлера со снайперской винтовкой и то и другое бесполезно. Он специально выбрал вечер вторника, чтобы Ирэн Адлер успела связаться с Луканом и сообщить тому о встрече.

По страшному опыту в Гималаях он знал, что человек и впрямь не слышит пули, входящей в его тело, поскольку пуля летит быстрее звука. В данном случае было три резких хлопка, и сразу – три невероятно сильных удара в спину и в бок. А поскольку дело происходило в горах, три выстрела раскатились эхом.

Боль от тех ран мучила до сих пор. Холмс сделал вторую инъекцию жидкого героина перед самым выходом из гостиницы. И еще он знал, что здесь, на кладбище, эха не будет.

Он благополучно дошел до просвета между деревьями, окружающими мемориал, и на целую минуту остановился здесь, где его силуэт в косых закатных лучах вырисовывался особенно четко. Затем вошел на площадку.

Там еще никого не было. «Хорошо», – подумал Холмс и зашагал к той части треугольной бетонной скамьи, которая располагалась ближе всего к памятнику и одновременно дальше всего от просвета между деревьями, так что увидеть ее снаружи в оптический прицел было невозможно. Если Лукан Адлер хочет убить Холмса сегодня, ему придется подойти на расстояние негромкого разговора.

В двадцать пять минут восьмого в просвете между деревьями возникла темная фигура и двинулась к Холмсу в голубых сумерках, напоенных ароматом свежескошенной травы.

Холмс встал. Годы, прошедшие с их последней встречи, ничуть не состарили Ирэн Адлер в его глазах. И не убавили ее красоты. Она была куда прекрасней оперной дивы на фотографии, которую он показывал другим. Вопреки моде она была без перчаток; рукава доходили только до локтя, оставляя открытыми бледные руки. В руках у нее была матерчатая сумочка. «Куда вполне поместился бы двухзарядный дерринджер», –

подумал Холмс и тут же отогнал все подобные мысли. Сейчас ли, позже – уже не имело для него значения. Он знал лишь, что юноша в черном был прав, когда сказал: «Готовность – это все».^[33]

– Шерлок, – проговорила Ирэн, и от звука ее голоса у него дрогнуло сердце.

Она подошла и протянула ладонь – по-американски, для рукопожатия, но Холмс поднес ее руку к губам и поцеловал.

– Здравствуй, Ирэн. – Холмс произнес ее имя, как она научила его в первую встречу.

Внезапно он понял, что слишком долго держит ее руку, смутился, отступил на шаг и указал на скамейку:

– Ты посидишь со мной?

– Конечно, – ответила она.

Они сидели молча, рядом, но не совсем соприкасаясь, минуты три или четыре. Холмс чувствовал, что листья на деревьях у него за спиной мокры от росы. Сумерки сгустились, но звезды еще не зажглись.

Наконец Адлер сказала:

– Сперва поговорим о нас, Шерлок? Или об игре, в которую нас втянули?

– Это не игра, – ответил Холмс суровее и резче, чем намеревался.

– Да, конечно. – Ирэн Адлер глянула на свои руки, сложенные поверх сумочки на коленях.

– Давай сперва поговорим о личном, – сказал Шерлок куда мягче.

– Хорошо. Кто из нас должен начать?

– Ты, Ирэн.

Она сделала притворно-строгую гримаску и глянула на него в вечерних сумерках:

– Отчего ты целых два года не ехал искать меня в Америку?

У Холмса кровь прилила к лицу. Он тоже глянул на свои руки:

– Никто не сказал мне, что ты вернулась в Америку. Никто не сказал мне, что ты беременна. Я почти целый год работал в британских трупках, пытаюсь тебя отыскать.

– Идиот, – сказала Ирэн Адлер.

Холмс мог только кивнуть.

– И это после того, как ты все детство практиковался, чтобы стать первым и лучшим сыщиком-консультантом мира, – сказала она, но уже другим тоном, почти подтрунивая.

Холмс вновь кивнул, но теперь он поднял на нее взгляд:

– И в Америке я тебя тоже отыскать не сумел. – Голос прозвучал глухо

даже на его собственный слух.

Она положила ладонь на обе его руки:

– Это потому, что, как только до меня через других актеров дошли слухи о твоём приезде в Нью-Йорк и Бостон, я села на первый же пароход во Францию.

– С младенцем, – почти беззвучно прошептал Холмс.

– Да. – Её ответ был ещё тише.

– Когда полковник Моран забрал его у тебя? – спросил Холмс.

– Когда Лукану было четыре, – сказала Ирэн Адлер. – Сразу после его дня рождения.

– Как ты позволила... этому... этому негодяю... – начал Холмс и умолк.

– Потому что полковник Моран имел надо мной власть, – ответила Адлер. – Ту же власть, что теперь Лукан.

Холмс, забывшись, схватил её за плечи, как будто хотел притянуть к себе... или задушить.

– Ирэн, ты сильнее, отважнее всех, кого я знал. Как этот подонок Моран мог забрать над тобой такую власть, что ты отдала ему сына... нашего сына? – Последние два слова вырвались как стон.

– Полковник Моран угрожал убить тебя, если я не буду выполнять его требования, – бесцветным голосом проговорила она. – Как теперь угрожает Лукан.

Холмс, утративший дар речи, выразил свои чувства единственным доступным ему способом: сильнее сдавил её плечи. Наверное, ей было больно, но она не сделала попытки освободиться.

Наконец Ирэн Адлер повернулась к Холмсу и тоже положила руки ему на плечи: со стороны могло показаться, что два человека утешают друг друга.

– Ты так беспечен, Шерлок Холмс! – проговорила она яростно, без тени извинений в голосе. – И всегда таким был. Этот идиот-доктор, твой друг... или Конан Дойл, я не знаю, кто из них... расписывает в печати твои маленькие салонные расследования и восхищается тобой, будто ты – Ахиллес. Но ты сидишь у окна на виду у всех. Ты ходишь по улицам в задумчивости, не видя ничего вокруг. Твой адрес и твои повседневные привычки известны каждому встречному и поперечному. Полковник Моран... или другие – они давно убили бы тебя, если бы я не выполняла их требований.

Холмс уронил руки и долго сидел в мрачном раздумье. Затем начал:

– Но мальчик...

– Мальчик был чудовищем от рождения, – резко ответила Ирэн Адлер. Голова Холмса мотнулась назад, словно его ударили по щеке.

– Бога ради! Ребенок не может быть плохим от рождения. Требуются... годы... воспитания... дурного влияния...

– Ты не держал его у груди и не видел его поступков, – ледяным голосом ответила Адлер. – Чуть ли не первое, что он сделал, – оторвал крылья бабочке, которую я показывала. И ему *понравилось*. Как будто я родила нового Кориолана.

– Но даже Кориолан стал таким из-за... – Он осекся.

– *Своей матери!* – воскликнула Ирэн Адлер так, будто ее терзала нестерпимая боль. – Волумния хвасталась мегерам-подругам, что ее маленький сын обожал мучить живых существ. Однако за четыре года Лукан не видел от меня ничего, кроме любви, и я учила его одному: уважать и любить других.

Она отвернулась и отсела подальше.

Шерлок вновь придвинулся к ней.

– Я собирался сказать, что Кориолана сформировали искаженные римские ценности, – прошептал он. – Мне всегда представлялось, что именно это хотел выразить Шекспир.

Ирэн Адлер рассмеялась горьким смехом:

– Помнишь, Шерлок? Мы познакомились в Лондоне, когда труппа Генри Ирвинга ставила «Кориолана». Я, старожил сцены, в свои преклонные двадцать три года играла дряхлую мегеру Волумнию. Ты, зеленый восемнадцатилетний мальчишка, только-только сбежал из Кембриджа и грезил о первых ролях.

– Я начисто позабыл пьесу, – сказал Холмс, – но помню каждую минуту с тобой.

Она тронула его щеку тыльной стороной пальцев:

– Ты был таким юным, милый.

Холмс обнял ее. Ирэн Адлер попыталась было вырваться, потом приникла к нему. Однако в следующий миг она уперла ладонь в грудь Шерлока и отодвинула его.

– А теперь поговорим о той игре или не игре, в которую нас втянули? – спросила она.

Шерлок смог ответить не сразу.

– Хорошо, – сбивчиво выдавил он.

– Какой из ужасов первым? – Она явно хотела взять шутливый тон, но голос прозвучал так же сдавленно, как перед тем у Холмса.

– Ежегодные машинописные открытки на шестое декабря.

Он тут же понял, что она не знает, о чем речь. Ирэн Адлер была превосходной актрисой, но Холмс десятилетиями изучал глаза и лица людей, когда те лгут. Она не разыгрывала недоумения.

– Какие открытки? Я каждое шестое декабря кладу на могилу Кловер цветы – белые фиалки, она их любила. И такой же букетик я отправляла Генри Адамсу, но никогда не прикладывала открытку.

– Нед Хупер, брат Кловер, посетил меня в Лондоне два года назад. Кстати, его уже нет в живых, – сказал Холмс. – Он предложил мне две тысячи долларов за расследование загадки. Каждое шестое декабря, начиная с восьмидесят шестого года, все оставшиеся члены «Пятерки сердец» получали одинаковые машинописные карточки с одним и тем же текстом... «Ее убили».

Ирэн Адлер глянула на него округлившимися глазами:

– Чудовищная жестокость! Я бы никогда так не поступила. И у Лукана не было никаких причин... Нет, он бы не стал.

Холмс кивнул:

– Я не подозревал ни тебя, ни его. Однако память о Неде и взятый у него в девяносто первом доллар залога обязывали спросить.

– В тот год газеты сообщили, что ты погиб, – тихо проговорила Ирэн Адлер. – В Швейцарии, в схватке с каким-то профессором Мориарти, о котором никто никогда не слышал.

Холмс снова кивнул.

– Я тогда не поверила, – сказала Адлер. – И год назад не поверила Лукану, когда тот хвастался, будто убил тебя в Тибете.

Холмс улыбнулся:

– Ему это почти удалось. Он всадил мне в спину три пули с расстояния почти в милю.

Она изумленно встрепенулась:

– Я была уверена, что он лжет. Как ты мог выжить после трех пуль из Лукановой винтовки?

– Не знаю, – ответил Холмс. – Но давай вернемся к Ребекке Лорн. – Каждое слово звучало как щелчок затвора, загоняющего патрон на место. – Это был шантаж?

– Разумеется.

– Почему Кловер и Генри Адамс?

– Они были богаты. А тогда, в восьмидесят пятом, Лукану требовались деньги на то, что он собирался делать в Европе. Адамсы сами шли в руки. Кловер была так одинока и несчастна, что я за два дня стала ее лучшей подругой.

– Но ты продолжала изображать дружбу еще семь месяцев, – резко произнес Холмс.

– После первых же дней это было уже не притворство, – тихо сказала Ирэн Адлер. – Я и впрямь полюбила Кlover. Она была невероятно талантлива – и как человек, и как фотограф. Я ценила это куда больше, чем ее гордый, занятый лишь собой муж. Он не упускал ни единого случая принизить Кlover. Сделать так, чтобы она почувствовала себя менее значительной. Менее одаренной. Вообще не ровней ему. Ты читал его роман «Эстер», напечатанный незадолго до ее смерти?

– Да, – сказал Холмс.

– Это очевидно портрет бедняжки Кlover. Она выведена глупой и слабой в искусстве, бестолковой в жизни, не способной ничего достичь без мужской помощи. Мужа, который написал бы обо мне такую книгу, я бы застрелила дважды... второй выстрел, в голову, избавил бы его от мучений в той части тела, куда бы я всадила первую пулю.

– Да, – сказал Холмс. И улыбнулся.

– Так ты спросил, почему я выбрала жертвой именно ее, – продолжала Ирэн.

Холмс кивнул.

– Я подумала, что это – самый быстрый способ убрать Лукана из жизни Кlover, – горько проговорила она. – Мой милый кузен Клифтон. Совсем мальчик. – Белые руки сжались в кулаки. – Совсем мальчик, который был раковой опухолью... требующей тысячи долларов на то, чтобы отправиться в Европу к своему кумиру, великому охотнику на тигров Себастьяну Морану, и вместе с ним кого-нибудь убить.

– Как он... Лукан... узнал про любовное письмо Генри Адамса Лиззи Камерон? – спросил Холмс. – Полагаю, ваш шантаж основывался на этом письме.

Из горла Ирэн Адлер вырвался звук, который издает подавившаяся болонка.

– Да, конечно. Адамсы принадлежали к очень тесному близкородственному кругу. Даже Лукан, несмотря на свои юные годы, понимал, что в таком обществе, чуть копни, обнаружится скандальная история. А как только я, сделавшись душевной подругой Кlover, вошла в здешний высший свет, Лиззи Камерон сама мне похвасталась этим письмом от Адамса. Лукан ожидал чего-то подобного, однако в итоге нам даже не пришлось искать. Лучшая – в кавычках – подруга Кlover сама со смехом вручила мне отравленный кинжал.

– За тридцать шесть часов до смерти Кlover ты вместе с нею навещала

больную Лиззи Камерон. Зачем? – спросил Холмс.

– Я хотела, чтобы Лиззи опровергла существование письма, – сказала Адлер. – Я умоляла ее об этом несколькими часами раньше, и она наконец согласилась.

– И она исполнила обещание?

– Нет. Она болела инфлюэнцей и находилась в самом скверном расположении духа. Лиззи мучила бедную глупенькую Кlover: то притворялась, будто ничего не понимает, то фактически признавала, что получила такое письмо. Я чуть не задушила эту гадину в ее постели под шелковым балдахин. Кlover вернулась домой, убежденная, что была плохой женой своему Генри. Плохой *настоящей* женой, как она выражалась в разговорах на эту тему. Понимаешь, Кlover страшилась физической близости, которая всегда была для нее пугающей и болезненной. И она убедила себя, что сама виновна во всем, в том числе – в ухлестываниях своего мужа за Лиззи Камерон.

– Я не понимаю, какая была выгода тебе или Лукану доводить Кlover до самоубийства, – сказал Холмс. – Эта загадка с самого начала ставила меня в тупик.

– Загадка не слишком сложна, – ответила Адлер. – Лукан нашел другой источник финансирования для своего списка убийств. Постоянный источник, который снабжает его деньгами по сей день. Лукану больше незачем было ждать, пока невротичка поможет нам шантажировать ее мужа.

– Это Лукан отравил Кlover Адамс? – спросил Холмс.

Казалось, от долгого молчания тьма сгустилась еще сильнее.

– Не знаю, – сказала наконец Ирэн Адлер. – Мне известно одно: в то воскресное утро он принес в ее спальню яд... и стакан с первого этажа. Я подозревала, что он попробует от нее избавиться... а Кlover не ждала ничего дурного от милейшего «кузена Клифтона»... Так что в то утро я прибежала к ней, но застала Кlover уже мертвой на полу. Я слышала шаги на черной лестнице – это уходил Лукан. Однако я не думаю, что он насильно влил яд ей в горло. Вряд ли он вообще показался ей на глаза. Просто необъяснимое появление стакана и склянки с цианидом стало для бедняжки последней каплей. Возможно, Кlover усмотрела в этом послание от мужа... или от Бога. – Адлер надолго умолкла. – И все равно я так же повинна в смерти Кlover Адамс, как Лукан, вне зависимости от того, что он сделал или не сделал. Я даже спрятала стакан в сумочку, прежде чем выбежать навстречу Генри Адамсу.

– Когда ты сказала про источник финансирования, кого ты имела в

виду? – спросил Холмс. – Анархистов?

Ирэн Адлер рассмеялась – на сей раз почти весело. Холмс вспомнил, что у нее всегда был красивый смех.

– У анархистов нет сколько-нибудь серьезных денег, милый. Они же *анархисты*. Многих даже не берут на фабрики, где работали их отцы, – настолько они ленивые, или пьющие, или со свихнутыми мозгами.

– Тогда кто... – начал Холмс.

– Я видела Лукана в субботу, – сказала Ирэн Адлер. – Он хвастался, что следил за тобой и за тем писателем, которого ты таскал по всей Чикагской Всемирной выставке. Вы были в пятидесяти ярдах от павильона компании, финансирующей полковника Морана и Лукана Адлера – ее руководство составило список жертв, – и даже не заглянули в здание!

– Крупп, – сказал наконец Холмс.

– Разумеется.

Полковник Райс довольно долго рассказывал, что главной звездой Всемирной выставки – по крайней мере, для мужчин и мальчишек – будет «Малышка Круппа», пушка весом двести пятьдесят тысяч тонн, такая большая, что для нее потребовалось отдельное здание; его втиснули между озером и Павильоном сельского хозяйства. Пушка, выстроенная Эссенской фабрикой Фрица Круппа, стреляла снарядами в тонну на расстояние двадцать миль и пробивала железную броню. Поскольку здание не находилось на линии прямой видимости от Административного корпуса, Холмс им не заинтересовался.

– Зачем им столько не связанных между собой убийств? – спросил Холмс.

Двусложный ответ возник в его голове за долю секунду до того, как Ирэн Адлер произнесла слово вслух:

– Война.

– Где?

– Где угодно, – сказала она. – Лишь бы участвовали крупнейшие европейские страны. Судя по списку, который упоминал Лукан, больше всего они рассчитывают на Балканы.

– Тогда чего ради убивать американского президента? – спросил Холмс.

– Маленькая проверка. К тому же несложная. Американские президенты всегда такие... доступные... Не правда ли?

– Знаешь ли ты, откуда Лукан будет стрелять? Какое место он выбрал?

– Нет.

Холмс схватил Ирэн за руку выше локтя и стиснул так, что сильный

мужчина взмолился бы о пощаде. В последнем свете апрельских сумерек еще можно было разобрать выражение ее глаз. Она не лгала.

Холмс выпустил ее руку и сказал:

– Извини.

– Я знаю: он рассчитывает, что ты вычислишь это место, – тихо сказала Ирэн.

Холмс отметил, что она не потеряла руку, хотя там почти наверняка остался синяк.

– Откуда ты это знаешь?

– Он еще раньше сказал мне, что убьет тебя почти одновременно с президентом Кливлендом.

– Ты знаешь, когда он собирается убить президента?

– Он не сказал мне, но я знаю Лукана, – ответила Ирэн Адлер. – Он застрелит Кливленда во время короткой речи. Когда все будут смотреть и внимать. То будет ярчайшая рампа для Луканова гения. Он даже говорил об этом в таких выражениях.

– Известно ли тебе, как он намерен скрыться? – спросил Холмс.

– В подробностях – нет, – ответила Ирэн. – Но он говорил, что фирма-спонсор приобрела быстроходное судно «Зефир», и оно будет ждать Лукана недалеко от берега. По его словам, «Зефир» с его парусами, немецкой гоночной командой и новыми паровыми винтами уйдет от любого полицейского катера на Великих озерах.

– Спасибо, – сказал Холмс. – Спасибо тебе за все.

Ирэн Адлер открыла медальон и в последнем угасающем свете показала его Холмсу. Тот на миг подумал, что внутри будет его дагеротип или прядь его волос, но там оказались лишь миниатюрные часы.

– Наше время вышло, мистер Шерлок Холмс, – тихо произнесла она.

– «К добру ли эта встреча при луне»?^[34] – спросил он.

Ирэн улыбнулась, и Шерлок вспомнил, как она улыбалась, когда ему не было девятнадцати лет.

– О нет, то не изменчивая луна над древесными кронами, мой влюбленный Ромео, а газовый фонарь над мощеной кладбищенской дорогой.

Он поднялся вслед за Ирэн и замер, она тоже. Потом она зашагала к просвету в кольце деревьев, и Холмс двинулся в полушаге за ней.

– Я провожу тебя до экипажа, – сказал он, подавая руку.

Они прошли по росистой траве. В гаснущих сумерках могильные памятники белели зыбкими, немного зловецкими очертаниями.

По бокам ее изящного закрытого экипажа горели огни. Холмсу

отчетливо представилось, как Лукан Адлер, выставив руку в дверцу, стреляет ему в грудь из кольта сорок пятого калибра.

Он мотнул головой, давая расторопному кучеру понять, что сам усадит даму, и помог Ирэн Адлер забраться в пустой экипаж.

– Когда мы встретимся снова? – спросил Холмс, по-прежнему держа дверцу, куда она устраивалась на сиденье.

– На твоих похоронах или на моем повешенье, скорее всего, – ответила Ирэн Адлер.

– НЕТ! – выкрикнул Холмс так громко и властно, что лошадь испуганно махнула хвостом, а кучер обернулся с козел.

Ирэн Адлер подалась вперед и страстно поцеловала Шерлока в губы. Затем, не отнимая ладони от его щек, прошептала:

Чтоб не разбудить нам змея,
Все загладим поскорее.
Коль друзья мы, дайте руки...

Холмс тут же схватил ее руки в свои и крепко сжал.

Все загладит Бог иль случай.^[35]

Она захлопнула дверцу и крикнула:

– Гони, кучер!

Холмс постоял в темноте, затем вернулся к могиле Кловер Адамс, остановился у задней стороны памятника и стукнул по граниту кулаком.

Каменная дверь отворилась, и вышел глава секретной службы Эндрю Л. Драммонд.

– Вы всё слышали? – глухо спросил Холмс.

– Да, всё. Это очень нам поможет. – Драммонд с мужской грубоватой силой стиснул ему плечо. – Холмс, что до личного... клянусь честью, жизнью моих детей... никто не услышит от меня ни слова.

Холмс пожал плечами, словно говоря, что понимает, насколько он теперь наг и уязвим.

– Мы немедленно разыщем «Зефир» и возьмем его под наблюдение, – сказал Драммонд.

Холмс устало кивнул.

– Но не мешайте ему встать на якорь рядом с Колумбовой выставкой, –

произнес он тем же ровным, безжизненным тоном. – Лукан Адлер не должен знать, что нам известны его планы.

– Нам придется взять мисс Адлер под стражу, – сказал Драммонд.

– Бога ради, не сейчас! – взорвался Холмс. – С тем же успехом можно отправить Лукану Адлеру телеграмму, что мы его ловим. Установите за ней слежку, если можете сделать это аккуратно. Я хочу сказать, настолько аккуратно, чтобы даже такой змей, как Лукан Адлер, не заметил хвоста. А еще лучше – вообще не трогайте ее, пока... – Он не закончил фразу.

– Пока что? – спросил Драммонд.

– Пока я не скажу, – ответил Холмс и зашагал прочь.

У него за спиной Драммонд дунул в полицейский свисток. Из-за дальних деревьев, надгробных памятников и монументов выступили полтора десятка теней и подошли к своему начальнику. К входу в парк подъехали фургоны. В их свете Холмс видел, что почти все агенты, как и Драммонд, вооружены револьверами, но у некоторых в руках винтовки. Они не остановили бы Лукана Адлера, вздумай тот застрелить Холмса из укрытия: план состоял в том, чтобы схватить убийцу, когда тот роковым выстрелом выдаст свою позицию.

Холмса и Драммонда ждала отдельная открытая коляска.

Холмс припомнил интонацию Ирэн Адлер и слегка ошарашил Драммонда возгласом:

– Гони, кучер!

Ранним утром пятницы, двадцать восьмого апреля, Генри Адамс и Генри Джеймс ехали на Центральный вокзал, чтобы сесть на литерный поезд, заказанный Генри Кэботом Лоджем.

Ехать было недолго, но Адамс воспользовался случаем завести разговор, который, очевидно, считал важным для них обоих.

– Гарри, – сказал он, подаваясь к дородному писателю, – пока мы не встретились с остальными, я хочу поблагодарить вас за те две недели, что вы провели у меня.

Серые глаза Джеймса насторожились.

– Это я должен благодарить вас и за гостеприимство, и за наши ежевечерние разговоры.

– Вам удалось поработать над пьесой?

Джеймс горько улыбнулся:

– Немного. Затем я ее переписал. Затем переписал еще раз. Затем выбросил все в корзину. Однако я начал перерабатывать свой рассказ – пустяковую вещицу о нищем домашнем учителе, который любит своего подопечного больше, чем эгоисты-родители.

– Слишком, увы, похоже на правду, – сказал Адамс.

– Ладно, посмотрим, – отмахнулся Джеймс.

– Спасибо, что позволили мне говорить о Кlover – о ее жизни и смерти – после стольких лет молчания. Я всегда буду вам за это признателен.

У Джеймса защипало глаза.

– Это была большая для меня честь, мой друг, за которую я глубоко вам благодарен, – сказал он.

Неожиданно Адамс улыбнулся:

– А помните, что вы написали Кlover в восемьдесят втором перед отплытием в Англию? Как вы объяснили, почему выбрали именно ее адресатом «своего последнего письма из Америки»?

– Я написал, что считаю Кlover воплощением ее родины, – ответил Джеймс.

– А помните, что она сказала мне, прочитав ваше послание? Я передал вам ее слова в письме много лет назад.

– Если не ошибаюсь, она назвала мой комплимент «весьма двусмысленным» и добавила... попробую воспроизвести дословно:

«Значит, я вульгарна, скучна и со мной невозможно жить?»

Оба от души рассмеялись.

Адамс протянул сжатую ладонь. Джеймс, полагая, что друг хочет пожать ему руку, тоже выставил ладонь, однако Адамс вложил в нее что-то тяжелое и холодное.

То были часы Джеймса, отцовский подарок, оброненный в ту безумную ночь, когда они с Холмсом прятались в монументе работы Сент-Годенса. В монументе, хранящем самую сокровенную тайну Адамса.

У Джеймса кровь жарко прихлынула к лицу. Он поднял глаза и увидел, что Адамс улыбается.

Джеймс торопливо опустил голову, но не мог скрыть слезы, сбегавшие по щекам и подбородку на любимые часы в раскрытой ладони.

Холмс прибыл на вокзал в назначенное время и немало изумился, увидев, что на самом деле представляют собой «несколько вагон-салонов», о которых небрежно упомянул Кэбот Лодж. Это был целый личный поезд. Сразу за паровозом размещался вагон для слуг. Затем роскошный вагон-ресторан. Отдельный курительный вагон, чтобы беседовать и любоваться видами. По меньшей мере четыре вагона для Лоджа и его гостей.

Кэботу Лоджу и его жене Нанни предназначалось полвагона в хвосте состава, такое же пространство (с отдельным ватерклозетом – только подумать, ватерклозет в поезде!) было отведено Дону Камерону и красавице Лиззи. Хэв разместили в двух роскошных купе: в большом – Джона и Клару, в соседнем – их дочь Хелен. Кларенс Кинг не поехал, отговорившись необходимостью быть на Западе по горнорудным делам, зато Огастес Сент-Годенс принял приглашение Лоджа. Трем холостякам – Сент-Годенсу, Джеймсу и Холмсу – достались купе поменьше; впрочем, в каждом был отдельный ватерклозет и умывальник. Услышав, что трем джентльменам придется обходиться услугами всего двух камердинеров (вагон для слуг и без того был забит до отказа), Джеймс заметил со вздохом: «Что ж, придется вытерпеть это неудобство».

Он очень сдержанно поздоровался с Холмсом, который за двухнедельное отсутствие ни разу не дал о себе знать, однако сыщик был погружен в свои мысли и не заметил этой тщательно продуманной холодности. Писатель раздраженно думал, что вынужден будет первым нарушить взаимное молчание и поговорить с Холмсом наедине.

Случай представился после изысканного обеда, когда дамы удалились в общую гостиную (она располагалась в первой половине четвертого вагона), а мужчины ушли в курительный салон с бренди и сигарами. Джеймс попросил Холмса задержаться в вагоне-ресторане и велел официантам стоять снаружи, пока их не позовут.

– В чем дело? – спросил Холмс.

Он по-прежнему был погружен в свои мысли и за обедом по большей части молчал, несмотря на все усилия Хелен Хэй втянуть его в разговор.

– Я видел Мориарти, – прошептал Джеймс. – И написал вам об этом на адрес вашей чертовой табачной лавки, но конверт вернулся через день нераспечатанным, с припиской, что вы больше не забираете там почту.

– Верно. – Холмс поднес свою новомодную зажигалку к огромной

пенковой трубке и выпустил клуб едкого дыма в воздух, и без того пропахший жареным мясом и вином. – Я был в разъездах и не заходил за почтой в табачную лавку. Где и когда вы видели Мориарти?

– В тот день, когда собирался ехать из Чикаго в Нью-Йорк, – раздраженно ответил Джеймс. – Пятнадцатого. В тот день, когда вы укатили невесть куда.

– Где вы его видели, Джеймс? И что он поддельвал?

Писателю подумалось, что Холмс задает вопросы как-то чересчур небрежно для такой серьезной темы.

– Он был на Центральном вокзале Чикаго, прочесывал вагоны. Искал меня, Холмс. Ему помогали несколько громил. Я еле успел скрыться незамеченным.

Холмс кивнул и выпустил дым:

– Почему вы думаете, что профессор Мориарти искал именно вас, Джеймс?

– Ну, вы же не ехали тем поездом из Чикаго в Нью-Йорк, верно?

Холмс, не вынимая изо рта зажатую в зубах трубку, мотнул головой.

– Мориарти и его бандиты целенаправленно искали жертву, – сказал Джеймс. – И этой жертвой был я. Через кого-то... через кого-то, кому вы рассказали о подслушанном мною разговоре Мориарти с гангстерами и анархистами... сведения просочились наружу. Он *охотился* на меня, Холмс. Я твердо убежден.

– В таком случае хорошо, что вы не сели на тот поезд, – заметил Холмс.

У Джеймса отвисла челюсть.

– И вам больше нечего сказать в ответ на мои известия? Где вы были последние две недели?

– Да так, в разных местах, – ответил Холмс.

– Что вы сделали для спасения Вашингтона, Нью-Йорка, Филадельфии, Чикаго и других городов, которые Мориарти планирует погрузить в хаос анархистского мятежа после убийства президента Кливленда? Приведена ли в готовность армия? Обращались ли вы к мэрам и главам полиции этих городов? Я не могу придумать иной причины, которая оправдывала бы ваше двухнедельное отсутствие и очевидную... беспечность перед лицом общенациональной революции.

– Я бы не тревожился из-за Мориарти, – сказал Холмс, похлопывая Джеймса по плечу, словно учитель, ободряющий ученика.

Джеймс не успел оттолкнуть его руку и потом много часов об этом жалел.

– Не тревожился из-за Мориарти?! – воскликнул Джеймс. – Но, безусловно, он должен быть вашей задачей номер один! Профессор Мориарти... говоря вашими же словами, организатор и вдохновитель всех грядущих убийств и мятежей. Вам следует целиком сосредоточить усилия на поисках Мориарти и предоставить другим разбираться с этим... с этим мальчишкой, Луканом.

– Нет! – отрезал Холмс. – В первую очередь мы должны сосредоточиться на том, чтобы не дать Лукану Адлеру убить президента. Потом я займусь профессором Мориарти. Положитесь на меня, Джеймс.

Писатель только затряс головой от бессильного изумления.

– И вы знаете, как это сделать? Как предотвратить убийство президента? – выговорил он наконец. – Известно ли вам, откуда убийца намерен стрелять, каков его план отступления и, главное, как вам его остановить?!

– Думаю, да. Мы все узнаем меньше чем через три дня, верно? И да, Джеймс, в решающий момент я рассчитываю на вашу помощь. – Прежде чем открыть дверь и махнуть официантам, что те могут войти, он имел наглость еще раз похлопать литератора по плечу. – Быть может, присоединимся к другим джентльменам в курительном салоне?

Генри Джеймс никогда не испытывал желаний кого-нибудь убить (если не считать кратких вспышек ярости, направленной на старшего брата Уильяма), но сейчас у него руки чесались всадить в мистера Шерлока Холмса хлебный нож. В курительном салоне он сел как можно дальше от сыщика.

Литерный экспресс Генри Кэбота Лоджа прибыл в Чикаго утром двадцать девятого апреля. Все пассажиры прекрасно отдохнули и развлеклись, за вычетом, быть может, Шерлока Холмса, который еще глубже ушел в свои неведомые раздумья.

Лодж предупредил гостей, что поезд остановится у частной платформы менее чем в пятидесяти ярдах от западных ворот Колумбовой выставки, через которые будут входить прибывающие по железной дороге. Все гости вольны гулять сколько пожелают и возвращаться в свои купе в любое время дня и ночи. Слуги и повара будут к их услугам круглосуточно.

Однако первую остановку поезд сделал в центре Чикаго. Оттуда пассажиров перевезли на яхту Дона Камерона «Альбатрос», где каждому была отведена каюта (чуть поменьше купе, но не менее роскошная). Сюда они тоже могли возвращаться, когда пожелают. На яхте имелся полный набор слуг, готовых по первому требованию подать прохладительные напитки или обед из нескольких блюд. Перед выходом Камерон собрал всех и сказал, что между поездом и «Альбатросом» будут постоянно курсировать посыльные и те, кто предпочтет остаться в своих комфортабельных купе, смогут в любую минуту отправить записку на борт, а на пирсе будет круглосуточно дежурить по меньшей мере один паровой катер (чаще – два) для доставки гостей на берег и обратно.

После этого все отправились на первую вылазку. Джон Хэй и Кэбот Лодж заранее раздобыли для каждого (даже для юной Хелен) особый пропуск, позволявший в любое время посещать Белый город и Мидуэй-Плезанс. Лодж со слов директора Выставки Дэниела Бернема предупредил, что рабочие еще заканчивают последние приготовления: убирают мусор, снимают временные железнодорожные пути, высаживают цветы и даже деревья, наносят последний слой белой краски на некоторые павильоны, – однако экскурсанты, если будут в меру внимательны, никому не помешают.

Особенно внимательными, добавил Лодж, надо быть на Мидуэй-Плезанс. Бернем сказал Генри Кэботу, что всё и вся на променаде длиной в милю уже закончено, кроме чертова (этого слова Лодж при дамах не повторил) Колеса, которое достроят к июню. Сейчас же на Мидуэй-Плезанс действуют алжирская и тунисская деревни, где можно попробовать экзотическую еду и полюбоваться на еще более экзотических жонглеров и танцовщиц, скользящая железная дорога Барра – восхитительная поездка

вдоль всей Мидуэй-Плезанс в открытой кабинке, приводимой в движение водой, Электрический театр Бернских Альп, диорама на сто мест, в которой зрителей ждет леденящее (благодаря электрическим холодильникам) путешествие по тридцати милям воссозданных альпийских пиков.

Еще на выставке имелись привязные аэростаты (их Лодж дамам не рекомендовал), китайская деревня, дагомейская деревня, турецкая деревня и немецкая деревня с сотнями настоящих китайцев, дагомейцев, турок и немцев в национальных костюмах. Для тех, кто ищет культурных развлечений, на Мидуэй-Плезанс открыты зоологическая арена Хагенбека, венгерский концертный павильон с цыганскими оркестрами, венские концертный зал и кафе.

На тщательно воссозданной каирской улочке гости смогут увидеть толпу настоящих египтян с их собаками, змеями, обезьянами. Для любителей пощекотать себе нервы в отдельном павильоне разместился вулкан Килауэа. На случай если станет слишком жарко, к услугам посетителей закрытый бассейн Нататориум. В сегодняшнюю, субботнюю ночь и в завтрашнюю воскресную Белый город будут освещать лишь полная луна и газовые фонари, но в понедельник, первого мая, президент Кливленд повернет магический рубильник, и Белый город вместе с прилегающей Мидуэй-Плезанс засияет огнями, каких еще не видела планета.

Гости в темных костюмах и платьях (которые в понедельник предстояло сменить на более светлые летние) уселись в катера и отправились на берег. Здесь Шерлок Холмс отделился от общества – у него была назначена встреча с полковником Райсом, агентом Драммондом и главой чикагской полиции Робертом Макклаффри.

Генри Джеймс решил остаться на «Альбатросе» – озеро Мичиган было таким спокойным, что качка почти не ощущалась, – и вздремнуть в обшитой красным деревом каюте среди шелка и бархата.

Он проснулся уже в темноте. На яхте не было никого, кроме команды. Очевидно, гости еще развлекались на берегу.

Для него оставили катер. Когда Джеймс спустился по трапу в лодку, рулевой спросил:

– Отвезти вас в Белый город, сэр?

– Нет, – ответил Джеймс. Сердце стучало так, что ему трудно было дышать. – На главную пристань Чикаго.

У него сложилось решение, что он – Генри Джеймс – разыщет неуловимого профессора Мориарти. За часы бессонного «дневного сна» на яхте Дона Камерона Джеймс внушил себе, что Мориарти с приспешниками высматривали не его. Холмса или кого-то другого, но не его. Что он Мориарти и что ему Мориарти?

Нет, убеждал себя писатель, вокзальная встреча с гением преступного мира была чистой случайностью. Теперь Джеймс вновь полагался на свою анонимность – по крайней мере в том, что касается мальчишки Адлера или темного повелителя Мориарти.

Велев рулевому ждать у городской пристани, сколько бы времени ни прошло, Джеймс на конке добрался до черного сердца Чикаго и там пересел на надземный трамвай.

Разумеется, у него не было никакого определенного плана, как не было и оружия. Мысль о поисках Мориарти в ночном Чикаго странно будоражила кровь. Успокаивало Джеймса одно: шансы вновь столкнуться с Мориарти настолько малы, что такая встреча возможна лишь в дурно написанном бульварном романе.

Чикагская надземная трамвайная система, которая уже в те времена называлась «L», заработала лишь год назад, в 1892-м. Первые вагоны были деревянные, открытые с обеих сторон ветру и дождю, но теперь Джеймс ехал над ночной Лейк-стрит в полностью закрытом вагоне. Писатель на первой же станции обзавелся схемой трамвайных маршрутов и выяснил, что, за исключением Саутсайдской линии, которая теперь протянулась на юг до Шестьдесят третьей улицы, Стони-Айленд-авеню и входа на Колумбову выставку со стороны Павильона транспорта, все ветки, к неудобству Джеймса, заканчиваются не доезжая до центра.

В их первый приезд Холмс объяснил ему, что причина – в законе штата, по которому для строительства надземной трамвайной линии нужны разрешения от всех владельцев жилых домов и предприятий на улице, над которой она пройдет.

Джеймс понимал, что по этой ветке едет на юг, но у него не было намерения возвращаться к станции «Джексон-парк» и Всемирной выставке, где сейчас, вероятно, находились Холмс и все гости Камеронов. Разумеется, там же мог находиться и Мориарти. Однако Джеймс решил сосредоточить ночные поиски в Чикаго, который называл про себя Черным городом.

Он сошел за несколько остановок до станции «Шестьдесят третья улица» и зашагал почти наугад.

Лишь пройдя пять или шесть кварталов по плохо освещенным улицам, он осознал три факта: во-первых, что в этой части города нет фонарей, но много людей на тротуарах, во-вторых, что тут на каждом шагу пивные и дансинги, оглашающие ночь разухабистой музыкой, и, в-третьих, что за всю дорогу от остановки он не видел ни одного белого лица.

С легкой дрожью беспокойства Джеймс понял, что нечаянно заехал в негритянскую часть города – Холмс как-то назвал ее «Эбонивиллем». Он быстро зашагал обратно к остановке и тут же сообразил, что не помнит, где поворачивал. Ни одной эстакады надземного трамвая не было видно на перекрестках, к которым он приближался походкой настолько стремительной, что ее вернее описывало бы слово «бег».

Внезапно перед ним вырос негр в дорогом костюме, удивительно ярком галстуке и очень приличном соломенном канотье.

– Заблудились, сэр? – спросил негр. – Могу я вам чем-либо помочь?

Джеймс попятился на три шага, но кое-как сумел выговорить:

– Не будете ли вы любезны сказать мне, где ближайшая трамвайная остановка?

Негр – самый черный, какого Джеймс когда-либо видел, – улыбнулся, сверкнув безупречными белыми зубами.

– Конечно, сэр. – Он указал в ту сторону, откуда Джеймс только что пришел. – Три квартала по этой улице, затем влево по Сорок восьмой, и там всего через полквартала будет остановка.

– Спасибо, – ответил Джеймс и чуть не поклонился от радостного облегчения. Однако, идя по тротуару (заполненному цветными людьми, которые все вели себя так, будто что-то празднуют), он невольно обернулся проверить – не преследует ли его недавний благодетель с какими-нибудь дурными намерениями.

Высокий негр в канотье стоял на прежнем месте. Увидев, что Джеймс обернулся, он снова сверкнул белозубой улыбкой и дружески помахал.

«Каков наглец!» – подумал Джеймс и тут же устыдился своей мысли.

Однако истина состояла в том, что Джеймс, который изрядно поездил по миру (особенно в сравнении с американцами) и чувствовал себя как дома на улицах Лондона, Парижа, Флоренции, Венеции, Рима, Цюриха, Люцерна или Берлина, до сего дня практически не сталкивался с неграми, если не считать гостиничной obsługi.

Впрочем, он уже добрался до остановки. Через несколько минут к платформе подошел трамвай и увез Джеймса обратно на север.

* * *

В следующие часа полтора Джеймс доезжал на трамвае до конечной, а затем пересаживался на конку до Дуглас-парка, Гарфилд-парка, Гумбольдт-парка и Логан-сквера (схема трамвайных маршрутов обещала мелким шрифтом, что через год-два туда протянется Вестсайдская ветка надземного трамвая).

Необходимость пересаживаться вовсе не огорчала Джеймса, тем более что вагоны конки были куда удобнее трамвайных.

А в тех редких кварталах, где на улицах горели фонари, а в экипажах проезжали и по тротуарам шли люди одного с ним цвета кожи, Джеймс мог с удовольствием пройти пешком, высматривая, не мелькнет ли где блестящая лысина и жуткий взгляд Мориарти.

В одном из этих западных рабочих районов Джеймс вспомнил, что не ел с утра. Кафе уже по большей части закрывались, но некоторые еще были открыты, а в иных даже толпился народ. Однако за столиками сидели работяги в матерчатых кепках (их не снимали даже во время еды), вельветовых или саржевых штанах и огромных ботинках. Женщины тоже попадались, но по избытку румян и нескромным нарядам Джеймс догадывался, что это жрицы любви.

Он решил, что поужинает на яхте, и отправился искать очередную западную линию конки.

* * *

Довольно скоро он обнаружил загадку, никак не связанную с Шерлоком Холмсом, Луканом Адлером или профессором Мориарти. Проехав в двух десятках полупустых вагонов, он видел по меньшей мере десять человек с одной и той же книгой.

На всех этих людях были дурно сидящие шерстяные костюмы, стоптанные, но тщательно вычищенные ботинки, а на некоторых и соломенные канотье (впрочем, куда более старые и засаленные, чем у негра, с которым Джеймс разговаривал два часа назад). Все они держали книгу близко к глазам, словно плохо видят, хотя никто из них не носил очки. Загадка усугублялась тем, что за все время, пока Джеймс наблюдал за трамвайными читателями, ни один из них не перелистнул страницу.

Они просто держали открытую книгу перед скучающими (а часто и

закрытыми) глазами. Больше всего Джеймса заинтриговало, что книга у всех была одна и та же.

На обложке стояло: «Мэгги, уличная девчонка». Судя по грубому переплету, автор – некий Джонстон Смит – напечатал книгу за свой счет.

Наконец в конке, подъезжающей к конечной юго-западной остановке, Джеймс отважился пересесть на пустое сиденье перед «читателем», обернулся и кашлянул. «Читатель» продолжал держать книгу на уровне лица.

– Извините, – сказал Джеймс.

«Читатель» – он, очевидно, задремал – вздрогнул и опустил книгу.

– Сегодня вечером я заметил, что несколько джентльменов в общественном транспорте читали тот же роман, что и вы. Надеюсь, вы не сочтете за дерзость, если я спрошу, почему он так популярен в Чикаго.

Мужчина ухмыльнулся во весь рот; у него недоставало двух или трех передних зубов, а те, что сохранились, были желтыми от никотина. Все это наводило на мысль, что жесткий и неудобный костюм – его единственный.

– Я все ждал, когда кто-нибудь спросит. Честно сказать, я не прочел ни слова из этой дрянной книжонки. Один малый платит мне – и еще двум десяткам ребят, – чтобы мы катались в трамваях и на конке, сколько они ходят, с семи утра до часу ночи. Небось думает, что люди увидят книжку и бросятся покупать ее себе.

– А давно ли вы и другие... э-э... читатели этим занимаетесь? – спросил Джеймс.

– Да три недели уже, и ни разу никто про книгу не спросил. До вас, в смысле. Чует мое сердце, у нашего хозяина денежки скоро закончатся, и на следующей неделе придется мне искать честную работу.

– Сам ли автор, мистер Джонстон Смит, оплачивает эту... э-э... рекламную кампанию? – спросил Джеймс.

– Автор-то автор, только он не Джонстон и не Смит. Совсем молоденький субчик, двадцать – двадцать один год от силы, и ботинки у него еще стоптаннее моих. На самом деле звать его Стивен Крейн.

– Что ж, интересный способ привлечь внимание к своей книге, – сказал Джеймс, гадая, не попробовать ли ему такое со своими романами в Лондоне. Но нет... лондонские ценители литературы не ездят в общественном транспорте с простонародьем, кроме как в поездах, а британец или британка не станет в купе разговаривать с незнакомцем. Это просто не принято.

– Знаете, – продолжал мужчина; он уже закрыл томик и положил на колени, – я ведь книжки-то читал в жизни, одну или две. Так вот, это даже

не настоящая книга.

– В каком смысле?

– Да в ней всего пятьдесят страниц, а при том широкие белые поля и чистые листы с начала и с конца.

– Рассказ, переплетенный как книга, – задумчиво проговорил Джеймс. Собеседник пожал плечами:

– Я одно понимаю: мне еще час мучиться, пока конка не перестанет работать и я не пойду домой спать. Руки отваливаются держать эту дрянь перед носом с утра до ночи, но этот самый Крейн проверяет нас чуть не каждый день. Не держишь книжку перед носом – до свиданья. А такую работу, чтоб платили два доллара в день за просиживание штанов, нынче поди найди.

Джеймс покачал головой, изображая сочувствие.

Конка остановилась в темной части города. Кучер и кондуктор вышли развернуть вагон. Очевидно, это была конечная.

Джеймс решил немного размять ноги.

– Вы же не здесь выходите? – спросил платный читатель.

– Я только на минуточку, – ответил Джеймс.

Однако едва он вышел в сырую ночь, как увидел в полуквартале от остановки, под единственным горящим фонарем, проблеск лысины, промельк фрака со старомодным высоким воротником и белое червеобразное движение длинных пальцев душителя. Через мгновение все это исчезло во тьме.

Позабыв про конку, Джеймс пустился догонять призрака.

* * *

За тусклым фонарем не просто была тьма: там разом заканчивались дома по обе стороны улицы. Как будто Джеймс вслед за Мориарти вышел из Чикаго и теперь они одни в ночной прерии.

И тут в ноздри ударил запах. Запах и звук сотен, если не тысяч, тяжелых невидимых копыт, запах и первобытное чувство, что на тебя смотрят из темноты бесчисленные незримые глаза. Прямо впереди улица упиралась в перпендикулярную, а дальше Джеймс смутно различал огромную, темную, изредка мычащую массу живых организмов, которые дышали, смотрели, испражнялись.

Он дошел до чикагских скотопригонных дворов. В темноте по обе стороны не было ни единого фонаря, ни единого здания с горящими

окнами. Один или два фонаря в загонах были слишком далеко; Джеймс различал лишь поблескивание коровьих рогов прямо под ними.

Он выбрал левую сторону и смело зашагал в дышащую тьму.

* * *

Здесь не было ни тротуара, ни мостовой. Сквозь подошвы ботинок Джеймс ощущал лишь утоптаный грунт и щебень – что ж, по крайней мере не жидкую кашу из коровьего навоза и грязи, как в загоне по правую руку. Животные шуршали боками, вздрагивая во сне или протискиваясь через стадо к кормушке.

И еще Джеймс ощущал себя... иначе. Поиски Мориарти в опасных районах Чикаго прогнали апатию и злость. За все время, что он шагал меж полуразрушенных складов и коровьих загонев, впереди ни разу не мелькнула блестящая лысина и длинные белые пальцы; однако Джеймс и не рассчитывал на самом деле отыскать преступного гения, а уж тем более – столкнуться с ним напрямую.

Генри Джеймс осознал, что находится как бы вне себя, наблюдает за собой сверху (здесь, в крошечном мраке, где даже на часы не мог взглянуть, не посветив на циферблат спичкой). До сегодняшней ночи он стремился стать драматургом, но сейчас был разом зрителем и актером – *действующим* лицом. Ибо Джеймс именно что не играл роль, а действовал – решительно и даже дерзко. «Если так чувствует себя персонаж у плохого писателя, то... мне это нравится», – подумал он.

Сейчас ему не верилось, что чуть больше полутора месяцев назад он готов был утопиться в Сене. Из-за чего? Из-за того, что его книги плохо раскупают?

Джеймс чуть не расхохотался, шагая сквозь тьму. Он по-прежнему испытывал к Холмсу стойкую, вполне обоснованную неприязнь, но теперь ему было ясно, что сыщик – вымышленный или реальный – стал для Генри Джеймса-младшего спасителем. Глухой ночью в чужом городе Джеймс чувствовал себя моложе, сильнее – более живым, чем когда-либо на его памяти, по крайней мере на взрослой памяти. И он сильно подозревал, что его детская живость была не более чем лунным светом – отражением бешеной энергии, исходившей от старшего брата Уильяма.

Решительная схватка. Именно эти слова эхом отдавались у Джеймса в голове. Не просто борьба с повседневными житейскими мелочами, но схватка с драматическими опасностями в той жизни, какой он и вообразить

для себя не мог. Впервые Генри Джеймс понял, отчего брат Уилки после всего увиденного и пережитого – одному из двух солдат, несших его после боя за Форт-Вагнер, снарядом разнесло голову, так что в Уилки, упавшего вместе с носилками на песок, полетели мозги и осколки черепа, – отчего тот, едва оправившись после ужасных ран, вернулся на войну. Как и брат Боб, который в другой битве потерял половину своего полка.

Решительная схватка. Джеймс внезапно понял, почему такие мгновения были для Шерлока Холмса жизнью и почему сыщик нуждался в морфине или героине, чтобы вытерпеть скучные периоды затишья между опасными расследованиями.

Возможно, полчаса назад он увидел из конки профессора Мориарти, возможно – нет. Это по сути не имело значения.

И тут он заметил впереди какое-то движение. На него надвигались темные вертикальные тени. Люди.

Слева тянулись глухие стены складов – ни одного горящего окна, – так что глаза уже привыкли к темноте. Джеймс видел, что идущих четверо и каждый держит в руках дубинку.

Он остановился.

Поднимая обеими пухлыми руками трость, Джеймс пожалел, что это не трость-шпага Холмса.

Бежать? Мысль, что его заарканят сзади, как быка на родео, пугала больше, чем надвигающиеся из тьмы фигуры.

Четверо бандитов – а Джеймс не сомневался, что перед ним именно бандиты, вне зависимости от того, состоят ли они на службе у профессора Мориарти или действуют сами по себе (этого он так никогда и не узнал), – были уже менее чем в десяти футах, когда из темного проулка слева прогремел голос:

– ЭЙ, ТАМ! СТОЯТЬ! НЕ ДВИГАТЬСЯ!

У мощного потайного фонаря отодвинули заслонку. Луч, ударивший из дальнего конца проулка, осветил Генри Джеймса – тот держал трость перед собой, словно солдат – ружье на смотру, – и четверых грязных оборванцев с дубинками. Джеймс не ошибся: дубинки были самые настоящие – тяжелые, утыканые гвоздями.

– НЕ ДВИГАТЬСЯ! – взревел богоподобный глас.

Джеймс послушно замер, бандиты, напротив, пришли в движение: двое сиганули через ограду в загон и пропали среди черной массы скота, двое припустили вдоль ограды в темноту, из которой возникли три минуты назад.

Луч метнулся за ними, затем вновь ударил в глаза. Джеймс, щурясь,

наблюдал, как приближается обладатель богоподобного гласа. Подойдя, тот опустил фонарь.

Чикагский полицейский. Не Колумбов гвардеец в опереточной форме, а самый обычный полисмен. Джеймс различил два ряда бронзовых пуговиц, кепи, огромную бляху на широкой груди, прищуренные глаза и пышные усы.

Джеймс был рад явлению полицейского, но не напуган. *Он не испугался*, даже когда четверо бандитов шли прямо на него. Это было настолько странно и необъяснимо, что он сам себя не понимал.

Не важно. Джеймс сообразил, что ухмыляется прямо в настороженное лицо полицейского, и поспешил взять себя в руки.

– Что вы здесь делаете? – спросил полицейский обычным человеческим голосом. – Эти молодцы могли отнять у вас все... включая и жизнь, сэр.

Джеймс переборол желание вновь ухмыльнуться в физиономию обескураженному полисмену с его замечательным ирландским акцентом, замечательными нафабранными усами и не менее замечательной черной дубинкой.

Великий мастер бесконечных, сложно построенных предложений еле-еле выдал несколько плохо связанных слов:

– Я... я хотел... посмотреть Чикаго... сошел с трамвая... потом с конки... дальше пешком... и вдруг... оказался в полной темноте.

Полицейский понял, что перед ним идиот, и заговорил медленно, с интонацией воспитателя дошкольной группы:

– Да, сэр. Но здесь... не место... таким... как вы, сэр.

Джеймс согласно кивнул и тут же, к собственному ужасу, понял, что ухмыляется. *Он не испугался*.

– Где вы остановились, сэр?

В первую секунду Джеймс даже не понял, о чем его спрашивают.

– В... то есть нет, на этот раз не в «Грейт-Нортерн»... у Камерона... на яхте сенатора Дона Камерона.

Полицейский прищурился. Сейчас Джеймс видел, что ирландец довольно хорош собой, вот только нос у него походил на раздавленную красную картофелину. Чтобы не рассмеяться, пришлось закусить щеку изнутри.

– Где эта яхта, сэр?

– Стоит на якоре у большого пирса Белого города, – ответил Джеймс. Глаголы, существительные и синтаксис вновь ему подчинялись. (По правде сказать, он охотно променял бы их все на то, чтобы продлить нынешнее

восхитительное чувство.)

– Можно спросить ваше имя, сэр?

– Генри Джеймс-младший, – мгновенно ответил Джеймс и, очень удивившись собственным словам, поспешил исправиться: – Теперь просто Генри Джеймс. Мой отец, Генри Джеймс-старший, умер одиннадцать лет назад.

– Как вы попали на берег с яхты сенатора, мистер Джеймс?

– Паровой катер доставил меня на городской пирс. Я велел рулевому ждать.

Полицейский направил фонарь на недорогие часы у себя в ладони:

– Время уже за полночь, сэр.

Джеймс не знал, что ответить. Внезапно он засомневался, что рулевой и впрямь его ждет. Быть может, друзья считают, что он заблудился. Или убит.

– Идемте, мистер Джеймс. – Ирландец мягко взял Джеймса за плечи и развернул к темному проулку, из которого недавно чудесным образом возник. – Я провожу вас на нужную остановку конки. И конка, и новые трамваи ходят только до часу. Даже в субботу. Вам надо отправляться напрямиком на пирс, и никаких больше прогулок по городу.

Его товарищеское касание нисколько не раздражало Джеймса.

И так, вместе, они двинулись к освещенным частям городам.

В воскресенье накануне открытия гости Кэбота Лоджа отправились еще раз погулять по тихой Выставке, пока ее не захлестнули толпы народа. Генри Джеймс по большей части ходил с Генри Адамсом, который, в свою очередь, предпочитал держаться рядом с Лиззи и Доном Камерон. Однако во второй половине дня Адамс откололся от их маленькой группки; впрочем, он и почти всю субботу бродил сам по себе. Общество договорилось в семь собраться на пирсе, где должен был ждать большой паровой катер. Вечером шестидесятивосьмилетний мэр Чикаго Картер Генри Харрисон, недавно переизбранный на пятый срок, давал гала-прием, и гости Кэбота Лоджа были приглашены к нему. На первой встрече, которая состоялась утром, старый популист очаровал всех, включая юную Хелен Хэй.

Однако, сойдясь на пирсе, общество недосчиталось Генри Адамса.

– Я, кажется, знаю, где он и чем так увлекся, – сказал Холмс. – Отчаливайте без нас, но пришлите катер назад. Мы с мистером Адамсом будем здесь через двадцать минут.

Сенатор Дон Камерон ответил:

– Мы с Лиззиждемся вас здесь.

Вся остальная веселая компания погрузилась на борт, и катер, рассекая воду, устремился к «Альбатросу», который стоял на якоре рядом с другими яхтами и броненосцем «Мичиган».

Холмс был с Адамсом, когда они обнаружили Павильон машиностроения. Динамо и другие электрические генераторы совершенно заворожили пожилого историка. Формально тысячи электрических механизмов на Колумбовой выставке должны были заработать лишь в понедельник, когда президент Кливленд нажмет золотой телеграфный ключ, лежащий перед ним на алой бархатной подушке. При этом не только развернутся тысячи флагов и вымпелов, но и включится паровая турбина мощностью три тысячи лошадиных сил – этот исполинский агрегат, изготовленный фирмой «Аллис», был установлен в Павильоне машиностроения.

Однако Адамс заглядывал во все углы и задавал вопросы, пока не отыскал настоящую динамо-машину, за счет которой освещалась Выставка и ездили желтые трамваи. Динамо (самое большое в мире) пряталось в здании Городской трамвайной компании на южных задворках экспозиции,

за деревьями и большими павильонами. Сюда почти никто не заглядывал, если не считать рабочих, которые постоянно приглядывали за машиной. Изогнутый металлический кожух динамо был больше сводчатого входа в особняк Адамса, однако и этот кожух, и люди рядом с ним казались игрушечными по сравнению с исполинскими колесами: они возвышались по меньшей мере на пятнадцать футов, хотя их нижняя треть уходила в бетонный пол. В субботу Холмс помог историку отыскать машину, с минуту полюбовался ею, послушал, как техник, перекрикивая грохот, объясняет, что в данную минуту это динамо питает электричеством шесть с половиной миль трамвайных путей, по которым движутся одновременно шестнадцать составов, и ушел, оставив Адамса одного среди шума и запаха озона. Он знал, что историк едва ли не все время на Выставке проводит здесь, в огромном помещении почти без окон, рядом с новым источником энергии для человеческого рода.

Сейчас, пройдя в тени балок и колес, Холмс и впрямь увидел Адамса. Тот, поминутно снимая соломенную шляпу и вытирая лоб носовым платком (при этом его лысина ярко блестела в свете голых электрических лампочек наверху), что-то увлеченно втолковывал молодому человеку в плотном шерстяном костюме. По длинным темным волосам, орлиному носу, медному цвету кожи и черным глазам Холмс угадал в молодом человеке индейца. Адамс, взволнованный, как школьник, вещал:

– Но *это!* Этому, мистер Вялый Конь, восхищенно дивились бы древние греки и завидовали венецианцы в пору величайшего расцвета республики! Чикаго смотрит на нас с дерзким презрением, демонстрируя то, что мощнее искусства и значительнее коммерции. Это, увы или ура, *будущее*, мистер Вялый Конь! Ваше и мое, боюсь... и одновременно надеюсь. Я могу забавляться бутафорией, выстроенной на Мидуэй-Плезанс, и описывать ее в открытках, однако каждый день я прохожу через Павильон машиностроения и каждый вечер, возвращаясь сюда, плююсь, как старый сыч, на динамо будущего...

Адамс, видимо, поймал себя на том, что говорит лекторским тоном. Он вновь снял соломенную шляпу, протер лысину и, к тому времени как подошел Холмс, продолжил уже чуть тише и спокойнее:

– Еще раз приношу извинения, сэр. Я говорю так, будто передо мной слушатели, а не собеседник. Что вы думаете об этой динамо-машине и пока бездействующих чудесах в Павильоне машиностроения, где, я видел, вы тоже смотрите на них дни напролет, мистер Вялый Конь?

Высокий индеец ответил не сразу, а когда все же ответил, его голос поразил Холмса своей звучностью:

– Думаю, мистер Адамс, что это подлинная и явленная религия вашей расы.

Адамс разразился новой взволнованной речью. Холмс кашлянул. Он знал, что индеец заметил его на входе в павильон и с первой же минуты следил за ним глазами. Адамс говорил:

– Дева Мария была для людей тринадцатого века тем же, чем это динамо и другие такие же будут для...

Он увидел Холмса, запнулся, снял соломенную шляпу и сказал:

– Мистер Вялый Конь, позвольте представить моего сегодняшнего спутника на выставке, знаменитого Шер... извините... знаменитого норвежского исследователя мистера Яна Сигерсона.

Вместо того чтобы протянуть руку, Холмс щелкнул каблуками и слегка поклонился почти на немецкий манер. Индеец ответил таким же кивком, словно и для него нежелательно прикосновение к Холмсу. Не понимая, как и откуда взялась эта уверенность, Холмс *знал*, что молодой человек (не такой уж молодой при ближайшем рассмотрении; судя по морщинкам в уголках глаз, лишь на год – на два младше его самого) принадлежит к тем же сиу, с которыми сыщик дружил семнадцать лет назад, и, более того, что это *вичаша вакан* – шаман племени, человек, наделенный способностью видеть больше измерений, чем обычные люди.

– Очень приятно, мистер Вялый Конь, – сказал Холмс. – Нам, европейцам, редко выпадает случай встретить практикующего *вичаша вакана* из Вольных детей природы.

Индеец (Холмс с первой секунды абсолютно точно знал, что его имя не Вялый Конь) смотрел на него куда более изумленно и пристально, чем если бы просто удивился лакотским словам из уст бледнолицего.

Генри Адамс, обеими руками сжимая шляпу, попятился. У него было чувство, что он смотрит на двух больших орлов, глядящих друг другу в глаза.

Холмс первым отвел взгляд и повернулся к Адамсу:

– Прощу прощения, что помешал, Генри, но Лиззи и сенатор ждут на главном пирсе у парового катера Франклина. Мы опаздываем на скромный ужин у мэра Харрисона.

Адамс что-то сказал индейцу и двинулся к выходу. Холмс вновь поклонился – ему отчего-то по-прежнему не хотелось прикасаться к руке краснокожего – и промолвил:

– Очень приятно было познакомиться, мистер Вялый Конь. Надеюсь, что когда-нибудь *вашичу ванаги* перестанет вас тревожить.

Холмс знал, что его слова означают: «Надеюсь, дух пожирателя

жирных кусков, то есть *призрак бледнолицего*, перестанет вас тревожить», однако понятия не имел, отчего так сказал.

Индеец в ответ лишь быстро заморгал.

Холмс в смущении повернулся и вслед за Генри Адамсом направился к выходу из грохочущего павильона Городской трамвайной компании. Однако, отойдя от здания менее чем на сто ярдов, он тронул историка за рукав и сказал:

– Пожалуйста, отправляйтесь на яхту с Камеронами. Я вспомнил, что кое-что еще должен сделать.

– Д-да, – проговорил Адамс, очевидно потрясенный чем-то, что увидел или почувствовал. – Конечно, если вам обязательно нужно... но грех пропускать обед у мэра Харрисона...

Холмс кивнул, хотя толком не слышал его слов, и бегом припустил назад к зданию трамвайной компании.

Индеец уже ушел. Холмс – сперва по грунтовой дороге, затем по узким улочкам добежал почти до выхода к железнодорожной станции. Он рассчитал, что если краснокожий джентльмен прибыл сюда с шоу Буффало Билла, то будет возвращаться с Выставки через эти ворота.

Так и оказалось. Холмс догнал индейца перед самым турникетом.

– Мистер Вялый Конь!

Высокий индеец медленно обернулся и взглянул на него без всякого удивления.

– Я должен... если бы вы могли мне помочь... прошу прощения, – запинаясь, выговорил Шерлок Холмс. – Ваше имя ведь не Вялый Конь?

– Нет, мое имя Паха Сапа.

– «Черные холмы», – прошептал Холмс.

– А ваше настоящее имя не Сигерсон, – сказал Паха Сапа. – И вы даже не пытаетесь скрыть оксбриджский английский выговор.

– Меня зовут Шерлок Холмс. – Он протянул руку, и в этот раз индеец ее пожал.

Холмс испытал сильнейшее потрясение в жизни – во всяком случае с тех пор, как в Гималаях его настигли три пули. И он видел, что Паха Сапа тоже ощутил идущий через них разряд энергии.

Когда они разъединили руки, энергия осталась – куда более сильная, чем наэлектризованность воздуха подле динамо-машины.

– Я должен спросить вас, Паха Сапа, – сказал Холмс, – как мне определить, реален ли я?

– *Вичаша ксапа кин йа*, – сказал Паха Сапа.

Холмс каким-то образом понял: «Мудрый человек говорит...»

– Однако я не знаю, мудрый ли я человек, – закончил Паха Сапа по-английски.

– Все равно скажите, – попросил Холмс. – Мне самому точно не хватает ума ответить на этот вопрос.

Глаза Паха Сапы пронзали его – это было физическое ощущение, как от стрел.

– Каждый человек, рожденный от женщины, реален, – сказал Паха Сапа. – Но даже из них некоторые... бледны. Малореальны. Сильнее всего те, кто творит свое бытие словом.

– Не понимаю, – сказал Холмс.

– Шесть Пращуров не рождены женщинами, но они реальны. Я, мои отцы и мои деды – мы сотворили их словом.

Недоуменное выражение Холмса задавало вопрос: *как?*

– Мы рассказывали о них, – ответил Паха Сапа, и Холмс позже не мог вспомнить, прозвучало это на английском или на лакотском. – Рассказывали их истории. Однако главное – мы побуждали людей рассказывать их истории. – Он помолчал и повторил с нажимом: – Рассказывать их истории – *и верить!*

– Да, – проговорил Холмс, не зная точно, отчего согласился, однако чувствуя, что согласен всем сердцем. – *Пиламаяйе*. Спасибо. – Этого было мало, однако ничего больше выговорить не получилось.

Он повернулся и хотел бежать прочь, однако Паха Сапа крепко схватил его за плечо. И вновь Холмс ощутил себя так, будто вошел во вращающуюся катушку динамо-машины.

– *Лукан кте*, – сказал Паха Сапа. («Лукан тебя убьет».)

Холмс почувствовал, как холодная рука неотвратимого рока сжимает сердце, и оттолкнул ее прочь.

– *Холмс, унктепи! Якте!* – Слова, произнесенные почти шепотом, оглушили Холмса, как крик, яростный боевой возглас в шуме ветра над прерией. «Холмс, вы его убьете! Ты его убьешь!»

– Да, – прошептал Шерлок Холмс.

Паха Сапа улыбнулся и уже обычным голосом произнес:

– *Токша аке чанте исла вачиньянкин ктело! Хечету. Милакуйя оясин!*

Холмс понял каждое слово: «Я увижу тебя вновь оком моего сердца! Да будет так! Все мои родичи!»

– *Милакуйя оясин!* – ответил Холмс. («Все мои родичи!»)

Они двинулись в противоположные стороны, и лишь через две минуты Холмс вспомнил, что должен идти к пирсу, где ждет катер.

Еще не было шести утра понедельника и над Белым городом по-прежнему висела полная луна, когда Шерлок Холмс привез Генри Джеймса к Павильону изящных искусств и мануфактур.

– Не понимаю, почему я должен участвовать в этой... в вашей неизвестной затее, – пробурчал сонный и недовольный Джеймс.

– Потому что это необходимо, – ответил Холмс. – Вы участвовали в ней с самого начала, и сегодня будет завершение. Вы нужны здесь. К тому же я сказал даме, что ключ будет у вас...

– Какой даме? Какой ключ? – еле выговорил Джеймс и тут же умолк, увидев, что у входа в самый большой павильон ждут полковник Райс, агент Драммонд и глава чикагской полиции Макклаффри.

Райс впустил всех в павильон и запер за ними дверь. Холмс впереди остальных двинулся к лифту компании «Отис-Хейл». На время, когда лифт не работал, ажурная шахта запиралась. Полковник Райс отпер ее и протянул ключ Холмсу, который им же открыл кабину.

– Как видите, мистер Джеймс, – сказал Холмс, вручая ключ писателю, – он подходит к обеим дверям. Откройте их, только если некая дама попросит вас отвезти ее на верхнюю галерею. Она может действовать... э-э... настойчиво.

– Но я не знаю, как управлять... где нажимать... – начал Джеймс.

Драммонд вошел в кабину и показал рычаг сбоку от двери:

– Для подъема поверните влево. Чем дальше влево, тем быстрее подъем. Не забудьте остановиться на крыше, не то нам придется искать вас и вашу пассажирку на Луне.

– Там есть механический датчик, который замедляет и останавливает кабину, что бы ни делал лифтер, – сказал полковник Райс, опасаясь, что Джеймс примет шутку за чистую монету.

Джеймс по-прежнему мотал головой и пытался вернуть ключ Холмсу.

– Чепуха, – сказал Холмс, отказываясь забирать ключ. – Вы тысячу раз ездили на лифте, мистер Джеймс.

– Куда реже, – буркнул писатель; в Лондоне, а уж тем более в его любимых Риме и Флоренции лифтов практически не было.

Считая, что вопрос улажен, Холмс повернулся к Драммонду, который вместе с ним стоял в шахте:

– На каком числе стрелков вы остановились?

– Президент Кливленд категорически запретил ставить людей с винтовками на видных местах, – ответил Драммонд. – Он сказал, это превратит радостный день открытия во вторую инаугурацию Линкольна, когда солдаты стояли на каждой крыше.

– Отлично, отлично. Так на каком числе хорошо спрятанных стрелков вы остановились?

– Двенадцать. Они будут лежать или как-то еще прятаться на крыше каждого большого здания в пределах прямой видимости от южной галереи этого павильона.

Холмс кивнул:

– Оптические прицелы?

– Двадцатикратные, – ответил Драммонд.

– Не забудьте напомнить им, чтобы не стреляли, если я не подам сигнал или не буду убит, – сказал Холмс. – Нам не нужна перестрелка над головами сотысячной толпы.

– Почему вы так уверены, что Лукан Адлер займет позицию на галерее именно этого здания? – спросил полковник Райс.

– Просто уверен, и все, – ответил Холмс. – Он будет на восточном конце смотровой площадки. За установленным там немецким прожектором либо рядом с ним.

– Неудобный угол стрельбы для всех наших снайперов, – заметил Макклаффри.

– Именно так, – согласился Холмс.

– Однако мы не дадим ему уйти из здания живым, – сказал Райс.

Холмс с улыбкой повернулся к Джеймсу:

– До десяти часов утра посетители будут свободно подниматься на смотровую площадку и спускаться с нее. Затем Колумбовы гвардейцы полковника Райса попросят всех освободить крышу, проверят, что никто не остался, потом запрут кабину и шахту. Ключ будет у вас.

– Какой даме я должен его отдать? – слабым голосом спросил Джеймс.

– Вы узнаете ее по фотографии Ирэн Адлер, которую я вам показывал. Золотисто-каштановые волосы. Волевой подбородок. Высокие скулы. Почти лиловые глаза. – Холмс протянул руку. – Пора прощаться, старина. Спасибо за все.

Джеймс пожал ему руку и опасливо глянул на двухсотфуттовую шахту, в которой должен был поднять лифт. Затем все четверо вышли из павильона. Полковник Райс вновь запер наружную дверь.

– Павильон Изящных искусств и мануфактур откроется в обычное время, – сказал Райс Генри Джеймсу. – В десять мои люди очистят

Смотровую площадку, и мы повесим табличку, что лифт и площадка закрыты с десяти до двух. Многие захотят посмотреть на президента с удобной точки, но все галереи будут на это время закрыты. Вам нужно быть здесь в десять.

Джеймс глянул на большой ключ и убрал его в жилетный карман.

– Что мне делать до тех пор? – спросил он почти жалобно.

– На вашем месте, – ответил агент Драммонд, – я бы вернулся на яхту сенатора Камерона, благо катер ждет, и поспал бы еще часа два. Главное, поручите кому-нибудь вас разбудить, чтобы в десять быть тут – вместе с ключом. Вам не придется никому ничего объяснять. Публика прочтет табличку на запертой шахте и разочарованно отправится смотреть на президента с площади перед Административным корпусом.

Позже Джеймс не мог вспомнить, кивнул ли он, прежде чем развернуться и пойти к пирсу.

Небо затянуло облаками, собирался дождь, однако за несколько минут до прибытия президента Кливленда выглянуло солнце и, словно по команде, залило лучами зрителей и официальных гостей.

Еще не видя президентского кортежа, Холмс услышал, как толпа на площади перед Административным корпусом разразилась криками и аплодисментами. Сыщик смотрел в длинную узкую щель, которую рабочие по указанию полковника Райса прорезали в металлическом основании огромного прожектора на юго-западном углу Смотровой площадки Павильона изящных искусств и мануфактур. Отсюда ему была видна вся галерея до такого же прожектора на юго-восточном углу. Если Лукан Адлер выбрал для стрельбы другую точку, то прославленный сыщик Шерлок Холмс будет последним идиотом, который лежал, скрючившись и обливаясь потом, в наглухо закрытом ящике, покуда президента Соединенных Штатов застрелили откуда-то еще.

Если только Колумбовы гвардейцы полковника Райса или снайперы агента Драммонда не увидят и не застрелят Лукана раньше.

Холмс знал, что этого не произойдет.

Часы, которые он положил на пол в узкой полоске света, показывали ровно одиннадцать, когда оркестр заиграл президентский гимн; это означало, что Кливленд начал подниматься на трибуну. Холмс, лежа в позе эмбриона под тяжелыми проводами, заполнявшими почти весь ящик, продолжал смотреть в щель, но не видел никакого движения. Сейчас президент был легкой целью для Луканова маузера (если убийца и впрямь выбрал эту винтовку) с сотни других мест над заполненной людьми площадью. По аплодисментам, которыми встретили кортеж президента и выступления первых ораторов, чьи голоса досюда почти не долетали, Холмс определил, что толпа заполнила обе стороны лагуны до самого Перистиля и дальше, боковые улочки и пирс.

Он знал расписание до секунды и, когда толпа притихла, слушая благословение слепого капеллана, отметил про себя, что церемония отстает от графика по меньшей мере на три минуты.

Дэниел Бернем и другие директора выставки учли печальный опыт прошлого октября, когда все промерзли до костей, и постарались сделать открытие как можно более коротким. Тем не менее прошел целый час (до Холмса долетели обрывки графоманской «Оды Колумбу» и прочей

бессмысленной чепухи), прежде чем президент вышел на ораторский помост и генеральный директор выставки Дэвис встал, чтобы его представить.

Через восточную щель Холмс видел, как якобы запертая дверца ящика под исполинским прожектором в восточном конце галереи бесшумно распахнулась. Лукан Адлер вылез из тесного пространства и вытащил длинный сверток. Он развернул черную ткань, и Холмс даже с такого расстояния определил, что у Лукана и впрямь пятизарядная винтовка Маузера образца девяносто третьего года с двадцатикратным оптическим прицелом.

Холмс ногой распахнул дверцу ящика, встал и двинулся к Лукану.

* * *

Генри Джеймс два часа стоял у неработающего лифта и слушал, как посетители возмущаются невозможностью поглядеть на президента со Смотровой площадки. Однако сейчас, перед началом президентской речи – голоса с трибуны долетали, хоть и негромко, в раскрытые двери опустевшего павильона, – писатель остался у лифта совершенно один.

Вернее сказать, он был один, пока без нескольких минут двенадцать к нему не подошла хорошо одетая женщина лет сорока с небольшим. У нее были золотисто-каштановые волосы, волевой подбородок, высокие скулы и лиловые глаза. И она спросила:

– Вы, случайно, не писатель Генри Джеймс?

Джеймс заморгал (в Америке его, как правило, не узнавали) и ответил:

– Да, это я.

Он уже собирался приподнять шляпу, когда женщина вытащила из сумочки уродливый револьвер и направила его Джеймсу в живот.

– Достаньте ключ, – сказала она. – Откройте обе двери. И отвезите меня наверх.

Джеймс торопливо выполнил ее требования, правда чуть не уронил ключ, отпирая шахту, и не сразу справился со второй дверью. Женщина практически втокнула его в кабину и вошла следом, не опуская пистолета.

– Отвезите меня наверх, – сказала она. – Быстро!

Джеймс рывком отвел рычаг так далеко влево, что кабина взмыла ракетой. Он потянул вправо, и она почти остановилась в сорока футах над полом.

Женщина решительно отодвинула Джеймса, дернула рычаг влево, и

кабина вновь понеслась вверх.

* * *

Лукан Адлер, чей профиль напоминал орлиный даже больше, чем у его прославленного отца, стоял за прожектором, так что стальной обод стойки служил упором для маузеровской винтовки. Сбоку Лукана загорали перила, и Холмс сомневался, что люди Драммонда смогут в него попасть – если они вообще заметили движение на краю галереи.

Лукан закончил подстраивать оптический прицел, убрал отвертки в карман рубашки (пиджака на нем не было) и теперь, по-прежнему держа винтовку нацеленной в президента, с улыбкой смотрел на приближающегося Холмса.

Когда между ними оставалось примерно двадцать пять больших шагов, Лукан направил дуло на Холмса и сказал:

– Стой.

Холмс остановился.

– Я могу выпустить три пули меньше чем за две секунды, – сказал Лукан.

Холмса поразил его резкий металлический голос, ничуть не похожий на материнский. Может быть, скорее на отцовский. Холмс не мог сказать наверняка.

– Две – жирному президенту в грудь и одну тебе в живот раньше, чем ты пробежишь пять футов, – добавил Лукан. – Если сделаешь движение рукой к карману или к пиджаку, я сначала убью тебя и выпущу две или три пули в президента еще до того, как кто-нибудь поднимет голову на звук первого выстрела.

Холмс знал, что это не пустая угроза, поэтому стоял не шевелясь.

Президент еще не начал речь, но вступление генерального директора Дэвиса уже близилось к концу. Холмс знал (и знал, что знает Лукан): после речи Дэвиса и до того, как толстяк-президент займет ораторское место, оркестр будет целых полторы минуты играть «Да здравствует Колумбия», чтобы толпа успела выразить свои чувства криками и овациями.

За этим шумом никто не услышит выстрела. Возможно, даже снайперы Драммонда.

Холмс глянул на стальной трос, идущий от столбика ограды к маяку на озере тремя сотнями футов ниже. Он догадывался, что Лукан закрепит там какое-нибудь устройство, но сейчас невольно восхитился красотой

решения: обычный шкив с приваренным незамкнутым квадратом, чтобы не соскакивал с троса, а под ним – велосипедный руль с резиновыми ручками.

– Изящно, – сказал Холмс, кивая на устройство. Он не сомневался, что у бетонного островка, на котором стоит маяк, ждет быстроходный катер. – Однако полиция и секретная служба уже знают про «Зефир».

Лукан Адлер пожал плечами и усмехнулся:

– «Зефир» изначально был отвлекающим маневром.

Дэвис представил президента, оркестр и хор начали «Да здравствует Колумбия», и президент вышел на возвышение. Холмс не обернулся через правое плечо, чтобы на него взглянуть.

Лукан поднял винтовку выше, целясь Холмсу в грудь.

– Одной только левой рукой, – он повысил голос ровно настолько, чтобы его можно было слышать за шумом, – сними пиджак, жилет и рубашку. Быстро! Если не снимешь все за тридцать секунд, выстрелю.

Холмс принялся левой рукой неловко расстегивать пуговицы и запонки. Однако тридцать секунд – треть времени, отведенного на музыку, крики и овации, – еще не прошли, а он уже стоял голый по пояс.

Лукан по-прежнему глядел в прицел:

– Два выходных отверстия. Неплохая кучность для такого расстояния. А теперь повернись. *Быстро!*

Холмс повернулся лицом к прожектору, под которым прятался последние шесть часов.

– О, третье входное отверстие довольно гадкое, мистер Холмс, – прошипел Лукан. – Пуля все еще внутри? Нет, вряд ли. Какой-нибудь тибетский пастух выковырял ее ржавой ложкой? Воображаю, как это было больно! Повернись и смотри на меня! *Живо!*

Холмс повернулся к юноше – практически мальчишке, но с черными глазами кобры. Сыщик стоял, уронив руки. Солнце приятно согревало голые плечи.

– Разумнее сперва убить тебя, а затем уже Кливленда, – продолжал Лукан, упиваясь своей властью. – Однако забавнее, наверное, оставить тебе вторую пулю, чтобы ты перед смертью видел, как я убью президента. Как по-вашему, мистер Сыщик?

Холмс молчал. У него за спиной открылась дверь лифта.

* * *

Генри Джеймс пытался остаться в кабине, но женщина – она была

сильнее и выше – выволокла его за руку и потащила по галерее.

Там был Шерлок Холмс. Он стоял спиной, и в ярком солнечном свете шрамы белели лунными кратерами. Лукан Адлер повел дулом винтовки в сторону Джеймса и женщины.

– Ба, миссис Бакстер! – воскликнул Лукан со смешком. – Встань рядом с папенькой и направь свой чертов «бульдог» вниз.

Ирэн Адлер обошла Холмса, чтобы тот ее видел, навела револьвер на него и сказала:

– Не хочу вниз. Хочу – ему в сердце.

Лукан рассмеялся; звук был – словно сталь рвет сталь. Перекрывая голосом музыку и гвалт внизу, он сказал:

– А вы – мистер Генри Джеймс, которого Холмс таскает за собой весь месяц, как ручного барашка на веревке. Что ж, мистер Джеймс, знайте, что вас я оставлю в живых. Мне нравятся ваши книги. Читать их – мучение, а я люблю боль. Пишите дальше.

Музыка умолкла. Толпа разразилась приветственными возгласами и затихла.

Президент начал речь. Позже газеты писали, что его звучный голос разносился по всей Выставке. Однако с такого расстояния его слова казались мышинным писком. Волны оваций перемежали их, как грохот прибора.

– Сперва цель. – Лукан положил винтовку на опору прожектора и начал наводить прицел.

Холмс знал, что грудь и живот Кливленда сейчас заполнили весь окуляр.

– Нет, сперва Холмс! – Ирэн Адлер прицелилась Холмсу в грудь с расстояния всего семь или восемь футов и взвела курок.

Никогда еще Джеймс не действовал так быстро. Он прыгнул к Ирэн, поймал ее руку с револьвером и направил вниз, хотя в тот миг уже понимал запоздало, что она перевела дуло с Холмса на своего сына.

Выстрел оглушил Джеймса.

Пуля, которая предназначалась Лукану в грудь, попала ему в правую ногу. Юноша потерял равновесие и рухнул на бетон, но тут же перекатился, словно дикий кот, и вскочил на одно колено, держа винтовку у плеча.

Холмс бросился к Лукану еще до выстрела Ирэн, однако расстояние было слишком велико.

Чертыхаясь от боли в колене, но все равно твердо держа винтовку, Лукан прицелился и выстрелил.

Пуля просвистела у правого уха Джеймса. Ирэн Адлер вскрикнула и

упала ничком. Джеймсу хватило присутствия духа поискать глазами револьвер, но «бульдог», видимо, оказался под ее телом.

Раненый, чертыхающийся Лукан развернул винтовку к Холмсу, однако тот был уже рядом и ударом ноги отшвырнул ее прочь. Тяжелый маузер с грохотом покатился по бетону.

Лукан успел пригнуться. Он выбросил вперед кулак: между пальцами блеснуло широкое смертоносное лезвие. Правый рукав был порван, и Джеймс видел изящный механизм, выдвинувший нож. Лукан ударил Холмса в голый живот, и, хотя сыщик изогнулся дугой, из-под ножа брызнула кровь.

Лукан Адлер крутанулся, перемахнул через ограду, схватил велосипедный руль, одним взмахом лезвия рассек веревку, которая фиксировала устройство, и заскользил по тросу.

Шерлок Холмс, не медля ни секунды, вскочил на ограду – брызги крови все еще летели из раны – и прыгнул в двухсотфутовую пропасть.

Невидимая стотысячная толпа взревела, словно восхищаясь самоубийством Шерлока Холмса. Подбегая к южной ограде за прожектором, Генри Джеймс краем глаза увидел, как над Павильоном сельского хозяйства и другими Большими зданиями заплескали флаги, как упало покрывало со статуи Республики в центре лагуны и забили фонтаны. Какой-то частью мозга писатель понимал, что президент благополучно закончил речь и нажал золотой телеграфный ключ на бархатной подушке.

Позже Джеймс сообразил, что настоящий джентльмен первым делом проверил бы, что с миссис Ирэн Адлер Лорн Бакстер, и, если возможно, оказал бы ей помощь. Однако в тот миг Генри Джеймсу было глубоко плевать, что с Лукановой матерью.

Он добежал до перил на юго-восточном краю площадки и ахнул.

* * *

Холмс в прыжке не дотянулся до велосипедных рукояток. Одной рукой он ухватил Лукана Адлера за ремень, другой – за воротник.

Воротник с треском оторвался, рубашка лопнула по шву в тот миг, когда Лукан начал разворачиваться к Холмсу. Сквозь прореху в его рукаве Джеймс видел, как сработал механизм ножа. Между пальцами убийцы вновь выдвинулось широкое лезвие.

Холмс перехватил руки и теперь карабкался по Лукану спереди, как обезьяна по акробатическому снаряду в форме человека. Правой он схватил убийцу за шею и тянул его голову вниз, словно для поцелуя, а левой поймал правое запястье Лукана, не давая тому нанести удар... но поздно. Вновь брызнула кровь. Кровь Холмса.

Генри Джеймс лихорадочно озирался. Какая-то часть его мозга отметила, что кабина лифта пошла вниз и теперь возвращается, однако факт ничего для него не значил. Ирэн Адлер по-прежнему лежала ничком, вероятно мертвая.

Джеймс увидел маузеровскую винтовку. Он быстро схватил ее – господи, какая же тяжелая! – положил на металлическую ограду и попытался заглянуть в оптический прицел.

Крепко сжимая деревянную ложу, Джеймс отвел умело собранный и

тщательно смазанный затвор, и боевой патрон (Джеймс заметил крестообразную насечку на свинцовой головке пули) упал на бетон под немецким прожектором.

Джеймс не знал, сколько патронов осталось в магазине. Быть может, всего один. Времени проверять не было. Не задумался он и о том (как задумался бы на его месте любой опытный стрелок), не сбился ли при падении оптический прицел.

Мгновение он ничего не понимал, затем в объективе возникли две расплывчатые фигуры: Лукан и Холмс, крутясь, съезжали по тросу на одноколесном механизме. Рубашка на Лукане была изорвана в клочья и забрызгана кровью – кровью Холмса, как догадался Джеймс. Голая кожа сыщика была такой же белой, искромсанной и окровавленной, как рубаха Лукана.

Они еще не доехали до конца троса по единственной причине: механизм не был рассчитан на такой вес. Через тридцать или сорок футов колесо застряло, потом дернулось и покатило снова.

Двое над бездной боролись не как люди, а как звери. Холмс, ухватив правое запястье Лукана, прижал рычаг автоматического ножа к стальному тросу. Полетели искры. Механизм согнулся, и нож сделался бесполезен.

Лукан поменял руки: теперь он правой держался за велосипедный руль, а левой молотил Холмса по плечам и загривку. Сыщик тем временем, обхватив Лукана ногами, продолжал карабкаться по нему вверх. Противники бодали друг друга, кусались. Лукан ткнул пальцами в глаза Холмсу в тот самый миг, когда тот ребром ладони рубанул его по горлу.

Пот со лба заливал Джеймсу глаза. Он вытер правый и снова поймал сцепившиеся фигуры в прицел. Шкив замедлился, и они крутились, молотя, пиная и кусая друг друга. Затем колесо вновь покатило свободно, унося их к далекому бетонному островку на озере Мичиган.

Джеймс увидел белизну, заполнившую окуляр, решил, что это – почти наверняка – рубашка Лукана Адлера, и, задержав дыхание, нажал спусковой крючок. Он забыл упереть приклад в плечо, так что его отбросило отдачей, и писатель со всей силы приземлился на зад.

* * *

Они проехали уже сто тридцать футов из двухсот сорока, когда Холмс наконец ухватил велосипедный руль и подтянулся на один уровень с Луканом. Теперь они били друг друга локтями, кулаками, лбами и

коленями. Лукан бешено скалился.

Он сумел поправить механизм ножа, и лезвие вновь торчало из его правого кулака. Как и Холмс, Лукан держался за руль левой рукой, но крепче, к тому же в этой позиции Холмс не мог защитить свой левый бок.

– Умри и будь проклят! – заорал Лукан, занося нож для удара, который поразит Холмса в сердце.

Холмс что-то проговорил, то ли «да простит меня Бог», то ли «да простит тебя Бог», Лукан не разобрал; но в любом случае слова не остановили бы удара.

Внезапно между ними просвистела пуля. Она задела правое плечо Лукана и чиркнула по тыльной стороне правой ладони Холмса.

Рука у Лукана дрогнула. Вместо того чтобы войти в сердце, бритвенно острое лезвие рассекло мясо и скользнуло по ребру.

Холмс вытащил из правого кармана брюк велосипедистский револьвер-соковыжималку, приставил его к мускулистому животу Лукана – высоко, у самой диафрагмы, – крепко сжал рукоять, вдавливая дурацкий предохранитель, и сделал два выстрела подряд.

* * *

Драммонд и два его агента бежали к Джеймсу, двое других склонились над бесчувственной Ирэн Адлер. Джеймс слышал два пистолетных хлопка, но был уверен, что это двойное эхо его винтовочного выстрела.

Драммонд помог ему встать в то самое мгновение, когда Лукан на высоте семидесяти футов разжал руку и полетел вниз. Шкив с висящим на нем Холмсом, набирая скорость, мчался к далекому бетонному островку.

Лукан падал красиво, раскинув руки крестом и запрокинув голову, словно глядит на небо. Джеймс был уверен, что он упадет в воду, но в последний миг затылок Лукана ударился о бетонный волнолом со звуком, который был слышен даже на Смотровой площадке.

И тут Холмс тоже разжал руки – или они разжались сами. Высота была еще футов сорок, но упал он в воду, перед самым бетонным островком, на котором стоял сигнальный огонь. Джеймс, Драммонд и два агента перегнулись через перила, ожидая, когда Холмс выплывет. Драммонд смотрел в бинокль, затем протянул его Джеймсу.

Холмс еще не выплыл. Еще не выплыл. Он еще должен был выплыть.

И тут они его увидели. Холмс ухватился за планширь моторного катера, оставленного Луканом возле островка, из последних сил подтянулся

и рухнул внутрь. Теперь он лежал на спине и не шевелился.

Драммонд забрал свой бинокль и посмотрел вниз:

– Кажется, дышит. А вот и лодки.

Из-за броненосца «Мичиган» с ревом вылетели восемь катеров – три принадлежали чикагской полиции, пять – Колумбовой гвардии. Все они остановились рядом с лодкой, в которой истекал кровью Холмс. Человек с докторским саквояжем перелез к нему.

И тут Джеймсу пришлось сесть. Прямо на бетон. Сесть и раздышаться.

Драммонд опустил на корточки рядом с ним и левой рукой поднял маузер, правой похлопывая Джеймса по спине.

Джеймс оттолкнул винтовку. Он знал, что никогда больше не прикоснется к оружию. И вновь ему вспомнились братья Уилки и Боб, которые ушли на войну с такими же смертоносными орудиями, пережили раны, боль и близость смерти, а потом вновь взяли в руки винтовки. Он подумал о кузене Гасе, таком прекрасном в рисовальной студии; Гасе, чье белое веснушчатое тело гниет в виргинской земле. Снайпер-южанин, убивший Гаса, опытной рукой сделал то, что минуты назад пытался сделать Джеймс. Он затряс головой.

Радость *решительной схватки*, которая на окраине Чикаго вскружила ему голову, словно чересчур крепкий американский виски, полностью улетучилась. Не стоит быть вымышленным персонажем – да и реальным тоже, осознал он в эту минуту, – если роль требует от тебя убивать. Это неправильно. Это дикость. Это не Генри Джеймс. И это противоречит всем его литературным принципам.

– Тело Лукана Адлера еще не всплыло, – заметил агент, который по-прежнему стоял у перил.

Драммонд вновь присел на корточки и повторил эти слова Джеймсу, будто тот оглох.

– Мне... все... равно, – сказал Джеймс и уткнулся головой в колени.

Кто знал, что у Международной Колумбовой выставки 1893 года имелся собственный лазарет? Вернее даже, прекрасно оборудованная больница с полком медсестер и пятью врачами, в числе которых была и одна женщина.

Шерлок Холмс был седьмым, кого доставили в новенький сияющий лазарет: четыре женщины и двое мужчин упали в обморок от давки и духоты во время церемонии открытия. Два врача (из которых ни один не был женщиной) осмотрели его и решили пригласить из чикагской больницы хирурга, более сведущего в торакальных ранениях. Хирург примчался в полицейском фургоне с сиреной, едва не загнав лошадей, и объявил, что раны неопасные, жизненно важные органы не задеты.

Холмсу наложили швы в нижней части живота, в верхней части живота, слева на ребрах, на правом запястье (где была странная борозда от пули), на голове и на спине. У него было сотрясение мозга, тяжелые ушибы головы и плеч, к тому же в «уличной потасовке» (как называли это врачи, не знакомые с подробностями инцидента) он сломал два пальца на правой руке и правое запястье.

Вообще про «инцидент» мало кто слышал. Дэниел Бернем, директор Дэвис, мэр Харрисон и президент Кливленд в равной мере желали скрыть от широкой публики, что на церемонии открытия был убийца и что торжества сопровождала насильственная смерть. Почти никто в толпе не видел происшедшего, а немногие видевшие сочли, что им показывают акробатическую клоунаду – часть церемонии открытия. Газетчикам ничего не сообщили.

Гости Генри Кэбота Лоджа охотно согласились пробыть на Выставке еще два дня, пока мистера Холмса не выпишут из больницы. Дольше всего его продержало в постели сотрясение. На третий день он вышел, туго замотанный бинтами и с правой рукой на перевязи. Последнее казалось ему излишним, но без перевязи запястье болело довольно сильно, и Холмс решил на ближайшее время ее оставить.

И Эндрю Л. Драммонд, и Генри Джеймс навещали сыщика в лазарете. Джеймс как раз сидел у раненого, когда Драммонд пришел сообщить, что Ирэн Адлер лежит в палате этажом выше. Вход круглосуточно охраняют два вооруженных Колумбовых гвардейца.

– Как она? – спросил Джеймс. Тогда, на Смотровой площадке, он был

совершенно уверен, что Ирэн Адлер убита.

– Пуля прошла через плечо, не задев ключицу и не перебив ни одной крупной артерии, – ответил Драммонд. – Даме очень повезло. Кость сломана, но быстро срастется.

– Ей предъявят обвинения? – спросил Холмс с больничной койки.

– Безусловно, – ответил Драммонд.

– И в чем именно? – спросил Холмс.

– В... в том, что она... тьфу, дьявол! – воскликнул Драммонд.

– Что ж, приглядывайте за ней хорошенько, – сказал Холмс. – Она женщина опасная.

* * *

Генри Джеймс решил отплыть на пароходе «Соединенные Штаты», только пока не решил куда: вероятно, в Англию, но возможно, дальше – в Геную, а оттуда поездом через Флоренцию в Люцерн, где жил сейчас Уильям с семьей. Несмотря на его громкие искренние протесты, Лоджи и Камероны объявили, что отправятся домой через Нью-Йорк, где высадят Гарри (или даже проводят его до парохода) и задержатся еще примерно на неделю, чтобы их жены и Хелен смогли сделать покупки, а мужчины – поговорить с друзьями-бизнесменами и брокерами.

В Буффало, штат Нью-Йорк, поезд простоял три часа, пока к нему цепляли новый паровоз, так что все успели поесть в приличном ресторане и размять ноги.

Джеймс раньше других вернулся к поезду, и лакей, открывая ему дверь, сказал:

– В вашем купе дожидается джентльмен, мистер Джеймс.

– Какого дьявола вы пустили его в мое купе? – огрызнулся Джеймс.

– Он настоятельно просил разрешения ждать вас именно там, – ответил лакей, багровея от стыда. – Он сказал, что вы его знаете, сэр, и ему нужно поговорить с вами по делу чрезвычайной важности сразу, как вы вернетесь, сэр. Извините, если я поступил неправильно, сэр.

Джеймс движением руки показал, что дело не стоит обсуждения, однако он был очень недоволен. Очень.

Лишь войдя в свое небольшое, но роскошное купе и закрыв дверь, Джеймс понял, что там совершенно темно. Кто-то задернул занавески и опустил плотную штору. Целая секунда потребовалась писателю, чтобы разглядеть посетителя в низком угловом кресле под лампой – там, где он

сам обычно читал, – и еще секунда, чтобы его узнать.

Профессор Джеймс Мориарти. В тусклом свете вырисовывались мертвенно-бледный нависший лоб, тонкие бескровные губы, впалые щеки и торчащие седые пряди над волчьими ушами. Язык постоянно высывался, как у змеи, облизывая пересохший рот. Ногти на длинных белых пальцах были в дюйм длиной, кривые, пожелтевшие от старости и гнусности.

– Вот мы и встретились, миссстер Генри Джеймссс, – прошипел Мориарти, вставая.

Джеймс, у которого не было при себе даже трости, чтобы защищаться, рванул дверь купе. И тут знакомый голос за спиной произнес:

– Вы же не уйдете так скоро, а, Джеймс?

Писатель обернулся.

Мориарти поднял штору, и купе залило солнечным светом. Затем он аккуратно, один за другим, снял желтые ногти. Вытащил зубы, отчего изменилась форма лица. Запустил пальцы под кожу и начал отдирать куски лба, скул, носа и подбородка, складывая их на заранее расстеленное полотенце. Остаток лба и лысина отделились одним куском, но с неприятным чавкающим звуком.

Генри Джеймс стоял и молча смотрел, как Холмс с помощью пинцета и крема удаляет остатки ушей, лица, шеи и подбородка «профессора Мориарти». Все это сыщик клал на полотенце, которое разложил на туалетном столе Джеймса.

– Вам нечего сказать о моем величайшем сценическом образе? – спросил Холмс. Он перед зеркалом Джеймса зачесал волосы назад и вновь положил сломанное запястье на черную перевязь.

– Зачем? – выговорил Джеймс.

Холмс улыбнулся и, не обращая внимания на перевязь, потер ладони:

– Мы с братом Майкрофтом создавали преступного гения, профессора Мориарти, почти пять лет, Джеймс. Сперва были только слухи о нем в рассказах доктора Ватсона. Затем он появился самолично.

– А как же «Динамика астероида»? – спросил Джеймс. – Она существует. Я видел книгу.

– Да, существует. И математически точно... как мне говорили. Математическую сторону гениальной работы «профессора Мориарти» создали Майкрофт и его бывший наставник из Крайстчерч-колледжа Чарльз Лютвидж Доджсон.

– А присутствие Мориарти на реальной астрофизической конференции в Лейпциге? – спросил Джеймс.

– Никем не оцененное актерское выступление вашего покорного! – рассмеялся Холмс. – Много лет назад я обнаружил занятный факт: если озаботиться отталкивающей внешностью, отталкивающим запахом либо отталкивающими манерами, вас будут меньше замечать.

– Зачем? – усталым голосом повторил Джеймс. – Зачем это сложное притворство?

– Как я уже говорил, пять лет сложного притворства, – ответил Холмс, присаживаясь на подлокотник кресла.

Джеймс прошел через купе и сел на койку. Лицо его ничего не выражало. Снаружи слышались голоса – остальная компания вернулась с прогулки.

– Мориарти объединил обычных преступников в настоящую криминальную сеть, – сказал Холмс. – В качестве Мориарти я разработал для них планы величайших преступлений в истории. Полмиллиона фунтов ассигнациями похищены при ограблении Второго резервного банка в Лондоне, более миллиона фунтов в золотых слитках – из Бернского золотохранилища, сотни тысяч долларов – из Фермерского банка в Канзас-Сити, пятьсот миллионов лир – из Римского центрального...

– Хорошо, хорошо, – перебил Джеймс. – Значит, я говорю с преступником. С человеком, который создал криминальную сеть и уже пять лет грабит банки в Америке, Англии и Европе. Почему вы до сих пор на свободе?

– Все блистательные триумфы Мориарти были срежиссированы Майкрофтом, Уайтхоллом, местной полицией, банками и хранилищами, – ответил Холмс. – Похищенные ассигнации были лучшими фальшивками, какие способно изготовить правительство ее величества. Отслеживая их движение, мы получили данные о десятках банд в Лондоне, Ливерпуле, Бирмингеме, даже Кембридже...

– А золото? – спросил Джеймс.

– Подлинность золота преступникам удостоверили эксперты, – сказал Холмс. – Однако Майкрофт и его друзья не стали рисковать. Экспертов предоставили мы.

– А как же анархисты? Не забывайте, я был на вашей встрече с бандитами и социалистами.

Холмс восхищенно покачал головой:

– Я помню и всегда буду ценить вашу решительность и отвагу. Однако я просто не мог поделиться с вами нашими планами, когда вы сообщили мне эти... ценные сведения.

– Планами?

– Первого мая в двадцати трех городах девяти стран полиция задержала анархистов и бандитов, стремящихся разрушить государственный строй.

– И в чем их обвинят? – Джеймс вложил в сарказм лишь малую толику своего презрения. – В шатании без дела? В том, что они вышли на улицу в неподобающем виде?

– Девяносто пять процентов преступников, которых мы собрали для первомайских беспорядков, уже были в полицейском розыске, – сказал Холмс, – а многие и не в одной стране. Тех анархистов, которые явились на место встречи с бомбами и огнестрельным оружием, задержали сразу, остальных взяли на заметку.

– Так, значит, вы... и ваш гениальный брат Майкрофт изобрели профессора Мориарти, не поленились создать ему правдоподобную математическую предысторию, сделали его Наполеоном преступного мира, а затем позволили этому вымышленному негодяю убить вас на Рейхенбахском водопаде в Швейцарии – и все для того, чтобы вы следующие три года под видом Мориарти вербовали грабителей и анархистов?

– Да, – сказал Холмс. – Примерно так. Правда, я попросил себе шесть месяцев отпуска после моей смерти в Рейхенбахском водопаде, чтобы посетить Тибет и задать несколько вопросов далай-ламе. Однако из-за меткости юного Лукана отпуск несколько затянулся.

– Вас прошили три пули, – тихо проговорил Генри Джеймс. – Я видел их... или патроны... или гильзы... как там уж они называются... когда сдвинул затвор маузера и один... или одна выпала. Она была огромной. Как случилось, что вы не умерли?

– Быть может, я умер, – сказал Холмс.

– К дьяволу всю эту метафизическую дребедень, которой вы пичкаете меня с первого знакомства! – воскликнул Джеймс, вскакивая. – Можете до конца жизни... если это жизнь... спрашивать себя и каждого встречного, реальны вы или нет. Рано или поздно какой-нибудь пропойца в пропахшем мочою кабаке даст вам точный ответ.

– Я уже получил хороший ответ, – тихо произнес Холмс. – Всего несколько дней назад.

Джеймс промолчал.

– Слышали ли вы когда-нибудь о том, что можно сотворить себя словом? – спросил Холмс. – Или о том, что другие творят кого-то – быть может, вас, – рассказывая истории? Передавая эти истории дальше? Не это ли вы делаете своими книгами, Генри Джеймс, творя себя каждой

написанной строкой?

Джеймс пропустил всю эту белиберду мимо ушей.

– Что вы и банда громил делали на Центральном вокзале Чикаго в то субботнее утро, когда я пытался уехать в Нью-Йорк? – резко спросил он.

– Искали вас, Джеймс. А «громиллами» были люди полковника Райса, которых он одолжил мне на время. В одиночку я не успел бы прочесать весь поезд до отправления.

– Почему вы в обличье профессора Мориарти искали меня, когда я пытался вырваться из этого... лихорадочного сна... и вернуться в Англию?

Холмс встал:

– Я собирался в то утро раскрыть перед вами свой маскарад и попросить, чтобы вы пока не уезжали. Чтобы мы вместе довели наше общее расследование до конца.

– Общее расследование! – повторил Джеймс, наполняя каждое слово ядовитым сарказмом. – Вы даже не ответили на вопрос бедного Неда Хупера, кто каждого шестого декабря отправлял открытки с надписью «Ее убили», помните?

– Игра еще не окончена, – ответил Холмс. Он шевельнул рукой в повязке, – видимо, сломанное запястье причиняло ему боль.

– Хотите знать, что я думаю о вашей бесценной игре? – спросил Генри Джеймс.

– О да, очень, – сказал Холмс.

Никогда в своей жизни Генри Джеймс такого не делал, даже когда мальчишкой возился с Уильямом или Уилки, даже когда его душила злость, но сейчас он сжал кулак и изо всех сил двинул Великого сыщика-консультанта Шерлока Холмса в острый подбородок.

Холмс, застигнутый врасплох, отлетел на койку. Когда он смог наконец сесть, то потер здоровой левой рукой подбородок и сказал:

– Наверное, я это заслужил. Очень сожалею, Джеймс. Тем более что я привык думать о вас как о своем друге и у меня на самом деле нет друзей.

Джеймс вышел из купе и шел по длинному поезду, пока не добрался до дамской гостиной. Там он долго сидел и слушал разговоры, притворяясь ручным котиком, которым ему частенько хотелось стать.

* * *

Холмс дождался остановки в Олбани, где Джон Хэй и почти все остальные вышли размять ноги, и лишь тогда постучался в купе Клары

Хэй, которая из-за мигрени осталась в поезде.

– Можно поговорить с вами наедине, миссис Хэй?

Она слабо улыбнулась и тронула висок:

– Сейчас у меня ужасно болит голова, мистер Холмс. Может быть, позже?

– Лучшего времени не будет, миссис Хэй. – Холмс вошел в ее купе и сел на стул.

– Я велю подать чай, – сказала Клара Хэй.

Когда горничная принесла поднос с чаем и горячими булочками, Холмс промолвил:

– А теперь выйди и закрой за собой дверь, Салли.

Салли, шокированная, что посторонний мужчина отдает указания в купе ее хозяйки, глянула на миссис Хэй, но Клара, тоже задетая этой невежливостью или, по крайней мере, обескураженная, только кивнула. Затем она села в мягкое вышитое кресло настолько далеко от Холмса, насколько позволяли размеры купе. Даже купе в роскошном поезде.

– В чем дело, мистер Холмс? – спросила она слабым голосом. – Не должен ли при нашем разговоре присутствовать Джон?

– Нет. – Холмс взял чашку с блюдцем, добавил капельку сливок и отпил обжигающий напиток.

Клара, сидя неподвижно, наблюдала за ним так, будто оказалась в запертом купе с гремучей змеей.

– Я знаю, Клара, что это вы печатали и рассылали открытки «Ее убили», – сказал Холмс. – Полагаю, вам следует остановиться.

– Это самое оскорбительное и нелепое обвинение в моей жизни... – начала Клара Хэй, поднимая руки к щекам.

– В год после смерти Кловер вы с мистером Хэем несколько дней гостили у мистера Клеменса в Хартфорде, – сказал Холмс. – Вы часто оставались одна, а мистер Клеменс даже помнит, что вы интересовались пишущей машинкой – спрашивали, как на ней печатать.

– Нелепость... – выдавила Клара Хэй, но продолжить не смогла.

– Я нашел двух слуг мистера Клеменса, которые помнят, что из кабинета доносился стук пишущей машинки, когда Клеменс и Хэй ушли на прогулку, а вы были в доме весь день, Клара, – сказал Холмс. – Однако в конечном счете, миссис Хэй, на мысль о вас меня навели деньги.

– Деньги?

– Весной тысяча восемьсот девяносто первого, незадолго до того, как я разыграл рейхенбахскую шараду, Нед, брат Кловер, попросил меня приехать в Америку и разрешить тайну «загадочных открыток»,

приходивших в каждую годовщину ее смерти. Я взял у него доллар в залог и пообещал, что расследую дело, когда смогу... увы, он до этого не дожил... *но он предлагал мне три тысячи долларов*, чтобы я поехал немедленно и разрешил загадку открыток до того, как займусь чем-либо еще.

– У Неда в жизни не было трех тысяч долларов, – прошептала Клара Хэй.

– Именно это сказали мне ваш муж и Генри Адамс, когда я назвал сумму. Они настаивали, что Нед выдумал ее из головы. *Однако Нед показал мне три тысячи долларов в моей квартире дома номер двести двадцать один бэ по Бейкер-стрит*. Он умолял меня взять их и ехать с ним в Америку, где, обещал он, в случае успешного расследования мне заплатят еще. Я уже тогда почувствовал, что у Неда не хватило бы средств даже для поездки в Англию. Это были деньги кого-то, кто нуждался в сыщике.

Клара Хэй посмотрела ему в глаза с уничижительным вызовом – Холмс и не думал, что она на такое способна.

– Вы хотите получить три тысячи долларов, мистер Холмс? Теперь, когда вы... как там пишет доктор Ватсон в журнальных рассказах?.. когда вы «раскололи» эту неразрешимую загадку? Или вы хотите больше за свое молчание? Моя личная чековая книжка при мне. – Она и впрямь достала книжку и вечное перо из ящичка стоящего рядом секретера.

– Я хочу одного: узнать зачем, миссис Хэй? Зачем надо было семь лет присылать всем оставшимся «сердцам» эти карточки?

– Потому что я чувствовала: что-то не так, – почти прорычала Клара. – Я недолго любила Кловер Адамс, мистер Холмс, считала ее заносчивой не по чину. Мы звались «Пятеркой сердец», мистер Холмс, но каждый вечер в пять часов у камина в доме Адамсов Кловер была первым «сердцем»... Генри Адамс и мой муж часто ее так называли, при жизни и после смерти... а я не была даже пятым «сердцем». Мужчины шутили, что Кларенсу Кингу надо жениться на смуглой красавице Южных морей, чтобы у нас появилось шестое «сердце»... *но шестым «сердцем» и так была я*. Мне не хватало сообразительности подхватить остроу. Не хватало образованности вставить слово в их стремительные умные беседы на самые разные темы. Если я все же открывала рот, мои слова были скучны и неинтересны... – Клара не столько умолкла, сколько выдохлась, как игрушка, у которой кончился завод. Она говорила, наставив на Холмса автоматическую ручку, словно стилет или револьвер, но теперь закрыла ее крышечкой и убрала в секретер вместе с пухлой чековой книжкой. – Когда Ребекка Лорн из кожи вон лезла, чтобы сдружиться с несчастной одинокой

Кловер Адамс, я понимала, что кто-то – сама Ребекка или ее ужасный кузен Клифтон – что-то затевает. Что-то дурное. Что-то, чего бедняжка Кловер не вынесет. Я по-прежнему убеждена, что именно они довели ее до самоубийства – если это было самоубийство.

Несколько минут в купе царило молчание.

Наконец Холмс сказал:

– Однако не это настоящая причина, по которой вы отправили ко мне Неда с огромной суммой и попросили расследовать тайны «Пятерки сердец».

Клара вздрогнула и резко выпрямилась. У нее перехватило дыхание, и она еле-еле выдавила:

– Что... вы... хотите... этим... сказать... мистер... Холмс?

Сыщик вытащил из кармана четыре письма в лиловато-розовых конвертах, подписанных твердым мужским почерком Джона Хэя.

– Я видел вас за обедами, миссис Хэй, – мягко произнес Холмс, – и я наблюдателен. Вы были идеальной хозяйкой, но при этом вы ловили каждое слово, обращенное вашим мужем к другим женщинам за столом, каждый его взгляд и движение. И особенно – когда он говорил с Нанни Лодж, в чьей спальне хранились эти письма от Джона Хэя.

Клара громко ахнула:

– Как вы могли... красть личные письма... вламываться в дома...

– Ничего подобного, – с улыбкой отвечал Холмс. – Просто у меня был юркий товарищ с торчащими зелеными волосами, которому я поручил заглядывать в такие места, где замужние женщины хранят письма чужих мужей. Эти, как и некоторые другие, не столь важные, были приклеены липкой лентой к нижней стороне ящика в бельевом комоде Нанни Лодж.

«Ровно там же, где Лиззи Камерон прятала письма Генри Адамса, – подумал Холмс. – Женщины коварны, но я мыслю почти как они, так что им меня не перехитрить. – Тут он невольно улыбнулся. – За исключением Ирэн Адлер».

– Вот, – сказал он, вручая Кларе письма.

Та приняла их, словно Клеопатра – змею.

– Если я прочту их... – неуверенно начала она.

– Вы никогда не забудете некоторые слова и образы, – ответил Холмс. – Но вы должны помнить, что это всего лишь слова и образы, которые все мужчины, внезапно осознавшие приближение старости и неизбежность смерти, употребляют в своих глупых любовных письмах. Они – чистое безумие. И чисто мужское безумие.

Клара заговорила так, будто Холмса здесь нет:

– Джон писал мне любовные письма. И слал дивные стихи, про которые я не слышала. И еще цветы. А потом пошли дети, и я располнела... Как-то в воскресенье я вернулась из церкви и услышала, как Джон вместе с этим хамом Клеменсом смеются надо мной... вот точные слова моего бесценного мужа: «В Чикаго Клара почти не выходила из гостиницы, зато усердно налегала на тамошний провиант». – Она глянула на Холмса, словно только сейчас его заметила. – Я люблю Джона больше жизни... Я бы умерла за Джона и за детей... но в ту минуту я бы охотно застрелила и его, и этого идиота Клеменса на ковре в нашей гостиной.

Холмс молча кивнул.

Клара по-прежнему глядела на письма, держа их на вытянутой руке, словно они могут ужалить.

– А Нанни Лодж не заметит пропажу? – прошептала она.

– Непременно заметит, – ответил Холмс и широко улыбнулся, что позволял себе крайне редко. – Это я могу вам обещать. И очень, очень встревожится. Полагаю, вы заметите перемену в поведении и Нанни Лодж, и вашего мужа. Возможно, бесповоротную.

– В таком случае мне вовсе не обязательно их читать, – прошептала она.

– Да, – ответил Холмс и протянул ладони лодочкой, будто собираясь принять или преподать некое святое причастие.

Глаза Клары Хэй вспыхнули пониманием. Держа письма над ладонями Холмса, она одно за другим рвала их на тонкие полоски, и тот по ее просьбе жег их новомодной зажигалкой над огромной хрустальной пепельницей. Вскоре его ладони наполнились бумажным конфетти – несмотря на больную руку, он не позволил ни одной полоске избегнуть пламени. Здоровой левой рукой сыщик ссыпал обрывки в карман пиджака.

– Мне пора, миссис Хэй, – сказал он. – Я пойду в уборную и спущу в унитаз горстку никчемных клочков бумаги.

Клара подняла на Холмса светящиеся глаза, затем вновь потянулась к чековой книжке:

– А... деньги...

– Я приехал в Америку не за деньгами, – ответил Холмс. – Я приехал ради Неда. И наверное, ради вас. Доброго вечера, миссис Хэй. Я сойду с поезда в Нью-Йорке, так что, вероятно, это был наш с вами последний разговор.

Веселая компания провожала Генри Джеймса сперва в превосходном ресторане на Тридцать второй улице, затем – на пристани. Буксиры уже готовились вывести лайнер «Соединенные Штаты» в море.

– Странно, что Холмс не пришел попрощаться, – задумчиво проговорил Генри Джеймс, когда пожелания счастливого пути на время утихли.

– Может, забыл, когда отправление парохода, – сказал Генри Кэбот Лодж. – Мне он и раньше казался несколько рассеянным.

– Может быть, у него разболелись раны, – предположила юная Хелен.

– А скорее всего, он занялся новым расследованием, – заметил ее отец.

– Ладно, – сказал сенатор Дон Камерон, обнимая за талию свою жену Лиззи, которая тем временем улыбалась Генри Адамсу. – Его общества нам уже хватило с лихвой. А вот вы, Гарри, возвращайтесь поскорее.

Джеймс мотнул головой:

– Если хотите меня видеть, приезжайте в Лондон, Париж или в Италию.

Камерон и Лодж как-то странно переглянулись.

– С той биржевой и банковской паникой, которая, мы думаем, вот-вот разразится, – сказал Генри Кэбот Лодж, – многие лучшие семейства Нью-Йорка, Бостона и Вашингтона переберутся на лето в дешевую Европу, заперев дома и распустив слуг до лучших времен. Года через два-три вернутся. Кто переживет бурю, конечно.

– Прекрати, дорогой! – воскликнула Лиззи, шутливо ударяя мужа по плечу. – Не надо о грустном, пока мы желаем Гарри счастливого пути.

– Это не грустное, если означает, что мы скоро увидимся в Лондоне. – Джеймс приподнял шляпу и зашагал к трапу (пароходный гудок только что дал последний сигнал перед отправлением). – Адье! – крикнул писатель под свист вырывающегося пара.

Эпилог

Генри Джеймс не признавал эпилогов. Он говорил, что в жизни не бывает эпилогов, а значит, их не должно быть и в книгах. Жизнь, как он отлично знал, просто череда событий. В ней нет настоящего подведения итогов и, безусловно, нет занавеса.

Я отношусь к эпилогам так же (и вы, допускаю, тоже), однако в данном случае без него обойтись не удастся.

* * *

К концу путешествия через океан (лайнер «Соединенные Штаты» на следующий день прибывал в Портсмут, но Генри Джеймс собирался плыть дальше – в Геную, чтобы оттуда отправиться поездами в Люцерн, к брату Уильяму) писатель заскучал.

Погода была отличная, море – такое спокойное, что все бывалые пассажиры и даже команда не уставали этому дивиться. Джеймсу не хотелось играть с попутчиками в нарды и другие глупые игры, так что он читал – или в своей комфортабельной каюте, или в комфортабельном шезлонге, укрыв ноги пледом, или за одинокими ленчами. За обедом ему отвели место с важными господами, но все эти важные господа были бизнесменами, так что в разговорах он почти не участвовал, только вежливо слушал и кивал. Мысли его по большей части занимала пьеса и сознание, что он попусту теряет дни, когда мог бы писать.

Был закатный час этого, четвертого дня пути, Джеймс стоял у поручня красного дерева на палубе первого класса, глядел на белый кильватерный след и садящееся в Атлантику солнце. Внезапно он понял, что какой-то пассажир встал слишком близко к нему и тоже оперся на поручень.

– Холмс! – вскричал писатель и тут же оглянулся – не слышал ли кто-нибудь этого нелепого возгласа.

Рука у сыщика была еще забинтована, но уже не на перевязи.

– Как вы здесь очутились? – спросил Джеймс. – Куда едете?

– Если не ошибаюсь, пароход идет в Портсмут, затем в Геную, – спокойно ответил Холмс. С их прошлой встречи он заметно осунулся и побледнел.

– Почему вы не сказали мне...

– Что взял билеты на один с вами пароход? – На губах Холмса мелькнула тень улыбки. – Я рассудил, что вас это известие не обрадует, и счел за лучшее не показываться вам до конца плавания, сколько бы оно ни продлилось.

– Но где же вы прятались? – спросил Джеймс.

И вновь то же быстрое движение губ, не успевающее превратиться в улыбку.

– Если хотите без прикрас, Гарри, я четверо суток блевал у себя в кабине, пытаюсь не орать, как горилла, которую поджаривают на огне.

Джеймс, возмущенный грубостью выражений, на полшага отступил от борта:

– Но плавание было таким спокойным! Море гладкое, как деревенский пруд. Даже старушек, у которых морская болезнь случается при виде большой чашки чая, и тех ни разу не укачало.

Холмс кивнул, и Джеймс обратил внимание, что, несмотря на вечернюю прохладу, лоб сыщика блестит капельками пота.

– Я решил отказаться от героического лекарства, которое в Америке вводил себе несколько раз за день, – сказал Холмс. – Я упоминал, что оно называется «героин»?

– Нет, – ответил Джеймс. – Я думал, вы... не знаю точно, что я думал.

– Так или иначе, – продолжал Холмс все с той же полуулыбкой, – даже после двух месяцев бросать оказалось зверским мучением. В ближайшее время я, возможно, увижу доктора Ватсона, и он очень бы огорчился, узнав, что я пристрастился к новой отраве.

– Так вы совсем бросили ваше героическое снадобье?

– О да, – ответил Холмс. – Но искать я вас пошел не поэтому.

– Так почему же?

– Потому что, после того как четверо суток меня выворачивало наизнанку, голова у меня внезапно прояснилась, и я понял, отчего последние дни в Америке вы были настолько подавлены.

Джеймс отвел глаза. К горлу подступила горечь.

– Это из-за того, что я сделал, – ответил он наконец. – И я никогда не смогу до конца себя простить.

– А что, по-вашему, вы сделали? – спросил Холмс.

В серых глазах Джеймса блеснула прежняя злость.

– Я убил человека, Холмс. Я выстрелил в человека и убил его. Он был негодяем и заслуживал смерти... но не от моей руки. Я – художник, творец, не... – Он не договорил.

– Значит, я угадал правильно, – сказал Холмс. – Вы рехнулись,

Джеймс. Вам надо было не убегать после всех неприятностей, а пойти на совещание с Драммондом, Райсом и другими.

– О чем вы, Холмс?

Сыщик поднял перевязанную правую руку:

– Ваш выстрел никого не убил, Джеймс. Пуля прошла через рукав Лукановой рубашки... и, возможно, заставила его вздрогнуть, что спасло мне жизнь... затем царапнула мне ладонь и усвистела в озеро. Вы... никого... не... убили.

Джеймсу хотелось плакать от облегчения, голова кружилась так, что его почти мутило, однако он только стиснул поручень и стал смотреть на садящееся солнце.

– И еще, – продолжал Холмс, – закончив мое маленькое приключение с избавлением от зависимости, я вспомнил, что не рассказал вам о двух важных телеграммах, которые получил в Нью-Йорке незадолго до отплытия.

Он вынул из нагрудного кармана две телеграммы.

Джеймс, хоть и чувствовал, что впервые за несколько недель может вдохнуть полной грудью, приготовился слушать с некоторой опаской.

– Первая от нашего общего друга агента Драммонда и предназначена исключительно для сведения. – Холмс перевязанной рукой неловко развернул телеграмму и зачитал:

ИЗВЕЩАЮ ЧТО ИРЭН АДЛЕР БЕЖАЛА ИЗ ЛАЗАРЕТА КОЛУМБОВОЙ ВЫСТАВКИ НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ВАШЕГО ОТЪЕЗДА ТЧК ГВАРДЕЙЦЫ ОБНАРУЖИЛИ ЧТО ОНА ОБРЕЗАЛА СЕБЕ ВОЛОСЫ НАД РАКОВИНОЙ ВЕРОЯТНО КОРОТКО ТЧК ОХРАНЯВШЕГО ЕЕ ГВАРДЕЙЦА НАШЛИ В ПЛАТЯНОМ ШКАФУ СВЯЗАННОГО БЕЗ ВЕРХНЕЙ ОДЕЖДЫ И С КЛЯПОМ ВО РТУ ТЧК ВОЗМОЖНО АДЛЕР БЕЖАЛА В ФОРМЕ КОЛУМБОВА ГВАРДЕЙЦА ПОД ВИДОМ МУЖЧИНЫ ТЧК ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ЖЕНЩИНЫ С ЛЕВОЙ РУКОЙ НА ПЕРЕВЯЗИ ТЧК ОНА МОЖЕТ БЫТЬ ВООРУЖЕНА И ЧРЕЗВЫЧАЙНО ОПАСНА ТЧК ДРАММОНД

Джеймс помимо воли начал смеяться и понял, что не может перестать. Холмс подхватил, и от этого Джеймс расхохотался еще сильнее. Он не мог бы сказать, отчего так хохочет. Быть может, просто от чувства, что все нереальное позади.

– Ручаюсь, что телеграмма, которую я получил в Нью-Йорке накануне

отплытия, вас отрезвит. – Холмс развернул телеграмму и прочел чуть более глухим голосом, чем обычно. – От моего брата Майкрофта, который никогда не экономит на стоимости лишних слов в телеграмме. Как, впрочем, и я. От Майкрофта:

ШЕРЛОК ТЕБЕ КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕОБХОДИМО
ПРОСЛЕДОВАТЬ НА ЛАЙНЕРЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ДО
ГЕНУИ И ДАЛЕЕ ДО ЛЮЦЕРНА В ШВЕЙЦАРИИ СО ВСЕЙ
ВОЗМОЖНОЙ ПОСПЕШНОСТЬЮ ТЧК Я БУДУ ТАМ ЧЕРЕЗ
ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ТЧК ПРЕДСТОИТ КОНФЕРЕНЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ВАЖНОСТИ ТЧК ТВОЕ ПРИСУТСТВИЕ
КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕОБХОДИМО ТЧК МАЙКРОФТ

Холмс убрал телеграмму в карман, и они с Джеймсом уныло глянули друг на друга.

– Ваш старший брат и мой старший брат – в Люцерне, – ошарашенно проговорил Джеймс. – И мы с ними? Невообразимо.

– Согласен, – угрюмо ответил Холмс.

Тут мимо них прошел молодой человек в наброшенном на плечи пальто с пелериной и очень низко надвинутым котелке. Юношеский голос произнес:

– Добрый вечер, мистер Холмс.

Джеймс, резко обернувшись, успел разглядеть волевой подбородок, высокие скулы и короткую стрижку американского военного образца.

– Ваш знакомый? – спросил Генри Джеймс.

Солнце село. Все корабельные огни зажглись разом, словно на Чикагской выставке в день открытия. До того как они вспыхнули, будто фейерверк, Холмс заметил, что у юноши левая рука – на перевязи.

Холмс здоровой рукой взял Джеймса под локоть и вместе с ним нагнулся над поручнем. Вечерний воздух был пьяняще свеж.

– Мы разберемся с Люцерном и старшими братьями, когда до них дойдет дело, – сказал Холмс, и впервые со встречи дождливой ночью у Сены два месяца назад Генри Джеймс услышал в его голосе радость. – А пока, мой друг, – продолжал Холмс, – наше путешествие все же обещает быть очень интересным.

Июнь 2013 – октябрь 2014

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить следующих людей, которые помогли мне написать «Пятое сердце».

Мою жену Карен.

Моего литературного агента Ричарда Кертиса, которому посвящена эта книга. «Жаль, что для столь замечательного человека у меня нет книги получше» (дарственная надпись Роберта Луиса Стивенсона Генри Джеймсу).

Моих издателей, Рейган Артур и Майкла Пича, которые поддержали мою странную затею свести вместе Шерлока Холмса и Генри Джеймса.

Моего нового редактора Джошуа Кендалла, который очень помог и советами, и пониманием.

А также Гретхен Косс, главу рекламного отдела, Кэтрин Каллен, старшего пиар-менеджера, и ответственного редактора Пегги Фреденталь.

Моего бесценного и уважаемого корректора Сьюзен Бранданини Бетц; то, что она зовет своим «обсессивно-компульсивным расстройством» (в отношении правильности слов, фактов, дат, фамилий, имен и остального), было исключительно на пользу и мне, и книге.

И наконец, еще раз спасибо моему доброму другу и превосходному социологу доктору Дэну Петерсону, составившему множество компакт-дисков с «Музыкой, которую надо слушать, когда пишешь хороший роман». Диски были замечательные, и если роман получился нехорош, то исключительно по моей вине.

Спасибо вам всем.

Примечания

При чтении (а тем более при переводе) такой многоплановой книги неизбежно возникают сомнения: уж не ошибся ли автор в каком-то конкретном месте? Или это он так играет с читателем? Переводчик чрезвычайно признателен Дэну Симмонсу, который любезно разрешил все такого рода недоумения. Немногочисленные описки в английском оригинале, найденные при переводе, Дэн исправил специально для русского издания, изменив или добавив несколько строк. Кроме того, он выразил надежду, что русские читатели не обольют его презрением за то, что при невнимательном чтении может показаться грубой авторской ошибкой, а на самом деле служит важным элементом текста. Не стану лишать читателя удовольствия самостоятельно обнаружить этот «ляп», скажу лишь, что он прямо указывает: рассказчик живет не в правление королевы Виктории.

...ее «бостонским браком» с Катариной Лоринг... – «Бостонским браком» в конце XIX – начале XX в. в Новой Англии называли совместное проживание двух незамужних женщин. Термин предположительно восходит к роману Генри Джеймса «Бостонцы», хотя сам Джеймс его не употреблял. «Бостонский брак» обычно подразумевал романтическую дружбу, но совсем не обязательно то, о чем в первую очередь подумает современный читатель.

Прием давала знакомая мне американка, миссис Т. П. О'Коннор. Я прибыл с леди Вулзли и другими членами литературного и театрального мира: мистером Обри Бердслеем, мистером Уолтером Безантом... Перл Крэги, Марией Корелли, мистером Артуром Конан Дойлом, Бернардом Шоу, Дженеьевой Уорд. – Миссис Т. П. О'Коннор – жена Т. П. О'Коннора (1848–1929), ирландского политика и журналиста. Леди Вулзли (1843–1920) – жена британского фельдмаршала Гарнета Джозефа Вулзли (Уолсли) (1833–1913); Генри Джеймс дружил с фельдмаршалом и его супругой на протяжении почти сорока лет и все это время писал им письма, которые затем издал отдельной книгой. Уолтер Безант (1836–1901) – англо-американский романист и историк, деверь знаменитой теософки Анни Безант. Перл Мария Тереза Крэги (1867–1906) – англо-американская писательница, издававшаяся под псевдонимом Джон Оливер Хоббс. Дженеьева Уорд (1837–1929) – английская оперная певица и актриса американского происхождения.

...Анри-Огюста Лозе, недавно ушедшего на покой префекта французской полиции... – Анри-Огюст Лозе (1850–1915) – префект парижской полиции в 1888–1893 гг.; в 1890 г. разоблачил готовившееся покушение на русского царя Александра III (за что был премирован золотым портсигаром от Фаберже, выставленным потомками Лозе на аукцион «Сотбис» в 2014 г.). В 1893 г. не справился с волной массовых беспорядков и вынужден был уйти в отставку, уступив место более решительному Лепину.

...новый префект Соммы Луи Лепин... – Луи Жан-Батист Лепин (1846–1943) – юрист, политик, изобретатель, префект парижской полиции в 1893–1897 и 1899–1913 гг. Ввел методы криминалистики в практику французской полиции.

...его младшие друзья Эдмунд Госс и Джонатан Стерджес... – Эдмунд Уильям Госс (Госсе) (1849–1928) – английский писатель, поэт и критик. С Генри Джеймсом его связывала долгая дружба; даже живя рядом в Лондоне, они постоянно переписывались (сохранилось около 400 писем Джеймса к Госсу). Джонатан Стерджес (1864–1911) – английский эссеист и переводчик американского происхождения. Был прототипом нескольких героев Генри Джеймса.

Много недель жизнь доктора висела на волоске, ибо его ранило большой свинцовой пулей из джезаила... – В русском переводе «Этюда в багровых тонах», где приводятся эти сведения, джезаиль (хорошо известный английским читателям времен Конан Дойла) назван просто «ружьём».

Игра началась, и она зовет нас... – «Игра началась» – такой стала знаменитая фраза Холмса «Game's afoot» в русском переводе «Убийства в Эбби-Грейндж», хотя ближе к оригиналу было бы «Поднят зверь», поскольку Холмс в этом месте цитирует Шекспира (Генрих V, акт III, сц. 1): «Стоите, вижу, вы, как своры гончих, / на травлю рвущиеся. Поднят зверь» (перевод Е. Бируковой).

В отсутствие доктора Ватсона вам нужен я, чтобы записывать ваши приключения. Быть вашим Босуэллом. – Джеймс Босуэлл (1740–1795) – автор двухтомной «Жизни Сэмюэля Джонсона» (1791). Босуэлл практически посвятил себя тому, чтобы всюду следовать за доктором Джонсоном, видным английским писателем и лексикографом, и записывать его остроумные высказывания по разному поводу.

Насколько мне известно, вы были знакомы с сестрой Эдварда Хупера – Марианной Хупер Адамс... Еще в детстве Марианну Хупер прозвали Кlover... – Прозвище Clover, означающее «клевер», дала маленькой

Марианне, будущей жене Генри Адамса, ее рано умершая мать.

Потом домой привезли младшего брата Генри Джеймса, Уилки. Он был тяжело ранен в злополучной атаке Пятьдесят четвертого Массачусетского черного полка на Форт-Вагнер... – Имеется в виду один из первых североамериканских полков, состоявших исключительно из негров; впрочем, все офицеры там были белые аболиционисты. В их число входил и Гарт Уилкинсон Джеймс. В атаке на Форт-Вагнер полк потерял убитыми, ранеными и взятыми в плен почти половину личного состава.

...выстроенный... Г. Г. Ричардсоном... – Генри Гобсон Ричардсон (1838–1886) – американский архитектор, заложивший основы национальной архитектурной традиции. Созданная им разновидность неороманского стиля носит его имя: ричардсонский стиль.

...встретил Александра Агассиса... вместе изучали геологию коралловых рифов... – Александр Эмануэль Агассис (1835–1910) – американский зоолог и геолог, сын швейцарского естествоиспытателя Луи Агассиса.

...парижского модельера Чарльза Уорта... – Чарльз Фредерик Уорт (1825–1895) – французский модельер английского происхождения, величайший кутюрье своего времени. Первым начал создавать коллекции и устраивать показы мод; клиентки уже не диктовали фасон, а выбирали готовую модель, которая после этого шилась из выбранных ими тканей и с учетом их фигуры. У Чарльза Уорта одевались многие известные дамы, от актрис до августейших особ.

Хеймаркетская бойня – события 4 мая 1886 г. в Чикаго, США. Во время митинга рабочих, требующих восьмичасового рабочего дня, неизвестный бросил бомбу, полиция открыла огонь, в результате несколько человек погибли и около ста были ранены.

Нож Боуи – большой охотничий нож-тесак с характерным скосом-«щучкой» в верхней части клинка. Назван по имени своего изобретателя, полковника народного ополчения и героя тexasской революции Джеймса Боуи (1796–1836).

Адская Кухня (Хеллс-Китчен) – район Манхэттена между 34-й и 59-й улицами, 8-й авеню и рекой Гудзон. С 1850-х до конца 1980-х гг., когда здесь жили по большей части нищие иммигранты, – один из криминальных центров Нью-Йорка.

...«Сарсапариллы Хайреса»... – Сарсапарилла (корневое пиво, рутбир) – безалкогольный или слабоалкогольный напиток из коры и корня сарсапариллы, лакрицы и пряностей, созданный филадельфийским аптекарем Чарльзом Эльмером Хайресом во второй половине XIX в.

...рисованных историй про Эли Слопера... – Эли Слонер – забулдыга и пройдоха, персонаж историй в картинках, которые печатались с 1867 г. журналом «Джуди» (конкурентом «Панча»), а с 1884-го – отдельными выпусками по пенни. Эти первые викторианские комиксы задолго предвосхитили грядущий расцвет жанра в Америке.

Генри Ирвинг (Джон Генри Бродрибб, 1838–1905) – прославленный английский трагик, режиссер, театральный деятель, особенно знаменитый своими шекспировскими ролями.

...недавнее убийство тысяч арабов конголезскими людоедами... – Речь идет о событиях Бельгийско-арабской войны 1892–1894 гг. – конфликте между Свободным государством Конго, находившимся под контролем бельгийского короля Леопольда II, и занзибарскими работоторговцами смешанного арабо-африканского происхождения.

...возможно, несправедливое судебное решение по делу строителя каналов Лессепса, приговоренного к тюремному сроку за мошенничество. – Фердинанд Мари, виконт де Лессепс (1805–1894) – руководитель строительства Суэцкого канала, создатель «Всеобщей компании Панамского канала». После банкротства компании и вскрытия махинаций (деньги вместо строительства шли на подкуп чиновников) Фердинанд де Лессепс и его сын Шарль были приговорены к пяти годам тюремного заключения, о чем восьмидесятисемилетний Лессепс даже не узнал – с ним накануне случился удар.

У Рёскина были на продажу два великолепных Тёрнера... – Джон Рёскин (1819–1900) – английский писатель, художник, влиятельный критик, искусствовед, чьи взгляды оказали сильнейшее влияние на современников и потомков. Именно Рёскин «открыл» Тёрнера, которого викторианцы, любившие совсем другую живопись, реалистичную, считали сумасшедшим.

Однако Генри Адамс и Джон Ла Фарж года два путешествовали по Тихоокеанским островам... – Джон Ла Фарж (1835–1910) – американский художник-монументалист и декоратор. Ла Фарж много путешествовал: побывал в Азии, в Японии и в «Южных морях», как тогда называли южную часть Тихого океана. В последней поездке его спутником был Генри Адамс.

...Кларенс Кинг... тайно женат на цветной женщине по имени Ада Коупленд. – Межрасовые браки осуждались настолько сильно, что Кинг не мог раскрыть правду даже жене и сознался ей, что он белый, только в предсмертном письме в 1901 г. Из их пяти детей выжили четверо; обе дочери вышли замуж за белых, оба сына служили в Первую мировую войну как чернокожие.

...трагическую сцену, которая посрамила бы Эдвина Бута... – Эдвин Томас Бут (1833–1893) – знаменитый американский актер. Считался лучшим актером своего времени и величайшим Гамлетом XIX столетия. Старший брат Джона Уилкса Бута (1838–1865), тоже актера, который убил президента Авраама Линкольна.

...преподобный Генри Уорд Бичер... самое начало скандала с миссис Тилтон... – Генри Уорд Бичер (1813–1887) – видный американский проповедник, борец за права женщин и чернокожих. В 1870 г. оказался в центре грандиозного скандала: вскрылась его связь с женой друга, Элизабет Тилтон. Особенно яро скандал раздували радикальные суфражистки, сторонницы свободной любви, поскольку Бичер на словах был строгим моралистом и защитником традиционного брака.

...такие знаменитости, как мисс Лилиан Рассел... – Лилиан Рассел (Хелен Луиза Леонард, 1860–1922) – самая знаменитая американская актриса и певица своего времени, звезда оперетты, символ женской красоты.

...обречь себя Беньяновому раю... – Джон Беньян (1628–1688) – английский писатель, пуританский проповедник. Его книга «Путь паломника» – аллегорическое описание христианского пути в виде полного приключений странствия к Небесному граду – много поколений была в Англии и Америке самой читаемой книгой после Библии.

Ключ «Фи-бета-каппа» – знак студенческого братства колледжа Вильгельма и Марии, одного из первых университетов США. «Фи-бета-каппа», первое из таких братств, представляло собой закрытую организацию, отчасти сходную с масонской ложей.

Мистер Уильям Рокхилл... Третий помощник Государственного секретаря... – Уильям Вудвилл Рокхилл (1854–1914) – американский дипломат, востоковед, почетный член Русского географического общества, посол США в России в 1898–1899 гг.

...современного идеала «девушек Гибсона»... – Чарльз Дана Гибсон (1867–1944) – американский художник, журнальный иллюстратор, создавший новый идеал женской красоты. «Девушки Гибсона» были энергичными, независимыми, спортивными, с длинной шеей, фигурой как песочные часы и характерной прической «буф» или «помпадур».

Позолоченный век (по названию сатирического романа Марка Твена и Чарльза Уорнера «Позолоченный век») – семидесятые – восьмидесятые годы XIX столетия в США, эпоха стремительного экономического и промышленного роста после Войны Севера и Юга.

Маргарет Чендлер (Элизабет Маргарет Чендлер, 1807–1834) –

американская поэтесса и писательница, страстная аболиционистка. В восемнадцать лет прославилась поэмой «Невольничий корабль» и до конца своей короткой жизни была чрезвычайно популярна.

...когда с Кастера сняли скальп... – Сражение при Литтл-Бигхорне, в котором отряды индейцев Сидящего Быка (ок. 1831–1890) и Бешеного Коня (ок. 1840–1877) разбили кавалерию под командованием Джорджа Армстронга Кастера (1839–1876), произошло вскоре после открытия Всемирной выставки в Филадельфии. Известие об этом трагическом событии стало едва ли не главным (хоть и незапланированным) событием ярмарки.

Буффало Билл (Уильям Фредерик Коди, 1846–1917) – американский военный, охотник на бизонов, создатель шоу «Дикий Запад», в котором воссоздавались картины из быта индейцев и ковбоев с участием настоящих ковбоев и индейцев.

Чирка?! <...> Не нырка? – Мясо длинноносого красноголового нырка, обитающего на северо-западе США, всегда считалось деликатесом (в отличие от более жесткого чирка). В результате хищнической добычи красноголовые нырки были почти выбиты, и к началу XX в. эта птица стала для защитников природы символом борьбы за запрет охоты на редкие виды.

...Фрэнсиса Скотта Кея, который написал «Усыпанное звездами знамя». – То есть государственный гимн США. Слова гимна взяты из поэмы, которую адвокат и поэт-любитель Фрэнсис Скотт Кей (1779–1843) написал в 1814 г. после обстрела Балтимора британскими военными кораблями.

«Таммани-холл» – исполнительный комитет нью-йоркского отделения Демократической партии, мощная закулисная организация.

Пауль фон Жуковски (Жуковский Павел Васильевич, 1845–1912) – русско-немецкий художник, сын поэта В. А. Жуковского.

...эктоплазменного посещения... – Эктоплазма (здесь) – светлая субстанция, своего рода пар, из которого материализуются призраки при медиумических сеансах.

Есть ли у вас новые соковыжималки?.. – «Соковыжималками» в Америке называли популярную модель смит-вессона с откидывающимся стволом. Для перезарядки револьвер переламывался, и открытый барабан придавал ему сходство с выжималкой для лимона.

...младших товарищей, скажем Поля Бурже... – Поль Бурже (1852–1935) – французский критик и романист; вместе с рядом других молодых писателей входил в круг преданных учеников и поклонников Джеймса.

«Между обедом и пригородными поездами» – цитата из «Трагической музыки» Генри Джеймса, где один из героев объясняет другому, почему пьесы, особенно современные пьесы, так примитивны: «Один из главных его [драматурга] законов: зрители должны успеть на пригородные поезда, которые перестают ходить в 11:30... Как можно раскрыть характер, идею, чувство между обедом и пригородными поездами?»

...писал Генриетте Ройбелл... – Генриетта Ройбелл (1849–1924) – богатая американка, хозяйка знаменитого парижского салона, близкая приятельница Генри Джеймса: ей адресовано более сотни его писем.

...замах у того как у отбивающего «Бостонских бобоедов» в схватке за титул чемпионов, а не как у игрока «Вашингтонских сенаторов», которые из года в год занимают последнее место. – «Бостонские бобоеды» – такое название носила в 1883–1906 гг. одна из старейших команд в американском профессиональном бейсболе. «Вашингтонские сенаторы» – бейсбольная команда, созданная в 1891 г. и распущенная восемь лет спустя из-за хронических проигрышей.

...останешься с гейдельбергским шрамом. – Студенты немецких университетов, и особенно Гейдельберга, были отчаянными бретерами, так что невозможно было встретить бурша без одного-двух шрамов на лице, которые так и назывались – гейдельбергские.

...давно предрекаемую, но никак не наступающую «Панику 93-го»... – Имеется в виду банковский кризис 1893 г., вызванный обвалом акций железнодорожных компаний и приведший к затяжной депрессии (на то время – худшей в истории США). Она развивалась в несколько этапов: первые признаки появились в феврале, но окончательный обвал произошел в первых числах мая.

ЕСЛИ МОЖЕТЕ ЖДИТЕ МЕНЯ... ЕСЛИ НЕ МОЖЕТЕ ВСЕ РАВНО ЖДИТЕ... – Ср.: Как-то воскресным вечером, в начале сентября 1903 года, я получил от Холмса характерное для него лаконичное послание: «Сейчас же приходите, если можете. Если не можете, приходите все равно. Ш. Х.» (Артур Конан Дойл. Человек на четвереньках. Перевод М. Кан).

...Нью-Йорк окончательно избавился от шайки Твида... – Уильям Мэйджир Твид (1823–1878) – лидер отделения Демократической партии в Нью-Йорке («Таммани-холла»). Вместе со своим окружением, так называемой «шайкой Твида», брал огромные взятки и напрямую воровал из федеральной казны, бюджета штата и города. В 1873-м осужден за коррупцию и умер в тюрьме, на строительстве которой в свое время крупно нажился.

Частные полицейские силы, созданные для Всемирной выставки

Дэниелом Бернемом. – Дэниел Бернем (1846–1912) – американский архитектор и градостроитель, директор работ по созданию Всемирной выставки 1893 г. в Чикаго.

...сгниют, как свадебный пирог мисс Хэвишем... – Мисс Хэвишем – персонаж романа Диккенса «Большие надежды», старуха, которая со дня своей неудавшейся свадьбы не снимает подвенечное платье и не убирает давно сгнивший свадебный пирог.

...«Скандал в Богемии» – такое нелепейшее название он выбрал, считая себя обязанным не называть члена английской королевской семьи. / – Я только дивлюсь, как ваш друг доктор Ватсон не написал, что король уходит, преследуемый медведем... – «Уходит, преследуемый медведем» – авторская ремарка из «Зимней сказки» Шекспира. Сцена происходит «на диком морском берегу в Богемии».

...нашему мэру в скором будущем, мистеру Картеру Генри Харрисону. – Картер Генри Харрисон-старший (1825–1893) – пятикратный мэр Чикаго, владелец «Чикаго тайм» с 1891 г. Во время Хеймаркетской бойни присутствовал на площади и убеждал полицейских разойтись и не трогать митингующих. Был убит накануне закрытия Колумбовой выставки человеком, который обиделся на него за то, что не получил желаемую должность.

Макклаффри, Роберт Уилсон (1839–1920), суперинтендант чикагской полиции в 1891–1893 гг. Видный реформатор американской пенитенциарной системы. Первым в Америке ввел бертильонаж, а позже и дактилоскопию.

...Эдмунду Райсу, командующему Колумбовой гвардией... – Эдмунд Райс (1842–1906) – американский военный, участник Войны Севера и Юга, Индейских войн, Испано-американской войны, Филиппино-американской войны. Командующим Колумбовой гвардией был во время недолгого промежутка между войнами. В отставку вышел в 1903 г. в чине бригадного генерала.

О нет, то не изменчивая луна над древесными кронами, мой влюбленный Ромео... – Ср.: «О, не клянись изменчивой луной» и «То не рассвет. То метеор лучистый» (У. Шекспир. Ромео и Джульетта. Перевод О. Сороки).

«Мэгги, уличная девчонка»... <...> ...звать его Стивен Крейн. – Книга эта, изданная Стивеном Крейном (1871–1900) за свой счет, принесла ему одни убытки, хотя была замечена многими выдающимися литераторами и критиками. Тем не менее всего через год (1894 – в журнале, 1895 – книгой) он опубликует «Алый знак доблести» – одно из величайших произведений

не только американской, но и мировой литературы.

Динамо и другие электрические генераторы совершенно заморозили пожилого историка. – В автобиографической книге «Воспитание Генри Адамса» (она была издана в 1907 г. крохотным тиражом для ближайших друзей и лишь после смерти Адамса в 1918-м стала достоянием широкой публики, сделалась чрезвычайно популярна и получила в 1919-м Пулицеровскую премию) Адамс посвятил динамо-машинам целую главу («Динамо-машина и Святая Дева») и описал свои переживания так: «Адамс видел в динамо-машине символ бесконечности. По мере того как он привыкал к огромной галерее, где стояли эти сорокафутовые махины, они становились для него источником той нравственной силы, каким для ранних христиан был крест» (пер. М. Шерешевской).

...призрак бледнолицего перестанет вас тревожить... – О том, что за призрак тревожил *вичаша вакана* по имени Паха Сапа, читатель может узнать из романа Дэна Симмонса «Черные Холмы» (2010).

Е. Доброхотова-Майкова

---

notes

Примечания

1

Извините, мсье. Я тебя не заметил (*фр.*).

Рагу из зайца с лапшой в крем-соусе из полбы, тарелка выдержанного сыра, конфитюр из инжира, кураги и чернослива, вымоченных в цейлонском чае, пряное фигурное печенье, шоколадный мусс (*фр.*).

«Долина страха». Перевод И. Бернштейн.

4

Первый завтрак (фр.).

«Его прощальный поклон». Перевод Н. Дехтеревой.

6

Фабрика механических и оптических товаров (нем.).

«Случай с переводчиком». Перевод Н. Вольпин.

«Гамлет». Перевод М. Лозинского.

Здесь и далее цитаты из «Союза рыжих» приведены в переводе М. и Н. Чуковских.

В русском переводе М. Бессараб, цитаты из которого приведены далее, – в Хирфордшире.

11

Дюймов, то есть 736 мм ртутного столба.

Перевод М. и Н. Чуковских.

Перевод Д. Лившиц.

Здесь и далее цитаты из «Медных Буков» приведены в переводе Н. Емельяниковой.

Целиком (лат.).

Перевод И. Бернштейн.

«Установление личности». Перевод Н. Войтинской.

«Принцип Дирихле в применении к римановой поверхности» (нем.).

Крытые въездные ворота для кареты или коляски (фр.).

Здесь и далее цитаты из «Оснований психологии» У. Джеймса приведены в переводе И. И. Лапшина.

Не плавать (на кораблях) – значит не существовать (*лат.*).

Рад знакомству (фр.).

Устрицы в раковинах, рюдесхаймер; зеленый черепаховый суп, амонтильядо; канапе с черной икрой, медок; омар по-мэрилендски, «Королевская хартия»; зобная железа теленка с грибами; седло барашка, картофель по-парижски, зеленая фасоль; куриные грудки; фуа-гра, бельвью; сорбе а-ля ромен; кло-де-вужо; сыр; неаполитанское мороженое, шато лафит, выдержанная мадера (*фр.*).

Так всегда будет с тиранами! (*лат.*)

«Свет вечной жизни – лицезренье Бога» (перевод А. Ревича).

Перевод М. Зенкевича.

За отсутствующих друзей (*лат.*).

Неприятный привкус во рту после выпитого (*фр.*).

По Э. Ворон. Перевод Л. Пальмина.

Письмо Джеймсу Хесси. Перевод С. Сухарева.

У. Шекспир. Бесплодные усилия любви. Акт III. Перевод Ю. Корнеева. Уиггинз – Мотылек цитирует слова пажа Мотылька с некоторыми изменениями и дополнениями.

Нет, ее сейчас дома нет (*пол.*).

У. Шекспир. Гамлет. Акт V, сц. 2. Перевод М. Лозинского.

У. Шекспир. Сон в летнюю ночь. Д. II, явл. 1. Перевод М. Лозинского.

У. Шекспир. Сон в летнюю ночь. Финал последнего акта (с изменениями).